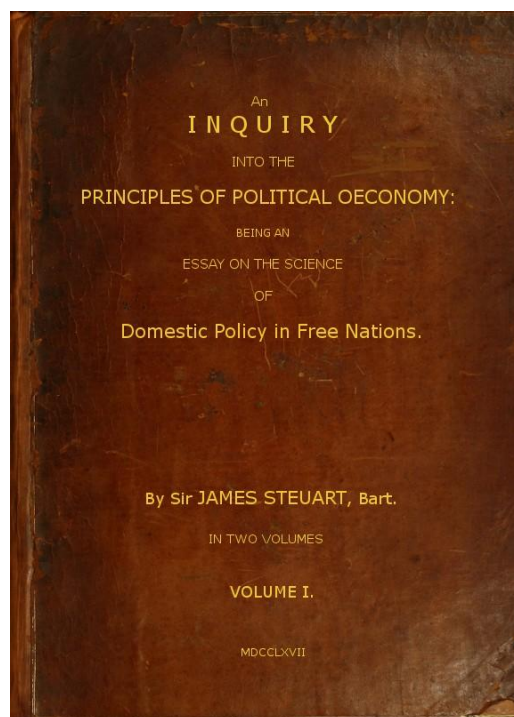

Исследование принципов политической
экономики (том 1 из 2),
представляющее собой эссе о науке
внутренней политики в свободных
странах. В котором, в частности,
рассматриваются население, сельское
хозяйство, торговля, промышленность,
деньги, монета, процент, обращение,
банки, биржа, государственный кредит
и налоги

Сэр Джеймс Стюарт

Электронная книга проекта "Гутенберг" о исследовании принципов политической экономики (том 1 из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Исследование принципов политической экономики (том 1 из 2)

Автор: Сэр Джеймс Стюарт

Дата выхода: 3 октября 2019 [Электронная книга № 60411]

Последнее обновление: 17 октября 2024

Язык: Английский

Кредиты: KD Weeks, MFR и Команда онлайн-корректоров

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ" (ТОМ 1 Из 2) ***

Примечание переписчика:

Сноски собраны в конце каждого абзаца и связаны для удобства использования.

Оглавление включает ссылки в Книге III на разделы, напечатанные в тексте в виде примечаний на полях (sidenotes). На каждую из них были даны ссылки, включая те, у которых нет явного номера страницы, обозначенные как "--", что служит дополнением.

Примечания на полях | Marginal notes | располагались либо слева, либо справа от текста, в зависимости от того, с какой стороны открытой книги делались комментарии. Все примечания появятся с правой стороны.

В текст были внесены опечатки. Перечисленные там исправления были внесены.

Незначительные ошибки, связанные с принтером, были исправлены. Пожалуйста, ознакомьтесь с [примечанием](#) переписчика в конце этого текста для получения подробной информации об устранении любых текстовых проблем, возникших при его подготовке.

Изображение обложки было создано путем наложения информации с титульного листа на оригинальную (и в остальном пустую) обложку.

Любые исправления обозначаются с помощью подчеркивания highlight. Наведение курсора на исправление приведет к появлению исходного текста в небольшом всплывающем окне.

Любые исправления указаны в виде гиперссылок, которые позволят читателю перейти к соответствующей записи в таблице исправлений в примечании в конце текста.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ЭССЕ О НАУКЕ внутренней политики в свободных странах, В КОТОРОМ, В ЧАСТНОСТИ, РАССМАТРИВАЮТСЯ НАСЕЛЕНИЕ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ДЕНЬГИ, МОНЕТА, ПРОЦЕНТЫ, ОБРАЩЕНИЕ, БАНКИ, ОБМЕН, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТ И НАЛОГИ.

Сэра ДЖЕЙМСА СТЮАРТА, барта .

Ore trahit quodcumque potest atque addit acervo. Hor. Lib. I. Sat. 1.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ I.

ЛОНДОН:

Напечатано для А. Миллара и Т. Каделла в "Стрэнд".

MDCCLXVII.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

С величайшей застенчивостью я представляю общественности эту попытку свести к принципам и превратить в регулярную науку сложные интересы внутренней политики. Когда я рассматриваю время и труд, затраченные на создание композиции, я склонен оценивать ее из эгоистичных соображений. Когда я сравниваю это даже со своими собственными способностями, я все равно думаю о нем положительно, по более веской причине; потому что он содержит краткое изложение самой ценной части всех моих знаний. Но когда я размышляю о величии моего предмета, каким незначительным кажется результат моего применения!

Таким образом, недостатки, обнаруженные в этой работе, будут, я надеюсь, объяснены несоразмерностью между масштабом начинания и моими способностями. Это было сделано на пределе возможностей, и если я потерпел неудачу, то, по крайней мере, справедливости ради можно сказать, что я потерпел неудачу в попытке, имеющей величайшее значение для человечества.

Я нигде не выражаю ни малейшего желания ухаживать за каким-либо конкретным государственным деятелем, на администрацию которого можно было бы намекнуть. Я свободно следую нити своих рассуждений, не склоняясь ни к популярным мнениям, ни к любой из бесчисленных систем, которые были сформированы теми, кто писал по отдельным разделам моего предмета. Теплота моего характера часто приводила меня к похвалам, когда я был доволен; но когда я чувствовал влияние дурного настроения из-за неудовлетворенности конкретными обстоятельствами, относящимися к странам, людям и вещам, которые я имел в виду во время написания, я редко считал уместным быть привередливым. Я, в общем, рассмотрел опасность ошибки, обвиняя или одобряя шаги какой-либо администрации, не будучи хорошо информированным обо всем сочетании обстоятельств, которые государственный деятель имел перед собой в то время.

Это сочинение является результатом многих лет, проведенных в путешествиях, и читатель найдет некоторые отрывки, в которых не соблюдено единство времени и места. Я мог бы с легкостью исправить их, если бы мне не посоветовали оставить их в качестве символов, указывающих на обстоятельства, при которых я писал, и тем самым подтверждающих подлинность определенных фактов.

Образ мыслей, также характерный для нескольких стран, где я жил, без сомнения, оказал влияние на то, что я написал об их обычаях: следовательно, работа, в целом, не будет соответствовать расхождению национальных мнений где бы то ни было; и об этом читателю следует знать, что он не может применять к внутренним обстоятельствам своей страны то, что предполагалось отнести к обстоятельствам других наций; и не приписывать то, что было непреодолимым эффектом моего опыта и убеждений, умышленному предубеждению.

Я читал многих авторов на тему политической экономики и старался извлечь из них все возможные уроки. В течение многих лет я путешествовал по разным странам и постоянно изучал их, ориентируясь на свой предмет. Я пытался вытянуть информацию из каждого, с кем я был знаком: это, однако, оказалось очень трудным делом до того, как я приобрел некоторые предварительные знания по своему предмету. Подобные трудности подтвердили для меня справедливость замечания лорда Бэкона о том, что тот, кто знает, как извлекать информацию, формулируя правильные вопросы, уже владеет половиной науки^[A].

А. Пруденс вопрошающий, димидиум научный.

Я не мог составить последовательного плана из различных мнений, с которыми я встретился: поэтому я был занят обобщением наблюдений, которые я случайно сделал в ходе своих путешествий, чтения и опыта. Из них я сформировал следующую работу, после устранения бесчисленных несоответствий и противоречий, которые, как я обнаружил, возникли в результате моих отдельных исследований в каждой конкретной отрасли.

Я наблюдал, как у стольких людей с годами снижаются знания, что я рано решил перенести на бумагу все, чему научился; и я привык прибегать к этому, как другие прибегают к своим

воспоминаниям. Единство объекта всех моих размышлений сделало эту практику более полезной для меня, чем она была бы для того, чьи исследования более обширны.

Тот, кто привык писать исключительно для собственного употребления, должен придерживаться более небрежного стиля, чем тот, кто посвятил язык своему изучению и кто пишет в надежде приобрести литературную репутацию. До самого недавнего времени я никогда не думал выступать в качестве автора; и при частом прочтении того, что я написал, мои исправления были сделаны главным образом в пользу наглядности: добавьте к этому, что язык, на котором я сейчас пишу, в течение многих лет был чужд тем, с кем я жил и общался. Когда эти обстоятельства сочетаются со сложностью моей темы, которая постоянно отвлекала мое внимание от всех языковых украшений, я льщу себя надеждой, что по крайней мере те из моих читателей, которые так же искренне, как я, проникаются духом этого произведения, искренне не заметят недостатка той элегантности, которая украшает стиль некоторых знаменитых авторов в наш августовский век. Я представляю это исследование общественности не более чем как эссе, которое может послужить материалом для работы в руках получше, чем у меня.

В нем содержатся только те наблюдения, которые были предложены общим взглядом на внутреннюю политику стран, которые я видел. Это предположение, и не более. Это грубый набросок грандиозного плана, правильность которого соответствует моей собственной проницательности, моему знанию предмета и размаху моих комбинаций.

Это идет немного дальше, чем сбор и систематизация некоторых элементов по наиболее интересным отраслям современной политики, таким как *население, сельское хозяйство, торговля, промышленность, деньги, монета, процент, обращение, банки, биржа, государственный кредит и налоги*. Принципы, выведенные из всех этих тем, кажутся сносно последовательными; и в целом это цепочка рассуждений, посредством которых я придерживался связи предметов настолько точно, насколько мог: но поскольку природа работы заключалась в дедукции принципов, а не в наборе институтов, я воспользовался возможностями, которые мои рассуждения предоставляли на моем пути, чтобы связать каждый принцип, по мере продвижения, с каждой частью исследования, к которой он мог относиться; и когда я обнаружил, что связь достаточно очевидна, я прекратил такие рассуждения, которые уводили бы меня от текущего объекта.

Когда принципы, столь небрежно применяемые в одной части к вопросам, предназначенным для последующего рассмотрения в другой, стали рассматриваться по-новому, они вовлекли меня в то, что может показаться многословием. Этого я считал совершенно неизбежным, когда меня привели к мыслям, которые были новыми для меня и, следовательно, такими, которые должны были стоить мне величайшего труда, чтобы сформулировать ясную и отчетливую точку зрения. Если бы я был мастером своего предмета при изложении, расположение всего было бы более кратким: но если бы это было так, я никогда бы не смог пройти через болезненную дедукцию, которая образует всю цепь моих рассуждений и от которой для многих читателей, медлительных в формировании комбинаций, в значительной степени зависит убежденность, которую она несет с собой: для немногих, опять же, более проницательных гениев, которым достаточно малейшего намека, чтобы раскрыть каждое следствие, прежде чем оно будет сделано, в намеке на Горация я приношу это извинение, *Clarus esse laboro, prolixus fio*.

Путь, по которому я пошел, был для меня новым после всего, что я прочитал по этому вопросу. Я исследовал то, что узнал от других, руководствуясь своими собственными принципами; и

поскольку я нашел, что это соответствует сопутствующим обстоятельствам, я пришел к выводу в их пользу. С другой стороны, когда я обнаруживал расхождение, мне немедленно сообщали о какой-нибудь ошибке, и я постоянно обнаруживал это из-за узости комбинаций, на которых она была основана.

Большая опасность впасть в ошибку по отдельным пунктам, относящимся к этому предмету, проистекает из того, что мы рассматриваем их в слишком ограниченном свете и не обращаем внимания на влияние сопутствующих обстоятельств, которые делают общие правила малоприспособленными. Люди состоятельные и знающие, знающие, редко упускают возможность последовательно рассуждать по любому вопросу; но когда их исследования связаны со сложными интересами общества, живость авторского гения способна помешать ему обратить внимание на разнообразие обстоятельств, которые делают неопределенными почти все выводы, которые он может сделать. Этому я приписываю привычку сталкиваться с тем, что французы называют *Системами*. Это не более чем цепочка случайных следствий, вытекающих из нескольких фундаментальных принципов, принятых, возможно, опрометчиво. Такие системы являются простым тщеславием; они вводят в заблуждение понимание и стирают путь к истине. Формируется индукция, из которой делается вывод, называемый принципом; но как только это делается, автор расширяет ее влияние далеко за пределы идей, доступных его пониманию, когда он делал свою дедукцию.

Несовершенство языка часто вовлекает нас в чисто словесные споры; и вместо того, чтобы остерегаться множества неизбежных двусмысленностей, сопровождающих самую аккуратную речь, мы вкладываем значительную часть наших знаний в школу и нашего остроумия, когда выступаем на мировой сцене, в проституцию языка. Ученый наслаждается туманностью, а остроумный - двусмысленностью. В общем, мы так много знакомимся со словами и так мало думаем, когда говорим и пишем, что знаки наших идей занимают место образов, которые они должны были представлять.

С каждым истинным утверждением, когда оно понято, должно быть принято *универсально*. Так происходит всегда, когда подтверждаются или отрицаются друг друга простые идеи. Никто никогда не сомневался в том, что звук является объектом слуха, а цвет - зрения, или что черное - это не белое. Но всякий раз, когда возникает спор относительно предложения, в котором сравниваются сложные идеи, мы часто можем быть уверены, что стороны не понимают друг друга. Роскошь, говорит один, несовместима с процветанием государства. Роскошь - источник благосостояния и счастья нации, говорит другой. На самом деле, возможно, в чувствах этих двух людей нет никакой разницы. Первые могут рассматривать роскошь как наносящую ущерб внешней торговле и разлагающую мораль народа. Другой может рассматривать роскошь как средство обеспечения занятости для тех, кто вынужден жить своим трудом, и содействия равномерному обращению богатства и средств к существованию среди всех классов населения. Если бы каждый из них обратил внимание на сочетание сложного представления другого о роскоши со всеми вытекающими отсюда последствиями, они сделали бы свои предложения менее общими.

Таким образом, разница во мнениях между людьми часто скорее кажущаяся, чем реальная. Когда мы сравниваем наши собственные идеи, мы постоянно видим их взаимосвязь с ясностью; но когда мы начинаем сообщать об этих взаимосвязях другим людям, часто бывает невозможно

выразить их словами, достаточно выразительными для точной комбинации, которую мы составили в нашем собственном сознании.

Учитывая это, я избегал, насколько это было возможно, осуждения тех мнений, которые я взял на себя смелость рассмотреть; потому что я исследовал только те, которые были выдвинуты людьми гениальными и известными: и поскольку все спорные вопросы касаются сравнения наших *идей*, если термины, которые мы используем для их выражения, были достаточно понятны обеим сторонам, большинству политических споров, я убежден, скоро пришел бы конец.

Здесь могут возразить, что мы часто принимаем то или иное мнение, не имея возможности привести для него достаточных оснований, и все же мы не можем заставить себя отказаться от него, хотя сталкиваемся с самыми вескими аргументами.

На это я отвечаю, что в таких случаях мы придерживаемся не нашего собственного мнения, а мнения других, полученного на доверии. Именно наше уважение к авторитету, а не к мнению, делает нас стойкими: ибо, если бы это мнение действительно было нашим собственным, мы не могли бы его не заметить или, по крайней мере, мы бы недолго терялись в воспоминаниях о почве, на которой оно построено. Но когда мы безоговорочно соглашаемся с какой-либо политической доктриной, для разума не остается места: тогда мы удовлетворяемся убеждением, что у тех, кому мы доверяем, есть достаточные причины для того, что они продвигают. Таким образом, хотя наше согласие неявно, мы не поддаемся убеждению; не потому, что мы не осознаем силу аргументов, приводимых против нашего мнения, а потому, что мы не осведомлены о силе тех, которые могут быть приведены в его поддержку: и как никто не продаст то, что ему принадлежит, не будучи предварительно проинформированным о его стоимости, так и никто не откажется от неявного мнения, не зная всего, что можно сказать в его защиту. К этому классу людей я не обращаюсь в своих расспросах.

Но я незаметно впадаю в метафизическую спекуляцию, чтобы доказать, что в политических вопросах людям лучше судить исходя из опыта и разума, чем из авторитета; объяснять свои термины, чем спорить о словах; и расширять их сочетания, чем следовать тщеславию, как бы оно ни было украшено названием систем. Насколько мне удалось избежать подобных дефектов, определит читатель.

Каждый писатель ценит себя за свою беспристрастность, потому что он не осознает своих оков. Странствующая и независимая жизнь, которую я вел, возможно, естественным образом освободила меня, в какой-то мере, от сильной привязанности к распространенным мнениям. Это можно назвать беспристрастностью. Но поскольку ни один человек не может считаться беспристрастным, кто склоняется на чью бы то ни было сторону, я был особенно настороже в отношении последствий такого рода негативной беспристрастности, поскольку я обнаружил, что иногда она уводит меня слишком далеко от того, к чему могли бы привести меня национальные предрассудки.

При обсуждении общих вопросов лучшим методом, который я нашел для поддержания справедливого равновесия в этом отношении, было отвести взгляд от страны, в которой я жил в то время, и судить об отсутствующих вещах по отсутствующему. Присутствующие объекты склонны вызывать слишком сильное восприятие, чтобы их можно было беспристрастно сравнить с теми, которые вызываются только памятью.

Когда у меня была возможность углубиться в какой-либо вопрос, касающийся предпочтения определенных форм правления перед другими, и коснуться вопросов, которые были предметом острых споров, я высказывал свое мнение свободно, когда это казалось уместным: и при постановке вопроса я старался избегать всех банальных и, если можно так выразиться, технических партийных терминов, которые не приносят никакой другой пользы, кроме как помогать спорящим в их попытках очернить друг друга и пустить пыль в глаза их читателям.

Иногда я так искренне проникаюсь духом государственного деятеля, что бываю склонен забывать о своем положении в обществе, в котором живу; и когда частный человек перечитывает политика, его естественное пристрастие к отдельным личностям заставляет его осуждать, как принципы Макиавелли, любое чувство, одобряющее принесение в жертву частных интересов в пользу общего плана.

Поэтому, чтобы примирить меня с самим собой в этом конкретном вопросе и не допустить, чтобы некоторые выражения, тут и там перемежающиеся, не произвели ни малейшего впечатления на читателя с тонкими чувствами, я должен заметить, что ничто не было бы так легко, как смягчить многие пассажи, где политик, по-видимому, выхватил перо из рук частного лица: но поскольку я пишу только для тех, кто может проследить за тщательными рассуждениями и обратить внимание на общий размах всего исследования, я намеренно не внес никаких исправлений; но продолжал рисовать в самых ярких красках, каждую деталь. неудобства, которые должны затрагивать определенных людей, живущих при наших свободных современных правительствах, всякий раз, когда мудрый государственный деятель берется за исправление старых злоупотреблений, происходящих от безделья, лени или мошенничества в низших классах, произвольной юрисдикции в высших и пренебрежения в администрации по отношению к интересам обоих. Чем более болезненно и опасно любое лечение, тем более осторожными должны быть люди, избегающие болезни. Это заставляет меня сказать несколько слов о связи между теорией морали и теорией политики.

Я утверждаю в качестве общей максимы, что характеристика благого поступка заключается в соответствии между мотивом и обязанностью действующего лица. Если бы на земле был только один человек, его долг не содержал бы никаких других предписаний, кроме тех, которые продиктованы себялюбием. Если он становится отцом, мужем, другом, его любовь к себе немедленно подпадает под ограничения: он должен воздерживаться от себя и отдавать своим детям; он должен знать, как пожертвовать некоторыми своими фантазиями, чтобы время от времени удовлетворять фантазии своей жены или своего друга. Если он становится судьей, магистратом, ему часто приходится забывать, что он друг или отец; а если он становится государственным деятелем, он должен пренебрегать многими другими привязанностями, более всеобъемлющими, такими как семья, место рождения и даже, в некоторых случаях, его родная страна. Его долг здесь становится соотношенным с общим благом того общества, главой которого он является: и поскольку смерть преступника не может быть вменена судье, который его выносит, то и особые неудобства, причиняемые отдельному лицу вследствие шага, предпринятого для общего реформирования, не могут быть вменены тому, кто стоит у руля правительства.

Если вас спросят, какую пользу могут принести подобные рассуждения государственному деятелю, которому они адресованы от начала до конца, я отвечу, что, хотя они кажутся адресованными государственному деятелю, реальная цель исследования - повлиять на дух тех,

кем он управляет; и разнообразие материала, содержащегося в них, может даже подсказать полезные подсказки для него самого. Но его собственный гений и опыт позволят ему перенести такие понятия далеко за пределы досягаемости моих комбинаций.

Я уже говорил, что рассматривал свою работу не более чем как холст, предназначенный для работы более умелыми руками, чем мои. Теперь, хотя содержащийся в нем набросок недостаточно точен, я все же добился некоторого прогресса, я думаю, в подготовке пути для других улучшить мой план, придумав надлежащие вопросы, которые должны быть решены людьми, имеющими опыт в практической части управления.

Поэтому я предоставляю мастерам науки корректировать и расширять мои идеи, а те, кто не посвятил принципы политики своему особому изучению, могут иметь возможность сравнить изложенное мною изложение их с общепринятыми мнениями по многим вопросам, имеющим большое значение для общества. Они, например, смогут судить, насколько можно с пользой увеличить население за счет увеличения числа браков и раздела земель; насколько разрастание столиц, больших и мелкобуржуазных поселений ведет к обезлюдению страны; насколько рост роскоши огорчает бедного трудолюбивого человека; насколько ограничения, налагаемые на торговлю зерном, способствуют достаточному снабжению всех наших рынков; насколько рост государственных долгов ведет нас к всеобщему банкротству; насколько отмена бумажных денег привела бы к снижению цен на все товары; насколько налоговый стремится повысить их ценность: и насколько уменьшение обязанностей является необходимым условием для обеспечения свободы и содействия процветанию и счастью народа.

Разве не чрезвычайно важно со всей откровенностью проанализировать операции, с помощью которых вся Европа была вовлечена в систему политики, столь широко отвергаемую и столь противоположную той, которую мы слышим ежедневно, рекомендуют как наилучшую? И показать, исходя из простых принципов здравого смысла, что наша нынешняя ситуация является неизбежным следствием духа и нравов нынешнего времени, и что она вполне совместима со всей свободой, достатком и процветанием, которыми когда-либо пользовалось любое человеческое общество в любую эпоху и при любой форме правления? Народ, приученный ожидать от государственного деятеля исполнения грандиозных планов, полных невозможности и противоречий, останется недовольным при правлении лучшего из Королей.

Читателю предлагается исправить следующие ошибки, особенно те, которые отмечены звездочкой *, которые полностью искажают смысл.

ОШИБКИ.

Стр   Строка.
ани
ца.

3.	32.	* преимущества, т. е. недостатки
73.	27.	были, р. из
85.	28.	* Это тот, г. Это не тот
89.	12.	* должен был прийти, р. сохранился

116.	12.	постановки, р. спонтанные постановки
145.	9.	* триал, р. Тироль,
147.	30.	its, г. их
172.	1.	* земля, р. телега
208.	29.	третий, р. четвертый
210.	6.	приземляется, р. руки
214.	4.	перемещение, г. удаление.
217.	2.	обороты, г. термины
229.	8.	* полезность, т. е. полезность
236.	19.	* менеджмент, р. бесхозяйственность
266.	21, 22.	они соответствуют, г. это соответствует
290.	2.	легко разводится, р. выведен рано
339.	21.	* предотвращение, г. продвижение
382.	10.	* работа стоимостью
391	8.	* далее, г. net
р.		
425.	27.	открывающий, р. дискурсирующий
430.	29.	эй, р. <i>чио</i>
То	30.	<i>мисуро</i> , р. <i>мисура</i>
же		
501.	3.	* физическая, р. политическая
То	27.	соревнование, р. состав.
же		
сам		
ое		
515.	17.	пропорции, г. предложения
552.	12.	* приведение, р. чеканка
601.	9.	* уменьшение, номинал
626.	31.	* революция, р. учреждение
637.	ульт.	} формально, г. ранее
638.	<i>prim.</i>	

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА

КНИГА I.

О населении и сельском хозяйстве.

Введение,	страница 1
Главы I. "Правительства человечества",	6
Глава II. О духе народа,	8
Глава. III. На каких принципах и от каких <i>естественных причин</i> размножается человечество; и каковы последствия продолжения рода в странах, где не обнаружено увеличения численности?	17
Глава IV. Продолжение той же темы в отношении естественных и непосредственных последствий сельского хозяйства в отношении численности населения,	21
Глава V. Каким образом и в соответствии с какими принципами и <i>политическими причинами</i> сельское хозяйство увеличивает численность населения?	26
Глава VI. Как потребности человечества способствуют их умножению,	31
Глава VII. Влияние рабства на размножение и занятость человечества,	36
Глава. VIII. Какая доля населения необходима для ведения сельского хозяйства и какая доля может быть с пользой занята в любом другом занятии?	41
Глава I. IX. Каковы принципы, регулирующие распределение жителей по фермам, хуторам, деревням, поселкам в городах?	46
Глава X. О последствиях возмещения ущерба двум основным классам народа, фермерам и свободным рабочим, в отношении их жилья,	50
Глава XI. О распределении жителей по классам; о занятиях и их умножении,	59
Глава XII. О большом преимуществе сочетания хорошо усвоенной теории и совершенного знания knowledge фактов с практической частью управления, чтобы заставить народ размножаться,	67

. XIII. Продолжение той же темы, касающейся необходимости иметь точные списки рождений, смертей и браков для каждого класса жителей современного общества,	75
Глава XIV. О злоупотреблениях в сельском хозяйстве и населении,	82
Глава XV. Применение вышеуказанных принципов к демографическому положению в <i>Великобритании</i> ,	95
Глава XVI. Почему некоторые страны считаются очень густонаселенными по сравнению с другими, столь же хорошо рассчитанными на улучшение?	101
Глава I. XVII. Каким образом и в какой пропорции изобилие и нехватка влияют на людей?	109
Глава II. XVIII. О причинах и последствиях того, что страна полностью заселена,	114
Глава XIX. Наносит ли внедрение машин в производство ущерб интересам государства или наносит ущерб населению?	119
Глава I. XX. Различные замечания по сельскому хозяйству и народонаселению,	124
Глава XXI. Краткое изложение первой книги,	149

КНИГА II.

О торговле и промышленности.

Введение,	161
Глава I. О взаимных связях между торговлей и промышленностью,	166
Глава II. О спросе,	172
Глава. III. О первых принципах бартера и о том, как это перерастает в торговлю,	175
Глава IV. Как цены на товары начинают определяться торговлей,	181

Глава V. Как внешняя торговля открывается для трудолюбивых людей и каковы последствия этого для купцов, которые ее начали,	184
Глава VI. Последствия введения пассивной внешней торговли среди народа, живущего в простоте и праздности,	190
Глава VII. О двойном соревновании,	196
Глава. VIII. О том, что называется расходами, прибылью и убытком,	205
Глава. IX. Общие последствия, к которым приводит торговая нация при открытии активной внешней торговли,	206
Глава X. О балансе труда и спроса,	216
Глава XI. Почему со временем это равновесие нарушается,	225
Глава XII. О конкуренции между нациями,	232
Глава. XIII. Насколько форма правления конкретной страны может быть благоприятной или неблагоприятной для конкуренции с другими странами в вопросах торговли,	237
Глава XIV. Безопасность, легкость и счастье - не неотъемлемые спутники торговли и промышленности,	250
Глава XV. Общий взгляд на принципы, на которые должен обратить внимание государственный деятель, решивший установить торговлю и промышленность на прочной основе,	261
Глава XVI. Иллюстрация некоторых принципов, изложенных в предыдущей главе, касающихся развития и поддержки внешней торговли,	272
Глава. XVII. Симптомы упадка во внешней торговле,	278
. XVIII. Методы снижения цен на промышленные товары, с тем чтобы сделать их доступными для продажи на зарубежных рынках,	283

Глава XIX. О зарождении внешней и внутренней торговли в отношении нескольких принципов, которые на них влияют,	301
ГлаваI. XX. О роскоши,	306
Глава XXI. О физических и политических потребностях,	311
Глава. XXII. Предварительные соображения по вопросу о внутренней торговле,	319
. XXIII. Когда нация, обогатившаяся за счет взаимной торговли мануфактурами с другими нациями, обнаруживает, что торговый баланс оборачивается против нее, в ее интересах полностью положить этому конец,	328
Глава. XXIV. Каков надлежащий метод положить конец внешней торговле мануфактурами, когда ее баланс оборачивается против нации?	336
Глава XXV. Когда богатая нация обнаруживает, что ее внешняя торговля сводится к товарам из натуральных продуктов, какому наилучшему плану следует следовать? И каковы последствия такого изменения обстоятельств?	343
. XXVI. О колебаниях баланса богатств между подданными современного государства,	359
Глава. XXVII. Обращение и баланс богатства - объекты, достойные внимания современного государственного деятеля,	374
Глава. XXVIII. Обращение, рассматриваемое в связи с повышением и падением цен на жизненные средства и изделия мануфактурной промышленности,	394
ГлаваI. XXIX. Обращение с иностранными государствами, то же самое, что торговый баланс,	414
Глава XXX. Различные вопросы и замечания, касающиеся торговли и промышленности,	426
Глава. XXXI. Краткое изложение второй книги,	482

КНИГА III.

О ДЕНЬГАХ И МОНЕТАХ.

ЧАСТЬ I.

Выведены принципы обращения денег и применены к монете Великобритании.

Введение,	523
Глава I. Сопутствующие деньги,	526
Что такое деньги	-
Определения	-
Деньги - шкала для измерения стоимости,	-
Принципы, определяющие ценность вещей.	527
Цены регулируются не количеством денег,	-
Но относительным соотношением между товарами и потребностями человечества,	528
Необходимость различать деньги и цену,	529
Сопутствующие деньги что и как изобретено,	-
Примеры этого,	531
Банковские деньги,	-
Деньги Анголы,	-
Глава II. Искусственных или материальных денег,	-
Полезность драгоценных металлов для изготовления денег,	532
Корректировка стандарта, что?	533
Унижать и повышать стандарты, что ли?	534
Изменение стандарта, как это обнаружить?	-
Сплава,	-
Глава. III. Неспособность металлов выполнять функции неизменной меры стоимости,	535
1. Они различаются по своей относительной ценности друг к другу,	-
Все меры должны быть неизменными,	-
Последствия при их изменении,	536
Дефекты серебряного стандарта,	537
Аргументы в его пользу,	-
Ответы на эти аргументы,	538

Полезность универсальной меры,	539
Они имеют две ценности, одну как монета, а другую как металл,	540
Меньшие неудобства, связанные с материальными деньгами,	-
Они изнашиваются в обращении,	-
Они неточно отчеканены,	541
Чеканка монеты увеличивает ее стоимость, не увеличивая ее веса,	-
Стоимость монеты может быть произвольно изменена,	-
Торговая прибыль от мельчайших дефектов монеты,	-
 Глава IV. Методы, которые могут быть предложены для уменьшения ряда неудобств, которым подвержены материальные деньги,	 542
Использование теории в политических вопросах,	-
Пять средств против последствий разницы в стоимости металлов,	-
Средства против других неудобств,	544
Против ношения монеты,	-
От неточности чеканки,	-
От дороговизны чеканки,	-
От произвольных изменений стоимости монеты,	545
 Глава V. Колебания, которым подвергается стоимость денежной единицы из-за каждого беспорядка в монете,	 -
Как изменяется рыночная цена металлов,	-
Изменение следует относить к <i>росту</i> металла, а не к <i>падению</i> ,	546
Как изготавливается сопутствующая денежная единица. отличаться по своей ценности от разнообразия металлов,	547
Следствий этого,	-
Истинная единица измерения - это среднее значение, пропорциональное стоимости металлов,	--
Единица, которая будет привязана к средней пропорции при новой чеканке, а не после смены металлов,	548
Лучше прикреплять единицу к одному, чем к обоим металлам,	549
Вариации, которым подвергается денежная единица из-за износа монеты,	-
Вариации, которым подвергается денежная единица из-за неточности изготовления денег,	550
Вариации, которым подвергается денежная единица из-за введения чеканки,	551
При введении чеканки слитки должны быть дешевле чем монета,	-
Исключение из этого правила,	552

Изменение, которому подвергается денежная единица в результате произвольных операций правителей по повышению и обесцениванию монеты,	-
Глава VI. Как колебания внутренней стоимости денежной единицы должны влиять на все внутренние интересы нации,	553
Как эти колебания влияют на интересы должников и кредиторов,	-
Ошибка мистера Локка,	555
Когда стоимость денежной единицы уменьшается, проигрывают кредиторы; когда она увеличивается, проигрывают должники,	556
Глава VII. Беспорядка в британской монете, поскольку это приводит к переплавке или вывозу звонкой монеты,	558
Дефектов в британской монете,	-
Стандарта английской монеты и денежной единицы,	-
Фунт стерлингов по закону содержит 1718,7 грана тройской пробы серебра,	559
гиней - 118,644 грана чистого золота,	-
Чеканка монет в Англии бесплатна,	-
Стандарт, не прикреплявшийся к золотой монете до 1728 года,	560
Последствия этого постановления для обесценивания стандарта,	-
Что должники будут платить не серебром, а золотом,	-
Что некоторые люди рассматривают монету как сопутствующие деньги,	561
Другие рассматривают ее как металл,	-
Операции менял, когда монета отклоняется от рыночной пропорции металлов или от установленного законом веса,	562
Они плавятся, когда металлы в ней неправильно распределены,	-
И когда монета неодинакова по весу,	-
Почему серебряные слитки дороже монет,	-
Потому что этот вид поднялся в рыночной цене как слитки, а не как монета,	563
Что регулирует цену слитков?	564
1. Внутренняя стоимость валюты,	--
2. Спрос на экспорт слитков,	565
3. Или на изготовление пластин,	-
Размен <i>повышается</i> , а цена чеканки <i>падает</i> на слитки,	-
Продолжение операций меняльщиков: их правило переплавки монеты,	566
Цена в гинейх равна цене 65 шиллингов за фунт тройский,	-

Когда гиней можно переплавлять с прибылью,	-
Серебро экспортируется предпочтительно в золото,	567
Это вредно, когда сделано иностранцами,	-
Парень. VIII. О беспорядке в британской монете, поскольку это влияет на стоимость фунта стерлингов,	568
Два легальных фунта стерлингов в Англии,	-
И некоторых других, вследствие износа монеты,	569
Почему любая серебряная монета остается в Англии,	-
Текущая стоимость фунта стерлингов определяется торговыми операциями,	-
К средней стоимости всех валют,	570
Обменять хорошую меру на стоимость фунта стерлингов,	-
Использование бумажных денег, не наносящих ущерба стандарту,	571
Фунт стерлингов регулируется не законом, а средней стоимостью текущих денег,	-
Почему обмен происходит так часто по отношению к Англии,	-
Как рыночная цена слитков отражает стоимость фунта стерлингов,	-
Шиллинги в настоящее время весят не более $\frac{1}{65}$ фунта тройского,	572
И носятся на 4,29 тройских грана легче своего стандартного веса,	-
Фунт стерлингов в настоящее время стоит не более 1638 гранов тройской пробы серебра, в зависимости от цены слитков,	573
И в зависимости от курса обмена,	-
Шиллинги, отчеканенные по 65 в фунт-тройский, был бы пропорционален золоту,	574
Что показывает, что стандарт был обесценен,	-
И что сохранение его там, где он есть, не является новым обесценением,	-
Доказательство того, что стандарт был обесценен законом,	575
И в настоящее время снижен до стоимости золота,	-
Глава. IX. Исторический отчет о разновидностях британской монеты,	576
Смысл этого трактата не в том, чтобы диктовать, а в том, чтобы выяснить,	-
Как беспорядок в монете может быть устранен без неудобств,	-
Заставляя саму нацию выбирать средство,	577
Если отступить от нынешнего стандарта, все остальные, на которые можно было бы сделать ставку, произвольны,	-
Люди воображают, что нынешний стандарт такой же, как у королевы Елизаветы,	578

Ухудшения стандарта во время реформации,	-
Возведен Эдуардом VI.	-
Унижен Елизаветой,	-
Поддержан ее преемниками,	-
Пока не был отменен из-за отсечения, после революции,	579
схема Лондеса, опровергнутая Локком: стандарт, повышенный до уровня Елизаветы, и последствия этой меры,	580
серебра росли с начала этого столетия,	-
Английский стандарт был понижен законом с 1726 года,	-
В этом пренебрежении следует винить главным образом интересы торговли,	581
Понижение стандарта влияет главным образом на постоянные контракты,	-
И предотвращает рост цен, как им следовало бы,	-
 Глава X. О беспорядке в британской монете, поскольку это влияет на обращение золотой и серебряной монеты, и о последствиях снижения стоимости гиней до двадцати шиллингов,	582
Почему серебряная монета так дефицитна,	583
Последствия установления гиней по 20 шиллингов, что касается обращения,	-
Из-за этого монета вообще исчезнет,	584
Как легкие шиллинги покупаются на вес,	-
Последствия для обращения с торговцами и банкирами,	585
Что гиней по-прежнему будут продаваться за 21 шиллинг,	--
Что штандарт будет прикреплен к светлому серебру, как это было в 1695 году,	--
Что торговцы выиграют от этого,	586
Должники разорятся,	-
Последствия для банка,	-
Снизить стоимость гиней до 20 шиллингов - это то же самое, что превратить их в товар,	587
 Глава XI. Метод восстановления денежной единицы до стандарта Елизаветы и последствия этой революции,	-
Как установить фунт стерлингов по стандарту королевы Елизаветы,	-
Последствиями этой реформы будет повышение стандарта <i>на 5 процентов</i> .	588
Каждый интерес в стране в равной степени заслуживает защиты,	589

Те, кто страдает из-за снижения стандартов,	-
Должны извлечь выгоду только из реституции,	590
А не весь класс кредиторов,	-
Чьи требования должны подлежать обращению,	591
Согласно справедливости и беспристрастности,	-
 Глава XII. Возражения заявлено вопреки принципам, изложенным в этом запросе, и ответам на них,	592
Что фунт всегда будет рассматриваться как фунт,	593
Что стандарт в настоящее время не обесценился и закреплён в статуте, а не в монете,	-
Что фунт стерлингов фактически стоит 1718,7 грана чистого серебра,	-
Что эти принципы подразумевают постепенное обесценивание стандарта с каждой новой чеканкой,	594
Что тот же аргумент справедлив для обесценивания стандартных мер веса, вместимости и т.д.	-
Что износ монеты ложится на тех, кто владеет ею в данный момент, но не обесценивает стандарт,	-
Что внутренние сделки, а не цена слитков или обменный курс, регулируют стандарт,	-
Что государственная валюта поддерживает ценность монеты,	-
Что эта схема такая же, как у Лоундса,	-
Ответы на эти возражения,	595
Что фунт будет рассматриваться по его стоимости всеми должниками и теми, кто покупает,	-
Если бы стандарт был прикреплен к статуту, люди были бы обязаны платить по весу,	-
Ни одно лицо не может быть обязано платить 1718,7 грана чистого серебра за фунт стерлингов,	596
Что не регулирование монетного двора, а беспорядок в обращении монеты должен снизить стандарт,	-
Что люди обязаны измерять стандартным весом, но не обязаны платить стандартным фунтом,	597
Чтобы потеря легких денег, когда они будут востребованы, не ложилась на владельцев,	-
Что внутренние операции не могут поддерживать стандарт там, где есть спекулянты деньгами или внешняя торговля,	599
Что государственная валюта поддерживает авторитет монеты, а не стоимость фунта стерлингов,	601

Что схема аналогична, хотя и не совпадает с схемой Лоундса,	602
Лоундс рассуждал на основе неправильных принципов,	-
Локк уделял внимание поддержке стандарта, не обращая внимания на последствия,	-
Политические обстоятельства сильно изменились,	604
Согласование двух мнений,	606
Спорный вопрос не понят,	607
Не учитывается истинная характеристика изменения стандарта,	-
Принципы не приведут в действие без помощи государства,	608
Когда люди понимают друг друга, они вскоре соглашаются,	-
Постоянные контракты в споре приравниваются к продаже,	609
Интересы кредиторов всегда являются преобладающими и определяют мнение нации,	611
При мен ение при нци пов к опер ация м, кото рые голл анд цы неда вно про изве ли со свое й мон етой ,	612
Все решения в политических вопросах зависят от обстоятельств,	613
. XIII. В каком смысле можно сказать, что стандарт был обесцениваем законом; и	614

в каком смысле можно сказать, что он постепенно обесценивался под действием политических причин,

Эти пропорции кажутся противоречивыми,

-

Обесценивается законом, когда прикрепляется к золоту,

615

Эффекты, которые изменение пропорции металлов оказывает на переплавку монеты и регулирование платежей,

-

Платежи, осуществляемые банкирами, регулируют все остальные,

—

Стандарт постепенно снижался из-за повышения курса серебра,

616

Соотношение металлов в 1728 году, предположительно, составляло 15,21 к 1.,

-

С какой прогрессией серебряный стандарт был обесценен,

-

Стандарт Елизаветы для фунта стерлингов составлял 1718,7 гран серебра и 157,6 то же самое для золота, оба - тонкой пробы,

617

Золотой
стандарт ее
фунта
стерлингов
в
настоящее
время
составляет
2285,5
грана
чистого
серебра,

- -----Изменение металлов привело к появлению трех различных стандартов Елизаветы,

-

Один стоит 1011 фунтов стерлингов в нынешней валюте,

618

То же самое стоит еще 1 7-10 фунтов стерлингов,

—

И третий
стоит 145
фунтов
стерлингов

,

Последний является истинным стандартом Елизаветы для фунта стерлингов и стоит в настоящее время 2002 грана чистого серебра и 138 гран золота,

-

Но может меняться в каждый момент,

619

Золото росло в течение всего 17 века,

-

, А серебро подорожало с начала этого столетия,

-

Некоторые позиции резюмированы,

620

Глава XIV. Обстоятельства, подлежащие участию в постановлении английская монета в пять шиллингов,	621
принятия стандарта Елизаветы, имеет воздушный правосудия,	--
преимущества Мария II.,	--
преобразования, необходимые в каждом конкретном случае,	622
путешествия в пределах государства подлежит рассмотрению,	--
высадились интересом рассматривали,	--
интерес публики кредиторов рассмотрены,	625
интерес торговли изучили,	628
интерес покупателей и продавцов осмотрел,	--
интерес банка изучили,	629
неудобства посещение всех инноваций,	632
аргумент за сохранение стандарта в нынешнее значение,	--
что всякое изменение должно либо навредить банка, или	--
государственными кредиторами,	
более простой способ внесения изменений по стандарту,	633
 Глава II. XV. Правила, на которые принципы настоящего исследования указывают как на целесообразность введения в действие нового закона о регулировании британской монеты,	634
1. Регулирование стандарта,	-
2. Что касается веса,	...
3. Цена от монетного двора,	--
4. Номиналы,	635
5. Обозначение веса на монетах,	-
6. Свобода устанавливать оплату золотом или серебром,	-
7. Кредиторы могут потребовать выплаты наполовину золотом, наполовину серебром,	-
8. Правила продажи,	-
9. То же самое относительно платежей в банки и из них и т.д.,	-
10. Все монеты должны иметь полный вес при выплате,	-
11. Свобода переплавлять или экспортировать монеты, но смерть обрезать или отмыть,	—
-----12. Правило изменения монетной цены металлов,	636
13. Когда менять цену на монетный двор,	-
14. Правило изменения номинала монет,	-
15. Как должны быть признаны недействительными контракты после	-

изменения наименования,

16. Вес нескольких монет никогда не должен изменяться, за исключением общей перечековки по крайней мере одного номинала, 638

Как эти правила сохраняют неизменную стоимость фунта стерлингов во все времена и как можно избежать дробей в номинале монет, -

17. Мелкие монеты должны быть в обращении только в течение 20 лет, а крупные монеты - в течение 40 и более лет, 639

18. Все иностранные монеты выдавать только за слитки, -

Последствия этих правил, -

AN

ЗАПРОС

В

ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ.

КНИГА I. О НАСЕЛЕНИИ И СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

Введение.

Экономика в целом - это искусство обеспечивать все потребности семьи с благоразумием и бережливостью.

Если обнаруживается недостаток в какой-либо необходимой или полезной вещи, если какая-либо предоставленная вещь теряется или используется не по назначению, если какой-либо слуга, какое-либо животное являются лишними или бесполезными, если кем-либо больным или немощным пренебрегают, мы немедленно ощущаем недостаток экономики. Следовательно, цель этого в частной семье состоит в том, чтобы обеспечить питание, потребности других и занятость каждого человека. Во-первых, для хозяина, который является главой и руководит всем; затем для детей, которые интересуют его превыше всего остального; и, наконец, для слуг, которые, будучи полезными для главы и необходимыми для благополучия семьи, следовательно, имеют право стать объектом заботы хозяина.

Всей экономикой должен руководить глава, который является одновременно господином и распорядителем семьи. Однако необходимо, чтобы эти две должности не смешивались друг с

другом. Как господин, он устанавливает законы своей экономики; как управляющий, он приводит их в исполнение. Как лорд, он может сдерживать всех в доме и отдавать свои приказы так, как считает нужным; как управляющий, он должен вести себя мягко и обходительно и связан своими собственными правилами. Чем лучше специалист по экономике, тем больше единообразия ощущается во всех его действиях и тем меньше он позволяет себе отступать от установленных правил. Он не такой мастер, чтобы нарушать законы своей экономики, хотя во всех отношениях он может удерживать каждого человека в доме в самом точном подчинении своим командам. Следовательно, экономика и правительство, даже в частной семье, представляют собой две разные идеи, а также преследуют две разные цели.

Что такое экономика в семье, то политическая экономика в государстве: с теми существенными отличиями, однако, что в государстве нет слуг, все - дети; что семья может быть сформирована, когда и как мужчине заблагорассудится, и он может установить тот план экономики, который считает подходящим; но государства оказываются сформированными, и их экономика зависит от тысячи обстоятельств. Государственный деятель (это общий термин, обозначающий главу в зависимости от формы правления) не является ни хозяином, устанавливающим ту экономику, которую ему заблагорассудится, ни при осуществлении своей возвышенной власти отменяющим по своему желанию установленные в ней законы, пусть он и самый деспотичный монарх на земле.

Следовательно, великое искусство политической экономики состоит в том, чтобы сначала приспособить различные ее операции к духу, манерам, привычкам и обычаям народа, а затем смоделировать эти обстоятельства таким образом, чтобы иметь возможность ввести набор новых и более полезных институтов.

Основная цель этой науки состоит в том, чтобы обеспечить определенный жизненный фонд для всех жителей, устранить все обстоятельства, которые могут сделать его ненадежным; обеспечить все необходимое для удовлетворения потребностей общества и использовать жителей (предполагая, что они свободные люди) таким образом, чтобы естественным образом создавать взаимные отношения и зависимости между ними, чтобы их многочисленные интересы побуждали их удовлетворять взаимные потребности друг друга.

Если принять во внимание разнообразие, встречающееся в разных странах в распределении собственности, подчинении классов, гениальности людей, исходя из разнообразия форм правления, законов и нравов, можно заключить, что политическая экономика в каждой из них неизбежно должна быть разной и что принципы, какими бы универсально верными они ни были, могут оказаться совершенно неэффективными на практике без достаточной подготовки духа народа.

Дело государственного деятеля - судить о целесообразности различных экономических схем и постепенно формировать умы своих подданных таким образом, чтобы побудить их, руководствуясь личными интересами, согласиться с выполнением его плана.

Мыслящий человек, который, удалившись от практики, извлекает принципы этой науки из *наблюдения и размышления*, должен, насколько это возможно, отказаться от всякого предубеждения в пользу устоявшихся мнений, какими бы разумными они ни были, применительно к конкретным нациям: он должен сделать все возможное, чтобы стать гражданином мира, сравнивая обычаи, детально исследуя институты, которые кажутся

одинаковыми, когда в разных странах обнаруживается, что они производят разные эффекты: он должен исследовать причину таких различий с предельным усердием и вниманием. Именно из таких исследований открываются истинные принципы.

Тот, кто возьмется за перо по этому предмету, не забывая обычаев своей собственной или какой-либо другой страны, более естественно приступит к описанию какой-либо конкретной системы в этой области, чем к рассмотрению принципов науки в целом: он будет приветствовать те учреждения, которые, по его мнению, управляются правильно у себя дома; он осудит те, которые управляются со злоупотреблениями; но, не сравнивая различные методы выполнения одного и того же плана в разных странах, ему будет нелегко отличить недостатки, *mind* недостатки, которые существенны для данного учреждения, от тех, которые проистекают из злоупотреблений. По этой причине земельный налог вызывает негодование француза, а акциз - англичанина. Тот, кто изучит выполнение того и другого в каждой стране и в каждой отрасли управления, обнаружит реальные последствия этих ограничений и сможет отличить то, что проистекает из злоупотреблений, от того, что существенно для бремени.

Нет ничего более эффективного для подготовки духа народа к принятию хорошего плана экономики, чем его надлежащее представление. С другой стороны, нет ничего лучше, чем держать в страхе государственного деятеля, стоящего во главе дела.

Когда принципы хорошо поняты, ясно видны реальные последствия обременительных институтов: когда цели, для которых они предназначены, не достигаются, злоупотребления администрации государственного деятеля становятся ощутимыми. Тогда люди будут кричать не столько против навязывания, сколько против неправильного применения. Это будет не налог на землю в размере четырех шиллингов с фунта и не акцизы на вина и табак, которые вызовут ропот нации; это будет расточительное расточительство и неправильное применение суммы этих налогов после того, как они будут введены. Но когда принципы неизвестны, все исследования прекращаются в тот момент, когда нация может быть привлечена к выполнению этого бремени. То же самое касается любой другой части этой науки.

Указав на цель моего исследования, я только добавлю, что мое намерение состоит в том, чтобы придерживаться главным образом четкой дедукции принципов и краткого применения их к знакомым примерам, чтобы по возможности избежать абстракции. Далее я намерен ограничиться теми частями этого обширного предмета, которые покажутся наиболее интересными в общей системе современной политики, о которой я буду говорить с тем духом свободы, который с каждым днем все больше и больше господствует во всех вежливых и процветающих нациях Европы.

Когда я сравниваю элегантные спектакли, появившиеся в Великобритании и Франции, с моей сухой и отвлеченной манерой трактовать ту же тему простым языком, лишенным украшений, признаюсь, я по многим причинам обескуражен. Если я вынужден излагать в качестве фундаментальных принципов наиболее очевидные истины, я боюсь быть обвиненным в педантизме и в попытке превратить здравый смысл в науку. Если я буду следовать этим принципам в мельчайших деталях, то могу показаться ничтожеством. Поэтому я надеюсь, что читатель поверит мне, когда я скажу ему, что эти недостатки не ускользнули от моего внимания, но что мой гений, характер работы и связь с предметом вынудили меня писать в таком порядке и в таком стиле, когда все было принесено в жертву наглядности.

Моей главной целью будет обнаружить истину и дать возможность моему читателю прикоснуться к тому самому звену цепи, в котором я могу в любой момент сбиться с пути.

Моим делом будет не поиск новых мыслей, а последовательное рассуждение; и если что-то новое и будет найдено, то это будет в выводах.

Длинные шаги в политических рассуждениях приводят к ошибке; подробные рассуждения утомительны и многим кажутся тривиальными: однако таков, должно быть, мой план, и мое утешение в том, что чем дальше я продвигаюсь, тем интереснее становлюсь.

Каждое предположение должно рассматриваться как строго соотносимое с предполагаемыми обстоятельствами; и хотя, чтобы предотвратить неправильное применение и по возможности избежать абстрагирования, я часто использую примеры для иллюстрации каждого принципа, все же они, взятые из фактических фактов, должны предполагаться лишенными всякого постороннего обстоятельства, несовместимого с предположением.

Я не буду оспаривать никакого особого мнения в таких сложных вопросах, хотя иногда я могу привести их в обзор, чтобы указать, насколько я отличаюсь от них.

Я не претендую на формирование какой-либо системы, но, следуя последовательности принципов, согласующихся с природой человека и друг с другом, я попытаюсь предоставить некоторые материалы для формирования хорошей системы.

ГЛАВА I.

Об управлении человечеством.

Мы видим, что человек действует одинаково во все века, во всех странах и в любом климате, руководствуясь принципами личного интереса, целесообразности, долга или страсти. В этом он похож, ни в чем другом.

Эти мотивы человеческих действий порождают такое разнообразие комбинаций, что, если мы рассмотрим несколько видов животных в творении, мы не найдем особей ни в одном классе, столь непохожих друг на друга, как человек на человека. Поэтому неудивительно, что люди расходятся во мнениях относительно всего, что имеет отношение к человеку.

Поскольку это благородное животное является существом общительным как по необходимости, так и по склонности, мы также обнаруживаем, что во все эпохи, климаты и страны среди них устанавливались определенные формы правления и подчинения. И здесь мы снова сталкиваемся со столь же большим разнообразием, сколь различны общества; однако все согласны в том, что цель *добровольного* подчинения власти заключается в содействии общему благу.

Постоянный и непрерывный опыт доказал человеку, что добродетели и справедливости в тех, кто правит, достаточно, чтобы сделать общество счастливым при любой форме правления. Добродетель и справедливость применительно к правительству означают не более чем нежную привязанность ко всему обществу и точное и беспристрастное соблюдение интересов каждого класса.

Все действия, да и вообще все вещи, хороши или плохи только в зависимости от отношения. Нет ничего более сложного, чем отношения, когда их рассматривают применительно к обществу, и нет ничего более трудного, чем обнаружить истину, когда она вовлечена в эти отношения и смешана с ними.

Мы не должны делать из этого вывод, что каждая операция правительства становится проблематичной и неопределенной в отношении своих последствий: некоторые из них явно хороши; другие заведомо плохи: средние термины всегда наименее существенны, и чем более сложными они кажутся проницательному глазу, тем более тривиальными они оказываются по своим непосредственным последствиям.

Правительство должно постоянно действовать, и одним из основных объектов его внимания должны быть последствия и результативность новых институтов.

Только опыт покажет то, чего человеческое благоразумие не могло предвидеть; и ошибки должны исправляться так часто, как того требует целесообразность.

У всех правительств есть то, что они называют своими фундаментальными законами; но фундаментальные, то есть неизменные законы, никогда не могут существовать среди людей, это самая изменчивая вещь, которую мы знаем: единственный фундаментальный закон, *salus populi*, всегда должен быть относительным, как и все остальное. Но это скорее максима, чем закон.

Однако целесообразно, более того, абсолютно необходимо, чтобы в каждом государстве определенные законы считались фундаментальными и неизменными: как для того, чтобы служить ограничителем честолюбия отдельных лиц, так и для того, чтобы указать государственному деятелю внешние черты или наброски того плана правления, который, как показал опыт, наилучшим образом соответствует духу его народа.

Такие законы можно даже считать фактически неизменными, пока государство существует без потрясений или революций: потому что тогда изменения происходят настолько постепенно, что становятся незаметными для всех, кроме самых проницательных, которые сравнивают обычаи и манеры одного и того же народа в разные периоды времени и при разных сочетаниях обстоятельств.

Поскольку мы приняли как должное фундаментальную максиму, согласно которой каждое действие правительства должно быть рассчитано на благо народа, мы можем с равной уверенностью решить, что для того, чтобы сделать народ счастливым, им нужно управлять в соответствии с духом, который преобладает среди них.

Далее я объясню, что я подразумеваю под духом народа, и покажу, как далеко этот дух должен зайти, чтобы влиять на управление каждым обществом.

ГЛАВА II.

О духе народа.

Дух народа формируется на основе набора общепринятых мнений относительно трех объектов; морали, правительства и манер: они, некогда общепринятые любым обществом, подтвержденные долгой и постоянной привычкой и никогда не ставящиеся под сомнение, составляют основу всех законов, регулируют форму любого правительства и определяют то, что обычно называют обычаями страны.

Чтобы узнать народ, мы должны изучить его в общих чертах. Мы с легкостью приобретаем знания об их морали, консультируясь с догматами их религии и с тем, чему их учат авторитетом и под руководством.

Вторая, или правительство, более замаскирована, поскольку она постоянно меняется в зависимости от обстоятельств, частично обусловленных внутренними, а частично внешними соображениями. Доскональное знание их истории и беседы с их государственными деятелями могут дать тому, кто имеет доступ к этим справкам, очень компетентные знания в этой области.

Последнее, или знание нравов народа, безусловно, труднее всего приобрести, и все же оно наиболее открыто для наблюдения каждым человеком. Каждый житель страны полагает, что определенные обстоятельства, касающиеся хороших манер, настолько хорошо известны, что им так часто следуют и их соблюдают, что кому-либо редко приходит в голову сообщать о них незнакомцу. В одной стране нет ничего более вредного, чем удар палкой или даже жест, подразумевающий намерение нанести удар^[B]: в другой стране удар - это ничто, но оскорбительное выражение недопустимо^[C]. Невинная вольность с прекрасным полом, которая в одной стране проходит без порицания, в другой рассматривается как высшее унижение^[D].

B. Франция.

C. Германия.

D. Испания.

В общем, мнение народа относительно обид устанавливается только обычаем, и нет ничего более необходимого в управлении, чем пристальное внимание ко всем обстоятельствам, характерным для народа, которым нужно управлять.

Королевство Испания было потеряно из-за насилия, совершенного над целомудрием^[E]; город Генуя за удар^[F]; королевства Неаполь и Сицилия когда-либо были готовы к восстанию потому что, находясь в течение многих веков под властью чужеземцев, народом никогда не управляли в соответствии с истинным духом его нравов. Давайте обратимся к революциям всех стран, и мы обнаружим, что самые незначительные обстоятельства оказали большее влияние на событие, чем более весомые причины, которые всегда выдвигаются в качестве реальных мотивов. Мне нет необходимости распространяться на эту тему, мое намерение состоит лишь в том, чтобы предложить идею, которой может следовать каждый и которая будет применяться во многих случаях по мере нашего продвижения; ибо невозможно рассматривать какой-либо вопрос, касающийся политической экономики нации, не сопроводив пример некоторым предположением относительно духа народа. Я возвращаюсь.

Е. Родриго, последний король готской династии.

Г. Дано австрийским офицером гентуэцу, что вызвало восстание 1747 года, в результате которого немцы были изгнаны из города.

Я уже говорил, что самое трудное, что можно узнать о народе, - это дух его манер. Следовательно, незнакомцу труднее всего перенять их манеры. Мужчины овладевают языком, нет, даже избавляются от иностранного акцента, прежде чем утрачивают странность своих манер. Причина проста. Склонности должны измениться, вкус к развлечениям должен быть смоделирован по-новому; устоявшиеся принципы правления, манеры, нет, даже некоторые моральные поступки должны претерпеть определенные новые изменения, прежде чем разговор и поведение незнакомца станут соответствовать духу людей, с которыми он живет.

Исходя из этих соображений, мы можем найти причину, по которой нет ничего более тяжелого, чем правительство победителей, несмотря на все их попытки стать угодными побежденным. Этот опыт всегда подтверждал истину, и государи настолько убеждены в этом, что, когда в наши дни страна покоряется или когда в ней иным образом меняются хозяева, редко возникает вопрос об изменении, разве что очень медленно и на длительный срок, установленных законов и обычаев жителей. Я мог бы с уверенностью сказать, что на земле нет формы правления, столь превосходной самой по себе, которая обязательно делала бы людей при ней счастливыми. Сама по себе свобода, навязанная народу, стонущему под тяжестью величайшего рабства, не сделает его счастливым, если ее не заставить претерпеть определенные изменения относительно их устоявшихся привычек.

Объяснив, что я подразумеваю под духом народа, я перехожу к рассмотрению того, насколько этот дух должен влиять на правительство.

Если рассматривать правительства в целом, мы обнаружим, что они аналогичны духу народа. Но рассматриваемый вопрос заключается в том, как должен действовать государственный деятель, когда целесообразность и утонченность требуют смены администрации или когда это становится необходимым в связи с изменением обстоятельств.

Великие перемены в делах Европы за эти три столетия, вызванные открытием Америки и Индии, расцветом промышленности и образования, введением торговли и предметов роскоши, учреждением государственного кредита и общей системы налогообложения, полностью изменили план правления повсюду.

Из феодальной и военной она превратилась в свободную и коммерческую. Я противопоставляю свободу правления феодальной системе только для того, чтобы отметить, что сейчас нет той цепочки подчинения между подданными, которая составляла существенную часть феодальной формы. Глава там имел мало власти, а низшие классы народа - мало свободы. Теперь каждый трудолюбивый человек, живущий в условиях экономики, свободен и независим при большинстве форм правления. Раньше власть баронов поглощала независимость всех низших классов. Я противопоставляю коммерцию военной только потому, что военные правительства теперь вынуждены существовать за счет последствий торговли, то есть за счет доходов государства, складывающихся из налогов. Раньше все достигалось числом; теперь количество людей не может удерживаться вместе без денег.

Этого достаточно, чтобы указать на природу революции в политическом государстве и, как следствие, на нравы Европы.

Дух народа, несомненно, меняется сам по себе, но постепенно. Одно и то же поколение обычно придерживается одних и тех же принципов и сохраняет один и тот же дух. В каждой стране мы видим на сцене одновременно два поколения; иными словами, по преобладающему духу мы можем разделить на два класса: один среди мужчин в возрасте от двадцати до тридцати, когда формируются мнения; другой среди тех, кому за пятьдесят, когда мнения и привычки сформированы и утверждены. Человек рассудительный и наблюдательный может предвидеть многое относительно правительства, от точного применения до возникновения и развития новых обычаев и мнений, при условии, что он сохраняет свой ум свободным от всех привязанностей и предрассудков в пользу тех, которые он сам перенял, и с той тонкостью восприятия, которая необходима для восприятия влияния изменения обстоятельств. Это и есть гениальность, присущая великому государственному деятелю.

На каждом новом этапе сначала следует проверять дух народа, и если он не созрел для выполнения плана, его следует отложить, хранить в полном секрете и использовать все методы, чтобы подготовить народ к восприятию нововведения.

Проект введения папства в Англии провалился еще до того, как был воплощен в жизнь, и поэтому вызывал опасения. Королева Елизавета сохранила свой собственный секрет и преуспела в аналогичной попытке. План всеобщего акциза продвигался со слишком большой живостью, стал делом партии, несвоевременным, и люди не были готовы к нему; следовательно, его будет труднее осуществить в другое время без величайших предосторожностей.

Для способного государственного деятеля нет ничего невозможного в том, чтобы изменить дух народа и воздействовать на него. Когда люди могут быть привлечены к убийству своих жен и детей и сожжению самих себя, а не к подчинению иностранному врагу, когда их можно заставить отдать свои самые ценные вещи, свои золотые и серебряные украшения для поддержки общего дела; когда женщин заставляют отдать свои волосы на плетение веревок, а самых дряхлых стариков - взобраться на стены города для его защиты; я думаю, что могу сказать, что, должным образом руководя духом народа и управляя им, нет ничего невозможного. Но когда я говорю, что нет ничего невозможного, следует понимать, что я имею в виду, что нет ничего принципиально необходимого для блага людей; и это все, что требуется от правительства.

Из этого следует, что требуется особый талант государственного деятеля, чтобы расположить умы людей к одобрению даже той схемы, которая наиболее способствует их интересам и процветанию; что мы видим примеры мудрых, богатых и могущественных наций, томящихся в бездействии, в то время как каждый индивид воодушевлен совершенно противоположным духом; становящихся добычей своих врагов, таких как город Иерусалим, в то время как они поглощены своей внутренней враждой, только потому, что предлагаемые средства против этого зла противоречат духу времени^[G].

G. Это было написано в 1756 году, примерно в то время, когда остров Менорка был захвачен французами.

Великое искусство управления состоит в том, чтобы освободиться от предрассудков и привязанности к определенным мнениям, определенным классам и, прежде всего, к

конкретным личностям; прислушиваться к духу народа, уступать ему внешне и тем самым придать ему направление, способное вызвать те чувства, которые могут побудить его насладиться переменой, которую изменение обстоятельств сделало необходимой.

Может ли какое-либо изменение быть более значительным среди свободных людей, чем переход от состояния абсолютной свободы и независимости к принуждению в самых тривиальных действиях? Однако за эти триста лет эта перемена произошла по всей Европе, и все же мы считаем себя более свободными, чем когда-либо были наши отцы. Раньше джентльмен, владевший клочком земли, не знал, что значит, когда к нему предъявляют какие-либо требования, но в силу принятых им самим обязательств. Он распоряжался плодами земли и трудом своих слуг или вассалов по своему усмотрению. Каждая вещь покупалась, продавалась, передавалась, транспортировалась, модифицировалась и сочинялась для частного потребления или для общественного использования, при этом государство ни разу не проявило интереса к тому, что делалось. Я говорю, что раньше такова была общая ситуация в Европе среди свободных наций при регулярном управлении; и единственные общеизвестные поборы, которые, как известно, затрагивали землевладельцев, были сделаны в результате договора о подчинении, феодального или иного, который имел определенные ограничения; и эти поборы были присвоены для определенных целей.

Повседневный опыт показывает, что ничто так не противоречит склонностям народа, как введение налогов; и чем меньше они к ним привыкли, тем труднее их установить.

Большие злоупотребления управляющих при применении налогов в немалой степени способствуют усилению и поддержанию этого отвращения у управляемых: но, помимо злоупотреблений, часто используется слишком мало управления, чтобы подготовить дух людей к таким нововведениям: ибо мы видим, как они во многих случаях с радостью подчиняются очень тяжелым поборам, при условии, что они своевременны и соответствуют их манерам и нравам. Французский дворянин, которому невыносима мысль о том, что его поставят вровень с крестьянином в уплате поземельного налога, с удовольствием платит во время войны общий налог на все свое имущество под другим названием. Заплатить за свою голову ужасно в одной стране; платить за свет кажется таким же ужасным в другой.

Часто случается, что государственные деятели извлекают намек на новые ограничения из примера других стран, а не из тщательного изучения своих собственных внутренних обстоятельств. Но когда им уделяется должное внимание, становится легко найти средства осуществления того же плана, причем таким образом, который был бы вполне приспособлен к духу, темпераменту и обстоятельствам людей. Когда государственными деятелями становятся незнакомые люди, беспорядок еще больше, за исключением случаев необычайной проницательности, вспыльчивости и, прежде всего, гибкости и осмотрительности.

Государственные деятели иногда прибегают к хитрости вместо разума, потому что их намерения часто не честны. Это разрушает всякое доверие между ними и людьми; а доверие необходимо, когда вы каким-то образом вынуждены просить об одолжении или когда, по крайней мере, то, что вы требуете, не является бесспорным вашим правом. Народ, обманом втянутый в навязывание, хотя и полезное для его процветания, в другое время будет яростно сопротивляться подобной мере, даже если это необходимо для его сохранения.

В других случаях мы видим государственных деятелей, демонстрирующих привлекательность нынешней легкости, именно в то время, когда умы людей лучше всего расположены принять бремя. Я имею в виду, когда угрожает война и когда разум накален негодованием из-за травм. Разве не замечательно в такое время, как сейчас, увеличивать налоги только пропорционально процентам с требуемых денег; разве это не означает близорукость или, по крайней мере, безразличие к тому, что должно произойти? Разве не более естественно, что люди соглашались нести бремя мести, чем подчиняться выплате большого долга, когда их умы находятся в состоянии спокойствия?

Из приведенных мною примеров, я надеюсь, вы достаточно поняли, что я подразумеваю под духом народа, и я думаю, что я достаточно убедительно показал необходимость надлежащего управления им, чтобы установить правильный план экономики. Это настолько верно, что можно найти множество примеров того, как люди отвергали самые полезные институты и даже величайшие милости только потому, что какие-то обстоятельства нарушили их устоявшиеся обычаи. Поэтому неудивительно, если мы видим, что они отказываются подчиняться ограничениям и ноше, когда максимум, на что они могут рассчитывать, - это отдаленная перспектива национального блага.

Я счел необходимым предварить эти общие размышления, чтобы избежать многих возражений, которые вполне естественно могли бы возникнуть при прочтении этого исследования. У меня будет возможность высказать ряд предположений и вывести из них следствия, которые совершенно естественны, если предположить соответствующий настрой в народе, но которые были бы далеки от естественного без этого предположения. Я полагаю, например, что бедный человек, обремененный множеством детей, был бы рад, если бы государство содержало их; что другой человек, у которого есть пустующие земли, был бы обязан тому, кто безвозмездно построил бы ему на них фермерский дом. И все же в обоих предположениях я могу оказаться ошибочным; ибо есть отцы, которые предпочли бы видеть своих детей мертвыми, чем упущенными из их рук; и есть собственники, которые ради охоты превратили бы в пустыню самую прекрасную страну в Европе.

Чтобы дать адекватное представление о том, что я понимаю под политической экономикой, я объяснил этот термин, указав на цель искусства, которая заключается в обеспечении едой, другими предметами первой необходимости и занятостью каждого члена общества.

Это очень простой и очень общий метод определения наиболее сложной операции.

Обеспечить надлежащую занятость для всех членов общества - это то же самое, что моделировать и руководить каждой отраслью своей деятельности.

На основе этой идеи, я думаю, может быть сформирована наиболее обширная основа для исследования принципов политической экономики.

Следующее, что необходимо сделать, - это выработать особый метод анализа столь обширного предмета путем выработки ряда идей, которые могут быть направлены на каждую часть плана и которые в то же время могут быть методично вытекать друг из друга.

Для этой цели я воспользовался намеком на то, что последние революции в политике Европы показали как закономерный прогресс человечества, от великой простоты к сложной утонченности.

Итак, эта первая книга будет посвящена, если можно так выразиться, изучению общества с колыбели. Затем я рассмотрю принципы, влияющие на их размножение, метод обеспечения их существования, происхождение их труда, последствия их свободы и рабства, распределение их по классам, а также некоторые другие темы, относящиеся к человечеству в целом.

Здесь мы обнаружим принципы промышленности, влияющие на размножение человечества и возделывание почвы. Я привел это нарочно, чтобы подготовить моего читателя к теме второй книги; где он найдет тот же принцип ("Под крыльями свободы"), обеспечивающий легкое существование многочисленному населению посредством торговли, которая рассылает труд трудолюбивых людей по всему миру.

Исходя из опыта того, что произошло за последние двести лет, мы видим, до какой степени торговля и промышленность Европы увеличили отчуждение и денежное обращение. Поэтому я буду внимательно следить за ними, как за самыми непосредственными последствиями предыдущего улучшения; и, анализируя их, я составлю свою третью книгу, в которой я намерен достойно изложить.

Мы видим также, как кредит побуждал нации пользоваться им в своих войнах, и как, используя его, они были вынуждены влезать в долги, которые они никогда не смогут погасить, не налагая налогов. Таким образом, доктрина долгов и налогов вполне естественно последует за доктриной кредита в этой великой цепи политических последствий.

Используя такого рода историческую подсказку, я проведу себя по большим улицам этого обширного лабиринта; и в своем обзоре каждого конкретного района я буду переходить от следствия к следствию, пока не проникну в самые сокровенные уголки моего собственного понимания.

Когда тема прервана, я постараюсь сделать переходы настолько постепенными, насколько смогу, сохраняя некоторую цепочку связей; и хотя я не могу льстить себе надеждой (при таком бесконечном разнообразии выбора, как порядок и распространение) всегда придерживаться того метода, который может показаться каждому читателю наиболее естественным и правильным, все же я не пожалею усилий, чтобы придать материалам различные формы, чтобы обеспечить их наилучшее распространение, какое в моих силах.

ГЛАВА. III.

На каких Принципах и от каких естественных причин размножается Человечество? И каковы последствия продолжения рода в странах, где не обнаружено увеличения их численности?

К умножению человечества относились по-разному; некоторые составили таблицы, показывающие прогрессию умножения, другие рассматривали этот вопрос исторически. Состояние чисел в разные эпохи мира или в разных странах в разное время стало объектом исследования; а самое тщательное изучение древних авторов - средством установления истины в этом вопросе. Все отрывки, относящиеся к данной теме, были сведены воедино и сопровождаются наиболее правдоподобными пояснениями и интерпретациями, чтобы определить основной вопрос. Тщательно продуманные выступления м-ра Хьюма и м-ра

Уоллеса, которые придерживались противоположных мнений относительно густонаселенности древнего мира, не оставили ничего нового, что можно было бы сказать по этому вопросу; по крайней мере, применение, которое они, по-видимому, применили при изучении древних, сильно обескураживает любого, кто в противном случае все еще мог бы льстить себя надеждой выяснить обстоятельства, необходимые для того, чтобы пролить новый свет на этот вопрос.

В мои намерения в этой главе не входит ни принимать решения, ни даже высказывать свое мнение по этому вопросу, не говоря уже о том, чтобы опровергать аргументы, выдвинутые обеими сторонами. Я должен рассмотреть этот вопрос с другой точки зрения; не выяснять, сколько людей было найдено на земле в определенное время, а исследовать естественные и рациональные причины размножения. Если мы сможем обнаружить их, то, возможно, сможем судить о том, как далеко они могли зайти в разные эпохи и в разных странах.

Фундаментальным принципом размножения всех животных, а следовательно, и человека, является зарождение; следующий - пища: зарождение дает существование, пища сохраняет его. Если бы земля сама производила необходимое питание для человека в неограниченном изобилии, у нас не было бы причин трудиться для того, чтобы добывать его. Итак, во всех странах, которые были найдены населенными, как и в тех, которые были найдены опустошенными, если исследовать состояние животных, то их количество будет найдено пропорциональным количеству пищи, *производимой землей регулярно в течение года* для их пропитания. Я говорю "регулярно в течение всего года", потому что мы замечаем у тех животных, которые плодятся в большом изобилии, таких как все пернатые, что зимой погибает огромное количество; они появляются вместе с плодами земли и уменьшаются пропорционально. Этот принцип настолько естествен, что, я думаю, его вряд ли можно оспорить.

Что касается человека, то земля в сколько-нибудь значительной степени не производит для него пищу спонтанно. Я допускаю, что, как некоторые виды животных поддерживают жизнь, пожирая других, так и человек может; но следует заметить, что вид, которым питаются, всегда должен быть намного ниже по численности, чем вид, которым питаются. Это очевидно в рассуждениях и на самом деле.

Таким образом, если бы земля была необработанной, численность человечества не превышала бы доли спонтанных плодов, которые она предлагает для их непосредственного использования, или доли животных, которые могли бы стать надлежащей пищей человека.

Следовательно, существует определенное количество людей, которых земля могла бы содержать без какого-либо труда: позвольте мне назвать это количество (А). Разве из этого изложения вопроса не становится очевидным, что без труда (А) никогда не сможет увеличиться больше, чем животные, которые не работают на себя, могут увеличиться сверх той доли пищи, которая предоставлена им природой? Позвольте, однако, заметить, что я не претендую на ограничение (А) определенным числом. Времена года, без сомнения, будут влиять на численность человечества, как мы видим, они влияют на количество других животных; но я говорю, что (А) никогда не увеличится сверх вышеупомянутой фиксированной пропорции.

Разрешив один вопрос, касающийся умножения, и показав, что числа должны становиться больше или меньше в соответствии с процессами природы, я перехожу ко второму вопросу, который предлагается рассмотреть в этой главе: а именно, что станет со способностью к

воспроизводству после того, как она произведет полную пропорцию (А), и какие последствия последуют впоследствии.

Мы видим, насколько благотворна, я бы сказал, расточительна природа, даруя жизнь поколениям. Некоторые виды животных, особенно насекомых, размножаются тысячами, и все же количество видов, по-видимому, ежегодно не увеличивается. Ни один орган не может притворяться, что отдельные особи какого-либо вида имеют привилегию жить и что другие умирают из-за различий в их природе. Следовательно, разумно заключить, что причиной уничтожения такого огромного количества произведенных продуктов, должно быть, среди прочих причин, недостаток пищи. Давайте применим это к человеку.

Те, кто, как предполагается, питается спонтанными плодами земли, не могут, исходя из того, что было сказано, размножаться сверх этой пропорции; в то же время способность к воспроизводству будет оказывать свое естественное воздействие, увеличивая численность. Следствием этого будет то, что определенные особи должны стать хуже питаться, следовательно, слабее; следовательно, если в таком ослабленном состоянии природа лишит их части своего обычного изобилия, это затронет все множество; может возникнуть болезнь, уносящая гораздо большее количество людей, чем пропорционально дефициту сезона. Что из этого следует? Что те, кто спасся, находя пищу более обильной, становятся энергичными; поколение дает жизнь дополнительному количеству, пища сохраняет его, пока они не поднимутся до прежнего уровня.

Таким образом, способность к воспроизводству напоминает пружину, нагруженную грузом, который всегда напрягается пропорционально уменьшению сопротивления: когда пища остается некоторое время без увеличения или уменьшения количества, численность потомства будет как можно выше; если затем количество пищи уменьшается, пружина ослабевает; ее сила становится меньше, чем ничего. Количество жителей уменьшится, по крайней мере, пропорционально завышенной цене. С другой стороны, если увеличить количество продовольствия, то источник, который был равен 0, начнет истощаться пропорционально уменьшению сопротивления; людей начнут лучше кормить; они будут размножаться, и пропорционально их увеличению количество пищи снова станет дефицитным.

Я должен здесь добавить замечание, очень похожее на эту тему. Что способность к воспроизводству в человеке (которую мы сравнили с пружиной) и забота и любовь, которые мы испытываем к нашим детям, сначала побуждают нас размножаться, а затем побуждают делиться тем, что у нас есть, с нашими малышами. Таким образом, в результате разделения происходит то, что в каждой стране, где продовольствие ограничено определенным количеством, жители должны существовать в регулярной прогрессии, переходя от изобилия к последним периодам нужды и даже иногда умирая от голода.

Хотя примеры этой последней крайности не распространены в некоторых странах, все же я полагаю, что они более распространены, чем принято думать; а другие стадии нужды приводят к многим болезням и упадку, который угасает способность к зачатию или ослабляет ее, так что дети становятся менее энергичными и менее здоровыми. Я взываю к опыту, если это рассуждение не справедливо.

Выведите две или три пары кроликов на подходящее для них поле, размножение будет быстрым; и через несколько лет садок будет заполнен: я полагаю, вы можете ежегодно забирать из него

по сто пар, и содержать свой садок в хорошем порядке: откажитесь от любого вида на несколько лет, возможно, вы обнаружите, что ваше первоначальное поголовье скорее уменьшилось, чем увеличилось, по вышеупомянутым причинам. Африка ежегодно поставляет многие тысячи растений для возделывания в Америке; в этом она похожа на муравейник. Я почти не сомневаюсь, что если бы ей вернули всех ее сыновей, то большая их часть умерла бы от голода.

ГЛАВА IV.

Продолжение той же темы в отношении естественного и непосредственного воздействия сельского хозяйства на численность населения.

Я продолжаю свой осмотр. Теперь я предполагаю, что человек добавляет свой труд и прилежание к естественной деятельности почвы: поскольку таким образом он производит дополнительное количество пищи, постольку он закладывает основу для поддержания дополнительного количества. По этому номеру я позволю (B). Из этого я делаю вывод, что поскольку (A) находится в постоянной пропорции к спонтанным плодам, то и (B) должно быть пропорционально сельскому хозяйству (под этим термином я понимаю в настоящее время любой метод увеличения количества пищи трудом), следовательно, численность, поддерживаемая трудом человечества, должна относиться ко всей численности человечества так же, как (B) к (A + B), или как (B) к (A) и (B) совместно.

Благодаря этой операции мы обнаруживаем, что человечество немедленно разделяется на два класса; те, кто, не работая, питаются спонтанными плодами земли, то есть молоком, скотом, охотой и т. Д. Другая часть - те, кто вынужден обрабатывать землю. Далее уместно спросить, что естественным образом обязывает человека трудиться; и каковы естественные последствия этого для размножения.

Мы уже говорили, что принцип зарождения присущ человеку и побуждает его к размножению. Другой принцип, столь же естественно присущий разуму, как первый присущ телу, - это любовь к себе, или желание легкости и счастья, которое побуждает тех, кто находит в себе какое-либо превосходство, будь то личное или политическое, использовать каждое естественное преимущество. Следовательно, такие люди будут размножаться пропорционально, потому что, присваивая себе плоды земли, они получают средства для прокормления своего потомства. Остальные, я думаю, вполне естественно станут их слугами, поскольку этот метод из всех других наиболее прост в добывании средств к существованию. Это настолько аналогично природе человека, что мы повсюду видим, даже среди детей, что малейшее превосходство кого-либо над остальными постоянно влечет за собой дань служения тем или иным способом. Те, кто становятся слугами ради пропитания, скоро станут рабами, ибо рабство - это всего лишь злоупотребление службой, установленное гражданским учреждением; и люди, которые не находят возможности существовать иначе, будут вынуждены служить на предписанных им условиях.

Это кажется вполне естественным следствием зарождения мира, и все же я не претендую на утверждение, что таково было происхождение рабства. Слуги, однако, были всегда; и злоупотребление службой - это то, что мы понимаем под рабством. Подчинение детей своим родителям, а слуг - своим хозяевам, по-видимому, является наиболее рациональным началом

общества и правительства. Первый из них-это естественный, и следует, как неизбежным следствием целого ~~зависимость~~**зависимость**: второй политический, и может, естественно, иметь место для тех, кто не может иным образом добывать пропитание. Я думаю, что этот последний вид подчинения мог иметь место в тот момент, когда человек был вынужден трудиться ради пропитания, но не раньше.

Потребности человека не ограничиваются только едой. Когда требуется добывать пищу из грубых недр земли, значительная часть его времени должна быть занята этим, даже если предположить, что он обеспечен всеми необходимыми принадлежностями для осуществления своего труда: следовательно, он должен быть в худшем состоянии для удовлетворения своих других потребностей: следовательно, он может быть готов служить любому, кто сделает это за него. Принимая во внимание, что, с другой стороны, если мы предположим, что все человечество празднует и сыто, питаясь спонтанными плодами земли, план всеобщей свободы становится вполне естественным: потому что при таких обстоятельствах они не находят никакого стимула подчиняться добровольно.

Давайте теперь позаимствуем идею первобытного общества, правительства, короля из самой древней истории, которая у нас есть, чтобы лучше показать последствия земледелия и размножения. Общество - это целое, взятое вместе; это Джейкоб, его сыновья, их жены, их дети и все слуги. Правительство рассматривает институты, предписанные Джейкобом каждому члену семьи, в отношении их соответствующей подчиненности и обязанностей. Умножение здесь будет происходить не пропорционально способности к воспроизводству, а в соответствии с занятостью уже произведенных людей. Если Иаков продолжает пасти свои стада, он должен расширить пределы своего права на пастбище; он должен умножать поголовье крупного рогатого скота по мере увеличения численности его семьи. На него возложена ответственность за все эти детали, ибо он и хозяин, и директор, и государственный деятель, и главный кормилец. Его слуги будут работать так, как им прикажут; но если у него не хватило предусмотрительности разделить земли, как только его семья приблизится к той пропорции, которую его стада могут легко прокормить; если в этом случае засушливый сезон сожжет траву в Палестине, он будет вынужден отправить часть своего поголовья скота вместе с некоторыми членами своей семьи на рынок для продажи там; и по этой цене он должен купить зерно. Ибо в ту раннюю эпоху были деньги, были производители мешковины, обычных тканей и одежды ярких расцветок; существовала торговля зерном, пряностями, бальзамом и миррой. Иаков и его семья были пастухами, но они питались не только мясом; они ели хлеб; следовательно, в те дни была пашня, хотя они ею и не занимались. Однако голод был готов уничтожить их, и, вероятно, сделал бы это, если бы не providенциальное обстоятельство, заключавшееся в том, что Иосиф был правителем Египта. Он облегчил их страдания, он отдал своей семье лучшую землю во всем королевстве под пастбища; и у них был безвозмездный запас хлеба.

Без сомнения, до тех пор, пока сохранялись эти благоприятные обстоятельства, размножение шло бы быстрыми темпами. Какую сверхъестественную помощь Богу было угодно даровать для увеличения своего избранного народа, не относится к моему расследованию.

Я мимоходом упомянул этот пример с патриархом только для того, чтобы указать, насколько древним, по-видимому, было использование денег, изобретение торговли и мануфактур. Без таких предварительных установлений я рассматриваю человечество как дикарей, живущих

спонтанными плодами земли, как и в первом предположении; и в количественном отношении ограничено действительными масштабами этих продуктов.

Из сказанного мы можем заключить, что численность человечества должна зависеть от количества пищи, производимой землей для его пропитания; из чего, как следствие, можно сделать вывод,

Что численность человечества была и всегда должна быть пропорциональна производимой пище; и что производимая пища будет находиться в сложной пропорции плодородия климата и трудолюбия жителей.

Из этого последнего положения становится очевидным, что не может быть общего правила для определения количества жителей, необходимого для ведения сельского хозяйства, даже в одной и той же стране. Плодородие почвы при обработке; легкость ее обработки; количество хороших самопроизвольных плодов; обилие рыбы в реках и морях; обилие диких птиц и зверей; во все века и всегда должны оказывать большое влияние на питание и, следовательно, регулировать размножение человека и определять его занятие.

Чтобы основать хозяйство в стране, которая прежде не была заселена, выкорчевать леса, уничтожить диких и ядовитых животных, осушить болотистые местности, дать свободный ход воде и разбить поверхность под кукурузные поля, несомненно, потребуется больше рабочих рук, чем для обработки того же самого после того, как оно улучшится. Чтобы убедиться в правдивости этого, я обращаюсь к нашим американским братьям.

Таким образом, мы можем заключить, что наиболее существенным условием для населения является сельское хозяйство, или обеспечение средств к существованию. От этого зависит все остальное: пока средства к существованию находятся на ненадежной основе, ни один государственный деятель не может обратить свое внимание ни на что другое.

Огромная важность этого предмета заставила некоторых вообразить, что искусство роскоши в наши дни наносит ущерб как сельскому хозяйству, так и размножению. Иногда бывает бесполезно слишком сильно сосредоточивать свое внимание на каком-то одном объекте, каким бы важным он ни был. Никто не может оспаривать, что сельское хозяйство является основой размножения и наиболее важным условием процветания государства. Но из этого не следует, что почти каждый орган в государстве должен быть занят в этом; это означало бы перевернуть порядок вещей и превратить слугу в господина. Долг и дело человека не в том, чтобы кормиться; его кормят для того, чтобы он выполнил свой долг и стал полезным.

Для моей цели недостаточно знать, что внедрение сельского хозяйства, увеличивая количество продуктов земли, очевидно, ведет к увеличению численности человечества. Я должен изучить *политические причины*, которые должны совпадать, чтобы вызвать этот эффект.

С этой целью мое следующее исследование будет направлено на выявление истинных принципов, влияющих на занятость человека в сельском хозяйстве. Я не пожалею усилий, чтобы изучить этот вопрос до конца, даже если это заставит меня предвосхитить некоторые аспекты моей темы.

Я попытаюсь изложить принципы, согласующиеся с природой человека, с сельским хозяйством и с размножением, чтобы с их помощью выявить как применение, так и злоупотребление двумя

последними. Когда эти части будут хорошо поняты, остальное пойдет более гладко, и у меня будет меньше поводов прерывать мою тему, чтобы объяснить темы, от которых зависит все в целом.

ГЛАВА V.

Каким образом и в соответствии с какими принципами и политическими причинами сельское хозяйство увеличивает численность населения?

Я уже показал, как самопроизвольные плоды земли обеспечивают питанием определенное количество людей, и я слегка коснулся последствий добавления труда к естественной деятельности почвы.

Позвольте мне теперь продолжить это исследование немного дальше. Позвольте мне представить себе страну, изобилующую стихийными производствами, способную к усовершенствованиям любого рода, населенную народом, живущим при свободном правительстве и в самой изысканной простоте, без торговли, без роскошных искусств и без амбиций. Позвольте мне здесь представить государственного деятеля, который привьет вкус к сельскому хозяйству и труду тем, кто раньше легко и праздно потреблял спонтанные плоды земли. Что станет с этим увеличением количества продуктов питания, производимых этим дополнительным трудом?

Внезапное увеличение количества пищи, подобное предполагаемому здесь, немедленно распространит энергию на всех; и если дополнительное количество будет не очень велико, излишка не обнаружится. Не раньше, чем жители будут полностью накормлены, но они начнут размножаться по-новому; тогда они придут делиться со своими детьми, и пищи снова станет не хватать.

Так много необходимо для иллюстрации одного принципа; но эффекты, на которые мы указывали, будут достигнуты не только за счет привлечения тех, кто жил охотой (я полагаю), бросить это занятие и стать фермерами. Государственный деятель должен также найти способ заставить продукцию этой новой отрасли промышленности циркулировать вниз по течению, чтобы удовлетворить потребности самых необходимых. В противном случае произведенное изобилие, оставшееся в руках тех, кто его произвел, станет для них абсолютным излишеством; которое, если бы они торговали с соседним государством, они бы продали или обменяли, оставив своих сограждан умирать с голоду. И поскольку мы предполагаем, что торговли вообще не будет, этот избыток погибнет, как их вишни, в год изобилия; и, следовательно, фермеры немедленно бросят работу.

Если, чтобы предотвратить это неудобство, государственный деятель заставит определенные классы обрабатывать землю и, соблюдая осторожность, распределит ее плоды среди всех, кто имеет средства к существованию, получая взамен их услуги на благо общества; это окажется безошибочным способом умножения населения, повышения его трудоспособности и

сохранения простоты нравов; но это также является примером древнего рабства и, следовательно, исключается из предположения.

Если он действует последовательно с тем духом свободы, который, как мы предполагали, вдохновляет его подданных, у него не остается иного метода, кроме как изобретать различные занятия для рук нуждающихся, чтобы своим трудом они могли производить эквивалент, который может быть приемлем для фермеров, вместо этого избытка; ибо эти последние, конечно, не увеличат его, если не смогут им распорядиться; и они не будут распоряжаться им иначе, как ради надлежащего эквивалента. Это единственный способ (в свободном государстве) добывать дополнительную пищу и распределять ее по обществу в качестве платы за те часы, которые раньше были потрачены в праздности: и, поскольку это создаст более надежный и более обширный фонд существования, чем ненадежное производство спонтанных плодов, которые нельзя увеличивать по своему усмотрению и пропорционально спросу, это значительно увеличит численность населения; но, с другой стороны, это, очевидно, должно разрушить ту простоту нравов, которая естественным образом царит среди наций, не занимающихся трудом.

Следовательно, народ, склонный к трудолюбию, будет размножаться пропорционально избытку средств у своих земледельцев, потому что труд нуждающихся окажется для него эквивалентом.

Теперь это дополнительное число жителей, выращиваемое и питаемое за счет излишков, *фактически* произведенных фермерами, никогда не может считаться необходимым для обеспечения того количества, которое (хотя относительно для фермеров это можно назвать излишеством) является достаточным только относительно всего общества; и, следовательно, если и будет сочтено необходимым использовать новых жителей также в сельском хозяйстве, то это должно быть сделано только с целью еще большего умножения.

Далее, мы можем установить в качестве принципа, что фермер не будет трудиться над производством избытка зерна относительно своего собственного потребления, если только он не обнаружит некоторую потребность, которая может быть удовлетворена за счет этого избытка; точно так же и другие трудолюбивые люди не будут трудиться над удовлетворением потребностей фермера по какой-либо другой причине, кроме как для обеспечения средств к существованию, которые они не могут так легко получить иным способом. Это взаимные желания, которые должен создать государственный деятель, чтобы сплотить общество. Итак, вот один принцип: *сельское хозяйство у свободного народа увеличит численность населения только по мере того, как нуждающиеся будут поставлены в ситуацию, когда они смогут своим трудом добывать средства к существованию*. Я продолжаю.

Если в какой-либо стране, которая действительно производит продукты питания для своих жителей, в соответствии с вышеупомянутым прогрессом (стр. 27) разрабатывается план расширения сельского хозяйства; увеличение должно быть произведено в должной пропорции к прогрессу промышленности и потребностям народа, или же должен быть предусмотрен выход для утилизации излишков. И если при отправлении в путь продукты земледелия не могут быть использованы для иностранного потребления, необходимо соблюдать величайшую осторожность, чтобы сохранить улучшение почвы в надлежащих пределах: ибо без этого план, предназначенный для улучшения, из-за перевыполнения обернется во вред сельскому хозяйству. Так и будет, если сделать так, чтобы плоды земли увеличивались быстрее, чем численность и трудолюбие тех, кто должен их потреблять. Ибо, если все это не будет израсходовано целиком, накопившееся изобилие будет препятствовать трудолюбию фермера.

Но если, наряду с поощрением сельского хозяйства, будет найден надлежащий выход излишкам, пока численность и трудолюбие народа, увеличиваясь, не увеличат внутреннее потребление, что снова постепенно уменьшит количество вывоза, тогда источник легко преодолеет сопротивление; он расширится; то есть численность будет продолжать увеличиваться.

Из этого может быть выведен другой принцип: *что сельское хозяйство, поощряемое ради увеличения численности населения, должно идти в ногу с прогрессом промышленности; или же для всех излишков должна быть предусмотрена аренда.*

В приведенном выше примере я не предполагал вывоза, тем более для упрощения предположения: я был, следовательно, вынужден учесть обстоятельство, чтобы восполнить недостаток в нем, а именно увеличение спроса внутри страны из-за прекращения охоты; и я предположил, что те, кто раньше этим обеспечивал себя, будут потреблять излишки пищи фермеров за плату своего труда. Это может сгодиться в качестве предположения и использовалось только для объяснения принципов; но нравы людей не так-то легко изменить; и поэтому я немного предвосхитил предположение о торговле, только чтобы показать, как она должна сочетаться с промышленностью в развитии сельского хозяйства и умножении населения.

Позвольте мне теперь рассмотреть последствия расширения сельского хозяйства в стране, жители которой ленивы; или где они живут с такой простотой нравов, что имеют мало потребностей, которые могут удовлетворить труд и промышленность. В этом случае, говорю я, схема ведения сельского хозяйства не увенчается успехом; и, если пустить ее в ход, часть земель вскоре снова станет необработанной.

Самая ленивая часть фермеров, испытывающая отвращение к труду, который производит излишнее для них количество, которым они не могут распорядиться ни за какой эквивалент, бросит работу и вернется к своей прежней простоте. Более трудолюбивый не будет доставлять пищу нуждающемуся даром; следовательно, те, кто не может иначе прокормиться, естественно, будут обслуживать трудолюбивых и таким образом продавать свои услуги за пищу. Таким образом, вследствие сокращения рабочей силы часть страны, пропорциональная количеству продовольствия, которое фермеры прежде находили излишним, снова станет необработанной.

Таким образом, здесь будет найдена страна, население которой должно остановиться из-за нехватки продовольствия; и которая, по предположению, в изобилии способна производить больше. Повсюду опыт показывает возможное существование такого случая, поскольку ни одна страна в Европе не культивируется в полной мере; и что все еще есть много стран, где культивирование, а следовательно, и размножение, остановлено. Я считаю, что эти нации находятся в *моральной неспособности* к размножению: неспособность была бы *физической*, если бы существовала фактическая невозможность увеличить количество продовольствия какими бы то ни было средствами.

Эти принципы, по-видимому, подтверждаются опытом, независимо от того, сравниваем ли мы их с образом жизни свободных американских дикарей или со свободными, трудолюбивыми европейцами. Мы находим, что производство всех стран, вообще говоря, пропорционально числу их жителей; и, с другой стороны, население чаще всего пропорционально количеству пищи.

Я прошу, чтобы это не рассматривалось как придирка или то, что называется порочным кругом. Я уточнил общее утверждение, добавив, что оно считается истинным чаще всего; и из того, что должно последовать, мы лучше узнаем как истинность, так и значение того, что здесь выдвигается. Пока действуют определенные причины, количество пищи будет увеличиваться, и человечество будет увеличиваться пропорционально; когда эти причины прекратятся, *продолжение рода* не увеличит численность; тогда произойдет общее утверждение; численность и пища останутся прежними и уравновесят друг друга. Я полагаю, что это так на самом деле; и я надеюсь показать, что это также рационально. Позвольте мне теперь закончить эту главу, сделав некоторые выводы из того, что было изложено, чтобы расширить наши идеи и дать нам возможность расширить наш план.

I. Одним из последствий плодородной почвы, которой владеет свободный народ, отданной под сельское хозяйство и склонной к промышленности, будет производство избыточного количества продовольствия, сверх того, что необходимо, чтобы прокормить фермеров. Население будет умножаться; и в соответствии с их увеличением определенное количество от общего числа, пропорциональное такому избытку произведенного продовольствия, будет использоваться в промышленности и для удовлетворения других потребностей.

II. Исходя из этой операции, производимой промышленностью, мы находим, что люди распределены на два класса. Первая - это фермеры, которые производят средства к существованию и которые обязательно заняты в этой отрасли бизнеса; вторую я буду называть *свободные руки*; потому что их занятие состоит в том, чтобы добывать себе средства к существованию за счет излишков фермеров и трудом, приспособленным к потребностям общества, может варьироваться в зависимости от этих потребностей, а они, опять же, в соответствии с духом времени.

III. Если в стране, о которой мы говорим, предполагается, что неизвестны как деньги, так и предметы роскоши, тогда избыток фермеров будет пропорционален числу тех, чьего труда будет достаточно для обеспечения всех других потребностей жителей; и как только это будет достигнуто, потребление и продукция станут одинаково сбалансированными, численность населения больше не увеличится или, по крайней мере, будет очень неустойчивой, если только их потребности не увеличатся.

ГЛАВА VI.

Как Потребности Человечества способствуют их умножению.

Если предположить, что страна, о которой мы говорили в предыдущей главе, имеет значительную протяженность и плодородие и если у жителей есть склонность к трудолюбию, то за короткое время в ней неизбежно появятся *роскошь* и использование *денег* (или чего-то, связанного с природой денег).

Под РОСКОШЬЮ я понимаю *потребление любой вещи, произведенной трудом или изобретательностью человека, которая льстит нашим чувствам или вкусу жизни и которая не является необходимой ни для того, чтобы мы были хорошо накормлены, хорошо одеты, хорошо защищены от неблагоприятных погодных условий, ни для защиты нас от всего, что может нам навредить*^[H].

Н. Поскольку моя тема отличается от темы морали, у меня нет повода рассматривать термин "роскошь" в каком-либо ином смысле, кроме политического, а именно как принцип, создающий занятость и дающий хлеб тем, кто удовлетворяет потребности богатых. По этой причине я выбрал приведенное выше определение этого явления, которое не несет в себе никакой идеи ни о злоупотреблении, ни о чувственности, ни об избытке; и в настоящее время я даже не рассматриваю пагубные последствия этого для внешней торговли. Принципы здесь рассматриваются применительно к человечеству в целом, а последствия роскоши рассматриваются только относительно размножения и сельского хозяйства. Наши рассуждения примут иной оборот, когда мы перейдем к рассмотрению отдельных интересов наций и принципов торговли.

Поэтому я прошу, чтобы в настоящее время мои рассуждения не заходили дальше (от индукций и предположений), чем это должно быть по моему намерению. Я не покровительствую ни пороку, ни расточительству, ни растрате частных состояний; *хотя я могу время от времени весьма хладнокровно рассуждать о политических последствиях таких болезней в государстве, когда я учитываю только то влияние, которое они оказывают на питание и умножение народа.* Моя тема сама по себе слишком обширна, чтобы допустить ее смешение с доктриной морали или правительства, как бы тесно они ни казались связанными с ней; и если бы я не начал с максимального упрощения идей и исключения комбинаций, я бы быстро сбился с пути и запутался в неразрешимых проблемах.

Под ДЕНЬГАМИ я понимаю *любой товар, который сам по себе не представляет материальной пользы для человека в вышеупомянутых целях, но который приобретает такую оценку на основе его мнения о нем, что становится универсальной мерой того, что называется стоимостью, и адекватным эквивалентом любой отчуждаемой вещи.*

Здесь открывается новая сцена. Эти деньги должны быть найдены в руках кого-нибудь из жителей; естественно, у тех, у кого хватило ума изобрести их и умения полюбить их своих соотечественников, представляя их как эквивалентную стоимость продуктов питания и предметов первой необходимости; то есть как средство добывания без труда не только чужого труда, но и самой пищи.

Таким образом, возникает новый объект вожделения. Каждому человеку становится приятно иметь деньги; но как их получить - вот в чем вопрос. Собственники не отдадут это даром, и, согласно нашему предыдущему предположению, подразумевалось, что каждый член общества в изобилии обеспечен продуктами питания и предметами первой необходимости; фермеры - благодаря своей обработке земли; свободные руки - благодаря своей изобретательности в приобретении предметов первой необходимости. Следовательно, владельцы этих денег удовлетворяют все свои потребности и все еще являются обладателями этого нового вида богатства, которого, как мы теперь предполагаем, жаждут все.

Естественным следствием этого будет то, что те, у кого есть деньги, перестанут работать и все же будут потреблять; и они не будут потреблять даром, потому что будут платить деньгами.

Итак, вот некоторое количество жителей, которые живут и потребляют продукты земли, не трудясь: пищи скоро станет не хватать; спрос на нее возрастет, и это будет оплачиваться деньгами; это лучший эквивалент из всех; многие побегут за плугом; излишки фермеров увеличатся; богатые будут нуждаться в излишках; свободные руки будут поставлять их и, в свою

очередь, требовать еды. Они не будут лежать бременем на земледельцах, как раньше; богатые, которые нанимали их на работу или на службу, должны платить им деньгами, и эти деньги в их руках будут служить эквивалентом избытка продовольствия, производимого дополнительным сельским хозяйством.

Когда однажды это воображаемое богатство, деньги, широко внедряется в страну, роскошь совершенно естественно последует за этим; и когда деньги становятся предметом наших желаний, человечество становится трудолюбивым, направляя свой труд на достижение любой цели, которая может побудить богатых расстаться с ними; и, таким образом, численность жителей любой страны может увеличиваться до тех пор, пока земля не откажется от дальнейшего питания. Последствия этого станут темой другой главы.

Прежде чем мы продолжим, необходимо кое-что сказать, чтобы немного ограничить эти общие утверждения.

Мы предполагали очень быстрый прогресс промышленности и очень внезапное увеличение числа жителей в результате введения денег. Но следует отметить, что многие обстоятельства совпали с деньгами, чтобы произвести такой эффект.

Мы предполагали страну, способную к совершенствованию, трудолюбивый народ, вкус к утонченности и роскоши у богатых, стремление стать таковыми, а также применение труда и изобретательности у низших классов людей. В зависимости от большей или меньшей степени силы или стечения этих и подобных обстоятельств рассматриваемая страна станет более или менее культурной и, следовательно, населенной.

Если почва очень богатая, расположена в теплом климате и орошается естественным путем, плодородие земли будет происходить почти спонтанно: это сделает жителей ленивыми. Лень - величайшее из всех препятствий на пути к труду и промышленности. Мануфактуры здесь никогда не будут процветать. Богатые, со всеми их деньгами, не станут роскошествовать из-за деликатности и утонченности; ибо под роскошью я подразумеваю не удовлетворение животных appetites или злоупотребление богатством, а *элегантность вкуса и образа жизни, целью которых являются труд и изобретательность человека*; и как изобретательность рабочих порождает вкус у богатых, так и соблазн богатства разжигает чстолюбие и поощряет применение изобретательности у бедных.

Следовательно, богатству здесь будут поклоняться как богу, но не подчинять его использованию человеком; и только благодаря быстрому переходу из рук в руки (как будет отмечено в соответствующем месте) они станут производить упомянутые выше эффекты^[1].

I. Каждая передача денег из рук в руки за ценное вознаграждение подразумевает какую-то оказанную услугу, что-то сделанное человеком или выполненное его изобретательностью, или некоторое потребление чего-то, произведенного его трудом. Следовательно, чем быстрее денежное обращение в какой-либо стране, тем более убедительно можно заключить, что жители трудолюбивы; и *наоборот*; но об этом позже.

Когда деньги не обращаются, это то же самое, как если бы их вообще не существовало; а поскольку сокровища, найденные в странах, где жители ленивы, не обращаются, они скорее украшают, чем приносят пользу.

Следовательно, мы находим наибольшее количество жителей не в самых плодородных странах мира и не в тех, которые наилучшим образом рассчитаны на прокорм больших масс населения. Именно в климате, менее благоприятствуемом природой, где почва плодородна только для тех, кто трудится, и пропорционально трудолюбию каждого, мы можем ожидать встретить огромное множество людей; и даже их будет больше или меньше по мере того, как жители обратятся к изобретательности и трудолюбию.

В тех странах, где они процветают, свободные руки (о которых мы говорили выше) будут заняты в полезных производствах, которые, будучи усовершенствованы изобретательными людьми, будут определять то, что называется стандартом вкуса; этот вкус увеличит потребление, что, в свою очередь, приведет к умножению рабочих, а это будет стимулировать производство продуктов питания для их пропитания.

Поэтому пусть никогда не говорят, что в стране занято слишком много фабрикантов; это то же самое, как если бы было сказано, что в стране слишком мало праздных людей, слишком мало нищих и слишком много земледельцев.

Мы не раз пытались показать, что эти производители могут прокормиться только за счет избытка продовольствия, производимого фермерами. Я думаю, было бы противоречием утверждать, что те, кто питается за счет излишков тех, кто возделывает землю, необходимы для того, чтобы самим обеспечивать себя. Ибо, если бы даже этот избыток уменьшился, мануфактуры, а не рабочие, первыми прекратили бы существование из-за нехватки продовольствия.

Важность пропорционального распределения человечества на рабочих и вольнонаемных представляется столь великой и имеет столь тесную связь с этим предметом, что это побуждает меня искать иллюстрацию принципов, которые я излагал, на примере, основанном на фактах, как это установлено в одной из величайших и наиболее процветающих наций Европы. Но прежде чем я продолжу в этой части моего предмета, я должен изучить последствия рабства применительно к теме, которой мы сейчас занимаемся. Связей здесь так много и они так разнообразны, что иногда необходимо прибегать к переходам, о которых я сообщаю моему читателю, чтобы он не потерял связь.

ГЛАВА VII.

Влияние рабства на размножение и занятость человечества.

Прежде чем я продолжу следовать выводам из приведенных выше рассуждений, я должен остановиться и рассмотреть немаловажное различие между древностью и современностью, которое послужит иллюстрацией природы рабства в отношении численности населения и занятости человечества.

Мы попытались изложить принципы, которые, по-видимому, влияют на эти два объекта, предполагая, что все они свободны. В этом случае, я полагаю, человеческий род будет размножаться в значительной степени пропорционально их промышленности; их промышленность будет увеличиваться в соответствии с их потребностями, и они снова будут диверсифицированы в соответствии с духом времени.

Из этого я заключаю, что чем свободнее и проще нравы в стране, *при прочих равных условиях*, тем меньше в ней жителей. Это везде доказывается опытом. Татары, которые свободно бродят взад и вперед по обширной стране, размножаются очень мало; дикари в Америке, которые живут охотой в состоянии большой независимости; жители нескольких горных стран Европы, где мало мануфактур и где жители не покидают страну; во всех таких местах человечество не размножается. В чем причина этого? Можно было бы предположить, что там, где есть большая территория, способная производить пищу, человечество должно размножаться до тех пор, пока почва не откажется давать больше. Я полагаю, что ответ может быть легко найден на основе изложенных выше принципов.

Там, где у человечества мало потребностей, количество свободных рук, необходимых для их удовлетворения, очень невелико, следовательно, для их содержания достаточно очень небольшого излишка у фермеров. Поэтому, когда случается, что какая-либо бедная семья из класса свободных рабочих рук становится очень многочисленной, разделение там достигает предельной степени, и большая часть становится совершенно праздною, потому что на их работу нет спроса. Пока они могут прокормиться за счет раздела доходов, получаемых от труда их родителей, или за счет благотворительности других людей, они живут; когда эти ресурсы иссякают, они становятся несчастными. В такой плачевной ситуации нелегко найти хлеб. Фермеры не удвоят свое усердие из милосердия. Те, у кого есть земля, не позволят этим неимущим людям выращивать на ней зерно бесплатно; и хотя они должны это делать, бедняки не в состоянии обеспечить себя всем необходимым для этого. Вся остальная работа полностью заполнена, несчастные умирают или гаснут, не размножаясь.

Чтобы сделать это более очевидным, давайте предположим, что потребности человечества в любой благовоспитанной нации Европы, которая в наши дни живет и процветает за счет продуктов своей собственной почвы, сразу же свелись к простоте древних патриархов или даже к простоте древних римлян. Предположим, что все рабочее, занятые сейчас в роскошном искусстве и во всех отраслях современной мануфактуры, станут совершенно праздными, как они смогут прокормиться? Какую экономику можно было бы поставить на ноги, способную сохранить так много жизней, полезных государству? И все же из предположения ясно, что фермеры страны способны поддерживать их, поскольку они действительно это делают. Было бы абсурдно предлагать использовать их в сельском хозяйстве, учитывая, что в нем занято достаточно людей, чтобы обеспечить продовольствием все население.

Если несомненно, что такие люди умерли бы от нужды, не имея никаких ресурсов, не должно ли из этого следовать, что если бы их родители не нашли средств содержать их в детстве, а они сами - средств к существованию за счет своего усердия в удовлетворении потребностей, они не могли бы существовать дальше своего первого младенчества.

Это, по-видимому, наносит глубокий удар по густонаселенности старого света, где, как мы знаем, потребности человечества в торговле и производстве были столь незначительны.

Но в те дни потребности человечества носили иной характер. В настоящее время существует спрос на изобретательность человека; тогда был спрос на его личность и услуги. Теперь, при условии наличия спроса на человека, какое бы применение он ни нашел, вид будет размножаться; ибо те, кто в них нуждается, всегда будут их кормить, и пока есть пища, численность будет увеличиваться.

В настоящее время пищу, как правило, можно найти только трудом, а его можно найти только для удовлетворения потребностей. Никто не накормит свободного человека больше, чем он накормит диких птиц или полевых зверей, если только у него не будет возможности поработать одним или плотью другого.

В старом свете принципы были те же, но дух народов был другим. Князья хотели иметь многочисленные армии. Свободные государства стремились к власти за счет количества своих граждан. Поскольку потребности человечества невелики, а простота нравов установилась, поощрять промышленность, за исключением сельского хозяйства, которое во все века было основой народонаселения, было бы непоследовательностью. Заставить человечество работать сверх его потребностей, заставить одну часть государства безвозмездно содержать другую, могло быть вызвано только рабством, и поэтому рабство было введено повсеместно. Рабство было тогда столь же необходимо для размножения, сколь и разрушительно для него сейчас. Причина проста. Если человечество не будет принуждено к труду, оно будет трудиться только для себя; и если у него будет мало потребностей, то и труда будет мало. Но когда государства начинают формироваться и у них появляются свободные руки для защиты от насилия их врагов, необходимо во всяком случае добывать пищу для тех, кто не работает; и поскольку, согласно предположению, потребности рабочих невелики, необходимо найти способ увеличить их труд сверх пропорции, соответствующей их потребностям.

Для этой цели было рассчитано рабство: оно имело два превосходных эффекта в отношении численности населения. Первая заключалась в том, что у неразвитых народов, питавшихся спонтанными плодами земли и почти постоянно находившихся в состоянии войны, сохранялись жизни ради того, чтобы сделать пленников рабами. Эти животные, проданные частным лицам или различным государствам, были уверены в том, что их прокормят; тогда как, оставаясь в своей стране, они занимали только место, которое, как было замечено, благодаря силе воспроизводительной способности вскоре должно было быть заполнено путем размножения: ибо не следует забывать, что когда численность сокращается в результате какого-либо внезапного бедствия, которое пропорционально не уменьшает средств к существованию, немедленно происходит новое умножение. Таким образом, мы видим, что ущерб, нанесенный эпидемиями, войнами и другими разрушениями, будь то среди людей или скота, устраняется за несколько лет, даже в тех странах, где стандартное поголовье того и другого редко увеличивается. Какое огромное количество скота ежегодно забивается! Кто-нибудь воображает, что если бы всем было позволено жить, численность пропорционально увеличилась бы? То же самое верно и в отношении мужчин.

Второе преимущество рабства состояло в том, что в странах, где преобладала хорошая полиция и где у людей было гораздо меньше потребностей, чем ощущается в наше время, рабы были вынуждены обрабатывать землю, которая кормила и их, и праздных свободных людей, как это было в Спарте; или они заполняли все подневольные места, которые свободные люди занимают сейчас, и они также были заняты, как в Греции и Риме, снабжением мануфактурами тех, чья служба была необходима государству.

Тогда существовал жестокий метод, позволяющий сделать человечество трудоемким в выращивании продуктов питания; и если это будет достигнуто (любыми средствами), численность увеличится.

Торговля, промышленность и мануфактуры имеют тенденцию только умножать число людей, поощряя сельское хозяйство. Следовательно, если предположить, что два государства одинаково протяженны, одинаково плодородны и одинаково возделываются, а продукты потребляются дома, я полагаю, что они окажутся одинаково населенными. Но предположим, что на одном трудятся свободные люди, на другом - рабы, какая разница будет в ведении войны? В первом случае свободные руки должны своим усердием и трудом покупать себе пищу, и день, потерянный в труде, в некотором смысле является днем поста: в последнем случае рабы производят пищу, их сначала кормят, а остальное ничего не стоит для свободных людей, которые все могут быть использованы на войне без малейшего ущерба для промышленности.

Из этих принципов следует, что рабство в прежние времена оказывало такое же влияние на заселение мира, какое торговля и промышленность оказывают сейчас. Тогда людей заставляли трудиться, потому что они были рабами других; сейчас людей заставляют трудиться, потому что они рабы своих собственных потребностей.

Я только добавлю, что я не претендую на то, что на самом деле рабство в древние времена повсеместно увеличивало численность населения, так же как я не могу утверждать, что дух трудолюбия голландцев присущ всем свободным нациям в наши дни. Все, что необходимо для моей цели, - это изложить два принципа и показать естественные последствия одного и другого в отношении размножения человечества и развития сельского хозяйства, основных объектов нашего внимания на протяжении всей этой книги.

Я не буду сейчас распространяться дальше на этот вопрос, а вернусь к тому, на чем остановился в предыдущей главе, и перейду к дальнейшему исследованию основного распределения населения на рабочих и вольнонаемных.

ГЛАВА. VIII.

Какая доля населения необходима для ведения сельского хозяйства и какая доля может быть с пользой занята в любом другом занятии?

Я задал этот вопрос не с намерением дать на него полный ответ, а чтобы указать, как при надлежащем освещении на него можно ответить.

Поскольку я пишу в обстоятельствах, не самых благоприятных для обращения к книгам, я должен использовать те, что у меня есть. Статья "Политическая арифметика" из "Энциклопедии мистера Чемберса" снабжает меня некоторыми выдержками из сэра Уильяма Петти и доктора Давенанта, которые я здесь намерен использовать, чтобы указать на решение предложенного вопроса. Эти авторы рассматривают состояние Англии таким, каким оно им представлялось, и то, что они говорят, является окончательным только в отношении этого состояния.

Сэр Уильям Петти полагает, что жителей Англии шесть миллионов, стоимость ежегодно потребляемого ими зерна составляет десять миллионов фунтов стерлингов, бушель пшеницы оценивается в 5ш., а бушель ячменя - в 2ш. 6д. Если мы бросили их вместе, и рассчитывать на среднем, это сделает квартал, или восемь бушелей зерна на общую сумму 1л. 10с. но в связи с ячменем не может составлять до половины всего зерна, потребленного, тем более что

существует довольно большое количество ржи используется, который стоит больше, чем ячменя, хотя и меньше, чем пшеницы; давайте предположим, что зерно стоит 32С. в квартале, на средней, затем десять миллионов стерлингов будет приобретено шесть миллионов четвертей хлеба, или около того: которая используется для питания, в хлебе и пиве, дает среднее количество на одну четверть, или 512 фунтов зерна на каждого жителя, включая питание его пропорциональную часть животных; полагая, что сэр Уильям присутствовал на это обстоятельство, ибо оно не упомянутых камер. И я должен заметить, кстати, что это вычисление может быть справедливо для Англии, где люди едят так мало хлеба; но не соответствовало бы ни Франции, ни почти ни одной другой стране, которую я видел.

Доктор Давенант, исправляя расчеты сэра Уильяма, дает 5 545 000 жителей. Все это, согласно ценам и пропорциям сэра Уильяма, потребило бы 8 872 000 *фунтов* стерлингов; но доктор не без оснований считает сумму немного выше и утверждает, что она составляет 9 075 000 *фунтов* стерлингов; разница, однако, незначительна. Из этого он делает вывод, что валовой продукт кукурузных полей составит около 9 075 000 *фунтов* стерлингов. Я не критикую это вычисление.

Далее, что касается стоимости других земель; я обнаружил, что сэр Уильям считает, что валовой продукт от них в виде масла, сыра, молока, шерсти, ежегодно выращиваемых лошадей, мяса для еды, жира, шкур, сена и древесины составляет 12 000 000 *фунтов* стерлингов: следовательно, сумма валового продукта всех земель в Англии должна быть равна этим двум суммам, сложенным вместе, то есть 21 075 000 *фунтов* стерлингов.

Исходя из этих данных, доктор оценивает годовую арендную плату за посевные площади в два миллиона фунтов стерлингов, а за пастбища и т. Д. - в семь миллионов, всего девять миллионов.

Из этого следует, что земельная рента Англии относится к валовому продукту как девять к двадцати одному или около того.

Позвольте мне теперь рассмотреть некоторые другие пропорции.

Отношение ренты с посевных площадей к валовому продукту с них равно двум к девяти, с пастбищ - семи к двенадцати.

Теперь совершенно очевидно, что вся рента находится в довольно справедливом соотношении с валовым продуктом, за вычетом трех основных статей.

1. Пропитание фермера, его семьи и слуг.
2. Необходимые расходы его семьи на мануфактуры и инструменты для обработки земли.
3. Его разумная прибыль, согласно обычаям каждой страны.

Давайте различим, какая часть из этих трех статей подразумевает прямое потребление чистого продукта, а какая нет.

К первому виду относятся продукты питания для людей и скота, шерсть и лен для выделки одежды, обжига и другие более мелкие изделия.

Ко второму относятся все покупаемые мануфактуры, заработная плата слуг, случайный наем рабочих и прибыль, либо расходуемая на роскошь (то есть излишество), предоставляемая займы, либо откладываемая.

Три вышеупомянутые статьи (которые мы распределили по двум разделам) вычитаются из валового продукта, а оставшаяся стоимость показывает земельную ренту.

Поскольку это так, то далее я исследую причину огромной диспропорции между рентой за посевные площади и рентой за пастбища по сравнению с валовым продуктом, чтобы сделать некоторый вывод, который может привести к решению предлагаемого здесь вопроса.

Это различие, должно быть, проистекает из большей доли рабочих и других жителей, занятых на обработке почвы, что делает затраты на нее гораздо большими, чем на пастбище. И поскольку и в той, и в другой стране все необходимые расходы или потребление кажутся пропорционально равными между теми, о ком идет речь в обеих странах, то есть пропорциональными числу работающих жителей, то отсюда следует, что доля людей, занятых в сельском хозяйстве и за его счет в различных странах, примерно равна отношению валового продукта к земельной ренте; или, другими словами, пропорции потребления, производимого фермерами и теми, кто обязательно ими занят, к чистому продукту; что одно и то же.

Теперь, поскольку потребление кукурузы на фермах составляет $\frac{7}{9}$, а на пастбищах - $\frac{5}{12}$, соотношение этих двух долей должно отражать соотношение между заселенностью пастбищных угодий и земель, занятых пашней; иными словами, пахотные земли в Англии в то время были заселены пропорционально пастбищным угодьям, как 84 к 45, или как 28 к 15.

Теперь, когда этот вопрос решен, я перехожу к другому, а именно к использованию этого чистого продукта, или избытка количества пищи и предметов первой необходимости, остающегося сверх питания, потребления и расходов жителей, занятых в сельском хозяйстве; и который, как мы наблюдали выше, равен земельной ренте Англии, то есть девяти миллионам в год.

Разве это не должно быть обязательно использовано для питания и использования тех, кого мы называли *свободными руками*; которые могут быть заняты на производстве, в торговле или любым другим способом, который заблагорассудится государству.

Теперь я полагаю, что количество людей очень близко к количеству потребляемой ими пищи; особенно когда общество взято таким образом, в такой накопительной пропорции, и когда все находятся в одинаковых условиях относительно изобилия в течение года.

Мы сказали, что весь валовой продукт Англии равен 21 000 000 фунтов стерлингов, из которых 9 миллионов осталось у тех, кто не занят в сельском хозяйстве; следовательно, фермеры и их слуги должны ежегодно потреблять 12 миллионов; следовательно, последний класс относится к первому так же, как 12 к 9. Следовательно, если, согласно доктору Давенанту, в этом королевстве насчитывается 5 545 000 человек, то должно быть около 3 168 571 занятого или зависимого от сельского хозяйства и 2 376 429 свободных рук для любого другого занятия. Но эта доля фермеров окажется гораздо меньшей, если мы подумаем, что мы посчитали для них общую сумму трех вышеупомянутых статей, то есть общее потребление, которое они производят, а также в мануфактурах, прибыль от их труда и т. Д., Что касается продовольствия и предметов первой необходимости; тогда как для свободных рабочих не было учтено ничего, кроме земельной ренты; следовательно, к числу последних следует прибавить столько же, сколько занято в снабжении всевозможными изделиями всех фермеров Англии и всех тех, кто зависит от них; и это число должно быть принято во внимание. из одного и добавлен в другой класс.

Если предположить, что это число равно четырёмстам тысячам, то это не просто перевесит баланс на противоположную сторону.

Исходя из этих фактических данных (в той мере, в какой они являются таковыми), мы можем заключить:

I. Что повышение земельной ренты свидетельствует о росте промышленности, поскольку оно увеличивает жизненный фонд, потребляемый трудолюбивыми, то есть теми, кто его покупает.

II. Что это может означать либо увеличение числа жителей, либо сокращение численности населения земли с целью скопления лишних ртов в деревнях, городах и т. Д., Где они могут заниматься своим трудом с большими удобствами.

В то время как земельная рента в Европе была очень низкой, многие жители, по-видимому, были заняты в сельском хозяйстве, но на самом деле были не более чем праздными потребителями его продуктов. Это будет более подробно проиллюстрировано в последующих главах.

III. Чем больше в стране возделываемых земель, тем *больше* в ней населения и тем *меньше* доля *свободных рук* для всех государственных служб. Чем больше в стране пастбищ, тем *меньше* в ней населения, но тем больше доля *свободных рук*.

Как я уже сказал выше, я не претендую на то, что в этой главе можно полагаться на какие-либо расчеты; я лишь попытался указать, как можно произвести расчеты, когда станет известно истинное положение дел в Англии.

Поскольку этот вопрос по своей природе не входит в цепь наших рассуждений, его можно рассматривать скорее как случайный, чем существенный; поэтому я рассматривал его поверхностно и главным образом ради выводов.

Наше следующее исследование, естественно, будет посвящено принципам, определяющим место жительства жителей, чтобы выяснить, почему во всех процветающих государствах сейчас наблюдается повсеместный рост городов.

ГЛАВА. IX.

Каковы принципы, регулирующие распределение жителей по фермам, деревням, хуторам, поселкам и городским поселениям?

Указав на естественное распределение жителей по двум основным классам, о которых мы говорили, я теперь собираюсь исследовать, в какой степени их занятость должна определять их место жительства.

I. Когда человечество питается спонтанными плодами земли, распределение их местожительства зависит от разделения земель. Если это общее для всех, то жители будут рассеяны по всему миру или собраны вместе, в зависимости от того, равномерно ли распределены продукты земли по лицу страны или ограничены какими-то плодородными местами.

Поэтому татары кочуют со своими стадами и питаются ими; поэтому индейцы-охотники разбросаны небольшими группами по лесам и питаются дичью; поэтому другие, которые питаются плодами земли, собираются в большем количестве по берегам рек и в обводненных долинах.

Следовательно, там, где поверхность земли не используется, *там* место производства пищи определяет место жительства каждого члена общества, и *там* человечество может жить в праздности и оставаться свободным от любых ограничений.

II. Когда земля не является общей для тех, кто живет за счет ее спонтанных плодов, а присваивается немногими, *там* среди тех, кто потребляет излишки собственников, должно быть введено либо рабство, либо промышленность; потому что они будут ожидать либо обслуживания, либо работы в обмен на свои излишки. В этом случае место жительства жителей будет зависеть от обстоятельств, которые мы собираемся рассмотреть; и цель сельского хозяйства (в странах, где поверхность земли не расчленена и направлена исключительно на сбор плодов) будет определять место жительства только тех, кто необходим для этой цели: следовательно, из этого следует, что в климате, где земля производит самопроизвольно и в огромном изобилии, *могут* быть найдены большие города; потому что число тех, кто необходим для сбора плодов, невелико пропорционально их количеству; тогда как в других странах, где продукты земли производятся спонтанно и в огромном изобилии, они скудны, и там, где климат не позволяет выращивать плоды обильного и роскошного вида, вряд ли можно найти какой-либо значительный город, поскольку количество тех, кто необходим для сбора средств к существованию, в значительной степени пропорционально количеству самих плодов. Я не говорю, что в первом случае *должны* существовать большие города или что во втором их *не может* быть вообще; но я говорю, что в первом случае те, кого *можно* собрать в городах, составляют большую долю по отношению ко всему обществу; и что во втором они составляют небольшую долю.

Я думаю, что нашел подтверждение этому принципу на собственном опыте. Когда я сравниваю объем и густонаселенность городов Ломбардии и, тем более, городов обводненных провинций Испании с жителями территории, на которой они расположены, я нахожу, что доля первых значительно выше, чем во Франции и Англии; и еще больше в этих двух последних упомянутых королевствах, чем в более северных странах и провинциях, где продукты земли в меньшей степени соответствуют труду, затраченному на их производство. Теперь, хотя я допускаю, что ни то, ни другое не подпитывается спонтанным производством, все же можно сделать вывод, что чем больше климат способствует труду человека, тем больше в производстве участвует спонтанная природа^[1].

J. Отсюда мы можем заключить, что в тех странах, где люди живут за счет спонтанных плодов, все общество (рассматриваемое в политическом свете) состоит из свободных рук. Природа там обеспечивает место целому классу фермеров.

Мы сказали, что промышленность и мануфактуры являются занятием свободных рук государства; следовательно, там, где их доля наибольшая, промышленность должна процветать с наибольшей выгодой; то есть в странах, где жители живут за счет спонтанных плодов; но это не так. Почему? Потому что есть другое обстоятельство не менее весомого значения, которое

этому препятствует. Эти люди не знакомы с нуждой, а нужда - стимул к трудолюбию. Пусть этого будет достаточно, в общем, для описания распределения населения в странах, незнакомых с рабочей силой.

Опять же, в странах, где для прокормления общества требуется рабочая сила, чем меньше доля рабочих, тем больше будет доля свободных рук. Плоды, произведенные годовым трудом, и в еще большей степени такие, которые являются следствием тщательной обработки земли (такие как роскошные пастбища), дают доход, намного превышающий питание тех, кто занят обработкой земли; следовательно, все излишки потребляются людьми, не занятыми в сельском хозяйстве; следовательно, теми, кто не обязан проживать на месте, которое их кормит, и кто может выбрать жилище, наиболее приспособленное для осуществления той отрасли промышленности, которая наиболее подходит для производства эквивалента фермерам их излишков.

Из этого ясно, что резиденция только фермеров, по существу, привязана к месту возделывания. Отсюда фермы в одних провинциях, деревни в других.

Теперь я перейду к другому классу жителей - свободным рабочим, которые живут за счет излишков фермеров.

Я должен разделить их на два условия. Первое - те, кому этот излишек принадлежит непосредственно или кто, имея уже полученный доход в виде денег, может его приобрести. Вторых, те, кто приобретает это своим ежедневным трудом или личным обслуживанием.

Те, кто выполняет первое условие, могут жить, где им заблагорассудится; те, кто выполняет второе, должны жить, где могут. Место жительства потребителей во многих случаях определяет место жительства поставщиков. Следовательно, по мере того, как те, кто живет там, где им заблагорассудится, решают жить вместе, в такой же пропорции остальные должны следовать за ними. И в той мере, в какой государство считает нужным сосредоточить управление государством в одном месте, в такой же пропорции должны быть собраны вместе администраторы и все, кто от них зависит. Я считаю, что это принципы, влияющие на увеличение основной массы столиц и небольших городов.

Когда место жительства потребителя не определяет место жительства того, кто его поставляет, допускаются другие соображения. Это относится к тому, что можно правильно назвать производством, в отличие от торговли, будь то для внутреннего потребления или для экспорта за границу. Эти соображения,

I. Относительно места и ситуации предприятия, которое отдает предпочтение берегам рек и речушек, когда необходимы машины, приводимые в действие водой; близости лесов, когда используется огонь; месту, где производится сырье для производства; как в шахтах, угольных шахтах, кирпичных заводах и т. Д.

II. Относительно удобства транспортировки, например, по судоходным рекам или по большим дорогам.

III. Относительно дешевизны жизни, следовательно, не (часто) в крупных городах, за исключением собственного потребления. Но следует заметить, что это последнее соображение вряд ли когда-либо может быть постоянным: поскольку само учреждение является средством

повышения цен, выгода должна уменьшаться по мере того, как предприятие становится успешным. Поэтому наилучшим правилом является создание таких производств на берегах судоходных рек, куда все необходимые припасы можно доставлять издалека с небольшими затратами. Это преимущество является постоянным, остальные - нет; и со временем оно может оказаться пагубным из-за изменения тех самых обстоятельств, которые определили выбор ситуации. С появлением мануфактур мы видим, как деревушки разрастаются в деревни, а поселки - в города.

Морские порты обязаны своим созданием внешней торговле. Исходя из того или иного из этих и подобных принципов, человечество собрано в деревушки, поселки, поселки в городах.

ГЛАВА I. X.

О последствиях, к которым приводит разделение двух основных классов народа, земледельцев и свободных рабочих, в отношении их жилищ.

Далее я собираюсь исследовать последствия, к которым приводит государство, граждане и земельные интересы такого рода разделения, как я мог бы это назвать, между материнской землей и ее трудолюбивыми детьми, которое, как я полагаю, происходит повсюду пропорционально прогрессу промышленности, роскоши и быстрому обращению денег.

Что касается государства, то, я думаю, совершенно очевидно, что без такого распределения жителей было бы невозможно взимать налоги. Ибо до тех пор, пока земля непосредственно питает тех, кто находится на ее поверхности, до тех пор, пока она доставляет свои плоды в руки того, кто их потребляет, нет отчуждения, нет необходимости в деньгах, следовательно, нет возможности установить обширное налогообложение, что будет полностью объяснено в своем месте, и из этого принципа, я полагаю, следует вывести причину, по которой мы находим налогообложение столь малоизвестным при феодальной форме правления.

Личная служба вассалов с их скотом и слугами во всех случаях составляла силу и богатство сеньоров, а их арендная плата в основном выплачивалась натурой. Они жили на своих землях, обычно завидовали друг другу и постоянно ссорились. Это была очень веская причина, чтобы не дать им собраться вместе. Вокруг их жилищ располагались города. В основном они состояли из немногих торговцев и фабрикантов, которые были в стране. Судья лорда, его фискал и судебная коллегия добавлялись к этим цифрам; судебные тяжбы и присутствие лорда часто сводили вассалов вместе; это поощряло увеселительные заведения; и я полагаю, что такова картина большей части маленьких городков, если мы перенесемся на триста или четыреста лет вперед от настоящего времени.

Города были резиденцией епископов. Эти лорды были очень независимы от гражданского правительства и в то же время имели в нем главное руководство. Они добились привилегий для своих городов, и эти сообщества постепенно превратились в маленькие республики: налоги здесь всегда были обычным делом. Феодалы редко появлялись там, и только низшие классы населения наслаждались свободой и непринужденностью в этих городах.

В некоторых странах Европы, например в Германии, главными гражданами со временем стали патриции. Во Франции определенные должности, пользующиеся общественным доверием, иногда приносили дворянство тем, кто их занимал, и всегда уважение. Представители граждан были даже допущены в штаты и образовали *государственные органы*. В других местах они получали случайные знаки отличия от государя, как лорд-мэр Лондона по сей день обычно получает рыцарское звание. Короче говоря, единственный расцвет общественной свободы, который можно было встретить во времена феодального правления, был в городах; неудивительно, что они увеличились.

После открытия Америки и Ост-Индии промышленность, торговля и роскошь вскоре появились в королевствах Испании, Франции и Англии: величие и могущество ганзейских городов уже указывали государям на важность этих объектов.

Тогда княжеские дворы стали великолепны; феодалы незаметно стали посещать их с большим усердием, чем раньше. Великолепие принца вскоре затмило те лучи, которые сияли вокруг них на их собственных землях. Теперь они больше не казались друг другу объектами зависти, но соперничества. Они познакомились, им понравилась придворная жизнь, и каждый предложил себе дом в столице. Перемена места жительства повлекла за собой изменение обстоятельств как в городе, так и в стране. Что касается города, то по мере увеличения числа жителей за счет притока знатных лордов и тех, кто следовал их примеру, возрастал спрос на всякого рода провизию и рабочую силу; и это быстро привлекало все больше жителей. Все соперничали друг с другом в великолепии дворцов, одежд, экипажей. Способы менялись и по очереди оживляли различные отрасли изобретательности. Откуда вдруг взялось такое большое количество жителей? Тот, кто обратил бы свой взор на опустевшие резиденции знати, увидел бы, что старики плачут и причитают, и от них не слышно ничего, кроме жалоб на запустение: молодежь уехала в город; с ними ничего не изменилось.

Это, без сомнения, прямое следствие внезапной революции, которая никогда не может произойти без больших неудобств. Многие из многочисленных слуг знати, которые с пользой заполняли каждый дом и жилище, принадлежавшие великому человеку, умирали с голоду. Он был при дворе и громко требовал денег, к чему у него редко бывал повод, разве что для того, чтобы запереть их в своем сундуке. Чтобы раздобыть эти деньги, он счел целесообразным обменять часть личных услуг своих вассалов на наличные деньги: из-за этого он потерял свой авторитет. Затем он присмотрел фермера (не земледельца) для поместья, плоды которого он ранее употреблял в пищу. Этот гробовщик, как я могу его называть, начал с того, что распустил праздные рты. Последовали еще большие жалобы. Наконец, деньги, потраченные в городе, начали поступать в руки трудолюбивых: это вызвало соревнование, и дети несчастных, которые почувствовали на себе печальные последствия революции, но не могли предвидеть последствий, начали извлекать из нее выгоду. Они стали непринужденными и независимыми в большом городе, потакая расточительности тех, под властью кого родились.

Это развитие событий, возможно, прослежено слишком подробно, чтобы быть точным; поэтому я останавливаюсь, чтобы рассмотреть положение дел в тот период, когда прекратились все неудобства внезапной революции и когда все пришло к тому состоянию, в котором мы их сейчас находим. Столицы сильно разрослись. Некоторым Париж и Лондон кажутся чудовищными, и говорят, что они являются бременем для остальной части страны. Это необходимо изучить.

Я полагаю, мы согласны с тем, что жители городов не заняты в сельском хозяйстве, и мы можем согласиться с тем, что оно их кормит: мы исследовали причины роста городов и увидели фонд, обеспечивающий их существование, а именно избыток плодов, производимых земледельцами.

Каковы же тогда преимущества, получаемые гражданами от такого значительного увеличения их города? Я не могу найти какой-либо большой выгоды, вытекающей для отдельных людей из этого обстоятельства; но я прихожу к выводу, что те же преимущества, которые многие находят в частности, должны быть общими для большого числа людей, следовательно, большие числа собираются вместе.

Основные возражения против больших городов сводятся к тому, что здоровье там не такое хорошее, что браки не так часты, как в сельской местности, что преобладает разврат и множатся злоупотребления.

На это я отвечаю, что эти возражения в равной степени направлены против всех городов и не характерны только для тех, на которые жалуются из-за их большого размера; и что зло проистекает скорее из духа жителей, чем из размеров столицы. Что касается продления жизни, то это скорее частная, чем общественная забота.

Далее утверждается, что число смертей превышает число рождений в больших городах; следовательно, города поменьше и даже целая страна лишаются своих жителей, чтобы пополнить эти капиталы.

Здесь я отрицаю, во-первых, что во всех столицах число смертей превышает число рождений; ибо в Париже дело обстоит иначе. Но если предположить, что это утверждение верно, какой вывод можно сделать из него, за исключением того, что многие люди, родившиеся в деревне, умирают в городе. То, что страна должна обеспечивать города жителями, не является злом. Зачем стране лишние рабочие руки? Если у нее достаточно средств для удовлетворения своих собственных потребностей и потребностей городов, разве этого недостаточно? Будь этого больше, статисты либо потребляли бы, не работая, либо, будучи добавлены к классу рабочих, вместо того, чтобы быть добавленными к числу свободных рабочих рук, нарушили бы равновесие между двумя классами; зерна стало бы слишком много, и это привело бы к общему падению сельского хозяйства; тогда как, отправляясь в города, они приобретают деньги и на них покупают зерно, которое они потребили бы, если бы остались в деревне; и эти деньги, которые их дополнительный труд в городах пустит в обращение, в противном случае остались бы запертыми или, по крайней мере, были бы возвращены в другие страны. никогда бы не поехал в деревню, если бы не дезертирство статистов. Надлежащим и единственно правильным стимулом для сельского хозяйства является умеренное и постепенное увеличение спроса на продукты земли: это приводит к естественному и благотворному увеличению населения; и этот спрос должен исходить от городов, поскольку у земледельцев никогда не бывает повода требовать; именно они предлагают на продажу.

Высокие цены на большинство товаров в крупных городах, безусловно, являются выгодой, а не потерей для страны. Но я должен заметить, что большие расходы, связанные с проживанием в столицах, не сказываются ни на низших классах, ни на умеренных и бережливых ни в какой пропорции к тому, что они причиняют богатым. Если вы питаетесь говядиной, бараниной, хлебом и пивом, то в Лондоне и Париже вы можете жить так же дешево, как в большинстве городов, которые я знаю. Этих товаров предостаточно, и, хотя спрос на них велик, средства,

выделяемые на их поставку, пропорциональны. Но когда речь заходит о рыбе, птице и дичи; о всевозможных деликатесах, доставляемых издалека почтой, кораблями и посыльными; когда у вас прекрасные экипажи, большие дома, дорогие слуги и обилие отходов во всех предметах, в которых нет ни крупицы экономии, неудивительно, что деньги так быстро утекают.

Из сказанного я не делаю вывода, что в таком королевстве, как Англия, есть какое-либо очевидное преимущество в столь разросшейся столице, как Лондон; но только то, что я не нахожу большой силы в возражениях, с которыми я столкнулся против этого. Я не стану отрицать, что могут быть и другие, которых я не знаю, потому что я недостаточно знаком с этим королевством, чтобы быть компетентным судьей в этом вопросе.

Позвольте мне теперь завершить эту главу упоминанием того, в каких отношениях я считаю города преимуществом страны в целом; и по ходу дела я укажу, в чем они являются недостатком, в частности, для некоторых ее частей.

Их общими преимуществами являются:

I. Снять ненужную нагрузку с земли; тех праздных людей, которые съедают часть продукта труда, не внося в него свой вклад.

II. Возможность взимать налоги и добиваться того, чтобы они влияли на богатых пропорционально их потреблению, не нанося ущерба промышленности или экспорту.

III. Преимущества, связанные с получением фиксированного процента, не менее значительны. Это доказывается всеобщим опытом: ибо мы повсюду видим, что в тот момент, когда какой-либо город или селение начинает увеличиваться за счет развития торговли или мануфактур, земли вокруг немедленно повышаются в своей стоимости. Причина этого, по-видимому, легко выводится из вышеприведенных принципов.

Когда фермер ставит свою экономику под правильные правила, не имеет ни одного лишнего работника, ни бесполезного рта, но имеет изобилие рук для любого вида труда, что обычно имеет место вблизи больших и невеликих городов, близость к ним освобождает его от всякого излишества. Его скот потребляет точное количество зерна и необходимого фуража; то, что остается, - это деньги; лишнее яйцо - это деньги; лишний день в повозке, лошади, лишний час работы слуги - все это деньги для фермера. Существует постоянный спрос на все, что он может сделать или предоставить. Чтобы это воспринималось более здраво, переезжайте в провинцию, подальше от города, и сравните ситуации. Там вы обнаруживаете изобилие излишних вещей, которые нельзя превратить в деньги, и которые, следовательно, потребляются без особой необходимости и без какой-либо прибыли. Хорошо иметь там поместье, когда ты хочешь жить в нем; лучше иметь его рядом с большим городом, когда у тебя его нет.

Можно предположить, что недостатки, которые ощущают фермеры и собственники, живущие далеко, когда они сравнивают ситуацию с ситуацией, расположенной недалеко от города, исходят от города: это необходимо изучить.

Если город потребляет продукцию этой отдаленной фермы, он должен потреблять ее в конкурентной борьбе с любым местом на меньшем расстоянии; следовательно, эта конкуренция должна приносить больше пользы, чем вреда отдаленной ферме. Если город не потребляет ничего из произведенного, то как это влияет на него? На это можно ответить, что,

вступая в конкуренцию с отдаленными фермерами за рабочих жителей, эти пустынные земледельцы предпочитают более прибыльное занятие, которое можно найти в городе. Нехватка рабочих рук в деревне, с одной стороны, повышает цену рабочей силы, с другой - уменьшает спрос; следовательно, фермер оказывается в двойном невыгодном положении. В этом не может быть никаких сомнений; но поскольку эти революции по своей природе не могут быть внезапными, долгом государственного деятеля, который, я полагаю, постоянно бодрствует, становится непосредственное развитие какой-либо отрасли промышленности в каждой такой отдаленной части страны; и поскольку цены на некоторое время снизятся по вышеупомянутым причинам, это послужит стимулом для истощения; это снова ускорит распространение, поскольку это даст отдушину детям, и через короткое время фермер окажется в лучшем положении, чем когда-либо. Но даже без этой помощи со стороны государства несколько лет приведут все в порядок, при условии, что дух промышленности будет поддерживаться на должном уровне: ведь города, разрастаясь, распространяют свой спрос на самые отдаленные уголки страны; жители, которые дезертируют, не перестают потреблять и тем самым возмещают ущерб, нанесенный им своим дезертирством. Я взываю к опыту, чтобы убедиться в истинности этого. Разве мы не ощущаем, что спрос с каждым годом распространяется все дальше и дальше от крупных столиц? Я знаю места во Франции, которые двадцать лет назад не знали, что такое посылать в Париж даже деликатесы, кроме как по почте, и которые теперь отправляют туда каждую неделю груженные повозки с провизией на многие тысячи килограммов; в таком количестве, что я почти могу сказать, что откормленную курицу из самой отдаленной провинции этой страны можно с большой выгодой продать на парижском рынке в течение всего зимнего сезона; а скот доставляет туда свое мясо дешевле, чем любая повозка. Какая же далекая ферма тогда может пожаловаться на величие этого благородного города? Однако бывает случай, когда отдаленная часть страны может пострадать во всех отношениях, а именно, когда революция происходит внезапно; например, когда богатый человек, привыкший тратить свои доходы в своей провинции на поощрение промышленности, уезжает в Париж или Лондон и остается там год или два, не заботясь об интересах имущества, которое он оставляет. Несомненно, это должно пропорционально сказаться на его провинции; но в каждой революции, которая происходит постепенно из-за ухода тех, кто живет только своим трудом, рождаются новые рты, которые пополняют старые. Единственный вопрос заключается в том, чтобы хорошо их использовать: пока у вас есть избыток продовольствия и хорошая экономика, страна всегда будет извлекать одинаковую выгоду из своих природных преимуществ.

IV. Еще одним преимуществом городов является вытекающая отсюда необходимость наличия больших дорог, и это опять же является значительным стимулом для сельского хозяйства.

Плачевное состояние дорог почти по всей Европе в течение последних ста лет является наглядным доказательством плачевного состояния городов и того небольшого поощрения, которое ранее оказывалось расширению работ по улучшению почвы.

Пусть кто-нибудь изучит положение землевладельцев до прокладки больших дорог в нескольких провинциях Франции и сравнит его с тем, каково оно в настоящее время. Если этот вопрос покажется ему трудным, пусть он сравнит внешность молодых джентльменов среднего достатка, какими он видит их в Париже или в их полку, с внешностью их отцов, которые живут в своей провинции по старинке, и у него будет очень хорошая возможность увидеть прогресс непринужденности и утонченности в этом классе, который произошел не от чего иного, как от

улучшения почвы. Люди жалуются на повышение цен; в этом нет сомнений в отношении многих товаров. Разве это не вполне соответствует нашим принципам? Дело не в том, что в королевстве сейчас больше денежной массы, хотя я допускаю, что это верно, а также в том, что это обстоятельство могло способствовать повышению цен; но непосредственным принципом, который повлиял на них и который всегда будет регулировать их рост и падение, является увеличение спроса. Теперь большие дороги в некотором роде доставляют товары на рынок; они, по-видимому, сокращают расстояния, увеличивают количество всевозможных экипажей, устраняют вышеупомянутые неудобства, возникающие из-за удаленности города. Более отдаленные районы страны выходят на рынок, конкурируя с фермерами по соседству с городами. Эта конкуренция может привести к падению стоимости ренты с расположенных вокруг земель, которые первыми начали стимулировать промышленность. Но ущерб, нанесенный в этом отношении владельцам этих земель, вскоре будет возмещен. Города увеличились бы в объеме, спрос также увеличился бы, и цены выросли бы по-новому. Все, что дает жителям полезную работу, способствует потреблению; и это опять же является преимуществом для государства, поскольку оно привлекает деньги из сокровищниц богатых в руки трудолюбивых. Легкая транспортировка фруктов приводит к такому эффекту: фермер, живущий вдали от дома, может использовать свои свободные часы для заготовки продуктов, а свободные дни своих слуг и скота - для отправки товаров на рынок с ферм, которые раньше никогда не знали, что такое продавать такую продукцию.

Я не буду развивать эти рассуждения дальше, но в заключение замечу, что строительство дорог должно способствовать росту населения, поскольку они способствуют развитию сельского хозяйства.

ГЛАВА XI.

О распределении жителей по классам, о занятости и умножении их числа.

Проанализировав последствия современной политики, направленной на переселение столь значительной части населения в города, уместно указать на принципы, которые должны направлять государственного деятеля к надлежащим средствам их обеспечения, поддержки и использования. Без этого они не могут ни жить, ни размножаться. Их родительница, Земля, в некотором смысле изгнала их из своего лона; у них больше нет ее, чтобы кормить их грудью в праздности; промышленность собрала их вместе, труд должен поддерживать их, и это должно давать излишки для воспитания детей. Если этот ресурс иссякнет, наступит нищета: за обезлюдением городов последует разорение земель, и все вместе пойдет прахом.

Мы уже изложили принципы, которые кажутся наиболее естественными для привлечения человечества к труду, предполагая, что все люди свободны; и мы наблюдали, как рабство в прежние времена могло оказывать на заселение мира тот же эффект, что торговля и промышленность сейчас; тогда людей заставляли трудиться, потому что они были рабами других, люди вынуждены трудиться и сейчас, потому что они рабы своих собственных потребностей: при условии, что человека заставят трудиться и заставят землю производить в изобилии, и при условии, что власть, трудолюбие или благотворительность могут заставить

продукты циркулировать для пропитания свободных рук. , принцип большого населения приведен в полную силу.

Теперь я предположу, что эти принципы хорошо поняты. Желания способствуют развитию промышленности, промышленность дает продукты питания, еда увеличивает численность населения: следующий вопрос заключается в том, как обеспечить хорошую занятость населения?

Это общая максима в устах каждого человека; увеличивайте численность населения государства: сила и могущество государства пропорциональны количеству его жителей.

Я не люблю осуждать мнения; но я очень сторонник ограничения общих положений. Я едва ли когда-либо избегал того, чтобы меня вводили в заблуждение все, что я излагал. Ничто так не систематично, ничто так не красиво в трактате, как общие положения; они облегчают распространение наших идей, и я никогда не мог вычеркнуть их, кроме как с некоторым сожалением.

Поскольку я часто обращаюсь к частной экономике для прояснения своих идей относительно политики, я спросил себя, является ли общим правилом, что глава семьи должен увеличивать количество ее ртов в полной пропорции от всего, что он может прокормить? Теперь я придерживаюсь мнения, что в маленькой семье, хорошо составленной и где каждый должным образом занят, и хозяин, и слуги гораздо счастливее, чем в других, гораздо более многочисленных, где не соблюдается тот же порядок и регулярность; и что небольшое количество хорошо дисциплинированных солдат более грозно и действительно сильнее, чем многочисленное население большого города.

Польза жителей заключается во взаимной полезности друг другу в частности и обществу в целом. Следовательно, каждое государство должно в рамках разумной политики сначала приложить усилия к тому, чтобы имеющиеся у него жители соответствовали этой цели, прежде чем они будут придерживаться своих взглядов на увеличение их численности. Я думаю, что абсурдно желать новых жителей, не зная сначала, как использовать старых; и это незнание реальных последствий народонаселения - воображать, что увеличение численности безошибочно устранит неудобства, проистекающие из злоупотреблений тех, кто уже существует.

Тогда я начну с предположения, что жителям требуется скорее хорошая работа, чем увеличение численности.

Если я знаю количество обитателей, я могу знать долю тех, кто умирает каждый год: следовательно, я знаю, сколько пар производителей необходимо для поддержания поголовья. Если я хочу вырастить только двадцать бушелей зерна, я не засеваю свои земли двадцатью бушелями. Если у меня родится столько детей, сколько умрет людей, то, предположительно, у меня будет достаточно. Но эти дети должны воспитываться пропорционально, из разных классов населения, которые я здесь рассматриваю как распределенные по двум состояниям: те, кто не работает, и те, кто это делает. Не осмелюсь ли я сказать, что нет абсолютной необходимости в том, чтобы представители первого класса размножались, чтобы вербовать второй. Если, таким образом, второй класс поддерживается на должном уровне за счет собственного размножения, и если весь их труд будет потреблен, не окажется ли, что уменьшение числа тех ртов, которые не работают и которые кажутся полезными только с учетом

производимого ими потребления, не является реальной потерей для нации? Но на это возражают, что, если численность первого класса будет уменьшена, работа второго ляжет на плечи.

Здесь я ищу свой ответ на основе того, что показывает ежедневный опыт. Два человека (А) и (Б) имеют каждый по 1000 фунтов в год; (А) имеет много детей, (Б) не имеет ни одного: они оба тратят свой доход; (А) на предметы первой необходимости для своей семьи и на образование своих детей; для обеспечения которых заняты только представители рабочего класса, ибо кто когда-либо что-либо делает или дарит за деньги, я рассматриваю как рабочего: (Б) тратит свой доход как модный молодой джентльмен; у него прекрасная карета, множество лакеев в расшитых галунами ливреях; короче говоря, не вдаваясь в подробности его расходов, я нахожу, что все 1000 фунтов израсходованы в конце года. Ни (А), ни (Б) не выполняют никакой работы; предполагается, что никто из детей (А) не нужен в качестве снабжения рабочих рук. Разве тогда это не правда, что (Б) потребил столько же работы или услуг, ибо это я рассматриваю как то же самое, что и (А) со своей семьей? Более того, я могу пойти еще дальше и утверждать, что (Б) внесла такой же, если не больший, вклад в увеличение численности населения, чем (А). Ибо, если верно, что тот, кто дает пищу, дает числа, я говорю, что расходы по (Б) дали пищу детям трудолюбивых, нанятых им: следовательно, вместо того, чтобы непосредственно способствовать увеличению праздного населения государства, как в случае с (А), он косвенно способствовал умножению трудолюбивых. Какую же пользу тогда получает государство от детей (А), от его брака, от его размножения? На самом деле, я не вижу никакого вреда, хотя он и оставался паковщиком: ведь те, кто производит только праздных потребителей, определенно не добавляют государству ни богатства, ни силы, ни легкости. И только о таких людях здесь может идти речь.

Из этого я делаю вывод, что не может быть определенного числа богатых праздных потребителей, необходимых для найма определенного числа трудолюбивых людей, так же как и хозяев, чтобы нанимать фиксированное количество черной прислуги. Разве мы не видим, что одинокого мужчину часто сопровождает больше слуг, чем необходимо, когда он обзаводится женой и семьей; более того, часто случается, что молодой человек, женившись, уменьшает число своих слуг, чтобы прокормить своих детей.

Если богатство рассчитывается, как я надеюсь показать, для поощрения промышленности; если обращение должно ускоряться всеми способами, чтобы давать хлеб тем, кто расположен работать, или, другими словами, кто расположен стать энергичными членами содружества, внося свой вклад своей силой, своей изобретательностью или своими талантами в удовлетворение его потребностей, приумножение своего богатства, продвижение и управление хорошим правительством внутри страны или служить ему за границей: тогда, я говорю, слишком большое умножение тех, кто не подпадает ни под один из этих классов. праздные потребители, как я их назвал, вносят непосредственный вклад в то, чтобы другая часть населения томила.

Невозможно управлять государством в совершенстве и, следовательно, невозможно выполнить план правильного распределения жителей, не зная точно их положения в отношении численности, их занятости, прибыли от каждого вида промышленности, количества произведенного каждым классом. Это способ оценить, насколько люди определенной профессии находятся в состоянии воспитать семью. С другой стороны, изучение положения высших классов, которые не работают, легкости их положения и того, как государство

использует их услуги, может показаться излишним. Поскольку предполагается, что те, кто не работает, должны иметь средства для жизни и, следовательно, не нуждаться в помощи. Но это не везде и не всегда так: многие прекрасные подданные потеряны для государства из-за отсутствия у государственного деятеля должного внимания к этому объекту.

Я заметил, насколько необходимым было управлять народом в соответствии с его духом: теперь под управлением я понимаю защиту, лелеяние и поддержку, а также наказание, ограничение и требовательность. Поэтому, если в какой-либо стране найдется очень многочисленное дворянство, которое считает торговлю и низшие искусства недостойными своего происхождения, то хороший государственный деятель должен поразмыслить над духом прежних времен и сравнить его с духом настоящего. Тогда он поймет, что эти чувства передавались от отца к сыну и что не прошло и шести поколений с тех пор, как по всей Европе они были повсеместно приняты: что, хотя революция, о которой мы говорили в 10-й главе, по сути, сделало их менее приспособленными к духу настоящего времени, однако они приносят отличные результаты; они служат оплотом добродетели против соблазнов богатства; и опасно заставлять группу людей, которые составляют значительную часть государства, по необходимости попирает ногами то, что, по их убеждению, с младенчества является испытанием благородного и великодушного ума.

Около 200 лет назад знать нескольких наций, я подразумеваю под этим термином всех людей высокого происхождения, независимо от того, украшены они особыми знаками королевской милости или нет, жила за счет продуктов своих земель. В те дни было мало роскоши, мало обращения; земли кормили множество бесполезных ртов, в современном понимании бесполезных, следовательно, приносили очень умеренный денежный доход владельцам, которые, несмотря на это, были самыми значительными людьми в государстве. Этот класс жителей, оставшийся бездейственным в стране во время вышеупомянутой революции, вследствие развития промышленности, торговли и роскоши незаметно обратил баланс богатства и, следовательно, внимания против них. В этом нет никаких сомнений. Однако этот класс сохранил военный дух, возвышенные чувства; и, несмотря на их подавленность с точки зрения удачи, они, как оказалось, способны сиять ярче всего, когда находятся на должной высоте. В мирное время, когда процветает торговля, блеск тех, кто купается в общественных деньгах, вес и уважение богатого купца и даже непринужденность и достаток трудолюбивого торговца затмевают бедную знать: они становятся объектом презрения плохих граждан, объектом сострадания добрых; и политические писатели воображают, что оказывают им важную услугу, когда предлагают принять их в низшие классы народа. Но когда опасность угрожает извне и когда армии вводятся в бой, сравните поведение тех, кем руководит воинственная знать, с поведением сынов труда и прилежания; тех, кто прославлен, с теми, кто отстаивает свою точку зрения. Пусть государство только позволит этой знати прозябать без должного поощрения, страха нет, но они скоро исчезнут; их землями завладеют люди с более модным образом мышления, а армия быстро усвоит новые настроения, более аналогичные духу денежного интереса.

Я не нахожу ничего более трогательного для здравомыслящего человека, чем видеть страдания бедного дворянства обоих полов. Некоторые предлагали этому классу торговлю. Почему вы не торгуете? Я отвечаю: для благородства; Потому что для того, чтобы торговать, у меня должны быть деньги. Это возражение неопровержимо. Почему же тогда вы не обращаетесь к другим отраслям промышленности? Если предполагается, что этот вопрос должно задавать

государство, я, в свою очередь, спрашиваю, какую выгоду оно может извлечь из их промышленности? Какая выгода от того, что они станут владельцами магазинов, ткачами или тейлорами? Разве все эти классы не должны быть обеспечены руками из их собственного размножения? Какую выгоду она может извлечь из того, что дети одного класса отнимают хлеб у другого?

Если чувства, в которых воспитывалось дворянство, окажутся пагубными для государства, повергните их в уныние. Если рождение не должно быть знаком отличия, пусть оно не отличается какими-либо особыми привилегиями, которые внешне ставят этот класс выше уровня тех, с кем государство намерено их объединить. Вы не заставляете своего камердинера садиться позади вашей кареты, хотя при случае это могло бы быть удобно, и хотя, возможно, накануне он был вашим лакеем; вы бы даже выставили его за дверь, если бы он не менял компанию в соответствии со своим рангом.

Если вы не можете позволить себе иметь дворянство, пусть оно исчезнет: предоставьте, как в Англии, дворянский титул одному из членов семьи, а все остальные пусть будут простолудинами, то есть не отличающимися никакими личными привилегиями от низших классов народа. Но если вы хотите, чтобы они служили вам как солдаты, и чтобы они сохраняли те чувства, которые вы одобряете в солдатах, позаботьтесь хотя бы об их детях. Если они кажутся вам бедными и оборванными, когда бродят взад и вперед по землям своих отцов, гоняясь за жалким зайцем или куропаткой, сравните их в войсках с вашими богатыми соседями, если таковые у вас есть.

Создание *отеля militaire*, по крайней мере, показывает, что есть люди, которые прислушиваются к подобным заявлениям. Я не предлагаю, чтобы принц направлял в это русло те потоки богатства, которые текут из каждой части государства, хотя нет ничего более разумного, чем для людей платить, чтобы защитить свои наживы, но пусть на дворянскую собственность будет наложен налог, и пусть он будет направлен на образование щедрой молодежи с самых ранних лет. Там государство будет иметь всех под своим присмотром, они - ее дети, ее подданные, и они не просят ничего большего, кроме того, чтобы их забрали из неизвестности их жилищ и сделали способными работать, пока они молоды и полны сил. Когда они выполняют свою задачу, страна, которая их произвела, примет их обратно в свое теплое лоно; там они произведут на свет таких же, как они сами, и поддержат дух и размножение своего собственного класса, не возлагая никакой ответственности на других.

Государственный деятель должен приложить усилия к тому, чтобы нанять как можно больше представителей всех классов, а когда в обычном порядке найти работу не удастся, найти новые возможности для молодых людей всех вероисповеданий. Старые и бездействующие во многих деталях утрачены безвозвратно.

Аналогичным образом, взаимные отношения между классами посредством промышленности должны быть умножены и максимально поощряться. Я склонен полагать, что брачные отношения оказываются здесь скорее вредными, чем полезными. Иными словами, я бы предпочел препятствовать смешанным бракам лиц разных классов; но я бы поощрял, насколько это возможно, всевозможные взаимные зависимости между ними в том, что касается их профессий. Последнее имеет тенденцию заставлять каждого работать в соответствии с потребностями и духом его класса; первое в целом продуктивно и, насколько я могу судить, не дает никаких положительных результатов; что является достаточной причиной для того, чтобы

государство, по крайней мере, не поощряло такие браки, и это все ограничения, которые следует наложить.

Те члены общества, которые остаются безработными либо из-за естественных недугов, либо из-за несчастий и которые таким образом становятся обузой для других, на самом деле являются обузой для государства. Это болезнь, с которой нужно смириться. Нет тела, нет вещи без болезней. Государство должно обеспечивать всевозможные убежища, поскольку этого требуют различные условия жизни его разложившихся обитателей: гуманность, хорошая политика и христианство. Таким образом, многое можно сказать в целом о принципах, которые руководят наймом и распределением населения, которые в каждом штате должны быть разными, в соответствии с обстоятельствами, относящимися к протяженности, положению и почве страны, и, прежде всего, к духу народа. Далее я хочу предложить некоторые соображения относительно правильных методов увеличения чисел.

ГЛАВА XII.

О великом Преимуществе сочетания хорошо усвоенной Теории и совершенного знания Фактов с практической частью Управления, чтобы заставить Народ размножаться.

Мы имеем счастье жить в эпоху, когда открываются ежедневные возможности для осознания разницы между упражнениями в искусстве в соответствии с механической общепринятой практикой и в соответствии с принципами, которые были введены в результате изучения и совершенствования для доведения его до совершенства. Это предстанет в самом ярком свете тому, кто сравнит операцию строительства обычного дома с выполнением большой общественной работы, где задействованы самые способные архитекторы; прокладку обычной приходской дороги с прокладкой военного пути через горы, леса и болота. В первом случае любая трудность кажется непреодолимой; во втором самые большие препятствия исчезают. Сравнивая эти вещи, мы проводим различие между художником, который действует по правилам науки, и обычным торговцем, у которого нет другого ресурса, кроме обычной практики, опирающейся на его собственную изобретательность.

Каждая отрасль науки должна быть доведена мастером до совершенства, сформирована рукой природы и усовершенствована применением и опытом. Великий гений г-на де Кольбера разгадал путаницу и запутанность управления французскими финансами; он изобрел средства для увеличения общественного достояния, которое никогда не было бы подвержено стольким неудобствам, на которые жалуются, если бы управление осуществлялось с такой же бескорыстностью, с какой оно было поставлено на ноги со способностями. Гений мистера Лоу был оригинален в отношении цифр и бумажного кредита. Сэр Роберт Уолпол открыл новые принципы налогообложения, он расширил план государственного кредита и свел его применение к науке. Они были прирожденными государственными деятелями, они были создателями новых идей, они открыли новые принципы управления людьми и, руководствуясь своими интересами, побудили их согласиться с выполнением своих планов. Люди спекулятивного склада могут делать намеки, хотя силы теории, лишенной практики и не

подкрепленной экспериментом, недостаточно, чтобы помочь им составить план. У великого гения, обладающего силой и авторитетом, есть повод всего лишь для намека, чтобы вычеркнуть систему и с успехом привести ее в исполнение.

Нет проблем политической экономики, которые кажутся более неясными, чем те, которые влияют на размножение человеческого вида и которые определяют их распределение и занятость таким образом, чтобы наилучшим образом способствовать процветанию каждого конкретного общества.

Я нигде не нашел, чтобы эти вопросы соответствовали моему желанию, и я никогда не был в состоянии удовлетворить себя в отношении них. Есть много облаков, которые все еще покрывают плодотворные области этой науки; и пока они не рассеются, политический взор не сможет охватить весь ландшафт в целом или судить об уродствах, которые проявляются во многих изображениях, которые ежедневно дают наши современные художники.

Здесь я могу, без тени тщеславия, поставить себя на один уровень с великим Монтескье, чтобы воспользоваться высказыванием Корреджо *"Я старый сын питторе"*; я тоже добер; ибо я откровенно признаю свою собственную недостаточность, чтобы прозорливо подойти к этому предмету: мои частые повторения и частые возвращения к нему в разное время, чтобы прояснить свои идеи и идеи моих читателей, ясно показывают, что я осознаю свою собственную недостаточность. Освещая это в другом свете и рассматривая как бы с разных точек зрения, возможно, и я, и мой читатель, наконец, сможем увидеть это немного яснее.

В предыдущей главе я попытался изложить принципы, влияющие на умножение; но увы! все они настолько общие, что их можно рассматривать лишь как самые отдаленные. Они могут удовлетворить некоторые предположения, но могут быть малопригодны на практике. Я в основном настаивал на тех, которые, как оказалось, действуют во все времена в обществах, где преобладает примитивная простота. Теперь этот вопрос следует рассматривать в более сложном свете, в связи с современными нравами человечества, которые ни один государственный деятель, каким бы способным он ни был, не может изменить, когда вводятся торговля, промышленность, роскошь, кредит, налоги и долги. В них участвуют самые вежливые нации Европы. Это алмазная цепь, она держится вместе благодаря сплоченности, которую последовательные революции трех столетий настолько зацементировали духом наций, что она кажется неразрывной. Не мое дело исследовать, насколько современная система предпочтительнее древней; моя точка зрения заключается в том, чтобы исследовать, как государственный деятель может обратить обстоятельства, породившие этот новый план экономики, к наилучшей выгоде для человечества, предоставив реформирование такого плана времени и событиям, хозяином которых я не являюсь. Планы возвращения к древней простоте и превращения человечества в честное и добродетельное - прекрасные рассуждения: я восхищаюсь ими так же, как и любой другой человек, но не настолько, чтобы поверить в их осуществимость в наш дегенеративный век.

Поэтому, если принципы, которые я здесь излагаю, кажутся противоречащими столь приятной политической системе, пусть никто не делает отсюда выводов в мою пользу на основании моего особого мнения о ней, которое не имеет никакого значения. Моя цель - изучить последствия того, что мы чувствуем и видим ежедневно, и указать, в какой степени плохого можно избежать, а хорошее обратить с максимальной пользой.

Утрата прежней простоты и внедрение этой сложной схемы жизни сделали механизм управления бесконечно более сложным, и почти каждое расстройство в политическом организме влияет на умножение. Депопуляция - такой же несомненный признак политических болезней, как истощение организма человека. Увеличение численности в государстве свидетельствует о молодости и силе; когда численность не уменьшается, мы имеем представление о мужественности, а о возрасте - когда они уменьшаются.

Поэтому важность этого вопроса требует, чтобы я поднял его еще раз, чтобы исследовать надлежащие методы восстановления и сохранения молодости, а также распространения энергии в каждое сочленение, в каждую вену, в каждый нерв, если можно так выразиться, современного общества.

В Ликургской республике неженатого мужчину встречали без всякого уважения, потому что никакая причина, кроме распутства, не могла помешать ему жениться. Брак не был бременем в государстве, где все были накормлены и о них заботились за счет государства. Спартанец, который не женился, считался тем, кто отказался внести свой вклад в набор армии только для того, чтобы удовлетворить порочную привычку.

The *Jus trium liberorum* и другие поощрения, данные Августом Цезарем римлянам для заключения браков, были рассчитаны главным образом на знать и только на граждан, но вовсе не на низший класс (рабов), обязанных трудиться. Пороком, требующим исправления, и тем, что император видел в этих учреждениях, была расточительная и распутная жизнь богатых людей, живших в безбрачии. Это затронуло римское государство и лишило его главной силы, военной мощи, всадников. Судите о силе этого класса по количеству их, уничтоженных при Каннах. В те дни главное поощрение к умножению должно было быть направлено на высшие классы; низшие классы народа (безусловно, самые многочисленные во всех странах и во все века) легко пополнялись путем ввоза рабов, как это происходит сейчас в Вест-Индии, где, следовательно, естественно должен действовать тот же принцип, который привлек внимание мудрого императора. Положение дел в Европе, и в Англии в частности, полностью меняется с установлением всеобщей свободы. Наши низшие классы абсолютно свободны; они принадлежат самим себе и должны воспитывать своих собственных детей, иначе государство обезлюдело бы. У нас нет никаких ресурсов от импорта, будь то морскими судами, или парламентских актов о натурализации. У нас всегда будет многочисленный и свободный простой народ, и нам постоянно придется бороться с одними и теми же неудобствами, пока низшие классы будут пребывать в такой депрессии, что не смогут прокормить свою собственную численность. В этом-то и заключается трудность. Чтобы иметь процветающее государство, которое сэра Уильяма Темпла прекрасно сравнил с пирамидой, мы должны сформировать большую и прочную основу из низших классов человечества. По мере роста благосостояния классов пирамида сужается, пока не упирается в точку (как при монархии) или в небольшой квадрат, как при аристократическом и смешанном правлении. Следовательно, этот низший класс должен поддерживаться, и, как мы уже говорили, за счет его собственного умножения. Но там, где каждый живет своим трудом, возникает конкуренция, и предпочтение получает тот, кто работает дешевле всех. Как может женатый мужчина, у которого есть дети, которых нужно содержать, оспаривать это предпочтение с тем, кто не женат? Следовательно, неженатый заставляет остальных голодать; и основание пирамиды сжимается. Пусть на данный момент будет достаточно этого краткого очерка наиболее важной части нашего предмета; он

будет продолжен и рассмотрен более подробно в главе о физических потребностях, или естественных потребностях.

Отсюда вытекает основная причина упадка современных государств: он проистекает из свободы и неразрывно связан с ней.

Несколько современных авторов, пишущих на эту тему, самым решительным образом рекомендуют вступать в брак всем слоям населения; однако приходскому священнику, вполне естественно, может быть отказано в присоединении к супружеской паре, если только они не смогут создать видимость, что их дети вряд ли станут обузой для прихода. Можно ли обоснованно найти какую-либо ошибку в таком регулировании? Те, кого безвозмездно кормят другие, являются бременем для государства и, безусловно, не являются приобретением, пока они продолжают это делать. Нет ничего проще, чем жениться; нет ничего естественнее, особенно среди низшего сословия. Но как для того, чтобы пожинать, недостаточно пахать и сеять, так и для того, чтобы воспитывать детей, недостаточно жениться. Гнездо необходимо каждому животному, которое производит на свет беспомощный выводок: дом - это гнездо для детей; но каждый человек, который может произвести на свет ребенка, не может построить или арендовать дом.

Эти размышления подводят меня к проведению различия, которое, как я полагаю, может быть полезно для прояснения наших представлений о численности населения. Поэтому позвольте мне рассмотреть рождение человека в политическом свете, и оно предстанет в двух формах. Первая - как реальное размножение; другая - только как продолжение рода.

Дети, произведенные на свет родителями, которые в состоянии их содержать и воспитать так, чтобы они сами добывали себе хлеб, действительно размножаются и служат государству. Те, кто родился от родителей, чье существование ненадежно или соразмерно только их собственным физическим потребностям, ведут ненадежное существование и, несомненно, начнут свою жизнь с того, что станут нищими. Многие из них погибнут из-за недостатка пищи, но еще больше - из-за недостатка развлечений; их нищета будет сопровождаться нищенством их родителей, и все пойдет прахом, согласно замечательному выражению маршала де Вобана в его "Королевском празднике". *La mendicité, says he, est un mal qui tue bientôt son homme.* У него перед глазами было много примеров истинности этого; тот, кто этого не видел, должно быть, мало что видел в мире.

Когда брак заключается без необходимых условий для размножения, он приводит к деторождению, сопровождающемуся вышеупомянутыми неудобствами; и поскольку гораздо большая часть жителей принадлежит к низшим классам, долгом государственного деятеля становится принятие мер по предотвращению такого зла, если он намеревается с пользой увеличить численность своего народа.

Любой план, предлагаемый с этой целью, который не основывается на точном перечислении жителей страны, приход за приходом, окажется не более чем средством передвижения в темноте. Среди таких обобщений или списков я бы порекомендовал, в качестве улучшения по сравнению с теми, которые я видел в превосходных действиях маршала де Вобана, упомянутых выше, и в государствах его Прусского Величества или где-либо еще, составить один, классифицирующий всех жителей не только по профессиям, которыми они занимаются, но и по тем, которые принадлежат их отцам, с целью отличить те классы, которые размножаются, от тех,

которые только производят потомство. Я был бы рад также увидеть списки смертности, составленные для каждого класса, главным образом для сравнения рождений и смертей детей в них.

Позвольте мне привести пример. Предположим тогда, что передо мной общий список всех жителей страны, приход за приходом, где они могут оказаться распределенными по соответствующим профессиям, которыми занимались их отцы. Я сразу же обнаружу значительное количество выходцев из высших классов, из тех, кто живет на уже обеспеченный доход, и из отраслей промышленности, которые обеспечивают легкое и обильное существование. Они не нуждаются в помощи государства в воспитании своих детей, и вы можете поощрять вступление в брак или разрешать безбрачие в таких классах пропорционально тому, какое применение вы находите для их отпрысков, когда они воспитываются. Когда я прихожу в низшие классы, я изучаю, например, ремесло сапожников, где я нахожу определенное количество произведенного. Это число я сначала сравниваю с числом реально существующих сапожников, а затем с числом существующих между ними браков (поскольку я предполагаю повторение всех видов), из чего я делаю вывод о плодovitости брака и успешности размножения в этой части. Когда состояние вопроса будет изучено класс за классом, я смогу решить, где брак успешен, а где нет. Я сказал, что считаю преимуществом, чтобы каждый класс поддерживал по крайней мере свою численность; и когда он делает больше, я бы пожелал (если бы это было возможно), чтобы высшие классы набирались из низших, а не изfrom высших; первое кажется признаком процветания, другое - упадка; но я должен признаться, что получить первое гораздо труднее.

Поэтому, в зависимости от обстоятельств и в соответствии с этими принципами, я бы поощрял брак, забирая детей из рук их родителей. Там, где брак преуспевает хуже всего, если он происходит в очень низшем классе, ему следует уделять большое внимание: возможно, следует позаботиться обо всем в целом. Некоторые профессии могут быть загружены одним дочерним элементом, другие - двумя, и так постепенно. Но об этом подробнее в другом месте. Прошу вас, здесь не следует воображать, что я предлагаю, чтобы все низшие классы людей вступали в брак и размножались, а государство должно кормить все их потомство. Моя точка зрения не простирается дальше, чем быть уверенной в том, что ежегодно будет обеспечиваться забота о таком количестве детей, которое будет соответствовать предлагаемому увеличению, и что они будут пропорционально воспитываться от каждого класса и из каждой части страны и будут произведены от браков, охраняемых государством, в отличие от других, которые при свободном правлении всегда будут подвергаться неудобствам нужды и убожества. Защита от такого зла должна быть еще одним объектом государственной заботы. Больницы для подкидышей - замечательное учреждение, а колонии - это отдушина для лишних обитателей. Но я незаметно вдаюсь в детали, которые выходят за рамки моего плана. Чтобы составить схему, вы должны предположить, что конкретное состояние прекрасно известно. Это находится за пределами моей досягаемости, и поэтому я не буду идти дальше, а проиллюстрирую сказанное некоторыми наблюдениями и размышлениями, которые кажутся аналогичными данному предмету.

Я не предлагал здесь планов размножения, несовместимых ни с духом народов, с которыми я немного знаком, ни с религией, исповедуемой в Европе, по многим причинам, очевидным для любого разумного человека. Но главным образом потому, что, я полагаю, будет обнаружено, что уже рождается достаточное количество детей; и что у нас нет ни повода для сожительства, ни

полигамии, чтобы увеличить их число. Но нам нужен правильный метод заботы о тех, кто у нас есть, чтобы производить приумножение, пропорциональное нашим возможностям обеспечивать себя питанием и работой. Поэтому я предложил, чтобы государственный деятель, хорошо информированный о положении своего народа, состоянии каждого класса, количестве браков, заключенных в каждом, сказал: пусть в каждом классе будет разрешено столько-то браков, распределенных в определенной пропорции по каждому приходу, городу, норе и т.д. В стране; пусть будут установлены правила, отдающие предпочтение, в случае соперничества, между разными парами; и пусть следствием этого одобрения будет освобождение родителей от всех детей сверх определенного числа, как было сказано. Я не предлагаю никаких новых ограничений на брак, потому что я сторонник свободы и потому что такие ограничения шокировали бы дух времени. Поэтому я настоятельно рекомендовал бы больницы для подкидышей по всей стране; и еще более настоятельно - бережливое содержание детей в таких больницах и их раннее воспитание для заполнения и вербовки низших слоев населения.

ГЛАВА I. XIII.

Продолжение той же темы, касающейся необходимости иметь точные списки рождений, смертей и браков для каждого класса жителей современного общества.

М-р Дерхэм привел несколько таблиц, которые показывают соотношение между браками и рождениями в Англии как 1 к 4; соотношение рождений и похорон как $1 \frac{12}{100}$ к 1: из чего следует, что умножение там продолжается, хотя и медленно: признак молодости и энергии. Доктор Давенант оценивает увеличение в 9000 долларов в год. Если бы все оставалось на этом уровне, я бы предпочел его гораздо более быстрому умножению: оно составляет около миллиона за столетие (без учета накоплений или точных расчетов), и чем дольше сохраняется молодость, тем лучше. Быстрое размножение прекратится в какой-то период, и эта остановка, которая знаменует бедствие, должна вызвать большие неудобства.

Эти расчеты, сделанные на основе весьма неубедительных ваучеров, показывают, насколько необходимо иметь достоверные резюме: поскольку, какими бы неубедительными они ни были, именно на основе этих и подобных им данных доктор Галлей и другие вычислили стоимость аннуитетов, которые (в то время, когда все государства Европы занимают деньги за счет частной промышленности или собственности каждого человека) должны оцениваться по их реальной стоимости. Итак, во всех этих расчетах смертности, по-видимому, учитывается то, что мы называли злоупотреблением браком или продолжением рода.

Если это правда, а я думаю, что это так, исходя из того, что я видел, то многие, особенно дети, из низших классов умирают от последствий нищеты; либо непосредственно из-за недостатка пищи, либо из-за болезней, которыми постепенно заражаются из-за отсутствия удобного отдыха; и что другие умирают из-за отсутствия ухода, когда малейшей помощи хирурга, пустившего им кровь, было бы достаточно, чтобы уберечь их от воспалительных заболеваний, которым они в основном подвержены.

Если это так, не должны ли мы заключить, что расчеты, основанные на выводах, сделанных на основе рождений и смертей человечества в целом, не могут быть настолько точными, как если

бы аналогичные расчеты производились на основе данных о рождениях и смертях каждого класса жителей, взятых в отдельности.

Здесь можно ответить, что среди богатых и обеспеченных встречаются болезни, которые уносят людей в такой же пропорции, в какой другие болезни уносят бедных: что мы видим очень большие семьи, воспитывающиеся среди низших классов, в то время как великий человек прилагает все усилия в мире, чтобы уберечь маленького мальчика от гибели множества детей.

Я согласен, что все это может быть правдой; но я был бы рад увидеть, в какой степени это *так*, и быть уверенным в этом факте. Я хочу знать болезни богатых и бедных; я хочу знать как можно больше подробностей о рождении и смерти представителей каждого класса, насколько это возможно, о людях из Парижа, Лондона или Бреславля. Я хочу знать, от каких родителей произошли те толпы бедняков, которых я встречаю повсюду; и больше всего - получить подобные отчеты из разных стран, где преобладают разные нравы. Ибо ни один справедливый вывод не может быть сделан из сопоставления фактов без изучения обстоятельств. Самый бесплодный класс в одной стране может быть самым плодовитым в другой. В качестве примера давайте сравним брачное положение лакеев Лондона и Парижа.

Я нахожу, что ошибка повсюду скрывается под общими положениями. Дети бедных, говорит один, процветают лучше, чем дети богатых. Если это так, то по здравому смыслу так быть не должно. Но тот же самый человек скажет вам: "Я сделал своего сына купцом; он будет богатым человеком". Почему? Потому что (А В) был торговцем, который умер ни с того ни с сего, заработав сто тысяч фунтов стерлингов. Но если вы пройдетесь по всем буквам алфавита, следующим за (А В), среди тех, кто поступил так же, как он, вы обнаружите, что, возможно, каждый из них умер банкротом. Замечательны те, кто добивается успеха: о тех, у кого случается выкидыш, никто никогда не слышал. Это точно так же и в отношении стоящего перед нами вопроса. Но вернемся к нашим таблицам и тому, что называется расчетами.

От одного брака у медиума в Англии рождается четверо детей. Если вы посчитаете, что в этой стране проживает 6 000 000 человек и что $\frac{1}{30}$ часть умирает ежегодно, то для поддержания численности достаточно, чтобы ежегодно рождалось 200 000 человек; прибавьте к этому ежегодный прирост в 9000 человек, тогда общее число рождений составит 209 000: ибо если 200 000 человек умрут в этом году и если родится 209 000 человек, это, безусловно, должно означать увеличение на 9000 человек, при условии, что мы предположим, что привлечение иностранцев равно вывозу местных жителей. Поскольку это всего лишь иллюстрация, мне нет необходимости рассматривать факты. Следующий вопрос заключается в том, сколько браков, должным образом заключенных или поощряемых, как указано выше, дадут это увеличение? Ибо мы можем знать, что всего этого, существующего в этом царстве, в сочетании с последствиями внебрачных союзов, как раз достаточно, чтобы произвести это. Я полагаю, что ничто, кроме эксперимента, не может дать решения этого вопроса. Мистер Кинг предполагает, что каждый 104-й человек в Англии ежегодно вступает в брак, то есть 57 682 человека, или 28 841 пара. Если предположить, что это количество браков сохраняется с плодовитостью в течение семи лет, производя ребенка каждый год, то было бы получено число в 200 000 рождений; но я полагаю, что браки, правильно заключенные, в целом существуют гораздо дольше, чем семь лет, даже с учетом плодовитости, хотя и не пропорционально ребенку каждый год: следовательно, число браков, постоянно заключаемых с плодовитостью в Англии, где, как предполагается, ежегодно заключается 28 841 брак, должно быть намного больше, чем

в семь раз, или чем 201,887201,887. Если мы предположим, что все 209 000 рождений происходят в результате браков, при трех браках на каждого ежегодно производимого ребенка, то число существующих браков составит 627 000. Из этих рассуждений (ибо я не претендую на то, чтобы называть их расчетами) Я заключаю, что чем более плодотворными оказываются браки (не только в отношении продолжения рода, но и размножения, которое я выделил выше), тем меньше становится необходимых; и чем меньше заключается ненужных браков, тем лучше для государства и меньше страданий для тех, кто их заключает. На этом я останавлиюсь и предоставляю читателю самому делать свои выводы, напоминая ему о большом различии, которое всегда обнаруживается между теорией и практикой.

Из этого рассуждения я делаю вывод, что нельзя составить точное суждение о численности населения в каком-либо обществе на основе единственных данных о ежегодном количестве смертей среди них; и хотя справедливое соотношение между численностью и смертями может быть точно определено в одном конкретном месте, все же это соотношение не будет служить общим стандартом, и его принятие как должное может привести к ошибке.

Вот причины моего мнения.

Если бы не было людей, вступающих в брак, кроме тех, которые могли бы содержать своих детей, списки рождений и похорон, я полагаю, уменьшились бы, и все же их количество могло бы остаться прежним; и если бы вступали в брак все, кто мог производить потомство, они, несомненно, увеличились бы, но все же количество никогда не превысило бы прожиточного минимума. Если бы мы только могли увидеть счета рождений и смертей для города Рима во всей его красе; или, действительно, для сахарных колоний в Америке, куда ввозятся рабы, добавив количество импортируемых к количеству рождений и предположив, что колония не находится ни в растущем, ни в убывающем состоянии, тогда смертность и рождаемость были бы равны; но их доля по отношению ко всем в колонии, я полагаю, была бы намного меньше, чем в любом государстве Европы, где рабство не преобладает.

Можно предположить, что если бы все вступили в брак, следствием было бы великое размножение. Я говорю "нет"; или, если бы это было так, какого рода умножение было бы? Множество детей, которые никогда не смогли бы стать взрослыми; или которые морили бы голодом своих родителей и увеличивали бы невыразимые страдания. Следовательно, все, что можно узнать из отчетов о смертности и т. Д., Это то, что если рождаемость превысит смертность и что все останутся в стране, цифры увеличатся; что если смертность превысит рождаемость, цифры уменьшатся; но пока они остаются на одном уровне, нельзя сделать вывод относительно цифр в целом: они будут в меньшей пропорции по мере того, как будет продолжаться жестокое продолжение рода; и, *наоборот*, они будут в большей. Над этим вопросом все еще нависает облако: поэтому позвольте мне рассуждать на примере. Предположим, что численность жителей страны составляет 6 000 000 человек, ежегодно умирает одна тридцатая и столько же рождается, то есть число рождений и похорон составляет 200 000; что каждые три существующих брака производят ребенка каждый год, то есть 600 000 браков; пусть количество пищи остается прежним, без возможности увеличения. Не будет ли следствием этого то, что цифры не смогут увеличиться? Теперь позвольте мне предположить, что число браков увеличилось до 1 000 000, я говорю, что результатом было бы либо то, что они стали бы в целом менее плодотворными, либо, если бы они не пострадали от уменьшения в этом конкретном случае, что счета рождений и смертей выросли бы до 333 333; то есть по

отношению к числу жителей они были бы равны 1 к 18, вместо 1 к 30. Теперь, при таком увеличении смертности, происходящем из-за нехватки пищи, либо старики заморят голодом молодежь, либо молодые заморят голодом стариков; либо произойдет третий случай, более вероятный, чем любой из них, богатые заморят голодом бедных. Каковы были бы последствия всех этих трех предположений? В первом случае число в 6 000 000 человек уменьшилось бы; потому что доля крупных потребителей увеличилась бы, а смертность среди детей увеличилась бы. Во втором случае стандартное количество увеличилось бы, потому что возросла бы доля мелких потребителей и увеличилась бы смертность среди родителей. В третьем случае численность осталась бы практически такой же, но нищета и бедствие опустошили бы все низшие классы. Подсчитано, что половина человечества умирает до наступления половой зрелости в странах, где их число не увеличивается; из этого я делаю вывод, что рождается слишком много людей. Следовательно, если будут применены методы, позволяющие сделать определенные болезни менее смертельными для детей, все хорошее, что это принесет, в целом, будет заключаться в том, что старики из низших классов станут еще более несчастными; ибо, если первых оставить в живых, последние должны умереть.

Исходя из этих рассуждений, я не могу удержаться от желания увидеть счета смертности, составленные для разных классов, а также для разных возрастов. Если бы это было сделано, было бы легко понять, происходит ли смертность среди детей от болезней, которым неизбежно подвержено младенчество, или от жестокого продолжения рода. Я в значительной степени убежден, прежде чем увижу эксперимент, что он исходит из последнего; но если опыт докажет это, принципы, которые я изложил, приобретут дополнительную силу. В то же время я должен заключить, что народ не увеличивается не из-за отсутствия браков, а из-за нехватки средств к существованию; и именно жалкое и оскорбительное продолжение рода приводит к голоду половину населения и является источником стольких несчастий.

В целом, я могу сказать, что, если бы было возможно получить представление об общем состоянии рождаемости и погребений в каждом классе жителей страны, брак, несомненно, мог бы быть поставлен на более прочную основу, чем когда-либо, поскольку он ежегодно обеспечивает определенное количество хороших и здоровых рекрутов для увеличения численности нации. Это хождение по свету и является средством получения любого увеличения рук, о котором вы мечтаете. Какие трудности могут возникнуть при исполнении, может показать только опыт; и это, на разумный взгляд, укажет средство. На мой взгляд, это будет намного лучше, чем общая натурализация, которую я расцениваю как прыжок в неизвестность. Ибо, как бы легко ни было натурализовать людей, я верю, что нет ничего труднее, чем натурализовать обычаи и привычки иностранцев; и величайшее благо, которым может наслаждаться любая нация, - это единообразие мнений по каждому пункту, который касается общественных дел и управления ими. Когда Бог благословляет народ, он делает его единодушным и дарует ему правителя, который любит его и которого они любят, почитают и уважают; это, и только это, может создать единоподушие.

Пусть на данный момент этого будет достаточно относительно распределения, занятости и приумножения людей. От надлежащего использования свободных рук должно зависеть процветание каждого штата: следовательно, главной заботой государственного деятеля должно быть сохранение всех занятых, и для этой цели он должен получить точное знание состояния каждой конфессии, чтобы не допустить, чтобы кто-либо поднялся выше или опустился ниже того уровня, который наилучшим образом соответствует спросу, предъявляемому к их

конкретной отрасли. Поскольку плохие последствия, возникающие в результате потери именно этого баланса, проявляются не сразу, умеренного внимания с помощью надлежащего перепросмотра будет достаточно, чтобы направить его в нужное русло.

В этой и двух предыдущих главах в определенной степени полностью рассматривался вопрос о занятости свободных рабочих рук; теперь я должен рассмотреть последствия завышения цен для тех, кто занят в сельском хозяйстве. Здесь мы еще обнаружим неудобства, возникающие из-за отсутствия той справедливой пропорции в распределении классов, которая придает здоровье и энергичность государству; и мы увидим, как может случиться, что даже чрезмерное количество жителей в целом может стать политической болезнью; подобно тому, как обилие крови, какой бы богатой и полезной она ни была, может повлиять на здоровье человеческого организма.

ГЛАВА XIV.

О злоупотреблениях в сельском хозяйстве и населении.

Выше я обратил внимание на две постановки, в которых авторы с равным умением рассуждали о численности человечества; тема, которая имеет очень тесную связь с политической экономикой.

Хотя (как я уже сказал) Я не претендую на то, чтобы решать между ними по спорному вопросу, я нахожу, что в этой главе я естественным образом приду к цепочке рассуждений, совершенно противоположных рассуждениям мистера Уоллеса, от чего я бы отказался, если бы достоинства его работы в глазах ученого мира не казались достаточными, чтобы привлечь мое внимание.

Сельское хозяйство, без всякого сомнения, является основой размножения, которое всегда должно быть пропорционально ему; то есть, как уже было сказано, продукции земли. Но из этого не следует, что пропорционально размножению произведенные продукты, конечно, должны становиться полезными друг для друга и для общества в целом. Теперь я рассматриваю умножение как не что иное, полезное для государства, кроме как в той мере, в какой дополнительное число становится таковым для тех, кто уже существует, кого я рассматриваю как политический орган общества. Таким образом, если случается, что дополнительное количество произведенных продуктов не делает ничего, кроме как кормит себя, то я не вижу никакой выгоды для общества от их производства. Если, не оказывая никаких равноценных услуг, их кормят другие, это приводит к убыткам.

Можно сказать, что земледелие доведено до предела, когда земля обработана настолько, чтобы производить наибольшее количество плодов, возможное для использования человеком; и, оценивая улучшение двух участков земли одинаковой площади, можно сказать, что наиболее улучшенным является тот, который производит наибольшее количество пищи; но что касается населения, то вопрос на этом не заканчивается; ибо пусть количество будет равным на обоих, но если жители одного будут более бережливы в отношении печени, чем жители другого, одно это обстоятельство создаст неравенство. Следовательно, если рассматривать сельское

хозяйство только с точки зрения численности населения, мы должны рассматривать эту страну как наиболее населенную, где продукция наиболее обильна и где жители наиболее трезвы. Итак, что касается масштабов сельского хозяйства и численности населения: теперь мы переходим к рассмотрению неудобств, которые могут возникнуть для общества из-за чрезмерной нагрузки или из-за того, что я называю злоупотреблением либо тем, либо другим.

Я называю злоупотреблением в обществе все, что противоречит его духу или создает неудобства для определенных классов, которые не компенсируются общим благосостоянием.

Политическая экономика правления доведена до совершенства, когда каждый класс в целом и каждый индивид в частности призваны помогать обществу пропорционально той помощи, которую он от него получает. Это отражает мое представление о свободном и совершенном обществе, которое представляет собой *общий молчаливый контракт, из которого вытекают взаимные и пропорциональные услуги между всеми, кто его составляет.*

Поэтому всякий раз, когда находится кто-либо, от кого никто не зависит и кто зависит от всех, как в случае с тем, кто готов работать ради своего хлеба, но не может найти работы, происходит нарушение контракта и злоупотребление. По той же причине, если мы можем предположить, что какой-либо человек полностью занят тем, чтобы прокормить себя, ни от кого не завися и чтобы никто от него не зависел, мы теряем идею общества, потому что между таким человеком и другими членами общества нет взаимных обязательств.

Те, кто выступает за использование всего народа в сельском хозяйстве, могут ответить, что все их время не может быть занято этим занятием и что в промежутках они могут прилагать усилия для удовлетворения взаимных потребностей.

Я очень охотно соглашаюсь с тем, что любой человек, который рассчитывал бы свой труд в сельском хозяйстве исключительно для собственного пропитания, обнаружил бы изобилие свободных часов. Но вопрос в том, не будет ли при хорошей экономике такой человек лучше занят обеспечением *питания* для других, чем удовлетворением любых других потребностей. Когда он обеспечивает себя пищей, он, несомненно, удовлетворяет нужду; и опыт показывает, что для человека лучше заниматься одним ремеслом, чем сразу несколькими.

Отсюда я делаю вывод, что лучший способ объединить свободное общество - это умножить взаимные обязательства и создать общую зависимость между всеми его членами. Это не может быть достигнуто лучше, чем путем присвоения определенного числа жителей для производства количества пищи, необходимого для всех, и путем распределения остальных по соответствующим классам для удовлетворения всех других потребностей. Я говорю далее, что такое распределение не только наиболее рационально, но и что человечество естественным образом попадает в него; и несчастье сопровождает и всегда сопровождало тех, кто оказался без определенного занятия.

Из этого рассуждения не следует делать вывод, что злоупотребление всегда подразумевается, когда мы обнаруживаем какой-либо класс свободных рабочих рук государства, случайно занятых в сельском хозяйстве.

В каждой стране существует такое разнообразие обстоятельств, что без особого таланта сводить принципы воедино, чтобы отвечать каждой комбинации, самая совершенная теория, которая может быть предложена, должна казаться ущербной.

В странах с плохим развитием, где промышленность начинает пускать корни, мы не должны делать вывод, что хорошая политика требует внезапного и немедленного разделения жилищ земледельцев и свободных рабочих рук. Внезапные революции постоянно приносят вред, и хороший государственный деятель должен разработать свой план достижения совершенства постепенными шагами.

Если он обнаружит, как это бывает в грубых и нецивилизованных обществах, что многие заняты частично обеспечением существования своей собственной семьи, частично другими полезными занятиями, он может постепенно оторвать как можно больше людей от любой другой отрасли промышленности, за исключением сельского хозяйства. Наиболее состоятельные люди наиболее пригодны для доведения этой отрасли до какой-либо степени совершенства. Землевладельцев следует всячески поощрять к изучению сельского хозяйства. Это занятие считалось почетным во все века мира и очень хорошо соответствовало рангу, интересам и развлечениям джентльменов.

Следующий шаг - ввести в страну промышленные предприятия и обеспечить готовый рынок сбыта за рубежом для каждой их излишней части. Соблазн наживы вскоре побудит каждого заниматься той отраслью промышленности, которая лучше всего преуспевает в его руках. Благодаря этим средствам многие последуют примеру мануфактур и оставят сельское хозяйство; другие будут заниматься своим производством в деревне и в то же время пользоваться небольшими участками земли, пригодными для садов, травы для коров и даже для выращивания определенных видов фруктов, необходимых для их собственного содержания.

Я не рассматриваю это как разновидность фермерства. С политической точки зрения, это, скорее, своего рода деревенская жизнь, только деревня здесь кажется рассредоточенной на значительной территории; и я называю это деревенской жизнью, потому что здесь занятие жителей в основном направлено на занятие своим ремеслом: сельское хозяйство - это всего лишь второстепенное соображение, и им будут заниматься лишь постольку, поскольку оно не вызывает большого отвращения к главной цели. Однако разделение земель на небольшие участки возымеет эффект: система, превосходно рассчитанная на улучшение почвы и выгодная для населения, когда дух промышленности не будет таким образом подавлен. Это не тот случай, не тот случай, когда такие собственники полностью посвящают себя сельскому хозяйству и довольствуются лишь его средствами к существованию, не занимаясь какой-либо другой отраслью промышленности и не строя каких-либо амбициозных планов для себя или для выхода своих детей из столь ограниченной сферы жизни: только из этого проистекает в большинстве стран неудобство мелкого раздела земельной собственности.

Сейчас мы увидим на различных примерах истинность этого утверждения; и из тех наблюдений, которые я смог сделать, следует, что из этого вытекает большое неудобство; *собственность* на земли, а не *простое владение* ими, принадлежит низшим классам. Пока они остаются только арендаторами, интерес собственника, с одной стороны, приведет его к объединению этих небольших владений в более крупные фермы в тот момент, когда владельцы, отвлекаясь от своего основного занятия (промышленности), больше не смогут платить арендную плату выше стоимости земли при сдаче ферм в аренду; и интерес этих арендаторов, с другой стороны, часто будет приводить их к отказу от таких небольших владений, когда продолжение их производственной деятельности потребует смены места жительства. Таким образом, интересы

сельского хозяйства будут идти рука об руку с интересами промышленности, и классы будут разделять свои жилища в соответствии с требованиями своих соответствующих интересов.

Несомненно, в интересах каждого землевладельца, чья земля плохо обработана, увеличить на ней количество жилья, при условии, что он выберет таких людей, которые могут жить какой-либо другой отраслью промышленности, кроме простого сельского хозяйства: и во многих случаях ему может быть выгодно превратить свои земли в фермы, как только они будут полностью обработаны. С помощью этого плана он продвинет улучшение своей земли; он увеличит число полезных жителей; и в то же время он будет делить прибыль от их промышленности сверх стоимости земельной ренты.

Благодаря этим средствам производство шерсти в Англии и полотна в Ирландии и Шотландии значительно расширилось. Но по мере того, как будет продолжаться улучшение земель, эта экономика будет приходить в упадок: города будут разрастаться в соответствии с принципами, которые мы сейчас собираемся вывести; земли будут становиться все более малонаселенными; и фермы будут постепенно разрастаться. Я взываю к опыту, чтобы убедиться в справедливости этого мнения.

Отсюда ясно видно, что, во всех возможных ракурсах, мы по-прежнему считаем невозможным с пользой использовать в сельском хозяйстве более определенной части населения. Следующий вопрос заключается в том, как определить справедливую пропорцию. Для этой цели мы должны обратиться к фактам, а не к теории. В предыдущей главе мы рассмотрели состояние этого вопроса в отношении одной страны. Здесь я только добавлю, что пропорционально культуре почвы и количеству урожаев, которые она должна производить, потребуется большее или меньшее их количество; и пропорционально избытку пищи сверх того, что необходимо для содержания рабочих, будет обеспечено некоторое количество свободных рук. Следовательно, если удастся установить такой вид сельского хозяйства, который производит мало излишков или вообще не производит их, то *там* можно будет практически не заниматься промышленностью; можно будет удовлетворить лишь немногие потребности: это приведет к удивительной простоте нравов, разрушит систему современной политики и вызовет то, что я должен назвать злоупотреблением. Позвольте мне привести несколько примеров, чтобы представить этот вопрос в более ясном свете.

В винодельческих провинциях Франции мы находим земли, лежащие вокруг деревень, разделенными на очень маленькие участки, и возделывание там доведено до необычайных высот. Они принадлежат *в собственности* крестьян, которые выращивают виноградные лозы. Никакая бережливость не может быть большей, чем при потреблении этого продукта, и мельчайший сорняк, который появляется среди зерна, идет в пищу животным. Я могу сказать, что продукция таких земель полностью потребляется владельцем и его семьей, которые все заняты на обработке, и здесь не производится избыточного количества для содержания других. Разве это не напоминает распределение земель, произведенное римлянами в пользу 5000 сабинских семей, где каждая получила по два *плетра* земли. [См. "Числа человечества", стр. 117.] Теперь позвольте мне изучить политическое состояние сельского хозяйства и другой работы, выполняемой моим французским виноградарем.

Под этим предположением мы подразумеваем, что клочка земли достаточно для содержания человека и его семьи, и ничего более; у него нет зерна на продажу, он не может поставлять никакой пищи какому-либо другому лицу вообще; но состояние других земель, способных

приносить излишек, таких как виноградник, создает спрос на его труд. Этот труд, рассматриваемый применительно к виноградарю, является фондом для удовлетворения всех его потребностей в мануфактурах, соли и т. Д. А то, что сверх этого, должно рассматриваться как его прибыль, из которой он выплачивает королевские налоги. Тот же самый труд, рассматриваемый применительно к владельцу виноградника, входит в то необходимое вычитание из плодов, которое при вычитании оставляет остаток, который мы называем излишком, или то, что соответствует земельной ренте. Это принадлежит собственнику и становится фондом для удовлетворения всех его потребностей.

Здесь у нас есть представление об обществе. Виноградарь зависит от собственника в цене своего труда; собственник зависит от виноградаря в своих излишках. Но если бы мы предположили, что все королевство разделено и обрабатывается, как участок, расположенный вокруг деревни, что стало бы с виноградарем в отношении всех его других потребностей; не было бы ни лоз, которые нужно было бы возделывать, ни излишков пищи, где бы они ни находились, следовательно, не было бы ни работы, ни даже жизни для тех, у кого нет земли. Из этого примера мы обнаруживаем разницу между сельским хозяйством, осуществляемым *как ремесло* и *как прямое средство существования*, различие, на которое следует обратить внимание, поскольку оно очень часто будет встречаться при рассмотрении нашего предмета. У нас есть два вида виноградарей: они обрабатывают виноградник в качестве ремесла и свой участок земли для пропитания. Далее мы можем заключить, что в отношении последней части он полезен только самому себе; но что касается первой, то он полезен обществу и становится его членом; следовательно, если бы не его профессия, государство ничего бы не потеряло, хотя виноградарь и его земля были поглощены землетрясением. Пища и потребители исчезли бы одновременно, без малейшего политического ущерба для кого бы то ни было: следовательно, такой вид сельского хозяйства не приносит пользы государству; и, следовательно, не приносит никакой пользы и тот вид размножения, который подразумевается таким распределением собственности. Таким образом, чрезмерное расширение сельского хозяйства и разделение земель становятся злоупотреблением, а следовательно, и чрезмерным размножением.

Здесь я вынужден заключить, что те отрывки римских авторов, в которых упоминается бережливость этого народа и небольшие размеры их имущества, не могут быть правильно поняты без знания многих обстоятельств, относящихся к нравам тех времен. Ибо, если вы понимаете, что такое распределение земель распространялось на всю римскую территорию, то число граждан намного превысило бы то, что они представляли по данным переписи, и даже превосходит всякое предположение. Но далее, мне будет позволено спросить, следует ли предполагать, что эти бережливые римляне обрабатывали этот небольшой участок земли своими собственными руками и потребляли его плоды? Если я получу утвердительный ответ (что необходимо для доказательства преимуществ земледелия, которым занимаются все классы народа), тогда я спрошу, откуда были жители Рима и других городов, которые существовали; кто кормил армии, когда они были в поле? Если они питались зерном, привезенным из-за границы или награвленным у соседей, то в чем была выгода от такого разделения земель и от такого экстенсивного сельского хозяйства, которое не могло прокормить жителей штата? Если скажут, что, несмотря на такое бережливое распределение собственности между гражданами, все же были найдены излишки, достаточные для снабжения как Рима, так и армий, не следует ли из этого, что не было необходимости использовать всех людей в сельском хозяйстве, поскольку труда части могло быть достаточно.

Следовательно, такое количество земледельцев является наилучшим, которое может обеспечить продовольствием все государство; и такое количество жителей является наилучшим, которое совместимо с полной занятостью каждого из них.

Праздники полезны только самим себе, а не государству; следовательно, государство заботится не более чем о том, чтобы обеспечить их работой; и их благополучие (пока они остаются бесполезными для других) в свободной стране является исключительно предметом частной заботы. Позвольте мне привести другой пример для дальнейшей иллюстрации этого вопроса.

Те, кто путешествует по южным провинциям Испании, находят большие участки земли совершенно необработанными, на которых образуются лишь скудные пастбища для стад мелкого рогатого скота. Тут и там встречаются перемежающиеся участки орошаемых земель, которые из-за изобилия всех даров, которыми может одарить природа, наводят северного путешественника на мысль о рае. В таких местах встречаются деревни и большое количество жителей. Следует признать, что промышленность и рабочая сила здесь развиваются не так, как в других странах; но для удовлетворения этой потребности вмешивается благотворительность. Благотворительность в Испании (пропорционально ее размаху) является таким же мощным фактором умножения, как промышленность и рабочая сила. *Все, что дает пищу, дает количество*: но благотворительность не может простирается дальше излишеств, и она всегда должна быть пропорциональна трудолюбию. Эти обводненные земли хорошо обработаны и улучшены. Ценность их в определенном смысле пропорциональна их плодородию, и излишек рабочих, естественно, должен быть обменен на эквивалент в деньгах или работе; но этот эквивалент не может быть найден, потому что у потребителей нет ни того, ни другого. Таким образом, если бы испанцы не были самыми милосердными людьми на земле, совершенно очевидно, что труд на этих орошаемых землях уменьшался бы до тех пор, пока не сравнялся бы с богатством и трудолюбием потребителей. Но здесь дело обстоит иначе: труд продолжается механически, без стечения обстоятельств, и бедняки живут в достатке, пропорциональном изобилию года.

Итак, вот третий принцип умножения. Первое - это рабство, или насильственный метод принуждения человечества к труду; второе - это трудолюбие, которое является для него рациональным стимулом; третье - это благотворительность, которая подобна манне небесной в пустыне, дару Божьему по очень необычному случаю, когда ничто другое не могло бы сохранить жизни его народа. Способствует ли во всех случаях этот принцип христианства процветанию современного общества (когда он соблюдается из послушания к предписанию, не консультируясь с разумом относительно обстоятельств времени и ситуаций) - это вопрос, который я не собираюсь рассматривать. Действие, рассматриваемое в намерении действующего лица, в каждом случае должно казаться в высшей степени красивым, и мы ясно видим, насколько оно способствует умножению, хотя и не так ясно понимаем, насколько это опять-таки выгодно обществу.

Теперь, если мы исследуем состояние сельского хозяйства на территории этой испанской деревни, мы обнаружим, в целом, не больше избытка плодов, чем на участке земли французского виноградаря; следовательно, если бы вся Испания была обработана и заселена, как эта деревня и ее маленький сад, как его называют, это была бы самая густонаселенная страна в мире, с самым простым образом жизни; но она никогда не могла бы передать идею

энергичного или процветающего государства. Только занятость жителей может произвести впечатление на этот характер.

Теперь, в этом последнем примере, какое количество свободных рук мы находим! разве не все бедняки этого класса? Не лучше ли было бы, если бы все они своим трудом могли зарабатывать себе на жизнь, чем быть вынужденными получать ее таким ненадежным способом, каким они это делают? Можно ли предположить, что все эти люди трудолюбивы, не подразумевая того, что я называю избытком труда? Разве это не роскошь, согласно моему определению? Какой был бы вред, если бы испанский фермер, который отдает треть своего урожая на благотворительность, взамен получал некоторую смену одежды, какую-нибудь удобную мебель для своего дома, какое-нибудь украшение своего жилища; эти вещи ничего бы ему не стоили; он получал бы их в обмен на то, что он сейчас отдает из принципа благотворительности, а те, у кого ненадежный достаток, имели бы определенные средства к существованию. Давайте пройдем немного дальше в поисках причин жестокого обращения с населением.

В Германии мы находим множество небольших городов, объединенных в корпорации, которые пользуются определенными привилегиями. Свободу в таких городах нелегко купить; и человек, приняв во внимание внешние обстоятельства, должен быть немало удивлен, услышав о суммах, от которых отказались, когда их предложили, за ее получение. Вокруг этих городов есть небольшая территория, разделенная на очень маленькие участки и не способная прокормить жителей; поэтому эти земли бесконечно перенаселены земледельцами, ибо каждый собственник, меньше или больше, заботится о возделывании. Здесь тот, кто стремился бы расширить свои владения, несомненно, считался бы, согласно мнению Манья Курия Дентата, опасным гражданином и вредным членом общества. Эти участки разделены между детьми владельцев, которые свободны от города, и это означает, что они постоянно делятся путем умножения и объединения в результате смерти и брака: они почти уравнивают друг друга, и собственность остается разделенной, как и прежде. Незнакомец затрудняется понять, почему свобода столь бедного маленького городка должна быть так ценна. Вот оно; во-первых, есть определенные общие преимущества, такие как привилегия пользоваться пастбищами на городских землях и другие подобного рода; но я нахожу, что сборы, которые обязаны платить горожане, могут с лихвой компенсировать их. Основная причина, по-видимому, заключается в том, что никто, не обладающий городской свободой, не может заняться промышленностью, чтобы жениться и завести семью: потому что без этого его труд может быть направлен только на удовлетворение потребностей крестьян, живущих в деревнях; их немного, и для этого не требуется особой изобретательности. В городах наблюдается большее разнообразие потребностей, и тамошние жители механически пришли к выводу, что, если бы чужакам было позволено входить и обеспечивать их, их собственные дети умерли бы с голоду; поэтому главы корпораций, которые заинтересованы в поддержании цен на работу, также заинтересованы в том, чтобы свобода в их городе ценилась высоко. Мне кажется, это довольно точное представление о нынешнем состоянии некоторых городов, которые я видел, относительно нынешнего объекта исследования.

Но по мере развития промышленности, установления торговли и мануфактур эта политическая экономика должна исчезнуть.

Однако такая перемена, вероятно, не произойдет без вмешательства государя и нового плана управления; что еще может обратить вспять этот дух праздности или, скорее, как я могу это

назвать, эту пустяковую предприимчивость? Сельское хозяйство никогда не может быть подходящим занятием для тех, кто живет в городах: следовательно, это злоупотребление им, или, скорее, действительно злоупотребление занятостью.

Легкость и изобилие никогда не придут в маленький городок иначе, как с помощью богатства; богатство никогда не придет иначе, как с помощью продуктов труда, которые уходят; и когда люди трудятся исключительно для собственного пропитания, они пускают в оборот только те небольшие деньги, которые у них есть, но не могут приобрести ничего нового; а те, кто с трудом может прокормить себя, никогда не могут надеяться увеличить свою численность.

Если, несмотря на небольшое развитие промышленности в таких городах, способность к воспроизводству проявит себя и увеличит численность, это заставит бедных родителей продолжать разделяться, и последует нищета; это снова может возбудить сострадание, и это откроет сундуки тех, кто склонен к благотворительности: для оказания помощи бедным основываются больницы, они быстро заполняются, и нуждающихся остается столько же, сколько и прежде. Причина проста: больница применяет паллиативное средство при жестоком обращении, но не предлагает лечения. Едва дерево сбрасывает свои ветви, как оно пускает новые. Было сказано, что количество людей пропорционально еде; следовательно, бедность пропорциональна благотворительности. Пусть король раздает свои доходы на благотворительность, вскоре он окажется достаточно бедным, чтобы потреблять их. Пусть богатый человек тратит 100 000 фунтов в год на стол, он найдет гостей (лучших в королевстве) для каждого блюда. Все эти вещи, на мой взгляд, аналогичны и проистекают из одного и того же принципа. И нищета, наблюдаемая в этих маленьких немецких городках, является еще одной разновидностью жестокого обращения с населением. Эти примеры демонстрируют неудобства и злоупотребления, возникающие в результате неправильного применения населением сельского хозяйства, которое приводит к увеличению численности населения, скорее обременительной, чем полезной для современного государства.

Если простота древних достойна подражания или если она кажется предпочтительнее нынешней системы, что не мое дело решать, тогда либо должно быть введено рабство, чтобы прокормить тех, кто не трудится, либо они должны питаться благотворительностью. Я думаю, что труд и усердие никогда не могут быть рекомендованы, с одной стороны, и запрещены их последствия, с другой. Если большое количество воинственных людей (как это было в Спарте) считается необходимым для благополучия государства; если им запрещена всякая торговля и все излишества и не допускается никаких занятий, кроме военных упражнений; если всех этих воинов кормят за общественными столами, разве у вас не должно быть набора илотов, чтобы пахать для них землю, или группы милосердных испанских фермеров, чтобы кормить их бесплатно.

Вот что, по моему мнению, было бы полезно сказать, чтобы проиллюстрировать изложенные мной принципы. Я нахожу это в корне противоречащим рассуждениям, которые пронизывают все представление, о котором я упоминал выше, и которое мне бросилось в глаза. Более подробное изучение этого могло бы быть полезным и даже забавным; но это вовлекло бы меня в слишком долгие рассуждения о природе этой работы. Однако я не могу удержаться, чтобы в этом месте не добавил еще одно наблюдение, вытекающее из наших принципов, которое кажется противоречащим направлению рассуждений нашего остроумного автора. Я говорю

кажется, потому что почти все расхождения во мнениях по таким предметам проистекают из дефекта языка в передаче наших идей, когда они сложны или абстрактны.

Последствия болезней, уносящих множество людей, существенно не уменьшают численность населения, за исключением случаев, когда они возникают внезапно или нерегулярно, точно так же, как это неизбежно привело бы к исчезновению мира, если бы все человечество было сметено со сцены в возрасте сорока шести лет. Я полагаю, что у человека, как и у любого другого животного, способность к воспроизводству более чем способна восполнить все потери, вызванные обычными болезнями; и я, думаю, не раз показывал, что размножение может прекратиться только из-за нехватки пищи. Таким образом, до тех пор, пока труд человека может продолжать ежегодно производить то же количество пищи, что и в настоящее время, и пока находятся мотивы, заставляющие его трудиться, можно прокормить то же количество людей, и способность к воспроизводству, которая от одной пары произвела столько миллионов, несомненно, будет делать больше, чем просто поддерживать запасы, хотя ни один человек не доживет до вышеупомянутого возраста. Вот доказательство: если бы жизнь человека была ограничена сорока шестью годами, уровень смертности возрос бы в той же пропорции, в какой умирают те, кто старше сорока шести, по сравнению с теми, кто умирает моложе этого возраста. Это соотношение, я полагаю, равно 1 к 10, следовательно, смертность увеличилась бы на $\frac{1}{10}$, следовательно, численность населения при рождении поддерживалась бы на уровне $\frac{1}{10}$ увеличений; и, несомненно, способность человека к воспроизводству намного превышает эту пропорцию, когда, как и предполагалось, имеются другие необходимые условия для продолжения рода, а именно пища и т. Д.

ГЛАВА XV.

Применение вышеуказанных Принципов к демографическому положению в Великобритании.

Письмо доктора Брэкенриджа, Ф. Р.С., адресованное Джорджу Льюису Скотту, эсквайру; которое я нашел в датском "Меркьюри" за март 1758 года, предоставляет мне очень хорошую возможность применить изложенные нами принципы к состоянию народонаселения в Великобритании. Поэтому я, согласно моему плану, рассмотрю мнение этого джентльмена, не претендуя на какое-либо его опровержение. Я выделю положения, которые он выдвигает, изучу выводы, которые он из них делает, а затем покажу, чем они отличаются от тех, которые вытекают из теории, созданной в ходе этого исследования.

Расчеты и предположения автора относительно фактических вопросов следует принимать как должное, поскольку я считаю, что первые ничем не хуже любых других, которые могут быть сделаны по предмету, где все данные, необходимые для решения проблемы, являются лишь догадками.

Я должен следовать Меркурию, не имея оригинала.

Опора I. После очень тщательного изучения, говорит наш автор, я нахожу, что численность населения наших островов не превышает того, что необходимо для возмещения их потерь, и что

в самой Англии численность уменьшилась бы, если бы они не набирались из Ирландии и Шотландии.

Опора II. Мужчины, способные носить оружие, то есть от 18 до 56 лет, составляют, согласно доктору Галлею, четвертую часть народа; и когда численность народа увеличивается, каждая деноминация в отношении возраста увеличивается в этой пропорции: следовательно, в Англии, где число жителей не превышает шести миллионов, если ежегодный прирост в целом не превышает 18 000, в чем я почти уверен, что этого не происходит, ежегодный прирост годных к ношению оружия составит всего 4500 человек.

Опора. III. В Англии похороны относятся к рождениям, как 100 к 113. Я полагаю, что в Шотландии и Ирландии они могут быть как 100 к 124. И поскольку в этих двух последних королевствах может быть около двух с половиной миллионов жителей, общее увеличение может быть заявлено в 15 000 человек; и, следовательно, число тех, кто годен носить оружие, составляет 3750 человек. Добавьте это количество к тем, которые ежегодно производятся в Англии, и общая сумма всего увеличения производства на британских островах составит около 8 250.

Пункт IV. Предполагается, что иностранцы, прибывающие в Англию для поселения, должны компенсировать ущерб тем, кто покидает страну с теми же намерениями.

Пункт V. Именно из этого числа в 8 250 человек следует вывести все наши потери. Если колонии, войны и мореплавание ежегодно уносят от нас 8000 человек, британские острова не могут пополняться населением: если мы потеряем больше, численность должна уменьшиться.

Опора. VI. Путем подсчетов, какими они являются, наш автор приходит к выводу, что в среднем за 66 лет, с 1690 по 1756 год, это число в 8000 человек ежегодно терялось, то есть погибало за границей, в колониях, на войне или из-за навигации.

Опора VII. Что, поскольку население Британии и Ирландии составляет около 8 000 000 человек и что ежегодный прирост составляет около 8000, мы можем заключить в целом для всей Европы, что на каждый миллион жителей приходится ежегодный прирост в 1000 человек; следовательно, каждая тысяча человек, убитых на войне, должна уничтожить весь прирост в миллион жителей в течение года. Следовательно, Франция, население которой, по словам сэра Уильяма Петти, составляет 14 миллионов человек, теряя более 14 000 человек в год в течение тех же 66 лет, не могла увеличиться в населении.

Пункт. VIII. Что прогресс торговли и мореплавания, увеличивающий потери людей на море, должен был, следовательно, привести к сокращению численности населения по всей Европе.

Положение. IX. Экспорт нашего зерна доказывает то, что было продемонстрировано вышеупомянутыми положениями. Если предположить, что прогресс сельского хозяйства компенсирует дополнительное количество дистилляции, произведенной в последние годы, то все еще остается $\frac{1}{6}$ экспортируемого урожая, что доказывает, что наши цифры невелики и что они не увеличиваются.

Исходя из этих предположений, наш автор приходит к выводу, что умножение на британских островах останавливается, во-первых, тем, что безбрачие стало обычным делом; во-вторых, тем, что войны ведутся не по силам нации; в-третьих, тем, что употребление спиртных напитков уничтожает огромное количество жителей.

Теперь я вкратце применю принципы, которые я изложил, чтобы разрешить каждое описанное здесь явление применительно к населению Великобритании. Я охотно приму их как должное, поскольку для моих рассуждений не имеет значения, точны они или нет: достаточно того, что они могут быть такими; и вопрос здесь только в том, чтобы их объяснить.

Англия, говорит он, уменьшилась бы в численности, если бы ее не набирали из Шотландии и Ирландии. Это, я говорю, случайность, а не определенное следствие: ибо, если бы эти взрослые авантюристы перестали прибывать, сами жители Англии, несомненно, размножились бы при условии, что можно было бы найти дополнительное количество заводчиков, способных воспитывать их детей. Ввоз взрослых мужчин в страну до такой степени напоминает ввоз рабов в наши колонии, что и то, и другое снижает цену труда и тем самым препятствует вступлению в брак среди определенных классов туземцев, прибыли которых недостаточны для создания семьи; а когда кто-либо из таких все же женится, они не размножаются, как было сказано. Теперь, если бы шотландцы и ирландцы больше не приезжали в Англию, цена рабочей силы выросла бы; те, кто сейчас не может воспитывать детей, могли бы тогда иметь возможность это делать, и это заставило бы англичан размножаться; то есть это увеличило бы число их собственных производителей. С другой стороны, если бы цена труда оставалась слишком низкой, чтобы служить достаточным стимулом для дополнительного числа английских производителей, имело бы место случайное последствие; то есть, согласно предположению нашего автора, численность уменьшилась бы, а вывоз зерна увеличился бы пропорционально этому уменьшению; и если бы иностранный спрос на зерно также уменьшился, тогда пострадало бы сельское хозяйство и все пришло бы в упадок; но об этом подробнее по ходу дела.

Представление, которое он дает о состоянии населения в этих странах, является одной из модификаций того, что я назвал моральной неспособностью людей увеличивать свою численность. Именно так обстоит дело в Африке, где жителей продают; точно так же обстоит дело в Швейцарии и во многих горных странах, жители которых дезертируют, чтобы поискать счастья в другом месте. Национальный состав остается на прежнем уровне, и прирост при рождении выше, чем при погребении, постоянно пропорционален вывозу жителей. Пусть эта пропорция возрастет еще выше, увеличение численности населения страны теперь не должно по существу вытекать только из этого явления, но должно происходить от других причин.

Я не могу найти у нашего автора ничего, что доказывало бы или хотя бы заставляло кого-либо поверить в то, что, если бы жизни этих восьми тысяч ежегодно оберегались от чрезвычайных опасностей, их число увеличилось бы. Англия наслаждалась 26 годами мира после Утрехтского мирного договора. За много лет до этого велась очень разрушительная война. Если бы списки рождений были составлены с 1701 по 1713 год, если бы их сравнили с данными за этот последний период до 1739 года, когда началась война в Испании, если бы мы увидели постепенное увеличение из года в год в течение этих последних 26 лет, чего можно было бы ожидать от сохранения значительного числа, по крайней мере, 8 250 трудоспособных здоровых мужчин, как раз в период жизни, пригодный для продолжения рода, можно было бы прийти к выводу, что предыдущая война нанесла ущерб популяции, прервав размножение вида. Но если, сравнивая счета рождений за значительное количество лет, во время войны и в мирное время, нельзя обнаружить никакой существенной разницы, то вполне естественно прийти к выводу, что либо эти войны не уничтожили многих производителей, либо что другие, должно быть, проникли непосредственно и размножились вместо тех, кто был убит. В противном случае,

какая может быть причина, по которой численность, которая, по предположению нашего автора, была уничтожена за границей, должна так точно компенсировать ежегодный прирост, но только для того, чтобы эти страны были обеспечены продовольствием в полной мере, в соответствии с их жизненными потребностями; и какова причина, по которой после разрушительной войны, которая из-за внезапности революции сметает количество взрослых мужчин и уменьшает первоначальный запас, численность должна за несколько лет подняться до прежнего уровня, а затем прекратиться.

Исходя из представления нашим автором списков рождений и смертей, я склонен подозревать, в соответствии с моими принципами, что при надлежащем изучении было бы обнаружено, что в те годы войны соотношение рождений и смертей было выше, чем в мирные годы, потому что больше людей умерло за границей. И если бы массовое истребление жителей продолжалось постепенно, увеличиваясь с каждым годом более чем на 8250 человек, я придерживаюсь мнения, что доля рождений, вполне возможно, соответствовала бы этому показателю. Напротив, в мирные годы эта пропорция должна была уменьшиться, и если бы за пределами страны вообще никто не умирал, рождаемость и смертность стали бы точно равными.

Из того, что я здесь сказал, читатель может понять, что я не без оснований рассматривал принципы, относящиеся к моему предмету в целом, и что я, насколько это возможно, избегаю делать выводы на основе фактов, связанных с состоянием конкретных стран. Те, на которых основывается наш автор, могут быть правдой, а могут и ложью: соотношение рождений и смертей в одном месте не является правилом для другого; мы ничего точно не знаем о состоянии этого вопроса на британских островах; и оно может даже ежедневно меняться в зависимости от тысячи обстоятельств. Война *может* уничтожить население, а также сельское хозяйство, а *может и не*, в зависимости от обстоятельств. Когда бедствие обрушится на заводчиков, и когда предполагается, что они единственные люди в стране, способные воспитывать своих детей, рождаемость вскоре уменьшится. Когда это уничтожит неимущих, которые не могут воспитывать своих детей или которые не вступают в брак, рождаемость останется прежней. Уничтожение отары овец не уменьшает выводок ягнят в следующем году; уничтожение старых голубей способствует процветанию голубятни. Когда бедствие обрушивается на фермеров, которые производят продукцию на наших землях, без сомнения, страдает сельское хозяйство: если оно обрушится на излишки городов и другие классы свободных рабочих рук, это может привести к сокращению производителей, но сельское хозяйство будет продолжаться, пока существует спрос на его продукцию; и если уменьшение потребления внутри страны будет следствием войны, увеличение экспорта более чем компенсирует это. Я не считаю, что война *уменьшает* потребность в средствах к существованию.

Затяжные войны во Фландрии в начале нынешнего столетия время от времени прерывали сельское хозяйство, но не уничтожали его. Это в Пфальце в конце прошлого года разрушило страну настолько, что она едва ли еще восстановилась. Война имеет разные последствия, в зависимости от обстоятельств.

Возражение. Население британских островов не испытывает недостатка в продуктах питания, поскольку шестая часть урожая ежегодно экспортируется. Я отвечаю, что это все еще приостановлено из-за нехватки продовольствия, поскольку вывоз только свидетельствует о том, что внутренний спрос удовлетворен; но это не доказывает, что жители сыты, хотя они не могут

купить больше по экспортной цене. Те, кто не может покупать, - это именно те, кто, как я говорю, умирает от нехватки средств к существованию: если бы они могли покупать, они бы жили и размножались, и, возможно, зерно не экспортировалось бы. Это очевидное следствие моих рассуждений; и моя основная точка зрения на протяжении всей этой книги состоит в том, чтобы найти метод, позволяющий покупать тем, кто в настоящее время не может, и кто, следовательно, не размножается; потому что они не могут дать эквивалента фермерам за свои излишки, которые, следовательно, они экспортируют. Применяя наши принципы таким образом, у меня нет повода подвергать сомнению факты, изложенные нашим автором. Не имеет значения, в каком состоянии находится дело: если принципы, которые я излагаю, справедливы, они должны разрешать каждое явление.

ГЛАВА XVI.

Почему одни страны считаются очень густонаселенными по сравнению с другими, столь же хорошо рассчитанными на улучшение?

Этот вопрос непосредственно возникает под влиянием уже изложенных принципов и должен быть решен в соответствии с ними. Я предложил это именно для того, чтобы применить их на практике; и при рассмотрении мы докажем их справедливость или обнаружим их недостатки.

В общем, можно ответить, что каждое такое различие должно исходить из того, что я называю духом правительства и народа, которые будут решать не только относительно численности, но и относительно многих других вещей. Я должен, однако, заметить, что вопрос сам по себе не имеет большого значения, если не принимать во внимание ничего, кроме цифр; ибо какое значение имеет знание того, сколько людей проживает в стране, когда их занятость не входит в исследование? Кроме того, только изучив занятость людей, я могу составить какое-либо суждение относительно этого конкретного случая. Но поскольку численность человечества считалась вопросом, заслуживающим рассмотрения, я выбрал это название для главы, которая, возможно, более уместно была бы под другим названием.

Пока господствовало рабство, я не вижу причин делать вывод вопреки численности человечества, как я уже говорил: когда рабство было отменено и до появления промышленности, если мои принципы верны, то этот период, я думаю, должен был бы ознаменовать время самой малой численности населения в Европе; ибо я полагаю, что будет обнаружено, что никогда не было примера страны, какой бы плодородной по своей природе она ни была, где каждый был бы абсолютно свободен; где было мало промышленности, ни рабочей силы, кроме как в сельском хозяйстве; и где в то же время было много жителей, не нищих и не живущих на благотворительность. Я упоминал об этом так часто, что боюсь утомить моего читателя бесполезными повторениями. Я привел это здесь только для того, чтобы дать ему возможность применить этот принцип к решению стоящего перед нами вопроса.

Я начну свое исследование с вопроса о том, что понимается под густонаселенностью страны; поскольку этот термин отражает разные идеи, если не принимать во внимание обстоятельства. Я слышал, как говорили, что Франция была пустыней и что в ней никого не было, кроме городов; в то время как в Англии нельзя проехать и полумили, чтобы не наткнуться на ферму, может быть,

на две сразу; и, оглядевшись, видишь, что вся страна разделена на небольшие владения. Обнаруженное здесь различие, как я понимаю, ничего не решает ни в пользу, ни против реальной густонаселенности того, ни другого, но целиком проистекает из обстоятельств, связанных с сельским хозяйством, и распределения свободных рабочих рук. Эти обстоятельства будут лучше поняты на основе изучения фактов, чем на основе лучшей теории в мире. Давайте рассмотрим состояние сельского хозяйства в Пикардии и Босе, а затем сравним его с практикой во многих провинциях Англии, и контраст покажется разительным. Если бы в Англии было больше леса для снабжения жителей топливом, я полагаю, что многие ограды, полезные поначалу для улучшения земель, были бы убраны, и местность стала бы более открытой; если бы волки были менее распространены во Франции, там было бы больше разбросанных ферм. Скот там должен быть заперт на ночь, и его нельзя оставлять в полях; это сильно препятствует загораживанию. Там, где нет ограждений, можно найти мало преимуществ от строительства фермерского дома точно на том участке земли, который будет обрабатываться; и тогда преимущества, которые возникают для определенных классов жителей из-за того, что они собраны вместе, фермеры и торговцы, оказываются преобладающими. Таким образом, французские фермеры собираются в деревни, а англичане остаются на своих полях. Но, кроме того, в Пикардии и Босе сельское хозяйство было развито издавна, и я полагаю, что в то время, когда земли были впервые разделены или, скорее, улучшены, их поселения должны были располагаться ближе друг к другу.

Такое объединение жителей должно оставить после себя много разрушенного имущества, и это, кстати, одна из причин, почему люди возмущаются запустением Франции, потому что разрушенные дома (которые часто могут быть признаком улучшения, а не заброшенности) встречаются в разных местах страны. Париж значительно увеличился в размерах, и из-за этого, естественно, происходит то, что окружающая местность очищается от праздных ртов. Если из-за этого рабочая сила в деревне становится дорогой, то от этого страдает только город, страна, безусловно, должна быть в выигрыше. Вот и все для двух видов населения в двух наиболее населенных странах Европы. Теперь я перехожу к другому, одному из худших.

В некоторых странах вы найдете каждый фермерский дом, окруженный маленькими хижинами, которыми владеет большое количество людей и которые, как предполагается, должны быть полезны фермеру. Таких в Шотландии называют коттарами (cottagers), потому что они живут в коттеджах. Если рассматривать их в политическом свете, они покажутся жителями, занятыми в сельском хозяйстве. В одном смысле это так, если под этим вы понимаете сбор плодов; в другом - нет, если под земледелием вы понимаете вспахивание поверхности. Я привожу этот пример и немного расширю его, потому что я представляю, что это, менее или более, картина Европы 400-летней давности.

У шотландского фермера должны быть руки, чтобы собирать скудные продукты, разбросанные по большой площади земли. У него, я полагаю, шесть домовладельцев; но у этих домовладельцев должны быть жены, а у этих жен будут дети, и всех их нужно прокормить, прежде чем можно будет заплатить арендную плату хозяину. Фермеру никогда не приходит в голову предположить, что его дети могут зарабатывать деньги своим трудом; фермер никогда не предполагает, что он может платить арендную плату без помощи своих фермеров, пасти свой скот и собирать урожай; и хозяин не может пойти против обычаев страны, не опустошая свою землю. Все эти дети всегда в распоряжении фермера; он может без каких-либо затрат посылать любые партии овец, какие ему заблагорассудится, на разные расстояния в полмили или более,

чтобы они паслись на участках земли, которые без удобства этих детей были бы полностью утрачены. При таком плане ведения сельского хозяйства землевладельцы, обладающие обширной территорией, которую они не в состоянии улучшить, могут сдавать все в аренду очень немногим фермам, и в то же время все спонтанные продукты земли собираются и потребляются. Если вы сравните арендную плату за эти земли с их площадью, она покажется вам очень небольшой; если вы сравните ее с количеством кормящихся на ферме, вы обнаружите, что поместье в высокогорье содержит, возможно, в десять раз больше людей, чем другое поместье такой же стоимости в хорошей и плодородной провинции. Таким образом, в некоторых поместьях, как и в некоторых монастырях нищенствующего ордена, чем больше ртов, тем веселее.

Теперь я предположу, что наша современная политика направлена на то, чтобы вдохновить изобретательную или стремящуюся к общественному благу леди завести пару ткачих на ферме. Ткачихи начинают прясть; им потребуется много времени, чтобы развить ловкость, достаточную для того, чтобы появиться в ткацкой мастерской, соревнуясь с другими, привыкшими к этому ремеслу; следовательно, это производство долгое время будет находиться в запущенном состоянии; но если предприятие будет поддерживаться терпением, эти препятствия будут преодолены. Те, кто плохо содержал стада крупного рогатого скота, займутся более прибыльным занятием; фермеру будет труднее найти рабочие руки, он будет жаловаться, возможно, уступит; хозяин потеряет годовую арендную плату, и никто не возьмет в руки такую обширную ферму; ее нужно разделить, затем усовершенствовать, и тогда с одной десятой части она будет производить больше зерна, чем, возможно, раньше производилось в целом. Это зерно покупается на цену прядения; родители делятся с детьми, которые накормлены и прядут в свою очередь. Когда это достигается, что такое революция? Ведь раньше земля кормила всех жителей своими спонтанными продуктами, как я могу их назвать; теперь больше труда затрачивается на возделывание ее поверхности, за это она платит зерном, которое принадлежит сильному мужчине за его труд; женщины и дети не имеют прямой доли, потому что они не вносили в это свой вклад, как это было при кормлении скота. Но они прядут, и у них есть деньги, чтобы покупать то, что у них нет сил производить; следовательно, они живут; но когда они становятся бесполезными как дачники, они покидают свою мать-землю и собираются в деревни. Когда происходит это изменение, земли кажутся менее населенными; часто встречаются полуразрушенные хижинки (нет, я мог бы назвать их деревнями), и многие были бы склонны заключить, что страна обезлюдела; но это ни в коем случае не оказывается так, если взять все вместе.

Таким образом, дух главных людей страны определяет занятость низших классов; занятость последних определяет их полезность государству, а их полезность - их умножение. Чем больше они полезны, тем больше они выигрывают, согласно определению общественного договора; чем больше они выигрывают, тем больше они могут прокормить; и, следовательно, тем больше они будут вступать в брак и делить со своими детьми. Это увеличивает полезное население и стимулирует сельское хозяйство. Сравните первое с нынешней ситуацией в том, что касается численности, удобства, счастья!

Разве не ясно, что когда земля не улучшена, она не может производить столько пищи для человека, сколько когда она есть? С другой стороны, если промышленность не передаст в руки неимущих средства для приобретения этого дополнительного питания, ни одной организации не придется сначала тратить значительные средства на разбивку земель для его производства.

Следовательно, отнимание большого количества рабочих рук от незначительного земледелия заставляет земледельца работать еще усерднее; и при тяжелом труде на небольшом участке достигается тот же эффект, что и при незначительном труде на большом участке.

Я уже говорил, что мое представление о состоянии сельского хозяйства на шотландской ферме было довольно точным отражением общего состояния Европы около 400 лет назад: если не в каждой провинции каждой страны, то, по крайней мере, в каждой стране по большей части. Несколько причин заставляют меня так думать: во-первых, там, где нет промышленности, ничто, кроме земли, непосредственно не может прокормить своих детей, отчуждение ее плодов может быть незначительным. Далее, потому что я нахожу замечательную аналогию между образом жизни в некоторых провинциях разных стран и тем, что я описывал. "Волынщики", "голубые шляпки" и "овсяная мука" известны в Швабии, Оверни, Лимузене и Каталонии, а также в Лохабере: множество праздных, бедных, бесполезных рук, множество детей, которых, как я выяснил, кормят неизвестно как, они ничего не делают в четырнадцать лет, пасут скот и ходят в школу - единственные занятия, которые для них считаются возможными. Если вы спросите, почему они не работают, они скажут вам, потому что в стране нет торговли: они говорят о торговле так, как если бы это был человек, который приезжает на жительство в некоторые страны, чтобы прокормить жителей. Правда в том, что это вина не этих бедных людей, а тех, чей бизнес заключается в поиске для них работы.

Другая причина, которую я вывожу из природы старого режима владения, когда мы находим земли, которые сейчас производят большое количество зерна, предоставленные за сущие гроши, в то время как в то же время другие земли по соседству с городами и монастырями находятся под значительным контролем. Я объясняю это плохой обработкой земель в то время, из чего делаю вывод, что население было небольшим. В те дни беспокойства и неразберихи конфискации были очень частыми, большие участки земель были пожалованы крупным лордам после различных революций, и те, обнаружив, что они часто опустевают, как упоминается в истории (вассалы первых были либо уничтожены, либо изгнаны, чтобы освободить место для новоприбывших), распределяли их за небольшую плату во всем, кроме личной службы. Такие внезапные и жестокие революции должны лишить страну населения; и ничто, кроме спокойствия, безопасности, порядка и трудолюбия, на века вперед, не может сделать ее населенной.

Помимо этих естественных причин заселения и депопуляции (которые происходят, как мы наблюдали, от определенного поворота, приданного духу народа), есть и другие, которые действуют с непреодолимой силой в виде внезапных и жестоких революций. Король Пруссии, например, попытался заселить всю страну сразу, воспользовавшись дезертирством зальцбургцев. Америка стала очень слабо заселена в некоторых местах побережья и на некоторых островах за счет вывоза миллионов людей из Европы и Африки; такие методы никогда не могут быть успешными пропорционально предпринятым усилиям. Испания, с другой стороны, обезлюдела в результате изгнания ее жителей, настроенных антихристиански. Эти причины вызывают очевидные следствия, которые нет особого смысла объяснять, хотя их более отдаленные последствия, возможно, заслуживают внимания. У меня будет возможность в другом месте рассмотреть образ жизни нашего населения Америки. В этом месте я сделаю несколько замечаний по поводу сокращения населения Испании и закончу свою главу.

Говорят, что в древности при правлении мавров эта страна была очень густонаселенной. Я недостаточно сведущ в политике, экономике и нравах этого народа, чтобы судить, насколько это может быть благоприятно для населения: что, однако, подтверждает то, что нам говорят, так это большие хранилища, которые они использовали для хранения зерна, которые до сих пор остаются целыми, хотя ни разу не использовались. Они орошали королевства Валенсия, Мурсия и Гранада. Они объединились в города, размеры которых мы все еще можем определить. Страна, которой они сейчас владеют (хотя и более засушливая, чем Испания), обеспечивает Европу значительным количеством зерна. Дворец мавританского короля в Гранаде демонстрирует вкус к роскоши. Мечеть Кордуа говорит с большой буквы. Все это признаки численности населения, но они помогают только догадываться. Цифры, о которых говорится в истории как о вытесненных, являются еще лучшим способом судить, если можно положиться на точность историков, когда возникает какой-либо вопрос о цифрах.

Вот пример страны, обезлюдившей весьма необычным образом: и все же я придерживаюсь мнения, что нехватка жителей, на которую жаловались в этой стране в течение длительного времени после изгнания, происходила не столько из последствий понесенных потерь, сколько из соглашения между духом тех христиан, которые остались после изгнания, и их католическими освободителями. Христиане, жившие среди мавров, действительно были маврами по манерам, но не по религии. Если бы они переняли дух подданных Кастилии или если бы ими управляли в соответствии с их собственными обычаями, численность вскоре достигла бы прежнего уровня. Но поскольку христианский господин управлял своими мурсийскими, андалузскими и гранадскими подданными в соответствии с принципами христианской политики, стоит ли удивляться, что в такой век невежества, предрассудков и суеверий страна (одна из лучших в мире) долго восстанавливалась? Однако оно восстановилось; и, возможно, раньше, чем принято считать: ибо я утверждаю, что оно восстановилось сразу после того, как все равнинные и обводненные земли были приведены в возделывание; потому что у меня есть основания полагать, что мавры никогда не распространяли свое земледелие дальше в этих южных провинциях.

Из этого я все же делаю вывод, что никакое уничтожение жителей путем изгнания, плена, войны, эпидемии или голода не наносит такого постоянного ущерба населению, как революция в том духе, которая необходима для увеличения и поддержания численности. Если этот дух будет поддерживаться и человечеством будут хорошо управлять, численность быстро возрастет до прежнего уровня после максимально возможного сокращения: и пока они находятся на подъеме, государство будет обретать больше мужества и энергии, чем когда достигло даже прежнего расцвета; ибо как только государство перестает расти в процветании, я предвижу, что оно начинает приходить в упадок как в плане здоровья, так и в плане энергии.

ГЛАВА I. XVII.

Каким образом и в какой Пропорции Изобилие и Дефицит влияют на Людей?

В предыдущей главе я рассматривал этот вопрос относительно человечества, вскормленного рукой природы; теперь я подхожу ближе к сути и буду придерживаться современности, рассматривая обстоятельства и последствия, которые мы видим и ощущаем на своем повседневном опыте.

Я часто говорил, что их количество пропорционально плодородию земли. Теперь я говорю, что в большинстве стран Европы продукты питания, произведенные в стране, *почти* потребляются жителями: и под *почти* я понимаю, что экспортируемая часть составляет небольшую долю от внутреннего потребления. Я ни в коем случае не утверждаю это как универсальное утверждение; но я говорю, что оно верно *по большей части*: и цель этой главы - дать нам возможность судить, насколько далеко должны простираться эти ограничения. Я допускаю, например, что Голландия, не производящая продовольствия для своих жителей, должна регулярно получать его из какой-либо страны, производящей излишки; но пусть будет замечено, что Польша, Германия, Фландрия и Англия вместе со многими другими странами предоставляют свои контингенты для удовлетворения потребностей голландцев; и из нескольких крупных торговых городов, которые имеют небольшие территории. В таком случае квота, предоставляемая каждой страной, должна быть в небольшой пропорции к соответствующему количеству, растущему в ней. Но это общие выводы, основанные на расплывчатых предположениях, которые не проливают света на этот вопрос. Поэтому я попытаюсь применить наши рассуждения к фактам, а затем исследовать последствия.

Я полагаю, что в Европе мало стран, более богатых зерном, чем Англия; поэтому я буду держать это королевство в поле своего зрения, пока буду изучать этот вопрос. Нет ничего более обыденного, чем слышать, что обильный урожай обеспечивает пропитание более чем на три года: более того, я обнаружил, что один авторитетный автор (Преимущества и недостатки Франции и Великобритании и др. статья "Зерно") выдвинул предположение, что обильный год обеспечивает жителей пропитанием на пять лет. Если это ошибка, то она может оказаться очень вредной во многих отношениях. Я, напротив, склонен полагать, что годовой урожай зерна никогда не был в Англии настолько велик, чтобы обеспечить ее жителей на пятнадцать месяцев *в том изобилии, которым они прокармливают себя в год изобилия*. Если это так, то на сколько мы можем рассчитать излишек в обычные хорошие годы? Я полагаю, что это будет считаться очень хорошим годом, который дает *полное* пропитание в течение пятнадцати месяцев; и урожаи, значительно превышающие этот показатель, я полагаю, очень редки. Здесь следуют причины, по которым я так сильно отличаюсь от джентльмена, которого я процитировал. Если я ошибаюсь, я получу самое осязаемое удовольствие от того, что меня исправят; и ничто не будет так легко для любого человека, имеющего доступ к фактам лучше, чем я могу притворяться.

Я рассматриваю весь годовой урожай зерна в Англии как потребляемый внутри страны, за исключением того, что экспортируется; ибо я не могу допустить, чтобы терялось сколько-нибудь значительное количество: я не отрицаю, что им можно злоупотреблять, употреблять не по назначению, пить, когда его следует есть. Это вопросы, которые не имеют отношения к настоящему исследованию. Поэтому, независимо от того, потребляется ли это с хлебом, пивом, крепкими напитками или животными, я считаю, что оно потребляется; и в год, когда наибольшее потребление производится дома, я называю это *изобилием, которым жители*

кормят себя в годы изобилия. Теперь я нахожу в приведенных выше показателях состояние экспорта за пять лет, с 1746 по 1750 год включительно, когда экспортированное количество составляет в общей сложности 5 289 847 четвертей всех видов зерна. Это не годовой запас, согласно расчетам сэра Уильяма Петти, о котором мы упоминали выше. Награда за зерно (продолжает вышеупомянутый автор) составила за один год 500 000 фунтов стерлингов. Он не упоминает год, и я вряд ли в состоянии спорить с ним по этому поводу. Я полагаю, что это правда; и более того, пусть будет понятно, что весь экспорт производился из продуктов одной культуры. Я не нахожу, что эта сумма соответствует вознаграждению за 3 000 000 четвертаков, которых, по словам сэра Уильяма Петти, хватит на шесть месяцев. Я подсчитываю таким образом. Награда за пшеницу составляет 5 фунтов. четверть, что на рожь 3з.п. 6d. that upon barley 2s. 66г. *это виды зерна, обычно экспортируемые: сложите три надбавки вместе и разделите на три, награда составит 3з.п.d. at a medium; at which rate 500,000l.....* Огромное количество для экспорта! но очень незначительная часть урожая, которого, как предполагалось, хватило бы Англии на пять лет. На это можно ответить, что огромное изобилие обильного года значительно уменьшается, когда случается, что скудный урожай предшествует ему или следует за ним. В первом случае к нему приступают раньше; в последнем случае он значительно обеспечивает потребление в год дефицита. Я допускаю, что это справедливо; но поскольку нет ничего необычного в том, что благополучные годы следуют один за другим, состояние экспорта в такие периоды, безусловно, должно быть лучшим, более того, единственным методом оценки реальных масштабов избытка.

С другой стороны, я склонен полагать, что никогда не было года такого дефицита, чтобы земли Англии не производили значительно больше шестимесячного пропитания, *такого, какое люди привыкли получать в годы дефицита.* Если бы не хватило шести месяцев самого скудного пропитания, я полагаю, что вся Европа вместе взятая, возможно, оказалась бы в затруднительном положении, поставляя продукты в количестве, достаточном для предотвращения величайшего опустошения от голода.

Поскольку у меня нет доступа к архивам, я довольствуюсь менее достоверными документами. Затем я узнаю из лондонских газет, что с 9 апреля по 13 августа 1757 года, когда в Англии ощущался большой дефицит, в лондонском порту было заявлено не более 71 728 четвертей пшеницы, из которых 15 529 тогда не были доставлены. Таким образом, общее количество, ввезенное туда для восполнения дефицита, составило 56 199 четвертей. Жителям этого города, насчитывающим 800 000 душ, не хватило бы продовольствия ни на один месяц! Тот, у кого есть доступ заглянуть в реестры торговли зерном, мог бы в одно мгновение ответить на этот вопрос.

Другую причину, которая заставляет меня верить тому, что, по-видимому, доказывают приведенные выше аргументы, я черпаю из того, что я вижу в настоящее время в Германии; я имею в виду всеобщие жалобы на нехватку в тех армиях, которые сейчас собраны, [1757] Когда мы сравниваем численность армии, пусть это сто тысяч человек, предположим, что ее свита будет еще столько же, и сорок тысяч лошадей, все чужеземцы (в отношении остальных я не считаю ничего экстраординарного), каким незначительным числом это кажется по сравнению с жителями этой огромной страны Германии! И все же давайте обратим внимание на количество всевозможных припасов, постоянно поступающих вниз по Рейну, Мозелю и многим другим рекам, собираемых в чужих провинциях всеми силами; на поголовье скота, прибывающего из Венгрии; на грузы кукурузы из Польши; и все это за год, который принес то, что в любое другое время назвали бы превосходным урожаем. После этих иностранных поставок не следует

удивляться, обнаружив, что в провинциях, где идет война, жалуются на дефицит, а в других местах - на высокие цены. Исходя из таких обстоятельств, я должен заключить, что люди обычно очень сильно заблуждаются в своих оценках изобилия и нехватки, когда они говорят о том, что на их землях сразу найдется пропитание для страны на два или три года. Я действительно могу ошибаться в своих выводах; но чем больше я размышлял над этим предметом, тем больше убеждался в них, даже на известных примерах внезапного подъема рынков в результате очень незначительных монополий и их внезапного падения из-за незначительных объемов импорта. Я мог бы привести множество примеров этих превратностей, если бы это было необходимо, чтобы доказать то, что каждый должен соблюдать.

Теперь я приступаю к разрешению трудности, которая естественным образом вытекает из этой доктрины и которой я завершу главу.

Если верно, что урожай в самый обильный год почти съедается жителями, то что же происходит с ними в годы дефицита; ибо никто не может отрицать, что существует большая разница между одним урожаем и другим. На это я отвечу, во-первых, что, по моему мнению, существует также очень большой обман или распространенная ошибка относительно разницы между культурами: хороший год для одной почвы является плохим для другой. Но я не буду распространяться на эту тему, потому что у меня нет достаточных доказательств своего мнения. Основная причина, по которой я пришел к этому выводу, заключается в том, что это далеко не так, что одно и то же количество людей всегда потребляет одно и то же количество пищи. В годы изобилия все сыты; ценой самого низкого прилежания можно обеспечить средства к существованию, достаточные для того, чтобы выдержать дележ; на продовольствие расходуются не так бережливо; некоторое количество животных откармливается для использования; все виды крупного рогатого скота содержатся в добром расположении духа; и люди пьют больше, потому что все дешево. Наступает год дефицита, людей плохо кормят, и когда низшие классы приходят делиться со своими детьми, порции оказываются очень маленькими; существует большая экономия на потреблении, мало животных откармливают для использования, скот выглядит жалко, и бедняк не может побаловать себя кружкой доброго эля. Добавьте ко всем этим обстоятельствам, что в Англии продукция пастбищ очень значительна, и обычно случается, что неурожайный год для зерна, вызванный дождями, по той же причине является хорошим годом для пастбищ; и при оценке урожая должны учитываться все обстоятельства.

Из сказанного я должен в целом заключить, что лучшая хлебная страна в мире, при условии, что не будет установлено рабство, не производит в полной мере средств к существованию, как в годы изобилия, на треть больше, чем ее собственное население; ибо, если бы это было так, вся политика человека не смогла бы предотвратить их умножение, пока они не достигнут средней доли продукта в обычные годы, и экспортировать можно только то, что превышает этот стандарт и получается в необычном изобилии. Если бы годы изобилия были более частыми, человечество было бы более многочисленным; если бы дефицит был более частым, численность была бы меньше. Следовательно, по моему скромному мнению, количество пищи всегда должно быть в соотношении, и умножение никогда не прекратится, пока баланс не станет почти равным.

ГЛАВА I. XVIII.

О причинах и последствиях того, что Страна полностью заселена.

В названиях моих глав я скорее стремлюсь передать приблизительное представление о предмете, чем правильное. По правде говоря, не существует такого понятия, как страна, действительно полностью населенная, если под этим термином понимать только численность населения, без учета пропорции, которую они составляют по отношению к потреблению продукции своей страны. В предыдущей главе я установил различие между физической и моральной невозможностью увеличения численности. Что касается физической невозможности, то такой случай вряд ли может существовать, потому что средства добывания средств к существованию в других странах, когда почва отказывается давать больше, кажутся если не неисчерпаемыми, то, по крайней мере, очень обширными. Таким образом, страна, полностью населенная, то есть находящаяся в физической невозможности увеличить их численность, является химерическим и бесполезным предположением. Рассматриваемый здесь вопрос касается положения людей, которые считают своим интересом искать средства к существованию за границей. Это может произойти, и обычно происходит, задолго до того, как сама страна полностью улучшится: это ничего не решает относительно внутреннего плодородия почвы и доказывает не более, чем то, что труд свободных рук добился более быстрого прогресса в увеличении числа ртов, чем труд фермеров в обеспечении средств к существованию. Чтобы проиллюстрировать эту идею, позвольте мне задать следующий вопрос.

Является ли размножение эффективной причиной сельского хозяйства, или сельское хозяйство является причиной размножения?

Я отвечаю, что размножение является эффективной причиной сельского хозяйства, хотя я допускаю, что на этапе зарождения общества спонтанные плоды земли, которые доступны всем бесплатно, являются эффективной причиной размножения, которое может возрасти в точной пропорции к ним; как было сказано выше. Это должно быть объяснено.

Я уже отличал плоды земледелия от спонтанного производства земли: далее я должен отметить, что, когда я использую термин "сельское хозяйство" применительно к современной политике, я всегда рассматриваю его как торговлю, производящую излишки, а не как прямое средство существования, когда все потребляется земледельцем, как было полностью объяснено выше. Мы уже говорили, что полученный от него избыток является фондом для увеличения численности населения. Теперь на этот избыток должен быть спрос. Каждый голодный человек предъявит требование, но каждое такое требование не будет удовлетворено и, следовательно, не возымеет никакого эффекта. У того, кто требует, должен быть эквивалент, который он может дать: именно этот эквивалент является пружиной всей машины; ибо без *этого* фермер не будет производить никаких излишков и, следовательно, он опустится до класса тех, кто трудится ради фактического существования. Бедняки, которые производят на свет детей, предъявляют неэффективный спрос, и когда они не могут увеличить эквивалент, они делят имеющуюся у них пищу с вновь прибывшими и никак не поощряют сельское хозяйство. Разделяясь, целое становится неполноценным, несчастным и таким образом угасает. Теперь, поскольку именно *эффективный* спрос, как я мог бы это назвать, заставляет земледельца трудиться ради эквивалента, и поскольку этот спрос увеличивается за счет увеличения числа тех, кто может дать эквивалент, поэтому я говорю, что умножение является причиной, а сельское хозяйство - следствием. С другой стороны, я думаю, что спонтанные плоды земли, как и в предположении,

могут рассматриваться как причина определенного ограниченного умножения; потому что в этом случае не требуется эквивалента. Земля производит независимо от того, потребляются ее плоды или нет: человечество питается ими безвозмездно и без труда, и существование плодов предшествует производству тех, кто должен их потреблять. Те, кого кормят первыми, черпают свою энергию из пищи, а свое размножение - из своей энергии. Те, кого производят, свободно живут на своей родительской земле и размножаются до тех пор, пока не будут потреблены все продукты; тогда, как мы уже говорили, умножение прекращается; *но наладьте земледелие*, и умножение пойдет по-новому. Следовательно, скажет мой читатель, земледелие в такой же степени является причиной этого нового размножения, в какой самопроизвольные плоды были причиной первого. Вот очень естественный вывод, который, по-видимому, прямо противоречит тому, что мы пытались доказать; но узел легко развязывается. Мы видели, как существование сельского хозяйства должно зависеть от трудолюбия человека; то есть от единственного средства для создания сельского хозяйства: теперь, поскольку этому трудолюбию в основном способствует мотив обеспечения наших детей, их воспроизводство следует рассматривать как первую или, по крайней мере, наиболее ощутимую политическую причину привлечения человечества к труду и, следовательно, может рассматриваться как предшествующая сельскому хозяйству; тогда как, с другой стороны, спонтанное производство на земле, будучи в небольшом количестве и совершенно независимым от человека, представляется, как она должна была быть предоставлена природой точно так же, как небольшая сумма дается молодому человеку для того, чтобы приобщить его к трудолюбию и сколотить состояние. Небольшая сумма обеспечивает ему успех, но именно его трудолюбие приносит ему состояние. Из этого примера видно, что если спрос на продовольствие может быть легче удовлетворен из-за границы, чем из дома, то именно заграничные средства к существованию сохраняют количество, полученное за счет *промышленности*, а не за счет *отечественного сельского хозяйства*; и эти количества, в свою очередь, приведут к росту этого количества дома, вызывая у земледельца желание приобрести эквивалент, который его соотечественники отдают иностранцам.

Такие нации, государственные деятели которых не обладают талантом побуждать земледельцев желать эквивалента, который может произвести труд их сограждан; или, другими словами, которые не могут создать взаимных потребностей и зависимости среди своих подданных, должны быть морально неспособны увеличиваться численно. О таких состояниях у нас нет повода говорить в этой главе, как и о тех, которые, как предполагается, физически неспособны к размножению: наша точка зрения заключается в изучении естественных последствий, возникающих в результате распространения спроса на средства к существованию на другие страны. Я полагаю, что это основа промышленности внутри страны, а также торговли за рубежом; два предмета, о которых пойдет речь во второй книге.

Страна может быть полностью заселена (в том смысле, в каком мы понимаем этот термин) несколькими различными способами. В одно время он может быть полностью заполнен шестью миллионами, а в другое время может легко содержать, возможно, восемь или даже девять миллионов без более тщательной обработки почвы. С другой стороны, страна может легко содержать двадцать миллионов человек и, улучшив почву, перенаселиться пятнадцатью миллионами. Эти два утверждения требуют объяснения.

Чем бережливее люди и чем больше они питаются изобильными продуктами земли, тем больше они могут увеличиваться в численности.

Если бы народ Англии больше привык питаться хлебом и отказался от употребления такого количества животной пищи, численность населения, несомненно, увеличилась бы, и многие богатые травой поля были бы заняты под пашню. Если бы французы перестали есть так много хлеба, голландцы - так много рыбы, фламандцы - так много огородных продуктов, а немцы - так много квашеной капусты, и все перешли бы на английскую диету из свинины, говядины и баранины, их количество вскоре сократилось бы, даже если бы они максимально улучшали свои угодья. Между прочим, это всего лишь размышления, о которых читатель может распространяться по своему усмотрению. Суть в том, чтобы знать, каковы последствия того, что страна настолько заселена, независимо от того, по какой причине, что почва, в ее фактическом состоянии плодородия, отказывается поставлять достаточное количество той пищи, которой жители склонны питаться. Они различаются в зависимости от разнообразия духа людей.

Если они ленивы по натуре, руководствуясь в своей политической экономике установившимися привычками и старыми предрассудками, которые препятствуют нововведениям, хотя изменение обстоятельств может потребовать их, результатом будет прекращение роста населения, которое не может увеличиваться без увеличения запасов продовольствия, с одной стороны, и промышленности, с другой, для обеспечения циркуляции первых. Они должны идти рука об руку: приоритет между ними - вопрос простого любопытства и предположений.

Если, напротив, дух трудолюбия привел страну к определенной численности населения, этот дух не будет остановлен нехваткой продовольствия; оно будет привозиться из-за рубежа, и этот новый спрос, уменьшая количество, обычно производимое ими для собственного пропитания, побудит трудолюбивых улучшать свои земли, чтобы удовлетворить новый спрос без какого-либо ущерба для себя. Таким образом, торговля имеет очевидную тенденцию к улучшению мира в целом, делая жителей одной страны трудолюбивыми для удовлетворения потребностей другой без какого-либо ущерба для них самих. Давайте сделаем еще один шаг.

Страна, полностью обеспеченная продовольствием, не может предложить в обмен на это продовольствие ничего, кроме излишков труда свободных рук, поскольку предполагается, что продукция фермеров потребляется обществом; на самом деле, за исключением некоторых видов продуктов питания или продукции, которые, будучи оценены по более высокой стоимости в других странах, чем в тех, которые их производят, приносят более значительную прибыль, чем стоимость экспортируемого, например, когда шелк-сырец, изысканные вина и т. Д. Предоставляются в обмен на зерно и другие продукты питания.

Избыток промышленности должен, следовательно, составлять основную часть экспорта, и если нация, полностью обеспеченная, будет окружена другими странами, изобилующими зерном и предметами жизнеобеспечения, жители которых имеют вкус к изысканности и стремятся приобрести изделия и усовершенствования своих трудолюбивых соседей, то несомненно, что торговля с такими нациями очень значительно увеличит количество жителей другой, хотя и полностью обеспеченной, относительно продукции их собственной почвы; и дополнительное количество увеличит только число фабрикантов, а не земледельцев. Так обстоит дело с Голландией и многими крупными торговыми городами, которые являются свободными и имеют лишь небольшую территорию.

Если, напротив, нация, полностью обеспеченная продовольствием, находится по соседству с другими народами, придерживающимися того же духа, что и она сама, то со временем добывать этот запас продовольствия будет все труднее по мере того, как их соседи будут сами

удовлетворять свои потребности. Поэтому они должны искать его на большем расстоянии, и как только затраты на его добывание превысят стоимость труда свободных рук, занятых в производстве эквивалента, их труд перестанет вывозиться, а число жителей сократится пропорционально количеству оставшегося продовольствия.

Я не говорю, что торговля прекратится из-за этого; ни в коем случае. Торговля все еще может продолжаться и даже быть более значительной, чем раньше; но это будет торговля, которая никогда не сможет увеличить численность населения, потому что для этого необходимо существование. Однако это может иметь бесчисленные и великие преимущества: это может значительно приумножить богатство государства, и это приобретет даже могущество и мощь. Торговая нация может жить в глубоком мире у себя дома и сеять войну и смуту среди своих врагов, даже не используя своих собственных подданных. Таким образом, торговля, не увеличивая численности населения страны, может значительно увеличить ее силу, вооружая те рабочие руки, которые она не кормила, и используя их для своей службы.

ГЛАВА XIX.

Наносит ли внедрение Машин в производство ущерб интересам государства или вредит населению?

Я нахожу, что в наше время это стало вопросом. Древние с большим почтением относились к изобретателям пилы, токарного станка, вимблы, гончарного круга; но некоторые современные люди находят злоупотребление в доведении механизма до совершенства: (см. "Вопросы о неправильном понимании Франции", стр. 272. 313.) великий Монтескье придирается к водяным мельницам, хотя я не нахожу, чтобы он высказывал какие-либо возражения против использования плуга.

Если бы люди понимали друг друга, было бы невозможно, чтобы подобные вопросы стали предметом спора между здравомыслящими людьми; но обстоятельства, на которые ссылаются или предполагают, на которые авторы почти всегда обращают внимание, хотя и редко выражают их, делают наиболее очевидные истины уязвимыми для возражений.

Вряд ли возможно внезапно внести малейшее новшество в политическую экономику государства, пусть даже оно будет настолько разумным, более того, настолько прибыльным, без каких-либо неудобств. Нельзя подмести комнату, не подняв пыли, нельзя выйти за пределы дома, не испачкав обуви; точно так же невозможно сразу внедрить машину, сокращающую труд людей, в обширное производство, не повергнув многих людей в безделье.

Рассматривая каждый вопрос политической экономики, я постоянно предполагаю, что во главе правительства стоит государственный деятель, систематически управляющий каждой его частью, чтобы не допустить, чтобы превратности нравов и нововведения наносили ущерб каким-либо интересам внутри содружества своими естественными и непосредственными последствиями. Когда дом в городе приходит в негодность, его сносят; я называю это систематическим разрушением: если бы ему позволили рухнуть, последствия могли бы быть фатальными во многих отношениях. Подобным же образом, если в мануфактурах трудолюбивой нации одновременно внедряется некоторое количество машин (вследствие той свободы, которой необходимо позволять все виды усовершенствований и без которой государство не

может процветать), то делом государственного деятеля становится настолько интересоваться последствиями, чтобы обеспечить средство от неудобств, возникающих в результате внезапного изменения. Далее, его долг состоит в том, чтобы сделать каждое проявление свободы и утонченности объектом правительства и администрации; не для того, чтобы препятствовать им или сдерживать их, а для того, чтобы не допустить, чтобы революция затронула интересы различных классов народа, о благополучии которых он особенно обязан заботиться.

Я думаю, что внедрение машин не может нанести вреда людям, делая их праздными, иначе как из-за своей внезапности; и я часто замечал, что все внезапные революции, какими бы выгодными они ни были, должны сопровождаться неудобствами. Безопасный, почетный и прочный мир после долгой, опасной и дорогостоящей войны вынуждает множество рабочих рук бездействовать и лишает их хлеба. Таким образом, мир можно рассматривать как механизм защиты нации с политическими потерями, поскольку армия бездействует; и все же, я полагаю, никто не согласится с тем, что для того, чтобы дать хлеб солдатам, маркитантам и гробовщикам, войну следует продолжать. Но здесь я должен заметить, что, по-видимому, это явный недостаток политики, если государственный деятель пренебрегает поиском надлежащего средства (какими бы первоначальными затратами оно ни было добыто) для раздачи хлеба тем, кто, рискуя своей жизнью, прошел через так много лишений на службе своей стране. Эти расходы должны быть отнесены на счет войны, и государству следует учитывать, что, поскольку их безопасность требовала, чтобы большое количество людей было устранено с пути обеспечения себе постоянного фонда существования, который сделал бы их независимыми от кого бы то ни было (предположим, что это имело место), оно становится связанным общественным договором, который связывает всех вместе, чтобы найти им работу. Позвольте мне привести другую иллюстрацию, касающуюся этого вопроса.

Я хочу сделать вал, пересекающий реку, чтобы построить мост, мельницу, шлюз и т. Д. Для этой цели я должен перекрыть воду, то есть остановить реку; будет ли веским возражением против моего усовершенствования сказать, что вода зальет соседние земли, как будто меня можно было бы заподозрить в такой неосмотрительности, что я не подготовил для нее новое русло? Машины останавливают реку; прокладка нового русла - дело государства, поскольку именно общественность должна воспользоваться преимуществами шлюза: я полагаю, то, что я сказал, естественным образом подскажет ответ на все возможные возражения против внедрения машин; что касается их преимуществ, то они настолько ощутимы, что мне нет необходимости настаивать на них. Однако есть один случай, в котором, я думаю, их можно не одобрить; но это кажется химерическим предположением и приведено здесь только для того, чтобы указать и проиллюстрировать принцип, который влияет на эту область нашего предмета.

Если вы можете представить себе страну, населенную до предела плодородной почвой и абсолютно отрезанную от каких-либо связей с другими нациями; все жители полностью заняты удовлетворением потребностей друг друга, денежное обращение происходит регулярно, пропорционально и единообразно по всем жилам, как я мог бы это назвать, политического организма; нет скрытого или чрезвычайного спроса в любое время в какой-либо отрасли промышленности; нет избыточности какой-либо занятости; нет возможности увеличить либо обращение, либо промышленность, либо потребление. В подобной ситуации я должен был бы не одобрять внедрение машин, так же как я не одобряю прием лекарств при установившемся состоянии совершенного здоровья. Я не одобряю машины только потому, что это новшество в

государстве, абсолютно совершенном в этих отраслях своей политической экономики; а там, где есть совершенство, улучшения быть не может. Я также не одобряю это, потому что это может вынудить человека быть праздным, который, таким образом, окажется в физической невозможности добывать свой хлеб любым другим способом, кроме того, которым он, как предполагается, фактически занят.

Нынешнее положение каждой страны Европы настолько бесконечно далеко от этой степени совершенства, что я должен рассматривать внедрение машин и любых методов увеличения производства или облегчения труда и изобретательности человека как средство наибольшей полезности. Почему люди хотят увеличить численность населения, как не для достижения этих целей? Чем эффект машины отличается от эффекта новых жителей?

Как сельское хозяйство, осуществляемое как ремесло, очищает землю от праздных ртов и подталкивает их к новой отрасли промышленности, которую государство может обратить в свою пользу, так и машина, введенная в производство, очищает руки, которые затем становятся излишними *в этой отрасли* которые могут быть быстро использованы в другой.

Следовательно, если машина оказывается вредной, то это может быть только потому, что она дает государству дополнительное количество рук, приученных к труду; следовательно, если впоследствии они оказываются без хлеба, это должно происходить от недостатка внимания со стороны государственного деятеля: ибо трудолюбивый человек, лишенный работы, может постоянно использоваться с пользой для того, кто его нанимает. Что может сделать акт натурализации больше, чем предоставить трудолюбивые руки, вынужденные бездельничать и требующие работы? Поэтому машины я рассматриваю как метод увеличения (виртуально) численности трудолюбивых без затрат на питание дополнительного количества: это ни в коем случае не препятствует естественному и полезному росту населения по самым очевидным причинам.

Мы показали, как должно расти население пропорционально средствам к существованию и пропорционально промышленности: теперь машина ничего не потребляет, поэтому не уменьшает средств к существованию, и промышленности (по крайней мере, в наш век) не грозит переизбыток в любом хорошо управляемом государстве; ибо пусть весь мир копирует ваши усовершенствования, они все равно будут учеными. И если, напротив, при внедрении машин вы окажетесь учеными других стран, в этом случае вы окажетесь перед дилеммой: принять изобретение со всеми его неудобствами или отказаться от любого иностранного общения.

Из рассуждений такого рода, я думаю, не следует делать вывод, что опыт *должен* с необходимостью доказывать то, на что, как нам кажется, указывают наши рассуждения.

Последствия нововведений в политической экономике допускают бесконечное разнообразие из-за бесконечного разнообразия сопутствующих им обстоятельств: следовательно, никакое рассуждение, каким бы утонченным оно ни было, не может априори указать, что в таких случаях обязательно должно последовать. Эксперимент должен быть проведен, обстоятельствам должно быть позволено действовать; неудобства должны быть предотвращены или исправлены, насколько это возможно; и когда их оказывается слишком много или они слишком велики, чтобы их можно было устранить, самая рациональная, наиболее согласованная схема в

теории должна быть отложена до тех пор, пока не будут предприняты подготовительные шаги для того, чтобы сделать ее практически осуществимой.

В целом, ежедневный опыт показывает преимущества и усовершенствования, полученные с внедрением машин. Пусть неудобства, на которые жалуются, ощущаются так остро, пусть государственный деятель так беспечен в освобождении тех, кто вынужден бездельничать, все эти неудобства лишь временные; преимущество постоянное, и необходимость внедрения всех методов сокращения труда и расходов, чтобы удовлетворить потребности роскошного человечества, абсолютно необходима, согласно современной политике, согласно опыту и согласно разуму.

ГЛАВА. XX.

Различные замечания по сельскому хозяйству и населению.

До сих пор я рассматривал цель сельского хозяйства не более чем как выращивание зерна; пища человечества оценивалась по количеству потребляемой им этой продукции; предполагалось, что земледельцы живут в сельской местности. Поскольку мой предмет имеет лишь косвенную связь с наукой о сельском хозяйстве, я упростил многие вещи, сложные сами по себе, чтобы лучше приспособить их к главному объекту моего исследования и лучше удерживать мое внимание на одной идее за раз. Теперь я собираюсь вернуться к некоторым частям моей темы, к которым, как мне кажется, я подошел слишком поверхностно, и рассмотреть по ходу дела некоторые различные вопросы, которые естественным образом возникнут из того, что будет сказано.

Квест. I.

Почти каждый, кто писал о населении и о сельском хозяйстве, рассматриваемых как их неотъемлемые составляющие, рекомендовал равное распределение собственности на землю как полезное для обоих: несколько размышлений по этому вопросу после того, что было изложено в предыдущих главах, возможно, не будут лишними; скорее для изучения и применения изложенных принципов, чем с целью борьбы с мнением других.

Я уже несколько раз обращал внимание на огромную разницу между политической экономикой древних и современности; по этой причине, среди прочих, я считаю, что настроения древних, которые были основаны на разуме и здравом смысле относительно их ситуации, были приняты некоторыми современными людьми, которые, возможно, недостаточно обратили внимание на изменение наших манер и на последствия, которые это изменение должно оказать на все, что связано с нашей экономикой. Древние настоятельно рекомендовали равное распределение земель как наилучшую гарантию свободы и наилучший метод не только сохранить равенство среди граждан, но и увеличить их число.

В те дни граждане не составляли и половины государства по численности; и почти не существовало такого понятия, как установленный денежный процент, который не может быть основан ни на чем, кроме торговли и развитой промышленности. В те дни не было иного твердого дохода, кроме как в виде земли, а поскольку она была поровну разделена между гражданами, это благоприятствовало их умножению и приводило к равенству. Но в наши дни богатство заключается не только в землях; более того, иногда мы находим наиболее

значительного владельца этих земель в весьма незначительных обстоятельствах; обремененного долгами и зависящего от снисхождения людей, у которых нет ни акра и которые являются их кредиторами. Поэтому давайте разделим наши земли так, как нам заблагорассудится, мы никогда не добьемся этим равенства. В этом существенное различие между нами и древними в отношении одного пункта. Теперь что касается другого - населения.

Равный раздел земель, без сомнения, значительно увеличивает численность одного класса жителей, а именно землевладельцев. В древние времена, как уже было замечено, главное внимание уделялось увеличению числа граждан, то есть высших классов государства; и равное разделение собственности настолько эффективно производило этот эффект, что греческие государства были вынуждены разрешать воспитание детей; и Аристотель рассматривал это как нечто совершенно необходимое, как весьма разумно заметил г-н де Монтескье. Размножение низших классов, то есть рабов, никогда не принималось во внимание общественностью, а оставалось исключительно вопросом частной заботы; и мы находим, что у некоторых был вопрос, стоит ли вообще производить потомство от них. Но в наши дни главная цель состоит в том, чтобы поддержать низшие классы за счет их собственного умножения, и для этой цели неравноправный раздел собственности представляется мне более благоприятной схемой; потому что богатство богатых естественным образом попадает в карманы трудолюбивых бедняков; в то время как продукт весьма посредственного состояния дает не более чем пропитание детям собственника, которые со временем очень часто и совершенно естественно становятся бесполезным бременем на земле. Позвольте мне применить это к примеру. Разве мы не знаем, что консолидация небольших поместий и уменьшение числа джентльменских семей со средним достатком не наносят большого вреда современному государству. Всегда, когда для этого есть возможность, можно встретить множество представителей этого класса обитателей. Когда крупный человек скупает земли соседнего дворянства или мелких собственников, все жалобы, которые раздаются, сводятся к бедствиям, которые отсюда проистекают для низших классов из-за потери их хозяев и защитников; но никогда ни слова не слышно о том, что делается государством из-за вымирания семьи бывшего владельца. Это убедительно показывает, что объектом современного внимания является умножение низших классов, следовательно, было бы непоследовательностью перенимать практику древних, когда наша экономика полностью противоположна их экономике.

Задание. II.

Пусть этого будет достаточно, чтобы указать, насколько разница в наших нравах должна влиять на раздел наших земель. Теперь я рассмотрю вопрос, относящийся к науке о сельском хозяйстве, рассматриваемый не как метод улучшения почвы (впоследствии это станет более естественным), а как способ заставить ее давать наилучшие плоды, предполагая, что она уже улучшена.

Рассматривая продукты земли, возникающие в результате земледелия, я всегда отличал их от тех, которые спонтанно возникают под действием сил природы: это непосредственный дар Бога, это результат труда его созданий. Каждому известно, что труд человечества пропорционален не его численности, а его трудолюбию. Следовательно, продукция сельского хозяйства должна оцениваться не только по количеству плодов, но также и по труду, затраченному на их производство. Исходя из этих соображений, возникает вопрос, который здесь предлагается рассмотреть, а именно: Какой вид сельского хозяйства наиболее выгоден

современному обществу: тот, который производит наибольшее количество *полностью* собранных плодов, или тот, который производит наибольшее количество *относительно* собранных, я имею в виду с точки зрения применяемого труда?

Этот вопрос, в общем, мог бы быть легко разрешен путем применения уже выведенных принципов; хотя он не допускает прямого ответа в том виде, в каком я его сформулировал. Следовательно, можно неопределенно сказать, что лучшим является тот вид, который производит излишек, наилучшим образом соответствующий отрасли промышленности и потребностям всех свободных рук государства. Но поскольку это решение не привело бы меня к той цели, которую я имею в виду, я предложил альтернативу, чтобы привлечь внимание к принципам, которые я собираюсь исследовать и которые влияют и определяют создание того или иного вида сельского хозяйства.

Основная трудность, с которой я сталкиваюсь при рассмотрении этого вопроса, состоит в том, чтобы отличить результаты земледелия от результатов самопроизвольного возделывания земли. Например, относительная отдача от пастбищ, как мы наблюдали, как исходя из здравого смысла, так и из опыта, намного выше, чем от кукурузных полей (см. выше, глава 1). 8.) хотя я почти не сомневаюсь, что, взятый абсолютно, дело обстоит совершенно иначе; то есть, что акр самой лучшей пахотной земли даст человеку больше пищи, чем равная часть самого прекрасного пастбища: но здесь мы следуем соотношению площади и продукта, а не труда; ибо, если рассматривать продукт обоих акров относительно *труда*, необходимого для обработки, а также с точки зрения объема; продукт пастбища окажется намного большим: это, однако, я приписываю спонтанному действию природы, а не высшей полезности растений. такой вид сельского хозяйства.

Следовательно, поскольку невозможно справедливо отделить эффекты природы от эффектов искусства и промышленности в этом виде усовершенствования, давайте ограничим наши рассуждения только теми, целью которых является обработка поверхности и посев или культивирование однолетних овощей. Чтобы лучше передать наши идеи, давайте возьмем пример и будем рассуждать, исходя из предположения.

Позвольте мне предположить остров небольшой протяженности с плодородной почвой, достаточно улучшенной и возделанной на манер лучших земель Англии при обычном методе ведения сельского хозяйства.

В этом случае мы можем заключить из того, что было изложено в 8-й главе, что число людей, занятых в сельском хозяйстве, может составлять почти половину всего общества. Пусть всех жителей острова назовут 1000, то есть 500 фермеров и столько же свободных рабочих рук. Тогда 500 фермеров должны прокормить 1000 человек; 500 свободных рабочих рук должны обеспечить все остальные потребности 1000 человек. Исходя из этого предположения и допуская равную степень трудолюбия в этих двух классах, добывание пищи будет казаться занятием, равным занятию по удовлетворению всех других потребностей. Позвольте мне, между прочим, сделать из этого несколько выводов, прежде чем я продолжу.

Опыт показывает, что во всех странах есть много людей, которые, как здесь понимается, относятся к классу свободных рабочих рук, которые потребляют бесконечно больше других вещей, чем пищи; следовательно, мы должны заключить, что поскольку потребности некоторых действительно намного превышают долю их пищи, то для выравнивания баланса потребности

других должны быть намного ниже этой доли. Я полагаю, что это так, и вы убедитесь в этом на собственном опыте. Позвольте мне развить эту мысль немного дальше.

По мере того, как большее число людей становится занятым в сельском хозяйстве, не должно ли из этого следовать, что доля всех других работ в потребляемой пище должна уменьшаться, чем раньше; следовательно, образ жизни должен становиться более простым. Теперь мы показали, что то, что мы называем потребностями, в отличие от пищи, может быть удовлетворено только свободными руками, и что их, опять же, можно прокормить только за счет излишков фермеров; следовательно, чем меньше потребностей и чем меньше свободных рук, тем меньше излишков, что, конечно, делает сельское хозяйство менее продуктивным относительно числа фермеров. Следовательно, если бы все общество было занято сельским хозяйством, осуществляемым как прямой метод существования, не было бы излишков, следовательно, не было бы свободных рук; следовательно, не было бы работы для удовлетворения какой-либо потребности, кроме пищи. Это предположение может показаться невозможным. Если вы предполагаете, что сельское хозяйство осуществляется как ремесло, я допускаю, что это так, но не в том случае, если оно осуществляется только как способ существования; и если вы полностью отбросите идею труда и предположите, что человечество находится в зачаточном состоянии, то есть в раю, питается спонтанными плодами земли и совершенно обнажено, вы обнаружите, что случай не только предположительный, но именно такой. Точно так же обстоит дело и со скотом: каждого из них можно рассматривать в параллельной ситуации с земледельцем, который работает ради собственного пропитания. Они питаются самопроизвольными плодами земли и не имеют излишков; и, не испытывая никакой другой нужды, они свободны от всех других забот. Позвольте мне теперь вернуться на остров.

500 фермеров кормят 1000; и мы предполагаем, что земля обрабатывается, как на хорошей английской ферме. Одно из обществ предлагает увеличить число жителей путем внедрения более производительного вида сельского хозяйства, продукция которого может быть *абсолютно* больше, хотя и относительно меньше.

Первый вопрос, который государственный деятель, естественно, задал бы этому реформатору, был бы таким: каков ваш взгляд на увеличение числа наших жителей, для защиты ли нас от наших врагов, для удовлетворения ли потребностей незнакомцев и, таким образом, для нашего собственного обогащения, для того ли, чтобы удовлетворить наши собственные *потребности* в большем изобилии, или для того, чтобы обеспечить нас более обильно *пищей*? Я вряд ли могу найти какую-либо другую рациональную точку зрения в желании увеличить количество людей в какой бы то ни было стране. Позвольте ответить, что все эти цели могут быть достигнуты таким образом: а теперь давайте рассмотрим, насколько эта реформа сельского хозяйства приведет к увеличению населения, насколько такое увеличение обеспечит предлагаемые цели и насколько выполнение такого плана осуществимо для трудолюбивого народа.

Если обитатели недостаточно накормлены, а это единственное, что может предотвратить их размножение, это должно происходить по одной из двух причин. Либо, *во-первых*, размножаются те, кто не может произвести эквивалент пищи для своих детей; либо, *во-вторых*, промышленность развивается быстрее, чем сельское хозяйство, и трудолюбивые вступают в слишком сильную конкуренцию друг с другом за излишки пищи, что приводит к повышению цен на нее и уменьшению порций слишком низко, чтобы допустить дежеж; и, таким образом, предотвращает браки и размножение в низших классах свободных рабочих рук.

В первом случае бессмысленно увеличивать производство сельскохозяйственной продукции, удорожая ее; ибо те, у кого нет эквивалента, который можно было бы дать, когда продовольствие дешево, все равно будут испытывать большую нужду, когда оно подорожает. Во втором случае нет смысла уменьшать излишек фермеров, потому что предположение доказывает, что баланс уже слишком тяжел на стороне свободных рабочих рук, то есть что излишков фермеров уже становится недостаточно, чтобы прокормить их.

От этого неудобства можно предложить два средства: одно ведет к заселению, другое - к депопуляции; и поскольку цель, которую необходимо достичь, - установить равновесие даже между земледельцами и свободными руками, я объясню оба и укажу, *насколько* далеко от принципов, по-видимому, может быть достигнуто любым из этих способов.

Это стремление к увеличению численности населения является предлагаемым средством правовой защиты, и, без сомнения, если бы было возможно ввести новую систему ведения сельского хозяйства с большим абсолютным производством, хотя относительное производство должно было бы быть меньше, жители штата, ставшие, таким образом, лучше питаться, хотя и с большими затратами, безошибочно размножились бы. Поэтому позвольте мне изучить эту первую часть, прежде чем я скажу что-либо о другой; и для большей наглядности я вернусь к своему примеру и рассмотрю как последствия, так и возможность приведения такого плана в исполнение.

Позвольте мне предположить, что, используя лопату и грабли вместо плуга и бороны, на землях нашего острова можно было бы производить больше продукции в изобилии; это метод увеличения затрат на сельское хозяйство, который потребовал бы дополнительного числа земледельцев.

Теперь, по предположению, 500 фермеров кормили, хотя и скудно, всех жителей, то есть 1000 человек. Таким образом, если 100 свободных рабочих рук смогут стать фермерами, цель может быть достигнута: будет произведено больше продовольствия; люди будут лучше питаться; они будут размножаться; то есть их число превысит 1000. Давайте теперь попытаемся составить суждение об этом увеличении и о последствиях революции.

Теперь общество будет состоять из 600 фермеров и 400 свободных рабочих рук. 600 человек, несомненно, будут производить больше плодов, чем раньше; но поскольку их труд, согласно предположению, относительно менее производителен, для них будет невозможно производить излишки, равные их собственному потреблению; следовательно, свободные руки никогда не смогут увеличиться до числа, равного их собственному; то есть общество никогда не достигнет 1200 человек. Но мы предположили, что для удовлетворения других потребностей общества требуется трудолюбие половины жителей, то есть всех 500 свободных рабочих рук; и, поскольку число таковых уже сократилось и никогда больше не сможет возрасти до такой пропорции, как было сказано, не должны ли люди добровольно принять более простой образ жизни; или не должен ли спрос на работу очень значительно возрасти? Позвольте мне рассмотреть последствия в обоих случаях. В первом случае вы видите, что если сами жители вынуждены упрощать свой образ жизни из-за нехватки рабочих рук для обеспечения того, что они раньше потребляли, три из четырех целей, предложенных реформацией, становятся недостижимыми, а именно: защита от своих врагов, удовлетворение потребностей чужаков и обеспечение своих собственных с большим изобилием. А что касается четвертого, то это должно прекратиться в тот момент, когда будет достигнута цель, то есть в тот момент, когда население увеличится в

пропорции дополнительной пищи. Следовательно, упрощая свой образ жизни и позволяя сельскому хозяйству встать на новую основу, они не достигли ни одной из предложенных ими целей.

Далее, если мы предположим, что жители не склонны упрощать свой образ жизни, но что богатые среди них настаивают на покупке всех предметов роскоши, которыми они раньше пользовались, не должны ли значительно возрасти требования к труду и, следовательно, не должно ли быть дано дополнительное поощрение тем видам труда, которые были сокращены из-за того, что 100 человек были уволены из промышленности и переведены в класс фермеров? Не заставит ли это их быстро бросить свою лопату, и тем скорее, поскольку они занялись занятием менее прибыльным, чем земледелие, согласно прежним системам?

Вот и все о последствиях, которые могли бы последовать, если бы предложенный план был признан осуществимым; то есть предположим, что было бы возможно перевести в сельское хозяйство часть трудолюбивого общества, уже занятую другими видами деятельности, и сразу изменить относительную пропорцию между теми, кто поставляет продовольствие, и теми, кто покупает его с помощью своего труда. Мы начали с того, что приняли этот первый шаг как должное; и теперь я должен показать, какие препятствия возникнут при его выполнении.

Мы уже говорили, что именно разнообразие и сложность потребностей поощряют сельское хозяйство, а не земледелие или изобилие пищи, которое вселяет в человечество склонность к труду. Итак, если этот принцип верен, предположение, к которому мы пришли, абсурдно. Боюсь, что и разум, и опыт с избытком докажут, что это так.

Естественный и необходимый эффект промышленности в торговле и мануфактурах заключается в содействии росту относительного земледелия; которое, увеличивая излишки, имеет тенденцию, конечно, увеличивать долю свободных рук по сравнению с фермерами. Река может так же легко подняться к своему истоку, как люди добровольно переходят к более активному сельскому хозяйству, чем то, которое уже установлено, предполагая, что земли будут полностью улучшены, дух трудолюбия будет преобладать, с одной стороны, а фермеры будут думать только о прибыли, с другой.

Какой фермер мог бы продать излишки дорогостоящего сельского хозяйства в конкуренции с другим, который использовал относительно более продуктивный вид?

Когда улучшаются земли, упрощение ведения сельского хозяйства является необходимым спутником развития промышленности, потому что снижение затрат - единственный способ добиться предпочтения на рынке.

Задание. III.

Нанесла ли промышленность ущерб населению, увеличив относительный и уменьшив абсолютный продукт сельского хозяйства, или же она принесла ему пользу, поощряя науку в целом и распространяя ее применение по всему лицу земли, - это факт, который я предоставляю определять другим, более информированным, чем я. Со своей стороны, я полагаю, что можно найти тысячи примеров того и другого. Я знаю кукурузные поля, где раньше стояли деревни, жители которых питались чистыми продуктами абсолютного земледелия, то есть клочком

огородной земли и коровьим молоком: население, несомненно, сокращается; но на небольшом расстоянии от того места, где стояли эти деревни, я вижу кукурузные поля, где не было ничего, кроме вереска; это свидетельствует о населении. Я стремлюсь не более чем объяснить на основе фактов принципы, которые я пытаюсь открыть, и оставляю общие выводы другим, как я уже сказал.

В законе есть правило, которое может быть распространено почти на все в этом мире, *unum quodque eodem modo solvitur quo colligatum est*. Промышленность формирует этот вид абсолютного земледелия; промышленность разрушает его. Военная сила возвысила римское величие; военная сила разрушила его. Дух свободы может сформировать благородную конституцию, а дух свободы может разбить ее вдребезги. Датские штаты ограничились королевской властью и установили свободное правительство; те же самые штаты сделали саму эту власть неограниченной и установили там самую чистую монархию в христианском мире. Но эти размышления чужды нашей теме: *Ne sutor ultra crepidam*. Я возвращаюсь.

Когда промышленность поставлена на ноги, это поощряет сельское хозяйство, осуществляемое как ремесло; и благодаря соблазну легкости, который большой излишек обеспечивает фермерам, это наносит ущерб тем видам, которые используются как способ существования. Земли обрабатываются более широко и менее тщательно. В некоторых странах обработка почвы налажена и поощряется; это оперозное земледелие. Пока промышленность развивается, и пока люди могут оставаться довольными продуктами питания, состоящими в основном из хлеба, эта система сельского хозяйства будет существовать, и численность населения будет очень высокой. Если богатство увеличится, и если те, у кого оно есть, начнут требовать гораздо большей доли работы, чем раньше, в то время как они не потребляют больше пищи, тогда, я полагаю, число жертв может уменьшиться из-за принципов, к которым я сейчас стремлюсь.

Я возвращаюсь к совету острова, где предложение, изложенное на ковре, гласит: *Скудное существование жителей требует возмещения ущерба*.

Встает макиавеллист (таких немало в каждой стране) и предлагает вместо увеличения числа жителей за счет повышения эффективности сельского хозяйства уменьшить их число, зарастив некоторое количество кукурузных полей травой. Какова цель сельского хозяйства, говорит он, как не для того, чтобы прокормить государство? Благодаря нашему оперативному методу вспашки и сева половина всей продукции потребляется теми, кто ее выращивает; в то время как благодаря тому, что большая часть нашего острова занята пастбищами, половина земледельцев может быть спасена. Скажите на милость, что вы предлагаете делать с теми, кого вы намерены оставить без работы? отвечает гражданин. Пусть они займутся промышленностью. Но промышленность уже достаточно, нет, более чем достаточно обеспечена. Если, говорит Макиавель, лишние земледельцы будут выброшены из образа жизни, они могут идти, куда им заблагорассудится; у нас нет повода для них, как и для любого другого, кто живет только для того, чтобы прокормить себя. Но вы уменьшаете численность своего народа, отвечает гражданин, и, следовательно, свою силу; и если впоследствии на вас нападут ваши враги, вы захотите вернуть для своей защиты тех, кого в своей безопасности вы презирали. На это другой отвечает: здесь вы полагаетесь на египетский тростник. Если они необходимы нам сейчас для пропитания, то как мы сможем жить, используя их в качестве солдат? Мы можем жить без многого, но не без труда наших земледельцев. Независимо от того, заняты ли наши земли под пашню или на пастбище, если этот класс будет правильно пропорционален требуемому труду,

мы никогда не сможем ничего извлечь из него. В тех странах, где мы видим, что князья прибегают к помощи земли для набора своих армий, мы можем с уверенностью заключить, что там земля перенаселена и что промышленность еще не в состоянии избавиться от всех лишних ртов; но у нас дело обстоит иначе, где земледелие справедливо пропорционально количеству земледельцев. Если я предлагаю реформу, то только для увеличения излишка, за счет которого кормится все государство, за исключением земледельцев; если излишек после реформы будет больше, чем в настоящее время, план хорош, хотя 250 наших фермеров из-за этого будут вынуждены голодать.

Хотя ни один человек, я полагаю, не способен рассуждать в столь нечеловеческом стиле, и хотя предлагаемая здесь революция является невозможным предположением, если она должна быть осуществлена сразу, однако те же последствия должны быть достигнуты в каждой стране, где мы видим, как кукурузные поля постепенно превращаются в пастбища; только изменения постепенны, промышленность нигде не перегружена, и средства к существованию можно получать из других стран, где оперозные виды сельского хозяйства могут вестись с прибылью.

Знакомый опыт подтверждает истинность этого. У меня есть кукурузная ферма, где я содержу десять лошадей и четырех слуг только для возделывания: в конце года я нахожу, что мой излишек равен 40 *фунтам* стерлингов. Если, зарастив свои земли травой, я смогу уволить трех слуг и восемь лошадей и в конце года увеличить свой излишек до 50 *фунтов* стерлингов, кто сомневается в том, что я это сделаю? Разве это не следует изложенной выше доктрине? Но в этом нет ничего одиозного; потому что я не вижу, чтобы эти трое слуг умирали от голода, и это не следствие того, что они должны умирать, поскольку формируются государства. Они обращаются к промышленности, и продовольствие поступает из-за границы по мере того, как сама страна производит меньшее количество. Факты и опыт подтверждают это утверждение, и я привожу Голландию в качестве примера, где развиты все отрасли оперозного земледелия, за исключением тех продуктов, которые невозможно завезти из других стран. Я ввел грубый макиавеллизм только для того, чтобы представить принципы в ярком свете, и особенно принципы, касающиеся набора войск с суши, которые я считаю одновременно верными и на которые необходимо обратить внимание, а именно, что те, кто должен трудиться для поддержания существования общества, могут быть мало полезны для защиты государства в случае какой-либо чрезвычайной ситуации. Правители убедились в истинности этого, и по мере того, как развивалась промышленность, было признано необходимым содержать регулярные армии в мирное время, чтобы их можно было иметь во время войны. Ополчение, состоящее из по-настоящему трудолюбивых людей, я полагаю, гораздо лучше работает в умозрении, чем на практике. Как бы действовало ополчение в Голландии? насколько замечательным оно не было раньше в Шотландии, Польше и Каталонии? И насколько блестяще это все еще удастся армиям австрийского дома? Однако я могу ошибаться; ибо военный дух и трудолюбие могут оказаться совместимыми друг с другом у некоторых конкретных народов: возможно, время прояснит этот вопрос. Вот и все, что касается ополчения. Теперь что касается набора регулярной армии.

Чем больше их набирается на земле, тем меньше они дезертируют. Русская армия, например, собранная в настоящее время (1758 г.), почти не знает дезертирства, войска австрийского дома, взятые из некоторых провинций, где почти нет промышленности, относятся к тому же случаю, а также ополчение Франции, которое я рассматриваю как регулярные войска. С другой стороны, те армии, которые создаются в странах, где промышленность пустила корни, состоят главным образом из распущенных людей, отбросов густонаселенных городов, сынов порока и

праздности, у которых нет ни места жительства, ни привязанностей. Это настоящие солдаты по профессии, и они зарабатывают на этом; сколько тысяч таких сейчас можно найти? они появляются на рынке каждый сезон, и тот, кто предложит лучшую цену, забирает их, пока может удержать. Некоторые князья считают своим долгом не принимать обратно своих собственных дезертиров, но принимают тех, кто совершил такую же неверность по отношению к другим; в то время как другие довольствуются наказанием тех, кто терпит неудачу в своей попытке дезертировать, но принимают их обратно, когда они возвращаются по собственному желанию, совершив дезертирство. Теперь все превратилось в торговлю и, кажется, регулируется ее принципами. Я возвращаюсь к нашему сельскому хозяйству.

Разве изложение этих принципов, которое мы сейчас дали, не стремится пролить свет на первый вопрос, оставленный без внимания в этой главе, а именно на последствия равного и неравномерного распределения собственности на земли?

Когда они однажды хорошо обработаны и улучшены, не имеет значения, кому принадлежит собственность; ибо под собственностью на такие земли я могу подразумевать только излишки, как мы подробно объяснили в другом месте. Поэтому позвольте собственностью все земли в королевстве, в полной мере улучшилось, принадлежат государству, или любое количество людей, однако мало, нет вопроса благоустройства; нет разницы в том, к сельскому хозяйству, сельское хозяйство, нет никакой разницы, как население, по данным современной политики. До тех пор, пока все это хорошо обрабатывается и заставляются производить группой людей, которых я называю фермерами, цель полностью достигнута; и в соответствии с характером сельского хозяйства, которое обусловлено множеством различных вкусовых особенностей и образом жизни, каждому из них должны быть отведены большие или меньшие участки земли.

Если вы предположите, что страна еще не улучшилась, как многие другие, тогда дело становится совершенно иным, и небольшие владения необходимы как для увеличения числа жителей, так и для улучшения почвы. Согласно этому предположению, наиболее трудоемкое сельское хозяйство может вестись в конкуренции с наиболее прибыльным; потому что, когда встает вопрос об улучшении, часто вместо какого-либо излишка после оплаты труда образуется значительный отток.

Земледелием в целях улучшения могут заниматься только те, у кого есть богатство и избыток, и оно ведется с расчетом на будущее, а не на нынешнюю выгоду: об этом мы поговорим в другом месте. Ибо я рассматриваю это как совершенно иную операцию, на которую влияют другие принципы, и никакие способы не следует путать с настоящим предметом исследования. Но я незаметно углубился в обширную тему, и теперь пришло время вернуться.

Я уже говорил выше, что река может так же легко подняться к своему истоку, как трудолюбивый народ добровольно принимает более эффективную систему ведения сельского хозяйства, чем та, которая уже установлена, пока, с одной стороны, преобладает дух трудолюбия, а с другой - фермеры думают только о прибыли. Исходя из этой позиции, я счел предложенный план увеличения численности жителей острова путем внедрения более активного сельского хозяйства абсурдным, и это, безусловно, так и есть: но позвольте мне привести обстоятельство, которое влияет на дух этого народа, и план станет правдоподобным и простым.

Пусть часть богатых владельцев земель пристрастится к сельскому хозяйству. Пусть Талл, Дю Амель превратят сельское хозяйство в предмет роскоши, развлечения. Пусть эта наука

превратится в Миссисипи, или схему Южных морей. Позвольте богатым поверить, что сокровища можно найти при небольших затратах, вложенных сначала в сельское хозяйство, и вы скоро увидите, как самые эффективные виды науки продвигаются вперед, а ее продукты попадают на рынок и продаются, несмотря на всякую конкуренцию. Вязание миледи герцогиней может продаваться по такой-то цене за фунт, равно как и работа девушки, которая не тратит и шести пенсов в день; но если учесть и то, и другое относительно затрат производителя, окажется, что каждый узел миледи стоил столько же, сколько фунт другого. Фунт герцогини, однако, увеличивает количество узлов; точно так же ферма милорда увеличивает количество средств к существованию для всего общества. Нация также выигрывает от того, что его расточительность приобрела оборот, который может привести к постоянному хорошему эффекту улучшения части страны, хотя и ценой, бесконечно превышающей ее ценность. Теперь я должен снова коснуться другой части моей темы, которая, на мой взгляд, была рассмотрена слишком поверхностно.

В предыдущей главе я показал, как промышленность естественным образом собирает в городах свободные руки государства, оставляя фермеров на их фермах и в деревнях. Это распределение служило цели объяснения определенных принципов; но при рассмотрении относительно других обстоятельств, которые в то время мне не попадались на глаза, оно окажется слишком общим. Поэтому позвольте мне добавить еще несколько замечаний по этому поводу.

Экстенсивное земледелие, состоящее из вспашки и сева, является надлежащим занятием страны и основой населения в каждой стране, питающегося за счет собственных продуктов. Города обычно окружены огородами и полями с богатой травой; это подходящие объекты сельского хозяйства для тех, кто живет в пригородах или кто заперт в стенах маленьких городков. В садах выращиваются различные продукты питания, которые нелегко привезти издалека, в том свежем и пышном виде, который радует глаз и способствует здоровью. Они обеспечивают постоянное занятие человеку и очень мало - скоту, поэтому удачно расположены в непосредственной близости от поселков. На травянистых полях, опять же, обычно либо пасутся коровы для производства молока, масла, сливок и т. Д., Которые страдают от долгой перевозки; либо их держат на пастбище для сохранения откормленных животных в хорошем состоянии до тех пор, пока на них не появится спрос на рынках; либо их скашивают на траве для городского скота. Их также можно с выгодой превратить в сено, потому что перевозка крупногабаритного товара на большое расстояние иногда обходится слишком дорого. Таким образом, мы обычно находим, что сельское хозяйство управляется следующим образом. В центре стоит город, окруженный огородами; за ними лежит пояс прекрасных роскошных пастбищ или сенокосных полей; протянитесь дальше, и вы найдете начало того, что я называю оперозным земледелием, вспашкой и севом; за этим лежат пастбища для откорма крупного рогатого скота; и, наконец, идут гористые и обширные участки неулучшенных или плохо благоустроенных земель, где разводят животных. Это кажется естественным распределением, и я обнаружил, что оно установлено почти везде, когда особые обстоятельства не меняют порядок.

Бедность почвы под Парижем, например, позволяет увидеть поля ржи у самых ворот и обширнейшие огороды, даже для выращивания вишни и персиков, на значительном расстоянии от города. Я нашел другие города, и я могу привести пример того, в котором я сейчас живу, Падуа, где поблизости нет ни одного огорода, но каждое место покрыто самыми богатыми зерновыми: две трети - пшеницей, а оставшаяся треть - индийской кукурузой.

Причина этого очевидна. Город имеет огромную протяженность, пропорциональную численности жителей; все сады находятся внутри стен, а городской навоз позволяет почве постоянно плодоносить. Сено привозят издалека, потому что затраты на распределение навоза по отдаленному полю были бы больше, чем на транспортировку сена водовозом. Фермерские дома здесь кажутся не больше хижин, каковыми они и являются на самом деле, построенных фермерами, потому что обрабатываемое пространство очень мало по сравнению с продуктом; следовательно, фермер здесь выплачивает землевладельцу стоимость полной половины урожая, а на оставшуюся половину не только засеивает землю и покупает навоз, но снабжает скот и рабочие инструменты, более того, даже перестраивает свой дом, когда того требует случай.

Когда я впервые осмотрел эти плодородные равнины, я начал сокрушаться по поводу расточительного использования таких ценных земель во множестве очень широких дорог, ведущих во все стороны; многие из них, как я думал, можно было бы спасти, принимая во внимание огромные преимущества, получаемые от такой экономики; но при дальнейшем размышлении я понял, что потери были незначительными; поскольку плодородие почвы зависит главным образом от вносимого в нее навоза, потери, понесенные от дорог, следует исчислять не более чем стоимостью земли в необработанном виде. Ситуация была бы совсем иной, если бы сейчас изменили дороги или провели новые через кукурузные поля; потери тогда были бы значительными, хотя даже это было бы временным явлением и затронуло бы только конкретных людей: тот же самый навоз, который сейчас поддерживает плодородие этих земель, быстро оплодотворил бы другие на их местах, и через несколько лет все было бы так, как сейчас.

Эти последние размышления, естественно, подводят меня к рассмотрению вопроса, который был поднят очень вежливым французским писателем, автором книги "Любовь к человеку", и который достаточно естественно возникает здесь, прежде чем я закончу эту первую книгу. Вот оно.

Задание. IV.

Вредит ли ненужное потребление продуктов земли, будь то на еду, одежду или другие нужды; и расточительное использование прекрасных плодородных полей, садов, проспектов, больших дорог и других целей, дающих небольшую отдачу, *населению*, уменьшая изобилие продуктов питания и предметов первой необходимости в таком королевстве, как Франция, в его нынешнем положении?

Мой ответ таков: если бы Франция была полностью окультурена и населена, введение избыточного потребления было бы злоупотреблением и уменьшило бы число жителей; поскольку же дело обстоит наоборот, это доказывает преимущество. Теперь я приведу причины, по которым я расхожусь во мнении с джентльменом, выступление которого я процитировал.

Поскольку вопрос поставлен, вы понимаете, что цель, которую необходимо достичь, состоит в том, чтобы обеспечить изобилие пищи и предметов первой необходимости; потому что злоупотребление рассматривается не в каком-либо ином свете, а в связи с конкретным эффектом уменьшения надлежащего количества средств к существованию, которые король был бы склонен сохранить для питания и использования своего народа. Поэтому я ограничусь главным образом этой целью, и если я покажу, что такое чрезмерное использование

поверхности земли и расточительное потребление ее плодов на самом деле не наносят вреда, а лишь поощряют улучшение земель Франции *в ее нынешнем состоянии*, я буду считать вопрос достаточно решенным: потому что, если злоупотребление, как это называется, окажется благоприятным для сельского хозяйства, оно никогда не может оказаться вредным для населения. Однако из-за невнимания правительства это может повлиять на внешнюю торговлю, но это объект, совершенно не относящийся к данному вопросу. Но прежде чем я перейду к этому предмету, уместно заметить, что я придерживаюсь мнения, что любая система экономики, которая неизбежно имеет тенденцию портить нравы людей, должна всеми возможными способами не одобряться, хотя это не должно наносить особого ущерба ни населению, ни изобилию средств к существованию.

Теперь, в рассматриваемом нами вопросе, единственное злоупотребление, которое я могу найти в этих привычках экстраординарного потребления, по-видимому, связано с характером потребителей и, по-видимому, никоим образом не проистекает из последствий потребления. Пороки людей, без сомнения, могут быть причиной их чрезмерного потребления, но потребление, которое они производят, вряд ли когда-либо может быть причиной этого порока. У самого добродетельного человека во Франции может быть самый роскошный стол, самая богатая одежда, самые великолепные экипажи, самое большое количество бесполезных лошадей, самый помпезный дворец и самые обширные сады. Самая огромная роскошь, которую только можно себе представить, в нашем понимании этого термина, до тех пор, пока она не направлена ни на какую иную цель, кроме потребления труда и изобретательности человека, совместима как с добродетелью, так и с пороком. Исходя из вышесказанного, я перехожу к сути дела.

Франция в настоящее время находится в зачаточном состоянии в плане совершенствования, хотя успехи, которых она добилась за столетие, вызывают восхищение всего мира. Я не буду далеко ходить в поисках доказательств этого утверждения. Огромные участки ее земель все еще не обработаны, миллионы ее жителей бездельничают. Когда все будет культивироваться и все будут трудоустроены, тогда она будет в состоянии совершенства относительно моральной возможности быть улучшенной. Люди свободны, рабство неизвестно, и каждый мужчина обязан прокормить себя и воспитать своих детей. Порты страны открыты для получения средств к существованию, и эта нация, как и любая другая, может рассматриваться как отдельная личность в великом мировом сообществе; то есть может увеличиваться в силе, богатстве и непринужденности относительно других, пропорционально трудолюбию ее жителей. В таком случае все принципы политической экономики, которые мы изучали, могут свободно действовать в этом королевстве.

Франция постепенно достигла своего нынешнего уровня роскоши относительно потребления. По мере того, как она росла в богатстве, росло и ее желание пользоваться им. По мере того, как ее потребности возрастали, для их удовлетворения было занято больше рабочих рук; ибо ни одна статья расходов не может быть увеличена без увеличения работы тех, кто ее обеспечивает. Если то же самое число жителей города Парижа потребляет в четыре раза больше любых предметов первой необходимости, чем раньше, я надеюсь, будет допущено, что производство таких предметов первой необходимости должно быть в четыре раза более обильным и, следовательно, что для их обеспечения должно быть занято гораздо больше людей.

Что стимулирует сельское хозяйство, как не большой спрос на его продукцию? Что стимулирует размножение, как не большой спрос на людей, то есть на их работу? Стал бы кто-нибудь жаловаться на расточительных людей в Париже, если бы вместо того, чтобы потреблять эти огромные излишки, они отправляли бы их в Дувр за возврат английским золотом? В чем разница между расточительным потреблением и продажей? Одно приносит деньги, другое - ничего; но что касается пищи и предметов первой необходимости для обеспечения бедных и бережливых, то их контингент в обоих случаях совершенно одинаков.

Но, говорит один, если бы не это чрезвычайное потребление, все было бы дешевле. Я охотно допускаю это; но скажет ли кто-нибудь, что снижение цен на продукты земли является методом поощрения сельского хозяйства, особенно в стране, где земли не улучшаются и где они не могут быть улучшены; главным образом, потому, что затраты превышают всю прибыль, которую, возможно, можно извлечь из прибыли? Таким образом, высокие цены, обусловленные большим потреблением, безусловно, благоприятствуют развитию сельского хозяйства. Если я разбью свои богатые кукурузные поля на посыпанные гравием дорожки и сады, я полагаю, они больше не будут конкурировать с полями моего соседа, трудолюбивого земледельца. Кто тогда проиграет из-за моей расточительности? Не земледelec. Возможно, скажут, что проиграет нация в целом; потому что вы лишаете их пищи. Это могло бы быть правдой, если бы опустошение кукурузных полей было внезапной революцией, достаточно масштабной, чтобы затронуть все общество; и если бы морские порты и заграждения королевства были закрыты; но в противном случае нация при малейшем дефиците выходит на рынок со своими деньгами и не теряет никого из своих жителей.

Возражение. Но если жизнь становится дорогой, производители должны голодать из-за отсутствия работы.

Ответ. Не те, кто обеспечивает внутреннее потребление, а только те, кто обеспечивает более дешевую жизнь иностранцев; и таких я знаю немного. Интересы этого класса должны быть полностью рассмотрены в другом месте. Пока я только замечу, что опустошение кукурузных полей в трудолюбивой стране, где усовершенствование привело к созданию плана полезного земледелия, не будет иметь никакого другого эффекта, кроме того, что зерно на некоторое время станет пропорционально дороже: следовательно, таким образом будет поощряться сельское хозяйство; и через несколько лет потери будут восполнены дальнейшим расширением улучшений. Это сделает пищу обильной и дешевой: тогда ее количество будет увеличиваться, пока она снова не станет дефицитной. Именно благодаря таким чередующимся превратностям улучшение и численность населения достигают своего пика. В то время как улучшение земель продолжается, я должен заключить, что спрос на средства к существованию растет; и если это не является доказательством увеличения численности населения, я сильно ошибаюсь.

Я могу очень легко предположить, что спрос на *работу* может значительно возрасти только вследствие увеличения богатства; потому что потребление *работы* безгранично; но что касается предметов питания, то дело обстоит совершенно иначе. Самая нежная печень в Париже не поместит в свой желудок больше земных продуктов, чем кто-либо другой: он может привередничать, но всегда обнаружит, что то, что он оставит, пойдет на корм другому: ни в одной стране, где я когда-либо был, съестные припасы не выбрасываются. Не на самых дорогих кухнях можно найти самое расточительное употребление изобильных плодов земли; и именно ими кормят людей, а не ортоланами, трюфелями и устрицами, присланными из Маренна.

Возражение. Дороги чрезмерной ширины часто проходят через лучшие поля, принадлежащие бедным и трудолюбивым, без надлежащей компенсации.

Ответ. Удержание возмещения является злоупотреблением; потеря полей не имеет никакого значения для государства, за исключением таких стран, где количество пахотных земель невелико, как в горных провинциях; там следует должным образом учитывать ширину, потому что потеря не может быть возмещена. В тех странах, которые я здесь описываю, и я привожу Тироль Тироль в качестве примера, я обнаружил, что все жители так или иначе заняты в том виде сельского хозяйства, которое используется как способ существования. Небольшая пахотная земля разделена на очень маленькие участки; люди очень размножаются и покидают страну. Те, кто остается, обычно заняты рубкой леса для строительства и сжигания, который они отправляют вниз по рекам, а взамен покупают кукурузу, которая поступает с юга и с севера. Это лучший промышленный план, которому они могут следовать без помощи своего суверена. Дороги здесь выполнены с большим совершенством, с избытком прочности и с бережным отношением к небольшому участку земли. Я возвращаюсь во Францию.

Возражение. В Париже содержится множество лишних лошадей, которые потребляют то, чем могло бы прокормиться гораздо больше жителей.

Ответ. Верно: но тот, кто кормит лошадей, потому что *он думает, что* они ему нужны, не стал бы кормить этих жителей, потому что *он уверен, что* они ему не нужны; и если бы он, в угоду обществу, распустил свой скот, фермер, поставляющий сено и овес, потерял бы покупателя, и никто бы не выиграл. Эти товары производятся, потому что на них есть спрос: когда появятся дополнительные жители, которые будут требовать и смогут платить, их спрос также будет удовлетворен, пока во Франции есть безработный акр.

Возражение. Увеличение потребления древесины для топки наносит ущерб населению, поскольку знаменует расширение лесов.

Ответ. Это следствие я отрицаю; как на основании факта, так и разума. На самом деле, потому что леса не распространены, и что ничто, кроме руки природы, в плохо населенной стране, по-видимому, не способно их сформировать. Во Франции лесов с каждым днем становится все меньше; и если бы не юрисдикция *Мраморного стола*, их было бы еще больше, чем сейчас. Я согласен, что потребление древесины в настоящее время бесконечно больше, чем раньше, и точно так же, что цена на нее повсюду значительно возросла. Эти два обстоятельства, по-видимому, скорее указывают на сокращение, чем на расширение лесов. Но рост потребления и цен обусловлен другими причинами, как я покажу, чтобы указать на некоторые новые принципы, относящиеся к этому обширному предмету. 1. Рост потребления обусловлен увеличением богатства. 2. Повышение цен происходит от увеличения стоимости труда, а не от нехватки леса или высокого спроса на дрова. Что касается первого, я полагаю, что этот факт не будет подвергнут сомнению, поскольку это один из излишеств потребления, на который жалуются и который относят к разряду роскоши и расточительности. Что касается второго, то истинная причина повышения цен на этот товар требует несколько большего внимания, и, чтобы указать на нее с некоторой отчетливостью, я должен сначала показать политическую невозможность распространения лесов на *пахотные* земли Франции в ее нынешнем положении.

Лучшее доказательство, которое я могу предложить в поддержку моего мнения, - это сравнить незначительную стоимость акра стоячего леса в королевских судебных решениях, где за раз продаются тысячи, со стоимостью акра сносных земель под кукурузу, а затем спросить, настолько ли значительна текущая стоимость лесов, чтобы привлекать какого-либо владельца к засеву такого поля для выращивания древесины, когда ему приходится ждать, возможно, 40 лет, прежде чем оно станет пригодным для вырубki? Добавьте к этому, что тот, кто сажает дерево во Франции, подпадает под вышеупомянутую юрисдикцию и не имеет права срубить его и распоряжаться им без их разрешения. Во многом по этой причине во французских деревнях так мало деревьев; и я никогда не слышал ни об одном примере засева кукурузных полей семенами лесных деревьев с целью улучшения их состояния. Я не отрицаю, что леса, за которыми хорошо ухаживают, могут разрастаться на землях, не заслуживающих возделывания; но это, конечно, не может нанести вреда сельскому хозяйству; и только в этом отношении я утверждаю, что леса во Франции в настоящее время не находятся на пути к завоеванию новых земель.

Теперь, что касается повышения цен на древесину для сжигания, я говорю, что оно происходит не столько от повышения цен на древесину, произрастающую в лесах, сколько от повышения цен на рабочую силу и, главным образом, цен на транспортировку. Это характерно не только для Франции, но и почти для всей Европы по причинам, которые я сейчас приведу. Но прежде всего, что касается факта, что повышение цены происходит из-за указанной причины, можно увидеть, сравнив низкую цену акра стоячего леса с высокой стоимостью древесины, доставляемой на рынок: первая - это чистая стоимость древесины; последняя включает стоимость труда.

Далее, что касается цены на рабочую силу; повышение здесь универсально для всех трудолюбивых наций по очень простой причине, легко выводимой из изложенных выше принципов.

Пока на земле оставалось множество лишних ртов, пока в каждой провинции находилось множество людей, занятых в сельском хозяйстве просто ради пропитания, такие люди всегда были готовы использовать свои свободные часы и дни за очень небольшое вознаграждение со стороны тех, кто их нанимал. Тогда они не зависели в своем пропитании от этого занятия, и на пенни в их кармане можно было купить для них кое-что лишнее. Но когда современная политика постепенно вытягивает все больше людей из страны, те немногие, что остаются на службе обществу, теперь должны трудиться, чтобы добывать себе пропитание; и тот, кто нанимает их, должен кормить их, одевать и обеспечивать все остальные их потребности. Поэтому неудивительно, что труд становится дороже: для увеличения есть ощутимая причина.

Цены на все предметы первой необходимости повысились, без сомнения, отчасти по той же причине, и это обстоятельство, несомненно, входит в общую комбинацию: но труд, особенно в сельской местности, подорожал гораздо больше, чем цены на предметы первой необходимости, и будет расти еще больше по мере того, как земли будут лучше очищаться от лишних ртов.

Несмотря на то, что я сказал, я охотно допускаю, что большое потребление древесины для сжигания, но в особенности для кузниц, значительно повысило внутреннюю стоимость лесных угодий; но следствием этого было не расширение лесов, как мы показали, а получение общего дохода от них по всему королевству; тогда как раньше во многих провинциях они почти ничего не приносили. Когда их вырубали, загоняли скот, и, поедая нежные побеги из года в год, лес

превращался в дикий, не производящий ни древесины, ни пастбищ. Эта практика была основана на господствующем принципе частного интереса. Земля не стоила затрат на заготовку древесины; выращенная древесина не компенсировала потерю пастбищ в течение нескольких лет. Никакая юрисдикция, как бы хорошо она ни управлялась, не может помешать действию этого принципа; и государственный деятель, который попытался бы это сделать, был бы назван тираном: он огорчил бы земледельца и не оказал никакой услуги государству.

Из сказанного я должен заключить, что, хотя потребление продуктов земли и труда человека имеет тенденцию стимулировать промышленность для удовлетворения чрезвычайных потребностей; когда интересы внешней торговли не затрагиваются; и пока остается достаточно неосвоенных земель, чтобы обеспечить *первое дело*; не может быть политических злоупотреблений из-за неправильного применения или ненужного уничтожения плодов или рабочей силы. Расточитель наказывается потерей своих денег; трудолюбивый человек вознаграждается их приобретением. Мы уже говорили, что порок связан с избытком не более существенно, чем добродетель с трудолюбием и бережливостью. Но подобные вопросы чужды моему предмету. Однако я бы порекомендовал моралистам хорошо изучить обстоятельства, прежде чем они зайдут в реформировании так далеко, что нарушат устоявшуюся систему в политической экономике своей страны.

ГЛАВА XXI.

Краткое изложение Первой книги.

Вступление.

Я исходил из того, что проводил различие между правительством и политической экономикой; называя первое способностью повелевать, второе - талантом исполнять. Таким образом, губернатор может сдерживать, но управляющий должен руководить и, руководствуясь прямыми мотивами личного интереса, мягко побуждать свободных и независимых людей соглашаться с определенными планами, в конечном счете рассчитанными на их собственную выгоду.

Цель состоит в том, чтобы обеспечить продовольствием, другими предметами первой необходимости и работой не только тех, кто действительно существует, но и тех, кто должен быть создан. Это достигается путем привлечения каждого члена общества к участию в служении другим только в той мере, в какой он должен получать выгоду от взаимных услуг. Чтобы сделать это практически осуществимым, необходимо изучить дух людей, различные занятия, предписанные каждому, сначала должны быть приспособлены к его склонностям, и когда однажды они войдут во вкус к труду, над этими склонностями нужно постепенно работать, чтобы склонить их к таким занятиям, которые наиболее подходят для достижения желаемой цели.

Глава I.

Тот, кто стоит во главе этой операции, называется государственным деятелем. Я полагаю, что он должен быть постоянно бодрствующим, внимательным к своей работе, способным и неиспорченным, нежным в своей любви к обществу, которым он управляет, беспристрастно

справедливым в своем снисхождении к каждому классу жителей и пренебрегать интересами отдельных людей, когда это отношение несовместимо с общим благосостоянием.

Если бы я предложил план выполнения, признаюсь, это предположение было бы абсурдным; но поскольку я имею в виду не что иное, как исследование принципов, это не более абсурдно, чем предполагать точку, прямую линию, круг или бесконечность при рассмотрении геометрии.

Глава II.

Чтобы подготовить почву для рассмотрения этого вопроса в том порядке, который революции последних столетий сочли наиболее естественным, я расположил свой план в следующем порядке. Население и сельское хозяйство - это основы целого. Гражданские и домашние свободы, принесенные в Европу распадом феодальной формы правления, положили начало торговле и промышленности; они породили богатство и кредит; эти же долги и налоги; и все вместе установило совершенно новую систему политической экономики, принципы которой я намерен вывести и исследовать.

Население и сельское хозяйство, как я уже сказал, должны быть основой целого во все эпохи мира; и поскольку они настолько переплетены в своих связях и соотношениях, что их разделение совершенно несовместимо с ясностью и порядком, они, естественно, стали предметом первой книги.

Глава. III.

Я показал, что первый принцип размножения - это зарождение; второй - пища: первый дает существование и жизнь, другой сохраняет их.

Поскольку спонтанные плоды земли имеют определенное количество, они никогда не смогут прокормить больше определенного количества. Труд - это метод увеличения производства природы, и пропорционально увеличению может увеличиваться численность. Исходя из этих позиций, я делаю вывод,

Глава IV.

Что численность человечества всегда должна была быть пропорциональна продукту земли; и этот продукт должен постоянно находиться в сложном соотношении плодородия почвы и труда жителей. Следовательно, не может быть определенной универсальной пропорции во всем мире между числом тех, кто необходим для обработки почвы, и тех, кто может прокормиться за счет ее продуктов. Здесь я вынужден исследовать мотивы, которые могут побудить одну часть свободного народа трудиться, чтобы прокормить другую.

Я показываю, что это исходит из различных потребностей, которым подвержено человечество.

Глава V.

Здесь я представляю государственного деятеля, как необходимого для моделирования духа общества. Он изобретает и поощряет взаимные потребности, у каждого из которых есть своя привлекательность. Это вовлекает каждого в разные занятия и должно повредить прежней простоте нравов. Я показываю, как важно поддерживать справедливое равновесие во всех отраслях промышленности, чтобы ни в одной из ее отраслей не возникало уныния ни из-за

избытка, ни из-за нужды; и я указал, что разделение пищи между родителями и детьми является средством создания дефицита, и это неудобство может быть устранено только увеличением рабочей силы.

Если общество не согласится с этим планом взаимного трудолюбия, их число перестанет увеличиваться, потому что трудолюбивые не будут кормить праздных. Это я называю состоянием моральной невозможности увеличения численности, и я отличаю его от физической невозможности, которая может иметь место только тогда, когда сама природа, а не человек, отказывается производить средства к существованию. Исходя из этого, я применяю к каждому конкретному обществу то, что раньше находил применимым к человечеству в целом, а именно,

Что население каждой страны должно находиться в сложной пропорции к количеству производимого в ней продовольствия и к трудолюбию низших классов. Если производимое продовольствие превышает долю промышленности, остаток продовольствия будет экспортироваться; если промышленность превышает долю продовольствия, его дефицит должен быть восполнен за счет импорта.

Взаимные потребности побуждают к труду; следовательно, те, чей труд не направлен на обработку почвы, должны жить за счет излишков, произведенных теми, кто занимается этим. Это делит общество на два класса. Тех, кого я называю фермерами, другие - свободными руками.

Поскольку создание этих взаимных потребностей было тем, что заставляло общество работать и естественным образом распределяло их по двум упомянутым нами классам; поэтому увеличение потребностей потребует увеличения числа свободных рук, а их потребность в пище приведет к росту сельского хозяйства.

Глава VI.

Здесь я определяю роскошь как означающую не более чем потребление излишеств или удовлетворение потребностей, не являющихся по существу необходимыми для жизни; и я говорю, что вкус к излишеству приведет к использованию денег, которые я представляю как общий объект нужды, то есть желания, среди человечества; и я показываю, как стремление приобрести их становится всеобщей страстью, средством увеличения трудолюбия среди свободных рабочих рук; следовательно, увеличения их численности; следовательно, развития сельского хозяйства для их существования.

Вся операция, которую я описывал, основывается на одном предположении, а именно, что у людей есть вкус к труду, а у богатых - к избытку. Если они алчны и почитают простоту; или же ленивы и лишены амбиций, изложенные принципы не возымеют никакого эффекта: и фактически мы обнаруживаем, что большинство жителей проживает не в самых прекрасных странах мира, а в самых трудолюбивых.

Поэтому пусть никогда не говорят, что в свободной стране слишком много производителей. Это то же самое, как если бы было сказано: "слишком мало праздных людей, слишком мало нищих и слишком много земледельцев".

Глава VII.

Здесь я прерываю свою тему, чтобы ответить на возражение, вытекающее из этих принципов.

Возражение. Как простота древних могла быть совместима с большим умножением?

Ответ. В древние времена людей заставляли работать на земле, потому что они были рабами других. В наше время операция более сложная, и поскольку государственный деятель не может сделать рабами своих подданных, он должен заставить их стать рабами своих собственных страстей и желаний; это единственный способ заставить их работать на земле, и при условии, что это будет достигнуто, какими бы средствами это ни осуществлялось, человечество увеличится.

Глава. VIII.

Оставляя в стороне этот вопрос, я указываю на метод оценки соотношения численности фермеров и свободных рабочих рук в стране только в качестве иллюстрации уже изложенного принципа, а именно, что излишки фермеров идут на пропитание остальных.

Я показываю, что этот избыток равен стоимости земельной ренты; и отсюда я заключаю,

во-первых, повышение земельной ренты доказывает рост промышленности и увеличение числа свободных рабочих рук; но поскольку рента может повышаться, а число жителей остается тем же, что и раньше, я заключаю,

очевидно, что революция должна тогда ознаменовать очищение земель от лишних ртов и заставить их покинуть свою мать-землю, чтобы удалиться в города и деревни, где они могут с пользой увеличить количество свободных рук и заняться промышленностью.

3. очевидно, что чем больше страна занята обработкой, тем больше она населена и тем меньше можно найти свободных рабочих рук; что чем больше она отведено под пастбища, тем меньше она населена и тем больше доля свободных рабочих рук.

Глава IX.

Далее я рассматриваю принципы, которые определяют место жительства.

Фермеры должны жить на том месте, где они работают, или поблизости от него, то есть либо на своих фермах, либо в своих деревнях.

Свободные руки я разделяю на два условия. Первая состоит из собственников излишков продовольствия, то есть землевладельцев; вместе с теми, кто может приобрести его на уже полученный доход, то есть денежный процент. Второе условие состоит из тех, кто должен приобрести часть этого излишка своим ежедневным трудом.

Те, кто придерживается первого условия, могут жить, где им заблагорассудится; те, кто придерживается второго, должны жить, где могут.

Когда представители первых выбирают совместное проживание, значительное число представителей вторых должны следовать за ними, чтобы обеспечить их потребление. Так образуются большие города.

Когда государственный деятель размещает все управление общественными делами в одном городе, это увеличивает столицу.

Когда производители объединяются в группы, они зависят напрямую не от потребителей, а от продавцов. Место их проживания зависит от обстоятельств, связанных с их профессией, обеспечением и транспортировкой их работы. Отсюда деревушки разрастаются в деревни, а поселки - в города. Морские порты обязаны своим появлением увеличению внешней торговли.

Глава X.

Поскольку объединение такого количества жителей является поздней революцией в политической экономике Европы, я попытаюсь дать краткое историческое представление о ней и исследовать последствия, которые она влечет как для государства в результате роста городов, так и для землевладельцев в результате дезертирства, как я мог бы назвать это, стольких вассалов и зависимых. Одним из основных результатов, который я наблюдаю, является дополнительное занятие, которое это дало государственным деятелям; иными словами, политическая экономика, таким образом, стала более сложной.

Глава XI.

Раньше жители были рассеяны и, так сказать, высасывая воду из своей матери-земли, могли легче прокормиться; теперь промышленность собрала их вместе, и промышленность должна их поддерживать. Упадок промышленности подобен прекращению существования армии. Предотвратить это - забота генерала, это забота государственного деятеля.

Вспомогательная промышленность означает не что иное, как привлечение на работу тех, кто должен за ее счет жить, и поддержание их численности пропорционально выполняемой ими работе. Следовательно, первый пункт состоит в том, чтобы найти работу для нынешних жителей; второй - заставить их размножаться, если спрос на их труд возрастет.

Увеличение числа никогда не устраним, а скорее усилит такие неудобства, которые возникают из-за злоупотреблений теми, которые уже существуют.

Чтобы правильно нанять людей, необходимо знать точное количество, необходимое для удовлетворения спроса на каждую профессию; распределить тех, кто должен жить своим трудом, по соответствующим классам; и заставить каждый класс (насколько это возможно), по крайней мере, поддерживать свою численность путем размножения.

Глава XII.

Там, где ценность какого-либо вида промышленности недостаточна для этой цели, необходимо применить надлежащее средство правовой защиты. Когда кто-либо оказывается неспособным из-за возраста или немоги зарабатывать себе на жизнь, его необходимо содержать. О младенцах, выставленных напоказ своими родителями, нужно заботиться и возвращать их в низшие классы народа; они всегда самые многочисленные, и их труднее всего прокормить собственным размножением. Брак без посторонней помощи не будет успешным в классе, который от своего труда получает не больше, чем личная физическая необходимость. Здесь наша экономика сильно отличается от экономики древних. Среди них брак поощрялся многими способами; но это было только для свободных. Они не составляли и половины людей. Рабы, которые представляли наши низшие классы, были набраны из других стран, как это происходит в настоящее время в Америке.

Следовательно, если, согласно современной экономике, низшие виды труда должны оставаться дешевыми, чтобы производство процветало, государство должно заботиться о детях; ибо при существующем положении дел либо неженатые получают столько же, сколько должны получать женатые, и становятся расточительными; либо женатые получают не больше, чем могут получать неженатые, и становятся несчастными. Неравная конкуренция между людьми одного и того же класса всегда влечет за собой одно из этих неудобств; и из этого главным образом проистекают упадок и нищета такого числа людей во всех современных государствах, а также постоянные жалобы на повышение цен на рабочую силу.

Каждый человек в равной степени охвачен желанием размножаться. Народ не может оставаться без размножения, как дерево без роста; но жить можно не больше, чем питаться; и поскольку все приращения пищи должны в конце концов прекратиться, как только это происходит, народ больше не увеличивается; то есть доля ежегодно умирающих увеличивается. Это незаметно удерживает от размножения, потому что мы разумные существа. Но все же есть некоторые, которые, хотя и рациональны, не предусмотрительны; они женятся и производят потомство. Я называю это порочным размножением. Следовательно, я разделяю размножение на две ветви, а именно: размножение, которое происходит среди тех, кто может прокормить то, что они разводят, и простое размножение, которое имеет место среди тех, кто не может содержать свое потомство.

Это последнее порождает политическую болезнь, которую смертность излечивает ценой больших страданий; подобно тому, как лесные деревья, которые не подрезают, наряжаются и становятся сильными за счет большого числа людей, которые умирают повсюду. Как предложить средство от этого неудобства, не накладывая каких-либо ограничений на брак; как наложить ограничения на брак, не шокируя дух времени, я, признаюсь, не могу найти; поэтому оставляю каждого строить догадки.

Глава XIII.

Хотя полное средство от последствий жестокого продолжения рода не может быть получено, все же с помощью точных списков рождений и смертей для каждого класса людей можно найти множество способов уберечь тех немногих, кто избежал опасностей своего младенчества, от возвращения в несчастный класс, который их произвел. Из этих списков будет ясно видна степень смертности и природа болезней, а также разница между распространением легких и несчастных; и если долг государственного деятеля состоит в том, чтобы держать всех своих людей занятыми, он, безусловно, должен получить как можно более точные сведения о численности и распространении людей всех вероисповеданий, чтобы он мог предотвратить рост какого-либо класса выше или падение ниже уровня, который наилучшим образом соответствует спросу на их соответствующую отрасль.

Глава XIV.

Население и сельское хозяйство имеют настолько тесную связь друг с другом, что я нахожу даже злоупотребления, которым они по отдельности подвержены, совершенно схожими. Я наблюдал, как естественно это должно происходить: когда слишком многие члены общества размножаются, часть должна голодать; когда слишком многие занимаются земледелием, часть тоже должна голодать. Вот причина:

Чем больше людей обрабатывает землю, тем меньшая ее часть должна выпадать на долю каждого человека; и когда эти доли сокращаются настолько, что производят не более того, что необходимо для прокормления рабочих, тогда сельское хозяйство обеспечено до предела.

Исходя из этого, я разделяю сельское хозяйство на две отрасли: одну полезную, другую вредную. Первый - это ремесло, то есть способ производства не только средств к существованию для рабочих, но и излишков, которые должны быть предоставлены для свободных рук государства, для их существования и для эквивалента либо в самом труде, либо в продуктах его производства. Вторым - это не торговля, потому что он не подразумевает отчуждения, а является чисто методом существования. Следовательно, если бы в какой-либо стране, где сельское хозяйство осуществляется как ремесло и где есть много свободных рук, фермерам было бы позволено размножаться в пропорции ко всему произведенному продукту, разве все свободные руки не были бы вынуждены голодать? В чем было бы преимущество наличия такого количества фермеров, если бы была одна очевидная потеря? Каждый был бы полностью занят тем, чтобы прокормить себя, нужды исчезли бы; жизнь действительно упростилась бы до последней степени, но узы общества, взаимная зависимость были бы разрушены: поэтому я называю этот вид жестоким по мере того, как возникают эти последствия. Я привожу несколько примеров такого жестокого ведения сельского хозяйства в разных странах, где я пользуюсь случаем заметить, что христианская добродетель, милосердие, в зависимости от ее масштабов, так же способствует размножению, как рабство или промышленность: все, что дает пищу, должно давать и численность. Я не говорю, что благотворительность способствует развитию промышленности.

Глава XV.

Затем я применяю эти общие принципы к конкретному представлению о состоянии населения на британских островах; из чего я заключаю, что тамошнему населению препятствуют не потери, понесенные от войны и торговли, или от вывоза средств к существованию, а политическое положение этой страны, которое в настоящее время делает ее морально неспособной увеличиваться в численности.

Глава XVI.

Развитие торговли и промышленности естественным образом исправляет это неправильное применение сельского хозяйства, очищая землю от лишних ртов, и тем самым сводит ее, как и должно быть, к торговле, рассчитанной на получение излишков, которые затем продаются для оплаты труда всех трудолюбивых. Только это может укрепить узы всеобщей зависимости между свободными людьми, которые должны жить своим трудом, сделав одну часть трудолюбивыми фермерами, а другую - изобретательными торговцами и фабрикантами. Именно благодаря вибрации баланса между этими двумя классами, размножение и сельское хозяйство достигают своего расцвета. Когда промышленность развивается слишком быстрыми темпами, свободные рабочие руки размножаются сверх нормы, то есть их количество падает; это повышает цены на продукты питания и дает дополнительный стимул сельскому хозяйству: когда это снова становится более важным, продукты питания становятся обильными и дешевыми, тогда численность увеличивается еще больше. Эти размышления подводят меня к рассмотрению последствий изобильных и скудных лет в наше время, когда голод почти неизвестен; и я прихожу к выводу,

Глава I. XVII.

Если бы годы изобилия встречались чаще, человечество было бы более многочисленным; если бы годы дефицита встречались чаще, численность уменьшалась бы. Затем, применяя это наблюдение к состоянию экспорта зерна из Англии, я испытываю искушение заключить, что это королевство, возможно, самое плодородное в Европе, никогда не производило за один год восемнадцать месяцев полного пропитания для всех своих жителей; и никогда не производило менее чем десятимесячного запаса продовольствия в годы наибольшего бесплодия.

Глава I. XVIII.

Когда страна полностью заселена и продолжает оставаться трудолюбивой, продовольствие будет поступать из-за границы. Когда нужно купить буханку хлеба, богатые съедят ее, даже находясь на расстоянии мили; а бедные могут умереть с голоду, даже находясь по соседству. Именно спрос богатых, которые размножаются настолько, насколько они склонны, поощряет сельское хозяйство даже в зарубежных странах; поэтому я заключаю, что это умножение является причиной и что прогресс сельского хозяйства является лишь следствием этого.

Страна, однажды полностью обеспеченная продовольствием, может уменьшиться в численности, но запасы все равно останутся. Это должно проистекать из изменения образа жизни; например, когда ленивый народ перестает потреблять более обильные продукты земли в поисках деликатесов. С другой стороны, трудолюбивые люди привозят дополнительные припасы из-за границы и, снабжая иностранцев продуктами своего труда, продолжают существовать и увеличивают свою численность. Так обстоит дело с Голландией: и этот план будет продолжаться до тех пор, пока злоупотребления внутри страны не поднимут цену на рабочую силу; а опыт за границей, эта всеобщая школьная наставница, научит иностранцев извлекать выгоду из своих собственных преимуществ.

Когда количество продовольствия перестает увеличиваться, численность населения останавливается; но торговля все еще может продолжаться и увеличивать богатство: это позволит нанимать армии иностранцев; так что торговцы могут читать о своих собственных битвах, победах и трофеях и, тратя свои деньги, никогда не нюхать пороха.

Глава XIX.

Когда они не смогут увеличить свою численность, они введут машины во многие производства; и они будут удовлетворять их потребности, не увеличивая потребление их пищи. Иностранцы, пораженные новинкой, которая снижает цены и сдерживает их растущую промышленность, будут копировать изобретения; но, будучи всего лишь учеными, которые просто идут работать, это усовершенствование повергнет многих из них в праздность: машины будут остановлены, а торговцы будут смеяться в рукав, хорошо зная, что нет ничего проще, чем вложить работу в руки трудолюбивого человека, оставшегося без дела. Короче говоря, остроумие и гениальность всегда ставят того, кто ими обладает, выше уровня его собратьев, и когда один ресурс подводит его, он изобретает другой.

Глава XX.

Остроумие, о котором я здесь упоминаю, приобретается не в тайне; ибо там можно узнать, что равное распределение земель было настолько благоприятным для размножения в древние

времена, что, должно быть, из-за противоположной практики наша численность сейчас намного меньше. Но тот, кто побывает за границей и увидит миллионы людей, у которых нет ни минуты времени, чтобы воткнуть лопату в землю, настолько усердно они заняты в той отрасли промышленности, которая передана в их руки, должен с готовностью заключить, что обстоятельства изменились и что чем меньше людей необходимо для прокормления всего общества, тем больше должно оставаться свободных для того, чтобы быть занятым в обеспечении всего остального, что может сделать жизнь приятной как для них самих, так и для незнакомцев; которые взамен отдают в руки своих трудолюбивых слуг, символов превосходства и господства, денег. Кто работает лучше всего, тот, кто работает, чтобы прокормить себя, или тот, кто работает, чтобы быть сытым, одетым и обеспеченным, отдавая только свои излишки тем, кем, следовательно, ему вскоре придется командовать. Это достигается за счет внедрения полезных видов сельского хозяйства и резкого роста числа вредных. И когда незнакомцы настолько добры, что позволяют своим соседям одевать и украшать себя, добродушие, не говоря уже о своекорыстии, требует, в свою очередь, чтобы первым было позволено заниматься теми видами труда, которые наименее прибыльны, хотя и наиболее необходимы для существования последних.

Когда взор человечества смотрит на тяжелый труд фермера и безразличие его богатого соотечественника к расточительству, оскорбление кажется оскорбительным. Богатому человеку рекомендуется подумать о страданиях, которые испытывает бедный земледелец вследствие своего беспутства. На этом богатый, тронутый состраданием, упрощает свой образ жизни. Земледелец в ярости набрасывается на реформатора и в своей грубой манере дает ему понять, что он ни в коем случае не считает его своим другом: ибо, говорит он, вы принимаете меня за раба богача; или вы воображаете, что я тружусь так, как тружусь, либо по его приказу, либо из-за какого-либо уважения к нему? Ни в малейшей степени, это исключительно ради его денег; и с тех пор, как вы убедили его стать экономистом, я и моя бедная семья умираем с голоду. Мы не единственные люди, оказавшиеся в такой ситуации; есть мой сосед, у которого под рукой все сено и овес, поскольку по вашему наущению он также уволил своих бесполезных лошадей. Как вы думаете, он раздаст свой овес в качестве милостыни, чтобы накормить бедных? Он сам достаточно беден, и все те, кто работал над тем, чтобы собрать эти запасы, находятся в не лучшем настроении, чем я. Придержите язык, говорит реформатор, вы - сборище экстравагантных людей, вы, рабочие. Сто лет назад можно было заполучить столько вас, сколько душе угодно, за половину того, во что вы нам обходитесь сейчас. Верните нам наши земли, говорит другой, по той цене, по какой мы их имели; и давайте всех нас хорошо накормим, прежде чем мы дадим вам хоть фартинг, и мы будем у вас такими же дешевыми, как прежде. Но неужели вы думаете, что после того, как вы загнали половину из нас в города и повысили арендную плату за счет цен на их еду, мы сможем работать вдвое усерднее и служить вам, как раньше? Нет, сэр! у вас должно быть больше здравого смысла, чем ожидать этого.

Это набросок первой книги; я подумал, что краткое изложение ее может помочь мне вспомнить идеи и расположить их по порядку, прежде чем я продолжу.

Конец Первой книги.

ЗАПРОС

В

ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ.

КНИГА II. О ТОРГОВЛЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Введение.

Прежде чем я приступлю ко второй книге, я должен сказать несколько связных слов, чтобы направить мысли моего читателя тем же путем, которым цепь моих собственных мыслей и распределение моего плана естественным образом привели меня.

До сих пор моей основной точкой зрения было подготовить почву для изучения принципов современной политики путем изучения тех из них, которые в большей или меньшей степени оказывали регулярное воздействие во все эпохи мира.

При этом, признаюсь, я не мог не предвидеть многих вещей, которые, согласно составленному мной плану, в какой-то мере потребуют от меня повторений.

Я предлагаю исследовать принципы, которые все относительно и зависят друг от друга. Невозможно говорить о них с отчетливостью, не применяя их к объектам, на которые они оказывают влияние; и поскольку одни и те же принципы распространяют свое влияние на несколько областей моего предмета, те из моих читателей, которые уделяют им в основном внимание, не обнаружат большого разнообразия в различных их применениях.

Во всех композициях такого рода принципиально необходимы две вещи. Первая - представлять такие идеи, которые являются абстрактными, ясными, простыми и несложными. Эта часть напоминает выковывание звеньев цепи. Вторая заключается в том, чтобы расположить эти идеи в надлежащем порядке, то есть в соответствии с их самыми непосредственными связями. Когда такая композиция ставится перед хорошим пониманием, память завершает работу, скрепляя звенья воедино; и при условии, что любое из них можно сохранить, разумеется, последует целое.

Итак, отношения между различными принципами, о которых я говорю, действительно поражают тех, кто привык к абстрактным рассуждениям, но не настолько, как при применении их к различным примерам.

Принцип личной заинтересованности послужит общим ключом к этому исследованию; и его можно, в некотором смысле, рассматривать как руководящий принцип моего предмета, и поэтому его можно проследить во всем. Это главная пружина и единственный мотив, которым должен руководствоваться государственный деятель, чтобы побудить свободный народ согласиться с планами, которые он излагает для их правительства.

Прошу вас, возможно, здесь я не имею в виду, что государственным деятелем должен руководить личный интерес: ни в коем случае. Личный интерес, если рассматривать его

применительно к нему, является общественным духом; и его можно назвать личным интересом только тогда, когда он применяется к тем, кто должен им руководствоваться.

Исходя из этого принципа, люди вынуждены действовать тысячью различных способов, и каждое действие влечет за собой определенные необходимые последствия. Таким образом, постоянно рассматриваемый вопрос сводится к следующему: что человечество сочтет своим интересом делать при таких-то обстоятельствах?

Чтобы исчерпать предмет политической экономики, я предложил рассматривать ее принципы в зависимости от обстоятельств; и поскольку они бесконечны, я разделил их на категории, то есть на более общие комбинации, которые сформировала современная политика. Все это, ради порядка, я представил как висящее в цепи следствий и зависящее одно от другого. См. [Книгу I. Глава ii.](#)

Я счел это лучшим методом расширения моего плана, из чего естественно сделать вывод, что он также окажется наилучшим для того, чтобы мои читатели могли его сохранить.

Я сделаю все, что в моих силах, чтобы разнообразить, в зависимости от различных обстоятельств, повторения, к которым меня должно привести это расположение. Невозможно увидеть целое королевство, не проезжая время от времени через город, который ты видел раньше. Поэтому я буду подражать путешественнику, который в таких случаях делает свое пребывание очень коротким, если только какое-нибудь новое любопытство случайно не привлечет его внимания.

Я сказал, что личный интерес является руководящим принципом моего предмета, и я объяснил это так, чтобы никто не мог предположить, что я рассматриваю его как универсальную движущую силу человеческих действий. Вот в каком свете я хочу представить этот вопрос.

Лучший способ управлять обществом и заставить каждого вести себя в соответствии с планом для государственного деятеля - сформировать систему управления, максимально соответствующую интересам каждого отдельного человека, и никогда не льстить себе надеждой, что его народ будет вынужден действовать в целом и в вопросах, касающихся исключительно общества, исходя из каких-либо иных принципов, кроме частных интересов. Это предельный предел, на который я претендую, отстаивая свою позицию. Что касается того, что касается достоинств и недостатков действий в целом, я считаю столь же абсурдным утверждение, что ни одно действие не является по-настоящему добродетельным, как и утверждение, что ни одно из них на самом деле не является порочным.

Возможно, можно было бы ожидать, что, рассматривая политику, я включил бы также общественный дух в качестве принципа действия; тогда как все, что мне требуется в отношении этого принципа, - это лишь ограничение его; и даже это, возможно, слишком много, чтобы принимать как должное. Если бы общественный дух, а не частная полезность, стал движущей силой действий граждан хорошо управляемого государства, я полагаю, это все испортило бы. Я объясняю сам.

Общественный дух, в моем понимании этого предмета, настолько же излишен для управляемых, насколько он должен быть всемогущим для государственного деятеля; по крайней мере, если он не совсем излишен, то настолько же, насколько чудеса излишни для религии, однажды полностью утвердившейся. И то, и другое достойно восхищения в изложении, но потрясло бы

все, если бы они продолжали оставаться обычными и знакомыми. Если бы чудеса совершались каждый день, законы природы перестали бы быть законами; и если бы каждый действовал для общества и пренебрегал собой, государственный деятель был бы сбит с толку, а такое предположение нелепо.

Следовательно, я ожидаю, что каждый человек должен действовать в своих собственных интересах в том, что касается общества; и, с политической точки зрения, каждый должен это делать. Именно сочетание всех частных интересов формирует общественное благо, и об этом может судить только общественность, то есть государственный деятель. Вы должны любить свою страну. Почему? Потому что это ваше. Но вы не должны предпочитать свои собственные интересы интересам своей страны. Это, я согласен, совершенно справедливо; но это означает не более того, что вы должны воздерживаться от действий в ущерб интересам общества, даже если этого требуют ваши собственные интересы; то есть вы должны воздерживаться от получения незаконной выгоды. Граф Джулиан, например, который, как говорят, из личной обиды привел мавров в Испанию и разорил свою страну, нарушил этот принцип. Шпион в армии или в кабинете министров, который выдает секреты своей страны, и тот, кто продает свое доверие, находятся в одном и том же случае: обман государства является, среди многих других, печально известным примером этого. Предполагать, что люди в целом честны в таких вопросах, было бы абсурдно. Следовательно, законодательная власть должна издавать хорошие законы, а те, кто их нарушает, должны быть быстро, строго и наверняка наказаны. Это относится к принудительной части правительства и, выходящее за рамки моей темы, всегда воспринимается как должное.

Если бы принцип общественного духа распространился дальше; если бы народ стал совершенно бескорыстным, не было бы никакой возможности управлять им. Каждый мог бы рассматривать интересы своей страны в ином свете, и многие могли бы присоединиться к ее разрушению, пытаясь продвигать ее преимущества. Если бы богатый купец начал продавать свои товары без прибыли, что стало бы с торговлей? Если бы кто-то другой взял на себя чрезвычайные расходы некоторых рабочих в тяжелый год, чтобы дать им возможность продолжать свое производство, не повышая цены, что стало бы с другими, у которых не было подобных преимуществ? Если бы владелец крупного землевладения распределял арендную плату за зерно по низкой цене в неурожайный год, что стало бы с бедными фермерами? Если бы люди кормили всех, кто просил бы милостыню, что стало бы с промышленностью? Эти действия общественного духа должны быть оставлены на усмотрение общественности, и все, что требуется от отдельных людей, - это не пытаться победить их.

Это обычное распределение вещей, и только оно является предметом моего рассмотрения.

В плохо управляемых правительствах я, как и любой другой, восхищаюсь каждым проявлением общественного духа, каждым чувством бескорыстия, и никто не может испытывать большего уважения к каждому выдающемуся человеку.

Чем менее внимательно какое-либо правительство относится к выполнению своего долга, тем более важно, чтобы каждый индивид был воодушевлен *тем* духом, который затем угасает в той самой части, где он должен был бы расцвести с наибольшей силой; и с другой стороны, чем больше общественного духа проявляется в управлении государственными делами, тем меньше у государства возможностей для помощи со стороны частных лиц.

Теперь, поскольку я полагаю, что мой государственный деятель должен выполнять свой долг в мельчайших деталях, я позволяю каждому из его подданных следовать велениям его личных интересов. Все, что мне требуется, - это точное подчинение законам. Это также является интересом каждого; ибо тот, кто преступает границы дозволенного, несомненно, должен быть наказан: и в этом весь общественный дух, к которому стремится любое совершенное правительство.

ГЛАВА I.

О взаимных связях между торговлей и промышленностью.

Теперь я собираюсь поговорить о торговле и промышленности, двух разных предметах, но которые так же тщательно переплетены, как и те, которые мы обсуждали в первой книге. Подобные им в своих взаимных действиях, они взаимно помогают друг другу, и именно благодаря постоянной вибрации баланса между ними оба достигают вершины совершенства и утонченности.

Торговля - это операция, посредством которой богатство или труд отдельных лиц или обществ могут быть обменены группой людей, называемых торговцами, на эквивалент, подходящий для удовлетворения любых потребностей, без какого-либо перерыва в производстве или каких-либо ограничений потребления.

Промышленность - это применение свободным человеком изобретательного труда для того, чтобы посредством торговли добыть эквивалент, пригодный для удовлетворения любых потребностей.

Я должен заметить, что эти определения справедливы лишь относительно моего предмета и друг друга: ибо *торговля* может существовать без *промышленности*, потому что вещи, произведенные частично природой, могут быть обменены между людьми; *промышленность* может осуществляться без *торговли*, потому что человек может быть очень изобретательным в работе для обеспечения своего собственного потребления, а там, где нет обмена, не может быть и *торговли*. *Промышленность* точно так же отличается от *труда*. *Производство*, насколько я понимаю этот термин, должно быть добровольным; *труд* может быть принудительным: и то, и другое может давать одинаковый эффект, но политические последствия сильно различаются.

Промышленность, следовательно, применима только к свободным людям; *труд* могут выполнять рабы.

Позвольте мне рассмотреть это последнее различие немного внимательнее, чтобы лучше понять, справедливо ли оно, и указать на последствия, которые из него вытекают.

Я уже говорил, что без помощи одного из трех принципов размножения, а именно рабства, трудолюбия или благотворительности, не было никакой возможности обеспечить существование человечества в большем количестве, чем то, которое пропорционально спонтанным плодам земли. Рабство и трудолюбие вполне совместимы с эгоистичной природой человека и, следовательно, могут быть широко распространены в любом обществе:

благотворительность, опять же, является утончением человечества, и поэтому, я полагаю, она всегда должна быть ненадежной.

Теперь я считаю, что рабство и промышленность одинаково совместимы с большим размножением, но несовместимы друг с другом, без больших ограничений, налагаемых на первое. Очень трудно внедрить промышленность в стране, где установлено рабство, из-за неравной конкуренции между трудом рабов и трудом свободных людей, предполагая, что и то, и другое в равной степени допущено к рынку. Вот причина:

У рабов есть все их особые хозяева, которые могут позаботиться о *них* лучше, чем любой государственный деятель может позаботиться о трудолюбивых свободных людях; потому что их свобода является препятствием для его заботы. Все потребности рабов удовлетворяются хозяином, который может держать их в рамках трезвости. Он может либо набирать их из-за границы, либо заботиться о детях, в зависимости от того, насколько он считает это своим преимуществом. Если последнее окажется нерентабельным, то либо дети умрут из-за отсутствия ухода, либо из-за беспорядочной жизни рождается мало детей, либо из-за разделения полов они вообще не смогут размножаться. Отряд рабов-производителей, рассматриваемый в политическом свете, будет обнаружен полностью занятым, полностью обеспеченным, и их работа, когда хозяин доставит ее на рынок, может обойтись гораздо дешевле, чем аналогичная работа свободных людей, каждый из которых должен обеспечивать себя сам и у которых, возможно, могут быть отдельный дом, жена и дети для содержания, и все это благодаря промышленности, которая производит не больше, нет, не так много, как у отдельного раба, у которого нет призвания к труду. Почему крупные предприятия производственного типа разрушают частную промышленность, как не потому, что приближаются к простоте рабства. Можно ли с какой-либо выгодой обрабатывать сахарные острова наемным трудом? Если бы расходы на воспитание детей не предполагались большими, были бы когда-нибудь импортированы рабы? Конечно, нет: и все же у меня все еще есть сомнения, не могло бы надлежащее регулирование воспитания детей рабов привести к лучшему результату в этом деле, чем постоянный их ввоз. Но это чуждо нынешней цели. Все, что я намереваюсь здесь отметить, - это последствия *конкуренции* между трудом рабов и свободных людей; из этой конкуренции я делаю вывод, что без разумных правил промышленность никогда не сможет преодолеть те неудобства, которым она неизбежно будет подвергаться поначалу в государстве, где рабство уже введено.

Эти правила должны были бы предотвращать конкуренцию между трудолюбивыми свободными людьми и хозяевами рабов, присваивая занятие каждого из них различным целям: ограничить рабство, например, сельской местностью; то есть выделить рабов для ведения сельского хозяйства и исключить их из всех других видов работ. При таком регулировании, *возможно*, промышленность могла бы добиться успеха. В старину этого не было; промышленность не преуспевала так, как в настоящее время, и этому я приписываю простоту тех времен.

Не так уж трудно ввести рабство в государстве, где установлена свобода; потому что такая революция может быть вызвана силой, от которой все рушится; и по причинам, упомянутым выше, я должен заключить, что последствия такой революции имели бы тенденцию к прекращению или, по крайней мере, без величайших предосторожностей, сильно замедлили бы прогресс промышленности; но если бы такие предосторожности были приняты должным образом; если бы рабство было сведено к временной и условной службе и подчинено

надлежащим правилам; это могло бы оказаться из всех других наиболее превосходным средством для того, чтобы сделать низшие классы народа счастливыми и процветающими. процветание; и за предотвращение того пагубного продолжения рода, от которого главным образом проистекают те великие страдания, которым они подвергаются в настоящее время. Но поскольку любая модификация рабства совершенно противоречит духу современности, я не буду продолжать подобные рассуждения дальше. Все это я счел необходимым отметить лишь между прочим, ради некоторых принципов, которые у меня впоследствии будет возможность применить к нашей собственной экономике; ибо везде, где рабство сопровождается какими-либо заметными преимуществами, долг современного государственного деятеля найти способ извлечь из этого выгоду, не нанося ущерба духу европейской свободы. И этого он может достичь тысячью способов, с помощью хороших законов, рассчитанных на то, чтобы лишить низшие классы народа всякого интереса, который они могут иметь в том, чтобы вовлекать себя в нужду и несчастье, открывая им в то же время легкий путь к процветанию и непринужденности.

Далее следует изложение принципов, на основании которых я в предыдущей главе сказал, что крах рабской формы феодального правления и расширение, таким образом, гражданских и домашних свобод были источником, из которого возникла вся система современного государственного устройства.

При феодальной форме правления высшие классы были, возможно, более свободны, чем в настоящее время, но низшие классы были либо рабами, либо находились в самой рабской зависимости, что совершенно то же самое, что и последствия прекращения прогресса частной промышленности.

Я не могу претендовать на утверждение в качестве подтверждения этой доктрины, что установление рабства в наших колониях в Америке было сделано с целью развития сельского хозяйства и обуздания мануфактур в новом свете, потому что я мало что знаю о настроениях политиков того времени; но если это правда, то рабство приводит к развитию сельского хозяйства и других трудоемких операций, которые имеют простую природу и в то же время препятствуют изобретательности; и если метрополия имеет потребность в продуктах первого вида, чтобы обеспечить или нанять на работу тех, кто занят в то время. дом в преследовании последнего; тогда я должен заключить, что рабство *было* очень удачно, если не *политически* установлено для достижения такой цели: и поэтому, если какая-либо колония, где рабство не распространено, когда-либо начнет соперничать с промышленностью метрополии, очень хорошим способом сорвать эту попытку будет поощрение ввоза рабов в такие колонии без каких-либо ограничений и предоставление им возможности производить свой естественный эффект.

Дав определение торговли и промышленности применительно к моему исследованию, я перехожу теперь к рассмотрению их непосредственных связей, чтобы лучше увязать предмет этой книги с принципами, выведенными в первой.

Рассматривая взаимные потребности общества и показывая, как их удовлетворение за счет труда и изобретательности естественным образом ведет к увеличению населения, с одной стороны, и сельского хозяйства - с другой, чтобы лучше упростить наши идеи, мы предположили, что переход осуществляется непосредственно от производителя к потребителю, и оба являются членами одного общества. Теперь дело усложняется из-за введения торговли между различными нациями, которая представляет собой метод сбора и

распределения продуктов промышленности, из-за введения третьего принципа. Торговля получает из тысячи рук и распределяет между столькими же.

Спрашивать, обязана ли торговля своим возникновением промышленности или промышленность торговле, все равно что спрашивать, обусловлено ли движение сердца кровью или движение крови к сердцу. И то, и другое, я полагаю, сформировано в таких незаметных степенях, что невозможно определить, где начинается движение. Но как только тело обретает совершенную форму, я почти не сомневаюсь в том, что сердце является принципом кровообращения. Позвольте мне применить это к настоящему вопросу.

Человек должен сначала существовать, прежде чем он сможет испытывать нужду; он должен хотеть, то есть желать, прежде чем он будет требовать; и он должен требовать, прежде чем сможет получать. Это естественная цепочка, и из нее мы сделали вывод в книге I. что население является причиной, а сельское хозяйство - следствием.

По параллельной причине можно предположить, что поскольку потребности побуждают к трудолюбию и рассматриваются как его причина; и поскольку продукт труда не может быть обменен без торговли, то и торговля должна быть следствием труда. С этим я согласен; но я должен заметить, что этот обмен не передает моей идеи торговли, хотя я признаю, что это корень, из которого прорастает все остальное; это семя, но не растение; а торговля, как мы ее определили, передает другую идею. Нельзя отвлекать работника для того, чтобы он искал замену, а потребителя - утруждать себя поиском производителя. Следовательно, объект торговли - это не более чем новая потребность, для удовлетворения которой требуется группа людей; и торговля оказывает мощное влияние на развитие промышленности, облегчая потребление ее продукции.

Пока потребности остаются простыми и немногочисленными, рабочий находит достаточно времени, чтобы распределить всю свою работу: когда потребности умножаются, люди должны работать усерднее; время становится драгоценным; следовательно, появляется торговля. Те, кто хочет потреблять, посылают купца, в некотором роде, к рабочему за его трудом, а сами не идут; рабочий продает этому посреднику и не заботится о потребителе. Позвольте мне теперь взять знакомый пример торговли младенцами, чтобы показать, как она растет и совершенствуется: это проиллюстрирует то, о чем я говорил.

Утром я выхожу из городских ворот и встречаю пятьсот человек, мужчин и женщин, каждый из которых несет на рынок небольшой сверток зелени, цыплят, яиц, фруктов и так далее. Мне сразу приходит в голову, что этим людям, должно быть, мало чем заняться дома, раз они приходят на рынок за столь малую цену. Несколько лет спустя я не нахожу ничего, кроме лошадей, повозок и повозок с той же провизией. Тогда я должен сделать вывод, что либо тех, кого я встречал раньше, больше нет в стране, но их вычеркнули, как признанных бесполезными, после того, как был найден способ собрать всю их ношу в несколько тележек; либо что они нашли более прибыльное занятие, чем возить яйца и зелень на рынок. Как бы то ни было, будет введено то, что я называю торговлей, а именно сбор яиц, фруктов, домашней птицы и т. Д. Из двадцати рук, Чтобы раздать это как можно большему количеству людей в пределах этих стен. Следствием этого является экономия большого количества рабочей силы; иными словами, телегана дает время поработать двадцати людям, если они захотят; и когда потребности возрастут, они будут готовы предоставить их.,,

Поэтому мы не можем сказать, что торговля подтолкнет промышленность или что промышленность подтолкнет торговлю; но мы можем сказать, что торговля будет способствовать промышленности, а промышленность будет поддерживать торговлю. Однако и то, и другое зависит от третьего принципа, а именно от вкуса к избытку у тех, у кого есть эквивалент, который можно дать за это. Этот вкус вызовет спрос, и это снова станет главной пружиной всей операции.

ГЛАВА II.

По требованию.

Это не новая тема; это всего лишь повторение того, что очень подробно рассматривалось в первой книге под другим названием и относительно других обстоятельств. *Эти* идеи были там максимально простыми; здесь они приобретают более сложную форму и появляются в новом платье.

Было сказано, что потребности человечества способствуют их умножению, увеличивая спрос на пищу свободных рабочих рук, которые, удовлетворяя эти потребности, получают возможность предлагать производящим ее фермерам эквивалент своей пищи; и поскольку этот способ обмена является отражением торговли в ее зачаточном состоянии, неудивительно, что торговля, когда вырастет, все еще будет сохранять сходство с ней.

Спрос, рассматриваемый как термин, применяемый к торговле, теперь будет использоваться вместо *потребностей*, термина, использовавшегося в первой книге относительно бартера; следовательно, мы должны ожидать, что действия одного и того же принципа под разными названиями будут постоянно казаться сходными, при каждом возможном применении его к различным обстоятельствам и комбинациям.

Независимо от того, применяется ли этот термин к бартеру или к торговле, он всегда должен казаться взаимным. Если я требую пару ботинок, сапожник требует либо денег, либо чего-то еще для собственного использования. Поэтому, чтобы предотвратить двусмысленность термина, который из-за стерильности языка употребляется в разных значениях в зависимости от обстоятельств, которые, как предполагается, сопровождают его, я попытаюсь кратко проанализировать его.

1^{то}. Спрос всегда понимался как относящийся к товарам. Спрос на деньги, за исключением переводных векселей, никогда не называется спросом. Когда те, у кого есть товары на руках, желают обратить их в деньги, говорят, что они выставляют их на продажу; и если, чтобы найти покупателя, они снижают свою цену, тогда вместо того, чтобы говорить, что спрос на деньги высок, мы говорим, что спрос на товары низок.

2^{до}. Предположим, что судно прибывает в порт, загруженное товарами, с намерением приобрести другие товары взамен, тогда операция становится только двойной. Судно выставлено на продажу, и считается, что спрос в порту высокий или низкий, в зависимости от высоты предлагаемой цены, а не от требуемого количества или количества желающих. Когда все продано, тогда судно становится более востребованным; и если его спрос пропорционально выше первого, мы говорим в целом, что спрос на товары порта; то есть порт предлагает, а судно требует. Это я называю взаимным спросом.

3^тио. Спрос бывает либо простым, либо сложным. Простой, когда требование всего *одно*, сложный, когда *их больше*. Но это относится не столько к личностям, сколько к интересам. Двадцать человек, требующих от одного и того же определенного интереса, формируют простое требование; оно становится сложным или высоким, когда разные интересы порождают конкуренцию. Поэтому можно сказать, что когда нет конкуренции между покупателями, спрос прост, пусть требуемое количество велико или мало, пусть покупателей мало или много. Следовательно, когда в договоре мены требование с одной стороны простое, с другой стороны сложное, то сложное постоянно называется требованием, а другое - нет.

4^{то}. Спрос бывает либо большим, либо малым: большим, когда *количество* требуемого велико; маленьким, когда *количество* требуемого невелико.

5^{то}. Спрос бывает либо высоким, либо низким: высоким, когда велика конкуренция среди *покупателей*; низким, когда велика конкуренция среди *продавцов*. Из этих определений следует, что следствием большого спроса является большая распродажа; следствием высокого спроса является большая цена. Следствием небольшого спроса является небольшая продажа; следствием низкого спроса является небольшая цена.

6^{то}. Природа спроса заключается в том, чтобы поощрять трудолюбие; и когда оно осуществляется регулярно, результатом этого является то, что предложение по большей части оказывается пропорциональным ему, и тогда спрос обычно прост. Это становится сложным из-за других обстоятельств. Например, когда это происходит нерегулярно, то есть неожиданно, или когда обычное предложение сокращается; следствием чего является то, что обеспечение, сделанное для удовлетворения спроса, не соответствует справедливой пропорции, вызывает конкуренцию среди покупателей и повышает текущие, то есть обычные цены. Исходя из этого, мы обычно говорим, что спрос повышает цены. Цены могут быть высокими или низкими в зависимости от спроса. Эти выражения справедливы, потому что стерильность языка обязывает нас обращать внимание на обстоятельства, которые только подразумеваются.

Под спросом понимается *высокий* или *низкий* спрос в зависимости от его обычной нормы или конкуренции покупателей за получение предусмотренных для него средств. Когда спрос соотносится с требуемым количеством, его следует называть большим или малым, как уже было сказано.

7^{то}. Спрос не всегда приводит к повышению цен одинаково: поэтому мы должны внимательно следить за разницей между спросом на вещи первой жизненной необходимости и на вещи безразличные; также между спросом, предъявляемым непосредственными потребителями, и спросом, предъявляемым торговцами, которые покупают для того, чтобы снова продать. В обоих случаях конкуренция будет иметь разные последствия. Вещи абсолютной необходимости должны быть приобретены, пусть даже цена на них будет очень высока: потребители, стремящиеся не к наживе, а к удовлетворению своих желаний, вступят в более сильную конкуренцию, чем торговцы, которые не движимы никакими страстями и которые в том, что они предлагают, руководствуются перспективой наживы. Отсюда большая разница в ценах на зерно в разные годы; отсюда единый стандарт цен на товары на распределительных ярмарках, таких как Франкфурт, Бокер и т. Д. Отсюда также преимущество, которое потребители находят в том, что они делают свои запасы одновременно с торговцами; отсюда внезапный рост и падение цен на рабочий скот на сельских рынках, где каждый обеспечивает себя сам.

Пусть сказанного будет достаточно при изложении: этот принцип будет гораздо лучше объяснен его применением по мере продвижения вперед, чем всеми абстрактными различиями, которые я способен дать относительно него.

ГЛАВА. III.

О первых принципах бартера и о том, как это перерастает в торговлю.

Теперь я должен начать с того, что прослежу торговлю до ее истоков, чтобы свести ее к ее первым принципам.

Самая простая из всех сделок - это та, которая осуществляется путем обмена необходимых предметов жизнеобеспечения. Если мы предположим, что земля принадлежит первому владельцу, то этот человек, который ее возделывает, сначала будет извлекать из нее свою пищу, а излишки станут предметом обмена: он отдаст это в обмен любому, кто удовлетворит другие его потребности. Это (как было сказано), естественно, предполагает как избыточное количество пищи, произведенной трудом, так и свободные руки; ибо тот, кто занимается сельским хозяйством, не может обеспечить себя всеми другими предметами первой необходимости, а также пищей; и тот, кто занимается снабжением фермеров такими предметами первой необходимости в обмен на свой избыток пищи, не может быть занят в производстве этой пищи. Чем больше возрастают потребности человека, *при прочих равных условиях*, тем больше свободных рук требуется для их удовлетворения; а чем больше требуется свободных рук, тем больше излишков пищи должно быть произведено дополнительным трудом, чтобы удовлетворить их спрос.

Это наименее сложный вид торговли, и он может осуществляться в большей или меньшей степени в разных странах, в зависимости от различной степени потребностей в поставках. В стране, где нет ни денег, ни чего-либо эквивалентного им, я полагаю, потребности человечества будут ограничены несколькими предметами, а именно устранением неудобств, связанных с голодом, жаждой, холодом, жарой, опасностью и тому подобным. Свободный человек, который благодаря своему трудолюбию может обеспечить себе все удобства простой жизни, будет наслаждаться отдыхом и больше не будет работать; И, в общем, всякое увеличение объема работы прекратится, как только спрос на упомянутые цели будет удовлетворен. Для этого есть простая причина. Когда свободные руки добыли своим трудом средства для удовлетворения своих потребностей, их честолюбие удовлетворено: как только земледельцы произвели необходимый излишек для удовлетворения своих нужд, они больше не работают. Таким образом, здесь происходит естественная остановка промышленности, а следовательно, и бартеру. В первой книге мы называли это *моральной невозможностью увеличения чисел*.

Следующее, что следует изучить, - это то, как бартер перерастает в торговлю, правильно так называемую и понимаемую, согласно определению, данному ей выше; как торговля распространяется среди людей; как создаются производства, скорее декоративные, чем полезные; и как люди начинают подчиняться труду, чтобы приобретать то, что им не является абсолютно необходимым.

Я полагаю, что в свободном обществе это происходит главным образом из-за появления денег и пристрастия к излишествах у тех, кто ими обладает.

В древние времена в деньгах недостатка не было; но поскольку тяга к излишеству не соответствовала ей, деньги были заперты. Так было в Европе четыреста лет назад. Новый вкус к избытку привлек, возможно, больше денег в обращение из наших собственных сокровищ, чем из рудников нового света. Плохое мнение, которого мы придерживаемся о богатстве наших предков, основано на современном способе оценки богатства по количеству монет в обращении, из чего мы заключаем, что большая часть наличных денег, находящихся сейчас в наших руках, должно быть, поступила из Америки.

Следовательно, торговля возникает скорее из-за вкуса к избытку, чем вследствие количества монет; и только благодаря торговле мы видим, как промышленность в наши дни доводит вещи до такой высокой степени утонченности. Позвольте мне проиллюстрировать это, сравнив различные операции бартера, продажи и коммерции.

Когда взаимные потребности удовлетворяются путем бартера, нет ни малейшего повода для денег: это самая простая из всех комбинаций.

Когда потребности умножаются, бартер становится (по очевидным причинам) более трудным; при этом вводятся деньги. Это обычная цена всех вещей: это надлежащий эквивалент в руках тех, кто хочет, идеально рассчитанный для обеспечения потребностей тех, кто благодаря трудолюбию может их удовлетворить. Эта операция купли-продажи немного сложнее первой; но все же мы здесь не имеем представления о торговле, потому что мы не представили купца, промышленностью которого она осуществляется.

Позвольте этому третьему лицу вступить в игру, и вся операция станет ясна. То, что раньше мы называли потребностями, здесь представлено потребителем; то, что мы называли промышленностью, - производителем; то, что мы называли деньгами, - торговцем. Торговец здесь представляет деньги, заменяя их кредитом; и поскольку деньги были изобретены для облегчения товарообмена, то и торговец с его кредитом представляет собой новое усовершенствование в использовании денег. Это делает его еще более эффективным при выполнении операций купли-продажи. Эта операция и есть торговля: она освобождает обе стороны от всех хлопот, связанных с транспортировкой и согласованием желаний с желаниями или желаний с деньгами; торговец по очереди представляет и потребителя, и производителя, и деньги. Для потребителя он выступает как вся совокупность производителей; для производителей - как вся совокупность потребителей; и для того, и для другого класса его кредит обеспечивает использование денег. В настоящее время этого достаточно для иллюстрации. Теперь я должен вернуться к простым операциям с деньгами в руках двух договаривающихся сторон, покупателя и продавца, чтобы показать, как люди подчиняются труду для приобретения излишков.

Как только деньги вводятся в страну, они становятся, как мы уже говорили выше, универсальным предметом вожделения всех жителей. Следствием этого является то, что свободные руки государства, которые прежде прекращали работать, потому что все их потребности были обеспечены, имея перед глазами этот новый объект честолюбия, пытаются путем усовершенствования своего труда устранить меньшие неудобства, возникающие в результате простоты нравов. Я полагаю, что люди, которые раньше знали только один вид одежды на все времена года, охотно расстаются с небольшим количеством денег, чтобы приобрести для себя различные виды одежды, должным образом приспособленные к лету и

зиме, которые изобретательность фабрикантов и их желание заработать деньги могли натолкнуть их на мысль об их изобретении.

Я не буду здесь преследовать постепенный прогресс промышленности в доведении мануфактур до совершенства; и не буду прерывать свой предмет какими-либо дальнейшими наблюдениями о преимуществах, получаемых промышленностью от установления гражданской и домашней свободы, но лишь предположу, что эти усовершенствования, по-видимому, в большей степени обусловлены трудолюбием и изобретательностью фабрикантов (которые своей изобретательностью ежедневно изобретают средства смягчения или устранения неудобств, которые человечество редко воспринимает как таковые, пока не изобретен способ их устранения), чем вкусом богатых к роскоши, которые, чтобы потворствовать своей непринужденности, заставляют бедных становиться богачами. трудолюбивый.

Пусть любой мужчина проведет подобный эксперимент на себе, зайдя в первый попавшийся магазин. Нигде он так быстро не обнаружит своих потребностей, как здесь. Каждая вещь, которую он видит, кажется либо необходимой, либо, по крайней мере, в высшей степени удобной; и он начинает задаваться вопросом (особенно если он богат), как он мог так долго обходиться без того, что было изобретено только благодаря изобретательности рабочего, чтобы из-за новизны это могло возбудить его желание; ибо, возможно, когда это будет куплено, он никогда больше не будет думать о ней и никогда не применит ее для использования, для которого она сначала казалась такой необходимой.

Итак, вот причина, по которой человечество трудится, хотя и не испытывает нужды. У них возникает желание обладать теми самыми орудиями роскоши, которые их алчность или честолюбие побудили изобрести для использования другими.

То, что было сказано, представляет торговлю в зачаточном состоянии, или, скорее, материалы, из которых изготавливается эта великая ткань.

У нас сложилось представление о потребностях человечества, доведенных даже до роскоши и в изобилии удовлетворяемых занятием всех свободных рук, выделенных для этой цели. Но если мы предположим, что рабочий сам распоряжается своей работой и покупает на нее пищу у фермера, одежду у суконщика и вообще стремится получить удовлетворение любой потребности из рук человека, непосредственно нанятого для ее удовлетворения, то это не будет передавать идею торговли, согласно нашему определению.

Торговля и коммерция - это сокращение от этого длительного процесса; схема, изобретенная и применяемая торговцами из принципа выгоды, поддерживаемого и распространяемого среди людей, из принципа общей полезности для каждого человека, богатого или бедного, для каждого общества, большого или малого.

Вместо того, чтобы булавочник обменивал свои булавки с пятьюдесятью разными людьми, для оплаты труда которых у него есть возможность, он продает все булавки торговцу за деньги или в кредит; и, при удобном случае, он покупает все, что ему нужно, либо непосредственно у тех, кто их поставляет, либо у других торговцев, которые обращаются с производителями так же, как его торговец обращался с ним.

Еще одно преимущество торговли заключается в том, что трудолюбивые люди в одной части страны могут поставлять товары клиентам в другой, хотя и отдаленной. Они могут обосноваться

в наиболее удобных местах для своего бизнеса и взаимно помогать друг другу, не заставляя отдаленные районы страны страдать от нехватки их рабочей силы. Они также не получают никакого удовольствия от своей работы, занимаясь поиском клиентов.

Торговля дает много замечательных преимуществ; она показывает производителям, когда их отрасль недостаточно или затоварена. Если его будет недостаточно, они обнаружат больший спрос, чем смогут удовлетворить: если его будет слишком много, продажи будут медленными.

Разумные люди любой профессии легко обнаружат, когда эти проявления случайны, а когда они исходят из реальных принципов торговли, которые являются здесь объектом нашего исследования.

Почты и переписка посредством писем являются следствием торговли, посредством которой купцы регулярно получают информацию о каждом увеличении или уменьшении производства в каждой отрасли, в каждой части страны. Исходя из этого знания, они регулируют цены, которые они предлагают; и поскольку их много, они служат сдерживающим фактором друг для друга в соответствии с принципами конкуренции, которые мы рассмотрим ниже.

Судя по текущим ценам, производители так хорошо информированы, как если бы они сами вели переписку: государственный деятель прекрасно чувствует, где не хватает рабочих рук, а молодые люди, предназначенные для промышленности, в какой-то мере подчиняются призыву общественности и естественным образом удовлетворяют спрос.

Двумя важными помощниками торговцам, особенно на начальном этапе торговли, являются общественные рынки для сбора работ мелких торговцев и крупные предприятия по производству частными руками. С помощью этих средств торговцы получают информацию о количестве работы на рынке, подобно тому как, с другой стороны, производители узнают, продавая товары, степень спроса на них. Поскольку эти две вещи хорошо известны, цену товара легко установить, как мы сейчас увидим.

Публичные продажи служат для устранения небольших неудобств, связанных с торговыми операциями. Группа фабрикантов, собравшихся все вместе в одном городе и всецело занятых своей промышленностью, благодаря этому так хорошо осведомлена о состоянии рынка, как если бы каждый из них нес туда свою работу, и по прибытии торговца, который с готовностью принимает ее из их рук, он не имеет ни малейшего преимущества перед ними в своем знании состояния спроса. Этот человек покупает и продает то, что называется оптовой торговлей (то есть большими партиями), и у него покупают розничные торговцы, которые распространяют товары среди каждого потребителя по всей стране. Эти последние покупают у оптовых торговцев в каждой отрасли ту долю каждого вида товаров, которая соответствует спросу их района, города или провинции.

Таким образом, предотвращаются все неудобства с некоторыми дополнительными затратами для потребителя, который, по причинам, которые мы укажем позже, естественно, должен возместить все расходы. Удаленность производителя, неизвестность его жилища, каприз при продаже его работ совершенно устранены; у розничного торговца все есть в его магазине, и публика покупает по текущей цене.

ГЛАВА IV.

Как цены на товары определяются торговлей.

В цене товара я рассматриваю две вещи как реально существующие и совершенно отличные друг от друга, а именно реальную стоимость товара и прибыль от отчуждения. Цель этой главы состоит в том, чтобы установить это различие и показать, как торговые операции по отдельности влияют на стандарты того и другого; иными словами, как торговля приводит к закреплению и детерминированности двух вещей, которые в противном случае были бы довольно расплывчатыми и неопределенными.

I. Первое, что нужно знать о любом производстве, когда оно поступает на продажу, - это то, какой объем работ человек может выполнить за день, неделю, месяц, в зависимости от характера работы, которая может потребовать большего или меньшего времени для доведения ее до совершенства. При составлении таких оценок следует учитывать только то, что в среднем может выполнять рабочий страны в целом, не предполагая, что он лучший или худший в своей профессии или имеет какие-либо особые преимущества или недостатки в зависимости от места, где он работает.

Отсюда причина, по которой одни люди процветают благодаря своей отрасли, а другие нет; почему некоторые производства процветают в одном месте, а не в другом.

II. Вторая вещь, которую следует знать, - это стоимость средств существования рабочего и необходимые расходы как на удовлетворение его личных потребностей, так и на приобретение инструментов, принадлежащих к его профессии, которые должны приниматься в среднем, как указано выше; за исключением случаев, когда характер работы требует присутствия рабочего в месте потребления: ибо, хотя некоторые отрасли и почти каждое производство могут осуществляться в отдаленных местах и, следовательно, могут подпадать под одно общее регулирование цен, существуют и другие, которые по своей природе требуют присутствия рабочего в месте потребления; и в этом случае цены должны регулироваться обстоятельствами, относящимися к каждому конкретному месту.

III. Третье и последнее, что необходимо знать, - это ценность материалов, которые являются первым делом, применяемым рабочим; и если целью его труда является изготовление чего-либо другого, то в отношении первого должен быть проведен тот же процесс исследования, что и в отношении второго; и таким образом, наиболее сложные производства могут быть в конце концов сведены к величайшей простоте. Я был более скрупулезен в этом анализе мануфактур, чем это было абсолютно необходимо в данном месте, чтобы впоследствии с большей легкостью указать на методы снижения цен на них.

Поскольку эти три изделия известны, определяется цена изготовления. Она не может быть ниже суммы всех трех, то есть реальной стоимости; какая бы она ни была выше, это прибыль производителя. Это всегда будет пропорционально спросу и, следовательно, будет колебаться в зависимости от обстоятельств.

Отсюда вытекает необходимость большого спроса, чтобы способствовать процветанию мануфактур.

Благодаря обширным сделкам купцов и их постоянному применению к изучению соотношения труда и спроса все вышеперечисленные обстоятельства известны им и доводятся до сведения

трудолюбивых людей, которые регулируют свой образ жизни и расходы в соответствии с определенной прибылью. Я называю это уверенностью, потому что при таких обстоятельствах они редко переоценивают свою работу, и, не переоценивая ее, они уверены в продаже: доказательство этого можно получить из повседневного опыта.

Нанимайте рабочего в стране, где мало торговли или промышленности, он всегда соразмеряет свою цену с остротой вашей потребности или вашей платежеспособностью, но редко - со своим собственным трудом. Наймите другого человека в стране торговли, он не будет навязывать вам, если, возможно, вы не иностранец, что предполагает ваше незнание стоимости; но наймите того же рабочего на работу, необычную в стране, следовательно, не востребованную, следовательно, не регулируемую в отношении стоимости, он будет соразмерять свою цену, как в первом предположении.

Таким образом, из сказанного мы можем заключить, что в стране, где налажена торговля, мануфактуры должны процветать благодаря готовой продаже, регулируемой цене труда и определенной прибыли, получаемой от промышленности. Давайте теперь рассмотрим последствия такой ситуации.

ГЛАВА V.

Как внешняя торговля открывается перед трудолюбивым народом и каковы последствия этого для купцов, которые положили ей начало.

Первым следствием ситуации, описанной в предыдущей главе, является то, что потребности легко удовлетворяются за адекватную стоимость желаемой вещи.

Следующим следствием является открытие внешней торговли в двух ее разновидностях - пассивной и активной. Иностранцы и жители дальних стран, столкнувшись с трудностями удовлетворения своих потребностей дома и легкостью их удовлетворения из этой страны, немедленно прибегают к этому. Это пассивная торговля. Активный - это когда торговцы, которые успешно выполнили этот план у себя дома, начинают перевозить труд своих соотечественников в другие регионы, которые либо производят, либо способны производить такие предметы потребления, которые должны быть изготовлены, которые наиболее востребованы дома; и, следовательно, будут наиболее быстро продаваться и приносить наибольшую прибыль.

Итак, вот открытие внешней торговли под двумя ее названиями - активной и пассивной; но поскольку наша нынешняя точка зрения касается последствий этой революции для торговцев, мы не будем далее обращать внимания в этом месте на это разделение: оно, естественно, возникнет позже.

Каковы же тогда последствия этой новой торговли для наших купцов, которые покинули свои дома в поисках наживы за границей?

Первое состоит в том, что, прибывая в любую новую страну, они оказываются по отношению к жителям в том же положении, что и рабочий в стране, где нет торговли, по отношению к тем, кто его нанял; то есть они соизмеряют цену своих товаров со стремлением жителей приобрести или платежеспособностью, но никогда с их реальной стоимостью.

Таким образом, первоначальная прибыль от этой торговли должна быть очень значительной; и спрос в такой стране будет *высоким* или *низким*, *большим* или *малым* в зависимости от духа, а не от реальных потребностей народа: ибо они во всех странах, как было сказано, должны сначала удовлетворяться самими жителями, прежде чем они перестанут работать.

Если население этой неторгующей страны (как мы будем теперь называть ее) будет в изобилии снабжено товарами, полезными для торговцев, оно поначалу легко расстанется с ними ради средств роскоши и непринужденности; но большая прибыль торговцев незаметно увеличит спрос на продукцию их новых корреспондентов; это вызовет конкуренцию между ними и, таким образом, скинет спрос на их сторону, исходя из принципов, которые я позже объясню. Это постоянно создает неудобства в торговле: самые неотесанные нации в мире быстро ощущают последствия этого; и их учат извлекать выгоду из этого открытия, несмотря на то, что к ним обращаются те, кто наиболее сведущ в торговле.

Поэтому трейдерам будет очень приятно использовать все методы и ухищрения, чтобы привить этому народу вкус утонченности и деликатности. Обилие прекрасных подарков, состоящих из всевозможных предметов роскоши и излишеств, наилучшим образом приспособленных к гению народа, будет преподнесено принцу и ведущим людям среди них. Рабочие будут даже наняты на дом, чтобы изучать вкусы незнакомцев и удовлетворять их желания всеми возможными способами. Чем больше они жаждут подарков, тем щедрее торговцы будут их дарить и разнообразить. Это животное, отданное на откорм, и чем больше оно съест, тем скорее будет пригодно для убоя. Когда их вкус к избытку полностью сформирован, когда пристрастие к их прежней простоте становится утонченным, отравленным и уничтожается, тогда они, несомненно, оказываются в оковах торговцев, и чем глубже они погружаются, тем меньше у них шансов вырваться. Подарки тогда исчезнут, выполнив свою задачу; и если впоследствии окажется, что их продолжали делать, то, вероятно, для поддержки конкуренции с другими нациями, которые захотят разделить прибыль.

Если, напротив, эта неторгующая нация не изобилует товарами, полезными для торговцев, то они не придадут большого значения торговле с ними, каким бы ни был их оборот; но если мы предположим, что эта страна населена трудолюбивым народом, который, переняв у торговцев вкус к утонченности, занимается сельским хозяйством, чтобы производить предметы жизнеобеспечения, они убедят торговцев отдать им часть своих изделий в обмен на них; и эта торговля, несомненно, приведет к умножению численности населения торгующей нации. Но если не удастся обеспечить продовольствием или найти какую-либо другую отрасль производства, поддерживающую соответствие, вкус к изысканности вскоре угаснет, и торговля в этом квартале прекратится.

Если бы не меха в странах, прилегающих к Гудзонову заливу, и в Канаде, европейцам никогда бы не пришло в голову поставлять этим народам предметы роскоши; и если бы жители этих регионов не пристрастились к предметам роскоши, предоставленным им европейцами, они никогда не стали бы такими неутомимыми и ловкими охотниками. В то же время мы не должны предполагать, что когда-либо эти американцы приехали бы в Европу в поисках наших изделий.

Следовательно, именно благодаря нашим торговцам эти нации в какой-то степени пристрастились к утонченности; и этот вкус, по всей вероятности, не скоро превысит пропорцию продуктов их страны. С этих зачатков внешней торговли легко проследить ее рост.

Одним из шагов к этому является установление корреспонденций в зарубежных странах; и они более или менее необходимы пропорционально тому, насколько страна, где они установлены, более или менее отточена или знакома с торговлей. Они восполняют недостаток должностей и указывают купцам, какое отношение продукция страны имеет к спросу жителей на мануфактуры. Это сообщает идею коммерции неторгующей нации, и они незаметно начинают придавать определенную ценность своей собственной продукции, которая, возможно, раньше вообще не имела определенной ценности.

Позвольте мне немного проследить развитие этой утонченности у дикарей, чтобы показать, как она влияет на спрос у торговцев и вызывает конкуренцию между ними за товары новой страны.

Опыт показывает, что во вновь открытой стране торговцы постоянно находят тот или иной предмет ее производства, который оказывается весьма полезным в торговле; и мы видим, что чем дольше существует такая торговля и чем больше жители привыкают к европейским изделиям, тем больше повышается стоимость их собственной продукции и тем меньше прибыли получается от торговли с ними, даже в тех случаях, когда торговля ведется компаниями; это очень мудрое учреждение по одной причине, что оно устраняет конкуренцию между нашими торговцами.

Мы покажем в надлежащем месте, что это лучшее средство поддержания низких цен в интересах нации; однако это может привести к обратному эффекту в отношении отдельных лиц, которые вынуждены покупать у этих монополий.

Когда компании не учреждены и торговля открыта, наши купцы, стремясь извлечь выгоду из нового ремесла, выдают его секреты, они вступают в конкуренцию за покупку иностранных товаров, и это повышает цены и благоприятствует торговле самых невежественных дикарей.

Некоторые объясняют это по-другому. Все они утверждают, что не эта конкуренция повышает цены; потому что среди дикарей также существует конкуренция за то, кому из них достанется товар; и этого может быть достаточно, чтобы уравновесить другое, и по мере того, как количество товаров, требуемых дикарями в обмен на продукты их страны, становится больше, за каждую партию товаров должно выдаваться меньшее количество этого продукта.

На это я отвечаю, что не могу признать, что эта очевидная причина согласуется с принципами торговли, какой бы остроумной она ни была.

Торговец постоянно думает о собственной выгоде, расставаясь со своим товаром, и на него не влияют соображения целесообразности, которые дикари могут найти, предлагая ему меньше, чем раньше; ибо, если бы этот принцип пропорции был принят повсеместно, цена товара всегда оставалась бы на усмотрение покупателей.

Изложенное здесь возражение совершенно очевидно; но оно должно быть разрешено совершенно иным способом. Вот два решения:

1. Я уже говорил, что цены повышаются в зависимости от того, *высок* спрос, а не от того, насколько он *велик*. Теперь в возражении говорится, что по мере того, как спрос *велик*,

меньшая доля эквивалента должна приходиться на каждую партию товара; что, как я полагаю, неверно; и это показывает необходимость проведения различия между *высоким* и *большим* спросом, которые в торговле различны и сообщают совершенно разные идеи.

2. Во всякой торговле присутствует обмен, и во всяком обмене, как мы сказали, подразумевается взаимный спрос: следовательно, необходимо точно выяснить, с какой стороны обнаруживается конкуренция между потребителями, то есть с какой стороны она *сильнее*; согласно различию, проведенному во второй главе.

Если жители страны конкурируют за мануфактуры, товары, несомненно, поднимутся в цене, независимо от того, будет ли количество продуктов, которые они могут предложить, большим или малым; но как только эти цены поднимутся выше способностей или желания покупать у определенных лиц, спрос на них прекратится, и поступление их эквивалента в торговлю будет предотвращено. Это разочарует торговцев; и поэтому, поскольку предполагается, что их прибыль велика, либо между ними возникнет конкуренция, кто заберет оставшееся количество, предполагая, что у них разные интересы; либо, если они объединены, они могут, исходя из соображений целесообразности, добровольно снизить свою цену, чтобы привести ее в соответствие со способностями или намерением купить у тех, у кого еще есть часть того, что они хотят.

Я полагаю, что цены снижаются именно из-за конкуренции между продавцами, а не из-за какой-либо воображаемой пропорции количества к количеству на рынке. Но об этом подробнее потом, в надлежащем месте.

Как только в новой нации цены на изделия снижаются настолько, насколько это возможно, если избытка их товаров недостаточно для покупки количества изделий, соответствующего их потребностям, этот народ должен начать трудиться, ибо труд является необходимым следствием нужды, реальной или мнимой; и трудом она будет обеспечена.

Когда это происходит, мы сразу же обнаруживаем две торгующие нации вместо одной; баланс торговли этих стран всегда будет в пользу наиболее трудолюбивых и бережливых; как будет полностью объяснено в другом месте.

Позвольте мне теперь более конкретно направить мое исследование на последствия этой новой революции, произведенной торговлей, по отношению к стране, не занимающейся торговлей, чтобы показать эффект пассивной внешней торговли. Я не пожалею усилий, чтобы при каждом удобном случае иллюстрировать фундаментальные принципы коммерции, спроса и конкуренции, даже, возможно, ценой того, что это покажется утомительным некоторым моим читателям.

ГЛАВА VI.

Последствия введения пассивной внешней торговли среди народа, живущего в простоте и праздности.

Теперь мы предполагаем прибытие торговцев, преследующих единый интерес, с предметами роскоши и утонченности, в порт страны с очень простыми нравами, в изобилии обеспеченной природой большими преимуществами для торговли и населенной нацией, способной перенять вкус к излишеству.

Первое, что делают торговцы, это выставляют напоказ свои товары и указывают на преимущества многих вещей, приятных или полезных для человечества в целом, таких как вина, крепкие спиртные напитки, орудия сельского хозяйства, оружие и боеприпасы для охоты, сети для рыбной ловли, изделия для одежды и тому подобное. В настоящее время их преимущества осознаются, и такие товары пользуются большим спросом.

Туземцы, со своей стороны, производят то, что они больше всего ценят, обычно что-нибудь лишнее или декоративное. Торговцы, изучив все обстоятельства, определяют предмет своего спроса, предоставляя как можно меньшее количество в обмен на этот избыток, чтобы внушить жителям высокое представление о ценности их собственных товаров; но поскольку такая бережливость может принести их интересам больше вреда, чем пользы, они очень щедры на подарки, исходя из принципов, упомянутых выше.

Когда обмен завершен и торговцы расходятся, сожаление обычно бывает взаимным; и тот, и другой сожалеют о том, что излишков в стране не хватает. Торговцы обещают вернуть товар, а туземцы заверяют, что в другой раз он будет лучше.

Каковы первые последствия этой революции?

Не очевидно, что для того, чтобы обеспечить эквивалент этой новой потребности, необходимо задействовать больше рук, чем раньше. И очевидно также, что это расширение промышленности существенно не увеличит численность населения, как предполагалось на протяжении всего хода наших рассуждений в первой книге. Почему? Потому что *там* предполагалось, что продукция промышленности будет потребляться дома; а *здесь* она предназначена для экспорта. Но если мы сможем выяснить любое дополнительное потребление в домашних условиях, даже подразумеваемое этой новой сделкой, я думаю, это приведет к увеличению цифр. Пример прояснит это.

Позвольте мне предположить, что избытком в этой стране являются шкуры диких зверей, непригодные в пищу; искомое производство - бренди. Бренди продается за меха. Тот, у кого есть меха, или тот, у кого есть свободное время, чтобы поохотиться за ними, будет пить бренди пропорционально: но я не могу найти никаких оснований для вывода из этой простой операции, что необходимо прокормить еще одного человека в стране (поскольку я позаботился предположить, что мясо животных непригодно в пищу) или что следствием этого нового оборота должно стать какое-либо увеличение сельского хозяйства.

Но позвольте мне упомянуть обстоятельства, которые могут повлечь за собой дополнительное потребление в домашних условиях, а затем изучить последствия.

Бедняк, у которого нет ничего, что можно было бы предложить в качестве пищи, который несчастен и готов погибнуть из-за нехватки средств к существованию, отправляется на охоту и убивает волка; он приходит к фермеру со шкурой и говорит: "Ты сыт, но у тебя нет бренди; если ты дашь мне буханку, я дам тебе эту шкуру, которую так любят чужеземцы, а они дадут тебе бренди". Но, говорит фермер, у меня хлеба не больше, чем хватает на мою собственную семью. Что касается этого, отвечает другой, я приду и покопаюсь в вашей земле, и мы с вами рассчитаемся за то небольшое количество, которое я хочу от вас получить. Сделка заключена; бедняк получает свой хлеб и, по крайней мере, живет; возможно, он женится, а фермер получит драхму. Но если бы не эта драхма (то есть эта новая потребность), которая была приобретена трудолюбием этого бедняги, каким аргументом он мог бы убедить фермера расстаться с буханкой.

Я здесь исключаю чувство милосердия. Одно это, как я часто замечал, является принципом умножения, и если бы это было признано здесь, это разрушило бы все мои предположения; но, с другой стороны, столь же верно и то, что, если бы бедняга добывал хлеб попрошайничеством, он, вероятно, не отправился бы на охоту.

Таким образом, оказывается, что само зарождение торговли в самых неразвитых странах подразумевает ее умножение. Этого достаточно, чтобы указать на первый шаг и связать предмет наших нынешних исследований с тем, что уже обсуждалось в связи с другими обстоятельствами. Я продолжаю.

Как только все меха будут утилизированы и появится вкус к излишкам, и торговцы, и местные жители будут в равной степени заинтересованы в развитии промышленности в этой стране. Будет открыто много новых источников прибыли для первого, которые станут эффективными при надлежащем использовании жителями естественных преимуществ своей почвы и климата. Торговцы, следовательно, будут стремиться наладить многие отрасли промышленности среди дикарей, и соблазны бренди, оружия и одежды воодушевят их в погоне за ними. Позвольте мне здесь отвлечься на несколько строк.

Если мы предположим, что в этой стране будет установлено рабство, то все рабы будут привлечены к работе, чтобы обеспечить мехами и другими вещами, требуемыми торговцами, чтобы хозяева могли таким образом побаловать себя излишками, приносимыми им торговцами. Когда свобода становится системой, каждый, в соответствии со своими склонностями, становится трудолюбивым, чтобы обеспечить себе такие удовольствия.

Согласно первому предположению, именно голова хозяина руководит трудом раба и направляет его к изобретательности; согласно второму, каждая голова работает, и каждая рука совершенствуется в ловкости. Следовательно, там, где принципиально необходимы руки, преимущество имеют рабы; там, где принципиально необходимы головы, преимущество на стороне свободных. Заставьте человека работать столько-то в день, и он будет продолжать работать в обычном темпе и никогда не будет стремиться улучшить свой метод: пусть его нанимают поштучно, он найдет тысячу способов расширить свое трудолюбие. В этом и заключается разница между рабом и свободным человеком. Исходя из этого, я объясняю разницу между прогрессом промышленности в древности и в наше время. Зачем была дана *особенность* рабам, как не для того, чтобы заставить их стать ловкими? Если бы не было *peculium* и не было *libertini*, или свободных людей, которые были обучены труду, нигде не было

бы промышленности немногим больше, чем в Ликургской республике, где, как я понимаю, нельзя было найти ни того, ни другого. Я возвращаюсь.

Когда однажды произойдет эта революция; когда те, кто раньше жил в простоте, станут трудолюбивыми; ситуация приобретет новое лицо. Разве эта операция не очень похожа на ту, что представлена в пятой главе первой книги? Там я столкнулся с величайшей трудностью, показав, как взаимные операции по снабжению продовольствием и другими потребностями могут способствовать росту численности населения и развитию сельского хозяйства среди людей, которые, как предполагалось, не имели ни малейшего представления о системе, которую предлагалось ввести в действие. Здесь план кажется знакомым и простым. Разница между ними, по-видимому, напоминает разницу между изучением языка ребенком по грамматике или на слух в стране, где на нем говорят. В первом случае многие отбрасывают книгу в сторону, но во втором никто никогда не терпит неудачи.

Я уже говорил, что ситуация приобретает новый облик; иными словами, теперь мы находим две торговые нации вместо одной, с той разницей, однако, что, как мы до сих пор предполагали, все торговцы заинтересованы в одном, сложный спрос, то есть конкуренция покупателей, был и все еще должен продолжаться на стороне туземцев. Это наносит большой ущерб их интересам, но поскольку предполагается, что этого недостаточно для сдерживания их трудолюбия или ограничения потребления ими мануфактурных изделий, позвольте мне здесь несколько подробнее изучить последствия принципа спроса в такой ситуации; ибо, хотя я допускаю, что он никогда не может измениться, все же он может допускать различные модификации и производить различные эффекты, как мы сейчас увидим.

Мы предполагаем, что все торговцы преследуют один интерес, следовательно, между ними не может быть конкуренции; следовательно, нельзя сдерживать повышение ими цен, пока соблюдаются цены, которые они требуют. Как только они осознают в полной мере способности туземцев или их склонность к покупке, у торговцев появляется выбор из трех вещей, которые полностью находятся в их распоряжении, и предпочтение, которое будет отдано той или иной из них, полностью зависит от них самих и от обстоятельств, на которые я собираюсь указать.

Во-первых, они могут поддерживать *высокий* спрос, то есть не снижать свою цену, что сохранит высокую оценку мануфактур в глазах населения и сделает прибыль от их торговли максимально возможной. Эту роль они, возможно, возьмут на себя, если увидят, что туземцы удваивают свое усердие, чтобы со временем приобрести значительные грузы по высокой стоимости; из этого предположения вытекает сильная склонность народа к роскоши, поскольку ничто, кроме недостатка способностей, не мешает им удовлетворять самый высокий спрос; но все же необходимо учитывать еще одно обстоятельство, чтобы убедить торговцев не снижать свою цену. Большая часть товаров, которые они ищут взамен, должна быть найдена в руках немногих. Так будет, если установится рабство; ибо тогда должно быть много бедных и мало богатых; и обычно это богатые потребители, которые соразмеряют цену, которую они предлагают, скорее со своими желаниями, чем со стоимостью вещи.

Второе, что можно сделать, - это открыть дверь для *большого* спроса, то есть снизить их цены. Это снизит стоимость мануфактур в глазах жителей и пропорционально уменьшит прибыль, хотя на самом деле во время путешествия прибыль может быть больше.

Эту роль они возьмут на себя, если увидят, что жители не склонны потреблять большое количество товаров по высокой стоимости либо из-за недостатка способностей, либо из-за склонности; а также, если прибыль от торговли зависит от большого потребления, как это имеет место в случае товаров низкой стоимости, пригодных главным образом для нужд более низкого сорта. Таких мотивов целесообразности будет достаточно, чтобы заставить их пренебречь *высоким* спросом и предпочесть *большой* спрос; и тем более, когда существует вероятность того, что потребление дешевых товаров вначале может вызвать вкус к другим, более ценным, и таким образом расширить в целом вкус к излишеству.

Третья часть, которую следует рассмотреть, наименее политична и, возможно, наиболее знакома. Она заключается в том, чтобы извлекать выгоду из конкуренции между покупателями и поощрять рост спроса как можно дольше; когда это прекратится, устроить своего рода аукцион, сначала снизив цены до уровня тех, кто предложит самую высокую цену, и так постепенно снижать их по мере снижения спроса. Таким образом, мы можем с полным основанием сказать, согласно нашим определениям спроса, что он обычно становится *большим* по мере снижения цен. Благодаря этой операции торговцы получают как можно больше прибыли и продадут столько своих товаров, сколько позволит прибыль.

Я говорю, что этот план в новооткрытой стране не политичен, поскольку он обнаруживает алчность и недостаток веры в торговцев, а также раскрывает секреты их торговли тем, кого следовало бы держать в неведении о них.

Позвольте мне затем предположить, что о больших прибылях наших торговцев узнают другие, которые прибывают в те же порты с отдельными интересами и не вступают ни в какие объединения, которые могли бы предотвратить естественные последствия конкуренции.

Пусть состояние спроса среди туземцев быть такой же, как раньше, как в *высоту* и *величье*, в следствие действия различных принципов, которая вполне могла заставить наши купцы должны следовать той или иной планы у нас были с описанием; однако мы должны по-прежнему полагаю, что они были осторожны, чтобы сохранить значительные прибыли на каждый филиал.

Если мы предположим, что со времени последнего путешествия численность, богатство и вкус к избытку жителей увеличились, спрос будет скорее расти. По прибытии торговцев, конкурирующих с первыми, оба будут предлагать к продаже; но если оба будут придерживаться одинаковых цен, вполне естественно предположить, что первые торговцы получают предпочтение; поскольку *cæteris paribus*, всегда выгодно знать и быть известным. Таким образом, у последних покупателей не остается другого способа компенсировать это преимущество, кроме как снизить свои цены.

Это новое явление: здесь падение цен происходит не добровольно, как раньше, не по соображениям целесообразности, не из-за падения спроса, а под влиянием нового принципа торговли, а именно двойной конкуренции. Это я сейчас изучу со всей тщательностью, на которую только способен.

ГЛАВА VII.

О двойном соревновании.

Когда конкуренция с одной стороны контракта намного сильнее, чем с другой, я называю это *простым*, и тогда этот термин является синонимом того, что я назвал *сложным спросом*. Это тот вид конкуренции, который подразумевается под термином *высокий спрос* или когда говорится, что *спрос повышает цены*.

Двойная конкуренция - это когда в определенной степени она имеет место с обеих сторон контракта одновременно или попеременно переходит от одной к другой. Это то, что удерживает цены на уровне адекватной стоимости товара.

Я откровенно признаюсь, что испытываю острую нехватку языка для выражения своих идей, и именно по этой причине я использую так много примеров, чтобы лучше передать определенные их комбинации, которые в противном случае были бы неразборчивы.

Большая трудность состоит в том, чтобы четко провести различие между принципами *спроса* и принципами *конкуренции*: далее следуют принципиальные различия между ними относительно эффектов, которые они производят по отдельности в коммерческом договоре купли-продажи, который я здесь кратко выражаю словом *контракт*.

Простой спрос - это то, что выводит количество товара на рынок. Многие требуют, но не покупают; многие предлагают, но не продают. Этот спрос называется *большим* или *малым*; говорят, что он *увеличивается, приумножается, раздувается*; и выражается этими и другими синонимичными терминами, которые обозначают увеличение или уменьшение количества. У этого вида два человека никогда не требуют одного и того же, но требуют части одного и того же или совершенно похожих вещей.

Сложный спрос - это принцип, который повышает цены и никогда не может заставить их упасть; потому что в этом случае несколько человек требуют одного и того же. Это применимо исключительно к покупателям в зависимости от цены, которую они предлагают. Этот спрос называется *высоким* или *низким*, и говорят, что он *растет, падает, растет, опускается*, и выражается этими и другими синонимичными терминами.

Простая конкуренция между покупателями - это то же самое, что *сложный* или *высокий спрос*, но отличается от него тем, что это в равной степени может иметь место среди продавцов, чего *сложный спрос* не может, и тогда это приводит к противоположному эффекту: это заставляет цены *падать*, и является синонимом *низкого спроса*: именно эта конкуренция нарушает баланс работы и спроса; о чем впоследствии.

Двойная конкуренция - это то, что, как предполагается, имеет место почти в каждой торговой операции; именно это предотвращает чрезмерный рост цен; именно это предотвращает их чрезмерное падение. Пока преобладает *двойная конкуренция*, баланс идеален, торговля и промышленность процветают.

Следовательно, основное различие между терминами *спрос* и *конкуренция* заключается в том, что *спрос* постоянно зависит от покупателей, и когда деньги не являются ценой, как при бартере, тогда они зависят от той стороны, на которой наблюдается наибольшая *конкуренция*.

Поэтому мы говорим, что в отношении *цен* спрос *высокий* или *низкий*. Что касается *количества товара*, спрос *велик* или *мал*. Что касается *конкуренции*, ее всегда называют *большой* или *малой*, *сильной* или *слабой*.

Конкуренция, как я уже сказал, в равной степени применима к обеим сторонам контракта. *Конкуренция* между покупателями - правильное выражение; *конкуренция* между продавцами, у которых есть товар, столь же легко понятна, хотя и не столь поразительна, по причинам, которые будут понятны на примере.

Вы приходите на ярмарку, где вы находите огромное разнообразие всевозможных товаров, находящихся во владении разных торговцев. Они, предлагая свои товары на продажу, представляют собой негласное соревнование; каждый из них желает продавать предпочтительнее другого и в то же время с наибольшей выгодой для себя.

Покупатели начинают с того, что сбавляют цену в каждом магазине. Первая запрошенная цена свидетельствует о жадности продавца; первая предложенная цена - о жадности покупателя. Исходя из этой операции, я говорю, что конкуренция начинает оказывать свое воздействие на обе стороны и, таким образом, становится двойной. Теперь следует вывести принципы, влияющие на эту операцию.

Невозможно предположить одинаковую степень стремления как покупать, так и продавать у нескольких торговцев; потому что степень стремления, на мой взгляд, точно пропорциональна их взглядам на прибыль; и поскольку на них обязательно должны влиять и регулироваться различные обстоятельства, тот покупатель, у которого наилучшие перспективы продать снова с прибылью, вынуждает того, у кого перспективы не столь хороши, довольствоваться меньшим; а тот продавец, который купил с наибольшей выгодой, обязывает того, кто заплатил за товар дороже, умерить свое стремление к прибыли.

Именно исходя из этих принципов, должна происходить конкуренция между покупателями и продавцами. Это то, что ограничивает колебания цен пределами, совместимыми с разумной прибылью как покупателей, так и продавцов; ибо, как было сказано, при рассмотрении торговли мы должны постоянно предполагать, что вся операция купли-продажи осуществляется торговцами; нельзя предполагать, что покупатель назначает такую высокую цену, какую он ожидает получить, когда распределяет ее среди потребителей, равно как нельзя предполагать, что продавец соглашается на меньшую цену, чем та, которую он заплатил производителю. Эту конкуренцию правильно назвать двойной из-за того, что трудно определить, на чьей она стороне; у одного и того же торговца она может быть в его пользу по некоторым товарам и против него по другим; она постоянно колеблется, и прибытие каждой почты может в большей или меньшей степени склонить чашу весов.

В каждой сделке между продавцами прибыль, полученная от продажи, должна точно отличаться от стоимости товара. Первое *может* меняться, последнее *никогда не может*. Конкуренция может повлиять только на эту прибыль; и именно по этой причине мы повсюду обнаруживаем такое единообразие в ценах на товары одинакового качества.

Конкуренция между продавцами не кажется такой разительной, как конкуренция между покупателями; потому что тот, кто предлагает продажу, выглядит лишь пассивным в первой операции; в то время как покупатели являются один за другим; они предъявляют требование, и когда одному из них отказывают в товаре по определенной цене, второй либо предлагает

больше, либо не предлагает вообще: но как только другой продавец находит оправдание в принятии цены, от которой отказался первый, тогда первый вступает в конкуренцию, при условии, что его прибыль позволит ему снизить первую цену, и, таким образом, между продавцами возникает конкуренция, пока прибыль от их торговли не предотвратит снижение цен. опускаюсь все ниже.

Я уже говорил, что на всех рынках эта конкуренция во многих случаях меняется, хотя и незаметно; но на других колебаниях она очень ощутима. Иногда оказывается, что сила на стороне покупателей, и по мере того, как она растет, конкуренция между продавцами уменьшается. Когда конкуренция между первыми повышает цены до определенного уровня, она прекращается; затем конкуренция переходит на другую сторону и происходит среди продавцов, стремящихся получить прибыль от самой высокой цены. Это приводит к падению цен, и соответственно с их падением конкуренция среди покупателей уменьшается. Они все еще ждут самого низкого периода. Наконец это приходит; и тогда, возможно, какое-то новое обстоятельство, нарушив равновесие, разрушает их надежды. Следовательно, если когда-либо случится, что одна сторона договора заинтересована в чем-то одном, как в примере из предыдущей главы, где мы предположили, что продавцы объединились, вы поймете, что повышение цены, вызванное конкуренцией покупателей, и даже ее прекращение, вероятно, не могло вызвать какой-либо конкуренции с другой стороны; и следовательно, если впоследствии цены начнут снижаться, падение должно было произойти из благоразумных соображений приспособления цены к способностям тех, кто, находясь на пике, отозвал свой спрос.

Исходя из этих принципов конкуренции, ограничение рынков считается преступлением, потому что это уменьшает конкуренцию, которая должна иметь место между разными людьми, которые могут предложить на продажу один и тот же товар. Форстоллер скупает все с намерением продать с большей прибылью, поскольку таким образом он устранил с пути других конкурентов, и появляется с единственным интересом на одной стороне контракта перед лицом множества конкурентов на другой. Этот человек наказан государством за то, что он предотвратил справедливое соответствие цены товара реальной стоимости; он ограбил общество и обогатился сам; и в качестве наказания он возмещает ущерб. Здесь для наглядности возникают два вопроса, требующие решения.

Возможна ли конкуренция между покупателями, когда произведенных поставок более чем достаточно для обеспечения требуемого количества? С другой стороны, может ли возникнуть конкуренция между продавцами, когда требуемое количество превышает общий объем выделенных для этого средств?

Я думаю, что это возможно в обоих случаях; потому что и в том, и в другом случае конкуренция подразумевается с одной стороны контракта, и сама природа этой конкуренции подразумевает возможность ее возникновения с другой, при условии, что у обеих сторон будут обнаружены отдельные интересы. Но если быть более конкретным.

1. Опыт показывает, что, как бы справедливо ни было фактически определено соотношение между спросом и предложением, установить его точно все равно практически невозможно, и поэтому покупатели могут регулировать цены, которые они предлагают, только исходя из того, по какой цене они могут разумно ожидать повторной продажи. Продавцы, с другой стороны, могут регулировать цены, которые они ожидают, только исходя из того, во что им обошелся

товар при его доставке на рынок. Мы уже показали, как при таких обстоятельствах интересы нескольких индивидов влияют друг на друга и нарушают равновесие.

2. Соотношение между спросом и предложением редко бывает иным, чем *относительным* у торговцев, которые, как предполагается, покупают и продают не по необходимости, а с целью получения прибыли. Под *относительным* я подразумеваю то, что их спрос *велик* или *мал*, в зависимости от цен: может быть большой спрос на зерно при цене 35 шиллингов за четверть и вообще никакого спроса на него при цене 40 шиллингов; я говорю, среди торговцев.

Здесь я должен заметить, насколько важно обращать внимание на мельчайшие обстоятельства в делах такого рода. Обстоятельство, на которое я здесь обращаю внимание, заключается в различии, которое я нахожу в эффекте конкуренции, когда она имеет место исключительно среди торговцев с обеих сторон контракта, и когда случается так, что либо потребители смешиваются с торговцами-покупателями, либо изготовители, то есть производители мебели, смешиваются с торговцами-продавцами. Это сочетание я проиллюстрирую на примере решения другого вопроса, а затем завершу свою главу несколькими размышлениями по этому поводу в целом.

Неужели не может быть такого случая, когда конкуренция с одной стороны может существовать без возможности ее возникновения с другой, хотя у обеих сторон должны быть отдельные интересы?

Я отвечаю. Такой случай едва ли возможен среди торговцев, которые покупают и продают с целью получения прибыли; но он абсолютно вероятен, и это все, когда непосредственными потребителями являются покупатели; когда обстоятельства одной из сторон прекрасно известны; и когда конкуренция с одной стороны настолько сильна, что исключает возможность ее удвоения до того, как все запасы будут распроданы или спрос удовлетворен. Позвольте мне прибегнуть к примерам.

Зерно, поступающее в небольшом количестве в порт, где жители умирают с голоду, вызывает такую сильную конкуренцию среди потребителей, которые являются покупателями, что их необходимость становится очевидной; все зерно обычно скупается до того, как цены могут подняться настолько высоко, что прекратятся; потому что ничто, кроме нехватки денег, то есть невозможности соответствовать ценам, требуемым торговцами, не может их сдержать; но если вы предположите, что даже здесь цены естественным образом останавливаются; или что через некоторое время они падают ниже из благоразумных соображений, тогда существует вероятность конкуренции, которая захватит место среди продавцов, исходя из вышеприведенных принципов. Если, напротив, остановка не естественна, а вызвана вмешательством магистрата, гуманностью или чем-то подобным, конкуренции не будет, потому что тогда принципы торговли приостанавливаются; продавцы ограничены с одной стороны, а они ограничивают покупателей с другой. Или, скорее, действительно, именно магистрат, или сострадание, определенным образом устанавливает цену и выполняет обязанности как покупателя, так и продавца.

Еще лучший пример можно найти в конкуренции между продавцами, когда она может быть настолько сильной, что таким образом товар вообще не имеет ценности, как в случае необычной и неожиданной добычи рыбы в месте небольшого потребления, когда не было сделано никаких приготовлений для ее засолки. Тогда между покупателями не может быть

конкуренции, потому что рынок не может длиться долго, и они оказываются полными хозяевами и могут предлагать любую цену, какую им заблагорассудится, будучи уверенными, что продавцы должны согласиться с этим, иначе потеряют свой товар. В первом примере человечество обычно останавливает действие принципа конкуренции; в другом его останавливает определенная степень честности, которая запрещает принимать товар даром.

Следовательно, по мере того, как рост цен может остановить спрос или падение цен может увеличить его, в той же пропорции конкуренция будет препятствовать тому, чтобы рост или падение спроса вышли за пределы определенной продолжительности: и если можно привести такой случай, когда рост цен не может остановить спрос, а снижение цен увеличить его, в таких случаях двойная конкуренция не имеет эффекта; потому что эти обстоятельства объединяют самые разные интересы покупателей и продавцов в товарном договоре, и когда с одной стороны нет отдельного интереса, тогда не может быть конкуренции.

Исходя из сказанного, мы можем составить суждение о различных степенях конкуренции. Книга, не стоящая и шиллинга, рыба весом в несколько фунтов часто продаются за значительные суммы. Покупатели здесь - не торговцы. Когда посол в спешке покидает двор, вещи продаются менее чем за половину их стоимости: он не купец, и его положение известно. Когда на общественном рынке находятся потребители, которые производят свои продукты; или производители, которые распоряжаются своими товарами для текущего существования; торговцы, которые соответственно находятся на противоположной от них стороне контракта, извлекают выгоду из своей конкуренции; а те, кто соответственно находится на одной стороне с ними, терпеливо стоят в стороне, пока они не закончат свое дело. Затем дело переходит к обсуждению между торговцем и коммерсантом, и тогда, я допускаю, что прибыль может расти и падать пропорционально количеству спроса; то есть, если предложение меньше спроса, конкуренция между потребителями или повышение цены будут пропорциональны совокупному дефициту товара и перспективе повторной продажи с прибылью. Именно эта комбинация регулирует конкуренцию и держит ее в рамках. Это может повлиять только на прибыль от сделки; внутренняя стоимость товара остается неизменной: никогда ничего не продается ниже реальной стоимости; никогда ничего не покупается дороже, чем это может вероятно принести. Я имею в виду в целом. Принимая во внимание, что как только в операции участвуют потребители и нуждающиеся производители, всякая пропорция теряется. Конкуренция между ними слишком сильна для торговцев; баланс колеблется рывками. На таких рынках торговцы появляются редко: основными товарами там являются плоды и продукты земли, а также предметы первой жизненной необходимости, а не так называемые промышленные изделия. Бедняк часто продает, чтобы купить хлеба себе на пропитание, а не для того, чтобы заплатить за то, что он съел, пока был занят работой, которой он распоряжается. Потребитель часто оценивает ценность того, что он собирается приобрести, по весу своего кошелька и своему желанию потреблять.

Поскольку эти различия не могут быть переданы в терминах, которыми мы обязаны их выражать, и поскольку они часто должны подразумеваться при рассмотрении вопросов, относящихся к торговле и промышленности, я подумал, что лучшим способом было бы прояснить мои собственные идеи относительно них и изложить их по порядку перед моим читателем, прежде чем я углублюсь в свой предмет.

Все расхождения во мнениях по вопросам такого рода проистекают, как я полагаю, из неадекватности нашего языка для выражения наших идей, из нашей невнимательности к использованию терминов, которые кажутся синонимичными, и из нашей естественной склонности включать в соответствии с общими правилами вещи, которые в некоторых случаях здравый смысл требует разделить.

ГЛАВА. VIII.

О том, что называется расходами, прибылью и убытком.

Поскольку мы были заняты объяснением терминов, не лишним будет сказать несколько слов о тех, которые вынесены в название этой главы.

Термин *расходы*, когда он выражается просто, без какой-либо конкретной связи, всегда понимается как относящийся к деньгам. Этот вид я подразделяю на три категории: *частные*, *публичные* и *национальные*.

1. *Частные расходы* - это то, что частное лицо или частное общество выделяет либо на обеспечение предметами потребления, либо на что-то более постоянное, что может способствовать их легкости, удобству или выгоде. Таким образом, мы говорим о *больших внутренних расходах* по сравнению с тем, кто тратит большой доход. Мы говорим, что торговец был в *больших затратах* на журналы, на жизнь, на клерков и т. Д. Но никогда, чтобы он был в каких-либо затратах при покупке товаров. Точно так же фабрикант может тратить деньги на здания, машины, лошадей и экипажи, но никогда на то, что он производит. Когда вещь покупается для того, чтобы быть проданной снова, затраченная сумма называется *авансированными* деньгами; когда она покупается не для продажи, можно сказать, что она *израсходована*.

2. *Общественные расходы* - это использование тех денег, которые были внесены отдельными лицами, на текущую службу государству. Вклад, или его объединение, представляет собой результат многих статей *частных расходов*; его распределение после сбора является *государственными расходами*.

3. *Национальные расходы* - это то, что расходуется за пределами страны: это то, что уменьшает национальное богатство. Принципиальное различие, на которое здесь следует обратить внимание, заключается между *общественными расходами*, или распределением государственных денег, и *национальными расходами*, которые представляют собой отчуждение национального богатства в пользу иностранцев. Таким образом, самые большие *общественные расходы*, которые можно себе представить, могут оказаться не национальными расходами, потому что деньги могут остаться дома. С другой стороны, самые маленькие *государственные* или даже *частные расходы* могут быть национальными, потому что деньги могут уйти за границу.

Прибыль и *убыток* я делю на *положительные*, *относительные* и *составные*. *Положительная прибыль*не подразумевает потерь ни для кого; она является результатом увеличения рабочей силы, трудолюбия или изобретательности и приводит к увеличению общественного блага.

Положительный убыток не подразумевает никакой прибыли для какого-либо органа; это то, что является результатом прекращения первого или вытекающих из него последствий, и можно сказать, что это уменьшает общественное благо.

Относительная прибыль - это то, что подразумевает потерю для какого-либо органа; это указывает на колебание баланса богатства между сторонами, но не подразумевает увеличения общего запаса.

Относительный убыток - это то, что, напротив, подразумевает прибыль для какого-либо органа; это также указывает на колебание баланса, но ничего не отнимает от общего запаса.

The *compound* is easily understood; it is that species of profit and loss which is partly *relative*, and partly *positive*. Я называю это сложным, потому что оба вида могут существовать нераздельно в одной и той же транзакции.

ГЛАВА. IX.

Общие последствия, возникающие у торговой нации при открытии активной внешней торговли.

Если бы я не намеревался ограничиться очень общими темами в этой главе, я мог бы в некотором роде исчерпать весь предмет современной экономики под этим названием; поскольку я понимаю, что вся система современной политики основана на активной внешней торговле.

Нация, которая остается пассивной в своей торговле, находится во власти тех, кто активен, и ей, действительно, должны очень благоприятствовать естественные преимущества или постоянный приток золота и серебра из ее рудников, чтобы иметь возможность поддерживать переписку, не наносящую ущерба увеличению ее богатства.

По мере продвижения мы будем более подробно останавливаться на этих вещах: суть в том, чтобы рассмотреть последствия этой сделки относительно тех, кто является участниками операции.

Когда я смотрю на широкое поле, которое здесь открывается моему взору, я озадачен слишком большим разнообразием объектов. В одной части я вижу достойное и приятное начало промышленности; богатство плавно перетекает, вознаграждая изобретательность; число людей увеличивается, и каждый день становится полезнее для другого; пропорционально расширяется сельское хозяйство; нет насильственных революций; нет непомерных прибылей; нет наглости среди богатых; нет чрезмерной нищеты среди бедных; множество людей занято производством; большая экономия на потреблении; и все предметы роскоши, ежедневно производимые руками прилежных людей, уходят из страны на службу чужакам; не остаются дома для удовлетворения своих потребностей. чувственность. Наконец аугментации незаметно прекращаются. Затем эти реки богатства, которые быстро циркулировали по всему миру и которые возвращались к этой торговой нации, как кровь возвращается к сердцу только для того, чтобы снова быть выброшенными новыми пульсациями, начинают испытывать затруднения в своем течении; и, протекая за границу медленнее, чем раньше, они приводят к застою внутри страны. Они, не терпящие сдержанности, вскоре разошлись по всему миру. При этом города

разрастаются великолепием зданий; лицо страны украшается дворцами и покрывается рощами; роскошь торжествующе сияет повсюду; неравенство становится более бросающимся в глаза; а нужда и нищета кажутся более искаженными из-за контраста: даже удача становится более прихотливой в своем непостоянстве; нищий вчерашнего дня теперь разъезжает в своей карете; и тот, кто родился на государственной ложе, умирает в тюрьме или в богадельне. Таковы последствия большого внутреннего обращения.

Государственный деятель с изумлением оглядывается по сторонам; он, привыкший считать себя первым человеком в обществе во всех отношениях, чувствует себя, возможно, затмеваемым блеском частного богатства, которое ускользает из его рук, когда он пытается завладеть им. Это делает его правление более сложным и труднодостижимым; теперь он должен пользоваться искусством и красноречием, а также властью и принуждением. С помощью уговоров и интриг он немного влезает в долги; это закладывает основу для общественного кредита, который, постепенно увеличиваясь и принимая в своем развитии множество новых форм, с самого нежного начала становится самым грозным чудовищем, наводящим ужас на тех, кто лелеял его в младенчестве. На этом, как на триумфальном боевом коне, государственный деятель набирает ход, затем он выглядит по-новому грозным; у него кружится голова; он задыхается от поднятой им пыли; и в тот момент, когда он готов упасть, к своему крайнему изумлению, он обнаруживает сильный денежный интерес, созданный им самим, который, вместо того, чтобы поглотить его, как он предполагал, летит к нему на помощь. Благодаря этому он одерживает верх над любой оппозицией, он устанавливает налоги, умножает их, закладывает свой жизненный фонд, либо становится банкротом и восстает из пепла; или, если он менее дерзок, он некоторое время стоит, дрожа и шатаясь, на краю политической пропасти. Попадая в ту или иную из этих опасных ситуаций, он начинает открывать бесконечный путь, который после множества поворотов все же возвращается к себе и продолжает прежний путь по этому огромному лабиринту: но об этой последней части подробнее в четвертой[fourth](#) книге.,,,

Теперь самое время оставить рапсодию и вернуться к рассуждениям и хладнокровному исследованию, касающемуся более непосредственных и более общих последствий и революций, произведенных открытием внешней торговли в промышленно развитой стране.

Первым и наиболее разумным изменением будет увеличение спроса на производителей, потому что за счет удовлетворения потребностей незнакомых людей число потребителей теперь значительно увеличится. То, что снова последует за этим, должно зависеть от обстоятельств.

Если эта революция в состоянии спроса окажется слишком сильной, следствием ее будет *повышение* спроса; если она окажется постепенной, она *увеличит* его. Я надеюсь, что это различие хорошо понято и что следствие кажется справедливым, ибо, если предложение не увеличивается пропорционально спросу, между потребителями возникнет конкуренция; что является обычным следствием таких внезапных революций. Если, с другой стороны, умеренное увеличение спроса будет сопровождаться пропорциональным предложением, все трудолюбивое общество будет расти в силе и во всем росте, не ощущая при этом какой-либо большой выгоды или неудобства; изменение их обстоятельств будет даже незаметным.

Непосредственные последствия насильственной революции в этом примере будут лестными для одних и неприятными для других. Богатство будет ежедневно увеличиваться за счет роста

цен во многих отраслях промышленности. Это будет поощрять трудолюбивые классы, а праздные потребители дома будут жаловаться. Я уже довольно долго останавливался на последствиях, проистекающих из этого для низших классов народа, в обеспечении их определенными средствами к существованию. Позвольте мне теперь рассмотреть, в каком отношении даже высшие классы будут вынуждены подобным же образом ощутить благотворные последствия этой общей перемены, хотя поначалу они могут испытывать от нее временные неудобства.

Фермерам, как уже было замечено, будет труднее найти слуг, которые вместо того, чтобы возделывать землю, предпочтут заняться мануфактурой. Мы рассматривали это в свете очищения земель от лишних ртов; но каждое следствие в этой великой политической цепи влечет за собой другие последствия, и по мере того, как они следуют одно за другим, вещи приобретают разные грани, которые по-разному влияют на классы. Очищение земли - лишь одно из первых; за ним следует другое.

Заброшенность рабочих рук, занятых в пустяковом сельском хозяйстве, поначалу, без сомнения, смутит фермеров; но со временем в торговой стране все становится сбалансированным, потому что *здесь* каждый *трудолюбивый* человек должен преуспевать, несмотря на все общие стечения обстоятельств.

В рассматриваемом нами случае относительная прибыль от земледелия должна вскоре стать больше, чем раньше, из-за этих дополнительных расходов, которые должны затронуть весь класс фермеров; следовательно, эти дополнительные расходы, вместо того чтобы обернуться убытком либо для землевладельца, либо для фермера, через некоторое время обернутся выгодой для обоих: потому что продукт земли, будучи совершенно необходим каждому, должен в каждой статье увеличивать свою стоимость. Таким образом, через короткое время счета будут почти сбалансированы у всех; иными словами, та же самая пропорция богатства будет, *при прочих равных условиях*, оставаться неизменной среди трудолюбивых. Я говорю "среди трудолюбивых", ибо те, кто либо празден, либо даже небрежен, окажутся в большом убытке.

Землевладелец, невнимательный к причинам дополнительных расходов своего фермера, может весьма неосмотрительно допустить падение своей арендной платы, вместо того чтобы оказать ему помощь в надлежащем случае, чтобы впоследствии заставить ее подняться еще выше.

Те, кто живет на определенный доход в деньгах и кто не занят ни в торговле, ни в какой-либо другой отрасли промышленности, из-за повышения цен окажутся в худших условиях, чем раньше.

В торговой стране каждый человек должен учитывать свои таланты, иначе он, несомненно, останется позади в этом всеобщем соревновании, в котором самые трудолюбивые, самые изобретательные и самые бережливые будут постоянно забирать приз.

Это соображение должно быть стимулом для каждого органа. Самые богатые люди в торговой стране не защищены от бедности, я имею в виду пропорциональную бедность; ибо, хотя они ничего не уменьшают в своем доходе, все же, не увеличивая его пропорционально другим, они теряют свое положение в богатстве и из первого класса, в котором они находились, они незаметно скатятся в более низкий.

У дополнительной выгодной торговли есть одно последствие, которое повышает спрос и увеличивает богатство; но если мы не предполагаем пропорционального увеличения предложения, это окажется в лучшем случае всего лишь легкой мечтой, которая длится мгновение, а когда позолоченная сцена проходит, бесчисленны неудобства, которые, как видно, последуют.

Теперь я укажу на естественные последствия такого увеличения богатства, получаемого от иностранных наций, когда государственный деятель остается невнимательным к увеличению предложения как продовольствия, так и мануфактурных изделий пропорционально увеличению числа ртов и спроса на продукцию промышленности.

В такой ситуации прибыли будут расти с каждым днем, и любая схема их умеренного сокращения будет рассматриваться как вредная и непопулярная мера: пусть будет так; но давайте рассмотрим последствия.

Мы сказали, что рост спроса на мануфактурные изделия естественным образом увеличивает ценность труда; теперь я должен добавить, что при таких обстоятельствах увеличение богатства *в стране, либо не способной улучшить состояние почвы, либо где не были приняты меры предосторожности для содействия умножению населения путем ввоза средств к существованию*, приведет к самым пагубным последствиям.

С одной стороны, это богатство эффективно уменьшит массу ранее произведенных продуктов питания, а с другой - увеличит число бесполезных потребителей. Первое из этих обстоятельств повысит спрос на продовольствие, а второе уменьшит число полезных свободных рабочих рук и, следовательно, повысит цены на мануфактурные изделия: вот вкратце очертания этого прогресса.

Чем богаче и роскошнее люди, тем более утонченным становится их образ жизни; если раньше они питались хлебом, то теперь будут питаться мясом; если раньше они питались мясом, то теперь будут питаться птицей. Та же самая земля, которая кормит сотню человек хлебом и пропорциональным количеством животной пищи, не поддержит такое же количество нежной печени. Тогда продовольствия должно стать еще больше; спрос на него растет; богатые всегда сильнее всех на рынке; они потребляют продукты питания, а бедные вынуждены голодать. Здесь открывается широкая дверь к современным бедствиям, а именно к пагубной конкуренции за средства к существованию. Далее, когда народ становится богатым, он меньше думает об экономике; нанимается некоторое количество бесполезных слуг, которые становятся дополнительным мертвым грузом в потреблении; и когда их голодающие соотечественники не могут удовлетворить расточительность богатых так дешево, как другие нации, они либо импортируют предметы иностранной роскоши, либо стремятся наслаждаться ими за пределами своей страны и таким образом возместить свои доходы.

Не очевидно ли поэтому, что если до того, как дело дойдет до этого, дополнительные средства к существованию не будут обеспечены тем или иным способом, число жителей должно уменьшиться; хотя богатство может ежедневно увеличиваться за счет остатка дополнительных веществ, которые, как предполагается, ввозились в страну в результате до сих пор выгодной внешней торговли. Это еще не все. Далее я говорю, что выгодная сделка продлится лишь некоторое время. Ибо непогрешимым следствием повышения цен внутри страны будет то, что те нации, которые сначала потребляли ваши изделия, заметив постепенное повышение их цены,

начнут работать на себя; или, обнаружив ваших конкурентов, которые могут поставлять их дешевле, откроют им свои двери. Они, опять же, видя большие преимущества, полученные вашими торговцами, начнут поставлять товары на рынок; и поскольку все должно быть дешевле в странах, где мы не предполагаем совпадения всех упомянутых выше обстоятельств, эти страны вытеснят вас и, в свою очередь, обогатятся.

Начинается новая революция. Торговля останавливается: что же тогда становится со всеми рабочими, которые раньше были заняты удовлетворением иностранных потребностей?

Если бы революции были такими внезапными, какими мы вынуждены их представлять, все пошло бы прахом; по мере того, как они происходят быстрее или медленнее, неудобства становятся больше или меньше.

Мы уже говорили, что цены растут из-за конкуренции. Если конкуренция чужеземцев была тем, что их породило, то бедствие, постигшее производителей, будет пропорционально внезапности их ухода с рынка. Если бы конкуренция была разделена между приезжими и домашними потребителями, неудобств, которые возникают в результате, было бы меньше; потому что уход незнакомцев будет в какой-то мере компенсирован увеличением домашнего потребления, которое последует за падением цен. И если в третьем случае местные жители были настолько неосмотрительны, что не только поддерживали конкуренцию с пришельцами и тем самым отвращали их от дальнейшего присутствия на рынке, но даже продолжали конкуренцию между собой, то весь *ущерб*, понесенный революцией, будет национальным. Богатство перестанет увеличиваться, но неудобства, вместо того чтобы ощущаться промышленниками, будут влиять только на государство; они будут продолжать жить в достатке, превознося щедрость своих соотечественников и презирая бедность чужаков, обогативших их.

Домашняя роскошь окажется здесь средством сохранения от разорения трудолюбивой части народа, которая, добывая средства к существованию, обогатила свою страну. В их положении не последует никаких изменений; они будут продолжать трудиться с болезненным усердием, и если последствия этого теперь станут пагубными для одной части государства, им, по крайней мере, должно быть позволено быть существенно необходимыми для поддержки другой.

Но то, что роскошь не является необходимым спутником внешней торговли в стране, где понимают ее истинные принципы, будет казаться очень очевидным, исходя из контраста, который я сейчас собираюсь указать, на примере современного государства, известного своей коммерцией и бережливостью. Страна, которую я имею в виду, - Голландия.

Группа трудолюбивых и бережливых людей собралась в стране, по своей природе подверженной множеству неудобств, для *устранения* [removing](#) их, требовалось много рабочих рук. Их положение на континенте, могущество их бывших хозяев и честолюбивые намерения их соседей вынуждали их содержать большие отряды войск. Эти две статьи увеличивали численность населения, не обогащая государство ни за счет экспорта их труда, ни за счет производства продуктов питания для себя или соотечественников.

Схема содружества была рассчитана на то, чтобы объединить трудолюбивых; но она оказалась еще более полезной для обеспечения их существования: республиканская форма правления, будучи там сильно разделенной, наделяет каждую его часть властью, достаточной для обеспечения их собственного существования; и союз, который их объединяет, касается только

вопросов, представляющих общественный интерес. Если бы всем управлял один суверен или один совет, этот важный вопрос никогда не был бы решен.

Я полагаю, что для самого способного министра, который когда-либо жил, было бы невозможно обеспечить продовольствием такую обширную страну, как Франция или даже Англия, при условии, что они столь же населены, как Голландия: даже если следует признать, что в других странах можно было бы найти достаточное количество продовольствия для их существования. Предприятие было бы слишком великим, злоупотребления умножились бы; следствием было бы то, что жители умирали бы от нужды. Но в Голландии дело обстоит иначе, каждый маленький городок заботится о своих жителях; и эта забота, являющаяся целью приложения усилий и выгодой для стольких людей, осуществляется с успехом.

Когда однажды в стране устанавливается принцип, что продовольствие необходимо доставлять из-за границы, чтобы прокормить жителей дома, торговля зерном становится значительной и в то же время определенной, регулярной и перманентной. Так было в Голландии: поскольку жители были трудолюбивы, необходимым следствием стало необычайное размножение; и в то же время такое изобилие зерна, что вместо того, чтобы самим испытывать нужду, они часто снабжали своих соседей. Есть много примеров того, как Англия снабжалась зерном оттуда и, что еще более удивительно, за счет реэкспорта самих продуктов ее собственной плодородной почвы.

Следовательно, очевидно, что единственный способ поддержать промышленность - это обеспечить запас средств к существованию, постоянно пропорциональный спросу, который может быть на него предъявлен. Это мера предосторожности, совершенно необходимая для предотвращения пагубной конкуренции. Это особая забота голландцев: пока она может быть эффективной, их государству можно не опасаться упадка; но всякий раз, когда они столкнутся с трудностями на рынках, от которых зависит их существование, они будут разоряться. Именно благодаря простой бережливости, дешевой и скупой жизни поддерживается судоходство этого трудолюбивого народа. Постоянная занятость и накопление почти незаметных прибылей наполняют их казну богатством, несмотря на большие расходы, к которым их ежегодно вынуждает их собственное надлежащее питание. Большие прибыли от промышленности в других странах, которые являются не доказательством щедрости, а пагубным следствием скудного существования, отнюдь не ослепляют их взор. Их редко можно встретить в списке конкурентов в каком-либо иностранном порту; если им нужно избавиться от своего груза, они с удовольствием ждут на своих собственных судах, потребляя провизию самостоятельно, и в конце концов соглашаются на то, что оставили другие. Можно сказать, что в пользу голландцев говорят многие другие обстоятельства, помимо предмета существования. Я не буду оспаривать этот вопрос, а только напомню моему читателю о том, что было сказано в первой книге, а именно, что если подсчитать количество рабочих рук, занятых добыванием средств к существованию, и тех, кто по отдельности занят удовлетворением всех других потребностей, то окажется, что их количество почти уравнивает друг друга в самых богатых странах. Из этого я заключаю, что продукты питания среди низших классов должны находиться в очень высокой пропорции ко всем другим предметам их потребления; и, следовательно, снижение цены прожиточного минимума должно иметь бесконечные последствия для фабрикантов, которые вынуждены их покупать. Исходя из этого соображения, давайте судить о последствиях такого повышения цен на зерно, которое нам знакомо: 30 или 40 *процентов*. кажется, ничего особенного. Теперь это увеличение затрагивает по меньшей мере две трети всех расходов

работающего человека: пусть любой, кто живет в сносном достатке, применит это к себе и рассмотрит, как бы он управлял своими делами, если бы из-за дождей или ветров его расходы выросли на 30 *процентов*. без возможности обуздать их, ибо так, к сожалению, обстоит дело со всеми низшими классами. Отсюда я заключаю, что поддержание дешевизны продуктов питания и, тем более, постоянное сохранение их на одинаковом уровне является источником богатства Голландии; и что любая пагубная конкуренция в этой области должна вызвать беспорядок, который затронет всех производителей государства.

ГЛАВА. X.

О соотношении работы и спроса.

Совершенно невозможно методично исследовать предмет политической экономики, не впадая в предвосхищения. Мы часто упоминали об этом балансе работы и спроса и показывали, насколько важно для государственного деятеля уделять этому внимание. Следовательно, суть дела в целом хорошо понята; и все, что остается сделать, - это придать нашим представлениям о ней более определенный характер и, по возможности, более адекватный принципам, которые мы устанавливали.

Мы полностью учитывали спрос, а также конкуренцию. Мы наблюдаем, как различные обстоятельства, оказывающие влияние этих условияхсроки, так как, чтобы сделать их представления совершенно другое; и мы говорили, что двойной конкурс поддерживает баланс мы теперь говорим, и что один конкурс опрокидывает его.

Слово "спрос" в этой главе употребляется в самом простом значении; и когда мы говорим, что баланс между работой и спросом должен поддерживаться в состоянии равновесия, насколько это возможно, мы имеем в виду, что поставляемое количество должно быть пропорционально количеству, *востребованному*, то есть *желаемому*. Пока баланс остается справедливым, цены находятся в адекватной пропорции к реальным затратам на изготовление товара с небольшой добавкой для получения прибыли производителем и продавцом.

В четвертой главе я отмечал, насколько необходимо различать две составные части каждой цены: стоимость и прибыль. Как бы велико ни было число лиц, которые при продаже части товара разделяют прибыль; в таких исследованиях, подобных этому, все равно важно предполагать, что они четко отделены от реальной стоимости товара; и наилучший из возможных способов точно установить соотношение между тем и другим - это скрупулезное наблюдение за балансом, о котором мы сейчас говорим, как мы сейчас увидим.

Стоимость и прибыль, объединенные в цене изделия, произведенного одним человеком, легко различимы посредством анализа, который мы изложили в четвертой главе. До тех пор, пока какой-либо рынок *полностью* обеспечен такого рода работой, и *не более*; те, кто занят на нем, живут своим ремеслом и не получают необоснованной прибыли: потому что тогда нет жестокой конкуренции только с одной стороны, ни между рабочими, ни между теми, кто покупает у них, и баланс мягко колеблется под влиянием двойной конкуренции. Это олицетворение идеального баланса.

Это равновесие нарушается четырьмя различными способами.

Либо спрос уменьшается, а работа остается прежней:

Или количество работы уменьшается, а спрос остается:

Или спрос увеличивается, а работа остается:

Или количество работы увеличивается, а спрос остается.

Теперь каждая из этих четырех комбинаций может создавать конкуренцию, а может и не создавать, только на одной стороне контракта. Это необходимо объяснить.

Если спрос уменьшается, а работа остается прежней, что является первым случаем, то либо те, кто предоставляет работу, вступят в конкуренцию, и в этом случае они нанесут ущерб друг другу, и цены упадут ниже разумного стандарта равномерного баланса; либо они не вступят в конкуренцию, и тогда цены останутся прежними, весь спрос будет удовлетворен, а оставшая часть работы окажется под рукой.

Это симптом упадка торговли.

Давайте теперь, с другой стороны, предположим, что спрос возрастет, а работа останется прежней.

Этот пример указывает не на уменьшение с обеих сторон, как это было раньше, а на увеличение с одной; и является либо симптомом растущей роскоши внутри страны, либо увеличения внешней торговли.

Здесь происходит такое же чередование обстоятельств. Те, кто предъявляет спрос, либо вступят в конкуренцию и повысят цену на работу, либо они не будут вступать в конкуренцию; но, будучи полны решимости не превышать обычный стандарт совершенного баланса, отложат создание своих запасов до другого времени или будут поставлять сами на другом рынке; иными словами, новый спрос прекратится, как только он возникнет, из-за нехватки предложения.

Следовательно, всякий раз, когда этот идеальный баланс труда и спроса нарушается силой простой конкуренции или перевесом одной из чаш весов, должно произойти одно из двух: либо часть спроса не удовлетворяется, либо часть товара не продается.

Таковы непосредственные последствия нарушения баланса.

Позвольте мне затем указать на объект заботы государственного деятеля относительно таких эффектов и показать последствия пренебрежения ими.

Теперь мы можем упростить наши идеи и вместо прежних сочетаний использовать другие выражения, которые могут их передать.

Поэтому давайте скажем, что *падение* или *подъем* по обе стороны чаши весов является *положительным* или *относительным*. *Положительный*, когда сторона, о которой мы говорим, действительно выходит за рамки обычного стандарта или уменьшается ниже него.

Относительный, когда нет изменений на стороне, о которой мы говорим, и что нарушение баланса происходит из-за изменения на другой стороне. Как, например:

Вместо того чтобы говорить, что спрос уменьшается, а работа остается прежней, давайте скажем, что спрос уменьшается *положительно* или работа увеличивается *относительно*; в зависимости от того, какой предмет может побудить нас говорить либо об одном, либо о другом. Учитывая это,

Если масштабы работ будут преобладать *положительно*, следует задаться вопросом, действительно ли количество поставляемых товаров увеличилось во всех отношениях сверх нормы потребления (в этом случае государственному деятелю следует уменьшить количество рабочих рук, направив часть их в новое русло) или же неосторожность рабочих только вынудила их выполнять свою работу несвоевременно; в этом случае им следует предоставить надлежащую информацию и даже помощь, чтобы помешать торговцам воспользоваться недостатком у них опыта; но эти последние меры предосторожности необходимы только для того, чтобы предотвратить рост цен. в зачаточном состоянии промышленности.

Если государственный деятель проявит небрежность в этом случае; если он допустит, чтобы естественные последствия следовали одно за другим, точно так, как определяют обстоятельства; тогда может случиться, что рабочие будут держать под рукой ту часть своих товаров, которая превышает спрос, до тех пор, пока необходимость не вынудит их вступить в конкуренцию друг с другом и продавать за то, что они могут получить. Теперь эта конкуренция вредна, потому что все на одной стороне, и потому что мы предположили, что преобладание масштаба работ является нарушением идеального баланса, который никоим образом не может быть восстановлен в соответствии со схемой процветания, но из-за увеличения масштаба спроса и восстановления двойной конкуренции. Если бы это произошло до того, как рабочие приступили к продаже в условиях конкуренции, то баланс снова был бы равным после того, что я называю *короткой вибрацией*, которая не является *подрывной деятельностью*; но когда масштабы работ слишком долго остаются на одном и том же уровне и вызывают сильную, вредную и длительную конкуренцию только с одной стороны, тогда, я говорю, баланс *нарушается*; потому что это уменьшает разумную прибыль или, возможно, действительно, вынуждает рабочих продавать ниже себестоимости. Следствием этого является то, что рабочие попадают в бедственное положение, а промышленность впадает в уныние; и это следствие несомненно.

Но можно спросить, не увеличится ли спрос при таком падении цен? То есть, разве весь товар не будет распродан?

Я отвечаю, что это может быть следствием падения, а может и не быть, в зависимости от обстоятельств: это случайное следствие простого, но не эффекта двойной конкуренции: бедственное положение рабочих является определенным и неизбежным следствием первого.

Но если предположить, что это случайное следствие произойдет, не уравновесит ли оно баланс, увеличив спрос? Я отвечаю: таким образом, баланс достигается даже в результате сильного потрясения, нанесенного промышленности, но он не устанавливается даже из какого-либо принципа, который может поддержать его или способствовать его процветанию. Вот критерий идеального баланса: *положительная умеренная прибыль должна уравнивать положительную умеренную прибыль; баланс должен колебаться, и ни у одной из сторон не должно быть потерь*. В рассматриваемом нами примере баланс уравновешен, это правда; работа и спрос в равной степени уравновешены по количеству; но это *относительная прибыль*, которая висит на чаше весов, противоположной *относительным потерям*. Я хотел бы, чтобы это было хорошо понято; дальнейшие иллюстрации прояснят это.

Далее позвольте мне предположить, что масштаб *спроса* будет позитивно преобладать. В этом случае государственному деятелю следует быть еще более настороже, чтобы обеспечить пропорциональное снабжение, потому что опасность здесь может сначала показаться прибыльной и ввести его в заблуждение.

Последствиями такого нарушения баланса являются либо,

1-е, Что конкуренция будет проходить только между потребителями, что приведет к увеличению прибыли. Теперь, если после короткой вибрации заботливость государственного деятеля приведет к увеличению предложения, никакого вреда не последует; конкуренция перейдет на другую сторону, и прибыль снова снизится до идеального уровня. Но если масштаб спроса остается преобладающим и, таким образом, прибыль остается высокой, следствием будет то, что через короткое время не только непосредственный продавец товара, но и каждый, кто внес свой вклад в производство, будет настаивать на разделении этих новых прибылей. Итак, зло не в том, что все должны делиться или что прибыли должны увеличиваться, пока они поддерживаются спросом и пока их действительно можно считать ненадежными; но зло в том, что в результате такого широкого перераспределения и благодаря тому, что такие прибыли сохраняются в течение длительного времени, они незаметно *консолидируются* или, так сказать, преобразуются во внутреннюю стоимость товаров. Это, говорю я, вызвано временем; потому что обычные экстраординарные доходы каждого занятого побуждают более богатых из них незаметно менять свой образ жизни и приобретать привычку к большему потреблению, а более ленивых заставлять бездействовать, пока они не истощатся. Поэтому, когда случается, что в течение значительного времени были получены большие прибыли и что они привели к формированию вкуса к более дорогому образу жизни у трудолюбивых людей, то ни прекращение спроса, ни увеличение предложения не заставят их расстаться со своими прибылями. Ничто не вызовет этого эффекта, кроме острой необходимости; и тогда снижение их прибыли и ввержение рабочих в бедственное положение происходят одновременно; что доказывает истинность того, что я сказал, а именно, что эти прибыли по давней привычке фактически *объединяются* с реальной стоимостью товара. Таковы последствия пренебрежения простой конкуренцией, которая увеличивает прибыль промышленности и на значительное время нарушает равновесие.

В заключение позвольте мне изучить последствия этого переворота в фактическом преобладании спроса, когда он не вызывает конкуренции между потребителями и, следовательно, когда он не увеличивает прибыли промышленности.

Этот случай может произойти только тогда, когда товар не является предметом большой необходимости или даже широкого применения; поскольку желания приобрести его недостаточно, чтобы побудить покупателей повысить свою цену; если, конечно, эта разница не должна проистекать из легкости предоставления того же самого на других рынках так же дешево, как раньше. Это последнее обстоятельство является опасным и громко требует внимания государственного деятеля. Он должен всеми возможными средствами предотвращать исчезновение рынка путем быстрого удовлетворения всего спроса предложением и, возможно, даже должен поощрять производителей, чтобы они могли снизить цены, установленные обычным стандартом. Такова ситуация нации, которая находится на пути к потере отраслей своей внешней торговли, о чем впоследствии.

Следовательно, каковы бы ни были последствия фактического преобладания масштаба спроса, то есть ведет ли оно к увеличению прибыли или к дискредитации рынка, забота государственного деятеля должна быть немедленно направлена на то, чтобы равновесие установилось само по себе, без каких-либо потрясений, и как можно скорее, путем увеличения предложения. Ибо, если позволить ему долго оставаться в таком перевернутом состоянии, естественные последствия приведут к принудительному возмещению; то есть повышение цен или спрос внешнего рынка фактически сократят пропорциональную часть спроса и оставят баланс в равновесии, невыгодном для торговли и промышленности.

В первом случае производители были вынуждены голодать из-за неестественной реституции, когда относительные прибыли и убытки отдельных лиц уравнивали друг друга. Здесь производители на некоторое время обогащаются за счет увеличения прибыли по сравнению с потерями, которые несет нация, не удовлетворяя весь спрос. Это является результатом конкуренции их покупателей; но как только эти прибыли *объединятся* с внутренней стоимостью, они перестанут пользоваться преимуществом прибыли и, став в некотором смысле необходимыми для существования товара, перестанут считаться выгодными. Таким образом, эти принудительные компенсации, вызванные, как мы уже говорили, продажей товаров ниже их стоимости, сокращением части спроса или отправкой его на другой рынок, напоминают работу носильщика, который уравнивает ношу своего осла, кладя камень на самый легкий ее конец. Он, однако, не теряет ничего из своего товара; но абсурдность государственного деятеля еще больше, поскольку он, по-видимому, охотно открывает тяжелую часть груза и выбрасывает часть своего товара на дорогу.

Надеюсь, к этому времени я достаточно продемонстрировал разницу в действии между *простой* и *двойной* конкуренцией; между *колебаниями* этого баланса работы и спроса и его *переворотом*. Когда она вибрирует умеренно, с короткими попеременными подъемами и опусканиями, тогда промышленность и торговля процветают и находятся в гармонии друг с другом; потому что выигрывают обе стороны. Трудолюбивый человек получает вознаграждение пропорционально своей изобретательности; внутренняя стоимость товаров не меняется и не обманывает торговца; прибыли с обеих сторон колеблются в зависимости от спроса, но никогда не успевают закрепиться и увеличить реальную стоимость, и никогда полностью не исчезают, моря рабочего голодом.

Это счастливое состояние может поддерживаться только заботой государственного деятеля; и когда он оказывается небрежным при исполнении этой части своих обязанностей, следствием этого является то, что либо угасает дух трудолюбия, культивирование которого, как предполагается, стоило ему больших усилий, либо его продукция приобретает такую высокую стоимость, что становится недоступной для множества покупателей.

Продвижение к той или иной из этих крайностей легко заметить, обратив внимание на последовательные переворачивания чаши весов. Когда они часто повторяются с одной и той же стороны и баланс восстанавливается только последовательностью принудительных восстановлений, когда та же чаша весов перевешивает новую, тогда последний период быстро завершается. Когда, напротив, перевороты чередуются, иногда масштаб спроса переворачивает баланс, иногда масштаб работы, последний период является более отдаленным. Торговля и промышленность существуют дольше, но они остаются в состоянии постоянных конвульсий. С другой стороны, когда баланс слегка колеблется, тогда труд и спрос,

то есть торговля и промышленность, подобно сельскому хозяйству и населению, оказываются взаимопомощниками друг другу, способствующими их взаимному увеличению.

Следовательно, чтобы уберечь состояние торговли от упадка, необходимо проявлять величайшую осторожность, поддерживая идеальный баланс между рабочими руками и спросом на их труд. То есть, согласно предыдущим определениям, препятствовать тому, чтобы спрос когда-либо надолго оставался на чрезмерно высоком уровне, постоянно обеспечивая предложение, достаточное для удовлетворения самого большого из когда-либо возможных запросов; или, другими словами, все же, чтобы приучить моих читателей к определенным выражениям, поощрять *большой* и препятствовать *высокому* спросу. В этом случае конкуренция никогда не будет слишком сильной ни с одной из сторон контракта, а прибыль будет умеренной, но надежной для обеих.

Если, напротив, будет найдено слишком много рабочих рук для удовлетворения спроса, количество работы упадет настолько, что рабочие не смогут прокормиться; или, если их будет слишком мало, количество работы возрастет, и товары не будут экспортироваться.

Из-за отсутствия такого справедливого баланса ни одно торговое государство никогда не просуществовало долго после достижения определенной высоты процветания. Мы видим в истории взлет, прогресс, величие и упадок Сидона, Тира, Карфагена, Александрии и Венеции не для того, чтобы приблизиться к дому. Пока эти государства находились на подъеме, они были могущественны; достигнув своего расцвета, они сразу же обнаружили, что работают под влиянием собственного величия. Причина этого явствует из того, что было сказано.

Несмотря на то, что в любой стране существует спрос на торговлю, число жителей всегда растет. Это очевидно из того, что так часто повторялось в первой книге, и подтверждается тысячами примеров. Ни в одном королевстве, провинции, городе или даже деревне никогда не развивалась какая-либо отрасль торговли; но население такого королевства, провинции и т. Д. Увеличивалось. Пока это постепенное увеличение числа людей пропорционально растущему спросу на рабочие руки, баланс между работой и спросом точно сохраняется; но поскольку все увеличения должны в конце концов прекратиться, когда это произойдет, должны возникнуть неудобства, большие или меньшие, в зависимости от небрежности государственного деятеля и силы или внезапности революции.

ГЛАВА XI.

Почему со временем это Равновесие нарушается.

Теперь давайте рассмотрим, что может быть причиной того, что в торговой и трудолюбивой стране время неизбежно нарушает идеальный баланс между работой и спросом.

Мы уже указали на одну общую причину, а именно на естественную остановку, которая должна быть, наконец, положена всякого рода дополнениям.

Давайте теперь применим это к обстоятельствам, чтобы выяснить, каким образом естественные причины вызывают эту остановку, препятствуя либо увеличению объема работы, с одной стороны, либо увеличению спроса, с другой. Когда мы однажды обнаружим, как прекращается

увеличение, мы можем с уверенностью заключить, что продолжение действия тех же или сходных причин вскоре приведет к уменьшению и вызовет спад.

Мы проследили прогресс промышленности и показали, как он идет рука об руку с увеличением средств к существованию, что является главным стимулом к труду. Увеличение запасов продовольствия зависит от состояния почвы, и до тех пор, пока это может быть доведено до производства с затратами, пропорциональными величине отдачи, сельское хозяйство, без всякого сомнения, будет развиваться в каждой промышленной стране. Но как только прогресс сельского хозяйства требует дополнительных расходов, которые естественная отдача при установленных ценах на пропитание не может покрыть, сельское хозяйство останавливается, и так было бы со многими, если бы последствия развития промышленности не подталкивали их вперед, несмотря на небольшие трудности. Таким образом, я говорю, что трудолюбивые продолжают размножаться, и следствием этого является то, что пищи становится не хватать и что жители вступают в конкуренцию за нее.

Это не случайное следствие, а безошибочное; потому что пища - это предмет первой необходимости, и здесь предполагается, что запасы не соответствуют спросу. Это увеличивает прибыли тех, у кого есть продовольствие, готовое к продаже; и поскольку баланс по этой статье должен оставаться неизменным в течение некоторого времени без вмешательства государственного деятеля, эти прибыли будут объединены с ценой и послужат стимулом для более дорогостоящего улучшения почвы. Здесь я прерву рассмотрение последствий этой революции для сельского хозяйства, пока не рассмотрю воздействие, которое повышение цен на продовольствие производит на промышленность и на спрос на нее.

Это увеличение стоимости средств к существованию неизбежно должно повысить цену всего труда, потому что мы здесь говорим о трудолюбивых людях, полностью занятых, и потому что, как было сказано, средства к существованию являются одной из трех статей, составляющих внутреннюю ценность их труда.

Следовательно, повышение цены труда, не являясь каким-либо увеличением той части цены, которую мы называем прибылью, как это бывает в случае, когда повышение спроса вызвало конкуренцию среди покупателей, не может быть снижено иначе, как за счет увеличения предложения средств к существованию; и если бы государственный деятель ошибочно истолковал действительную причину повышения и применил средство увеличения количества работы, чтобы обрушить рынок, вместо увеличения средств к существованию, он вызвал бы большой беспорядок; он ввел бы вредную простую конкуренцию между людьми, которые работают за умеренную прибыль, упомянутую в последнюю главу и нанесла бы такой удар по их трудолюбию, что быстро погасила бы его совсем.

С другой стороны, если бы он неосмотрительно увеличил средства к существованию за счет крупного импорта, он положил бы конец дорогостоящим улучшениям почвы, и все это предприятие пошло бы насмарку. Таким образом, перед ним стоит дилемма, выбраться из которой он может только правильным использованием государственных денег.

Такое необходимое повышение цен на рабочую силу может либо повлиять на зарубежный экспорт, либо нет, в зависимости от обстоятельств. Если это произойдет, то прожиточные цены, во всяком случае, должны быть снижены, по крайней мере, для тех, кто удовлетворяет иностранный спрос; если это не повлияет на зарубежный экспорт, можно оставить все как есть;

но все же средство должно быть наготове, чтобы его можно было применить в тот момент, когда это станет целесообразным.

Существует одно необходимое повышение цен в промышленности, вызванное вполне естественной причиной, а именно. увеличение численности населения, которое может подразумевать более дорогостоящее улучшение почвы, то есть расширение сельского хозяйства. Это увеличение, весьма вероятно, может положить конец увеличению спроса на многие отрасли промышленности, следовательно, может остановить прогресс промышленности; и если те же причины будут продолжать действовать в большей степени, это может также сократить часть прежнего спроса, может дискредитировать рынок, открыть дверь для иностранного потребления и вызвать неудобства бедности и нищеты пропорционально степени небрежности государственного деятеля.

Теперь я приведу другой пример вполне естественного увеличения внутренней ценности труда, которое происходит не из увеличения численности населения, а из прогресса самой промышленности; которое не предполагает наличия внутренних пороков в государстве, но является необходимым следствием реформирования очень крупного государства. Это увеличение должно ощущаться в меньшей или большей степени в каждой стране по мере расширения промышленности.

Мы говорили, что внедрение мануфактур естественным образом ведет к очищению земель от лишних ртов: сейчас это очень медленный и постепенный процесс. Следствием этого, как было сказано, было (Книга I. Глава xx) увеличение цены труда, поскольку те, кто был изгнан, должны начать получать все средства к существованию за счет тех, кто их нанимает.

Следовательно, если в период зарождения промышленности какой-либо ее отрасли в определенной провинции будет оказываться помощь дешевым трудом тех ртов, которые излишне питаются землей, примеры чего очень часты, это преимущество должно уменьшаться по мере того, как устраняется причина этого; то есть по мере расширения промышленности и, как следствие, удаления лишних ртов.

Это обстоятельство имеет последнее значение, на которое должен обратить внимание государственный деятель. Возможно, именно благодаря ему промышленность смогла утвердиться в этом уголке. Сколько примеров я мог бы привести об этой помощи, оказываемой мануфактурам в различных провинциях, где я обнаружил, что стоимость рабочего дня, например, прядения, не равна половине пропитания человека. Это является большим стимулом для производства тканей; и соответственно мы видим, что некоторые начинающие мануфактуры оспаривают рынок с помощью продукции самого высокого качества; прялки оспаривают цены с помощью колеса. Но когда эти провинции очищаются от лишних ртов, прядение становится ремеслом, и прядильщикам приходится жить за счет этого. Разве тогда цены не должны естественным образом расти? И если они не будут поддержаны государственными деятелями, или если этим бедным производителям не будет оказана помощь, позволяющая им повысить свою ловкость, чтобы компенсировать то, что они теряют в дешевизне, не рухнет ли их промышленность? Разве бедные прядильщики не исчезнут с лица земли? Ибо не следует ожидать, что домовладелец получит их обратно из принципа благотворительности после того, как он обнаружит их прежнюю полезность [uselessness](#).

Третьей причиной необходимого увеличения внутренней стоимости товаров являются налоги. Государственный деятель, должно быть, действительно очень небрежен, если он не заботится о непосредственных последствиях своих собственных надлежащих действий. Я не буду сейчас распространяться на эту тему, поскольку это было бы ненужным предвосхищением; но я вернусь, чтобы возобновить ту часть моих рассуждений, которую я внезапно прервал.

Я наблюдал, как та же причина, которая останавливает прогресс промышленности, поощряет сельское хозяйство: как повышение цен на средства существования неизбежно увеличивает цену труда для трудолюбивых и хорошо занятых людей; как это сокращает часть спроса на труд или направляет его на внешний рынок.

Итак, все эти следствия совершенно справедливы, и все же они кажутся противоречащими другой части моих рассуждений (книга I. Глава xvi), где я излагаю преимущества расточительного потребления продуктов земли как выгодного для сельского хозяйства за счет повышения цен на средства к существованию, не обращая внимания, с другой стороны, на ущерб, наносимый этим промышленности, которая поддерживает потребление этих продуктов.

Та и другая цепь последствий одинаково справедливы, и они кажутся противоречивыми только при предположении, что у руля нет государственного деятеля. Эти противоречия представляют собой попеременное нарушение равновесия. Долг государственного деятеля состоит в том, чтобы повсюду поддерживать двойную конкуренцию и допускать только мягкие попеременные колебания двух весов.

Когда прогресс промышленности привел к увеличению численности населения и ограничению средств к существованию, он должен оценить, до какой высоты целесообразно повысить цену средств к существованию. Если он обнаружит, что для поощрения освоения новых земель цена на них должна подняться слишком высоко и оставаться высокой слишком долго, чтобы сохранить внутреннюю стоимость товаров на том же уровне, что и раньше; тогда он должен помочь сельскому хозяйству своим кошельком, чтобы не препятствовать экспорту. Это приведет к увеличению прожиточного минимума в соответствии с истинной пропорцией требуемого увеличения, не поднимая его цену слишком высоко. И если эта операция требует времени, а потребность в приумножении является настоятельной, он должен иметь средства к существованию, импортированные или привезенные из-за границы, в течение этого промежутка времени. Этот запас он может перекрыть, когда ему заблагорассудится, то есть когда в нем перестанет быть необходимость.

Если поставки поступают из братской страны, они должны осуществляться таким образом, чтобы не вызвать насильственной революции, когда их придется прервать по-новому. Как, например, одна провинция требует от другой поставок зерна, но только на несколько лет, пока их собственная почва не улучшится, чтобы обеспечить их в достаточном количестве. Государственный деятель, без сомнения, должен поощрять сельское хозяйство в области обеспечения провинции и сообщать фермерам о масштабах спроса и о том, сколько времени это, вероятно, может продлиться, как можно ближе; но он должен препятствовать выкапыванию виноградников и даже, возможно, уничтожению большого количества старых пастбищ; потому что после прекращения спроса такие изменения в сельском хозяйстве в области обеспечения провинции могут вызвать пагубную революцию.

Пока разрешен приток этих иностранных поставок, государственный деятель должен быть вплотную занят оказанием такого поощрения сельскому хозяйству внутри страны в соответствии с принципами, которые будут выведены ниже, которые могут почти уравновесить разочарование, вызванное этим недавно разрешенным импортом. Если пренебречь этим шагом, следствием может быть то, что иностранные поставки будут продолжать увеличиваться с каждым годом и приведут к упадку сельское хозяйство, уже налаженное в стране, вместо того, чтобы удовлетворять временные потребности, которые в силах обеспечить сама страна. Таковы, я полагаю, были принципы, на которые обратило внимание правительство Англии, открывая свои порты для ввоза провизии из Ирландии.

Следовательно, принцип состоит в том, чтобы поддерживать умеренное увеличение количества продовольствия, жителей, работы и спроса, и государственный деятель должен терпеть небольшие колебания весов, которые в результате попеременного соперничества могут благоприятствовать обеим сторонам контракта; но всякий раз, когда соперничество затягивается с обеих сторон и угрожает нарушением баланса, тогда он должен искусной рукой стараться взвалить на более легкие весы и никогда, кроме случаев величайшей необходимости, не прибегать к уловке снятия чего-либо с самых тяжелых.

Рассматривая нынешнее состояние Франции, в процитированной выше главе мы наблюдали, как колебания баланса сельского хозяйства и населения могут привести к росту производства продовольствия и численности населения; но поскольку внешняя торговля не была там непосредственным объектом исследования, я не стал приводить этот второй баланс труда и спроса, опасаясь запутать мою тему. Я надеюсь, что теперь я в полной мере продемонстрировал силу различных принципов, и это должно зависеть от суждения государственного деятеля объединить их вместе и приспособить к своему плану: вещь, которую невозможно даже перечислить любому человеку, который непосредственно не стоит во главе дел нации. Моя работа напоминает формирование чистых цветов для живописи, дело художника - смешивать их: все, на что я могу претендовать, - это рассуждать последовательно, исходя из предположений. Если я зайду в какой-то момент дальше, я превыслю свой план и признаю свою вину.

Теперь я завершу свою главу введением нового предмета. Я приложил немало усилий, чтобы показать, как продолжающееся пренебрежение государственного деятеля к наблюдению за колебаниями баланса труда и спроса естественным образом приводит к его полному нарушению; но этого само по себе недостаточно, чтобы уничтожить трудолюбивый народ. Другие нации должны быть научены извлекать выгоду из беспорядка; и это то, что я называю соперничеством между нациями.

ГЛАВА XII.

О соперничестве между нациями.

Человечество ежедневно извлекает пользу из опыта и приобретает знания за свой счет.

Мы говорили, что то, что закладывает основу внешней торговли, - это легкость и удобство, которые иностранцы находят в удовлетворении своих потребностей теми, кто поставил промышленность на ноги. Естественным следствием этого внешнего спроса является приток

богатства и содействие приумножению любого рода. Пока это продолжается, другие нации не смогут соперничать с торговцами, потому что их положение с каждым днем становится все лучше: растёт ловкость, снижается цена труда; короче говоря, все обстоятельства становятся более благоприятными; чаша весов никогда не колеблется, кроме как из-за того, что одна из чаш весов становится положительно тяжелее, и это постоянно происходит, даже из-за увеличения веса на другой стороне. Мы видели, что эти революции никогда не смогут повысить внутреннюю ценность товаров, и заметили, что это путь к величию.

Чем медленнее путешествует человек, тем дольше он приближается к концу своего путешествия; и когда его здоровье требует путешествия и он не может уезжать далеко от дома, он выезжает утром и возвращается домой к обеду.

Это представляет собой другой вид вибрации баланса, и когда ситуация доходит до такой степени, что сделать череду увеличений невозможной, следующий наилучший способ - разрешить чередование уменьшающихся и увеличивающихся вибраций.

Работа, я полагаю, увеличивается, и больше спроса быть не может; тогда может оказаться хорошим средством сократить количество рабочих рук, сделав из них солдат; используя их на общественных работах; или отправив их из страны, чтобы они стали полезными в ее колониях. Эти операции придают относительный вес шкале спроса и возрождают конкуренцию с этой стороны. Затем трудолюбивые руки должны быть слегка усилены, а весы должны оставаться в вибрации как можно дольше. С помощью этих попеременных увеличений и уменьшений можно предотвратить пагубные революции и нарушение баланса. Это прием для того, чтобы стоять на месте без вреда для себя, когда человек не может двигаться вперед с пользой.

Если следовать такому плану, трудолюбивая нация будет продолжать извлекать наименьшую выгоду из революций в других странах, вызванных нарушением *их* равновесия; что может предоставить возможность новых колебаний путем альтернативного усиления.

В таких случаях обнаруживаются способности государственного деятеля в руководстве и проведении того, что я называю деликатностью национального соревнования. Затем мы увидим, как он подражает морякам, которые не убирают паруса, когда ветер стихает, но держат их убранными и готовыми воспользоваться малейшим дуновением благоприятного шторма. Позвольте мне продолжить мое сравнение. Торговые нации Европы представляют собой флотилию кораблей, каждый из которых борется за то, чтобы первым добраться до определенного порта. Государственный деятель каждой из них является хозяином. Один и тот же ветер дует на всех; и этот ветер - принцип личной заинтересованности, который побуждает каждого потребителя искать самый дешевый и лучший рынок сбыта. Ни один пассат не может быть более распространенным или более постоянным, чем этот; естественные преимущества каждой страны отражают степень совершенства каждого судна; но капитан, который ведет свой корабль с наибольшей ловкостью, и тот, кто может поставить своих соперников под подветренную сторону своих парусов, *при прочих равных условиях*, несомненно, опередит их и сохранит свое преимущество.

В то время как торговую нацию, получившую установленное преимущество над своими конкурентами, можно удержать от упадка, любой другой стране будет очень трудно, если не невозможно, вступить с ней в конкуренцию: но когда баланс начинает колебаться из-за чередующихся сокращений; когда уменьшение спроса приводит к перебоям в предложении;

когда его снова поддерживают на низком уровне, чтобы усилить конкуренцию потребителей; и когда вместо восстановления баланса путем мягкого увеличения, люди, движимые соблазнами высоких прибылей, препятствуют любым попыткам обрушить рынок; тогда рынок будет разрушен. посредники иностранного соперничества справедливо сократят избыточный спрос; простая конкуренция прекратится; цены упадут, и возвращение тех же обстоятельств подготовит почву для нового колебания вниз.

Подобные операции - это как раз то, что необходимо для облегчения конкуренции соперничающих наций; и единственное возможное средство привлечь тех, кто раньше не работал, начать самим обеспечивать себя.

Если бы дела обстояли таким образом, зло можно было бы вынести; чужаки удовлетворяли бы только избыточный спрос, и баланс все равно был бы достигнут в виде некоего равновесия дома. Но, увы! даже это счастливое состояние может длиться недолго. Начало торговли с пришельцами окажется столь же благоприятным для колебания их баланса, благодаря увеличению, как это было раньше для местных торговцев; и теперь каждое увеличение для них должно означать уменьшение для других. Что тогда станет с теми рабочими в торговой стране, которые существуют только за счет поставок на внешний рынок? Не произведет ли эта революция того же эффекта, что и для них, как если бы для обеспечения того же потребления было задействовано дополнительное количество рук? И не нарушит ли это полностью баланс среди трейдеров, вызвав непреодолимую конкуренцию со стороны поставщиков? Это, однако, вызовет эффект, отличный от того, который мог бы произойти, если бы в торговую нацию было брошено такое же количество рабочих рук; ибо в этом случае они могли бы только уничтожить совокупную прибыль от труда и, возможно, восстановить равновесие: неудобства в равной степени ощутил бы каждый рабочий, но прибыль принесла бы обществу. Но в другом случае старые торговцы не найдут сбыта для своей работы за границей; эти отрасли промышленности упадут ниже прожиточного минимума, и новички будут иметь *разумные* прибыли, удовлетворяя свои собственные потребности. Я говорю *разумно*, потому что этот переход торговли от одной нации к другой никогда не может быть внезапным или легким; и может происходить только пропорционально повышению внутренней стоимости товаров в тех странах, которые находятся в упадке, а не пропорционально увеличению прибыли от их продажи: ибо до тех пор, пока самые непомерные прибыли не объединятся, как мы уже говорили, со стоимостью производства, уменьшение конкуренции между потребителями, которое может быть вызвано началом иностранной промышленности, быстро приведет к их исчезновению; и это окажется серьезным препятствием. смертельный удар по первым начинаниям соперничающих наций. Но когда однажды они настолько консолидируются, что цены больше не могут снижаться сами по себе и что государственный деятель не протянет руку помощи, тогда новички набираются смелости и начинают с небольшой прибыли: потому что во всех новых начинаниях есть неправильное управление и значительные убытки; и ничто так не обескураживает человечество от новых начинаний, как трудные начинания.

Следовательно, до тех пор, пока состояние торговли находится на подъеме или даже не на спаде, и пока равновесие поддерживается правильным без использования метода попеременного уменьшения, работа всегда будет поставляться из этого квартала дешевле, чем она, возможно, может быть предоставлена из любого другого, где не преобладает такая же ловкость. Но когда нация начинает сдавать позиции, тогда те самые колонны, которые поддерживали ее величие, начинают своим весом ускорять ее упадок. Богатство ее граждан

поддержит и увеличит спрос на жилье и поощрит ту слепую страсть к высокой прибыли, которую невозможно сохранить. В тот момент, когда они консолидируются до определенной степени, они приводят к вытеснению с рынка спроса посторонних людей, которые могут только обогатить ее. Тщетно ожидать их возвращения после того, как нация обнаружит свою ошибку, хотя она должна быть в состоянии исправить ее; потому что, прежде чем это произойдет, ее соперники воспользуются прекрасной возможностью и во время увлечения торговцев, даже с их помощью, преодолеют мучительную борьбу с их превосходящей ловкостью.

Таким образом, случается, что как только дела в торговой стране начинают идти вспять и что по мере увеличения их богатства роскошь и расточительность вытесняют экономию и бережливость среди трудолюбивых; когда сами жители по глупости вступают в конкуренцию с иностранцами за свои собственные товары; и когда государственный деятель хладнокровно взирает на происходящее, скрестив руки на груди, или вбивает себе в голову, что вмешиваться - не его дело, цены ловкого рабочего поднимутся выше, чем цена бесхозяйственности [mismanagement](#), потери и разумная прибыль новых новичков; и когда это произойдет, торговля придет в упадок там, где она процветала больше всего, и пустит корни на новой почве. Я называю это соревнованием между нациями.

ГЛАВА. XIII.

Насколько форма правления конкретной страны может быть благоприятной или неблагоприятной для конкуренции с другими странами в вопросах торговли.

Стоящий перед нами вопрос, хотя и относится к другой науке, не совсем чужд этой. Я привожу его в этом месте не столько ради связи, сколько в качестве отступления, которое в то же время, поскольку оно имеет отношение к общим принципам, может также послужить расслаблением для ума после столь длинной цепочки последовательных рассуждений.

Излагая, я сообщил своим читателям, что намеревался рассматривать только политическую экономику свободных наций; и каждый раз, когда я упоминал рабство, я указывал, насколько его природа противоречит развитию частной промышленности, неотъемлемому спутнику внешней и внутренней торговли.

Ни один термин не является менее понятным, чем *свобода*, и в мои намерения в настоящее время не входит углубляться в конкретное исследование всех различных значений этого термина.

Под свободой людей я понимаю не что иное, как то, что они управляются общими законами, хорошо известными, не зависящими от волеизъявления какого-либо человека или какой-либо группы людей и установленными так, чтобы их нельзя было изменять, но регулярным и единообразным образом; по причинам, которые касаются тела общества, а не в силу благосклонности или предубеждения к конкретным лицам или определенным классам. В той мере, в какой право отменять, ограничивать или расширять действие общих законов остается в руках любого губернатора, я рассматриваю общественную свободу как ненадежную. Я не

говоря, что это причиняет вред; это будет зависеть от использования таких прерогатив. Согласно этому определению свободы, можно обнаружить, что люди пользуются свободой при самых деспотических формах правления; и сама по себе постоянная служба, когда власть господина ограничена в соответствии с естественным равенством, не является полностью несовместимой со свободой слуги.

Здесь появляются новые идеи относительно общих принципов *подчинения* и *зависимости* человечества; прежде чем продолжить, я изложу их моему читателю, предоставив их справедливость его решению.

Поскольку оба эти термина относительно, уместно заметить, что под *подчинением* подразумевается власть, которую вышестоящие имеют над нижестоящими; а под *зависимостью* подразумеваются определенные преимущества, которые нижестоящие извлекают из своего подчинения: слуга находится в *подчинении* своему хозяину и *зависит* от него в плане своего существования.

Зависимость - единственная связь общества; и я заметил в четвертой главе первой книги, что пищевая зависимость одного человека от другого является очень естественным введением к рабству. Это было первое изобретение, к которому прибегло человечество, чтобы стать полезными друг другу.

Следующим шагом, сделанным после отмены рабства, исходя из принципа христианства, было установление чрезвычайного подчинения между различными классами народа; это был принцип феодального правления.

Последним усовершенствованием и тем, что привело к распространению свободы на низшие слои населения, не уничтожая той зависимости, которая необходима для того, чтобы служить ячейкой общества, было внедрение промышленности: под этим подразумевается распространение адекватного эквивалента за каждую услугу, который обеспечивает богатым все преимущества, которые они могли ожидать получить либо от рабства, либо от зависимости бедных; и к ним, опять же, все удобства, которыми они могли бы желать наслаждаться при самом мягком рабстве или самом мягком подчинении.

Исходя из этого изложения, я делю зависимость на три вида. Первый естественный, между родителями и детьми; второй политический, между хозяевами и слугами, лордами и вассалами, принцами и подданными; третий коммерческий, между богатыми и трудолюбивыми.

Позволено ли мне на несколько строк выйти за рамки моей темы и так глубоко погрузиться в принципы закона природы, что задать вопрос, насколько тем самым разрешено подчинение между людьми? Я думаю, что могу решить, *что в той мере, в какой подчинение пропорционально зависимости, в той мере это разумно и справедливо*. Это представляет собой равномерный баланс. Если шкала подчинения оказывается слишком тяжелой, возникает тирания и подразумевается распушенность по мере того, как она поднимается выше этого уровня. Из этого позвольте мне сделать некоторые выводы.

1^{мо}. Тот, кто зависел от другого в сохранении справедливо утраченной жизни и всегда находился во власти того, кто пощадил ее, по гражданскому закону назывался рабом. Это, безусловно, высшая степень зависимости.

2до. Тот, кто зависит от другого во всем, что необходимо для его существования, по-видимому, находится во второй степени; это зависимость детей от своих родителей.

3тио. Тот, кто зависит от другого в том, что касается средств к существованию для себя собственным трудом, стоит на третьей ступени: я полагаю, так обстояли дела между феодалами и низшими классами их вассалов, земледельцами.

4то. Тот, кто полностью зависит от продажи продукции своего собственного производства, находится в четвертой степени: это касается торговцев и фабрикантов по отношению к тем, кто их нанимает.

Я полагаю, что это различные степени подчинения между человеком и личностью, рассматриваемыми как члены одного общества.

Следовательно, по мере того, как определенные классы или отдельные индивиды становятся более зависимыми, чем раньше, в той же пропорции должно увеличиваться их справедливое подчинение; и по мере того, как они становятся менее зависимыми, чем раньше, в той же пропорции должно уменьшаться это справедливое подчинение. Это кажется рациональным принципом: далее следует заявка.

Я вывожу происхождение великого подчинения при феодальном правлении из необходимой зависимости низших классов в плане их существования. Они потребляли продукты земли как цену своего подчинения, а не как награду за трудолюбие, направленное на то, чтобы производить эти продукты.

Я вывожу современную свободу из независимости тех же классов посредством внедрения промышленности и обращения адекватного эквивалента для каждой услуги.

Если применить эту доктрину для решения знаменитого вопроса, который так часто обсуждается, о происхождении высшей власти, поскольку это вопрос закона природы, я не нахожу решение таким уж трудным: *всякий авторитет пропорционален зависимости и должен меняться в зависимости от обстоятельств.*

Я думаю, что столь же рационально сказать, что отцовская власть изначально проистекала из действий детей, как и сказать, что огромное количество людей, которых кормили и защищали несколько великих лордов, было источником власти и создателем подчинения. Те, у кого нет другого эквивалента, который можно было бы дать за их пропитание и защиту, должны платить личным служением, уважением и покорностью; и как только они оказываются в ситуации платить надлежащий эквивалент за эти зависимости, в той мере, в какой они приобретают право на свободу и независимость. Следовательно, феодалы, которые, по понятным причинам, имели полную власть над многими своими вассалами, были подчинены своему королю; узурпация была на *их* правах, а не на правах низших классов: но когда пришел король, чтобы распространить власть, которую он имел над вассалами лордов, на жителей городов, которые были независимы от этого подчинения, его узурпация стала очевидной.

Следовательно, права королей следует искать в истории, а не основывать на предположении о молчаливых договорах между ними и их народом, выводимых из принципов воображаемого закона природы, *который делает все человечество равным*: природа никогда не может противоречить здравому смыслу.

Общий принцип, который я изложил, представляется, по моему скромному мнению, более рациональным, чем этот воображаемый контракт, и в полной мере соответствует духу свободного правления. Если первоначальный молчаливый договор о правлении между монархом и народом признается повсеместно, тогда все правительства должны быть одинаковыми; и всякое подчинение, которое кажется противоречащим всей свободе и независимости низших классов, должно быть истолковано как тираническое: тогда как, согласно моему принципу, подчинение классов может в разных странах быть совершенно разным; прерогатива одного суверена может при различных обстоятельствах быть гораздо более расширенной, чем у другого.

Разве не мог кто-то достичь суверенитета (я полагаю, путем свободных выборов народа) из-за огромных размеров своих владений, количества своих вассалов и иждивенцев, количества богатств, союзов и связей с соседними суверенами? Разве, например, такой человек, как Гуго Капет, величайший феодал своего времени, не имел права на гораздо более обширную юрисдикцию над своими подданными, чем мог разумно стремиться король Польши, присланный из Франции или Германии и поставленный во главе республики, где от него ни в чем не зависит ни один человек?

Таким образом, власть князей как *принцев* следует отличать от власти, которую они получают в результате других обстоятельств, которые не обязательно являются следствием их восхождения на трон. Я думаю, было бы величайшим абсурдом утверждать, что титул короля сам по себе отменяет подчинение лицу, занимающему должность этой высшей магистратуры.

Фактический факт, который сильнее любых рассуждений, демонстрирует силу изложенного здесь принципа. Разве мы не видим, как субординация поднимается и опускается при разных правлениях, при богатой Елизавете и требовательном Карле, при могущественном австрийце и расстроенном баварском императоре? Я не продолжаю рассматривать этот вопрос: возможно, мой читатель решил, что я и так зашел слишком далеко.

Из этих принципов можно вывести границы подчинения. Народ, существование которого не зависит ни от чего, кроме собственной промышленности, не должен находиться в большем подчинении, чем то, что необходимо для его защиты. И поскольку защита всего такого народа подразумевает защиту каждого отдельного человека, то и всякое политическое подчинение должно быть всеобщим и равным: ни один человек, ни один класс не должен находиться в большем подчинении, чем другой. Это подчинение законов; и всякий раз, когда законы устанавливают подчинение большее, чем то, которое пропорционально зависимости тех, кто находится в подчинении, в той мере, в какой такие законы могут рассматриваться как противоречащие естественному равенству и произвольные.

Исходя из всего этого, я подхожу к предложенному вопросу, а именно: насколько конкретные формы правления благоприятны или неблагоприятны для конкуренции с другими нациями в области торговли?

Если мы будем рассуждать на основе фактов и опыта, то обнаружим, что торговля и промышленность в основном процветали при республиканской форме правления и при тех, которые были наиболее близки к ней. Да будет мне позволено сказать, что, возможно, одной из главных причин этого было то, что при этих формах исполнение законов было наиболее единообразным, и, следовательно, там *фактически* пользовались наибольшей свободой: Я

говорю на самом деле, потому что я уже говорил выше, что в моем понимании этого термина свобода в равной степени совместима как с монархией, так и с демократией; я не говорю, что пользование ею одинаково безопасно в обоих случаях; потому что в первом случае она гораздо более подвержена разрушению.

Жизнь демократической системы - это равенство. Монархия передает идею максимально возможного неравенства. Итак, если, с одной стороны, равенство демократии обеспечивает свободу; с другой, умеренность в расходах препятствует трудолюбию; и если, с одной стороны, неравенство монархии угрожает свободе, то прогресс роскоши поощряет трудолюбие, с другой стороны. Отсюда мы можем заключить, что демократическая система, естественно, является наилучшей для того, чтобы зародить внешнюю торговлю; монархическая - для утончения предметов роскоши и для содействия быстрому развитию внутренней торговли.

Опасность, которой подвергается свобода при монархии, и препятствие развитию промышленности из-за бережливости демократии являются лишь естественными и непосредственными последствиями двух форм правления; и эти неудобства будут иметь место только до тех пор, пока государственные деятели пренебрегают интересами торговли, поскольку не делают ее объектом управления.

Таким образом, невыгодность монархической формы с точки зрения торговли и промышленности проистекает не из неравенства, которое она устанавливает среди граждан, а из следствий этого неравенства, которое очень часто сопровождается произвольным и неопределенным подчинением между индивидами высших классов и индивидами низших; или между теми, кто наделен полномочиями по исполнению законов, и основной массой народа. В тот момент, когда обнаруживается, что любое подчинение внутри монархии, между подданным и подданными, не имеет установленных надлежащих границ, свободе приходит конец. Более того, тем самым страдает сама монархия, поскольку это неопределенное подчинение подразумевает произвольную власть в государстве, не принадлежащую монарху. *Произвольная* власть никогда не может быть делегирована; ибо, если она *произвольная*, она может быть обращена как против монарха, так и против подданного.

Поэтому я мог бы сказать, что когда такая власть у отдельных лиц конституционна в монархии, такая монархия является не правительством, а тиранией и, следовательно, выходит за пределы нашего субъекта; а когда такая власть антиконституционна и, тем не менее, осуществляется, то это злоупотребление, и его следует игнорировать. Но поскольку план этого исследования обязывает меня исследовать действия общих принципов и следствия, которые они вызывают, я не могу не указать в этом месте на те, которые вытекают из неопределенного подчинения, от какой бы причины оно ни исходило.

Независимо от того, является ли это неопределенное подчинение между индивидами пороком в структуре правительства или *злоупотреблением*, это то же самое, что и последствия, которые из этого вытекают. Именно это сдерживает и разрушает промышленность и в значительной степени препятствует ее равному прогрессу во всех странах. Это различие в форме или управлении правительствами - единственное, которое по существу необходимо исследовать в этом исследовании; и, по моему мнению, оно настолько существенно, что я полагаю, что было бы менее вредно в плане установления торговли справедливо и немедленно поработить низшие классы населения и сделать их пригодными для продажи, как другие товары, чем оставить их номинально свободными, обремененными собственным содержанием, ответственными за

образование своих детей и в то же время находящимися в неправильном подчинении; то есть, способными в любой момент подвергнуться насилию. обремененные новыми должностями или наложениями, как на работе, так и иным образом, и подлежащие штрафу или тюремному заключению по желанию своего начальства.

Не имеет значения, осуществляются ли эти нарушения представителями высших классов или государственным деятелем и его заместителями. Именно нерегулярность поборов, а не их масштабы разрушают промышленность. Это делает жизнь ненадежной, и сама идея промышленности должна нести с собой не только гарантированные средства к существованию, но и сверх того определенную прибыль.

Пусть обложения будут очень высокими, при условии, что они будут пропорциональными, всеобщими, постепенно увеличивающимися и постоянными, они действительно могут привести к прекращению внешней торговли и уморению голодом праздных, но они никогда не разорят трудолюбивых, как мы еще будем иметь случай показать при рассмотрении налогообложения. Принимая во внимание, что, когда они произвольны, обрушиваются неодинаково на людей одного и того же состояния, внезапны и часто меняют свой объект, промышленность не может стоять на своем. Такая система экономики вводит неравную конкуренцию между представителями одного и того же класса, она останавливает трудолюбивых людей на середине их карьеры, препятствует другим демонстрировать обществу *легкость своего положения*, следовательно, поощряет накопительство; это снова возбуждает алчность со стороны государственного деятеля, который видит себя несостоятельным в своих планах завладения частным богатством.

Из этого вытекает ряд новых неудобств. Он обращает свои взгляды на солидную собственность. Это внушает землевладельцам *негодование* против *него* который может загружать *их* по своему желанию; и *зависть к денежным интересам*, которые могут помешать его попыткам. Этот класс, опять же, постоянно пытается нажиться на общественном бедствии из-за нехватки денег. Каковы последствия всего этого? Она заключается в том, что низшие классы людей, которые должны своим трудом обогащать государство, обнаруживают, с одной стороны, что денежные проценты постоянно накапливаются, чтобы давать займы государству, вместо того чтобы распределять между *ними* посредством временных займов свой избыточный доход с целью распределения разумной прибыли от их изобретательности; а с другой стороны, они обнаруживают, что эmissары налогообложения отнимают у них семена до того, как они посеяны, вместо того, чтобы ждать доли в урожае.

При феодальной форме правления свобода и независимость принадлежали только знати. Рождение открывало двери привилегий для одних и столь же эффективно закрывало их для других. Я часто наблюдал, как, исходя из разума и опыта, такая форма правления должна быть неблагоприятной как для торговли, так и для промышленности.

Из рассуждений ясно, что трудолюбие должно давать богатство, а богатство *will* и власть, если тому, кто им обладает, предоставить самому распоряжаться им, как ему заблагорассудится. Поэтому правительство не могло поощрять систему, которая имела тенденцию передавать власть в руки тех, кого всего лишь заставляли подчиняться. Следовательно, для знати было вполне естественно испытывать зависть к богатым купцам и ко всем, кто стал принужденным и независимым благодаря своему собственному трудолюбию; опыт показал, как именно этот принцип регулировал их управление.

Поэтому государственный деятель должен внимательно изучить каждое обстоятельство конституции своей страны, прежде чем он приступит к внедрению современной системы торговли и промышленности. Я далек от мнения, что это единственный путь к счастью, безопасности и непринужденности; хотя, исходя из общего вкуса времени, в которое я живу, именно эту систему я в основном и собираюсь исследовать. Страна может быть чрезвычайно счастливой и достаточно грозной для тех, кто собирается напасть на нее, не будучи при этом чрезвычайно богатой. Богатство действительно запрещено всем, у кого нет рудников или внешней торговли.

Если обнаружится, что страна испытывает множество естественных неудобств, связанных с внутренним положением, бесплодной почвой, дальними перевозками, было бы напрасно пытаться конкурировать с другими странами на внешних рынках. Все, что можно тогда предпринять, - это пассивная торговля, да и то лишь в той мере, в какой она может принести дополнительное богатство. Когда денег может быть приобретено мало, задача государственного деятеля должна заключаться в том, чтобы как можно больше пустить в оборот уже приобретенных средств, чтобы дать хлеб каждому члену общества.

В странах, где правительство находится в руках крупных лордов, как это имеет место во всех аристократиях, как это было при феодальном правлении, и как это все еще имеет место во многих странах Европы, где торговля и промышленность с каждым днем набирают обороты, государственный деятель, который внедряет новую систему политической экономики, может быть уверен, что либо его попытка потерпит неудачу, либо структура правительства изменится. Если он уничтожит всякую произвольную зависимость между отдельными людьми, богатство трудолюбивых разделится, если не полностью искоренит власть вельмож. Если он позволит такой зависимости сохраняться, его проект провалится.

В то время как Венеция и Генуя процветали, они были вынуждены открыть двери своего сената для богатых граждан, чтобы не допустить их разложения. Что такое продажная знать? Порождение торговли, неизбежное следствие промышленности и средний термин, который наши предки готовы были принять, чтобы не совсем потерять свое положение в государстве. Они обнаружили, что деньги должны уничтожить фации, поэтому они предпочли усыновить богатых плебеев и накинуть на низменные плечи свои пурпурные мантии, чем позволить им вырвать всю власть из рук высшего класса. Благодаря этому способу часто удавалось предотвратить внезапную революцию. Некоторые королевства были оставлены из-за кровавого восстания или длительной гражданской войны. Другие страны аналогичным образом продемонстрировали силу изложенных здесь принципов: богатое население разорвало свои цепи в клочья и ниспровергло сами основы феодальной системы.

Все эти жестокие потрясения были вызваны близорукостью государственных деятелей, которые, невнимательные к последствиям роста богатства и промышленности, глупо вообразили, что наследственное подчинение должно сохраняться среди классов, положение которых по отношению друг к другу полностью изменилось.

Преторианские когорты сначала подчинялись приказам императоров и были стражей города Рима. Считается, что янычары находятся под командованием главных офицеров Порты. Как только ведущие люди Рима и Константинополя, которые, естественно, имели право управлять государством, обратились к этим бурлящим органам за защитой и помощью, они, в свою

очередь, осознали собственную значимость, изменили конституцию и присоединились к правительству.

Более мягкая революция, полностью аналогичная, происходит в наше время; и внимательный зритель может найти развлечение, наблюдая за ее ходом во многих государствах Европы. *Торговля и промышленность* находятся в моде; и их установление вызывает удивительное брожение при сохраняющейся жестокости феодального строя.

Торговля и промышленность были обязаны своим возникновением *войне* и *амбициям*; и, возможно, человечество может надеяться, что настанет день, когда они положат конец первому, разоблачив дорогостоящую глупость последнего.

Торговля и промышленность, говорю я, были обязаны своим возникновением честолюбию князей, которые с самого начала поддерживали этот план, главным образом с целью обогатиться и тем самым стать грозными для своих соседей. Но они не открывали, пока опыт не научил их, что богатство, которое они черпали из таких источников, было всего лишь переливом родника; и что богатые, смелые и энергичные люди, держа в своих руках фонд богатства принца, также имеют его в своей власти, когда у них появляется сильное желание поколебать его власть. Следствием этого изменения стало введение более мягкого и более регулярного плана введения препарата. Собиратели денег стали более полезны князьям, чем крупные лорды; и тем, кто изобретателен в средствах установления общественного кредита и извлечения денег из казны богатых путем введения налогов, отдавалось предпочтение перед самыми мудрыми и образованными советниками.

Поскольку эта система новая, неудивительно, что она породила явления как новые, так и неожиданные. Раньше власть князей использовалась для уничтожения свободы и установления произвольного подчинения; но в наши дни мы видим, как те, кто лучше всех понял истинные принципы нового плана политики, произвольно ограничивают власть высших классов и тем самым применяют свою власть для расширения общественной свободы, устраняя всякое подчинение, кроме того, которое обусловлено установленными законами.

Фундаментальной максимой некоторых величайших министров было ограничение власти великих лордов. Естественный вывод, который люди сделали из такого шага, заключался в том, что министр таким образом намеревался поставить все в зависимость только от воли принца. Этого я не отрицаю. Но какую пользу мы увидели от этого нового приобретения власти? Те, кто смотрит на события политическим взглядом, могут заметить несколько актов самой произвольной власти, осуществлявшейся некоторыми поздними европейскими монархами только с одной целью - установить общественную свободу на более обширных основаниях. И хотя прерогативы некоторых государей были значительно расширены за пределы древней конституции, даже до такой степени, что, возможно, справедливо заслуживали названия узурпации, все же нельзя сказать, что последствия революции в целом везде нанесли ущерб тому, что я называю *общественной свободой*. Я бы без труда доказал это утверждение на основе фактов и примеров, если бы считал это правильным: кажется, лучше доказать это разумом.

Когда однажды государство начинает существовать за счет результатов промышленности, возникает меньшая опасность, которую можно опасаться со стороны власти суверена. Механизм его управления становится все более сложным, и, как было отмечено во введении к

первой книге, он оказывается настолько связанным законами своей политической экономики, что каждое их нарушение ставит его перед новыми трудностями.

Я говорю только о правительствах, которые осуществляются систематически, конституционно и по общим законам; и когда я упоминаю князей, я имею в виду их советы. Принципы, которые я исследую, касаются хладнокровного управления их правительством; это относится к другой отрасли политики - создавать оплоты против их страстей, пороков и слабостей как мужчин.

Поэтому я говорю, что с тех пор, как государства начали опираться на результаты промышленности, план управления стал более умеренным; он постепенно менялся и совершенствовался; и каждое изменение, как часто наблюдалось, должно сопровождаться неудобствами.

Это относится к правительствам как к машинам: чем они проще, тем прочнее и долговечнее; чем искуснее они устроены, тем полезнее становятся; но тем чаще они выходят из строя.

Лакедемонянскую форму можно сравнить с клином, самой прочной и компактной из всех механических сил. Те из современных состояний, что относятся к часам, которые постоянно выходят из строя; иногда пружина оказывается слишком слабой, иногда - слишком прочной для механизма; и когда колеса сделаны не в соответствии с определенной пропорцией умелыми руками Грэма или Жюльена Леруа, они плохо сочетаются друг с другом; тогда механизм останавливается, и если его поднажать, какая-нибудь деталь выходит из строя; и рука рабочего становится необходимой, чтобы все исправить.

ГЛАВА XIV.

Безопасность, легкость и Счастье - не неотъемлемые спутники торговли и промышленности.

Ликургская республика, по моему скромному мнению, представляет собой самый совершенный план политической экономии, с которым можно было встретиться где бы то ни было, как в древности, так и в наше время. То, что она существовала, не может быть подвергнуто сомнению, так же как и то, что она оказалась самой прочной из всех, установленных у греков; и если в конце концов она пришла в упадок, то скорее из-за злоупотреблений, которые постепенно приносились в нее, чем из-за какого-либо порока в форме.

Простота этого учреждения придавала ему солидность; и если бы лакедемоняне всегда придерживались принципов своего правления и духа своей конституции, они, возможно, просуществовали бы и по сей день.

Мое намерение в этой главе состоит не в том, чтобы вдаваться в критическое исследование механизма каждой части спартанской республики; но в том, чтобы сравнить общий план политической экономики Ликурга с принципами, которые мы излагали.

У нас есть описание этого плана в "Жизни этого законодателя", написанное Плутархом, одним из самых рассудительных авторов, которых можно встретить в любую эпоху.

Этот историк процветал по меньшей мере через 800 лет после учреждения плана, который он описывает. План, который никогда не сводился к системе писаных законов, но поначалу запечатлелся в умах спартанцев непосредственной властью богов, что заставило их подчиниться самой жестокой революции, которая, возможно, когда-либо происходила в какой-либо нации, и которую они поддерживали в течение стольких веков одной только силой образования.

Поскольку все законы Ликурга были переданы только по традиции, не следует предполагать, что на описание Плутархом или вообще кем-либо из древних, данное нам об этой республике, можно с уверенностью положиться как на точное представление каждой части системы, установленной этим великим государственным деятелем. Но, с другой стороны, мы можем быть совершенно уверены, что что касается общих черт института, то они переданы нам во всей их чистоте; и в том, что касается моего предмета, у меня нет повода вдаваться в какие-либо подробности, которые могут вызвать малейшее противоречие относительно сути дела.

Собственность среди лакедемонян в то время, когда Ликург планировал свое учреждение, была разделена очень неравномерно: следствием чего, говорит наш историк, было привлечение многих бедняков в город, где богатство было сосредоточено в немногих руках; то есть, согласно нашему языку, *роскошь богатых, которые жили в городе, очистила земли от бесполезных ртов, а нестабильность правительства сделала промышленность ненадежной, что, должно быть, открыло дверь всеобщему бедствию среди всех низших классов.*

Первым шагом, который предпринял наш законодатель, было подготовить дух народа, чтобы побудить его к тотальной реформе, которая не могла не сопровождаться бесчисленными неудобствами.

С этой целью он отправился в Дельфы, не сообщив о своем замысле никому. Пифия объявила его любимцем богов и скорее богом, чем человеком; и публично объявила, что Аполлон передал ему одному план республики, которая намного превосходила все остальные по совершенству.

Каким мощным двигателем было это в руках опытного политика, который объехал весь мир с прежним намерением исследовать тайны науки управления! и какие преимущества давала ему такая достоверная рекомендация, исходящая непосредственно (как считалось) от голоса Божества, перед суеверным народом при установлении той формы правления, которую он считал наиболее подходящей!

Проницательный лакедемонянин, однако, не всецело полагался на слепое подчинение своих соотечественников велениям оракула, но мудро рассудил, что некоторые подготовительные шаги все же могут быть необходимы. Поэтому он сообщил о своем плане сначала своим друзьям, а затем постепенно и высшим лицам государства, которые, конечно, никогда не смогли бы получить удовольствие от нововведения, столь наносящего ущерб их интересам, если бы оно не было вызвано глубочайшим почтением и покорностью воле богов. Уверенный в их помощи, он появился на рыночной площади в сопровождении своей свиты, весь в оружии; и, добившись уважения, он заложил основу своего правительства, назначив сенат.

Все, что касается какой-либо иной цели, кроме его плана политической экономии, должно быть здесь обойдено молчанием. Это не имеет никакого значения для моего расследования, где была закреплена верховная власть: достаточно знать, что в государстве существовала власть, достаточная для поддержки осуществления его плана.

Он уничтожил все неравенство одним ударом. Собственность всех земель штата была объединена и перешла в распоряжение законодателя. Каждая отрасль промышленности была запрещена для граждан. А денежные проценты были сведены к нулю введением железной монеты. Земли он разделил на равные участки, в соответствии с количеством граждан.

Таким образом, все были совершенно равны с точки зрения состояния, поскольку ни богатство, ни трудолюбие, ни земли не могли дать превосходства кому-либо. Из этой части плана я делаю вывод, что Ликург обнаружил полную недостаточность аграрного закона для установления равенства между отдельными лицами государства, не запрещая в то же время как богатство, так и промышленность. Обстоятельство, которое, по-видимому, ускользало от внимания любого другого государственного деятеля в древние времена, равно как и современных поборников равенства и простоты нравов. Земли обрабатывались илотами, которые получали от них пищу и которые были обязаны доставлять излишки, то есть определенное количество плодов, владельцу участка. Все необходимые механические искусства также применялись этой группой рабов.

Благодаря такому распределению продукты земли (то есть все продукты питания) доставались бесплатно каждому гражданину государства. Спартанские землевладельцы были скорее надсмотрщиками над рабами и собирателями общественных средств к существованию, чем непосредственными собственниками земли, которая их производила. Ибо, хотя каждый человек питался со своих земель и получал свою порцию, все же эта порция была регламентирована и должна была употребляться публично; и любой, кто притворялся, что ест в одиночестве или до того, как он пришел в общественный зал, вызывал крайнее презрение.

Их одежда была самой простой из возможных, совершенно одинаковой, и ее можно было купить за небольшую цену. Такая бережливость не производила плохого эффекта, потому что ни один человек не жил своим трудом. Искусствами, как уже было сказано, занимались илоты, являющиеся собственностью частных граждан; и если такие хозяева, которые развлекали рабов-производителей, наживались на этой торговле (что, должно быть, делали некоторые), то все способы извлечения прибыли из их превосходящих богатств были отрезаны.

Спартанцы постоянно были вместе, им нечего было делать, кроме как развлекаться, и их развлечениями были в основном боевые упражнения. Правила этих многочисленных собраний (которые с большой элегантностью и справедливостью сравнивались с пчелиными роями) отсекали все внешние знаки различия. У роскоши не было возможности проявить себя ни в еде, ни в питье, ни в одежде, ни в мебели, ни в каких-либо других расходах.

Таким образом, здесь была накормлена и обеспечена даром целая нация; не было ни малейшего повода для трудолюбия; полезность которого, как мы показали, главным образом заключалась в том, что он доказал целесообразность приобретения необходимого, того, что, как обнаружили спартанцы, обеспечивало их без труда.

При таких обстоятельствах мы можем заключить, исходя из изложенных нами принципов, что народ, получавший такое обильное питание, должен был чрезвычайно размножиться. Что, несомненно, и произошло. Но правила жеребьевки допускали участие не более фиксированного числа граждан. Следовательно, всякий раз, когда обнаруживалось, что численность превышает этот стандарт, статисты увольнялись и отправлялись образовывать колонии. И когда илотов стало слишком много, и, таким образом, они начали превышать долю

требуемого от них труда, чтобы предотвратить потребление пищи своих хозяев, которая была у них в руках, и, таким образом, стать праздными, распущенными и, следовательно, опасными для государства, было разрешено уничтожить их посредством военных упражнений, проводимых с помощью стратагемы и хитрости; искусства, которые этот народ постоянно предпочитал на войне труду, силе и бесстрашию.

Это кажется очень варварским обычаем, и я не стану приводить за него никаких извинений, кроме жестокости нравов тех времен. Абстрагирование от жестокости, ограничение численности этого класса в определенных пределах было абсолютно необходимым. Лакедемоняне-рабы были во многих отношениях намного счастливее, чем рабы других народов. В действительности они были группой фермеров, которые платили определенное количество плодов с каждого участка, а именно 70 медимни ячменя: их численность не набиралась из-за границы, как в других местах, а поддерживалась за счет их собственного размножения; следовательно, существовала абсолютная необходимость либо предотвратить их чрезмерное размножение, либо уменьшить доход, в точности пропорциональный потребностям государства: и к какому средству можно было прибегнуть? Они были рабами и, следовательно, не могли быть включены в число граждан; их нельзя было продавать чужеземцам за деньги, что было запрещено; и они были бесполезны для промышленности. Неудивительно поэтому, что жестокость нравов тех дней допускала бесчеловечное обращение, которому они подвергались; что, однако, Плутарх далек от того, чтобы приписывать примитивному институту Ликурга. Кроме того, когда мы видим, что сами свободные люди были вынуждены покинуть страну в тот момент, когда их численность превысила определенный стандарт, не следовало ожидать, что бесполезным рабам будет позволено размножаться по своему усмотрению.

Из этого наброска политической экономики Ликурга мы видим, что государство в изобилии обеспечено всеми необходимыми товарами; это эффективный способ положить конец порочному деторождению среди граждан; и средство для исправления чрезмерного размножения рабов. Следующая забота государственного деятеля - регулировать занятость населения.

Каждый свободный человек в штате с младенчества был приучен к оружию. Никакие семейные заботы не могли помешать ему служить государству в качестве солдата; его дети не были для него обузой; делом илотов было снабжать их провизией; приготовлением ее занимались слуги в городе, и общественные столы всегда были наготове. Вся молодежь Спарты воспитывалась не как дети своих родителей, а как дети государства. Они впитали в себя те же чувства бережливости, умеренности и любви к простоте. Они выполняли одну и ту же работу и были заняты одинаково во всех отношениях. Простота плана Ликурга сделала эту схему практически осуществимой. Многочисленность и разнообразие занятий среди нас делает абсолютно необходимым доверить образование своих детей родителям; в то время как в Спарте не было двух занятий для свободного человека; там нельзя было найти ни оратора, ни юриста, ни врача, ни политика по профессии. Институты их законодателя постоянно внедрялись стариками в умы молодежи; все, что они слышали или видели, имело отношение к войне. Сами боги были представлены в доспехах, и каждая заповедь, которой их учили, имела тенденцию изгонять излишества и устанавливать умеренность и тяжелый образ жизни.

Молодежь постоянно боролась вместе во всех военных упражнениях, таких как бокс и борьба. Поэтому, чтобы поддерживать дух соперничества и в то же время изгонять враждебность, очень поощрялись острые, сатирические выражения; но они всегда должны были быть приправлены чем-нибудь любезным или вежливым. Точно так же серьезное поведение и опущенный взгляд, которые им было приказано соблюдать на улицах, и предписание держать руки под одеждой, вполне естественно, могли быть рассчитаны на предотвращение ссор и особенно драк во времена, когда авторитет общественного собрания не мог умерить живость их страстей. Благодаря этому искусству спартанцы жили в великой гармонии посреди непрекращающейся войны.

Согласно таким правилам, народ должен быть защищен от нападений извне; и, конечно, в намерения законодателя никогда не входило расширять пределы Лаконии путем завоевания. Каким людям могло прийти в голову напасть на лакедемонян, где нельзя было ожидать ничего, кроме ударов?

Они наслаждались легкостью в высшей степени; они были в изобилии обеспечены всем необходимым для жизни; хотя, признаюсь, столь суровое наслаждение ими не понравилось бы ни одному современному обществу. Но в вещах такого рода главное - привычка. Горячее блюдо для хорошего желудка доставляет больше удовольствия, чем все деликатесы самого изысканного приготовления для испорченного аппетита; и если бы чувственность причислить к удовольствиям жизни, в нравах этого народа можно было бы встретить достаточно ее. Не в моей компетенции вдаваться в подробности по этому поводу. Но здесь в высшей степени наслаждались самым разумным удовольствием среди людей - восхитительным общением в обществе. Вся республика постоянно собиралась вместе, и их учеба, занятия и развлечения были одними и теми же. Один вкус был всеобщим; и молодые и старые, постоянно находясь вместе, причем первые находились под непосредственным контролем и авторитетом вторых, одни и те же чувства передавались из поколения в поколение. Спартанцы были так довольны своим положением, что презирали нравы всех других народов. Если это не передает представления о счастье, я затрудняюсь составить его. Таким образом, безопасность, легкость и счастье не являются неотделимыми сопутствующими факторами торговли и промышленности.

Ликург обладал достаточной проницательностью, чтобы заметить слабую сторону своего учреждения. Он не был чужд соблазнительному влиянию роскоши и ясно предвидел, что последствия трудолюбия, которое доставляет человечеству великое множество новых объектов вожделения и удивительную легкость в их удовлетворении, легко искоренят принципы, которые он пытался привить своим соотечественникам, если состояние простоты когда-нибудь станет изощренным благодаря иностранным коммуникациям. Поэтому он сделал вид, что ввел несколько обычаев, которые не могли не вызвать отвращения и шока у деликатных соседних государств. Он разрешил хоронить мертвых внутри стен; обращение с мертвыми телами у лакедемонян не считалось осквернением. Он запретил купание, столь необходимое для поддержания чистоты в жаркой стране, а грубость и грязность их одежды и пот от тяжелых упражнений не могли не вызывать отвращения у чужаков, которые не желали появляться среди них. С другой стороны, в Спарте не было найдено ничего, что могло бы заинтересовать незнакомца в желании стать одним из них. И чтобы предотвратить проникновение иноземных обычаев через самих граждан, он запретил спартанцам путешествовать и отстранил от любой работы в государстве тех, кто получил иностранное образование. Ничто, кроме спартанского воспитания, не могло бы приспособить человека к жизни среди них.

Воровство, поощряемое лакедемонянами, было рассчитано на то, чтобы сделать их хитрыми и ловкими; в нем не было ни малейшего налета порока. Обычно это было что-нибудь съедобное, и скудость их стола побуждала их к этому; в то время как, с другой стороны, то, что они подвергались подобным репрессиям, делало их бдительными и бережливыми в отношении того, что принадлежало им самим; а удовольствие от наказания за неудачную попытку частично компенсировало им необходимость постоянно быть настороже. У лакедемонянина не было ничего ценного, что можно было бы украсть; и именно желание и намерение получить незаконную выгоду делает воровство преступным или скандальным.

Тайные сношения между спартанцами и их молодыми женами, без сомнения, были рассчитаны на то, чтобы внушить прекрасному полу, что существует огромная разница между актом нескромности и простым появлением обнаженными на публичных упражнениях; две вещи, которые мы склонны смешивать, только исходя из впечатления от наших собственных обычаев. Я убежден, что многие молодые особы чувствовали, что их скромность пострадала так же сильно, когда они сняли свой носовой платок при первом появлении при дворе, как могла бы пострадать любая лакедемонянская девушка, раздевшись перед тысячью человек; однако и ее разум, и здравый смысл должны были заставить ее осознать разницу между соблюдением обычая в вопросе одежды и ощутимым нарушением законов ее чести и скромности ее пола.

Я назвал эту лакедемонянскую республику совершенным планом политической экономии, потому что это была система, единая и последовательная во всех своих частях. Там не было необходимости в излишках, потому что не было необходимости в промышленности, чтобы давать хлеб кому-либо. Там избыток не допускался, потому что в тот момент, когда границы абсолютно необходимого превышаются, степени избытка становятся совершенно неопределенными и становятся чисто относительными. То же самое, что кажется излишним крестьянину, кажется необходимым гражданину; и крайняя роскошь этого класса часто не дотягивает до того, что считается просто необходимым для человека более высокого ранга. Ликург остановился на единственной определенной границе, чисто физической необходимости. Все, что выходило за ее пределы, считалось оскорбительным.

Единственными предметами торговли у спартанцев были:

1мо. Что могло бы остаться им от плодов их судьбы сверх их собственного потребления; и 2до. Труд рабов, занятых в ремеслах. Их не могло быть много, так как древесина для их домов обрабатывалась только пилой и топором, а каждая утварь была сделана с величайшей простотой. Следовательно, небольшого количества железной монеты, как я полагаю, должно было быть достаточно для продолжения обращения в Спарте. Сама природа их потребностей должна, как я уже сказал, сводить всю их торговлю к обмену излишков пищи на их участках земли на труд рабов-производителей, которые должны были этим кормиться.

Поскольку у лакедемонян не было торговых связей с другими народами, железная монета была не более чем банковским билетом, не имеющим внутренней ценности, как я полагаю, а средним термином, введенным для ведения счетов и облегчения бартера. Дополнительным аргументом в пользу такого мнения о том, что монета не имеет внутренней ценности, является то, что, как говорят, она была непригодна для других целей в результате гашения в уксусе. Чтобы, следовательно, уничтожить, как они себе представляли, любую внутреннюю ценность, которая в противном случае могла бы в нем сохраниться. Следовательно, если эта монета была изготовлена необычайного веса, это должно было быть сделано исключительно с политической

целью воспрепятствовать торговле и хождению, что вполне соответствовало общему плану и ни в коем случае не было следствием низости металла, из которого она была изготовлена: небольшое количество этой монеты с клеймом государственной власти, обозначающим ее валюту и ценность, одинаково хорошо отвечало бы любой цели.

Позвольте мне теперь завершить эту главу иллюстрацией предмета, которая еще яснее укажет на силу принципов, на которых была основана эта лакедемонянская республика.

Если бы какой-нибудь государь в Европе, подданные которого, я полагаю, могут составлять шесть миллионов жителей, одна половина которых занята в сельском хозяйстве, другая половина - в торговле и промышленности или живет на уже полученные доходы, если бы предполагалось, что такой Государь обладает достаточной властью, чтобы побудить свой народ принять новый экономический план, рассчитанный на защиту от замыслов могущественного соседа, который, я полагаю, разработал планы вторжения и подчинения их.

Пусть он заставит всех землевладельцев отказаться от их отдельных владений; или, если это предположение покажется вам слишком абсурдным, пусть он налагает долги, равные стоимости всей собственности нации; пусть налог на землю будет установлен в размере двадцати шиллингов с фунта, и тогда пусть он станет банкротом для кредиторов. Пусть доходы со всех земель будут собираться по всей стране для использования государством; пусть все предметы роскоши будут запрещены; и пусть те, кто занят в них, будут сформированы под командованием бывших землевладельцев в регулярные войска, офицеров и солдат, обеспеченных всем необходимым для их содержания, а также для содержания их жен и семей за государственный счет. Позвольте мне развить это предположение дальше. Пусть будут уничтожены все излишки; пусть крестьяне будут поработаны и вынуждены обрабатывать землю не ради собственной выгоды, а ради простого пропитания; пусть использование золота и серебра будет запрещено; и пусть все эти металлы будут заперты в общественном достоянии. Пусть не поощряется внешняя торговля и очень мало внутренней, но пусть каждого человека, желающего служить солдатом, принимают и о нем заботятся; а те, кто либо склонен бездельничать, либо кого сочтут излишним, будут высланы из страны. Я спрашиваю, какое объединение современных европейских государей могло бы вести успешную войну против такого народа? Какой статьи было бы недостаточно для их удобства, то есть для их достаточного существования? Их счастье будет зависеть от настроения их ума. И какая страна сможет защитить себя от нападения такого врага? Я охотно допускаю, что такая система политической экономии вряд ли когда-нибудь возникнет; но если бы она когда-нибудь возникла, разве это не разнесло бы вдребезги всю структуру торговли и промышленности, которая формировалась в течение стольких лет? И разве это не вынудило бы быстро все остальные нации, насколько это возможно, придерживаться аналогичного поведения из принципа самосохранения.

ГЛАВА XV.

Общий взгляд на принципы, на которые должен обратить внимание государственный деятель, решивший поставить торговлю и промышленность на прочную основу.

Две предыдущие главы я ввел намеренно, чтобы дать отдых уму, подобно фарсу между актами серьезной оперы. Теперь я возвращаюсь к тому месту, где я прервал свою тему, к концу двенадцатой главы.

Время от времени собирать наши идеи воедино через определенные промежутки времени при рассмотрении обширного предмета - большое подспорье для памяти. Ни об одной его части нельзя говорить отчетливо, не изгоняя комбинаций; и ни одна его часть не может быть применена на практике или адаптирована к какому-либо плану, не уделяя внимания комбинациям, почти бесконечным.

По этой причине ничто не может показаться более противоречивым, чем дух, пронизывающий некоторые части этой книги, по сравнению с тем, что преобладало в первой. Там на роскошь смотрели благосклонно, и любое увеличение излишеств рассматривалось как метод увеличения численности населения. Затем мы были заняты тем, что как бы выводили человечество из состояния праздности, чтобы увеличить их численность и привлечь их к возделыванию земли. У нас не было необходимости делить их на общества с отдельными интересами, потому что принципы, о которых мы говорили, были общими для всех. Поэтому мы рассматривали трудолюбивых, которые являются поставщиками, и роскошествующих, которые являются потребителями, как детей одной семьи и находящихся под опекой одного отца.

Сейчас мы участвуем в более сложной операции; мы представляем разные общества, движимые разным духом; одни склонны к трудолюбию и бережливости, другие - к распутству и роскоши. Это создает отдельные интересы между нациями, и следует предполагать, что каждая из них находится под управлением государственного деятеля, который всецело занят продвижением блага тех, кем он управляет, хотя и за счет других обществ, которые находятся вокруг него.

Это представляет новую идею и порождает новые принципы. Общее общество человечества, о котором говорилось в первой книге, здесь некоторым образом разделено на две части. Предполагается, что трудолюбивые поставщики должны жить в одной стране, а потребители роскоши - в другой. Принципы первой книги сохраняются здесь в полной силе. Роскошь по-прежнему, как никогда, способствует развитию промышленности; задача государственного деятеля состоит только в том, чтобы перенести очаг роскоши из своей собственной страны. Когда это может быть достигнуто без ущерба для промышленности внутри страны, у него появляется возможность соединить все преимущества древней простоты с богатством и властью, которые сопутствуют роскоши современных государств. Он может сохранить свой народ в трезвости и умеренности в отношении любых расходов, любого потребления и в то же время заставить его наслаждаться богатством и превосходством над всеми своими соседями.

Таково было бы положение торговых наций, если бы они были заняты только удовлетворением потребностей или экстравагантным потреблением чужеземцев; и если бы они незаметно не переняли те самые манеры, которыми они стремятся вдохновлять других.

Поэтому так же часто, как мы предполагаем, что народ прилагает все усилия к развитию внешней торговли, мы должны упрощать наши идеи, отбрасывая все политические комбинации других обстоятельств; иными словами, мы должны считать дух универсальным, а затем указывать принципы, которые влияют на его успех.

Мы должны поощрять экономию, бережливость и простоту нравов, препятствовать потреблению всего, что можно продать за пределами страны, и возбуждать вкус к излишеству в соседних нациях. Когда такая система больше не может поддерживаться в полном объеме из-за того, что шкала внешнего спроса становится положительно легче; тогда, чтобы снова выровнять баланс, не снимая ничего с тяжелой шкалы, и сохранить и раздать хлеб тем, кто обогатил государство, необходимо поощрять дополнительное внутреннее потребление, пропорциональное дефициту внешнего спроса. Ибо, если бы та же простота нравов все еще сохранялась, безошибочным следствием было бы принудительное восстановление равновесия в результате бедствия, нищеты и, в конце концов, вымирания нештатных работников.

Поэтому в таких случаях я должен рассматривать введение роскоши, или чрезмерного потребления, как рациональное и моральное следствие дефицита внешней торговли.

Я, однако, далек от мысли, что роскошь каждого современного государства зависит только от такого краха; и я охотно допускаю, что можно привести множество примеров, когда развитие роскоши и внутренняя конкуренция с пришедшими на рынок иностранцами были причиной как упадка, так и исчезновения их внешней торговли; но поскольку моя задача состоит главным образом в том, чтобы указать принципы и показать их последствия, достаточно заметить, что по мере сокращения внешней торговли должно происходить либо пропорциональное увеличение внутреннего потребления, либо количество трудолюбивых, пропорциональное росту внешней торговли. уменьшение прежнего потребления должно уменьшиться. С помощью первого осуществляется то, что я называю естественным восстановлением баланса, исходя из выведенных выше принципов; со стороны второго - то, что я называю принудительным.

Итак, вот пример, когда введение роскоши может быть рациональным и осмотрительным шагом администрации; и до тех пор, пока ее развитие не ускорится из-за какого-либо другого принципа, кроме принципа сохранения трудолюбивых путем предоставления им работы, тот же дух под руководством способного государственного деятеля вскоре направит промышленность в новое русло, более приспособленное для оживления внешней торговли и для продвижения общественного блага, заменив призыв иностранцев на призыв к домашней роскоши.

Я надеюсь, из того, что я сказал, достаточно понятны политические последствия роскоши, или потребления излишеств. До сих пор я считал их выгодными только для тех классов, которые вынуждены ими существовать; я приберегаю для другого случая указание на то, как они влияют на введение налогов и как злоупотребление потреблением у богатых может повлиять на процветание государства.

Как только вся внешняя торговля прекращается, не имея схемы для ее возобновления, и внутреннее потребление заполняет свое место в потреблении труда и обеспечении хлебом трудолюбивых, мы оказываемся обязанными снова рассуждать о принципах первой книги. Государственный деятель снова держит под своей опекой как производителей, так и потребителей. Потребители могут жить без работы, производители - нет. Первые редко прибегают к защите государственного деятеля; последние постоянно нуждаются в ней. Баланс

между этими двумя классами постоянно колеблется, из-за чего возникает множество новых принципов; и они бесконечно усложняют управление государством и требуют выдающихся талантов от человека, стоящего у руля. Здесь я укажу только на наиболее поразительные последствия колебания и переворота этого нового баланса, которые будут более полно проиллюстрированы в последующих главах.

1мо. По мере того, как потребители становятся экстравагантными, производители становятся богатыми; и когда первые становятся банкротами, вторые занимают их место.

2до. По мере того как первые становятся бережливыми и экономичными, вторые чахнут; когда те начинают копить и вести простой образ жизни, им приходит конец: все крайности порочны.

3тио. Если продукция промышленности, потребляемая в стране, превышает доход тех, кто не работает, остаток, причитающийся потребителям, должен быть выплачен поставщикам путем пропорционального отчуждения их средств. Эта вибрация баланса дает очень правильное представление о том, что подразумевается под *относительными прибылями и убытками*. Нация здесь ничего не теряет от произведенных изменений.

4мо. Когда, с другой стороны, годовой продукт промышленности, потребляемый в стране, не соответствует величине дохода тех, кто не работает, остаток сэкономленного дохода должен быть либо заперт в сундуках, превращен в посуду, предоставлен иностранцам взаймы, либо справедливо экспортирован в качестве цены иностранного потребления.

5мо. Чаши весов остаются в силе даже тогда, когда нет баланса ни на одной стороне; то есть когда внутреннее потребление просто эквивалентно годовому доходу фондов. Я не претендую на то, чтобы решать в настоящее время, отмечает ли это точное равновесие состояние совершенства в стране, где нет внешней торговли (о которой мы сейчас говорим), или же лучше иметь небольшие колебания между двумя весами; но я думаю, что могу сказать, что любое нарушение баланса с любой стороны не может не быть вредным, и поэтому его следует предотвращать.

Пусть этого пока будет достаточно для рассмотрения вопроса, который будет более подробно рассмотрен впоследствии. Давайте теперь сосредоточим наше внимание на интересах народа, всецело занятого ведением внешней торговли. Я говорю, что до тех пор, пока этот дух преобладает, долг государственного деятеля поощрять бережливость, трезвость и прилежание к труду в своем собственном народе и, насколько это возможно, возбуждать в иностранных нациях вкус к излишеству.

Пока народ занят ведением внешней торговли, взаимоотношения между отдельными лицами государства не будут такими тесными, как тогда, когда производители и потребители живут в одном обществе; такая торговля подразумевает и даже обязательно создает цепь зависимостей от других стран; которые производят тот же эффект, что и тогда, когда взаимная зависимость существовала среди граждан. Я уже говорил, что использование зависимостей заключается в формировании группы общества, способной обеспечить себя необходимым за счет излишеств богатых и поддерживать человечество в мире и гармонии друг с другом.

Таким образом, торговля и внешние сношения формируют новый тип общества между нациями и, следовательно, усложняют профессию государственного деятеля. Он должен, как и прежде, заботиться о том, чтобы обеспечить продовольствием, другими предметами первой

необходимости и работой всех своих людей; но поскольку связи с иностранными государствами ставят сами эти обстоятельства в зависимость от поддержания хороших отношений с соседними нациями, он должен приобрести надлежащее знание их внутреннего положения, чтобы согласовать, насколько это возможно, интересы обеих сторон, привлекая иностранцев для поставки предметов первой необходимости, когда драгоценные металлы не могут быть доставлены; и принимать взамен самые потребляемые излишки, какие только может изобрести промышленность. И, наконец, он должен внушить своему собственному народу дух соперничества в проявлении бережливости, умеренности, экономии, а также в применении труда и изобретательности. Если этот дух соперничества не будет поддерживаться, на смену ему придет другой; ибо соперничество неотделимо от природы человека; и если граждан не заставить соперничать друг с другом в практике умеренности, богатство, которое они должны приобрести, вскоре заставит их соперничать с чужаками в роскоши и распутстве.

Пока дух умеренности преобладает в торговой нации, она может быть уверена, что в той мере, в какой она превосходит нации, с которыми она соответствует соответствует в этом отношении, в той же мере она увеличит долю своего богатства, могущества и превосходства над ними. Это законные занятия среди людей, когда они приобретаются успехом в столь похвальном соревновании.

Если скажут, что излишество, невоздержанность, расточительность и праздность, качества, диаметрально противоположные первым, развращают человеческий разум и ведут к насилию и несправедливости, то разве Автор всего сущего не очень мудро рассчитал, что трезвый народ, живущий при хорошем правительстве, должен при трудолюбии и умеренности обязательно приобретать богатство, которое является лучшим средством защиты от насилия со стороны тех, с кем они связаны в великом обществе человечества? И разве это не также самым мудрым образом предписано, что по мере того, как люди приобретают порочные привычки, которые могут привести к избытку и несправедливости, само последствие их расточительства (бедность) должно лишать их способности причинять вред? Но подобные размышления кажутся скорее слишком большим уточнением моего предмета и выходят за рамки политической экономии.

Когда мы говорим о добродетельных людях, обращающихся к торговле и промышленности, давайте рассмотрим их *интерес* только в сохранении этих чувств; и рассмотрим политическое зло их отпадения от них. Когда мы рассматриваем роскошную нацию, где неработающая часть населения тратит излишества во всех видах потребления, а работающая часть - на труд и изобретательность, чтобы обеспечить их, давайте исследуем последствия такого духа в отношении внешней торговли: и если мы обнаружим, что склонность к роскоши у богатых наносит ей ущерб, давайте попытаемся обнаружить методы привлечения жителей к исправлению их манер из мотива личной заинтересованности. Все это было предопределено,

Теперь я вкратце обрисую общие принципы, на которых система внешней торговли может быть создана и сохраняться как можно дольше, и методы, с помощью которых ее можно снова восстановить, когда из-за естественных преимуществ и превосходящих способностей администрации в конкурирующих нациях (а не из-за пороков внутри страны) народ на время утратил все преимущества, которые он привык извлекать из своей внешней торговли.

Первый общий принцип состоит в том, чтобы использовать, насколько это возможно, полезно, определенную часть общества для производства предметов первой необходимости, которых всегда более чем достаточно для снабжения жителей; и изобрести средства, позволяющие

каждому из свободных работников добывать средства к существованию для себя, занимаясь некоторыми видами промышленности.

Рассмотрев эти первые объекты, я считаю, что люди в изобилии обеспечены всем необходимым; а также излишками, подготовленными для дополнительного количества свободных рук, как только появится спрос на их труд. Между тем, излишек будет предметом экспорта; но как только из-за границы поступит спрос на большее количество мануфактур, чем раньше, такой спрос приведет к постепенному увеличению числа жителей до указанной выше доли излишка, при условии, что государственный деятель все время будет осторожен в использовании этих дополнительных количеств, которые должно произвести полезное умножение, для удовлетворения дополнительного спроса: тогда на эквивалент, который они получают от иностранцев, они в то же время обогатят страну и приобретут для себя ту часть национальной продукции, которую было разрешено экспортировать только для удовлетворения дополнительного спроса. нет спроса на это дома.

В то же время он должен продолжать должным образом поощрять развитие сельского хозяйства, чтобы постоянно был избыток средств к существованию (ибо без избытка их никогда не может быть достаточно), которым должно быть разрешено выходить за границу и которые должны рассматриваться как обеспечение тех трудолюбивых рук, которые еще не родились.

Он должен пресекать всякую иностранную конкуренцию, превышающую определенный стандарт, в отношении того количества средств к существованию, которое необходимо для внутреннего потребления; и посредством надбавок при экспорте он должен освободить фермеров от любого лишнего груза, который может остаться на их плечах, когда цены упадут слишком низко. Этот важный вопрос будет подробно разъяснен в другом месте, когда мы перейдем к рассмотрению зерновой политики.

Если естественные причины вызовут повышение цен на средства к существованию, которое не может быть снижено расширением сельского хозяйства, он должен тогда обложить все общество контрибуцией, чтобы возместить тем, кто работает на чужеземцев, повышение цен на их продукты питания; или он должен возместить чужеземцам иным способом повышение цен на мануфактуры.

Он должен рассматривать производство излишков как созданное для использования иностранцами и всеми возможными средствами препятствовать всякой внутренней конкуренции за них.

Он должен делать все, что в его силах, постоянно соразмеряя предложение со спросом, предъявляемым к ним; и когда первое неизбежно превысит последнее, несмотря на всю свою осторожность, он должен тогда рассматривать то, что остается сверх спроса, как излишек чужеземцев; и для поддержания равного баланса между работой и спросом он должен поощрять продажу их даже внутри страны, при определенных ограничениях, до тех пор, пока рабочие руки, занятые в тех отраслях, где обнаружен избыток, не смогут с большей пользой работать другим способом.

Он должен рассматривать продвижение общего блага как непосредственный объект частных интересов каждого человека, и, бескорыстно распоряжаясь общественными деньгами, он должен ясно показать, что это так.

Из этого принципа вытекает власть, которой наделены все правительства, облагать общество налогами в целях содействия процветанию государства. И эта цель может быть достигнута ничуть не лучше, чем путем использования их количества для поддержания равномерного баланса между работой и спросом. От этого в основном зависит здоровье торгового государства.

Если окажется, что отсутствие иностранного спроса обусловлено превосходящими естественными преимуществами других стран, он должен удвоить свое усердие в распространении роскоши среди своих соседей; он должен поддерживать простоту у себя дома; он должен увеличить свои доходы от экспорта и свои расходы на поддержку мануфактур, когда цена их промышленности упадет ниже затрат на их жизнеобеспечение.

Пока эти операции проводятся хладнокровно и настойчиво, пока соблазны нажитого богатства не мешают их осуществлению, государственный деятель может рассчитывать на возвращение иностранцев в свои порты, как только их собственное распутство и недостаток бережливости компенсируют преимущества, которые природа дала им по сравнению с их бережливыми и трудолюбивыми соседями.

Если этот план будет реализован, внешняя торговля увеличится пропорционально числу жителей; а домашняя роскошь будет служить только инструментом в руках государственного деятеля для увеличения спроса, когда внутреннее предложение станет слишком большим для иностранного потребления. Другими словами, богатые граждане будут вынуждены потреблять все лишнее, чтобы сохранить баланс даже в пользу трудолюбивых и в пользу нации.

Весь смысл этого плана состоит в том, чтобы указать на действие трех очень простых принципов.

Первое, что в стране, всецело занятой продвижением внешней торговли, не должно допускаться конкуренции из-за рубежа на товары первой необходимости, и в первую очередь на продукты питания, с целью повышения цен сверх определенного стандарта.

Второе: не должно допускаться внутренней конкуренции в отношении излишков товаров, которая привела бы к повышению цен сверх определенного стандарта.

Третье: когда эти стандарты не могут быть сохранены и цены по естественным причинам превышают их, государственные деньги должны быть брошены на чашу весов, чтобы довести цены до уровня экспортных.

Чем больше масштабы внешней торговли в какой-либо стране, тем ниже *должны* поддерживаться эти стандарты; чем меньше ее масштабы, тем выше им *можно* позволить подняться. Следовательно,

Если бы ни один человек в стране не был занят производством предметов первой необходимости, но каждый человек поставлял предметы иностранного потребления, ценам на предметы первой необходимости можно было бы позволить упасть как можно ниже. Не было бы повода для установления стандартов в пользу тех, кто живет, производя их.

Если бы ни один человек в государстве не был занят снабжением иностранцев, ценам на излишки товаров можно было бы позволить подняться настолько высоко, насколько это

возможно, и стандарт также стал бы бесполезным, поскольку его единственная цель - способствовать экспорту.

Но поскольку ни одно из этих предположений никогда не может иметь места, и поскольку в каждой нации часть занята производством, а часть - потреблением, и что экспортировать можно только излишки промышленности, необходим стандарт для поддержки взаимных интересов обеих сторон внутри страны; и государственные деньги должны быть сделаны так, чтобы воздействовать только на цену *излишков* промышленности, чтобы сделать их пригодными для экспорта, даже в тех случаях, когда национальные цены для внутреннего потребления поднялись выше стандарта. Позвольте мне представить этот вопрос в другом свете, чтобы лучше донести идею, которая, на мой взгляд, немного неясна.

Если бы еда и другие предметы первой необходимости были чистым даром природы в какой-либо стране, я бы взял за принцип пресекать любую иностранную конкуренцию за них, будь то ниже или выше какого-либо определенного стандарта; потому что в этом случае чем ниже цена, тем лучше, поскольку это не причинит неудобств ни одному трудолюбивому человеку. Но когда их производство само по себе является мануфактурой или промышленным объектом, необходимо поддерживать определенный стандарт в интересах тех, кто живет за счет их производства.

С другой стороны, что касается производства излишков, следует препятствовать внутренней конкуренции сверх определенного стандарта, чтобы цены не могли подняться выше тех, которые предлагают иностранцы; но ее можно поощрять ниже стандарта, чтобы стимулировать потребление и давать хлеб производителям. Но если бы вообще не было внешнего спроса, не было бы повода для каких-либо стандартов, и, таким образом, национальное богатство обращалось бы с большей или меньшей скоростью лишь пропорционально росту или падению цен. Изучение баланса между работой и спросом стало бы тогда главным объектом внимания государственного деятеля не с целью обогащения государства, а для того, чтобы сохранить здоровье и бодрость каждого его члена. С другой стороны, цель стандарта касается внешней торговли и приобретения нового богатства за счет других наций. Следовательно, богатым у себя на родине нельзя позволять увеличивать потребление излишков сверх нормы постоянного предложения; поскольку они предназначены для иностранцев, единственный способ помешать им обеспечивать себя самостоятельно - это не допустить роста цен выше уровня, по которому иностранцы могут их производить.

Далее, если бы каждый член общества одинаково стремился к трудолюбию, у общества не было бы повода вносить взносы для повышения общего благосостояния; но поскольку часть средств тратится на обогащение государства за счет продажи своих работ иностранцам, а часть - на то, чтобы заставить эти богатства циркулировать внутри страны за счет потребления излишков, я думаю, что было бы разумным направить часть внутреннего оборота в общественную казну; чтобы, когда последствия частного обогащения неизбежно приведут к повышению цен, государственный деятель мог покрыть расходы на содержание имущества. щедроты на ту часть, которая может быть экспортирована, и, таким образом, позволяют стране продолжать поставлять иностранцам по той же цене, что и раньше.

Чем дальше эти принципы будут претворяться в жизнь, тем дольше государство будет процветать; и тем дольше оно будет поддерживать свое превосходство. Когда внешний спрос начинает падать, чтобы не быть отозванным, либо промышленность должна прийти в упадок,

либо должна начаться внутренняя роскошь. О последствиях того и другого можно легко догадаться, и принципы, которые на них влияют, будут подробно рассмотрены в следующей главе.

ГЛАВА XVI.

Иллюстрация некоторых принципов, изложенных в предыдущей главе, касающихся развития и поддержки внешней торговли.

Теперь я должен проиллюстрировать некоторые моменты, изложенные, как мне кажется, в слишком общих чертах в предыдущей главе и относящиеся к тому виду торговли, который ведется с другими нациями.

Я постоянно имею в виду отделять принципы внешней торговли от тех, которые влияют только на развитие внутренней торговли и оживленное кровообращение: операций, которые производят совершенно разные эффекты, в равной степени заслуживающие внимания государственного деятеля.

Само существование внешней торговли подразумевает отдельный интерес между теми странами, которые находятся по другую сторону торгового контракта, поскольку обе стороны стремятся заключить для себя наилучшую возможную сделку. Эти транзакции подразумевают взаимную зависимость друг от друга, которая может быть либо необходимой, либо условной. Это необходимо, когда одна из наций не может существовать без помощи другой, как в случае между провинцией Голландия и теми странами, которые снабжают ее зерном; или условно, когда потребности определенной нации не могут быть удовлетворены ее собственными жителями только из-за недостатка умения и сноровки.

Следовательно, везде, где одна нация обнаруживает, что другая неизбежно зависит от нее в определенных отраслях торговли, существует определенная основа для внешней торговли; там, где зависимость носит случайный характер, есть возможность для управления и для руки способного государственного деятеля.

Лучший способ сохранить все преимущества - изучить, насколько они необходимы и насколько они лишь случайны, рассмотреть, в каком отношении нации легче всего соперничать со своими соседями, и в каком отношении она обладает естественными преимуществами, которые у нее нельзя отнять.

В основном следует полагаться на природные преимущества: Франция, например, никогда не сможет соперничать со своими винами. Другие страны могут пользоваться большими преимуществами благодаря своему положению, шахтам, рекам, морским портам, рыболовству, древесине и некоторым производствам, связанным с почвой. Если абстрагироваться от этих естественных преимуществ, все нации находятся в равных условиях в том, что касается торговли. Промышленность и рабочая сила - это свойства, привязанные к месту, не больше, чем экономика и трезвость.

Это утверждение может быть поставлено под сомнение в соответствии с принципами г-на де Монтескье, который выводит происхождение многих законов, обычаев и даже религий из влияния климата. Этот великий человек рассуждал, основываясь на фактах и опыте, а также на

силе и тенденции естественных причин вызывать определенные эффекты, когда они не сдерживаются другими обстоятельствами; но в моем методе рассмотрения этого предмета я полагаю, что этим причинам никогда не следует позволять вызывать их естественные и немедленные последствия, когда за такими последствиями последовали бы политические неудобства: потому что я постоянно предполагаю, что во главе правительства стоит государственный деятель, который учитывает все обстоятельства для содействия выполнению разработанного им плана.

1^{мо}. Таким образом, если нация сформировала схему долгого становления великой и могущественной благодаря торговле, она должна сначала вплотную заняться производством каждого натурального продукта в стране. Для этой цели должно быть задействовано достаточное количество рабочих рук, ибо, если обнаружится нехватка рабочих рук, природный продукт будет экспортироваться без получения какой-либо дополнительной стоимости от труда; и, таким образом, последствия этого естественного преимущества будут утрачены.

Цены на продукты питания и все необходимое для производителей должны быть легко установлены.

И, наконец, если не будут соблюдаться экономия и трезвость среди рабочих и хорошие правила со стороны государственных деятелей, цель не будет достигнута: ибо если мануфактура, доведенная до совершенства, не сохранит преимуществ, которые были у фабриканта вначале, благодаря использованию натуральных продуктов страны; это то же самое, как если бы этих преимуществ не существовало. Я проиллюстрирую это на примере.

Я предположу, что шерсть лучше, в большем количестве и дешевле в одной стране, чем в другой, и что две нации конкурируют в этой торговле. Естественно, что последний должен желать купить шерсть первого, а другой должен желать хранить ее дома, чтобы производить. Таким образом, вот естественное преимущество, которое первая страна имеет перед последней и которое у нее нельзя отнять. Я предположу, что средства к существованию в одной стране так же дешевы, как и в другой; это значит, что хлеб и все другое необходимое для жизни стоит по одной и той же цене. Если рабочие первой страны (будучи основателями суконной мануфактуры и имея в течение длительного периода времени настолько большое превосходство над другими нациями, что делают их в некотором смысле абсолютно зависимыми от них в производстве тканей) будут время от времени повышать свои цены; и если вследствие больших прибылей, которыми долгое время пользовались без соперничества, они будут настолько привязаны к реальной стоимости за счет обычных более высоких расходов на жизнь, что подразумевает увеличение заработной платы, эта страна может, таким образом, потерять все преимущества, которые она имела от низкой цены и превосходного качества тканей. качество его шерсти. Но если, с другой стороны, рабочие в последней стране работают меньше, проявляют меньшую сноровку, платят непомерные цены за шерсть по себестоимости и требуют больших затрат на перевозку; если производство может успешно осуществляться только государственной властью и если частные рабочие будут подавлены чрезмерными налогами на их трудолюбие, то все случайные преимущества, которые последняя страна имела по сравнению с первой, могут оказаться более чем уравновешенными, и первая может вернуть себе то, что природа дала ей первой. Но это ни в коем случае не должно сделать отдых в первой стране безопасным. Эти случайные неудобства, обнаруживаемые в последнем, могут прекратиться; и поэтому единственной реальной гарантией первого для этой отрасли является дешевизна изготовления.

2до. Говоря о стандарте, в предыдущей главе я установил различие между одним стандартом, который регулируется высоким иностранным спросом, и другим, который поддерживается на настолько низком уровне, насколько позволяет возможность поставок производителю. Это требует небольшого пояснения.

Здесь не следует предполагать, что люди когда-либо будут руководствоваться принципом общественного духа, а не извлекать выгоду из роста иностранного спроса; и поскольку это может происходить в результате обстоятельств и событий, которые полностью скрыты от производителей, такие революции неизбежны. Поэтому мы должны ограничить общность нашего предложения и заметить, что необходимые колебания этого иностранного спроса не причиняют вреда; но что государственный деятель должен быть постоянно настороже, чтобы предотвратить *нарушение баланса или малейшую консолидацию экстраординарных прибылей с реальной стоимостью*. Этого он достигнет, как было замечено, путем увеличения числа рабочих рук в тех отраслях экспорта, от которых возросла прибыль. Это увеличит предложение и даже лишит его собственный народ необычайных выгод, которые в противном случае нанесли бы ущерб внешней торговле.

Государственный деятель может иногда, исходя из принципа благожелательности, возможно, естественного равенства по отношению к трудолюбивым слоям населения, а также из соображений разумной политики, допускать получение больших прибылей в качестве поощрения некоторых наиболее изящных искусств, которые служат украшением страны, создают народу репутацию человека со вкусом и утонченностью и тем самым заставляют иностранцев отдавать предпочтение изделиям их производства, которые не имеют никаких других высших достоинств, кроме названия страны, из которой они родом: но даже в этом отношении он должен быть настороже, никогда не позволять им подняться так высоко, чтобы доказать обратное. поощрение других наций к налаживанию успешного соперничества.

3тио. Рекомендуемое поощрение внутреннего потребления излишков, когда спрос на них из-за рубежа падает настолько низко, что это приводит к огорчению рабочих, требует немного дополнительного объяснения.

Если то, что я изложил в предыдущей главе, понимать буквально, я признаю, что это выглядит абсурдным предположением, потому что оно подразумевает определенную степень общественного духа у тех, кто способен приобретать излишки, которых нигде нет, и в то же время самоотречение в прекращении спроса, как только открывается другая отрасль внешней торговли для использования трудолюбивыми, что противоречит принципам, на которых мы основали всю схему нашей политической экономики.

Я уже где-то отмечал, что если бы революции происходили так внезапно, как я вынужден их изображать, все пришло бы в замешательство.

Следовательно, смысл этой операции сводится к следующему: когда государственный деятель обнаруживает, что естественный вкус его народа не позволяет ему извлекать выгоду из излишков товаров, которые имеются в наличии и которые обычно экспортировались, он должен использовать свою власть и управление таким образом, чтобы предотвратить бедственное положение рабочих, и когда из-за внезапного падения иностранного спроса это бедствие становится неизбежным, без более мощного вмешательства он должен тогда сам стать покупателем, если другие не захотят; или, путем премий или вознаграждений за излишки,

которые лежат на раздача, во всяком случае, содействуйте ее продаже до тех пор, пока дополнительные раздачи не будут обеспечены иным образом. И хотя я допускаю, что богатые люди штата естественным образом не склонны, исходя из принципа либо общественного духа, либо самоотречения, делать такие политические операции эффективными для продвижения предлагаемой цели, все же мы не можем отрицать, что во власти хорошего правителя, разоблачая политическое состояние определенных классов людей, заставить состоятельных людей согласиться с планами по их облегчению; и это все, что я намерен рекомендовать на практике. Моя точка зрения состоит в том, чтобы изложить принципы, и я никогда не рекомендую их дальше, чем это становится возможным при исполнении, благодаря подготовительным шагам и надлежащей работе над духом людей.

ГЛАВА. XVII.

Симптомы упадка внешней торговли.

Если обнаружится, что фабриканты остались без работы, мы не должны немедленно обвинять государственного деятеля или делать вывод, что это происходит из-за упадка торговли, пока не будет выяснена причина этого. Если при исследовании будет обнаружено, что в течение нескольких прошедших лет цены на продовольствие были выше, чем в соседних странах, в этом может быть виноват государственный деятель, поскольку несомненно, что торговая нация, направляя часть своей торговли в надлежащее русло, всегда может быть в состоянии установить справедливый баланс в этом конкретном вопросе. И хотя в годы дефицита нецелесообразно снижать цену на зерно очень низко, все же, как правило, возможно повысить цену на него во всех конкурирующих странах, что в данном случае одно и то же.

Если эта нехватка рабочих мест для фабрикантов проистекает не из высоких цен на жизнь, а из-за отсутствия комиссионных у торговцев, то необходимо изучить причины этого уменьшения спроса. Это может быть случайным и произойти по причинам, которые могут прекратиться через короткое время, и торговля вернется к прежнему процветанию. Это может также произойти при учреждении новых предприятий в различных местах страны, с помощью которых, по причине какого-либо естественного преимущества, или более бережливого характера рабочих, или из-за близости места, могут быть обеспечены рынки, которые раньше обеспечивались теми трудолюбивыми людьми, которые оказались без работы. Согласно этим последним предположениям, бедственное положение фабрикантов не доказывает какого-либо упадка торговли в целом, но, напротив, может способствовать уничтожению пагубных последствий совокупных прибылей, поскольку вынуждает тех, кто раньше делил их, отказаться от легкости своего положения и вновь заняться тяжелым трудом, чтобы добыть средства к существованию. Когда такие революции происходят внезапно, их бывает трудно вынести, и они повергают людей в большое бедствие. Отчасти для предотвращения подобных неудобств мы рекомендовали применять к экспортируемым товарам максимально низкие стандарты.

Существуют две причины, которые очень часто указывают на упадок торговли, а именно: 1. Когда внешние рынки, обычно поставляемые торгующей нацией, начинают снабжаться, пусть

даже самыми незначительными товарами, другими, не используемыми для их снабжения. Или 2. Когда сама страна снабжается из-за границы такими изделиями, которые раньше производились дома.

Эти обстоятельства доказывают одно из двух: либо то, что в других странах есть рабочие, которые благодаря преимуществам, приобретенным ими от природы, или благодаря трудолюбию и бережливости, находя спрос на свой труд, отнимают хлеб у тех, кто работал раньше, и лишают их определенных отраслей их внешней торговли; либо то, что эти иностранные рабочие, воспользовавшись возросшей роскошью и беспутством бывших торговцев, начали поставлять на рынки определенные предметы потребления, прибыль от которых, будучи небольшой, без особого соперничества незаметно передается им. рабочими другой торговой страны, которые находят лучший хлеб в обслуживании своих богатых соотечественников.

Против первой причины упадка я не вижу лучшего средства, чем терпение, как я уже говорил, и настойчивость в бережливости и экономии, пока неосторожные новички не столкнутся с неудобствами, обычно сопутствующими богатству и легкости.

Вторую причину упадка устранить гораздо труднее. Ее корни лежат глубоко и укоренились в духе и манерах всего народа, как высшего, так и низшего. Низшие классы заразились пристрастием к излишеству и расходам, которые они могут удовлетворять, работая на своих соотечественников; в то время как они презирают отрасли внешней торговли как низкие и убыточные. Высшие классы снова зависят от низших классов в удовлетворении тысячи мелких пустяковых желаний, сформированных вкусом к разгулу и поддерживаемых привычкой, модой и любовью к расходам.

Итак, вот введенная в действие система, посредством которой бедные становятся богатыми, а богатые - счастливыми, наслаждаясь постоянным разнообразием всего, что может устранить неудобства, которым подвержена человеческая природа. Таким образом, обе стороны становятся заинтересованными в его поддержании и соревнуются друг с другом в изобретательности выдумывания новых потребностей; одна - из-за немедленного удовлетворения от их устранения; другая - из-за выгоды от предоставления средств и надежд однажды разделить их.

Но даже от этого великого зла сама природа человека указывает средство. Найти его - дело государственного деятеля. Лекарство проистекает из нестабильности любого вкуса, не основанного на рациональных желаниях.

В каждой стране роскоши мы постоянно сталкиваемся с определенными классами рабочих, попавших в бедственное положение из-за смены режимов. Если бы государственный деятель был настороже и нанимал людей, вынужденных бездействовать, до того, как они займутся новыми изобретениями, для поддержки старого плана или до того, как они вступят в заброшенный и порочный образ жизни, он получил бы их дешево и мог бы обратить их труд как на пользу государству, так и на предотвращение роскоши.

Однако я признаю, что, пока у богатых сохраняется вкус к роскоши, всегда найдутся трудолюбивые люди, которые в максимальной степени воспользуются им; и я также допускаю, что такой вкус обладает бесконечными соблазнами, особенно пока молодость и здоровье позволяют богатому человеку предаваться ему. Однако тех, кто систематически занимается

роскошью, то есть благодаря сформировавшемуся вкусу и укоренившейся привычке, очень мало по сравнению с теми, кто становится таковыми из легкомыслия, тщеславия и подражания другим. Последние - это те, кто в основном поддерживает и расширяет систему; но они не самые неисправимые. Если бы не подражание, все века стремились бы к удовлетворению естественных желаний и были бы удовлетворены. Двадцать пять человек могут думать о нарядах, лошадях, охоте, собаках и щедрых винах; сорок - об обильном столе и удовольствиях общества; шестьдесят - о экипажах, креслах с подлокотниками, мягких коврах и средствах развлечения. Но склонность к имитации объединяет людей всех возрастов. Старик обожает лошадей и красивую одежду; юноша едет в своей колеснице на рессорах и разваливается в мягком кресле, достаточно большом, чтобы служить ему кроватью. Все это проистекает из избытка богатства и вкуса к имитации, а не из настоящих соблазнов легкости и вкуса роскоши, как должен чувствовать каждый, кто хоть раз общался с великими и состоятельными. Мода, которую я здесь понимаю как синоним подражания, приводит большинство людей к чрезмерным расходам, которые настолько далеки от того, чтобы быть предметом роскоши, что часто являются бременем для человека, который их несет. Во власти государственного деятеля пресечь все подобные расходы, поставив свой собственный пример и пример своих фаворитов и слуг выше каприза моды.

Легкомыслие и переменчивость человечества, как я уже сказал, даже помогут ему. Иногда оказывается, что поколение экономистов приходит на смену поколению расточителей; и теперь мы видим, что почти по всей Европе система трезвости приходит на смену привычной системе пьянства. Пьянство и множество бесполезных слуг были роскошью прежних времен.

От каждой такой революции может извлечь выгоду способный государственный деятель, который, с одной стороны, должен подавать хороший пример, а с другой - извлекать выгоду из каждой перемены вкусов, чтобы восстановить внешнюю торговлю своих подданных. Пример бережливости в глазах людей, живущих в роскоши, причинил бы бесконечный вред, если бы он был направлен только на изменение морали богатых, не возмещая бедным сокращение их потребления.

Следовательно, в то же самое время, когда роскошь теряет свои позиции дома, должна быть открыта дверь, которая служила бы выходом для работы тех рук, которые из-за этого должны оставаться праздными и которые, следовательно, должны впасть в бедственное положение.

Это не более чем перевернутый принцип, изложенный ранее в пятнадцатой главе: там мы сказали, что, когда внешний спрос начинает снижаться, необходимо увеличить внутреннюю роскошь, чтобы смягчить потрясение от внезапной революции в пользу трудолюбивых. По той же причине здесь мы говорим, что внешняя торговля должна открываться при каждом уменьшении внутренней роскоши.

Как мало принцев мы находим либо бережливыми, либо величественными из политических соображений! И в таком случае, разве не необходимо представить им естественные последствия того и другого? И еще более необходимо указать на методы, которые следует предпринять, чтобы избежать неудобств, которые могут возникнуть из-за того или иного.

При расточительной администрации число людей будет увеличиваться. Поэтому государственный деятель должен внимательно следить за обеспечением средств к существованию. При бережливом правлении численность населения уменьшится, если

государственный деятель не откроет все каналы, по которым могут вывозиться излишки промышленной продукции. Вот причина: уменьшение расходов внутри страны означает уменьшение занятости; и это опять же подразумевает уменьшение числа людей; потому что это прерывает обращение средств к существованию, которые позволяли им жить; но если занятость будет направлена далеко из-за границы, нация сохранит свой народ, и сбережения государя могут быть компенсированы остатком, поступающим от иностранцев.

Эти темы изложены лишь в качестве намеков; и их развитие, возможно, уместно здесь; но я рассчитываю использовать их в другом месте с большей пользой после изучения принципов налогообложения и указания на те, которые определяют применение государственных денег.

ГЛАВА I. XVIII.

Методы снижения цен на промышленные товары с целью сделать их доступными для продажи на зарубежных рынках.

Многообразие отношений между различными частями политической экономики вынуждает меня к частому повторению принципов. У меня нет другого правила судить, являются ли такие отношения излишними или необходимыми, кроме как по тенденции, которую они имеют, чтобы дать мне более отчетливый взгляд на мой предмет. Это тот случай, когда одни и те же принципы применяются к различным сочетаниям обстоятельств.

Почти все, что следует сказать по теме, упомянутой в названии этой главы, было учтено в другом месте; и мое нынешнее намерение состоит только в том, чтобы свести воедино идеи, которые кажутся разрозненными, потому что они время от времени привносились из-за их связи с другими вопросами.

Методы снижения цен на промышленные товары с целью сделать их доступными для экспорта бывают двух видов.

Первые, такие, которые являются результатом хорошей администрации и которые снижают цены внутри страны вследствие естественных причин.

Вторые, такие, которые воздействуют только на ту часть, которая идет на экспорт, вследствие надлежащего использования государственных денег.

Поскольку я еще не исследовал методы обеспечения общественного фонда, я думаю, что было бы вопреки приказу приступить к распоряжению им для снижения цен на промышленные товары. Впоследствии эта операция станет более естественной, и упомянутое здесь общее различие введено лишь для того, чтобы мои читатели могли запомнить его и применять по ходу дела.

Предлагаемая цель состоит в том, чтобы снизить цены на продукцию обрабатывающей промышленности, с тем чтобы ее можно было экспортировать. Следовательно, первое, что необходимо знать, - это причина, по которой происходит, что некоторые изделия не могут быть

изготовлены дома так дешево, как в других странах; второе, как применить надлежащее средство для снижения их цены.

Причины высоких цен, то есть цен, относительно высоких по сравнению с тем, какими они являются в других странах, сводятся к четырем главам, которые я изложу в их порядке, а затем укажу методы их устранения аналогичным образом, в их порядке.

1то. Объединение высокой прибыли с реальной стоимостью производства. Эта причина действует в странах, где роскошь завоевала популярность, и когда внутренняя конкуренция отозвала слишком много рабочих рук, которые раньше довольствовались обслуживанием по низкой цене и за небольшую прибыль.

2до. Повышение цен на предметы первой необходимости. Эта причина действует тогда, когда прогресс промышленности был более быстрым, чем прогресс сельского хозяйства. Показанный нами прогресс промышленности неизбежно влечет за собой увеличение *полезных жителей*; а так как у них обычно есть средства для приобретения средств к существованию, то в тот момент, когда их численность превысит пропорцию количества средств, производимых сельским хозяйством, или того, что можно найти на рынках страны или привезти из-за границы, они вступают в конкуренцию и повышают цену на средства к существованию. Итак, давайте между прочим заметим, что то, что повышает цену средств к существованию, - это увеличение числа полезных обитателей, то есть таких, которые легко доступны в их обстоятельствах. Пусть несчастных будет очень много, пусть порочное размножение зайдет так далеко, такие жители окажут незначительное влияние на повышение цен, но очень большое - на увеличение нищеты. Доказательство этого можно найти во многих провинциях, где число бедняков очень велико и где в то же время цены на предметы первой необходимости очень низки; тогда как нельзя найти ни одного примера, когда объединение большого числа трудолюбивых людей не приводило бы к немедленному удорожанию большинства предметов жизнеобеспечения.

3tio. Естественные преимущества других стран. Это действует вопреки всем предосторожностям самых бережливых и трудолюбивых людей. Пусть они лишат себя всякого излишества; пусть они будут всегда такими прилежными и изобретательными; пусть государственные деятели максимально улучшат все обстоятельства для налаживания внешней торговли; преимущество климата и положения может дать такое превосходство народу другой страны, что прямая конкуренция с ними станет невозможной.

4то. Превосходящая ловкость других наций в развитии своей промышленности, их познания в науке торговли, преимущество, которое они имеют в обращении своих денег для учета в периоды их собственного прямого обращения, превосходные способности их государственных деятелей, применение их государственных денег, одним словом, совершенство их политической экономики.

Прежде чем я перейду к методу устранения этих нескольких неудобств, я должен заметить, что, поскольку мы в настоящее время рассматриваем *относительный* рост цен на промышленные товары, постоянно подразумевается конкуренция между нациями. Именно это обязывает государственного деятеля быть особенно внимательным к росту цен. Термин *конкуренция* относителен и передает идею соперничества между двумя сторонами, стремящимися достичь одной и той же цели. Поэтому я должен проводить различие между усилиями, которые предпринимает одна нация, чтобы *сохранить* уже достигнутое превосходство, и усилиями

другой страны, которая стремится взять над ним верх. Первое я назову соревнованием по *удержанию*; второе - соревнованием по *приобретению*.

Первые три главы представляют неудобства, которым подвержены *удерживаемые* конкуренты; а четвертая охватывает те, которым чаще всего подвергаются *приобретаемые* конкуренты.

Приведя наш предмет в порядок, я изложу принципы, которые по отдельности влияют на устранение любых неудобств, будь то для страны, внешняя торговля которой уже хорошо налажена, или для другой страны, естественно рассчитанной на участие в соревновании за ее приобретение.

Предлагая средство от конкретных причин увеличения, изложенных здесь, мы должны предполагать, что каждая из них совершенно проста и не связана с другими; что на самом деле случается редко. Это я делаю для наглядности; и основная трудность на практике состоит в том, чтобы комбинировать средства пропорционально осложнению болезни. Теперь я перехожу к первой из четырех причин высоких цен, а именно к консолидированной прибыли.

Вся доктрина об этом была подробно изложена в 10-й главе. Там мы объяснили их природу, показали, как нарушение баланса из-за длительного преобладания масштаба спроса привело к консолидации прибылей в стране роскоши; и заметили, что снижение их до надлежащего уровня неизбежно приведет к бедствию тех, кто долгое время ими пользовался.

Вопрос здесь в том, чтобы сократить их, когда иным способом сохранить внешнюю торговлю невозможно, пусть последствия будут еще более пагубными для определенных людей. Когда благосостояние нации конкурирует с временными неудобствами для некоторых жителей, общее благо должно быть предпочтительнее частных соображений.

Я заметил выше, что домашняя роскошь, предлагая высокие цены на определенные виды промышленности, отнимает много рук, занятых поставкой предметов экспорта, от которых прибыль обычно бывает очень умеренной. Первым естественным и непосредственным следствием этого является сокращение рабочих рук, занятых удовлетворением иностранного спроса; следовательно, уменьшение предложения; следовательно, возникновение *простой конкуренции* со стороны иностранцев, которые являются покупателями; следовательно, увеличение прибылей до тех пор, пока из-за их роста и консолидации рынок не опустеет.

Сам прогресс, о котором здесь говорится, указывает на средство правовой защиты. Число рабочих рук, занятых в этих конкретных отраслях, должно быть умножено; и если роскошный вкус и богатство страны не позволяют никому, кто может добиться большего, посвятить себя виду производства, прибыльному для нации, но неблагодарному для тех, кто им занимается, государственный деятель должен собрать детей обездоленных в рабочие дома и приучить их к этой работе, соблюдая наилучшие возможные правила для экономии каждой статьи ненужных расходов; здесь также могут время от времени наниматься те вышеупомянутые лица, которых смена уклада, возможно, выгнала с работы, до тех пор, пока они не будут лучше обеспечены работой. . Это также отдушина для подкидышей, поскольку многие из тех, кто работает на экспорт за границу, по справедливости должны быть причислены к низшим слоям населения; и в первой книге мы предложили, чтобы каждый, кто воспитывается за счет общественной благотворительности, был брошен на вербовку этих классов, которые с величайшим трудом могут поддерживать свое собственное распространение.

Здесь позвольте мне заметить, что, хотя в целом верно, что большая часть экспортируемых изделий действительно приносит лишь очень среднюю прибыль в результате расширения промышленности в различных странах, все же можно найти различные исключения; особенно в странах, известных своим изяществом вкуса. Но как быстро мы видим, что эти прибыльные отрасли внешней торговли отрезаны от того самого неудобства, от которого мы здесь ищем средство. Причина проста. Когда иностранцы требуют таких изделий, они лишь пользуются инструментами иностранной роскоши, которые повсюду приносят производителю значительную прибыль. Эти высокие прибыли легко устанавливают соперничество в пользу нации, которой они поставляются, потому что достаточно намекнуть, чтобы позволить тем, кто занимается аналогичной профессией в этой стране, снабжать своих собственных жителей. В таком случае способный государственный деятель должен быть постоянно внимателен к каждому растущему вкусу иностранных наций к изобретениям своего народа; и как только его работники, занимающиеся роскошью, поставят кого-либо на ноги, он может передать эту отрасль в руки самых бережливых, чтобы поддержать ее, и оказать им такое поощрение, чтобы предотвратить, по крайней мере, соперничество тех иностранцев, которые привыкли работать ради больших прибылей. Это один из методов превращения предмета роскоши в предмет внешней торговли. Позвольте мне проиллюстрировать это на примере.

Каких больших выгод не получают французы от экспорта своих товаров? Но мы быстро обнаруживаем, что их лакам, кисее, лентам и колифитам подражают другие нации ни по какой другой причине, кроме как из-за больших или, по крайней мере, консолидированных прибылей, которыми пользуются сами французские рабочие, которые, изобилующие новыми изобретениями и поддерживаемые своей репутацией элегантных костюмов, получили право предписывать всей Европе эталон вкуса в предметах простого излишества. Однако это не является постоянной прерогативой; и что элегантные люди, долгое время подавая пример и определяя стандарт утонченности в некоторых роскошных искусствах, в конце концов привьют подобный вкус своим ученикам, которые, таким образом, смогут вытеснить их. В то время как, если бы они старались поставлять все свои изобретения по как можно более низким ценам, они бы всегда оставались единственными поставщиками мебели.

Следовательно, метод уменьшения совокупной прибыли, будь то от предметов экспорта или внутреннего потребления, заключается в увеличении числа рабочих рук, занятых их поставкой; и чем постепеннее будет происходить эта революция, тем меньше неудобств возникнет у тех, кто вследствие этого будет вынужден отказаться от них.

Страна, обладающая обширной территорией и большими возможностями для расширения своего сельского хозяйства (как я предполагал, нынешнее положение Франции), может при хорошем управлении обнаружить, что развитие роскоши вполне совместимо с процветанием ее внешней торговли; потому что население может увеличиваться по своему усмотрению. Но как только становится трудно добывать средства к существованию, этот способ прекращается. Государственный деятель должен, таким образом, наилучшим образом использовать имеющихся у него жителей, роскошь должна подвергнуться ограничению; а тех, кто занят снабжением внутреннего потребления по высоким ценам, необходимо заставить сократить свои консолидированные прибыли, чтобы свести общее количество производимой ими продукции к таким рамкам, которые сделают ее доступной для продажи на зарубежных рынках.

Если производители ведут роскошный образ жизни, это должно происходить за счет их необычайных прибылей. Они все еще могут продолжать получать их, пока продукты их труда потребляются дома. Но ни один торговец не будет претендовать на то, чтобы продать его за пределы страны, потому что в этом случае он обнаружит, что труд других людей, которые менее роскошны и, следовательно, работают дешевле, конкурирует с ним.

Чтобы восстановить внешнюю торговлю, этим консолидированным прибылям необходимо положить конец, напав на роскошь, когда обстоятельства делают увеличение числа людей неудобным, и цены, конечно, упадут.

Это вызовет большие жалобы у разного рода торговцев. Будут кричать, что торговля разрушена, промышленники голодают, а государство развалено; но истина будет заключаться в том, что промышленники своим трудом начнут обогащать свою собственную нацию за счет всех тех, кто с ней торгует, вместо того, чтобы обогащаться за счет своих соотечественников; и только за счет революции в балансе богатства внутри страны.

Для любого государственного деятеля будет крайне обескураживающей попытка внезапной реформы этого злоупотребления консолидированными прибылями, когда он вынужден нападать на роскошь своего собственного народа. Следовательно, наилучший способ - не допустить, чтобы дело дошло до того, что потребуется столь опасное и трудное средство правовой защиты.

Вряд ли есть возможность изменить нравы народа, если не уделять должного внимания образованию молодежи. Следовательно, следует использовать все методы для снабжения мануфактур новыми рабочими; и чтобы развращающий пример не взял верх над всеми предосторожностями, местонахождение мануфактур могло быть изменено; особенно если они находятся в больших и густонаселенных городах, где жизнь дорога: в этом случае другие должны быть построены в провинциях, где жизнь дешева. Государство должно поощрять эти новые начинания, необходимо принимать большое количество детей, чтобы их [рано приучили](#) к трудолюбию и бережливости; это снова побудит людей вступать в брак и размножаться, поскольку это будет способствовать освобождению их от бремени многочисленной семьи. Если следовать такому плану, как этот, то насколько незначительным станет число бедных людей за короткое время; и поскольку это незаметно увеличит число полезных жителей за счет той молодежи, которая вербовала и поддерживала бедняков, то налоги, выделяемые на борьбу с бедностью, могут быть полностью применены, чтобы предотвратить это.

Законы о натурализации часто предлагались в стране, где консолидированная прибыль создавала неудобства, для устранения которых мы здесь предлагаем средство. Этим средством многие льстят себе, чтобы привлечь в страну трудолюбивых иностранцев, которые, привыкнув жить более бережливо и с меньшими доходами, могут своим примером и конкуренцией сбить цену на работу среди местных жителей.

Несколько обстоятельств сводят на нет успех этой схемы. Во-первых, консолидированная прибыль - не единственное неудобство, которое необходимо устранить: существует также осложнение, связанное с высокими ценами на многие предметы первой необходимости. Во-вторых, поскольку внутри страны не предполагается никаких реальных изменений ни в увеличении прожиточного минимума, ни в регулировании его цены, ни в образе жизни, эти иностранцы, которые, как таковые, должны подвергаться чрезвычайным расходам, не в

состоянии ни существовать, ни, следовательно, работать так дешево, как они работали дома. Кроме того, что может быть мотивом их приезда, если не более высокая заработная плата и не лучшая жизнь?

Итак, вот нация, посылающая за чужаками, чтобы они могли работать дешевле; и чужаки стекаются в страну в надежде продать свой труд подороже. Это как раз тот случай, когда два друга собираются заключить выгодную сделку; продавец воображает, что *его друг* не пожалеет хорошей цены. Покупатель, с другой стороны, льстит себя надеждой, что *его друг* продаст ему товар дешевле, чем другому. Это редко не вызывает недовольства с обеих сторон.

Кроме того, если количество пищи не будет увеличено, если часть ее будут потреблять чужеземцы, местные жители должны будут в некоторой степени голодать; и если вы увеличите количество пищи и будете продавать ее по цене немного ниже, чем в соседних странах, ваши собственные жители будут умножаться; государство может взять на службу большое количество из них в молодости; вскоре они научатся что-то делать промышленным способом; они могут быть связаны на несколько лет, достаточных для возмещения обществу первых расходов; и одно только поощрение в виде того, что хлеб дешевле, чем где-либо еще, принесет вам столько же незнакомцев, которых вы склонны принимать, при условии, что постоянный запас продовольствия может быть обеспечен пропорционально увеличению числа людей.

Но я полагаю, что государству всегда лучше размножаться за счет своих собственных жителей, чем за счет чужих; по многим причинам, которые мне кажутся очевидными.

Теперь мы переходим ко второй причине высоких цен, а именно к повышению стоимости предметов первой необходимости, которое, как мы сказали, происходит от того, что прогресс промышленности опережает прогресс сельского хозяйства. Позвольте мне представить эту идею в более ясном свете, поскольку здесь она заключена в слишком общих чертах, чтобы ее можно было правильно рассматривать со всех сторон.

Идея о том, что население увеличивается сверх меры, необходимой для существования, по-видимому, подразумевает, что их и так слишком много; а поскольку причиной их увеличения был спрос на их трудолюбие, это доказывает, что раньше их было слишком мало. Добавьте к этому, что если, несмотря на повышение цен на труд, происходящее из-за нехватки средств к существованию, окажется, что внутренний спрос преобладает за счет внешней торговли, то это обстоятельство еще раз доказывает, что, хотя численность населения может быть уже увеличена сверх нормы, необходимой для обеспечения средств к существованию, их численность все еще слишком мала для того, что от них требуется дома; и для того, что от них требуется для содействия процветанию их страны, для поддержки их торговли за границей.

Из этого изложения вопроса решение кажется очевидным: необходимо увеличить численность населения и средства к существованию. Возникает вопрос, каким образом и с какими предосторожностями должны выполняться эти операции?

Население увеличивается за счет снижения цены на средства к существованию до той величины, которую спрос установил за труд тех, кто должен его потреблять. Этого можно достичь только путем увеличения количества, путем импорта из-за рубежа, когда страну невозможно заставить производить больше самой.

Здесь вмешательство государственного деятеля абсолютно необходимо, поскольку часто при снижении цен на зерно в год дефицита могут быть понесены большие убытки. Следовательно, премии должны выплачиваться при импорте до тех пор, пока не будет выполнен план расширения сельского хозяйства, причем в другом месте. Это должно осуществляться с величайшей осмотрительностью; ибо, если таким образом зерно подешевеет слишком низко, вы погубите земельный процент, и хотя (как мы сказали выше) все в торговой стране вскоре приходит в равновесие, все же всегда следует опасаться внезапных и насильственных революций, подобных этой. Они всегда опасны, и необходимо поддерживать дух каждого класса жителей.

Призыв к дискредитации какой-либо отрасли промышленности может заставить занятых в ней работников отказаться от нее к большому ущербу для всего производства. Это неизбежно произойдет, когда насильственные переходы не будут вызваны естественными причинами, как в примере, приведенном здесь перед нами, когда предполагается, что цена на зерно будет снижена за счет увеличения его количества за счет импорта, а не за счет избытка. Потому что при падении рынка из-за импорта бедному фермеру нечем компенсировать низкую цену, которую он получает за свое зерно; тогда как, когда оно поступает из избытка, у него появляется дополнительное количество.

Следовательно, в годы общего дефицита государственный деятель должен снижать цену зерна не путем предоставления премий, а в обратной пропорции к желаемому количеству: иными словами, чем больше требуется зерна, тем меньше следует снижать цену.

Для любого правительства может показаться очень масштабным проект по удержанию цен на зерно на низком уровне в годы общего дефицита. Я допускаю, что поддерживать низкие цены политически невозможно; потому что, если взять всю Европу вместе взятую, продукция всей европы потребляется жителями один год за другим; и в год, когда наблюдается всеобщий дефицит, было бы очень трудно, если не невозможно, (без предварительного разработки плана для этой цели) заставить какую-либо нацию жить в достатке, в то время как другие умирают с голоду. Поэтому все, что предлагается, - это поддерживать цены на зерно в максимально возможной пропорции к годовому запасу.

Теперь, если правительство не вмешивается, этого никогда не произойдет. Я предположу, что жители страны потребляют в год умеренного изобилия шесть миллионов четвертей зерна; если в год дефицита окажется, что недостает одного миллиона четвертей или даже гораздо меньшего количества, то произведенные пять миллионов четвертей поднимутся в цене, возможно, вдвое по сравнению с обычной стоимостью, вместо того чтобы увеличиться только на одну пятую. Но если вы проанализируете ситуацию в странах, где торговля не очень хорошо налажена, как, например, в некоторых внутренних провинциях континента, то нет ничего необычного в том, что зерно продается в три раза дороже, чем оно стоит в обычные изобильные годы, и все же, если бы в такой год жителям огромного королевства не хватало провизии на шесть месяцев, вся остальная Европа, возможно, едва ли смогла бы уберечь их от голода.

Именно страх перед нуждой, а не реальная нужда, приводит к резкому росту цен на зерно. Теперь, поскольку эта чрезвычайная революция в повышении цен на зерно происходит не от естественной причины, а именно от степени дефицита, но из-за алчности и злых умыслов людей, которые его накапливают, это приводит к таким же плохим последствиям для той части жителей страны, которые заняты в мануфактурах, какие падение цен на зерно привело бы к

фермерам, если бы цены из-за импорта были снижены ниже справедливой пропорции количества, производимого в стране.

Помимо импорта зерна, есть еще один способ очень значительно увеличить его количество в некоторых странах Европы. В год дефицита разве количество продовольствия не могло бы быть значительно увеличено за счет запрета на производство солодовых напитков, разрешающего ввоз вин и бренди; или, действительно, без каких-либо ограничений свободы жителей в отношении солодовых напитков, я убежден, что свобода беспошлинного ввоза вин в годы дефицита значительно увеличила бы количество средств к существованию.

Здесь неподходящее место для рассмотрения неудобств, которые могут возникнуть для доходов при такой схеме; потому что мы здесь говорим только о тех средствах, которые могут быть использованы для сохранения баланса во внешней торговле. Казна, которая наполняется за счет этого, недолго продержится в цветущем состоянии.

Это, по-видимому, наиболее рациональные временные меры для снижения цен на зерно в годы дефицита; впоследствии мы рассмотрим принципы, на основе которых может быть разработан план устранения любой неустойчивости цен на средства к существованию.

В годы изобилия необходимо принимать меры предосторожности другого рода, ибо высокие цены, вызванные экспортом, так же пагубны для бедных торговцев, как если бы они были вызваны дефицитом. А низкие цены, вызванные избытком, так же пагубны для бедного земледельца, как если бы у него не было урожая.

Следовательно, государственный деятель должен быть очень внимателен к тому, чтобы поставить внутреннюю торговлю зерном на наилучшую возможную основу, предотвращать мошенничество купцов и способствовать равному распределению продовольствия во всех уголках страны; и посредством импорта и экспорта, в зависимости от изобилия и нехватки, регулировать справедливую пропорцию между общим годовым запасом в Европе и ценой на пропитание; всегда следя за тем, чтобы у себя дома она была несколько ниже, чем у любой страны-конкурента в торговле. Если этот метод будет хорошо соблюдаться, население увеличится; а это главный шаг к снижению издержек производства, потому что вы увеличиваете количество рабочих рук и, следовательно, снижаете цену труда.

Другим средством, которое, как было установлено, дает самые замечательные результаты в снижении цен на промышленные товары (в тех странах, где жизнь обходится дорого из-за пагубной конкуренции между жителями за производимые средства к существованию), является изобретение и внедрение машин. В предыдущей главе мы ответили на основные возражения, которые были выдвинуты против них в странах, где число праздных или мало-мальски трудолюбивых так велико, что любое средство, способное сократить труд, рассматривается как средство уморить бедных голодом. В этом возражении нет основательности; а если бы и была, то в настоящее время мы занимаемся поиском планов не для того, чтобы накормить бедных, а для того, чтобы накопить богатство торговой нации, позволив трудолюбивым прокормить себя за счет иностранцев. Установлено, что внедрение машин приводит к неожиданному снижению цен. И если они добиваются того, что отбирают хлеб у сотен людей, ранее занятых выполнением своих простых операций, то они добиваются того, что также дают хлеб тысячам, расширяя бесчисленные области изобретательности, которые без машин оставались бы ограниченными в очень узких пределах. Какого прогресса не добилось строительство за эти сто лет? Кто

сомневается, что удобство крупных металлургических заводов и лесопилок побуждает многих строить? И этот вкус в значительной степени способствовал увеличению, а не уменьшению числа как кузнецов, так и плотников, а также расширению судоходства. Я только добавлю в пользу таких приемов, что, как показывает опыт, преимущества, получаемого с помощью определенных машин, более чем достаточно, чтобы компенсировать все неудобства, возникающие из-за совокупных прибылей и дороговизны жизни; и что первые изобретатели получают таким образом превосходство, которое не может уравновесить ничто, кроме внедрения того же изобретения.

Мы уже говорили, что третья причина высоких цен кроется в естественных преимуществах, которые соседние страны извлекают из своего климата, почвы или положения.

Здесь не подразумевается никакого повышения цен в рассматриваемой стране, предполагается, что они стали относительно высокими только благодаря возможности других стран поставлять те же товары по более низкой цене вследствие их естественных преимуществ.

Есть два способа, которые следует использовать, чтобы преодолеть негативные последствия конкуренции, которые невозможно преодолеть обычным способом. Первое, что следует использовать, - это помочь нуждающимся филиалам общественными деньгами. Второе - это терпение и настойчивость в бережливости, как уже было замечено. Краткого примера первого будет достаточно в этом месте, чтобы сделать этот вопрос полностью понятным. Я уже говорил, что намеренно откладываю обширную диссертацию о принципах, влияющих на такие операции.

Позвольте мне предположить, что страна, привыкшая ежегодно экспортировать рыбу стоимостью в миллион фунтов стерлингов, недооцененную в этой статье другой страной, которая нашла рыбный промысел на своих собственных побережьях, настолько обильный, что позволяет ей продавать рыбу дешевле первой на 20 процентов. В таком случае государственный деятель может скупить всю рыбу своих подданных и продавать ее дешевле своих конкурентов на всех зарубежных рынках, потеряв, возможно, 250 000 *фунтов стерлингов*. Каково это следствие? Что миллион, который он заплатил за рыбу, остается дома, и что 750 000 *фунтов* поступает из-за границы в качестве компенсации за нее. Как 250,000 *л.* чтобы быть составлен? Общее введение ко всем жителям. Это возвращается в государственную казну, и все остается по-прежнему. Если этому способу не следовать, каковы последствия? Что те, кто занят на рыбном промысле, вынуждены голодать; что добытая рыба либо остается в наличии, либо, если продается владельцами, с большим убытком; все это отменяется, и нация на будущее теряет приобретение в размере 750 000 *фунтов* в год.

Чтобы сократить эту операцию, при экспорте начисляются премии, что сводится к тому же самому и является усовершенствованием применения именно этого принципа: но премиями часто злоупотребляют. Положить конец таким злоупотреблениям принадлежит департаменту принудительной власти правительства. Все, что я скажу по этому поводу, это то, что если существуют преступления, называемые государственной изменой, которые караются более сурово, чем разбой на большой дороге и убийство, я был бы склонен (будь я государственным деятелем) поставить во главу этого кровавого списка каждую попытку воспрепятствовать использованию государственных денег в упомянутых здесь целях. Одно только множество мошенничеств отбивает охоту у мудрого правительства следовать этому принципу и

расстраивает план. Если суровое наказание, в свою очередь, сможет положить конец мошенничеству, я считаю, что оно будет применено очень правильно.

В то время как государственный деятель защищает таким образом внешнюю торговлю своей страны посредством экстраординарной операции, совершаемой над обращением ее богатств, он должен в то же время с таким же усердием применять второй способ. Он должен быть внимательным, чтобы поддерживать трезвость дома, и терпеливо ждать, пока злоупотребления среди его соседей не приведут к некоторым неудобствам, о которых мы уже упоминали. Как только это произойдет, он добьется своего; тогда премии могут прекратиться; государственные деньги могут быть направлены в другое русло; или налог может быть вообще отменен, в зависимости от обстоятельств.

Мне нет нужды добавлять, что чем больше управления и осмоторительности используется в таких операциях, тем меньше ревности будет возникать у других соперничающих наций. И поскольку мы предлагаем этот план для государства, уже владеющего отраслью внешней торговли, готового к оспариванию другими, обладающего превосходящими природными преимуществами, следует предположить, что вес денег, по крайней мере, на ее стороне. Это, при правильном использовании, даст преимущество, более чем равное любому, что может быть противопоставлено ему; и если такая операция вызовет негодование ее конкурента, это, с другой стороны, примирит благосклонность каждого нейтрального государства, которое найдет ощутимую выгоду от конкуренции и никогда не преминет отдать свои деньги тем, кто продает дешевле всего. Одним словом, ни один частный трейдер не может конкурировать с национальным богатством. Премии - это двигатель торговли, которому ничто не может противостоять, кроме аналогичной операции.

До сих пор мы предлагали методы устранения неудобств, сопутствующих богатству и превосходству, и сохранения преимуществ, проистекающих из уже налаженной внешней торговли: теперь мы должны перейти на другую сторону и принять интересы тех наций, которые трудятся под гнетом жесткой конкуренции со своими богатыми соседями, искушенных в торговле, искусных во всех искусствах и мануфактурах и которыми руководит государственный деятель выдающихся способностей, который приводит в действие все механизмы, чтобы максимально использовать каждое благоприятное обстоятельство.

Государству, не знакомому с торговлей и промышленностью, нелегко даже представить отдаленную перспективу соперничества с такой нацией, в то время как злоупотребления, связанные с их богатством, не должны были проникнуть в их среду. Следовательно, было бы величайшей неосторожностью пытаться (с самого начала) сделать что-либо, что могло бы возбудить их ревность.

Первое, на что следует обратить внимание, - это состояние естественных преимуществ. Если какая-либо отрасль натуральных продуктов, такая как зерно, крупный рогатый скот, вина, фрукты, древесина или тому подобное, здесь окажется настолько важной для конкурирующей нации, что они будут покупать их за деньги, а не за обмен своей продукции, такие отрасли торговли с ними могут быть открыты. Если таковых не удастся найти, то первым шагом является прекращение всех торговых связей путем обмена с таким народом; и вплотную заняться удовлетворением всех потребностей у себя дома, не прибегая к помощи иностранцев.

Как только эти потребности начинают удовлетворяться и обнаруживается избыток, необходимо бороться за другие нации, которые пользуются меньшими преимуществами; и торговля с ними может вестись второстепенным способом. Люди здесь должны собирать урожай, прежде чем рассчитывать на пожатие. Но, собирая каждый год, они будут пополнять свой запас богатства, и чем больше оно используется обществом, тем быстрее оно будет увеличиваться.

Новички будут иметь определенные преимущества, неотделимые от их младенческого состояния; а именно, серию всевозможных улучшений, о которых мы так часто упоминали. Если они могут быть сохранены в равномерной прогрессии; если баланс труда и спроса, а также населения и сельского хозяйства можно поддерживать в мягкой вибрации путем попеременного увеличения; и если план экономики, одинаково хороший с планом конкурентов, будет запущен в действие и реализован; время задействует все естественные преимущества климата, почвы, ситуации и протяженности, чтобы полностью реализовать их; и в конце концов они определяют превосходство.

Теперь я завершу свою главу некоторыми замечаниями о разнице между теорией и практикой в том, что касается данного предмета.

Теоретически мы рассмотрели все до единой причины, приводящие к высоким ценам и препятствующие экспорту, как простые и несложные: на практике они редко оказываются таковыми. Это обстоятельство делает применение средств правовой защиты трудным, а иногда и опасным. Трудно - из-за осложнения болезни; опасно, потому что средство против консолидированной прибыли нанесет бесконечный вред, если будет применено для изъятия того, что поступает от дорогого средства к существованию, как уже было сказано.

Другое существенное различие между теорией и практикой возникает в четвертом случае, когда мы предполагаем, что нация, не знакомая с торговлей, вступит в соревнование с теми, кто ею владеет. Когда я исследую ситуацию в некоторых странах Европы (возможно, в Испании), к которым могут быть применены эти принципы, я нахожу, что именно в таких странах другие недостатки консолидированной прибыли и даже высокие цены на жизнь достигают наибольшей высоты; и что единственное, что удерживает у них один шиллинг звонкой монетой, - это бесконечная выгода, которую они извлекают из рудников и из продажи их чистых и необработанных природных продуктов, добавленная к их простоте жизни, вызванной нищетой низших классов, которая одна только и препятствует получению прибыли. Это также связано с потреблением иностранных товаров. Если бы деньги в этих странах распределялись так же равномерно, как в странах торговли и промышленности, они быстро были бы экспортированы. Каждый расширил бы потребление иностранных товаров, и богатство исчезло бы. Но это не так; богатые хранят свои деньги в своих сундуках, потому что там выдача ссуд под проценты очень мудро обставлена бесчисленными препятствиями. Следовательно, порок заключается не в том, что запрещено давать деньги взаймы под проценты, а в том, что люди не поставлены в ситуацию, когда у них нет какой-либо острой необходимости в этом, как в средстве развития своей промышленности. Если бы их научили удовлетворять свои собственные потребности, государство могло бы поощрять обращение за счет займов; но поскольку они бегут за этим к незнакомым людям, деньги лучше держать под замком.

При правильном использовании и прикладывании этих общих принципов, в соответствии с различными сочетаниями обстоятельств, в стране, главной целью которой является обширная и прибыльная внешняя торговля, я полагаю, государственный деятель может как установить, так и

сохранить на очень долгое время значительное превосходство в торговой сфере; при условии сохранения мира: ибо во время войны каждая густонаселенная нация, даже если она велика и разветвлена, столкнется с такими трудностями в добывании продовольствия и с таким количеством рабочих рук, которые нужно содержать, что то, что раньше составляло ее величие, ускорит ее гибель.

ГЛАВА XIX.

О зарождающейся, внешней и внутренней торговле в отношении нескольких принципов, которые на них влияют.

Я всегда считал, что географию страны легче запомнить, изучая карты, после путешествия по ~~the~~ представленным там регионам, чем раньше; поскольку большинство предисловий лучше всего понятны после прочтения книги, которую они призваны познакомить. Я намереваюсь сделать это в качестве извинения за то, что представляю моим читателям главу о распространении в середине моей темы.

В настоящее время мое намерение состоит в том, чтобы окинуть взглядом всю торговую область, разделенную на ее различные районы, чтобы указать на господствующий принцип в каждом из них, из которого все остальные должны естественным образом вытекать или могут быть выведены простым рассуждением. Я представлю их моему читателю, чтобы, исходя из них, он мог распределить свои идеи в том же порядке, в каком это сделал я. Следовательно, термины, которые я буду вынужден использовать, будут более адекватными для выражения комбинаций, которые мне, возможно, представится случай передать с их помощью.

Я делю торговлю на зарождающуюся, внешнюю и внутреннюю.

1мо. Зарождающуюся торговлю, взятую в общепринятом смысле, можно понимать как тот вид, целью которого является обеспечение потребностей жителей страны, потому что она обычно предшествует удовлетворению потребностей иностранцев. Этот вид был известен во все века и во всех странах в меньшей или большей степени по мере увеличения потребностей человечества и по мере увеличения числа тех, кто добывает средства к существованию, полагаясь на свою изобретательность.

Общие принципы, которыми руководствуется государственный деятель при надлежащем поощрении этой торговли, касаются двух целей.

1. Способствовать непринужденности и счастью высших классов, подчиняя их богатство их желаниям и наклонностям.
2. Способствовать непринужденности и счастью низших классов, обращая их природные способности к безошибочному средству удовлетворения своих потребностей.

Это передает идею свободного общества, поскольку подразумевает обращение реального эквивалента каждой услуги, ради приобретения которого человечество с удовольствием идет на тяжелейший труд.

В первой книге у меня было мало возможностей рассматривать торговлю под разными названиями или под влиянием какого-либо другого принципа, кроме содействия размножению человечества и расширению сельского хозяйства, *посредством передачи богатства богатых в руки трудолюбивых*. Эта операция, если ее не продолжать, является истинным примером торговли младенцами.

Но теперь я должен представить дело в новом свете: и рассматривать эту зарождающуюся торговлю как основу для налаживания внешней торговли. Само по себе это всего лишь средство удовлетворения желаний тех, у кого есть эквивалент, и обеспечения им тех, у кого его нет. Далее мы рассмотрим, как, благодаря заботе государственного деятеля, это может оказаться методом, посредством которого одно общество может быть поставлено в ситуацию, позволяющую приобрести превосходство над другими; уменьшая, с одной стороны, количество имеющегося у них общего эквивалента и увеличивая, с другой стороны, абсолютное количество этого общего эквивалента у себя дома; таким образом, чтобы не только способствовать обращению той его части, которая необходима для удовлетворения потребностей всех граждан; но и за счет его избытка ставить другие нации в зависимость от них в большинстве операций их политической экономики.

Государственный деятель, решивший превратить эту зарождающуюся торговлю во внешнюю, должен изучить потребности других наций и учитывать продукцию своей собственной страны. Затем он должен определить, какие виды производства лучше всего приспособлены для снабжения первыми и для потребления вторыми. Он должен ввести использование таких мануфактур среди своих подданных и попытаться увеличить свое население и свое сельское хозяйство путем поощрения этих новых отраслей потребления. Он должен обеспечить свой народ лучшими мастерами; он должен снабдить их всеми полезными машинами; и, прежде всего, он должен освободить их от работы, когда внутренний спрос недостаточен для ее потребления.

По необходимости должно потребоваться значительное время, чтобы приучить людей к мастерству в производстве. Ответвлений этих много, и каждое из них требует особого внимания и особого мастера, чтобы указать на зачатки этого искусства. Люди не ощущают этого неудобства в странах, где они уже внедрены; и многие проекторы были испорчены из-за недостатка внимания к ним.

В более простых производственных операциях, где ученичество не используется, каждый обучает другого. Новичков относят к числу тех, кто уже совершенен: все инструкции, которые они получают, сводятся к следующему: *делай так, как, как ты видишь, другие делали до тебя*. Это преимущество, которое устоявшаяся отрасль промышленности имеет перед другой, только что возникшей; и я полагаю, что это является причиной того, что мы видим, как некоторые производства, долгое время оставаясь в состоянии младенчества, за несколько лет достигают самого поразительного прогресса. Какие потери должны быть понесены вначале! сколько честолюбивых гениев погибло из-за неудачных начинаний, когда государственный деятель не принимает участия в операции! Если он помогает своим подданным, запрещая иностранную работу, как часто мы видим, что этот прием становится средством получения самых непомерных

прибылей? Потому что он в то же время пренебрегает расширением производства за счет увеличения числа занятых в нем рабочих рук. Я допускаю, что до тех пор, пока ворота королевства остаются закрытыми и не допускается никакое иностранное сообщение, большие прибыли не причиняют большого вреда и, как правило, способствуют ловкости и утонченности. Это очень хороший метод для закладки фундамента мануфактур; но как только ловкость будет в достаточной степени поощрена и будет обеспечено изобилие превосходных мастеров, тогда государственному деятелю следует увеличить число ученых; и новое поколение должно быть воспитано в бережливости и в стремлении получать самую умеренную прибыль, чтобы привести план в исполнение.

Следовательно, руководящий принцип, которым должен руководствоваться государственный деятель в этом первом виде торговли, состоит в том, чтобы поощрять производство всех видов натуральных продуктов, расширяя их внутреннее потребление; исключая всякую конкуренцию с иностранцами; допуская увеличение прибыли настолько, чтобы способствовать ловкости и соперничеству в изобретательстве и совершенствовании; освобождая трудолюбивых от их работы, как только спрос на нее падает. И до тех пор, пока это не может быть экспортировано с пользой, это может быть экспортировано с убытками, за счет общества. Не жалеть средств на привлечение самых способных мастеров в каждой отрасли промышленности, ни каких-либо затрат на создание первых предприятий; обеспечивать машинами и всем другим необходимым или полезным для успеха предприятия. Постоянно следить за прибылями, получаемыми в каждой отрасли промышленности; и как только он обнаружит, что реальная стоимость мануфактуры становится настолько низкой, что делает ее пригодной для экспорта, использовать рабочие руки, как указано выше, и положить конец этим прибылям, которые он разрешил только как средство доведения мануфактуры до совершенства. По мере того как цены каждого вида промышленности снижаются до уровня вывозных, в такой же пропорции этот вид торговли теряет свой первоначальный характер и приобретает второй.

2до. Внешняя торговля была достаточно объяснена: руководящие принципы этой торговли заключаются в том, чтобы изгонять роскошь; поощрять бережливость; устанавливать как можно более низкие стандарты цен; и с величайшим вниманием следить за колебаниями баланса между работой и спросом. Пока это сохраняется, никакой внутренний порок не может повлиять на его процветание. И когда естественные преимущества других наций составляют соперничество, которое иначе не преодолеть, государственный деятель должен уравновесить эти преимущества весом и влиянием государственных денег; и когда этот прием также становится неэффективным, внешней торговле приходит конец; и из ее пепла возникает третий вид, который я называю внутренней торговлей.

3тио. Более общие принципы *внутренней торговли* время от времени рассматривались в первой книге, и более конкретно на них делались намеки в 15-й главе этой книги; но есть еще много новых отношений, которые предстоит изучить, что приведет к появлению новых принципов, которые будут проиллюстрированы в последующих главах этой книги. Здесь я укажу только на общие положения, которые помогут конкретизировать и отличить этот третий вид торговли от двух предыдущих.

Предполагается, что внутренняя торговля, как здесь указывалось, будет иметь место после полного прекращения внешней торговли. Государственный деятель должен в таком случае, как и в двух других видах, позаботиться об удовлетворении потребностей богатых, об

удовлетворении потребностей бедных путем обращения эквивалента, как указано выше; но как раньше в его обязанности входило следить за балансом труда и спроса, так и теперь он должен главным образом следить за балансом богатства, поскольку оно колеблется между потребителями и производителями, то есть между богатыми и трудолюбивыми. На эффекты этой вибрации было кратко указано в главе xv.

При ведении внешней торговли его задачей было установить как можно более низкие стандарты цен и ограничить прибыль в самых узких рамках; но поскольку теперь не стоит вопрос об экспорте, этот объект его заботы в значительной степени исчезает; и высокие прибыли, получаемые трудолюбивыми, не будут иметь тогда никакого другого эффекта, кроме как быстрее перетянуть баланс богатства на их сторону. Чем выше прибыль, тем быстрее обогатятся трудолюбивые, тем быстрее обеднеют потребители и тем более необходимым станет отрезать нацию от всех внешних связей на пути торговли.

Из этой политической ситуации в государстве вытекает фундаментальный принцип налогообложения; который заключается в том, *что во время нарушения баланса между потребителем и производителем государство должно способствовать растрате первых и участвовать в прибыли последних*. Эту ветвь нашей темы я не буду здесь предвосхищать; но в оставшихся главах этой книги я сделаю достаточно очевидным, что как только богатство государства становится достаточно значительным, чтобы ввести роскошь, положить конец внешней торговле, а из-за чрезмерного роста цен уничтожить все надежды на ее восстановление, тогда налоги становятся необходимыми как для сохранения правительства, с одной стороны, так и для того, чтобы служить средством для возобновления внешней торговли, несмотря на все пагубные последствия роскоши для ее прекращения.

Я надеюсь, что из этого краткого обзора и изложения принципов я в достаточной степени донес до моего читателя различия, которые я хотел установить между тем, что я назвал зарождающейся, внешней и внутренней торговлей. Такие различия крайне необходимо сохранить; и вполне уместно применять их во многих местах этого трактата, чтобы квалифицировать общие положения: их невозможно избежать, и они могут привести к ошибке, без постоянного повторения таких ограничений, которые утомили бы читателя, возможно, показались бы ему несерьезными и отвлекли бы его внимание.

Я только добавлю, что мы не должны предполагать, что торговля какой-либо нации ограничивается каким-либо одним из трех видов. Согласно обычаю, я рассмотрел их по отдельности, чтобы указать на их различные принципы. Дело государственных деятелей - комбинировать их в соответствии с обстоятельствами.

ГЛАВА. XX.

О роскоши.

Мой читатель, возможно, будет удивлен, обнаружив, что эта тема после всего, что я сказал о ней в первой книге, представлена формально под определением, которое делает этот термин достаточно ясным, отличая его от чувственности и избытка и ограничивая его *обеспечением излишков в пользу потребления*, которое обязательно должно давать работу и хлеб трудолюбивым.

Простое употребление этого термина было наиболее подходящим для объяснения политических последствий экстраординарного потребления. Однако я не могу отрицать, что словом *роскошь* обычно передает более сложную идею; и если бы я не обратил внимания на это обстоятельство, можно было бы подумать, что я намеренно ограничил общий термин конкретным значением, чтобы привести к ошибке и подавить порочное влияние современной экономики на умы человечества; влияние, если оно порочно, не может не сказаться даже на их политическом счастье.

Поэтому мое намерение в этой главе состоит в том, чтобы развлечь и изложить свои идеи относительно роскоши (в самом широком смысле этого слова) в таком порядке, чтобы, во-первых, подтвердить определение, которое я дал ей, показав, что оно правильное; и, во-вторых, примирить чувства тех, кто, по-видимому, враждует друг с другом по вопросу, в котором все должны согласиться, когда термины будут полностью поняты.

Для этой цели я должен отличать *роскошь*, поскольку она затрагивает наши различные интересы, вызывая вредные последствия; от *роскоши*, поскольку она касается умеренного удовлетворения наших естественных или рациональных желаний. Я должен разделить объекты, которые слишком часто путают, и проанализировать этот сложный термин, уточнив идеи, которые он содержит, в рамках частичных определений.

Интересы, затрагиваемые роскошью, я полагаю, равны четырем; *1мо. мораль* в той мере, в какой это вредит разуму; *2до. физическое*, поскольку это вредит телу; *домашнее*, поскольку это вредит состоянию; и *политическое*, поскольку это вредит государству.

Естественные желания, которые проистекают из нашей животной экономики и которые удовлетворяются *роскошью*, также могут быть сведены к четырем, а именно: *голод, жажда, любовь и легкость* или праздность. Умеренное удовлетворение этих желаний и физическое счастье - это одно и то же. Неумеренное удовлетворение их потребностей - это *излишество*; и если это также подразумевается под *роскошью*, то ни один человек, я полагаю, никогда всерьез не становился ее апологетом.

Первое, что следует объяснить, - это то, что следует понимать под *избытком*. То, что одному человеку кажется избытком, другому может показаться умеренностью. Поэтому я измеряю *излишество* по тому дурному воздействию, которое оно оказывает на *ум, тело, состояние и состояние*: и когда мы говорим о *роскоши* как о пороке, необходимо указать на конкретные дурные последствия, которые оно оказывает на один, несколько или все интересы, которые могут быть затронуты им. когда этим пренебрегают, возникает двусмысленность, которая вовлекает людей в неразрешимые споры.

Чтобы с большей точностью изложить свои мысли по этому поводу, я приведу пример вреда, наносимого *уму, телу, состоянию и судьбе* от чрезмерного удовлетворения нескольких вышеупомянутых естественных желаний.

1мо. Что касается ума, то *чрезмерное употребление пищи* создает неудобства, притупляя восприятие и делаю человека непригодным для изучения или применения.

Пьянство затрудняет понимание и часто мешает нам обнаружить наиболее ощутимые взаимосвязи вещей.

Любовь слишком сильно привязывает наши представления к одному и тому же объекту, делает все наши занятия и удовольствия аналогичными ему и, следовательно, делает их пустяковыми и поверхностными.

Легкость, то есть чрезмерная привязанность к ней, разрушает активность, ослабляет нашу решимость и искажает решения нашего суждения в каждом случае, когда одна сторона вопроса подразумевает препятствие для наслаждения любимой ленью.

Это примеры зла, проистекающего из *роскоши* в самом общем понимании этого термина. Хотя удовлетворение этих желаний не сопровождается подобными неудобствами, я думаю, что это доказательство того, что не было никакого *морального превышения* или что никакое моральное зло не подразумевалось непосредственно в удовлетворении. Но я не могу в равной степени определить, что в наслаждении избытком не было никакой роскоши.

2до. *Физические* неудобства, вытекающие из всех четырех, заканчиваются ущербом, который они наносят телу, здоровью или конституции. Если удовлетворение наших желаний не влечет за собой такого вреда, я не нахожу никакого *физического* зла; но все же, я думаю, что *роскошь* может применяться во всех смыслах, в которых можно использовать этот термин.

3tio. Если рассматривать *бытовые* неудобства четырех видов, то все они сводятся к одному, а именно. расточительство состояния, от которого зависит будущая беззаботность владельца и благополучие его потомства. Когда *роскошь* рассматривается применительно к этому объекту, идея, которую мы о нем представляем, допускает новую модификацию. *Избыток* здесь совместим с очень умеренным удовлетворением наших самых естественных желаний. Не *еда*, ни *питье*, ни *любовь*, ни *праздность* наносят ущерб состоянию, а расходы, сопутствующие таким удовольствиям. Всем этим часто потворствуют даже в *избытке*, в *моральном* и *физическом* смысле, люди, которые с каждым днем становятся все более богатыми именно за счет этих средств.

4то. На некоторые *политические* неудобства *роскоши* уже указывалось. Наиболее поразительным является прекращение внешней торговли. Но потеря торговли не несет в себе никаких идей о каких-либо *моральных*, *физических* или *внутренних излишествах*; и все же это порочно, поскольку влияет на благосостояние государства. Помимо этого конкретного зла, я очень охотно соглашаюсь с тем, что в той мере, в какой хорошее управление государством зависит от применения и способностей, а также честности тех, кто стоит у руля или кто занят в администрации или руководстве общественными делами, в той мере упомянутые выше моральные неудобства, связанные с *роскошью*, могут влиять на процветание государства. Последствия *чрезмерной роскоши*, *моральные* и *физические*, а также растрата личного состояния могут сделать как государственного деятеля, так и тех, кого он нанимает, небрежными к своим обязанностям, непригодными к их выполнению, алчными и коррумпированными. Косвенно это можно отнести к *политическим* порокам, сопутствующим *роскоши*, поскольку они имеют место. Но, с другой стороны, поскольку они не могут быть названы *необходимыми следствиями* той *причины* которой они здесь приписываются, то есть *моральной*, *физической* и *домашней роскоши*, я не думаю, что их уместно включать в определение термина. Их скорее следует отнести к несовершенству человеческого разума, чем к какой-либо другой второй причине, которая могла бы время от времени способствовать их возникновению. Они могут исходить из *скудости*, а также из *расточительности*.

Я надеюсь, что этого краткого изложения вопроса, не совсем укладывающегося в рамки моей темы, будет достаточно, чтобы доказать, что мое определение *роскоши* описывает, по крайней мере, наиболее существенное условие для ее определения: *обеспечение излишками с целью потребления*. Это неотделимо от наших представлений о *роскоши*, но порочный *избыток*, безусловно, таковым не является. У трезвого человека может быть самый изысканный стол, так же как и у обжоры; а добродетельный человек может наслаждаться радостями любви и непринужденности с такой же чувственностью, как Гелиогабал. Но ни один человек не может стать роскошным, в нашем понимании этого слова, не давая хлеба трудолюбивым, не поощряя соперничество, промышленность и сельское хозяйство; и не производя обращения адекватного эквивалента для каждой услуги. Это последнее является палладиумом свободы, источником мягкой зависимости и приятной связью между свободными обществами.

Поэтому позвольте мне завершить мою главу метафизическим наблюдением. Использование слов заключается в выражении идей; чем проще какая-либо идея, тем легче передать ее словом. Следовательно, всякий раз, когда в языке встречается несколько слов, которые называются *синонимичными*, мы можем заключить, что идея, передаваемая ими, не проста. В каждом таком случае это оказывает услугу обучению, делая их как можно менее синонимичными и указывая на конкретные различия между идеями, которые они передают.

Теперь перейдем к рассматриваемому вопросу. Я нахожу, что эти три термина - *роскошь*, *чувственность* и *излишество* - обычно рассматриваются как синонимы, несмотря на характерные различия, которые их отличают. *Роскошь* заключается в *предоставлении объектов чувственности в той мере, в какой они излишни*. *Чувственность* состоит в *действительном наслаждении ими*; а *избыток* подразумевает *злоупотребление наслаждением*. Следовательно, человек, согласно этим определениям, может быть очень *роскошным* из тщеславия, гордости, показухи или с политическими взглядами на поощрение потребления, без склонности к чувственности или к излишествам. *Чувственности*, с другой стороны, могли потакать как в лакедемонянской республике, так и при дворе Артаксеркса. *Избыток*, действительно, кажется более тесно связанным с *чувственностью*, чем с *роскошью*; но разница настолько велика, что, как я понимаю, *чувственность* должна быть в значительной степени подавлена, прежде чем *избыток* сможет начаться.

ГЛАВА XXI.

О физических и политических потребностях.

После того, как мы прояснили наши представления о *роскоши*, вполне естественно рассмотреть, что подразумевается под *физической необходимостью*.

В третьей главе первой книги я заметил, что в большинстве стран, где продовольствие ограничено определенным количеством, жители питаются в регулярной прогрессии от изобилия и достаточных средств к существованию до последнего периода нужды и смерти от голода. *Это достаточное пропитание, где не подразумевается никакой избыточности*, которое передает идею о *физически необходимом*. Это вершина этой лестницы; это первый ранг среди людей, которые не наслаждаются никакими излишествами. Человек наслаждается физически необходимой пищей, когда он полностью сыт; если он также достаточно одет и хорошо защищен от всего, что может причинить ему вред, он наслаждается полностью своей

физически необходимой пищей. В момент, когда он начинает добавь к этому, он может рассматриваться как перемещение вверх, в другую категорию, а именно, классу *роскошных*, или потребителями излишков, из которых есть в большинстве стран, как много ступеней вверх, а есть ступени вниз, оттуда, где он стоял раньше. Это одна общая идея вопроса. Позвольте мне теперь поискать другую.

Если мы исследуем состояние многих животных, у которых отсутствие аппетита приводит их к излишества, мы можем составить очень справедливое представление о *физическом-необходимом* для человека. Когда они свободны от труда и получают пищу по своему желанию, они наслаждаются всеми физическими возможностями, которые им необходимы. Тогда они находятся на пике красоты и наслаждаются величайшей степенью счастья, на которую только способны. Животные, которых принуждают к труду, очень ясно доказывают нам, что эта *физическая необходимость* не фиксирована в какой-то точке, но что она может варьироваться, как и большинство других вещей: каждый видит разницу между рабочим скотом, которого хорошо кормят, и тем, который среднего или плохо кормят; однако я полагаю, что все они должны жить в здравии и работать в меру своих сил. Это представляет собой *физическую необходимость* для человека.

Во многих низших классах каждой нации мы находим различную степень легкости среди индивидуумов; и все же в целом было бы трудно определить, кто из них наслаждается избытком; кто из них обладает чисто физической необходимостью; а кто из них стоит ниже этого. Здесь необходимо объяснить причину этой двусмысленности.

Природа человека наделяет его некоторыми желаниями, соответствующими его потребностям, которые не проистекают из его животной экономики, но которые полностью подобны им по своим последствиям. Они проистекают из склонностей его ума, формируются привычкой и образованием и, будучи однажды *регулярно устанавливаемыми*, создают другой вид необходимости, который, ради различия, я буду называть *политическим*. Таким образом, сходство между этими двумя видами *необходимого* является причиной двусмысленности.

Эта *политическая необходимость* имеет своей целью определенные предметы *физического излишества*, которые отличают то, что мы называем *рангом* в обществе.

Ранг определяется рождением, образованием или привычками. Человек с трудом соглашается спуститься с более высокого образа жизни на более низкий; и когда случайное обстоятельство на некоторое время подняло его выше уровня того *ранга*, на который его поставили его *рождение* или *образование*, его честолюбие побуждает его поддерживать себя в своем возвышении. Если его попытка является рациональной схемой, его в целом одобряют; общее согласие его сограждан предписывает ему определенную *политическую необходимость*, соответствующую его амбициям; и когда в какой-либо момент *это* терпит неудачу, считается, что он в нужде.

С другой стороны, если человек либо из тщеславия, либо из-за отсутствия разумной перспективы успеха строит план возвышения над тем *рангом*, на который его поставили *рождение* или *образование*, его сограждане не соглашаются предписывать ему политическую необходимость, соответствующую его амбициям; и когда это ему не удастся, считается, что он возвращается в класс, к которому по праву принадлежал. Но если политически необходимый

человек, подходящий для этого ранга, потерпит неудачу, то предполагается, что он будет лишен своего *политически необходимого*.

Мера этого последнего вида *необходимого* определяется только общим мнением и, следовательно, никогда не может быть установлена справедливо; и поскольку это мнение может иметь своей целью даже тех, кто находится ниже уровня *физически необходимого*, часто случается, что мы сталкиваемся с большими трудностями при определении его точных пределов.

Может показаться абсурдным предполагать, что любой человек может наслаждаться *избытком* (который мы называли характеристикой *политической необходимости*), которому недостает какой-либо части *физической необходимости*. Каким бы абсурдным это ни казалось, однако нет ничего более распространенного среди людей, и причина проистекает из того, что было замечено выше. Желания, проистекающие из привязанностей его ума, часто настолько сильны, что заставляют его подчиняться им ценой того, что он становится неспособным удовлетворить то, чего неизбежно требует его животная экономика.

Из этого следует, что, как бы легко ни было составить точное представление о физической нагрузке, необходимой для *животных*, нет ничего труднее, чем установить надлежащие пределы для нее применительно к *человеку*.

В таком случае давайте предположим, что состояние тех, кто пользуется лишь небольшим избытком и кто составляет низшие классы населения, можно разделить на три категории, а именно на высшую, среднюю и низшую степень физической необходимости; и затем давайте спросим, как мы можем прийти к оценке соответствующей ценности потребления, подразумеваемой в каждой из них, чтобы определить минимальную прибыль от промышленности. Этот вопрос имеет огромное значение; потому что мы показали, что процветание внешней торговли зависит от дешевизны производства; а это, опять же, зависит от цены *жизни*, то есть физического обеспечения, необходимого производителям.

Один из очень хороших методов оценки ценности общего потребления, подразумеваемого этим необходимым количеством, состоит в том, чтобы подсчитать расходы тех, кто живет в сообществах, таких как больницы, рабочие дома, армии, монастыри, в соответствии с различной степенью легкости, которой по отдельности пользуются те, кто их составляет. Перечисляя несколько статей расходов в таких заведениях, будет легко провести различие между теми, которые связаны с физическим обеспечением, и теми, которые связаны с обеспечением политической необходимости: хлеб с боеприпасами - пример первого; монашеский капюшон и длинные рукава - разновидность последнего.

Когда однажды будет установлена реальная ценность средств к существованию человека, государственный деятель сможет лучше судить о степени легкости, необходимой или целесообразной для него, которую он может предоставить нескольким классам трудолюбивых и изобретательных жителей.

Поскольку мы разделили эту физическую необходимость на три степени: *высшую, среднюю и низшую*, следующий вопрос заключается в том, какую из трех степеней наиболее целесообразно установить в качестве стандартной ценности для промышленности самого низшего класса людей.

Я отвечаю, что в обществе требуется, чтобы индивидуум самого слабого телосложения для труда и прилежания и самого слабого гения для изобретательных работ, не имеющий естественных недостатков и обладающий здоровьем, был способен трудом, соразмерным его силам, достичь *низшей* степени физической необходимости; ибо в этом случае, безусловно, большая часть трудолюбивых будет найдена во втором классе, а все сильные и здоровые - в первом.

Разница между высшим классом и низшим, по-моему, не очень велика. Небольшое количество, добавленное к тому, чего едва хватает, дает достаточное количество: но это *небольшое количество* труднее всего приобрести, и это самый мощный стимул для развития промышленности. В тот момент, когда человек начинает жить своим трудом, пусть даже его средства к существованию очень скудны, у него немедленно появляются небольшие объекты для честолюбия; он сравнивает свое положение с положением своих товарищей, которые на ступень выше его, и рассматривает чуть большую легкость, если можно так выразиться, как повышение не только своего счастья, но и своего ранга.

Среди тех, кто ограничен сферой физически необходимого, можно встретить еще больше разновидностей. Труд сильного человека должен быть вознагражден иначе, чем труд тщедушного существа. Но в каждом государстве встречается труд различных видов, некоторые требуют большей, а некоторые меньшей силы, и за все нужно платить; но поскольку слабый человек обычно не нуждается в таком количестве пищи, как сильный и крепыш, разница в его доходах может быть компенсирована небольшим потреблением.

То, что мы подразумеваем под *первым классом* физической необходимости, - это когда человек получает средства, необходимые для того, чтобы быть хорошо накормленным, хорошо одетым и хорошо защищенным от травм, наносимых жарой и холодом, без каких-либо излишеств. Я утверждаю, что сильный, здоровый человек должен уметь извлекать выгоду, выполняя самые низкие виды усердного труда, и при этом не имея возможности быть лишенным его из-за конкуренции с другими людьми той же профессии.

Если бы можно было найти способ предотвратить конкуренцию между трудолюбивыми людьми одной и той же профессии, в тот момент, когда они окажутся в пределах *физически необходимых* ограничений, это оказалось бы лучшей защитой от упадка и самой прочной основой длительного процветания.

Но, как мы уже отмечали в первой книге, это невозможно, пока брак существует на нынешней основе. Из-за одного этого обстоятельства положение трудолюбивых людей одной и той же профессии становится совершенно иным. У одних есть семья, у других - нет. Следовательно, единственное средство для государственного деятеля - постоянно помнить об общих принципах, по возможности уничтожать эту конкуренцию, по крайней мере в отраслях экспорта; избегать в своем управлении любых мер, которые могут способствовать ей, создавая особые преимущества в пользу некоторых лиц того же класса; и если управление государственными делами неизбежно влечет за собой такие неудобства, он должен найти способ возместить ущерб тем, кто страдает от конкуренции.

Следовательно, в этом месте мы можем сформулировать два принципа: во-первых, не следует *поощрять* конкуренцию между теми, кто трудится ради *физической необходимости*; во-вторых, в государстве, процветающем за счет внешней торговли, конкуренция должна

поощряться во всех отраслях экспорта до тех пор, пока конкуренты не уничтожат друг друга в пределах этой необходимости.

Далее, я должен заметить, что эта *физическая необходимость* должна быть высшей степенью легкости, которую любой человек должен быть в состоянии достичь трудом и прилежанием, где не требуется особой изобретательности. Это тоже момент, заслуживающий внимания государственного деятеля. Как часто мы находим в больших городах различные занятия, такие как ношение воды и других грузов, распиливание дров и т. Д., Возведенные в братства, которые препятствуют конкуренции и повышают прибыль сверх уровня *физически необходимой*. Это, как я понимаю, препятствует изобретательности и имеет плохой эффект, заключающийся в том, что жизнь становится дорогой, не отвечая ни одному из намерений по созданию корпораций, как будет показано в другом месте. Следовательно, *физически необходимое* должно быть наградой за *труд* и *трудолюбие*; все, что рабочий получает сверх этого стандарта, должно быть следствием его превосходной *изобретательности*.

Нет никакой необходимости устанавливать границы между этими двумя классами; они будут достаточно различаться благодаря простому процессу конкуренции. Пусть конкретный человек наткнется на гениальное изобретение, он получит от него выгоду и возвысится над низшими классами, которые ограничены физически необходимым; но если изобретение будет таким, что его можно будет легко скопировать, он быстро станет соперником до такой степени, что его прибыль сократится в пределах этого *физически необходимого*; как только это произойдет, его *изобретательность* исчезнет, потому что она перестанет быть *присущей* ему.

Здесь возникает вопрос: почему так получается, что некоторые рабочие избегают этой конкуренции и получают значительные выгоды за счет своей занятости, в то время как другие конкурируют в своих попытках сохранить элементарную физическую необходимость?

Существует комбинация нескольких причин, приводящих к этим эффектам, которые мы рассмотрим отдельно; оставляя читателю судить, насколько их комбинация может увеличить прибыль сверх физически необходимой.

I. Мы уже говорили (глава I. 9.) что ценность труда рабочего определяется количеством, выполняемым, в общем, лицами его профессии, не предполагая их ни лучшими, ни худшими, ни имеющими какие-либо преимущества или недостатки, исходя из места их проживания. Следовательно, рабочий, который с необычайной ловкостью использует преимущества места, должен получить больше, чем другой.

II. Мы часто отмечали, что конкуренция между рабочими одной профессии уменьшает прибыль от труда. Из этого следует, что в тех видах искусства, где наблюдается наименьшая конкуренция, должны быть и наибольшие прибыли. Теперь конкуренции препятствуют несколько обстоятельств. Первый. Необычайная ловкость в любом искусстве, и особенно в тех, где все превосходство зависит от большой точности, таких как часовое дело, живопись всех видов, изготовление математических инструментов и тому подобное; все это ставит знаменитого художника в некотором роде выше возможного соперничества и делает его хозяином своей цены, как показывает опыт. 2. Трудность приобретения необходимой ловкости, возникающая как из-за времени, так и из-за денег, которые необходимо потратить на обучение, оказывается явным препятствием для многочисленных соревнований. Мало найдется таких, кто, имея запас, достаточный для того, чтобы возместить потерю нескольких лет бесплодного

применения, обладает также способностью, необходимой для того, чтобы привести их к этой конкретной области изобретательности. 3d. Многие обладают навыками и способностями, достаточными для участия в соревнованиях, но вынуждены работать на других из-за дорогостоящего оборудования в виде инструментов, станков, жилья и многих других вещей, необходимых для того, чтобы стать мастером в этом искусстве. Эти и подобные им причины препятствуют конкуренции и способствуют получению больших прибылей. 4. Мастера значительно увеличивают свою прибыль, разделяя ее со своими подмастерьями: первые имеют законное право на эту долю в результате постоянной работы, которую они обеспечивают для последних; и уверенность, которую они имеют в получении своей *физической* необходимости, вместе с прибылью, пропорциональной их ловкости, заставляет их охотно делиться со своим хозяином. Пятая причина значительных достижений, и последняя, которую я упомяну, является наиболее эффективной из всех, а именно. отличная экономика и экономный образ жизни. Пропорционально совпадению и комбинации этих обстоятельств состояние художника увеличится, что и является ответом на первую часть предложенного вопроса.

Далее мы задаемся вопросом, как так получается, что многие трудолюбивые люди конкурируют в отрасли, которая приносит не более чем физическую необходимость. Это происходит из-за некоторого неблагоприятного положения либо в их личной, либо в политической ситуации. В их личной ситуации, когда они обременены многочисленной семьей, прерваны болезнью или другими случайными занятиями. В их политической ситуации, когда они находятся в определенном подчинении, от которого другие свободны, или обременены налогами, которые другие не платят.

Я только добавлю, что при расчете стоимости *физически необходимых* товаров наименьшего номинала необходимо справедливо учитывать все перерывы в работе: нельзя предполагать, что человек будет работать каждый свободный день; и годовой труд должен покрывать годовые расходы. Это очевидно. Далее, ни гуманность, ни политика, которые являются интересами государства, не могут предложить строгой экономии в отношении этой существенной величины. Если крупные злоупотребления в отношении цены труда будут устранены, то те, которые остаются незаметными для общественного взора, не окажут никакого ущерба экспорту; и пока это продолжается с успехом, государство пребывает в здравии и силе. Экспорт *труда* - это еще один импульс политического тела.

ГЛАВА. XXII.

Предварительные соображения о внутренней торговле.

Я возвращаюсь к теме, которую, чтобы дать отдых уму, опустил в конце 19-й главы.

Я имею в виду непосредственно внутреннюю торговлю, которая в достаточной степени отличается от младенческой, и внешнюю торговлю.

Теперь мы должны считать, что перенеслись в новую страну. Здесь внешняя торговля была доведена до максимально возможной высоты; но роскошь жителей, беспечность, возможно, государственных деятелей и естественные преимущества других наций, добавленные к прогрессу их промышленности и утонченности, привели к тому, что эта ветвь была отсечена и, таким образом, иссяк источник, который постоянно приумножал национальное богатство.

Мы должны изучить естественные последствия этой революции; мы должны указать, как можно избежать любых неудобств и как государственный деятель может регулировать свое поведение, чтобы предотвратить вывоз любой части того богатства, которое нация, возможно, накопила внутри себя во время процветания своей внешней торговли. Как он может постоянно обеспечивать работой весь свой народ и какими средствами он может способствовать равномерному обращению внутреннего богатства в качестве адекватного эквивалента, предоставляемого богатыми за услуги, оказываемые им трудолюбивыми бедняками. Как, путем разумного введения налогов, он может собрать справедливую долю годового дохода каждого человека, не снижая ни для кого уровня ниже полного физического необходимого. Как он может с помощью этого общественного фонда сохранить в силе каждую отрасль промышленности, а также получить возможность с его помощью извлечь выгоду из малейшей революции в положении других наций, чтобы восстановить внешнюю торговлю своего собственного народа. И, наконец, как общество может быть, таким образом, достаточно защищено от внешних врагов группой людей, регулярно получающих поддержку и содержавшихся на общественных началах, не вызывая какой-либо внезапной революции, вредной для промышленности, либо когда становится необходимым увеличить их численность, чтобы вести неизбежную войну, либо уменьшить их количество после возвращения мира и спокойствия. Это, в двух словах, объект внимания государственного деятеля, когда он стоит во главе народа, живущего за счет собственного богатства, без каких-либо торговых связей с чужаками.

Какими бы пагубными ни были естественные и непосредственные последствия политических причин раньше, когда механизм управления был менее сложным, чем в настоящее время, теперь сложная система современной экономики накладывает на них такие ограничения, что от зла, которое могло бы возникнуть в противном случае, можно легко защититься.

Поэтому, как только мы обнаруживаем заметный ущерб, причиняемый государству в результате изменения его обстоятельств, *постепенно происходящего*, мы можем с уверенностью заключить, что халатность или недостаток способностей у тех, кто руководит государственными делами, были причиной этого больше, чем какая-либо другая причина.

В третьей главе первой книги было отмечено, что до введения современной экономики, которая существует за счет налогов, государство редко проявляло заинтересованность в наблюдении за действиями людей. Они покупали и продавали, передавали, транспортировали, модифицировали и комбинировали продукцию для общественного пользования и частного потребления, как считали нужным. Теперь именно в этих операциях в первую очередь заинтересовано современное государство; потому что пропорциональные налоги устанавливаются для воздействия на людей в каждом подобном случае.

Заинтересованность государства во введении этих пошлин дает государственному деятелю возможность накладывать на такие операции определенные ограничения, с помощью которых при каждом изменении обстоятельств он может производить тот эффект, который считает нужным. Если люди покупают у иностранцев то, что могут найти дома, он налагает пошлину на ввоз. Если они продают то, что должны производить, он закрывает ворота страны. Переносят ли их домой, он ускоряет или замедляет операцию, как лучше всего соответствует общим интересам. Изменяют ли они или усложняют то, что общественное благо требует потребления в его простом виде, он может либо предотвратить это с помощью позитивного запрета, либо он может разрешить такое потребление только более богатым, возложив на него обязанность.

Столь мощное влияние на деятельность целого народа придает современному государственному деятелю авторитет, который был неизвестен в прежние века при самых абсолютистских правительствах. Мы можем обнаружить последствия этого, размышляя о силе некоторых государств в настоящее время в Европе, где суверенная власть крайне ограничена в отношении каждого *произвольного* ее применения, и где в то же время обнаруживается, что сама эта власть управляет богатством жителей гораздо более эффективным образом, чем это может сделать самая деспотическая и произвольная власть.

Только порядок и регулярность в управлении сложной современной экономикой могут дать государственному деятелю возможность использовать все силы своего народа. Чем больше он руководит их действиями, тем легче ему заставить их согласиться в продвижении общего блага.

Здесь возражают, что любые свободные люди, которые наделяют государственного деятеля властью контролировать свои самые тривиальные действия, должны быть не в своем уме и рассматриваться как подчиняющиеся добровольному рабству худшего характера, поскольку избавиться от него должно быть труднее всего. С этим я согласен, предполагая, что предоставленная власть носит произвольный характер, подобный тому, который мы описали в тринадцатой главе этой книги. Но в то время как законодательная власть используется только для приобретения влияния на действия отдельных лиц, чтобы продвигать схему политической экономики, единообразную и последовательную во всех ее частях, последствия будут настолько далеки от введения рабства среди людей, что выполнение плана окажется абсолютно несовместимым с любыми произвольными или нерегулярными мерами.

Власть современного Правителя, пусть даже столь абсолютная, согласно конституции его королевства, немедленно становится ограниченной, как только он устанавливает план экономики, который мы пытаемся объяснить. Если раньше его власть напоминала твердость и силу клина, который безразлично можно использовать для раскалывания дерева, камней и других твердых тел и который можно отбрасывать в сторону и снова брать в руки по своему усмотрению, то в конце концов он станет напоминать часы, которые годятся только для того, чтобы отмечать ход времени, и которые немедленно разрушаются, если их использовать как-либо иначе или к ним прикасается чья-либо рука, кроме самой нежной.

Следовательно, как современная экономика является самой эффективной уздой, когда-либо изобретенной против безумия деспотизма; так и мудрость столь великой державы нигде не сияет с большим блеском, чем когда мы видим, как она применяется при планировании и установлении этой экономики в качестве узды против бессмысленного использования власти последующими поколениями. Я предоставляю моему читателю самому искать примеры в поведении наших современных монархов, которые могли бы подтвердить то, на что, я думаю, указывает разум: будь они менее поразительными, у меня могло бы возникнуть искушение упомянуть о них.

Та часть нашего предмета, которую мы сейчас рассмотрим, представит нам систему политической экономики, еще более сложную, чем все, с чем мы до сих пор сталкивались.

Пока внешняя торговля процветает и расширяется, богатство нации увеличивается с каждым днем; но ее силу не так-то легко использовать, поскольку после того, как это богатство начнет больше циркулировать внутри страны, как мы легко покажем. Но, с другой стороны, силу, которую она применяет, гораздо легче набрать. В первом случае ее бережливость позволяет ей

получать новые припасы из сундуков своих соседей; в последнем случае ее роскошь позволяет получать ресурсы из богатства ее собственных граждан.

Открывая эту главу, я ввел моего читателя в новую страну; или, более того, я могу сказать, что вернул его в ту же страну, которую мы рассматривали в первой книге.

Здесь роскошь и чрезмерное потребление будут бросаться в глаза почти на каждом шагу. Он, естественно, сравнит систему бережливости, которую мы отвергли, с системой расточительства, которую нам теперь предстоит принять; и мы можем вполне естественно заключить, что введение последней должно оказаться определенным предвестником разрушения. Примеры, встречающиеся в истории, когда величайшие монархии распадались на части, как только терялся вкус к простоте, кажется, подтверждают эту гипотезу. Следовательно, необходимо немного изучить обстоятельства, чтобы мы могли сравнить, в частности, экономику древних с нашей собственной; чтобы выяснить, является ли введение роскоши столь же пагубным в настоящее время, как это некогда оказалось для тех государств, которые имели столь большое значение в мире; и о которых теперь известно только из истории и о которых судят по немногочисленным рассеянным руинам, которые остались свидетельствовать об их былом величии.

Роскошь - порождение богатства; а богатство приобретается государствами, как и частными лицами, либо прибыльным, либо обременительным титулом, как говорят гражданские лица. Прибыльный титул, который приобретает государство, дается либо за счет грабежа, либо за счет своих рудников; обременительный титул или за ценное вознаграждение дается за промышленность.

Богатство древних монархов Вавилона, Персии, Греции и Рима было результатом грабежа; в то время как промышленность обогатила города Сидон, Тир, Карфаген, Афины и Александрию. Роскошь первых доказывала гибель роскошествующих; роскошь последних усиливала их величие: потому что у них не было соперников, которые могли бы воспользоваться естественными последствиями этой роскоши, лишив прибыли внешнюю торговлю. Мир был столь же пагубен для грабителей, сколь война разрушительна для трудолюбивых.

Когда империя находилась в состоянии войны, ее богатство, таким образом, обращалось в обмен на эквивалент оказанных услуг. Как только мир был восстановлен, все вернулись, так сказать, в состояние рабства. Затем монарх завладел всеми богатствами и распределил их по своему произволу. Состояния сколачивались в одно мгновение, и никто не знал, как это делается: они снова терялись в результате переходов, столь же жестоких и внезапных. Роскошь тех дней сопровождалась самым чрезмерным гнетом. Чрезвычайное потребление не было доказательством обращения какого-либо адекватного эквивалента в пользу трудолюбивых: оно не привело ни к раздаче хлеба бедным, ни к пропорциональному уменьшению богатства богатых. Великие постоянно оставались великими; и чем больше они расточали, тем больше страдали малые. Одним словом, роскошь не имела ничего общего с этим, кроме того качества, которое *исключительно* является причиной злоупотребления ею в наше время; а именно, чрезмерного удовлетворения страстей знати, которое часто приводило к развращению их нравов.

Когда такое государство стало роскошным, общественными делами пренебрегли, потому что богатство можно было получить не от правильного управления. Война при таких

обстоятельствах приводила к эффектам, почти аналогичным возникновению промышленности в наше время; она обеспечивала занятость, а это, как уже было сказано, приводило к более регулярному обращению.

С другой стороны, богатство и роскошь вышеупомянутых торговых городов, которые были того же рода, что и в новое время, происходили от отчуждения их труда, то есть от их промышленности. Ничто не приобреталось даром, и когда они были вынуждены вступить в войну, они оказались вынуждены либо растратить свое богатство, наняв войска, либо отказаться от его ресурсов, от труда своих трудолюбивых граждан. Таким образом, пунические войны возвеличили величие разграбления Рима и стерли с лица земли существование трудолюбивого Карфагена. Я не претендую здесь на подтверждение справедливости этих размышлений при любых обстоятельствах, и моей нынешней цели чуждо быть более конкретным; все, к чему я стремлюсь, - это указать на различные последствия роскоши в древности и в наше время.

Древняя роскошь была совершенно *произвольной*; следовательно, на нее не могло быть наложено никаких ограничений, но она производила наихудшие последствия, которые *естественно и механически* могли быть следствием этого.

Современная роскошь *систематична*; она не может быть расширена ни на шаг, кроме как за счет адекватного эквивалента, приобретаемого теми, кто больше всего нуждается в защите и помощи своих сограждан; и без нарушения баланса их богатства. Этот баланс находится в руках государственного деятеля, который может получать пожертвования при каждой такой вибрации. У него в руках бразды правления, и он может повернуть, обуздать и направить роскошь своего народа на любую цель, которую сочтет подходящей.

Роскошь здесь настолько далека от пренебрежения общественными делами, что требует самого пристального отношения к их управлению, чтобы поддерживать ее. Когда ими пренебрегают, трудолюбивые люди будут доведены до голода, потребление сократится; то есть роскошь незаметно исчезнет, и на смену ей придет накопительство. Эти и подобные им последствия, несомненно, будут иметь место и *механически* будут следовать одно за другим, если не приложить умелую руку для их предотвращения.

Невозможно не понимать преимуществ поддержки процветающей внутренней торговли после угасания внешней торговли. Такими средствами элегантность вкуса и вежливое искусство могут быть доведены до высочайшего уровня. Все жители могут быть заняты работой и потреблением; всех можно заставить жить в достатке и легкости посредством быстрого обращения, которое приведет к разумному равенству богатства среди всех жителей. Роскошь никогда не может быть причиной неравенства. Накопительство и парцимония формируют огромные состояния, роскошь растрчивает их и восстанавливает равенство.

Такая ситуация, несомненно, была бы из всех прочих наиболее приятной и выгоднейшей, если бы все человечество было собрано в одно общество или если бы страна, где оно основано, была отрезана от всяких связей с другими нациями.

Баланс между работой и спросом тогда влиял бы только на баланс богатства между отдельными людьми. Если бы рабочих рук стало не хватать, баланс быстрее изменился бы в пользу трудоспособных, а праздные стали бы беднеть. Если бы рабочих рук стало слишком много (чего,

в сущности, вряд ли следовало ожидать), все покупалось бы дешевле; но то же количество богатства все равно оставалось бы без какого-либо уменьшения.

В чем же, таким образом, заключается огромное преимущество внешней торговли?

Я отвечаю, задав другой вопрос. В чем большое преимущество того, что человек сколотил большое состояние в своей собственной стране? Человек небольшого сословия, без сомнения, может быть так же счастлив, как другой, обладающий большим; и то же самое было бы верно для народов, если бы все они были в равной степени проникнуты духом мира и справедливости или были подчинены высшей мирской власти, которая могла бы защитить слабых от насилия и несправедливости сильных.

Следовательно, именно отдельные интересы наций, которые склонны общаться друг с другом и потреблять товары друг друга, придают большое значение рассмотрению принципов торговли.

В то время как нации довольствовались своими собственными произведениями, в то время как разница в их обычаях и противоположность их предрассудков были велики, связи между ними не были очень тесными.

Отсюда проистекает огромное разнообразие языков и диалектов. Когда путешественник обнаруживает внезапный переход с одного языка на другой или с одного диалекта на другой, это является доказательством того, что манеры таких людей издавна отличались и что они мало общались друг с другом. Напротив, когда диалекты меняются постепенно, как в провинциях одной и той же страны, это является доказательством того, что в их обычаях не было большого противоречия. Подобным образом, когда мы находим несколько языков, в настоящее время различных, но явно происходящих из одного источника, мы можем заключить, что было время, когда такие народы были связаны перепиской, или что язык был перенесен от одного к другому в результате миграции колоний. Но я незаметно отклоняюсь от своей темы.

Я уже говорил, что, когда нации довольствовались своими собственными произведениями, связи между ними были не очень тесными. В то время как торговля осуществлялась путем обмена потребляемыми товарами, эта операция также мало интересовала государство: потребление тогда было равным с обеих сторон, и ни с одной из них не было достигнуто равновесия. Но как только драгоценные металлы стали предметом торговли и когда, будучи раздаваемыми в качестве универсального эквивалента для каждой вещи, они стали также мерой могущества между нациями, тогда приобретение или, по крайней мере, сохранение пропорционального количества их стало для более благоразумных целью последней важности.

Мы видели, как хорошо налаженная внешняя торговля приводит к необходимому эффекту привлечения богатств из всех других стран. Мы видели, каким образом выгода, получаемая в результате этой сделки, может прекратиться, и как ее баланс может перейти в другую сторону. Теперь нам предстоит исследовать, как та же самая осмотрительность, которая положила начало внешней торговле и поддерживала ее как можно дольше, может уберечь от внезапной революции и в то же время эффективно остановить ее; с той целью, чтобы нация, обогатившаяся за счет торговли, не могла, слепо или механически продолжая ее, когда баланс не в ее пользу, попасть в те неудобства, которые, должно быть, испытывали другие нации во время ее процветания.

ПАРЕНЬ. XXIII.

Когда Нация, обогатившаяся за счет взаимной торговли мануфактурами с другими нациями, обнаруживает, что Торговый баланс оборачивается против нее, в ее интересах полностью положить этому конец.

Поскольку торговля долгое время существовала в стране, за которой мы теперь должны следить, я предполагаю, что с течением времени ее соседи научились поставлять один предмет самостоятельно, а другие народы хотят дешевле, чем это может сделать она. Что делать? Никто не станет покупать у нее, когда их можно поставлять из другого квартала по более низкой цене. Я спрашиваю, что делать? Ибо, если не будет никаких ограничений торговле и если государственные деятели не будут вмешиваться с величайшей осторожностью, несомненно, что торговцы будут импортировать продукты и даже мануфактуры соперничающих наций; жители будут покупать их предпочтительно у своих; богатство нации будет экспортировано; и ее трудолюбивые производители будут обречены на голод. Поэтому мы можем рассматривать это как проблему в торговле, которая должна быть решена с помощью уже установленных принципов.

Итак, во-первых, следует задаться вопросом, пользуются ли в отрасли, в которой она недооценена, ее конкуренты естественным преимуществом перед ней, которое не могут уравновесить никакие выдающиеся трудолюбие, бережливость или решительность с ее стороны? Если это так, то в зависимости от обстоятельств можно выбрать три различных пути.

1mo. Полностью отказаться от этой отрасли торговли и брать нужные товары у иностранцев, поскольку они могут поставлять их дешевле.

2do. Полностью запретить импорт таких товаров.

3tio. Ввести пошлину на импорт, чтобы поднять цену на них настолько высоко, чтобы сделать их дороже, чем товары того же вида, произведенные дома.

Можно пойти по первому пути, если, изучив, как можно распорядиться рабочими, занятыми в мануфактуре, окажется, что их можно легко перебросить в другую отрасль промышленности, в которой естественные преимущества нации настолько же превосходят ее конкурентов, насколько их собственные превосходят ее собственные в отрасли, которую она намеревается покинуть; и при условии, что ее соседи согласятся открыть свои порты для свободного ввоза рассматриваемых товаров. Ибо, хотя в обменной торговле может быть мало прибыли, я все же считаю целесообразным продолжать переписку и избегать любого повода для прекращения торговли с другими нациями. Трудолюбивая, экономичная и проницательная нация, какой, я полагаю, являются наши торговцы, сможет извлечь выгоду из многих обстоятельств, которые безошибочно обернутся в ущерб другим, менее опытным в торговле, с которыми она ведет торговлю; и в ожидании благоприятных революций ей не следует опрометчиво или из-за небольших неудобств отказываться от торговли с ними, особенно если окажется, что роскошь становится все более распространенной.

Но предположим, что конкурирующая нация не согласится получать изделия, которые торговцы могут производить с большими естественными преимуществами, какой курс тогда лучше всего избрать?

Я думаю, что ей следует поощрять отрасль, в которой она конкурирует, для собственного потребления, хотя она должна отказаться от ее экспорта; и в этом случае необходимо рассмотреть, следует ли полностью запретить эту торговлю с иностранцами (что является вторым способом, упомянутым выше) или же более целесообразно предпочесть последнюю схему, а именно. разрешить импорт товаров, обложив их пошлиной, которая может поднять их цену настолько, чтобы они не продавались ни настолько дешево, чтобы препятствовать отечественному производству, ни достаточно дорого, чтобы поднять прибыль мануфактур выше разумного уровня, в случае увеличения спроса.

Когда естественные преимущества иностранных государств настолько велики, что вынуждают государственного деятеля повышать пошлины до такой степени, чтобы поощрять контрабанду, необходимо избрать второй путь.

Третий путь кажется наилучшим, когда преимущества соперников более незначительны; в этом случае торговцы могут со временем вернуть себе прежние преимущества благодаря распространению роскоши среди своих соседей или в результате других революций, которые часто происходят в торгующих странах.

Это может быть решением на случай, если нация будет соперничать в отрасли, где у нее нет равных преимуществ со своими соседями; и когда она не может компенсировать это неудобство ни своей бережливостью, ни трудолюбием, ни надлежащим использованием своего национального богатства. Эти операции уже были полностью объяснены и теперь считаются отложенными в сторону; не потому, что мы предполагаем, что они когда-либо перестанут оказывать свое действие во всех нациях, но для того, чтобы упростить наши идеи и указать на принципы, которыми должен руководствоваться государственный деятель в случаях, когда он находит лучшие способы невыполнимыми при различных сочетаниях обстоятельств.

Позвольте мне теперь предположить, что нация соперничает в производстве основных товаров, то есть в тех, где у нее наибольшие естественные преимущества в ее пользу.

Всякий раз, когда происходит такой случай, он должен исходить из какого-то порока внутри государства. Либо от развития роскоши среди рабочих, которая должна проистекать из консолидированной прибыли, либо от случайных неудобств, таких как дороговизна средств к существованию, либо от неразумно введенных налогов. Они (я имею в виду все, кроме налогов, которые впоследствии будут взиматься) должны быть отменены на основе изложенных выше принципов; и если это не может быть достигнуто, независимо от причин, тогда наступает роковой период, когда вся внешняя взаимная торговля мануфактурами должна быть прекращена. Ибо, если невозможно получить прибыль от отраслей, в которых нация обладает наибольшими естественными преимуществами, более чем вероятно, что любая другая отрасль окажется по меньшей мере столь же невыгодной. Если после этой революции порты страны не будут закрыты для ввоза иностранных товаров, торговцы будут ввозить их, и это истощит национальное богатство страны и приведет к голодной смерти трудолюбивых.

Именно на этом принципе основаны инкорпорации. О них мы скажем несколько слов и завершим нашу главу.

Города и корпорации можно рассматривать как нации, где роскошь и налоги сделали жизнь настолько дорогой, что работу можно обеспечить только по высокой цене. Следовательно, если бы было разрешено ввозить рабочую силу всех видов из провинций или из деревни для

удовлетворения спроса капитала и более мелких корпораций, что стало бы с торговцами и мануфактуристами, которые там проживают? С другой стороны, если бы они вышли за пределы свобод таких корпораций, что стало бы с государственными доходами, собираемыми в этих маленьких штатах, как я могу их назвать?

Учреждая корпорации, государственный деятель получает возможность устанавливать высокие пошлины на все виды потребления; и несмотря на то, что они имеют необходимым следствием повышение цен на рабочую силу, все же с помощью других нормативных актов, которые впоследствии могут привести к пагубным последствиям для внешней торговли, можно избежать и не допустить, чтобы каждый предмет экспорта поднимался выше надлежащего уровня для того, чтобы сделать его пригодным для продажи, несмотря на всю иностранную конкуренцию.

Система современного налогообложения, по-видимому, впервые была введена в городах, когда страна подчинялась баронам и оставалась в некотором смысле совершенно свободной от них. Города, получившие привилегию инкорпорации, начали, вследствие власти, предоставленной их магистратам, взимать налоги: и, обнаружив неудобства, возникающие в результате внешней конкуренции (внешней торговли), они объединили различные классы своих трудолюбивых в братства, или корпорации более низкого наименования, с полномочиями предотвращать ввоз работы от своих собратьев-торговцев, не принадлежащих к обществу.

Здесь возникает вопрос.

Почему во многих странах на корпорации жалуются как на препятствие для промышленности, если их создание исходит из такого простого принципа, как изложенный здесь?

Позвольте мне получить ответ на другой вопрос. Почему на них жалуются не во всех странах?

Разница между ситуацией в одной стране и в другой ясно укажет на принцип, который должен регулировать создание корпораций и управление ими. Когда это будет хорошо понято, всем спорам, касающимся общей полезности или вреда, вытекающего из них, будет положен конец: и вопрос будет возвращен к надлежащему разрешению, а именно к их относительной полезности, рассматриваемой с учетом фактического положения в стране, где они установлены. В одной провинции корпорация окажется полезной, в другой - как раз наоборот.

Прежде всего, все должны согласиться с тем, что изложенный принцип справедлив. Никто никогда не заявлял, что промышленность, ведущаяся в *городах*, где жизнь дорога, должна выдерживать конкуренцию с промышленностью в *стране*, где жизнь дешева; я имею в виду для непосредственного потребления граждан. Но можно выдвинуть предположение, что ни одна низшая корпорация не должна пользоваться исключительной привилегией по отношению к тем, кто разделяет каждое бремя, налагаемое великой корпорацией, от которой они зависят своим существованием. Что они не имеют права на исключение в отношении граждан; но только в отношении незнакомцев, которые не находятся под той же юрисдикцией и не несут того же бремени. Здесь спор идет между членами большой корпорации и членами меньшей. Теперь, я говорю, что, хотя никакие другие интересы не затрагиваются, решение этого вопроса должно быть предоставлено самой корпорации. Но в тот момент, когда определенные привилегии, которыми пользуются отдельные лица, начинают влиять на общественное благо, такие привилегии должны быть либо отменены, либо введены ограничения.

В странах, где промышленность находится на определенном уровне, в то время как потребление в городах не увеличивается и не уменьшается; когда те, кто живет на полученный доход, живут равномерно и таким же образом; когда это регулярное потребление регулярно обеспечивается определенным числом граждан, достаточным для его удовлетворения; когда рабочие руки, занятые для этой цели, находятся в совершенной пропорции к предъявляемому к ним спросу; в таких странах, говорю я, любое уменьшение привилегий корпораций было бы средством нарушения равного баланса между трудом и спросом.

Мы говорили выше, что когда рабочих рук становится слишком много для работы, прибыль падает ниже необходимого уровня существования; что трудолюбивые вступают в конкуренцию за физически необходимое и причиняют друг другу вред. Итак, вот принцип, который корпорация должна учитывать: прибыль от каждой сделки должна быть пропорциональна труду.

Чтобы лучше ориентироваться в этой пропорции, многие корпорации в Германии ограничивают число корпораций низшего звена в определенных отраслях. В каждом городе разрешено определенное количество аптекарей, столяров, кузнецов и т.д., и не более; в зависимости от того, найдется ли для них работа. Это кажется хорошим правилом. Я не говорю, что этим нельзя злоупотреблять. Но административная власть должна быть где-то закреплена; и если бы в стране, где промышленность не добивается большого прогресса, были открыты корпорации, следствием было бы то, что каждый морил бы другого голодом, а потребителям оказывалось бы плохое обслуживание.

С другой стороны, когда возникает промышленность, когда нравы людей меняются внезапно или быстрыми темпами, как это имело место во многих странах Европы в течение этих шестидесяти лет: это признак ограниченной способности не понимать, что смена администрации становится необходимой; и если в результате таких революций те, кто стоит во главе корпораций, извлекут выгоду из увеличения спроса и вызовут рост цен в пользу объединенных рабочих, неизбежным следствием будет то, что город опустеет и лишится торговли, которая в противном случае была бы невозможна. на ее долю неизбежно выпадут преимущества, которые она должна извлечь из заведений, уже созданных для снабжения всех отраслей потребления^[K]. Но пусть вышеупомянутый принцип соблюдается постоянно; пусть прибыль поддерживается на должном уровне; пусть рабочие руки увеличиваются в соответствии со спросом; пусть городские рабочие не получают преимуществ перед сельскими, которые не могут быть компенсированы разницей в цене жизнеобеспечения; пусть неудобства, опять же, со стороны города, влияют только на их собственное потребление, а не на излишки их промышленности; пусть все удобства для ведения внешней торговли (здесь понимается все иностранное, что не входит в потребление города) будут обеспечены в пригородах или, если вам угодно, за городом обнесенный стеной для этой цели; пусть там будут рынки для всех видов работ, поступающих из страны; и тогда будут поняты истинные намерения корпорации. Если будет обнаружено, что процветание торговли требует еще большей свободы, тогда корпорация может быть распущена; но, с другой стороны, все бремя должно быть снято, и каждый зарегистрированный член должен получить компенсацию от государства за убытки, которые он вследствие этого понес.

К. По этим причинам города австрийских Нидерландов в настоящее время находятся в состоянии депопуляции; и трудолюбивые классы собираются в деревнях, которые начинают соперничать по численности населения с городами. В этих деревнях не установлены привилегии городов. Привилегии, которые, по всей вероятности, приведут к их банкротству, а также к депопуляции. Депопуляция последует из-за уже упомянутых причин; банкротство - из-за сумм, которые эти корпорации ссужают суверену, в счет новых поборов, постоянно налагаемых на каждую отрасль потребления. Это настолько верно, что приобретение этой страны (одной из самых плодородных и густонаселенных в Европе) вряд ли стоило бы того, чтобы ею обладать, если бы долги корпораций были справедливо выплачены, а их разорительным *привилегиям* (как их называют) было позволено существовать без изменений.

Большие перемены, ежедневно происходящие в духе европейских наций, где корпорации существуют уже давно, и при этом не было обнаружено никаких серьезных неудобств, связанных с ними, наводят на размышления, которые, по-видимому, естественным образом вытекают из выведенных нами принципов. Я только добавлю, что из практики введения налогов внутри этих маленьких республик (как я их назвал) Князя, по-видимому, поняли намек на расширение этой системы; сначала присвоив в государственный доход то, что города установили в свою пользу, а затем расширяя план по мере того, как обстоятельства благоприятствовали их замыслу. То, что это истинное происхождение современного плана налогообложения (я имею в виду налогообложение потребления), можно понять из этого; что право налагать налоги, по-видимому, практически нигде не было закреплено за королевской семьей, даже в тех королевствах, где принцы долгое время пользовались неограниченной конституционной властью над личностями своих подданных. Это право я считаю наименее двусмысленной характеристикой абсолютной и неограниченной власти. Я не знаю ни одной христианской монархии (за исключением, возможно, России), где либо согласие штатов, либо одобрение или попустительство какого-либо политического органа внутри государства не требовалось для того, чтобы сделать введение налогов конституционным; и если будут найдены другие исключения, я полагаю, будет нетрудно проследить происхождение такого проявления суверенной власти, не восходя к очень глубокой древности. Прерогатива князей в прежние времена измерялась властью, которую они могли конституционно осуществлять над *личностями* своих подданных; прерогатива современных князей - властью, которую они имеют над своим *кошельком*.

Таким образом, мы показали необходимость прекращения взаимной иностранной торговли в мануфактурных отраслях, как только во всех отраслях эта торговля становится невыгодной для нации; следующий вопрос заключается в том, как действовать при исполнении, чтобы избежать внезапной и насильственной революции в экономике государства, которая из всех вещей наиболее опасна: ущерб, следовательно, следует предвидеть на большом расстоянии, чтобы его можно было методично предотвратить.

ГЛАВА. XXIV.

Каков правильный метод положить конец внешней торговле промышленными товарами, когда ее баланс оборачивается против Нации?

Из сказанного в предыдущей главе не следует понимать, что как только внешнеторговый баланс либо в целом, либо в какой-либо отрасли промышленности оказывается не в пользу нации, государственный деятель должен немедленно положить этому полный конец. Это слишком жестокое средство, чтобы когда-либо быть примененным с успехом.

Едва ли возможно, чтобы значительный переворот в торговле нации произошел внезапно, в ее пользу или в ущерб, если только не во времена гражданских раздоров или иностранных войн, о которых в настоящее время не идет речь.

Проницательный государственный деятель всегда будет внимательно следить за каждой отраслью внешней торговли, особенно за импортом. Они состоят либо из натуральных продуктов других стран, либо из таких продуктов, стоимость которых увеличилась в результате производства.

При любой торговле продаваемым товаром необходимо учитывать две вещи. Первое - это материя; второе - труд, затраченный на то, чтобы сделать эту материю полезной.

Материал, экспортируемый из страны, - это то, что страна теряет; цена экспортируемого труда - это то, что она приобретает.

Если стоимость импортируемого материала больше стоимости экспортируемого, страна выигрывает. Если стоимость импортируемого труда больше, чем экспортируемого, страна проигрывает. Почему? Потому что в первом случае иностранцы должны были выплатить *материальный* избыток экспортированной рабочей силы; а во втором случае, потому что страна должна была выплатить иностранцам *материальный* избыток импортированной рабочей силы.

Следовательно, общая максима заключается в том, чтобы препятствовать ввозу труда и поощрять его вывоз.

Когда начинает импортироваться какое-либо изделие, которое обычно производилось дома, это свидетельствует либо о том, что цена на него начинает расти внутри страны, либо о том, что иностранцы добиваются в нем новых успехов. С другой стороны, когда ввоз мануфактурных изделий, потребляемых внутри страны, сокращается и когда купцы начинают проигрывать в таких отраслях торговли, это является доказательством того, что промышленность внутри страны набирает обороты в производстве этих товаров. Тогда государственный деятель должен понять намек и начать с мягкого ограничения импорта этих товаров, но не для того, чтобы сразу положить этому конец; потому что это может привести к слишком высокой прибыли от их домашнего производства.

Следует избегать любых внезапных революций. Внезапная остановка крупного импорта как бы рывками поднимает цены отечественной промышленности; они не растут постепенно; и эти внезапные прибыли привлекают слишком много людей, чтобы пытаться разделить их. Это приводит к уходу из других отраслей промышленности, не менее прибыльных для государства. Такие революции наносят большой вред, потому что проходит много времени, прежде чем люди

узнают об их истинной причине, и во время неопределенности они находятся, так сказать, в глуши, удивленные и восхищенные последствиями, в зависимости от того, насколько они затрагивают их интересы. Каждый объясняет это явление по-своему. Некоторые выступают за применение средств защиты от неудобств; в то время как другие полностью поглощены максимальным использованием каждого сиюминутного преимущества. Одним словом, нет ничего более пагубного, чем внезапная революция в таком сложном организме, как весь класс трудолюбивых, в современном обществе. Поэтому, когда такие изменения происходят, несмотря на все, что может сделать государственный деятель, лучший способ предотвратить неудобства, которые они влекут за собой, - это информировать общественность об истинных причинах каждого изменения, благоприятного или вредного для различных классов населения. Это также представляется наилучшим методом вовлечения всех в продвижение надлежащих средств правовой защиты, когда сами неудобства предотвратить невозможно. Так что хватит о схеме поощрения растущих производств или поддержки их в период упадка. Далее я перехожу к рассмотрению уже установленных методов предотвращения потери других.

Мы уже говорили, что ввоз любого предмета потребления, обычно производимого дома, ни в коей мере не был двусмысленным доказательством иностранного соперничества. В настоящее время я ничего не буду говорить о методах, которые следует использовать в качестве средства устранения этого неудобства: они уже обсуждались. Теперь мы должны предположить, что все, что могло бы быть изобретено для этой цели, становится неэффективным; и что иностранная промышленность настолько укрепляется, что с каждым днем все больше и больше снабжает различные отрасли внутреннего потребления.

Исходя из этого, государственный деятель начнет с введения определенных ограничений на ввоз таких товаров. Если этого окажется недостаточно, они должны быть увеличены; и если увеличение приводит к мошенничеству, которое трудно предотвратить, эти статьи должны быть полностью запрещены. При таком подходе будет обнаружено, что без какого-либо насильственного или внезапного запрета, налагаемого на внешнюю торговлю, мало-помалу будут отсекаться все ее пагубные отрасли, пока, наконец, она не прекратится совсем, как в упомянутом выше случае, а именно, когда наиболее выгодные отрасли не могут быть продолжены без потерь.

Однако здесь необходимо кое-что добавить, чтобы ограничить столь общий план управления. Нет ничего более сложного, чем интересы торговли, рассматриваемые применительно к целой нации. Едва ли для народа возможно, чтобы каждая отрасль торговли была благоприятна для увеличения его богатства: следовательно, государственный деятель, который после единственной проверки одной отрасли ограничил бы ее ввоз пропорционально тому, как он нашел бы баланс по ней неблагоприятным для нации, вполне возможно, погубил бы процветающую торговлю.

Сначала он должен тщательно изучить каждое применение импортируемого товара: если часть реэкспортируется с прибылью, эта прибыль должна быть вычтена из баланса потерь, понесенных в результате потребления остатка. Если она будет потребляться за счет других отраслей промышленности, которые благодаря этому развиваются, остаток потерь все же может быть более чем компенсирован. Если это средство поддержания переписки с соседней нацией, выгодное в других отношениях, то убытки, возникающие в результате этого, могут быть в определенной степени возмещены. Но если, изучив всю цепочку последствий, он обнаружит,

что богатство страны нисколько не увеличилось, а ее торговля не поощряется пропорционально ущербу, первоначально причиненному импортом, я полагаю, он может решить, что такая отрасль торговли вредна; и поэтому ее следует пресечь самым разумным образом, согласно общему правилу.

Первым предметом заботы государственного деятеля, который руководит страной, находящейся на грани потери своей внешней торговли без какой-либо перспективы или вероятности ее восстановления, является сохранение ее уже приобретенного богатства. Никакой мотив не должен побуждать его жертвовать этим богатством, за исключением безопасности всего общества, когда внезапно возникает угроза со стороны внешних врагов. Удовлетворение обычных желаний отдельных людей, хотя богатство, которым они обладают, может позволить им без малейшего ущерба для их личного состояния потреблять продукцию других наций; мотив предотвращения накопления; мотив содействия развитию оживленного обращения внутри страны; преимущества, которые могут получить торговцы, которые могут обогатиться, ведя торговлю, невыгодную для нации; даже, одним словом, содержание того же числа жителей, не должны вызывать его согласия с уменьшением национального богатства.

Далее следуют мои доводы в пользу того, что это утверждение зашло так далеко, вплоть до принесения в жертву части жителей страны ради сохранения ее богатства; и я льщу себя надеждой, что при надлежащем рассмотрении я смогу избежать малейшего вменения принципов Макиавелли вследствие столь смелого утверждения.

В то время как народ кормится продуктами своей собственной земли, сохранение его численности вполне согласуется с сохранением его богатства. Следовательно, если в таком случае их численность сократится из-за упадка внешней торговли, либо из-за экспорта продовольствия, либо из-за того, что их земли станут необработанными, я без колебаний возложу вину на администрацию государственного деятеля.

Но трудолюбивый народ может (как уже было сказано) увеличить свою численность намного больше, чем позволяет его собственное существование. Дефицит должен быть восполнен из-за границы и должен быть оплачен за счет торгового баланса в их пользу. Теперь, когда это равновесие оборачивается против них, и когда, следовательно, невыгодной внешней торговле положен конец, согласно изложенным нами принципам, государственный деятель оказывается перед такой альтернативой: либо ежегодно разрешать вывозить часть уже добытого богатства, чтобы покупать средства к существованию для *излишков* своего народа, как я могу их назвать, либо сокращать их численность на ступени, либо поощряя их выезд из страны, либо основывая колонии и т.д., пока они не будут доведены до справедливой пропорции национального прожиточного минимума. Если он предпочтет первое, предполагая, что выполнение такого плана возможно, следствием будет то, что, как только все богатство будет израсходовано, все общество, за исключением владельцев земель и тех, кто их обрабатывает, должно прийти к разрушению. Если он предпочитает второе, он остается независимым от всего мира по отношению к обитателям, которых он сохраняет. Они остаются в состоянии поддерживать себя, и он может изменить план своей политической экономики так, как это наилучшим образом соответствует его обстоятельствам, по сравнению с другими нациями. Пока все его подданные заняты и обеспечены, он будет оставаться во главе процветающего и счастливого народа.

Здесь можно возразить, что первая альтернатива является невозможным предположением. Я допускаю, что это так, если вы предполагаете, что это будет продолжаться до тех пор, до

которых я это проследил; потому что никакая сила, какая бы ни была у государственного деятеля, не может зайти так далеко, чтобы сохранить численность за счет всего богатства своего народа. Но я могу очень легко предположить случай, когда цифры могут быть подкреплены значительным ущербом для государства, оказавшегося в ситуации, в которой мы представили его в нашем предположении.

Предположим, что принц, после провала его внешней торговли, увеличивает свою армию пропорционально тому, как он обнаруживает, что его трудолюбивые руки бездействуют из-за отсутствия спроса на их труд; и пусть он заполняет свои склады для их пропитания за счет иностранного импорта, оставляя продукты своей страны прокормить остальных своих подданных. Благодаря такому плану каждый человек останется занятым, а также обеспеченным, и на такого принца можно смотреть как на самого гуманного правителя. С этим я охотно соглашаюсь. Я бы любил такого государя; но чем больше я любил бы его, тем больше я сожалел бы о том, что его проект потерпит неудачу из-за физической невозможности его длительного поддержания; и когда он потерпит неудачу из-за истощения его богатства, не его сожаления дадут хлеба его солдатам и работы его трудолюбивым подданным, которые больше не найдут эквивалента своему труду.

Давайте пока ограничимся изложением общих принципов, влияющих на необходимость прекращения ввоза иностранных товаров и уменьшения национального богатства в рассматриваемом нами случае.

Далее о предметах экспорта. Наиболее прибыльными отраслями экспорта являются отрасли труда, менее прибыльными - отрасли чистых натуральных продуктов. Когда труд не может быть экспортирован во всем своем совершенстве из-за его высокой цены, лучше экспортировать его с умеренной степенью совершенства, чем вообще не экспортировать; и если даже это не может быть сделано с пользой, тогда люди будут вынуждены отказаться от работы, кроме как для себя: и тогда, если внутреннее потребление не увеличится пропорционально дефициту внешнего спроса, определенное количество рук будет бездействовать, а определенное количество натуральных продуктов останется под рукой. Первые должны исчезнуть в скором времени; они умрут с голоду или дезертируют; последние станут предметом экспорта. Итак, перед нами новый вид торговли, который возникает после исчезновения других. Когда страна вынуждена сократить экспорт товаров из чистых натуральных продуктов в соответствии с принципами, которые мы изложили, тогда план, предложенный в названии этой главы, выполняется. Тогда она окажется на настолько низком уровне в торговле, насколько это возможно, но в то же время она сможет пользоваться своими естественными преимуществами, несмотря на удачу; и пропорционально им она может, при хорошем правительстве и бережливости, сохранить торговый баланс в свою пользу, который будет постоянно увеличивать ее национальное богатство.

Таким образом, существует период, по истечении которого внешняя торговля может прекратиться по каждому товару, за исключением натуральных продуктов. Я не знаю, был ли этот период на большом расстоянии, когда состояние торговли рассматривается относительно определенных наций Европы.

Если бы оказалось, что трудолюбие и бережливость одинаково преобладают во всех частях крупных политических образований или если бы роскошь и чрезмерное потребление повсюду были доведены до одинаковой высоты, торговля могла бы без всякого ущерба быть полностью

открыта. Тогда это перестало бы быть предметом заботы государственного деятеля. С другой стороны, если бы все страны одинаково тщательно контролировали каждую отрасль убыточной торговли, вскоре наступил бы общий застой торговли. Промышленные товары больше не были бы предметом торговли; каждая нация обеспечивала бы себя сама, и ничего не экспортировалось бы и не импортировалось, кроме натуральных продуктов.

Но поскольку трудолюбие и праздность, роскошь и бережливость постоянно меняют свое равновесие во всех странах Европы, способные торговцы считают своим долгом узнавать об этих колебаниях, а способные государственные деятели извлекают выгоду из этого открытия для восстановления своей собственной торговли; и когда они обнаруживают, что это больше не может осуществляться с мануфактурами или продуктами их собственной страны, они привлекают своих торговцев стать перевозчиками для своих соседей и таким образом образуют как бы третий и последний оплот, который, пока они могут его защищать, не позволит их внешней торговле быть совершенно ограниченной. уничтожены; потому что благодаря этому последнему средству они могут продолжать в течение некоторого времени увеличивать свои национальные запасы. Именно для того, чтобы перекрыть даже этот ресурс, некоторые страны вводят ограничения не только на импорт, но и на импортеров^[4]. Если такие меры предосторожности будут соблюдаться всеми до определенного предела, то мы увидим конец всей системе внешней торговли, причем настолько сложной, что она, по-видимому, становится все более и более объектом внимания, а также подражания всех современных государственных деятелей.

L. Законом о судоходстве в Англии.

ГЛАВА XXV.

Когда богатая нация обнаруживает, что ее внешняя торговля ограничивается товарами из натуральных продуктов, какому плану лучше всего следовать? и каковы последствия такого Изменения Обстоятельств?

Теперь больше не стоит вопрос о торговой нации; этот характер утрачен в тот момент, когда прекращается экспорт труда и изобретательности ее народа.

Первоочередной задачей ее заботы должно быть увеличение всеми возможными средствами количества производимых ею натуральных продуктов; быть как можно более бережливой в их потреблении и экспортировать излишки с максимальной выгодой.

Если она обнаружит, что экспорт средств к существованию продолжается, в то время как часть ее населения остается в нужде, она может быть уверена, что промышленность страдает от какого-то внутреннего порока; и наиболее вероятной причиной такого эффекта будет признана неравная конкуренция между представителями низших классов, которые работают ради удовлетворения физических потребностей. Это должно быть устранено, и государственный деятель никогда не должен успокаиваться, пока он не установит баланс работы и требований настолько правильный, чтобы предотвратить, по крайней мере, перевес *масштабов работы*; ибо это дверь, через которую несчастье проникает в народ.

Преобладающий масштаб спроса теперь не будет столь пагубным, поскольку это изменение баланса приведет только к повышению цен и ускорению обращения и сохранит другой баланс, а именно баланс богатства (о котором мы поговорим в следующей главе), в постоянном колебании без уменьшения общественного запаса.

Другой объект заботы государственного деятеля в этих предполагаемых обстоятельствах - не допускать импорта ни труда, ни природных продуктов любой другой страны, способствующих роскоши; ибо, хотя я сказал, что избыточное потребление может нанести небольшой вред, когда интересы внешней торговли не затрагиваются, чтобы предотвратить экспорт путем повышения цен внутри страны; и хотя импорт иностранных продуктов в обмен на аналогичные товары национального роста не наносит ущерба государству в отношении его богатства, все же, если такой импорт является предметом простого излишества, я думаю, государственный деятель может нанести небольшой вред. следует благоразумно препятствовать этому; потому что поиск излишеств сам по себе является доказательством перехода к роскоши, и я хотел бы, чтобы этот поворот был улучшен таким образом, чтобы способствовать исключительно национальным целям, то есть увеличению численности полезных жителей.

Позвольте мне проиллюстрировать это на примере. Иностранные вина, я полагаю, становятся модными как часть роскоши элегантного стола. Государственный деятель своим примером может воспрепятствовать этому и ввести множество других статей расходов на развлечения, достаточных для компенсации этого. Мебель в апартаментах может быть обставлена более роскошно, сервировка стола, оформление десертов, могут быть введены новые развлечения сразу после ужина, которые будут иметь вид изысканности.

Такими примерами он мог бы легко заменить одни расходы, которые могли бы стать национальным благом, на другие, где роскошь не производит такого эффекта. И когда расточительность и расточительность не оказывают ни благотворного эффекта на раздачу хлеба бедным, ни на ускорение кровообращения в стране в пользу общества, я не вижу причин, по которым государственный деятель должен интересоваться их поддержкой; и тем более, почему спекулятивный человек, который исследует только методы осчастливливания человечества их взаимными услугами друг другу, должен напрягать тему, чтобы найти аргументы, подходящие для извинения или панегирика различным схемам расточительства.

Мне нет нужды добавлять в качестве ограничения этого принципа противодействия ввозу иностранных товаров (которые становятся предметами все большего избыточного внутреннего потребления), что, когда становится необходимым продолжение такой отрасли торговли, чтобы привлечь соседнюю нацию к потреблению излишков домашней продукции; в данном случае роскошь потребителей иностранной продукции имеет очевидную тенденцию к национальному улучшению. Если изысканные вина и шелк-сырец импортируются в обмен на соленую сельдь и необработанные шкуры, поддержка такой торговли является лишь средством заставить богатых потреблять эти изделия домашнего производства, превращая их в бургундское и бархат.

Эти соображения касаются увеличения или, по крайней мере, сохранения национального богатства. Если о них позаботиться, вряд ли возможно, чтобы какая-либо часть того, что уже приобретено, могла уйти за границу; и в этом случае весь баланс экспорта натуральных продуктов становится явной выгодой.

Есть еще несколько моментов, на которые следует обратить внимание в отношении экспорта натуральных продуктов. Такие товары, которые имеются в большом изобилии и не производятся в других странах, как вина в южных странах Европы, всегда должны экспортироваться жителями, потому что значительная прибыль должна быть получена от торговли, в которой нет соперничества; и в таких случаях люди должны быть достаточно мудры, чтобы сохранить такую прибыль для себя.

Но если другие страны не захотят их получать, если только они не будут импортированы их собственными подданными, тогда государственный деятель может ввести пошлину на экспорт, что является одним из способов распределения прибыли с перевозчиками. Все предосторожности, необходимые при введении этой пошлины, заключаются не в том, чтобы повышать ее настолько, чтобы уменьшить спрос, и не в том, чтобы поощрять соседнюю нацию вступать в конкуренцию за такую отрасль торговли.

Соседние государства, поставляющие одни и те же товары из натуральных продуктов, обычно регулируют вывозные пошлины таким образом, чтобы почти компенсировать все различия, которые могут обнаружить иностранцы в торговле с одним или с другим. Или они предоставляют особые привилегии в сфере торговли тем странам, с которыми, по их мнению, им выгоднее всего торговать.

Если естественные преимущества таких изделий менее значительны, пошлина не может быть введена. Затем экспорт может быть поощрен путем предоставления еще больших привилегий иностранцам или другим лицам, которые могут способствовать экспорту с небольшими затратами для государства.

Если, наконец, природные продукты одной страны являются общими для других, где они, возможно, столь же многочисленны, то будет трудно обеспечить их вывоз; и все же может случиться, что слишком большое их изобилие дома может вызвать неудобства. В этом случае государственный деятель должен назначить премию или вознаграждение при экспорте, как единственный метод избавления от излишков, которые могут настолько сильно повлиять на всю массу производимого товара, что цена труда занятых в нем лиц опустится ниже уровня их физической необходимости. Таким образом, предоставляя эту премию, он поддерживает промышленность в этой отрасли; он ничего не берет из национального богатства; и экспорт, который происходит вследствие этой премии, является чистой прибылью. Это необычная операция в торговле, но она имеет настолько тесную связь с доктриной налогов и надлежащим использованием государственных денег, что я отложу дальнейшее рассмотрение ее до тех пор, пока не перейду к этой отрасли моего предмета; и тем скорее, что эта книга разрослась сверх положенной меры.

У меня нет особого повода говорить об импорте в страну, которая не экспортирует никаких промышленных товаров. Руководящий принцип в таких случаях состоит в том, чтобы не допускать ввоза ничего, кроме того, что способствует вывозу излишков природного продукта и что, в то же время, не имеет тенденции конкурировать с какой-либо отраслью отечественной промышленности. Таким образом, для северной страны гораздо лучше баловать вкус своих богатых жителей винами и специями, чем препятствовать сельскому хозяйству путем ввоза риса и иностранного зерна; предполагая, что альтернатива совершенно необязательна, и как та, так и другая являются возвратом ее собственных излишков.

Далее я перехожу к рассмотрению ее внутренней торговли и потребления ее собственных изделий. Здесь речь идет не об увеличении или уменьшении ее богатства, а только о том, чтобы заставить его циркулировать наилучшим образом, чтобы обеспечить занятость каждого человека. Здесь на поведение нашего государственного деятеля должны влиять несколько соображений, и каждому из них необходимо уделять должное внимание. Я сведу их к трем различным разделам и проведу их обзор очень бегло, поскольку мы уже достаточно объяснили принципы, на которых они основаны.

1мо. Регулировать потребление и распространение предметов роскоши пропорционально количеству рабочих рук, которые их доставляют.

2до. Регулировать размножение жителей в соответствии со степенью плодородия почвы. Эти два соображения должны постоянно идти рука об руку.

Следовательно, постольку, поскольку государственный деятель считает, что его страна все еще способна к улучшению, постольку он может поощрять спрос на работу и даже одобрять новые отрасли избыточного потребления; поскольку эквивалент, выдаваемый за них, неизбежно должен служить стимулом для сельского хозяйства. Но всякий раз, когда страна становится основательно обработанной и заселяется в полной мере за счет своего собственного продукта, необходимо сдерживать умножение, то есть роскошь, иначе последуют нищета и сокращение населения; если, конечно, мы не предполагаем, что численность населения должна поддерживаться за счет национального богатства, на фатальные последствия чего мы уже указывали.

3тио. Он должен регулировать распределение классов своего народа в соответствии с политической ситуацией в стране.

Это самый сложный случай из всех. Было бы неблагоприятно, например, в очень маленьком государстве, расположенном на континенте, делить всех его жителей на производителей и потребителей, как мы их несколько раз называли; то есть на тех, кто живет на уже полученный доход, и на тех, кто постоянно занят приобретением одного, удовлетворяя потребности другого. Должен быть третий класс, а именно те, кого содержат и о ком заботятся за счет всего сообщества, чтобы они служили защитой. Эта группа людей не дает реального эквивалента тому, что они получают, то есть ничего такого, что могло бы циркулировать или переходить из рук в руки; но все же они с пользой используются как члены общества, связанные между собой узами взаимной зависимости. Здесь не подразумевается порок; но в то же время государственный деятель должен учитывать последствия такого распределения классов.

Чем богаче какое-либо государство, тем больше ему приходится опасаться своих соседей: следовательно, большая часть населения должна содержаться для его обороны за счет трудолюбия других жителей. Это должно уменьшить число свободных рук, занятых в мануфактурах и в поставке предметов потребления: следовательно, было бы неблагоприятно поощрять развитие роскоши, в то время как общественная безопасность требует уменьшения рабочих рук, которые должны ее поставлять. Если в таких обстоятельствах роскошь не подвергнется ограничению, спрос превысит надлежащий уровень; жизнь будет дорожать с каждым днем, цены будут расти, и они окажутся препятствием для восстановления внешней торговли; объект, который благоразумный государственный деятель никогда не упустит из виду ни на минуту.

Именно по этим и другим подобным соображениям многие небольшие государства укрепляют свои столицы; содержат отряд солдат на постоянном жалованье, в значительной степени пропорциональном численности жителей; формируют арсеналы, хорошо укомплектованные артиллерией, и вводят законы о роскоши и другие нормативные акты, необходимые для сдерживания роскоши. Нет ничего более мудрого во всех отношениях! Их территория не может быть расширена или улучшена, равно как и численность их жителей, иначе как за счет их богатства; ибо о тех, кто зарабатывал себе на жизнь за счет чужеземцев, в настоящее время не может быть и речи. Следовательно, если бы их собственным гражданам было разрешено из-за обилия их богатства давать хлеб стольким, кого могла поддержать их расточительность, общественный запас постоянно уменьшался бы пропорционально иностранным средствам к существованию, ввозимым для этих статистов, питающихся за счет предметов роскоши; которые были бы как раз такими потерями.

В других государствах, которые обширны, могущественны благодаря богатству и сильны по природе и положению, безопасность которых связана с общей системой европейской политики, защищающей их от завоеваний; таких как Испания, Франция, Великобритания и т. Д. Развитие роскоши приносит мало вреда (поскольку эти территории все еще способны к бесконечным улучшениям) при условии, что оно не переходит к низшим классам народа.

Особой заботой государственного деятеля должно быть следить за тем, как там продвигается торговля, иначе надежды на восстановление внешней торговли будут невелики. Принимая во внимание, что если низшие классы народа продолжают быть бережливыми и трудолюбивыми, то именно в силу этих обстоятельств торговля может открыться заново и постепенно восстанавливаться по мере того, как роскошь проникает в другие нации, где простые люди менее трудолюбивы и бережливы.

Роскошь среди тех, кто живет на уже полученный доход и кто по своему положению в государстве не предназначен для промышленности, оказывает благотворное воздействие, обеспечивая хлебом тех, кто их поставляет; но никогда не может быть никакой выгоды в том, чтобы роскошь вводилась среди низших классов, потому что тогда это всего лишь средство сделать их существование более платным и, следовательно, более ненадежным.

Таким образом, кратко изложив основные задачи государственного деятеля по прекращению внешней торговли его народа, я закончу свою главу указанием на некоторые общие последствия, которые, как показывают разум и опыт, естественным образом связаны с такой революцией; не в отношении промышленности и внутренней торговли, а в том, как они влияют на дух, управление и нравы народа.

Нет ничего более определенного, чем то, что дух нации меняется в зависимости от обстоятельств. В то время как внешняя торговля процветает, умы богатых людей направлены на получение прибыли. Деньги в таких руках обычно используются для того, чтобы добыть больше, а не для приобретения предметов роскоши; за исключением потребления тех расточительных чужеземцев, которые, таким образом, становятся с каждым днем беднее. Именно это желание разбогатеть порождает бережливость. Человек всегда бережлив, когда он сколачивает состояние; другой очень часто становится расточительным, наслаждаясь им; точно так же было бы и с нациями, если бы мудрый государственный деятель никогда не вмешивался.

Когда из-за прекращения внешней торговли торговая часть нации оказывается отрезанной от прибылей, которые они привыкли получать от иностранцев; и, с другой стороны, ощущают, что барьеры нации постепенно закрываются перед каждым предметом невыгодной корреспонденции, они начинают выводить свои запасы из торговли и стремятся разместить их внутри страны. Эти деньги часто ссужались землевладельцам, до сих пор жившим в определенных пределах, по двум наиболее существенным причинам. Во-первых, потому, что было мало денег, которые можно было занять, из-за высокой нормы процента, из-за больших прибылей от внешней торговли; и потому, что национальный запас тогда только формировался. Во-вторых, потому, что вкусом того времени была бережливость. Но когда однажды деньги, которые раньше были потрачены на покупку большого количества работы для зарубежных рынков, попадают в руки землевладельцев, они начинают приобретать вкус к роскоши. Этот вкус совершенствуется и расширяется благодаря бесконечному количеству искусств, в которых используются руки, ранее занятые в отделке отраслей экспорта. Таким образом, постепенно мы видим, как богатая, трудолюбивая, бережливая, торговая нация превращается в богатую, изобретательную, роскошную и вежливую нацию.

Как раньше государственный деятель сосредоточивал свое внимание на сохранении равного баланса между трудом и спросом и на каждой отрасли торговли, чтобы предотвратить унос какой-либо части уже приобретенного богатства, так теперь он должен направить свое внимание на последствия использования этого богатства внутри страны. Раньше он был заинтересован в ее накоплении; теперь он должен остерегаться последствий этого.

Хотя основная часть национальных богатств находится во внешней торговле, они циркулируют не внутри страны; они циркулируют с иностранцами, против которых постоянно находится баланс. В этом случае самый богатый человек в государстве может оказаться среди самых бедных у себя дома. В зарубежных странах вы можете услышать о богатстве торговца, который является вашим ближайшим соседом дома и о котором, судя по его образу жизни, вы никогда не подозревали, что он стоит и шиллинга. Денежный оборот для домашнего потребления тогда будет очень небольшим; следовательно, налоги должны быть очень низкими; следовательно, правительство будет бедным.

Как только вся эта масса денег, которая раньше постоянно перемещалась взад и вперед, почти не проникая, можно сказать, в страну, изъята из внешней торговли и брошена во внутреннее обращение, открывается новая сцена.

Теперь каждый начинает казаться богатым. То богатство, которое раньше вызывало восхищение иностранцев, теперь поражает самих владельцев. Раньше деньги использовались для того, чтобы увеличить их количество; теперь деньги используются для того, чтобы давать их в обмен на те или подобные товары, которые тогда потребляли только незнакомцы.

Именно эта революция в духе народа превращает рассмотрение баланса его богатства в объект величайшей политической озабоченности; потому что постоянное колебание его между различными классами населения - это то, что закладывает основу общественного богатства.

Управляемый народ всегда должен уважать правительство, бояться его и повиноваться ему; следовательно, оно должно быть могущественным, и его власть должна иметь природу, аналогичную власти подданных. Если вы предполагаете, что вельможи королевства обладают большой властью вследствие количества и зависимости их вассалов, корона должна иметь в

своим распоряжением еще более могущественных вассалов: если они могущественны благодаря богатству, то и корона должна быть богатой. Без сохранения этого справедливого баланса никакое правительство не может существовать. Вся власть заключается в людях или в деньгах.

Следовательно, если мы предположим, что огромное количество богатства брошено во внутренний оборот, государственный деятель должен следовать новым принципам. Он должен способствовать его распространению, чтобы заполнить пробел в иностранном потреблении и сохранить всех трудолюбивых, которые обогатили его. Чем быстрее будет происходить обращение, тем больше возможностей будет у трудолюбивых быстро разбогатеть; а праздные и расточительные люди быстрее обеднеют. Другое следствие, столь же несомненное, состоит в том, что чем быстрее обращение, тем скорее богатство будет разделено поровну; и чем больше равенства будет найдено в богатстве, тем больше равенства будет найдено во власти. Из этих принципов следует, что при таком перевороте национальных обстоятельств народное правительство, весьма вероятно, может прийти к власти, если государственный деятель не позаботится должным образом о том, чтобы предотвратить это.

Это достигается путем введения налогов, и они распределяются по-разному, в соответствии с духом правительства.

За счет налогов государственный деятель обогащается, и благодаря своему богатству он может держать своих подданных в страхе и сохранять свое достоинство и уважение.

Благодаря распределению налогов и способу их взимания власть передается в такие руки, в которых того требует дух конституции. Если они будут введены в монархии, где каждого человека учат трепетать при имени короля, великие люди разбогатеют от его щедрот, а низшие классы будут богаты и останутся бедными; чтобы они могли на более легких условиях пополнять те армии, которые принц содержит для поддержки своей власти дома и своего влияния за границей.

Здесь на независимых людей всегда будут смотреть недобрыми глазами и рассматривать как соперников принца, который должен быть единственным независимым человеком в государстве.

В ограниченных правительствах, где суверен не обладает исключительной властью взимать налоги, они будут взиматься более равномерно и менее произвольно; при условии, что их теория в целом будет хорошо понята. Здесь каждый человек должен знать, *что* он должен платить и *когда*; и сумма налога должна быть пропорциональна, с одной стороны, потребностям государства, а с другой - объему обращения, которое происходит после его уплаты: то есть человека нельзя заставлять платить все, что государство может потребовать от него в течение года, после того, как он совершит пустяковое, хотя и наиболее существенное приобретение необходимого предмета существования.

Мне кажется, я заметил одно примечательное различие во взглядах на взимание налогов в странах, где установлены эти две формы правления.

При чистой монархии принц, кажется, как бы ревнует к растущему богатству и поэтому облагает налогами людей, которые становятся все богаче. При ограниченном правительстве они рассчитаны главным образом на то, чтобы повлиять на тех, кто становится все беднее.

Таким образом, монарх налагает налог на промышленность; где каждый оценивается пропорционально прибыли, которую он, как предполагается, получит от своей профессии. Подушный налог и *taille* также пропорциональны предполагаемому богатству каждого, кто им обязан. Они, наряду с другими такого же характера, рассчитаны (как предполагается) на установление равенства в нагрузке, которую несут субъекты; заставляя трудолюбивых и собирателей денег вносить свой вклад пропорционально их прибылям, хотя основной капитал, из которого возникает эта прибыль, скрыт от глаз общественности.

При ограниченных правительствах, как правило, на потребление накладываются ограничения. Они поощряют трудолюбие и оставляют всю прибыль от него для пополнения запасов трудолюбивого человека. Когда запас сделан, то есть когда он перестает расти, он обычно начинает уменьшаться: число благоразумных людей, живущих именно на свой доход, очень невелико. Следовательно, государство обогащается за счет растраты богатства, находящегося в руках частных лиц. Таким образом, путь к бедности лишь немного сокращается: тот, кто стоит на пути к трате своего состояния, в конце концов добьется своего, если ему сохранят жизнь; и, следовательно, ему не причинят вреда, а государству принесут много пользы, если часть его богатства поступит в государственную казну.

Единственная мера предосторожности, которую необходимо предпринять при налогообложении потребления, состоит в том, чтобы уравнивать налоги и не допустить, чтобы они влияли на то, что является чисто необходимым, или приводили к неравной конкуренции между людьми одного вероисповедания. Такие обложения имеют еще худший эффект, чем те, которые обрушиваются на растущее богатство: они лишают бедных возможности прокормить себя. Чувство сопричастности возбуждает сострадание у представителей низших классов; они стараются помогать друг другу, и благодаря этой операции, подобно колоде карт, которую дети раскладывают на столе, первая брошенная карта сбивает другие, пока все не окажутся распластанными; то есть несчастье охватывает низшие классы: более половины людей.

Из этих принципов (которые я был вынужден предвосхитить) мы можем вывести необходимость введения налогов в государствах, где внешняя торговля начинает приходить в упадок. Без них правительство не может быть защищено от власти внутреннего богатства. Раньше князья жили в своих владениях, или родовом поместье. Какой сферы было бы достаточно в настоящее время для покрытия расходов правительства? И если правительство не способно контролировать все принципы действия внутри государства, то это не правительство, а идол, то есть объект добровольного уважения. Следовательно, государственный деятель должен держать поводья, а не вверять управление лошадьми усмотрению тех, кого он нанял руководить.

Другим следствием налогов является то, что чем больше преобладает роскоши, тем богаче становится государство: следовательно, если роскошь порождает распущенность, она в то же время обуздывает ее пагубные последствия.

Это увеличение богатства дает государственному деятелю двойную выгоду: ибо, помимо увеличения государственных доходов, развитие роскоши постоянно меняет баланс богатства, перемещая его от богатых и расточительных к бедным и трудолюбивым, делая тех, кто раньше был богат и, следовательно, могуществен, зависимыми от него в плане поддержки. Привлекая таких людей, он получает дополнительный кредит и поддерживает свой авторитет. Таким образом, богатство и власть циркулируют и идут рука об руку.

Можно спросить, как эти принципы могут быть согласованы с энергией, обычно присущей правительству процветающих торговых наций, ибо в таких странах мы должны предполагать небольшие налоги? следовательно, бедное и, следовательно, слабое правительство; а богатый, следовательно, могущественный народ?

Я отвечаю, что при таких обстоятельствах люди обычно заняты своим ремеслом и поэтому миролюбивы; и поскольку их богатство не проявляется, поскольку они постоянно находятся в обращении с чужеземцами, его влияние не ощущается дома. Пока богатство используется в погоне за дальнейшими выгодами, оно не может дать власти; следовательно, что касается всех политических эффектов внутри страны, то их как будто и не существует; и поэтому у государства нет повода обладать богатством, которое у него нет повода использовать. Если на такую нацию нападают ее враги, она мгновенно становится богатой, каждый вносит свой вклад в предотвращение общей опасности; но если, напротив, ее спокойствие нарушается дома, восстание обычно оказывается успешным; что является подтверждением изложенных принципов. Я мог бы проиллюстрировать это многими историческими замечаниями. Я лишь предложу моему читателю изучить природу голландских революций и сравнить успех восстаний во Франции и Англии за последнее столетие с другими, более поздними. Здесь читатель может ознакомиться с замечанием ученого мистера Хьюма о начале гражданской войны. *История Великобритании*, Том I., стр. 325.

Таким образом, когда внешняя торговля на некоторое время прекращается, а образовавшуюся пустоту заполняет роскошь, значительная часть национального богатства начинает циркулировать через государственную казну. Таким образом, для великих людей естественно обращаться ко двору, чтобы получить часть государственных прибылей; а для государственного деятеля - стремиться привлечь таких людей к своим интересам, чтобы постоянно сдерживать буйный дух, который новоприобретенное богатство может возбудить в умах одних людей и отчаянное состояние - в умах других.

Несмотря на то, что в Европе было небольшое денежное обращение и мало налогов, последователи королей получали небольшую прибыль. Они были более опасны для их врагов, чем выгодны для их друзей. Великие люди государства жили на своих землях, и их величие напоминало величие принца; оно заключалось в количестве и зависимости их вассалов, которые получали от своего Господина так же мало, как и он от Короля. В те дни у бедных отнимали те небольшие деньги, которые у них были, великие; теперь у великих отнимают самые большие суммы многочисленных бедняки, которые требуют от них со всех сторон справедливого эквивалента их трудолюбия.

Когда принцы обнаруживают, что их окружают вельможи, которые все просят и все зависят от различных знаков их благосклонности, они могут ощутить огромную перемену в своем положении, вызванную роскошью и быстрым обращением. Эта революция не была внезапной, она была делом нескольких столетий; и я думаю, что мы можем выделить три различных этапа в течение этого периода.

Первый в период расцвета феодального правления: тогда следовало посоветоваться с крупными баронами и привлечь их к участию в войнах короля, потому что именно они оплачивали расходы и несли наибольшие потери. Некоторые называют их днями свободы; потому что штаты почти всех стран Европы были тогда во всей своей красе: они называются так с большим основанием, если учесть состояние только великих.

В те дни в государстве редко случались какие-либо смуты, редко велись гражданские войны против короля, но такие, которые поддерживались вельможами; которые, либо ревниво относясь к своим собственным справедливым правам, либо стремясь приобрести других за счет короны, заставляли своих вассалов или привлекали их к нарушению общественного спокойствия посредством конституционного влияния, которое они имели на них.

Я думаю, можно сказать, что вторая стадия началась со времен развития промышленности и зарождения торговли. Такие государи, подданные которых начали обогащаться за счет других наций, нашли, с одной стороны, средство ограничить власть крупных сеньоров в пользу расширения общественной свободы. С другой стороны, лорды, когда они хотели нарушить общественное спокойствие, не столько отстаивали, как раньше, свои собственные привилегии, сколько объединялись с народом и побуждали его к восстанию по народным соображениям.

Это можно назвать периодом смуты, в результате которого возникли определенные формы правления; одни приближались к монархической, другие - к народной форме, в зависимости от того, насколько власть князей была более или менее способна поддерживать себя во время потрясений революции и нарушения баланса между общественным и частным богатством.

Третья и последняя стадия, о которой я буду говорить сейчас, может быть отнесена к тому периоду, когда доля государственного дохода стала адекватной массе национального богатства; когда для управления были созданы общие законы, а не произвольная власть великих. Гранды теперь, будучи уздой для королевской власти, часто оказываются зависимыми от нее в своей поддержке. Необычайный приток денег в казну позволяет принцам содержать великолепные дворы, где можно наслаждаться всеми видами удовольствий. Это объединяет богатых людей государства. Пример государя побуждает их к имитации его расходов, эта имитация увеличивает потребление, которое, в свою очередь, увеличивает доход короля, поскольку уменьшает доход любого другого человека.

Когда знатные люди королевства исчерпывают свои владения, оказывая принцу регулярное покровительство, они используют кредит, который приобрели у него за время своего беспутства, для получения знаков его благосклонности, чтобы поддержать себя в их упадке. Благодаря этому они могут жить в таком же состоянии, как и раньше. Они не находят никакой разницы в своем положении, если, возможно, случайно не задумаются о том, что фонд, который обеспечивал их прежнее богатство, находился в их собственном владении, тогда как часть их нынешнего богатства находится в руках их хозяина.

Чтобы компенсировать эту разницу, они вынуждены приобретать по милости двора преимущества, которыми они никогда не смогли бы воспользоваться при самом большом независимом состоянии.

Повсюду внедряемая роскошная система жизни объединяет богатых, будь то в столице или в других крупных городах королевства; где каждый сравнивает свои расходы и цифру, которую он зарабатывает, с расходами окружающих. Лицо, удостоенное благосклонности короля, обладающее теми же качествами, что и другой человек, приобретает благодаря этому обстоятельству большое превосходство. Я полагаю, он командует в каком-то месте; это человек, к которому люди должны обращаться, чтобы добиться благосклонности, возможно, справедливости; он украшен титулом или внешним знаком отличия, которые обеспечивают ему уважение; и, что еще важнее, он находится на пути к еще большему возвышению. Требуется

большой запас философии и здравого смысла, чтобы не ослепляться этими преимуществами. Независимость по сравнению с ними - всего лишь отрицательное счастье. Чтобы быть по-настоящему счастливыми, мы должны обладать властью и иметь других людей, которые зависели бы от нас.

ГЛАВА I. XXVI.

О колебаниях баланса богатств между субъектами современного государства.

Мы часто упоминали об этом балансе как о предмете огромной важности для государственного деятеля, стоящего во главе процветающей нации, которая, утратив свою внешнюю торговлю, заменила ее обширной внутренней торговлей. Это компенсирует потерю первого, поскольку в равной степени обеспечивает занятость и, следовательно, средства к существованию каждому, кто склонен к трудолюбию; хотя это должно оказаться совершенно неэффективным для увеличения уже приобретенного национального богатства.

Сначала я объясню, что я подразумеваю под балансом богатств, колеблющимся между членами общества, и из этого будет видно, почему я также причисляю его к политическим балансам современного государства.

В начале девятнадцатой главы было отмечено, что важнейшей характеристикой того, что мы называем свободой, является распространение адекватного эквивалента для каждой услуги.

Под богатством я понимаю этот циркулирующий адекватный эквивалент.

Желания богатых и способы их удовлетворения заставляют их прибегать к услугам бедных; нужды бедных и их желание разбогатеть заставляют их с радостью откликаться на призыв; они соглашаются на самый тяжелый труд и потакают склонностям богатых ради денежного эквивалента.

Эта перестановка между двумя классами и есть то, что мы называем обращением; и производимые ею эффекты на политическое положение партий в конкретный момент обращения и последствия после его завершения объясняют то, что называется балансом богатства.

Чтобы сделать наши идеи более правильными, давайте рассмотрим деньги, с одной стороны, и престанции, как их называют штатские, или действия любого рода, с другой, как *взаимные* эквиваленты друг друга; а затем давайте исследуем природу тех престанций, которые имеют тенденцию вводить эти эквиваленты в обращение; то есть, какие вещи можно купить за деньги.

Их мы можем разделить вместе с юристами на телесные и бестелесные. Материальное снова может быть разделено на потребляемое и непотребляемое; а бестелесное - на личное служение и то, что юристы называют *jura*, правами на какую бы то ни было вещь. Я не могу полностью объяснить свои действия без помощи этого дистрибутива.

Давайте теперь рассмотрим последствия обращения денег, поскольку оно имеет своей целью приобретение четырех различных видов, здесь изложенных.

1. О непотребляемых вещах. 2. О потребляемых вещах. 3. О личном обслуживании. 4. О правах, приобретенных в отношении какой бы то ни было вещи.

I. Единственное, что не поддается исчислению, - это поверхность земли. Это не следует понимать в философском, а тем более в химическом смысле. Вещь потребляется, насколько это касается нашего исследования, в тот момент, когда она становится бесполезной или даже когда она потеряна.

Следовательно, поверхность земли - это единственное, что не поддается исчислению; потому что, вообще говоря, она никогда не перестанет быть полезной и никогда не может быть утрачена; она может быть изменена, но у земли всегда должна быть поверхность. То, что сказано о поверхности, может быть понято также и о той небольшой части ее тела, которая доступна человеку для снабжения его тем, что он находит там полезным, как продукция рудников.

Рядом с самой землей нет ничего менее потребляемого, чем ее металлы, следовательно, монету вполне уместно отнести к разряду вещей, не подлежащих потреблению; хотя она может быть утеряна и даже изношена в обращении.

Давайте теперь рассмотрим влияние обращения на покупку земли. (А), я полагаю, имеет участок земли и (Б) имеет золотую монету весом в тысячу фунтов, которую законы общества определили как адекватный эквивалент в обращении для каждой продаваемой вещи. Они соглашаются произвести обмен. До обмена баланс их богатства равен; монета стоит земли, земля стоит монеты; обмен не вносит никаких изменений и не приводит к каким-либо изменениям впоследствии; новый землевладелец может приложить все усилия к улучшению почвы, человек с деньгами - к обращению своей золотой монеты весом в тысячу фунтов с максимальной выгодой; следовательно, эта сделка, по-видимому, не влияет на колебание баланса.

Если монета сама по себе является объектом продажи, последствия будут примерно такими же. (А) имеет гинею, (Б) имеет двадцать один шиллинг, совершаемый ими обмен не приводит к изменению их обстоятельств. То же самое справедливо и для других видов обращения, таких как передача денег по наследству. (А) умирает и оставляет свои деньги (Б); здесь владелец денег меняет только свое имя, возможно, свои склонности, и это все. Подобным образом человек выплачивает свои долги и отзывает свои облигации или другие ценные бумаги; это обращение не влияет на баланс, дела между сторонами остаются такими же, как и раньше.

Следовательно, природа обращения, когда один непотребляемый товар обменивается на другой, заключается в том, что это никак не влияет на баланс богатства между сторонами; потому что для того, чтобы производить это, один должен оставаться богаче, чем он был раньше, а другой пропорционально беднее.

II. Под вторым понятием отчуждения, а именно отчуждения потребляемых товаров, понимается любая материальная вещь, за исключением денег и земли, которые можно купить за деньги. В них внимания заслуживают две вещи. Во-первых, простая субстанция, или создание природы; во-вторых, модификация, или работа человека. Первое я буду называть *внутренней ценностью*, второе - *полезной ценностью*. Ценность первого всегда должна оцениваться в

соответствии с его полезностью после того, как полученная им модификация полностью уничтожена, и когда по природе вещи оба должны быть потреблены вместе, тогда общая ценность равна сумме обоих. Ценность второго продукта должна оцениваться в соответствии с затратами труда на его производство. Это станет ясно на примере.

Внутренняя ценность любого шелкового, шерстяного или льняного изделия меньше первоначальной стоимости, поскольку оно практически непригодно для любого другого использования, кроме того, для которого предназначено производство. Но внутренняя сущность буханки хлеба ничего не теряет от такой модификации, потому что последняя не может быть съедена без первой. В серебряном изделии искусной обработки внутренняя ценность сохраняется полностью и независимо от полезной ценности, потому что оно ничего не теряет при модификации. Следовательно, внутренняя ценность всегда является чем-то реальным сама по себе: труд, затраченный на модификацию, представляет собой часть человеческого времени, которое, будучи использовано с пользой, придало форму некоторой субстанции, которая сделала ее полезной, декоративной или, короче говоря, пригодной для человека, опосредованно или непосредственно.

Давайте теперь применим эти различия к различным обстоятельствам, сопровождающим потребление, чтобы понять их последствия.

Потребление внутренней ценности любого товара происходит в тот момент, когда используемое вещество начинает уменьшаться, и завершается, как только оно потребляется полностью. Потребление полезной ценности протекает аналогичным образом, пропорционально тому, как ее использование приводит к уменьшению или полному исчезновению ее ценности.

Давайте теперь возьмем пример и исследуем влияние обращения на покупку предметов потребления с точки зрения изменения баланса богатства. (А) имеет монету, (Б) имеет то, что было произведено его трудом; они совершают обмен. (А) до сих пор он ничего не приобрел и не потерял, как и (Б); но (А) начинает использовать то, что он купил на свою монету, и при использовании ее часть исчезает; в этот момент баланс начинает поворачиваться против него. (В) с другой стороны, обменивает свою монету на другую, которую мы назовем (С), и получает взамен кусок дерева; если (В) подбрасывает этот кусок дерева в огонь по мере того, как расходуются дрова, баланс возвращается к своему уровню между (А) и (В) и меняется в пользу (С). Если (В) вместо того, чтобы сжигать свои дрова, сделает из них балку для опоры своего дома, весы будут вращаться медленнее, потому что тогда древесина расходуется дольше; но если он сделает какой-нибудь полезный предмет мебели из одной части своего дерева, он может согреться оставшейся его частью, а на монету, которую он получит за свою работу, может купить балку для своего дома и даже еду. Если (В) остановится на этом периоде и больше не будет работать, он окажется как раз на одном уровне с (А); как только его костер прогорит, балка сгниет, а пища будет съедена, и весь баланс будет найден в пользу (С), при условии, что благодаря своему трудолюбию он смог добыть для себя все необходимое и сохранить монету в целости. Итак, вот стимул к трудолюбию; а именно, приобретение этого баланса, который дает относительное превосходство даже среди представителей низших классов и определяет их ранг, а также их политическую необходимость в соответствии с принципами, изложенными в двадцать первой главе.

Существенной характеристикой этой вибрации баланса богатства является изменение относительной доли богатства между индивидами. Но следует заметить, что под этим вторым

видом мы должны рассматривать изменение пропорции не далее, чем в той мере, в какой оно производится обращением бесплатного адекватного эквивалента такой природы, который может быть передан в другие руки без какого-либо уменьшения. Таким образом, потребление - это единственное, что заставляет баланс измениться. В то время как потребляемый товар остается целиком в руках покупателя, он все еще остается обладателем стоимости и может, изменив операцию на противоположную, вернуться к обладанию теми же видами богатства, которые были у него раньше.

Здесь может возникнуть вопрос, являются ли деньги абсолютно необходимыми для создания вибрации этого баланса посредством потребления. Мы можем легко представить себе величайшее неравенство между численностью населения штата, не предполагая существования денег. Мы можем предположить, что земельная собственность разделена неравномерно, и в руках одного индивида находится большой избыток средств к существованию, который может быть отдан им в обмен на продукты промышленности. При таких обстоятельствах может возникнуть вопрос, не может ли без денег отсутствовать такая вещь, как колебание баланса богатства; предполагая, что в этом случае термин *богатство* подразумевает, в общем, средства приобретения всего, что человек может выполнить или произвести.

Я отвечаю, что, без сомнения, веса могут быть подвержены небольшим колебаниям, потому что даже при обмене потребляемых товаров потребление может происходить быстрее с одной стороны, чем с другой; но я думаю, что до тех пор, пока не удастся заставить непомерно большой фонд богатства (который дает преимущество и который в приведенном примере мы приняли за монету) переходить из рук в руки в соответствии с адекватной долей произведенного потребления, мы не можем должным образом сказать, что вибрация может осуществляться в какой-либо значительной степени.

Предположим, что (А) является владельцем участка земли и (Б) трудолюбивым работником; для того чтобы (Б) мог купить землю (А),) следует предположить, что (А) очень расточителен и что он склонен потреблять гораздо большую долю труда, чем та, которая эквивалентна всему прибавочному продукту его земли. Теперь, чтобы увеличить (А) стоимость самой земли, (Б) должен распределить свой труд среди множества различных лиц и брать взамен не те вещи, которые он использует для себя, а такие, которые могут быть сочтены полезными для (А). Но как только (А) выплатит (Б) весь излишек своей земли, какой кредитный фонд он найдет, чтобы привлечь (Б) больше средств для строительства? Он не может заплатить ему землей, потому что этот фонд не подлежит обращению; и каждое средство, к которому можно прибегнуть, чтобы свести счеты между ними, является ни чем иным, как введением *денег, реальных или символических*. Эти термины должны быть объяснены.

Под реальными деньгами подразумевается то, что мы называем монетой, или разновидность драгоценных металлов, которые по общему согласию людей и под властью государства несут в себе свою собственную внутреннюю ценность.

Под символическими деньгами я понимаю то, что обычно называется кредитом, или средство ведения учета долга и кредита между сторонами, выраженное в тех номиналах денег, которые воплощены в монете. Банкноты, банковский кредит, векселя, облигации и торговые книги (где выдается и берется кредит) - это некоторые из многих видов кредита, включенных в термин *символические деньги*.

В рассматриваемом нами примере мы можем предположить, что (А) не имея больше обратного эквивалента, который можно было бы отдать (Б) за свой труд, и желая потреблять его по стоимости своей земли, согласится выпустить векселя, каждый из которых будет содержать право на акр земли, на фруктовое дерево, на десять ярдов русла реки и т.д. и что каждый такой участок собственности будет оцениваться в определенной доле труда. Достигнув этого соглашения, он продолжает свое потребление и регулярно и адекватно оплачивает стоимость того, что он получает; и пропорционально тому, как продолжается потребление на стороне (А), баланс богатства должен измениться в пользу (Б); тогда как, пока (А) сохранял свой участок земли и (Б) свою способность производить эквивалент для ее избытка, баланс оставался равным; потому что земля, с одной стороны, и промышленность, с другой, производили адекватные эквиваленты друг для друга. Продукция и того, и другого была потребляема и предполагалась к потреблению; после завершения этой операции земля и промышленность оставались такими же, как прежде, готовыми производить все заново. Итак, вот эффект кредита, или символических денег; и здесь я спрашиваю, не содержат ли банкноты, врученные от руки (А) (Б), такой же реальной ценности, как если бы он отдал золото или серебро? и далее, кажется ли или нет, что страна, где они живут, становится хоть сколько-нибудь богаче благодаря этому изобретению? указывает ли эта записка на то, кто является владельцем содержащейся в ней ценности?

Нет ничего проще, чем изобрести деньги, которые могут заставить землю обращаться так же, как дома, и все другие вещи, которые по своей природе сохраняют ту же стоимость во время обращения. Все, что имеет ценность, может перейти из рук в руки в обмен на эквивалент, и всякий раз, когда эта ценность определена и не может изменяться, это может быть пущено в обращение; и в процессе обращения вызвать колебание баланса богатства, так же как фунт золота или серебра превращается в монету.

Следовательно, те нации, которые обращают только свои металлы, ограничивают промышленность пропорцией к их массе. Те, кто будет распоряжаться своими землями, своими домами, своими мануфактурами, нет, своим личным обслуживанием, даже своим рабочим временем, могли бы способствовать развитию промышленности гораздо больше, чем это можно было бы сделать только с помощью металлов. И это может быть сделано, когда прогресс промышленности потребует распространения, превышающего их возможности.

Это предвосхищение темы следующей книги приведено здесь только для того, чтобы дать возможность моему читателю составить себе представление о масштабах темы, которой мы сейчас занимаемся, и помочь ему судить, до каких пределов может дойти роскошь, то есть потребление. Поскольку, судя по тому, что мы сказали, для народа нет никакой невозможности пустить в оборот всю внутреннюю ценность своей страны. Все это может быть как бы вырезано из бумаги или оттиснуто штампом на меди, олове или железе и использоваться в качестве адекватного эквивалента продукции промышленности; и поскольку потреблению и расточительности не может быть установлено границ, с помощью такого изобретения может оказаться возможным в течение года ввести в обращение эквивалент в виде потребляемых товаров, произведенных промышленностью, для всей собственности самого обширного и богатого королевства. То, что это не химерическое предположение, становится очевидным из деятельности многих современных гениев, которые за незначительный промежуток времени находят средства для сколачивания величайших состояний; иными словами, выражаясь нашим языком, они пускают их в обращение с помощью символических денег в виде облигаций,

закладных и счетов. Но увеличивает ли этот вид обращения богатство государства? конечно, не больше, чем это увеличило бы богатство Франции или Англии, если бы все монеты двух королевств были отчеканены на монетном дворе. Использование символических денег предназначено не более чем для того, чтобы позволить тем, у кого есть активы, которые по своей природе не могут обращаться (и которые, кстати, являются основной причиной неравенства), предоставлять адекватный обращающийся эквивалент услуг, в которых они нуждаются, в полном объеме всей их ценности. Другими словами, это метод, позволяющий, так сказать, устранить сами причины неравенства и уравнивать состояния.

Поэтому сторонникам аграрных законов и всеобщего равенства, вместо того чтобы кричать о роскоши и чрезмерном потреблении, следовало бы, скорее, изобретать методы для придания им более универсального характера. Если они обвиняют то, что называется постоянной заменой собственности или наследства (совершаемой родителями в пользу своего еще не родившегося потомства), потому что они в некоторых отношениях наносят ущерб трудолюбию; я думаю, им не следует придирается к этой очаровательной уравнилельнице *расточительности*, этой няньке труда, и единственной вещи, которую подобные порядки призваны предотвратить.

Некоторые убедили себя, что равенство состояний изгонит роскошь и чрезмерное потребление. Среди остальных - г-н де Монтескье, автор, к которому я испытываю глубочайшее уважение и которому в этом отношении подражали многие другие. Но я так и не нашел, что его идея предстала в ясном свете. Равенство состояний, несомненно, изменило бы природу роскоши, оно уменьшило бы потребление одних и увеличило бы потребление других; но, не делая людей праздными, оно никогда не могло бы уничтожить саму промышленность, и пока она существует в равной степени, должно регулярно потребляться такое же количество того, что она производит. Далее, это предположение никогда не может быть выдвинуто, кроме как исходя из предположения, что роскошествующий человек, то есть потребитель, должен быть богаче того, кто его снабжает. Я ни в коем случае не могу признать это правдой. Должен ли возчик, выпивающий банку пива, быть богаче, чем хозяин пивной? Должна ли деревенская девушка, покупающая ленту, быть богаче галантерейщика, который ее продает? Должен ли кавалер быть богаче своего Тейлора? путешественник больше, чем банкир, который дает ему деньги? клиент больше, чем юрист? больной больше, чем врач?

Как же тогда получается, что равенство должно препятствовать роскоши, если только мы не предположим, что каждый ограничен абсолютной физической необходимостью и либо лишен способности изобретать, либо способности приобретать что-либо сверх этого? Этот принцип Ликург один положил в основу своей республики; и все же богатство было известно в Спарте так же хорошо, как и бедность.

Абсолютное равенство, *фактическое*, является абсурдным предположением, если применять его к человеческому обществу. Разве бережливость не должна накапливаться, а расточительность рассеиваться? Этих противоположных установок самих по себе достаточно, чтобы сразу разрушить наилучшие правила поддержания равенства, и, доведенные до известной степени, они должны заменить их таким большим неравенством, какое только способно произвести количество обращения. Все, что циркулирует, может застаиваться. Почему в Спарте было такое большое равенство? потому что тираж был небольшим. Почему капуцины находятся в состоянии совершенного равенства? потому что среди них вообще нет хождения.

Следовательно, если такие колебания в балансе богатства зависят от разницы в *гениальности* людей, то какую схему можно предложить для сохранения равенства, лучшую, чем неограниченная промышленность, эквивалентная всеобщему обращению всей собственности, посредством которой расточительство может исправить последствия накопления, а накопление - последствия расточительства? Это самое эффективное средство как против бедности, так и против чрезмерного обогащения, потому что таким образом богатые и бедные постоянно вынуждены менять условия. При этих изменениях в их соответствующих ситуациях стороны, которые меняются постепенно, несомненно, должны в своем продвижении к полному изменению стать в тот или иной момент на уровень, то есть на равенство; подобно тому, как ведра в колодезе встречаются, прежде чем они смогут обогнать друг друга.

3тио. Первый вид бестелесных вещей, которые можно купить за деньги, - это личная услуга; такая как присутствие мелкого слуги, советы врача, юриста, помощь опытных людей в приобретении знаний, служба тех, кто занят в управлении общественными делами дома и за границей или для защиты королевства на море или суше; проживание великих людей при дворе, которые оказывают честь принцам и уважают их власть; и даже когда деньги даются для обеспечения развлечений или расточительства, когда не придается никакой долговременной и передаваемой ценности. взамен.

Существует некоторое сходство между перечисленными здесь видами и тем, что мы назвали *полезной стоимостью* предметов потребления. В одном и другом случае дается эквивалент времени, с пользой затраченного человеком; но разница между ними заключается в следующем: *полезная ценность*, поддерживаемая или имеющая в качестве субстрата, как это называют схоласты, внутреннюю субстанцию, тем самым становится постоянной и доступной для продажи; тогда как здесь, из-за отсутствия постоянной и передаваемой субстанции, личные услуги, хотя и приносят достаточно ощутимые преимущества, однако не могут быть переданы за адекватную цену, которую они стоят.

Циркуляция, создаваемая этим третьим видом приобретения, приводит к мгновенной вибрации весов. В тот момент, когда оказана персональная услуга, можно сказать, что она потреблена; и хотя покупатель получил справедливый эквивалент за предоставленные деньги и в некоторых случаях может даже оказаться таким образом в ситуации, когда он может возместить себе все свои расходы, оказывая аналогичные услуги другим, все же каждый должен понимать, что такие услуги нельзя должным образом рассматривать как обращение первых.

4то. Приобретение других видов бестелесных вещей, то есть прав, приводит к ненамного большему равновесию, когда за них выдается адекватный эквивалент в обращении, чем продажа земли; потому что право подразумевает не более чем способность использовать, то есть потреблять; и при использовании право не уменьшается: оно уравнивается использованием денег; следовательно, поскольку и деньги, и право постоянны, весы не колеблются. К этому виду относятся все сервитуты; приобретение привилегий или иммунитетов, даже ссуда денег под проценты, могут быть сюда надлежащим образом отнесены.

Здесь, возможно, будет уместно привести пример, когда создание такого права, хотя и приобретается за соответствующий эквивалент в обращении, производит наибольшую вибрацию в балансе богатства из возможных. Это когда государство берет на себя долги и когда государственные кредиторы приобретают право на общие требования к людям по уплате их процентов.

Это возражение требует небольшого пояснения, и я предложил его главным образом для иллюстрации моего предмета.

Если будет сказано, что в этом примере подразумевается колебание баланса богатств *внутри государства*, то я скажу, что это должно произойти либо во-первых, между кредиторами и государством, либо во-вторых, между государством и народом, либо в-третьих, между кредиторами и народом. Но,

1mo. Кредиторы не имеют никакого баланса против государства, потому что они отдали один непотребляемый товар за другой; а именно, деньги в обмен на годовой доход. Деньги стоят дохода, доход стоит денег. Следовательно, если впоследствии произойдет какое-либо изменение в балансе, оно должно быть следствием других операций, совершенно независимых от данной транзакции. Но давайте предположим, что это происходит слишком часто, что здесь деньги следует рассматривать как потребляемый товар, потому что они берутся в займы только для того, чтобы быть потраченными. В этом свете не кажется ли, что кредитор приобретает баланс в свою пользу против государства, как только деньги фактически потрачены? Я отвечаю отрицательно: потому что государство, расходуя взятые в долг деньги, остается по отношению к кредиторам таким же богатым, как и раньше. Именно люди платят проценты, за которые государство не дает им взамен адекватного *переводного* эквивалента.

2do. Здесь подчеркивается, что в данном случае государство установило баланс против народа в соответствии с изложенными выше принципами, где было сказано, что в случаях, когда деньги даются за личные услуги и когда взамен не дается ничего, что можно было бы передать, баланс мгновенно превращается в пользу того, кто получил деньги.

На это я отвечаю, что что касается процентов, выплачиваемых народом, то государство получает их не для себя, а для кредиторов. Предполагается, что личные услуги уже оплачены, и вибрация произошла до того, как наступил срок выплаты процентов. Следовательно, баланс между государством и людьми не меняется.

Взимая налоги, предназначенные для выплаты процентов с уже потраченных денег, общество, с одной стороны, не дает адекватного эквивалента; а с другой стороны, оно не обогащается по отношению к людям, так же как не обеднело по отношению к кредиторам, тратя взятые в займы деньги; и поскольку в положении двух сторон нет взаимных изменений, я не вижу, как мы можем сделать вывод о какой-либо вибрации в балансе богатства между ними. Сейчас мы увидим, между кем заставлено колебаться равновесие.

3tio. Баланс между кредиторами и народом - это то, что на первый взгляд кажется нарушенным в основном, потому что первые получают постоянное возмездие от последних в результате займа. Но и здесь не обнаруживается никакой истинной вибрации, адекватной ни ссуде, ни потраченным деньгам. *1mo.* Потому что сами кредиторы являются частью людей, которые вносят свой вклад во все выплаты на потребление, которые обычно являются наиболее регулярными, наиболее постоянными и наиболее привычными для выплаты процентов. *2do.* Потому что деньги, потраченные государством, если они потрачены дома, действительно возвращаются в другие руки, но все равно возвращаются к людям, о которых мы здесь говорим. И *3tio.* потому что между кредиторами и людьми вообще нет никаких сделок.

Возражение. При таком способе рассуждения может показаться, что изнурение людей налогами никак не влияет на баланс их богатства.

Ответ. Если люди истощены, то это должно быть из-за обогащения незнакомцев. Этот случай в настоящее время следует исключить, поскольку мы отложили рассмотрение международных отношений. Но, допуская, что это обстоятельство также подразумевается в сделанных возражениях, я согласен с тем, что каждый пенни денег, отправленных из страны, без получения взамен реального и постоянного эквивалента, вызывает вибрацию в богатстве между нациями, но не между субъектами. На это отвечают, что когда налоги высоки, многие люди разоряются, в то время как другие обогащаются. Это вызывает вибрацию. Я допускаю это; но затем я отвечаю, что по самому предположению в каждом подобном случае деньги должны оставаться дома; тогда как в первом случае предполагалось, что они должны были быть потрачены за границей. В настоящее время мы рассматриваем влияние долгов и налогов не на изменение баланса между людьми, а только между тремя совокупными интересами, указанными выше, - государством, народом и кредиторами.

Позвольте мне теперь спросить, как налоги влияют на изменение баланса богатства между отдельными людьми?

Я отвечаю, что тот, кто платит налог, по-видимому, платит за личную услугу. Он не получает материального эквивалента, который мог бы быть отчужден им за ту же стоимость; и тот, кто нанят государством и получает оплату за счет налогов, приобретает баланс в свою пользу против тех, кто их платит. Когда сумма налогов уходит за границу для оплаты иностранных услуг, как уже было сказано, на балансе внутри страны не может быть никаких изменений; нет их и тогда, когда они остаются дома: люди и кредиторы так же богаты, как и раньше. Пусть на данный момент этого будет достаточно относительно влияния долгов и налогов на баланс национального богатства.

Промышленность - единственный метод заставить богатство обращаться, чтобы изменить его баланс между сторонами; все виды обращения, которые не приводят к таким изменениям, чужды настоящей цели.

Человек умирает и оставляет свое богатство другому, от этого не теряет никто, кроме того, кого больше нет; второй оплачивает свои долги, нельзя сказать, что ни должник, ни кредитор изменили обстоятельства этой операцией. Торговец покупает некоторое количество товаров за наличные деньги, тем самым он не теряет баланса своего богатства; это правда, что он отдал деньги на потребляемые товары; но баланс не действует до тех пор, пока не произойдет потребление, а поскольку предполагается, что он покупает не для того, чтобы потреблять, я причисляю эту отрасль обращения к тем, которые не влияют на баланс.

Таким образом, мы обнаруживаем два различных вида циркуляции в государстве: один, который заставляет равновесие вращаться, и другой, который этого не делает. Эти объекты имеют немаловажное значение, на которое следует обратить внимание при правильном взимании налогов, что будет более подробно объяснено в надлежащем месте. В настоящее время достаточно отметить, что надлежащее время взимания налогов приходится на момент обращения, поскольку тогда взимание налогов всегда может быть точно пропорционально сумме, находящейся в обращении; следовательно, способностям лиц, заинтересованных в этом в отдельности.

При всех акцизах, или налогах на потребление, именно деньги потребителя облагаются налогом в момент оплаты; так что тот, против кого должен повернуться баланс, должен заплатить

дополнительное бремя. Этот вид налога, взимаемый во время обращения, является тем, что приносит государству наибольшие суммы. Я никогда не слышал о надлежащем способе обложить налогом человека, в пользу которого склоняется чаша весов, хотя из принципов, которые будут изложены впоследствии, мы, возможно, сможем найти такой.

Что касается других видов обращения, где баланс не меняется, то на них не принято налагать очень значительных налогов: однако можно встретить несколько примеров, указывающих на то, как они могут быть наложены. К этому виду относятся убытки, выплачиваемые при смене вассалов или гибели людей при аренде земель в Англии; подтверждение завещаний в Шотландии; инвестируемые в Германии; *цензовый отказ, законы и распоряжения и контроль* за действиями нотариусов во Франции; вознаграждение *Роты* в Испании и во многих римско-католических странах. Исходя из того же принципа, налоги, более или менее значительные, могли бы быть наложены на каждую отрасль этого вида обращения; для этой цели было бы крайне необходимо выяснить все ее последствия, проанализировав ее до конца, поскольку до сих пор мы рассматривали ее очень поверхностно.

ГЛАВА I. XXVII.

Обращение и баланс богатства - объекты, достойные внимания современного государственного деятеля.

Объяснив природу обращения и этого баланса, мы должны указать на объекты внимания государственного деятеля, касающиеся их.

I. Он должен составить себе ясное и отчетливое представление о природе, свойствах и эффектах обращения; слово, часто употребляемое без особого значения, в расплывчатом и неопределенном смысле.

Термин *обращение*, пожалуй, один из самых выразительных в любом языке, и поэтому его легко понять. Она представляет собой последовательный переход денег, или передаваемых товаров, из рук в руки и их возвращение, так сказать, по кругу, к точке, из которой они отправились. Это приблизительное представление, которое каждый, кто вообще понимает это слово, должен составить о его значении. Но восприятие государственного деятеля должно быть более точным, а также более сложным.

Он должен объединить последствия, проистекающие из этого последовательного перехода, и обратить внимание на производимые им эффекты. Он должен учитывать не только деньги, которые являются постоянной ценностью, переходящей из рук в руки, но и взвешивать последствия разнообразия потребления, которое они влекут за собой в своем развитии.

Прежде чем гинейя сможет добраться из Лондона в Йорк, она может быть израсходована в тысячу раз дороже, и еще столько же, прежде чем она сможет снова вернуться в Лондон. Каждая остановка, которую гинейя делает на своем пути, указывает на отсутствие желания потреблять у того, кто ею владеет. Следовательно, если бы в какой-либо стране в обращении была всего одна гинейя, всякое потребление прекратилось бы (или произошел бы бартер) в тот момент, когда она попала бы в руки скряги. Это подводит нас ко второму объекту внимания государственного деятеля.

II. Он должен всегда поддерживать справедливую пропорцию между продуктами труда и количеством эквивалента, находящегося в обращении, в руках его подданных для их покупки; чтобы при постоянном и разумном управлении он мог всегда иметь в своей власти либо сдерживать расточительность и пагубную роскошь, либо расширять промышленность и внутреннее потребление, в зависимости от того, какие обстоятельства его народа потребуют того или иного исправления, которое следует применять в соответствии с естественными наклонностями и духом времени.

Для этой цели он должен изучить положение своей страны относительно трех объектов, а именно: склонность богатых к потреблению; склонность бедных к трудолюбию; и соотношение обращающихся денег по отношению к тому и другому.

Если количество денег в обращении меньше пропорции двух первых, промышленность никогда не сможет проявить себя; потому что эквивалент в руках потребителей тогда меньше пропорции их желаний потреблять и желаний трудолюбивых производить. Позвольте мне проиллюстрировать это знакомым примером, взятым с вечеринки в кадрили.

Когда при раздаче карт каждый ставит на кон рыбку, по старому английскому обычаю, для продолжения игры достаточно очень небольшого количества; но когда вы разыгрываете тузы, утешение и умножение зверей по французскому обычаю, у вас должна быть коробка с контрактами, рыбками и фишками; таким образом, сведя все к наименьшему номиналу, каждый игрок может получить более пятисот марок. Следовательно, ясно, что количество знаков должно быть пропорционально тиражу игры. Но в игре, как и в государстве, обстоятельства делают этот тираж очень неравномерным. Удача может настолько равномерно распределяться между игроками в течение значительного времени, что ни у кого из них не может быть случая выплатить сумму, превышающую сотню фишек, и пока это равенство сохраняется, в обращении не наблюдается ни малейших перебоев. Но пусть одному из игроков улыбнется удача, и вскоре вы увидите, что три бокса опустели, а все проходящие знаки скопились перед победителем. Удача в кадрили формирует застой оборотного эквивалента, поскольку трудолюбие и бережливость формируют их в государстве. В этот период игры игроки не должны останавливаться или они не должны прибегать к способу возврата своих знаков в обращение? Если они берут займы у победителя, это представляет собой ссуду. Если они выкупают свои марки за деньги из своих кошельков, это представляет собой то, что я называю пуском в оборот солидной собственности.

Из этого знакомого примера мы можем судить, насколько необходимо постоянно поддерживать оборотный фонд в соответствии с потребностями в нем. Невозможно определить долю монеты, необходимую для поддержания обращения в стране, особенно в той, где ни ссуда, ни бумажный кредит, то есть переплавка твердой собственности, общеизвестны. Вот причина: решение вопроса зависит не только от количества монет, но и от расположения тех, кто ими владеет; а поскольку они постоянно меняются, вопрос, таким образом, становится неразрешимым.

Следовательно, дело государственного деятеля, который намерен способствовать обращению, быть настороже в отношении любой причины застоя; и когда он не в силах устранить эти политические препятствия, как я мог бы их назвать, путем изъятия монеты страны из ее хранилищ, он должен (в той мере, в какой этого требуют другие политические интересы его народа) способствовать введению символических денег, чтобы заменить их.

Великого политического гения лучше распознать по широте его восприятия, чем по мельчайшей точности в каждой детали. Для государственного деятеля гораздо лучше быть способным различать (хотя и поверхностно) каждый объект управления во всех его взаимосвязях, чем быть способным проследить какой-либо из них с величайшей точностью. Это может занять его слишком сильно, и ни один родственник никогда не должен поглощать все его внимание.

В этом месте я не могу не обратить внимания на очень разумное замечание г-на де Мелона, выдающегося французского политического писателя, который занимался государственными делами при герцоге Орлеанском во время его регентства в королевстве.

“Это принадлежит только (говорит он) тому, кто получил указание от каждой ветви власти разработать общий план управления, и даже тогда не следует узнавать у такого человека очень частные детали в отношении многих объектов, о которых он сам совершенно ничего не знает, и которые он был вынужден доверить заботам других подчиненных ему людей. Человек, который может опуститься до мельчайшей точности в мелких делах, обычно оказывается совершенно неспособным управлять великими делами. Такому человеку достаточно знать принципы на опыте и размышлениях и применять фундаментальные максимы по мере необходимости”.

Я применяю это наблюдение к рассматриваемому вопросу. Государственный деятель, который позволяет себе быть полностью поглощенным поощрением обращения и развитием всех видов роскошного потребления, может пойти слишком далеко и разрушить индустрию, которую он хочет продвигать. Это тот случай, когда последствия внутреннего потребления повышают цены и тем самым наносят ущерб экспорту.

Следовательно, главным объектом его внимания должно быть определение того, когда следует поощрять потребление в пользу промышленности; а когда препятствовать ему в пользу реформ, направленных на рост роскоши.

Если страна, которой он управляет, находится в состоянии простоты и что он желает пробудить вкус к трудолюбию и утонченности, он должен, как было сказано, поощрять внутреннее потребление ради умножения и раздачи хлеба трудолюбивым; он должен облегчить обращение, обратив в руки населения всю монету, какая есть в стране, на случай, если он обнаружит, что какая-либо ее часть заперта; и он должен восполнить фактический дефицит металлов за счет такой доли бумажных кредитов, которая может с избытком восполнить дефицит.

В каждой стране, где преобладает простота и где имеется сколько-нибудь значительное количество монет, значительная их часть должна храниться под замком: потому что потребление там должно быть небольшим; следовательно, малое обращение; следовательно, либо мало монет, либо много сокровищ. Следовательно, в таких случаях государственный деятель должен убедить владельцев этих богатств расстаться с ними по желанию тех, кто может обеспечить их ценность; и он должен установить стандарт ежегодного возмещения за ссуду. Если это трудно осуществить из-за недостатка доверия к богатым людям, он может в их пользу придумать способы самому стать заемщиком за счет отчуждения определенных прав или создания новых привилегий вместо процентов; и когда он заставит их расстаться со своей монетой, он может ссужать ее тем, у кого есть как солидное имущество, так и желание

потреблять; но кто из-за отсутствия оборотного фонда для приобретения излишков до сих пор жил в простоте.

Поэтому введение ссуд под проценты является очень хорошим средством для ускорения обращения и зарождения промышленности.

Возражение. Но здесь возражают, что некоторые нации считают такой план противоречащим предписаниям христианской религии, и поэтому государственный деятель не может этого допустить.

На это я ничего не могу ответить, потому что я не казуист; но я могу предложить прием, который восполнит недостаток заимствования под проценты; и поскольку он может служить иллюстрацией принципов, на которых я сейчас останавливаюсь, я приведу его здесь.

Цель разрешения ссуд под проценты состоит не в том, чтобы обеспечить доход тем, у кого есть свободные деньги под замком, а в том, чтобы получить доступ к оборотному эквиваленту для тех, у кого есть достаточное обеспечение, чтобы заложить его. Следовательно, если государственный деятель обнаружит, что каноны его церкви не позволяют ему пустить в обращение монету своих подданных, разрешив ссужать ее под проценты, нет ничего проще, чем изобрести другой вид обращения, при котором проценты вообще не нужны.

Пусть он откроет контору, где каждый землевладелец сможет получить в силу закладной на нее определенную пропорциональную стоимость обращающихся бумажных денег различного достоинства, наиболее подходящих для обращения. В нем он может указать срок платежа в пользу должника, чтобы дать ему возможность исполнить свое обязательство и освободить от обязательства его имущество. Но по истечении этого срока земля должна принадлежать кредитору, или документ должен быть оплачен государством, если потребуются, которое вследствие этого может получить разрешение либо продать занятую землю, либо сохранить пропорциональную стоимость дохода или собственности на саму землю, как будет сочтено наиболее целесообразным.

Далее, пусть он создаст реальное обеспечение по всем долгам на все виды твердого имущества с наибольшей легкостью при их погашении в пользу тех, кто предоставил владельцам кредит на товары любого рода. Чтобы дополнить это, пусть будут распущены все обязательства, замены и *fidei commissa*, или трасты, ограничивающие отчуждение земельной собственности; и пусть такая собственность будет сдана в аренду так же, как ~~домашняя~~[домашняя](#) мебель. Пусть такие принципы повлияют на дух правительства; пусть этот вид бумажного кредита будет модифицирован и расширен в соответствии с обстоятельствами, и вскоре появится вкус к потреблению.

Величайшим из всех препятствий для развития промышленности в период ее зарождения является общая нехватка кредитов с обеих сторон. Потребители, не имеющие оборотной стоимости, трудность погашения их задолженности в результате отчуждения их земель препятствует получению ими кредита; а многочисленные примеры того, как трудолюбивые люди уступают дорогу из-за плохих платежей, отбивают у других охоту помогать им в начале их предприятия.

Из этих принципов мы можем сделать вывод, что государственный деятель, намеревающийся увеличить промышленность и внутреннее потребление, должен начать с создания оборотного

фонда того или иного рода, который всегда должен быть наготове и постоянно находиться в распоряжении тех, у кого есть какой-либо реальный эквивалент, который они могут предоставить для потребления, которое они склонны производить: поскольку часто может не хватать денег, необходимо немедленно найти способ удовлетворить эту потребность.

Полезность этого вида кредита, или бумажных денег, проявляется главным образом в момент их ввода в обращение, потому что только тогда они восполняют недостаток в реальной денежной единице; и благодаря этому изобретению желание потреблять создает, так сказать, эквивалент в обращении, без которого отчуждение продукта промышленности не имело бы места; следовательно, сама промышленность подверглась бы испытанию.

Но при последующем обращении этих бумажных денег из рук в руки эта полезность прекращается; потому что последующий потребитель, у которого есть чужая бумажка для обмена, уже обеспечен обращающимся эквивалентом, и поэтому, если бы не изношенность монеты или трудности с ее приобретением, как государству, так и обращению совершенно безразлично, продолжает ли эта бумажка обращаться, или она будет взята и реализована должником, а золото и серебро будут пущены в обращение вместо них.

Позвольте мне теперь попытаться сделать всю эту доктрину еще более понятной на примере.

Предположим, что в стране, где миллион золотых монет обязательно используется для поддержания обычного обращения, миллион монет той же стоимости хранится под замком, потому что владельцы не имеют желания их тратить. Предположим, что доход от солидной собственности страны также составляет миллион в год; и что если бы сам фонд можно было продать, он мог бы стоить двадцать миллионов той же монетой. Предположим, что ничего не известно о такой вещи, как кредит или бумажные деньги, и что каждый человек, склонный к какому-либо потреблению, должен быть предварительно обеспечен частью находящегося в обращении миллиона, прежде чем он сможет удовлетворить свою склонность.

В этих обстоятельствах государственный деятель решает наладить промышленность и, обнаружив, что из-за того, что его народ пристрастился к большему потреблению, миллиона, которого раньше было достаточно для продолжения обращения, больше нет; он предлагает тем, у кого есть другой миллион, занять его у них под *5 процентов*. и чтобы лучше заинтересовать их выполнить его предложение, он предлагает обложить всех жителей пошлинами в размере пятидесяти тысяч золотых монет в год, которые будут ежегодно выплачиваться кредиторам в обмен на их сокровища. Если эта схема будет принята, он может ссудить свой миллион небольшими суммами каждому, кто склонен брать займы, под хорошее обеспечение; или путем премий и других поощрений, предоставляемых его начинающим производителям, он может пустить его в руки общественности, то есть в обращение. Вот один из способов увеличения количества оборотного фонда, когда увеличение потребления продуктов промышленности приводит к его востребованности.

Но давайте теперь предположим, что этот регулярный план заимствования противоречит тому, что называется конституцией государства, религии или духу народа, что нужно сделать, чтобы заменить такой план?

Тогда государственный деятель должен прибегнуть к другому ухищрению, расширив использование залогов, и вместо движимого имущества принять земли, дома и т. Д. *Монте пьета* в Риме выпускает бумажные деньги под залог движимого имущества, находящегося на их

хранении. Пусть государственный деятель, не взыскивая процентов, делает то же самое с землями своих подданных, лучшими из всех ценных бумаг. Пока существуют земли, эти бумажные деньги должны сохранять свою ценность; потому что я полагаю, что правила таковы, что они передают неоспоримое право на занятые земли. Преимущество такого учреждения будет заключаться в том, что, как раньше ни один человек не мог купить ни малейшего продукта промышленности, не имея части обращающегося миллиона золотых монет, так и теперь каждый, у кого есть склонность к потреблению, может немедленно приобрести бумажные деньги пропорционально своей стоимостиworth, и получить взамен все, чем он желает обладать.

Теперь позвольте мне предположить, что со временем эти бумажные деньги, учитывая растущий вкус к излишкам, достигнут стоимости в пять миллионов золотых монет. Я спрашиваю, уменьшается ли каким-либо образом реальная стоимость этой бумаги, потому что она намного превышает все золото и серебро в стране и, следовательно, не может быть полностью разменена с помощью монеты? Конечно, нет: потому что он черпает свою ценность не из какого-либо изображения этих металлов, а из земель, на которые он предоставляет право. Далее, я спрашиваю, стала ли страна от этого хоть сколько-нибудь богаче? Я отвечаю также отрицательно: поскольку собственность на земли, в случае продажи, предположительно стоит двадцать миллионов, здесь предполагается, что владельцы газеты приобрели благодаря своему трудолюбию пять миллионов из двадцати; и не более оставшихся пятнадцати миллионов принадлежат землевладельцам.

Давайте теперь предположим, что миллион этих бумажных денег попадет в руки тех, кто не имеет ни малейшего желания их тратить. Это касается бережливых, или копящих деньги людей, и они, естественно, предпочтут реализовать свой документ, вступив во владение представленными на нем землями. В тот момент, когда происходит эта операция, миллион бумажных денег уничтожается, а оборотный капитал сокращается до четырех миллионов бумажек и одного миллиона звонкой монеты. Предположим, с другой стороны, что те, у кого есть сокровища, которые они не могут ссудить под проценты, видя в обращении бумажные деньги, дающие право на прочную собственность, купят их на свой миллион золотых монет, а затем завладеют пропорциональной частью земли: какой эффект произведет эта двойная операция на оборотный фонд? Я отвечаю, что вместо того, чтобы состоять, как раньше, из миллиона монет и пяти миллионов бумажек, он сначала, при покупке бумаги, будет состоять из двух миллионов монет и пяти миллионов бумажек; и как только скупленный миллион бумажек будет реализован на земле и, таким образом, погашен, обращающаяся монета составит два миллиона, а бумажка уменьшится до четырех. Таким образом, вот очень рациональный метод извлечения всех монет страны из сокровищниц бережливых, без помощи процентов. Позвольте мне сделать еще один шаг вперед, а затем я остановлюсь, чтобы не слишком предвосхищать тему следующей книги.

Я полагаю, что государственный деятель, понимающий, что постоянное обращение монеты незаметно изнашивает ее, и размышляющий о том, что ее ценность полностью пропорциональна ее весу, и что уменьшение массы должно быть эффективным уменьшением реальных богатств его страны, призовет металлы и поместит их в сокровищницу, а вместо них выдаст бумажные деньги, имеющие гарантию на монету, находящуюся под замком. Разве не ясно, что, пока сокровище остается, распространяемая бумага будет иметь такую же реальную (хотя и не столь внутреннюю) ценность, какую могла бы иметь сама монета? Но если это

сокровище будет израсходовано, что будет тогда? Очевидно, что бумага, дающая право на монету, тогда так же эффективно потеряет свою ценность, как и другие виды бумаги, дающие право на земли и выпущенные, как мы предположили, их владельцами, если бы произошло землетрясение или иностранный завоеватель захватил солидную собственность, предоставленную в обеспечение этой бумаги.

Следовательно, использование символических денег, которые являются не более чем разновидностью того, что называется кредитом, принципиально полезно для поощрения потребления и увеличения спроса на продукты промышленности. И ввоз как можно большего количества монет в страну не может восполнить недостаток в них в этом отношении; потому что кредит постоянно находится под рукой у каждого, у кого есть собственность, а другой может подвести его тысячу раз. Человек, у которого есть кредит, всегда может что-то купить, хотя часто он может остаться без шиллинга в кармане.

Следовательно, всякий раз, когда интересы государства требуют, чтобы богатые жители увеличивали свое потребление в пользу трудолюбивых бедняков, государственный деятель должен использовать все методы для поддержания пропорции между прогрессом промышленности и постепенным увеличением оборотного фонда, позволяя жителям с легкостью пускать в обращение свое солидное имущество всякий раз, когда обнаруживается нехватка денег. Здесь последствия пагубны.

С другой стороны, когда роскошь начинает приобретать слишком большой размах и когда она угрожает нанести ущерб внешней торговле, тогда сдача твердой собственности может стать более громоздкой; и тогда могут пригодиться последствия: все движимые долги, за исключением переводных векселей, находящихся в иностранном обращении, могут быть лишены своих привилегий, и в частности, как во Франции, права на арест личности должника. Таким образом, ростовщичество должно было сурово наказываться; можно было бы ввести даже нечто вроде *Консультативного совета Македонии*, который делал договор займа недействительным со стороны заемщиков, пока они оставались под властью своих отцов. Коммерческим счетам больше не должно быть позволено пользоваться предпочтением по сравнению с другими долгами; напротив, они должны подлежать краткосрочному взысканию. Одним словом, внутреннее обращение должно быть затруднено, а внешнее - ускорено. Когда внешняя торговля снова прекратится, тогда можно будет перейти к прежнему плану, а внутреннее обращение ускорится и облегчится в той мере, в какой этого потребуют продукты промышленности и вкус к излишкам.

III. Государственный деятель должен тщательно различать те отрасли обращения, которые влияют на баланс богатства, и те, которые этого не делают, чтобы регулировать налоги, которые он может счесть уместными возложить на свой народ.

Рассматривая этот третий объект внимания государственного деятеля, я ограничусь применением тех принципов, которые указывают на необходимость налогообложения среди людей, живущих в роскоши, разбогатевших благодаря торговле, где трудолюбивых больше нельзя заставить существовать, кроме как за счет большого внутреннего обращения, что и является объектом нашего настоящего исследования.

В каждом случае, когда баланс богатства подвергается колебаниям из-за обращения, существует возможность введения налога на потребление, полностью пропорционального

количеству обращения. Итак, путем введения налогов и правильного использования их суммы государственный деятель имеет в своей власти замедлить или стимулировать потребление в любой отрасли промышленности. Путем введения пошлин он может либо ограничить роскошь, когда обнаружит, что она отвлекает слишком много рабочих рук от других, более необходимых занятий; либо, назначая премии, он может способствовать потреблению или экспорту в отраслях, где целесообразно увеличить занятые рабочие руки, что является обратной стороной налогообложения; или, в-третьих, когда внешняя торговля начинает составлять небольшую долю от внутреннего потребления, он может извлекать выгоду из роскоши и привлекать часть богатства тех, кто занимается роскошью, в общественную казну, *мягко* увеличивая налагаемые на нее налоги; ибо, когда налоги медленно повышаются, потребление не сдерживается; следовательно, это правильный метод, которому следует следовать, когда роскошь не приносит вреда. Но когда это оказывается вредным, увеличение расходов должно быть внезапным, чтобы они могли вызвать последствия насильственных революций, которые всегда сопровождаются неудобствами, и в таких случаях каждое неудобство будет означать успех операции. Это станет ясно на примере.

Если вы хотите ограничить употребление спиртных напитков, пусть каждое изменение вашей экономики, касающееся их, будь то ограничения на потребление или правила розничной продажи их, происходит, так сказать, рывками; если вы хотите увеличить доход из-за склонности людей отравлять себя спиртными напитками, ваши дополнения и изменения могут быть мягкими и прогрессивными.

Здесь позвольте мне, кстати, заметить, что лучший метод для государственного деятеля обуздать любой порок среди своего народа - это начать с содействия его удовлетворению, чтобы однажды поставить его на регулярную и систематическую основу, а затем путем внезапных и насильственных революций в управлении экономикой уничтожить его и искоренить с корнем.

Если бы всех шлюх Лондона поселили в большом и удобном здании, куда распутные могли бы на некоторое время перебраться в обстановке секретности и безопасности, то вскоре на улицах не осталось бы ни одной распутной женщины. И не подлежит сомнению, что, собрав их всех вместе в соответствии с определенными правилами, которые могли бы сделать их жизнь более легкой, чем она есть в настоящее время, можно было бы в значительной степени предотвратить распространение разврата и его пагубные последствия. В Париже их можно найти в их домах, потому что полиция никогда не беспокоит их там, пока они не устраивают беспорядков. Но когда они подвергаются преследованиям в своих жилищах, они вырываются на улицы и открытым использованием своей профессии повсеместно задевают деликатность скромности, но слишком часто ее притупляют, а пример, который эти проститутки открыто подают своему полу, развращает больше женщин, чем все городские распутники.

Я надеюсь, что это отступление не будет превратно истолковано как извинение общественных забастовок, где вместо соблюдения хороших правил по пресечению пороков, которыми они наполнены, основной целью часто является поощрение злоупотреблений ради привлечения к ответственности за них в качестве статьи дохода. Такой план управления представляет государственного деятеля, который обращает против своего народа то оружие, которое он предоставил для его защиты. Мое намерение совсем иное, оно состоит в том, чтобы обуздать порок настолько, насколько это возможно, и заткнуть то, что не может быть искоренено в

рамках порядка, и убрать это как вредность с глаз общественности и от заразного подражания невинным. Теперь я перехожу к объекту внимания государственного деятеля, относящемуся к той отрасли обращения, которая не предполагает изменения баланса богатств между заинтересованными сторонами.

Чем совершеннее и обширнее знания любого государственного деятеля об обстоятельствах и положении каждого человека в государстве, которым он управляет, тем больше в его силах принести им пользы или вреда. Я всегда предполагал, что его наклонности добродетельны и великодушны.

Обращение больших сумм денег на мгновение выявляет богатство, которое до и после обычно скрывалось от глаз публики. Следовательно, те отрасли собственности, которые однажды проявились в этом виде обращения, не следует упускать из виду до тех пор, пока они естественным образом не исчезнут, вернувшись в другую отрасль, о которой мы говорили; то есть до тех пор, пока они не будут справедливо израсходованы и баланс не обратится против их бывших владельцев. После этой революции они некоторое время будут циркулировать небольшими суммами и останутся незаметными, но со временем они приведут к новому застою; тогда их снова будут давать в долг или использовать для покупки земель; и, снова попав в поле зрения государства, они снова станут объектом того же внимания, что и раньше.

Нет ничего более разумного, чем то, что вся собственность, приносящая ежегодный определенный доход, должна быть направлена на покрытие общего бремени государства. Но те налоги, которые предназначены для воздействия на такое движимое имущество, как наличные деньги, должны взиматься самой мягкой рукой и даже так, чтобы не создавалось видимость, что они оказывают на него прямое воздействие. Государственный деятель здесь должен обременять своих богатых граждан обязанностями, как Гораций обременяет своего государя лестью, никогда не адресуя свои комплименты непосредственно императору, но передавая их ему самым элегантным образом, через посредника. Таким образом, люди, обладающие крупными капиталами наличных денег, которые в одно мгновение они могут вывезти за пределы досягаемости самой расширенной юрисдикции, могут иметь предоставленные им определенные привилегии, которые могут привязать их к стране (в Англии, например, право голоса в графстве или норе), а затем вследствие их ранга, а не из-за их денег, подвергнуться своего рода подушной подати или другому подобному обложению, носящему другое название. Разве кредиторы этой страны не могли бы быть представлены в парламенте и вследствие столь большой привилегии и дополнительной безопасности, предоставленной таким образом фондам, впоследствии не подлежать обложению налогами, как и другие владельцы определенного дохода? Замечательный намек на введение таких налогов можно найти в одной великой европейской монархии, где высший рыцарский орден отличается лентой, звездой и пенсией в размере около ста тридцати фунтов стерлингов в год. Но как только кто-либо достигает этого достоинства, он выплачивает именно эту сумму вместо подушной подати. Пенсия была назначена князем, учредившим орден; капитуляция последовала в последующее царствование и сейчас выглядит скорее знаком отличия, чем обузой.

IV. Следующим объектом внимания государственного деятеля, на который следует обратить внимание, являются различные политические соображения, которые должны прийти ему в голову, когда он сравнивает изменение баланса богатства в пользу трудолюбивых членов государства с теми колебаниями, которые имеют место в

отношении неработающей части населения. Другими словами, различное воздействие налогов, поскольку они по-разному влияют на тех, кто потребляет с целью воспроизводства, и на тех, кто потребляет с целью удовлетворения своих желаний.

То и другое потребление подразумевает колебание баланса богатства, и всякий раз, когда возникает колебание, как мы уже говорили, может быть введен пропорциональный налог.

Но поскольку цель налогов, насколько я их понимаю, состоит только в продвижении общественного блага (путем передачи части богатства богатых в руки трудолюбивых бедных, а не в том, чтобы истощить одну часть нации для обогащения другой), ни один необходимый предмет потребления не должен облагаться налогом трудолюбивому человеку, но таким образом, чтобы он мог получить его в полном объеме от тех, кто потребляет его труд. Таким образом, все бремя налогов должно лечь на другую категорию населения, а именно на тех, кто живет за счет продуктов уже приобретенного фонда.

Позвольте мне здесь заметить, между прочим, что при правильном взимании налогов ни один трудолюбивый человек, равно как и любой другой, живущий на свой доход, никогда не сможет вернуть ни фартинга из тех сборов, которые он заплатил *за потребление излишков*. Это должно быть сделано в надлежащем месте достаточно ясно; в настоящее время было бы излишним предвосхищать доктрину налогообложения, указывая методы достижения этой цели. В настоящее время мое намерение состоит лишь в том, чтобы перечислить объекты внимания государственного деятеля в отношении последствий обращения и колебаний баланса богатства; и, показав, насколько тесно эти принципы связаны с принципами налогообложения, одного этого достаточно, чтобы показать их важность.

V. Государственному деятелю следует обращать внимание на разницу между внешним и внутренним обращением национального богатства.,,

Этот объект, хотя и частично связанный с внешней торговлей, не должен оставаться без внимания. На самом деле, нет нации, полностью лишенной внешних связей; следовательно, хотя государственный деятель, стоящий во главе роскошного народа, может действовать в целом так, как если бы их вообще не было, все же он должен быть внимателен к последствиям общения со своими соседями, насколько это имеет место.

Каждая коммерческая переписка с иностранными государствами, не ведущаяся путем обмена потребляемыми товарами, должна вызывать колебание баланса богатств либо в пользу, либо в ущерб нашим интересам. Но из того, что существует вибрация, не следует, что государственный деятель имеет такую же свободу налагать налоги на каждый предмет потребления, как если бы две чаши весов колебались внутри страны, находящейся под его управлением.

Когда потребители являются его подданными, он может безопасно вводить налог, и если он повысит его постепенно, настолько высоко, чтобы уменьшить потребление и уменьшить размер налога, он, вероятно, выиграет, с другой стороны, препятствуя иностранному импорту и сохраняя национальное богатство дома, больше, чем он, возможно, мог бы получить от суммы своего налога вследствие его растраты.

Когда потребителями являются иностранцы, дело обстоит совсем иначе: вы не можете обязать человека, который не является вашим подданным, платить сверх того преимущества, которое он получает от вашей переписки. Следовательно, как уже было сказано, любая пошлина может

быть повышена только при экспорте товаров, когда нация имеет большие естественные преимущества перед своими соседями.

VI. Последний объект, который я упомяну как заслуживающий внимания государственного деятеля, - это *правила поведения, которые он должен предписать себе в отношении расширения или сокращения налогообложения, в зависимости от того, насколько он обнаруживает различия в пропорции между ИНОСТРАННЫМ and circulation of his country* обращением в его стране.....

Для этой цели он должен точно знать пропорции того и другого; он должен сравнить количество внутреннего потребления с продукцией промышленности и количеством импорта.

Если внутреннее потребление равно сумме того и другого, страна должна ежегодно терять стоимость импортируемого товара. В этом случае налоги должны повышаться внезапными рывками, особенно на импорт; не для увеличения их производства, а для предотвращения роста роскоши и растраты национального богатства.

Если внутреннее потребление не превысит продукцию промышленности, это докажет, что экспорт, по крайней мере, равен импорту. В этом случае экспорт должен быть поддержан; и когда это невозможно сделать иначе, часть налогов, взимаемых с внутреннего потребления, должна распределяться в виде надбавок на предметы экспорта; и когда это также становится неэффективным, тогда весь импорт для потребления должен быть прекращен в соответствии с изложенными выше принципами.

Если внутреннее потребление действительно отстает от продукции промышленности, это свидетельствует о процветании внешней торговли. Следовательно, цены должны поддерживаться на низком уровне, как было подробно объяснено; следовательно, прибыль от налогов будет меньше; потому что каждый взимаемый пенни, влияющий на цену экспортируемых товаров, должен быть возмещен из их чистого продукта, и все расходы на сбор этой части полностью теряются для общества: следовательно, остаток будет больше или меньше, в зависимости от того, велика или мала внешняя торговля.

Следовательно, пропорционально тому, как внутреннее обращение вытесняет внешнее, налоги становятся необходимыми; для того чтобы при их увеличении компенсировать вредные последствия роскоши, выражающиеся в повышении цен, путем введения более высоких премий для поддержки экспорта. И по мере того, как усилия государственного деятеля по поддержке торговли своей страны становятся безрезультатными из-за растущего вкуса к распутству у его подданных, полезность богатой казны будет обнаруживаться все больше и больше; поскольку таким образом он сможет поддерживать свою власть против влияния огромного количества богатств, выбрасываемых во внутренний оборот, и защищать своих роскошных и состоятельных подданных от воздействия зависти тех наций, которые их обогатили.

В заключение, экспорт труда и поддержание превосходства в конкуренции на иностранных рынках (как уже было сказано и как будет объяснено далее), по-видимому, являются наиболее рациональными стимулами для привлечения государственного деятеля к разработке схемы взимания значительных налогов со своего народа, пока он пользуется какой-либо долей внешней торговли. Если такие налоги продолжают существовать и после их отмены, а затем

признаются необходимыми, то эта необходимость сама по себе является следствием изменений, произошедших в духе и нравах людей, ставших богатыми и роскошествующими.

Расходы правительства при таких обстоятельствах должны значительно возрасти, так же как и цена каждой вещи. Разве это не естественно, что тот, кто работает на государство, должен получать эквивалент, пропорциональный стоимости его услуг? Следует ли предполагать, что человек, родившийся в высоком звании, который только благодаря этому обстоятельству приобретает у большинства наций преимущество, едва ли компенсируемое какими-либо приобретенными способностями, будет посвящать свое время и свою посещаемость за вознаграждение, которое могло бы удовлетворить его подчиненных? Таланты великих людей заслуживают такой же награды, как и таланты самых низших из трудолюбивых; и государство не без оснований вынуждено платить за каждую услугу, которую оно получает. Мы сказали, что это обращение адекватного эквивалента является палладиумом свободы, узами мягкой зависимости среди свободных людей; и тот же дух должен одушевлять каждую часть политического тела. То, что *ничего не должно делаться просто так*, является фундаментальной политической максимой любого свободного правительства, и обязательства, не отменяемые справедливым эквивалентом, образуют претензии, превышающие их ценность; и постоянно сопровождаются недовольством в тот или иной момент.

Другое применение налогов после прекращения внешней торговли состоит в том, чтобы способствовать обращению, выполняя, так сказать, функцию сердца ребенка, когда при его рождении сердце матери не может иметь для него дальнейшего значения. Общественное достояние, получая из суммы налогов постоянный приток денег, может направить их по наиболее подходящим каналам и таким образом поддержать ту промышленность, которая раньше процветала и зависела только от процветания внешней торговли.

Следовательно, по мере того, как государственный деятель осознает, что реки богатства (как мы называли их выше), находившиеся в быстром обращении по всему миру, начинают течь за границу медленнее и образуют застой, который прорывается во внутреннее обращение, он должен разработать план налогообложения в качестве фонда страховых взносов для возмещения вывозу убытков, которые он должен понести от роста цен, вызванного роскошью; а также для защиты самого государства от влияния внутреннего богатства, а также для компенсации тем, кто занят в его сфере. обслуживания.

Эту систему следует продолжать и расширять пропорционально упадку внешней торговли; и когда это в какой-то мере прекратится, тогда увеличение налогов и разумное их применение, идущие рука об руку, сами будут поддерживать обращение, получая одной рукой и раздавая другой; до тех пор, пока разумным управлением под присмотром и руководством способного государственного деятеля, с течением времени и настойчивости, не будут исправлены все внутренние пороки, и внешняя торговля не будет снова процветать, исходя из принципов, которые мы излагали, и из того, что может быть дальше. сказано, чтобы проиллюстрировать их в последующих книгах этого исследования.

Пока промышленность жива, все еще есть основания для надежды. Нравы меняются, и та же роскошь, которая уничтожила внешнюю торговлю, вызвав домой богатство, употребляемое в этом виде обращения, может впоследствии, поддерживая промышленность у себя дома и передавая достаточную силу богатства в руки хорошего государственного деятеля, сделать

восстановление этой торговли нетрудным проектом для того, кто имеет в своем распоряжении инструмент, столь непреодолимый для устранения всех препятствий на пути его предприятия.

Это представляет собой новую циркуляцию; а именно, циркуляцию духа и манер народа, который под управлением способных государственных деятелей может процветать в любой ситуации; и поскольку, исходя из природы человека, никакое процветание не может быть постоянным, следующее лучшее, что можно сделать, - это уступить силе, которой невозможно сопротивляться; и с помощью обращения и управления вернуть народ к вершине его былого процветания, после того, как он прошел (если можно так выразиться) с минимальными неудобствами через все стадии упадка.

ГЛАВА. XXVIII.

Обращение рассматривается в связи с повышением и падением цен на средства существования и мануфактуры.

Цель этой главы состоит в том, чтобы применить принципы, которые мы искали, к решению некоторых вопросов, которые рассматривались этими великими мастерами политического мышления, г-ном Дж. де Монтескье и Юм. Идеи, которые они выдвинули, настолько хороши, а теория, которую они изложили для определения роста и падения цен, настолько проста и настолько обширна, что неудивительно видеть, что ее взяли на вооружение почти все, кто писал после них.

Я не забыл, насколько я был доволен, когда впервые прочитал этих авторов, тем легким распределением, которое общая теория позволила мне сделать из определенных классов моих идей, тогда беспорядочно лежавших в этом великом хранилище человеческих грубостей, памяти; которая часто сохраняет больше материала, чем у людей обычно есть времени или, возможно, способности должным образом переварить.

Я очень далек от того, чтобы претендовать на какое-либо превосходство в понимании над теми джентльменами, мнения которых я намерен пересмотреть: только случайность привела меня к более тщательному изучению конкретных обстоятельств, на которых они основывали свои общие комбинации; и в результате моих исследований, я думаю, я обнаружил, что в этой, как и в любой другой части науки политической экономии, вряд ли существует такая вещь, как общее правило, которое можно установить.

Реальной или адекватной пропорции между стоимостью денег и товаров не существует; и все же в каждой стране мы находим ее установленной. Как это можно объяснить?

В четвертой главе этой книги мы уже рассматривали принципы, указывающие на влияние торговли на изменение цены товаров; но теперь возникает вопрос о том, как установить фундаментальную цену, которая является объектом изменения. Было сказано, что цена производства определяется жизненными затратами рабочего, суммой, в которую ему обходится доведение своей работы до совершенства, и его разумной прибылью. Теперь нам предстоит

рассмотреть, что именно во всех странах должно определять стандартные цены на эти предметы первой необходимости, поскольку их стоимость неизбежно влияет на стоимость всех остальных.

Лучший способ прийти к истине во всех вопросах подобного рода - это максимально упростить их, чтобы сначала их можно было ясно понять.

Всякий раз, когда возникает вопрос о цене, неизбежно подразумевается отчуждение; и когда мы предполагаем общий стандарт в цене какой-либо вещи, мы должны предположить, что отчуждение этой вещи является частым и привычным явлением. Теперь я должен здесь заметить, что в странах, где царит простота (а это те страны, где следует регулярно искать решения этого вопроса, поскольку это происходит только там, где усложнение обстоятельств не приводит к повышению цен на средства к существованию), вряд ли возможно установить какой-либо стандарт цен на предметы первой необходимости.

Давайте рассмотрим положение тех индейцев-охотников, которые живут с помощью своего лука, и других народов, жители которых, я бы сказал, повсеместно занимаются тем видом земледелия, который я назвал прямым методом добывания средств к существованию, и мы обнаружим, что продукты питания и предметы первой необходимости почти не встречаются в торговле: никто их не покупает, потому что основное занятие каждого человека - добывать их для себя. Какой ответ дал бы шотландский горец любому, пятьдесят лет назад, кто спросил бы его, за сколько он продал кварту своего молока, дюжину яиц или кучу своей земли? Во многих провинциях, незнакомых с торговлей и промышленностью, есть много вещей, которым нет определенной цены, потому что они редко или вообще никогда не продаются.

Цены могут определяться только продажей, а частые продажи могут только установить стандарт. Частая продажа предметов первой необходимости знаменует разделение жителей на *работников* и тех, кого мы называли *свободными руками*. Первые - это те, кто производит предметы первой необходимости; последние - это те, кто должен их покупать; а поскольку фонд, на который они покупают, создается их промышленностью, отсюда следует, что без промышленности не может быть продажи предметов жизнеобеспечения; следовательно, не может быть установлена стандартная цена.

Другим следствием этого рассуждения является то, что продажа средств к существованию подразумевает их избыток в руках продавца и надлежащий эквивалент для них в руках покупателя; а когда эквивалентом являются не деньги, это также подразумевает избыток продуктов какого-либо вида промышленности; следовательно, обменивая излишки на определенные предметы, человек обеспечивает себе достаточность на все. Это олицетворяет ту нежную зависимость, которая объединяет членов свободного общества.

Не следует ли из этого анализа вопроса, что цены на предметы первой необходимости зависят скорее от занятий и распределения классов населения, чем от изобилия этих предметов первой необходимости или от денег, необходимых для их покупки; поскольку можно найти много примеров, когда эти предметы стоили мало или вообще не стоили, даже в странах, где не было недостатка в деньгах. Следовательно, причина низких цен заключается не в огромном изобилии продаваемых вещей, а в том, что у любого человека есть небольшой повод их купить; каждый так или иначе обеспечен ими, не будучи обязанным идти на рынок.

Сколько знакомых примеров этой экономики встречается повсюду! разве мы не находим, что в каждой стране, даже когда число свободных трудолюбивых людей чрезвычайно увеличивается, более половины жителей питаются непосредственно от земли? Весь класс фермеров не ходит на рынок за средствами к существованию. Спросите деревенского джентльмена, на что он тратит средства к существованию, он назовет вам сумму денег, которую он тратит ежегодно, возможно, количество своей ренты натурой, которую он потребляет в своем доме, и арендную плату за землю, которую он сам возделывает; но ему никогда не придет в голову подсчитывать стоимость каждой курицы, овцы или быка, которыми обеспечивает его ферма, которые он потребляет без оценки и которыми во многих странах он не мог бы распорядиться ни за какую определенную стоимость.

Из этого я все же заключаю, что стандартные цены на предметы первой необходимости могут быть установлены только в промышленно развитых странах; и поскольку в этих странах многие обстоятельства совпадают, делая их либо выше, либо ниже, чем в других странах, из этого следует, что сами по себе они не имеют никакой определенной пропорции к количеству золота и серебра в стране, что я надеюсь сейчас сделать еще более очевидным.

Что же тогда определяет стандартную стоимость этих изделий в странах с развитой промышленностью? Ниже следует, по моему скромному мнению, лучший ответ на этот вопрос.

Стандартная цена прожиточного минимума определяется исходя из двух соображений. Первый из числа тех, кто вынужден покупать, то есть из тех, у кого они не свои и кто не обеспечен ими вместо обслуживания теми, у кого они есть. Во-вторых, от уровня занятости, найденной для тех, кто обязан их приобретать.

The *Количество* покупателей средств к существованию почти определяет *количество* продаваемого товара, потому что это необходимый товар, и его нужно доставлять в определенной пропорции для каждого; и чем чаще продажа, тем больше определяется цена. Следующее, что касается стандарта: он, как я понимаю, должен зависеть от способностей покупателей; и они, опять же, должны определяться степенью способностей наибольшего их числа; то есть степенью способностей низших классов народа. Вот причина, по которой хлеб при сильнейшем голоде никогда не может подняться выше определенной цены; ибо, если бы он превышал возможности крупных классов народа, их спрос должен был бы быть снижен, что привело бы к перенасыщению рынка для потребления богатых; следовательно, такими людьми, которые во времена дефицита вынуждены голодать, могут быть только те, чьи способности, к сожалению, ниже уровня представителей крупного класса: следовательно, в индустриальных странах цена средств к существованию никогда не может подняться выше возможностей для покупки того многочисленного класса, который пользуется предметами физической необходимости; следовательно, , никогда не достигнет такой неумеренной высоты, чтобы заморить голодом значительное число людей; вещь, которая очень часто происходит в странах, где промышленность мало известна, где множество людей зависит только от милосердия других и у которых не остается никаких ресурсов, как только они начинают их подводить.

Следовательно, способности тех, кто работает ради удовлетворения физических потребностей, должны определять в трудолюбивых странах стандартную стоимость средств к существованию, а денежная стоимость, которую они получают за свой труд, будет определять уровень их способностей, который должен повышаться или понижаться в зависимости от пропорции спроса на их труд.

Этим изложением вопроса я не претендую на то, чтобы рассеять все неясности. Вопрос все еще остается сложным, как того требует его природа; и его решение зависит от дальнейших соображений, которые сейчас подводят меня к рассмотрению доктрины господ Дж. де Монтескье и Юм, о влиянии богатства на рост цен. Я начну с краткого изложения этой доктрины моим читателям в трех положениях.

1mo. Цены (говорят они) на товары всегда пропорциональны количеству денег в стране. Таким образом, увеличение богатства, даже фиктивного, такого как бумага, влияет на состояние цен, *пропорционально* его количеству.

2do. Монета и текущие деньги в стране представляют весь ее труд и товары. Так что *пропорционально*, чем больше или меньше этого представления (денег), тем большее или меньшее количество представленной вещи (товаров и т. Д.) Приходится на то же самое ее количество. Из этого следует, что

3tio. Увеличивайте количество товаров, они становятся дешевле; увеличивайте количество денег, они повышаются в своей стоимости.

Ничто не может быть прекраснее этих идей. На первый взгляд они кажутся достаточно обширными, чтобы охватить все возможные варианты обстоятельств. Кто был первым автором этой доктрины, я не могу сказать. Я нахожу это у мистера Локка и в "Спектейторе" за 19 октября 1711 года; но они были прекрасно проиллюстрированы Монсером. де Монтескье; и м-р Хьюм расширил теорию и прекрасно разнообразил ее в своих политических рассуждениях, которые оказали большую честь этому джентльмену и вызвали такое одобрение ученого мира, что едва ли найдется нация в Европе, которая не имела бы удовольствия прочитать их на своем родном языке.

Изучив эту теорию, когда я перешел к рассмотрению вопросов, на которые она рассчитана повлиять, я обнаружил, что не могу найти ответа на принципы, которых я придерживался, в том самом естественном порядке, в котором я был в состоянии их вывести: и это соображение заставило меня с сожалением отложить его в сторону и следовать другому, гораздо более сложному. Я уже говорил о том огорчении, которое всегда испытывал, обнаруживая, что вынужден вычеркивать общее правило, и это правило из всех прочих поначалу поразило мое воображение больше всего; но я вынужден признаться, что после тщательного изучения трех положений я вынужден отнести это остроумное изложение интереснейшего предмета к числу тех общих и поверхностных максим, которые неизменно приводят к ошибке.

Чтобы представить дело в возможно более ясном свете, я вкратце изложу свои собственные принципы, касающиеся решения главного вопроса - причин роста и падения цен, и завершу свою главу некоторыми замечаниями по трем изложенным выше положениям, предоставляя все это на усмотрение моего читателя.

Я установил в качестве принципа, что именно сложные процессы спроса и конкуренции определяют стандартную цену каждой вещи. Если рабочих рук будет много, а спрос невелик, работа будет дешевой. Следовательно, если увеличение богатства приводит к *повышению* спроса, стоимость труда возрастет, поскольку здесь подразумевается конкуренция; но если это приводит только к *увеличению* спроса, цены останутся на прежнем уровне. Что же тогда станет с дополнительным количеством монет, или бумажных денег? Я отвечаю, что в обоих случаях он поступит в обращение пропорционально *росту* или *приумножению* спроса; с той разницей, что

в первом случае это приведет к повышению цен; потому что предложение не должно увеличиваться пропорционально; во втором цены останутся такими, какими они были; потому что предложение должно увеличиваться пропорционально. Таковы последствия увеличения богатства, когда оно приводит либо к *повышению, augmenting*, спроса. Но если после этого оборота будет обнаружено, что состояние спроса остается без каких-либо изменений, тогда *дополнительная монета*, вероятно, будет заперта или обращена в металлическую пластину; потому что те, у кого она есть, не вдохновлены желанием увеличить свое потребление и тем более великодушным чувством раздачи своих денег, их богатство останется, не производя большего эффекта, чем если бы оно оставалось в руднике. Что касается бумажных денег, то, как только они послужат первой цели удовлетворения спроса того, кто их взял в займы (поскольку у него в то время не было монеты), они вернутся к должнику в них и станут реализованными; из-за того, что они находят мало применения в продолжении обращения.

Следовательно, сколько бы ни увеличивалась или уменьшалась денежная масса страны, товары все равно будут расти и падать в соответствии с принципами спроса и конкуренции, и они будут постоянно зависеть от склонностей тех, у кого есть *собственность* или какой-либо *эквивалент* чего бы то ни было, чтобы дать; но никогда от количества *монеты*, которой они обладают.

Пусть количество монет будет еще больше увеличено, именно желание потратить их в одиночку приведет к росту цен. Пусть она будет уменьшена до минимума, пока в стране существует реальная собственность любого достоинства и конкуренция за потребление среди тех, кто ею владеет, цены будут высокими благодаря бартеру, символическим деньгам, взаимным пожертвованиям и тысяче других изобретений. Позвольте мне привести пример.

Предположим, что существует страна, где установлены цены и где наличной валюты достаточно для обращения: разве не ясно, что если эта страна имеет сообщение с другими странами, то должна существовать пропорция между ценами на многие виды товаров там и в других местах, и что внезапное увеличение или уменьшение денежной массы, предполагающее, что она может *сама по себе* вызывать эффекты повышения или понижения цен, было бы ограничено в своем действии иностранной конкуренцией? Но давайте предположим, что она вообще отрезана от всякой коммуникации, что кажется единственным случаем, когда эта теория может действовать с какой-либо видимостью справедливости, будет ли кто-нибудь утверждать, что бережливость или расточительность жителей не окажет никакого влияния на цены, и будет ли утверждаться, что никаких изменений в духе народа в отношении бережливости и расточительности не может произойти, за исключением изменения количества их золота и серебра?

На это можно ответить, что что касается предметов излишества, то, без сомнения, гений народа может влиять на цены в сочетании с количеством денежной единицы; но что касается предметов крайней необходимости, то они должны постоянно оставаться пропорциональными массе богатства. Я ни в коем случае не могу признать это справедливым. Позвольте мне взять пример с зерном, который является наиболее знакомым. Разве из того, что мы сказали выше, не ясно, что доля богатства, находящегося в руках низшего класса людей, постоянно регулирует его цену; следовательно, как бы богаты ни были богатые, цена средств к существованию никогда не сможет подняться выше возможностей бедных. И разве не ясно также, что те из низшего класса людей, *кто покупает средства к существованию*, должны покупать их на доходы, которые они получают от богатых за свою промышленность? Итак, если величина

богатства последних не регулирует их спрос на услуги первых, не следует ли из этого, что цена зерна, так же как и всех других товаров, предлагаемых к продаже, должна зависеть от степени конкуренции между богатыми за труд бедных, то есть от спроса на промышленность, а не от количества богатств в стране?

Никто никогда не отрицал, что чрезвычайный спрос на товар привел к повышению его цены; и, конечно, никто не будет отрицать, что спрос на конкретный товар может быть больше в одно время, чем в другое, хотя в стране в оба времени можно найти одинаковое количество этого товара; и одинаковое количество денег также не только в стране, но и в обращении.

Я признаю, что в стране, где много монет и где кредит мало известен, высокий и чрезвычайный спрос на излишек товара может поднять цену больше, чем в другой стране, где монеты меньше; потому что в определенных случаях цена вещи не имеет иных границ, кроме пределов способностей покупателя. Аналогичным образом, в других странах, где почти нет ни монеты, ни кредита, для самого высокого спроса может оказаться невозможным поднять цену на такие вещи даже до общепринятого стандарта, установленного в тех, где есть большое богатство. Но эти примеры, по-видимому, слишком частны, чтобы служить основанием общего правила относительно состояния цен в нынешнем положении европейских стран, которые все в большей или меньшей степени находятся в сношениях друг с другом.

Я не могу здесь не обратить внимания на два весьма примечательных обстоятельства, о которых мы узнаем из бесспорных исторических источников, которые, по-видимому, противоречат друг другу и бросают большой туман на принципы, которые я пытался объяснить. Поэтому я представлю их в качестве иллюстрации, и когда они будут рассмотрены, я надеюсь, что они подтвердят мою доктрину.

Первое состоит в том, что в Шотландии раньше, когда монеты и кредиты были, безусловно, большой редкостью, цена восьми фунтов овсяной муки весом, которая сейчас обычно продается по восемь пенсов стерлингов, оценивалась тогда не более чем в две трети одного пенни; и что рабочий человек обычно получал один пенни и одну треть пенни стерлингов на пропитание в неделю; то есть стоимость шестнадцати фунтов овсяной муки, которая по сей день является регламентированным количеством, выдаваемым для этой цели.

Существует очень любопытное подтверждение подлинности этого расчета в больнице в старом Абердине, где в прежние времена некоторые землевладельцы выделяли определенное количество овсяной муки в пользу бедняков больницы, предоставляя больнице право принимать пищу натурой или в пересчете на две трети пенни за каждые восемь фунтов веса. Они неосмотрительно выбрали последнее, и по сей день им платят в соответствии с этим стандартом. Безусловно, невозможно, чтобы какая-либо степень изобилия вообще или какой-либо спад спроса могли в настоящее время снизить цену этого товара так низко; следовательно, можно сказать, что цены повышаются за счет увеличения богатства, а не за счет спроса.

Второй факт, который мы узнаем из древности, заключается в том, что в то время, когда Греция и Рим изобиловали богатствами, когда каждая редкость и работы самых отборных художников стоили непомерно дорого, быка покупали за сущий пустяк, а зерно было дешевле, возможно, чем когда-либо в Шотландии.

Если применение наших принципов к обстоятельствам того времени приведет к разрешению этих очевидных несоответствий; и если мы, таким образом, сможем обнаружить, что низкие цены на зерно как в Шотландии, где денег было мало, так и в Риме, где их было много, были полностью вызваны небольшим спросом на предметы жизнеобеспечения, не следует ли из этого, что наш принцип справедлив, и что другой, несмотря на изобретательность мысли, не должен быть точным; поскольку окажется, что низкие цены могут быть одинаково совместимы как с богатством, так и с бедностью.

Теперь что касается Шотландии в прежние времена, как и во всех странах, где мало промышленности; где жители в основном питаются непосредственно от земли, не происходит отчуждения ее плодов; где земледелие осуществляется исключительно как метод существования; где арендная плата низка и где, следовательно, свободных рабочих рук, которые живут ими за счет своего труда, должно быть немного; спрос на зерно на общественных рынках должен быть очень небольшим; следовательно, цены будут очень низкими, независимо от того, мало или много денег в стране. Причина проста. Спрос здесь пропорционален не числу тех, кто потребляет, а числу тех, кто покупает: теперь те, кто потребляет, - это все жители, но те, кто покупает, - это лишь немногие трудолюбивые, свободные люди, которые добывают независимые средства к существованию своим собственным трудом и изобретательностью: теперь цена их недельного прожиточного минимума составляла один пенни на треть, следовательно, средства к существованию, которые они покупали, не могли подняться выше этого стандарта.

Далее о состоянии Греции и Рима, где было установлено рабство. Те, кто питался трудом своих собственных рабов, государственных или безвозмездно раздаваемым народу зерном, не имели возможности ходить на рынок; следовательно, они не вступали в конкуренцию с покупателями. Далее, простота нравов и немногие известные тогда мануфактуры делали потребности в целом менее обширными; следовательно, число свободных трудолюбивых было невелико, и *они* были единственными людьми, которые *могли* иметь возможность покупать продукты питания и предметы первой необходимости; следовательно, конкуренция покупателей должна была быть пропорционально небольшой, а цены низкими.

Добавьте к этому размышления, которые естественным образом возникают при изучении природы обеспечения рынков. Они снабжались частично за счет излишков, произведенных на землях великих людей, трудившихся с помощью рабов; которые питались за счет земель, и излишки ничего не стоили владельцам; а поскольку число тех, кто имел возможность покупать, было очень мало, эти излишки продавались дешево. Кроме того, зерно, раздаваемое народу безвозмездно, неизбежно сдерживало рынок, поскольку часть его, естественно, иногда оказывалась излишней для тех, кто его получал; и, следовательно, продавалось в конкуренции с зерном, собранным за счет частных средств.

Но когда на рынок привозили прекрасную кефаль или когда появлялся художник с любопытным произведением искусства, дело обстоит совсем по-другому. В стране было много денег, в руках богатых, которые все соревновались за предпочтение; следовательно, цены поднялись до непомерной высоты. Роскошь тех времен, хотя и чрезмерная, была доступна лишь немногим, и поскольку деньги в целом лишь медленно циркулировали в руках толпы, она постоянно застаивалась у тех богатых, которые не находили меры, кроме собственного каприза, в регулировании цен на то, чем они хотели обладать и имели деньги для покупки.

Из сказанного следует, что богатство страны не оказывает определенного влияния на цены; хотя, я допускаю, оно может случайно влиять на них: и если мы отойдем от изложенных выше принципов, а именно, что цены регулируются сложным действием спроса и конкуренции, то, следуя второму, мы должны добавить ограничение (которому, как я заметил, м-р Хьюм уделял внимание в одном случае, хотя он упустил это из виду в нескольких других), а именно, *что цена каждого товара пропорциональна сумме денег, обращающихся в обращении в других странах. рынок для этого товара*; другими словами, это почти мое предположение: деньги, которые будут использованы для покупки любого товара, являются всего лишь мерой спроса. Но даже здесь деньги на рынке, *предназначенные* только для покупки определенного товара, не регулируют его цену. Ничто, кроме завершения сделки, то есть соглашения между покупателем и продавцом, не может определить цену, и это должно зависеть от склонности, а не от веса денег, как будет ясно из примера.

Я предположу, что зерно продавалось на деревенском рынке по сорок шиллингов за четверть в течение нескольких месяцев подряд, когда обычный спрос на текущее потребление составляет двадцать четвертаков каждый рыночный день. Если в какой-то момент возникнет чрезвычайный спрос, который может превысить все, что можно найти на рынке, между покупателями возникнет конкуренция, которая приведет к росту рынка. Теперь, в соответствии с доктриной наших ученых авторов, можно сказать, что стоимость хлеба повышается пропорционально количеству звонкой монеты, имеющейся на рынке, и что именно из-за этого увеличения звонкой монеты зерно повышается в своей цене. Я отвечаю, во-первых, допуская, что это верно, можно ли сказать, что определенный временный или, возможно, случайный спрос на несколько четвертей зерна, больший, чем обычно, подразумевает какое-либо увеличение количества денег в стране или даже наименьшее изменение либо общего потребления, либо количества зерна, содержащегося в нем? Ибо, если спрос вырос на одном рынке, он, вероятно, должен был уменьшиться на другом, поскольку одни и те же жители не могут потреблять в двух местах. Я думаю, в этом каждый человек должен убедиться без дальнейших иллюстраций. Но я говорю далее, что цены будут расти не пропорционально деньгам на рынке, а пропорционально желанию приобретать зерно у тех, у кого есть эти деньги.

Предположим, что все количество зерна на рынке равно тридцати четвертям; если спроса на большее не будет, оно будет продаваться по сорок шиллингов, как стоили бы двадцать четвертей. Но предположим, что спрос составит шестьдесят четвертаков и что на зерно готовы потратить сто двадцать фунтов стерлингов, следует ли из этого, что зерно подорожает до четырех фунтов за четверть, потому что деньги на рынке находятся в такой пропорции к количеству зерна? Конечно, нет.

Поэтому, я думаю, мы должны принять другой принцип и следовать пропорциям спроса и конкуренции; и тогда мы обнаружим, что если продавцы захотят поднять свою цену до уровня, соответствующего звонкой монете, то весь спрос прекратится так эффективно, как если бы его никогда не было; и продавцы впоследствии будут вынуждены согласиться на такое умеренное повышение, которое будет пропорционально *срочности спроса*, но никогда не пропорционально *деньгам*, готовым к использованию.

Оборот каждой страны, как мы показали выше, всегда должен быть *пропорционален трудолюбию жителей, производящих товары, поступающие на рынок*: какая бы часть этих товаров ни потреблялась теми самими людьми, которые их производят, она не поступает в

обращение и никоим образом не влияет на цены. Таким образом, если стоимость монеты той или иной страны упадет ниже доли^[M] продукции промышленности, предлагаемой к продаже, сама промышленность остановится; или изобретения, такие как символические деньги, будут использованы для обеспечения ее эквивалента. Но если количество денег превысит долю промышленности, это не окажет никакого влияния на повышение цен и не поступит в обращение: они будут накапливаться в сокровищницах, где им придется ждать не только вызова желания у собственников потреблять, но и у трудолюбивых удовлетворить этот призыв.

М. Следует отметить, что *пропорция* здесь не означает *ценность*.

Таким образом, мы можем заключить, исходя из изложенных нами принципов, что, каким бы ни было количество денег в какой-либо стране, соответствующее количеству денег в остальном мире, в *обращении* никогда не может оставаться ничего, кроме количества, почти пропорционального потреблению богатых и труду и прилежанию бедных жителей. Ценность каждого конкретного вида, потребление которого определяется осложнением обстоятельств внутри страны и за границей; следовательно, пропорция не определяется *количеством* денег, фактически имеющихся в стране.

Если утверждать обратное и утверждать, что соотношение между деньгами и изделиями промышленности взаимно и определено, то я уполномочен сделать такой вывод, а именно: если *самый* produce of industry must be sold for what specie is found in the country, можно найти в стране, то *пусть сумма будет как можно меньше*, поэтому аналогичным образом, *самый маленький* продукт промышленности должен продаваться за *все деньги, которые в стране есть. всегда такой замечательный*. Следовательно, в первом случае мы должны предположить, что трудолюбивые люди никогда не будут искать лучшей цены за границей; а во втором, что состоятельные люди *должны* тратить все, что у них есть, на удовлетворение своих самых умеренных потребностей и никогда не искать более дешевых товаров, чем те, которые они могут найти дома. Следовательно, не может быть ни внешней торговли, ни когда-либо какого-либо накопления.

Теперь я завершу свою главу несколькими замечаниями по поводу трех положений в том порядке, в каком они расположены.

Реквизит. 1. Цены пропорциональны количеству денег. Таким образом, увеличение даже фиктивного богатства, такого как бумага, влияет на состояние цен в зависимости от его количества.

Исходя из этого, м-р Хьюм не одобряет введение бумажных денег, когда не хватает наличных, и говорит, что если бы в обращение не было допущено ничего, кроме золота и серебра, причем в меньшем количестве, цены были бы ниже.

По моему скромному мнению, это ни много ни мало, как проект по уничтожению кредита с целью поддержки торговли и промышленности. Потому что это фактически помешало бы любому человеку производить потребление, за исключением случаев, когда у него были наличные деньги. Поддерживают ли бумажные деньги в Англии цены на зерно в настоящее время, в январе 1759 года? И не упадут ли за короткое время цены на все предметы первой необходимости в этой стране так же низко, как и в любой другой в Европе, если будут продолжать применяться те же меры?

Если бы все бумажные деньги в этом королевстве были немедленно запрещены, цены на многие товары, без сомнения, упали бы очень значительно; но такое падение не было бы всеобщим или равномерным. Причина этого падения была бы не в том, что звонкая монета стала бы пропорционально распределяться между всеми жителями в соответствии со стоимостью их собственности; и не в малом ее количестве, поскольку цены за границей все еще регулировали бы многие из них дома: но из-за внезапной революции и сильного переворота, произведенного таким образом в балансе труда и спроса. Масштабы первого превалировали бы до такой степени, что те классы трудолюбивых, которые ежедневно добывают средства к существованию, доставляя излишки, вступили бы в настолько сильную конкуренцию друг с другом, что их труд сошел бы на нет, в то время как средства к существованию оставались бы по цене экспорта. Если спросить, чем может быть вызвана эта разница. Я отвечаю, потому что рабочие, поставляющие излишки, приспособленные к состоянию своей нации, не нашли бы на них большего спроса из-за отсутствия кредита или оборотного фонда для покупок, и иностранцы не извлекли бы выгоды из падения цен на излишки, не приспособленные к их собственному вкусу; но они с большой охотой стали бы покупателями каждого бушеля зерна, ставшего излишним из-за того, что многие жители умерли от голода; и это удержало бы цены на средства к существованию на довольно ровном уровне с ценами в других странах.

Но если мы предположим, что все коммуникации с незнакомцами прекращены, сохранится ли тогда эта пропорция между деньгами и ценами? Ни в коем случае. Вот причина: существует множество способов отчуждения товаров или натуральных продуктов без помощи наличных денег. Огромные количества того и другого могут быть потреблены путем обмена или вместо услуг, где о деньгах никогда и не слышали: теперь вся эта отчужденная часть входит в массу того, что называется продукцией и мануфактурами, поступающими на рынок; но не может оказывать никакого влияния на денежную единицу, а денежная единица не может оказывать на нее никакого влияния, поскольку деньги остаются бездействующими во время этих операций.

Другая причина заключается в том, что не существует такой вещи, как сохранение вида в равном распределении, чтобы служить интересам каждого человека пропорционально его ценности. Причина очевидна: деньги, как и любая другая вещь, попадут в руки тех, кто придает им наибольшую ценность, и когда их количество в какой-либо стране невелико, где без них ничего нельзя приобрести, те собственники земель, которые имеют наибольшее желание потреблять, будут покупать звонкую монету под более высокий процент или за большее количество своих земель, чем другие.

Одного этого достаточно, чтобы доказать, что перераспределение наличных денег никогда не может быть пропорционально собственности; и это также разрушает предположение о том, что цены растут и падают в зависимости от их пропорции даже в стране, отрезанной от всех внешних коммуникаций. Вот доказательство: любой индивид, который, заложив свои земли, собрал значительную часть денежной массы своей страны, повысит цены по соседству, создавая чрезвычайный спрос на работу; а остальная часть той же страны, лишенная своей оборотной стоимости, должна уменьшить свой спрос; следовательно, цены упадут в других местах. Теперь я перехожу ко второму предложению.

Монета и текущие деньги страны - это *представление* всего ее труда и товаров; так что пропорционально большему или меньшему количеству этого *представления*, большее или меньшее его количество пойдет на то же количество представленной вещи.

С этим *представлением* я не могу согласиться и считаю его источником ошибок. Надлежащий эквивалент труда и мануфактурных изделий может, в некотором смысле, быть назван *представительством*; но нет необходимости, чтобы этот эквивалент состоял из монеты. Разве мясо и одежда не являются эквивалентом личного обслуживания? Разве бесплатный дом и клочок земли не являются очень хорошим эквивалентом для всех изделий, которые деревенский ткач может изготовить для меня, своего домовладельца? Если бы в стране не было ни одного пенни, следовало бы из этого, что не могло бы быть отчуждения или что все там можно было бы получить даром?

Монета имеет внутреннюю ценность; и когда она попадает в страну, она увеличивает стоимость страны, как если бы к ней была присоединена часть территории; но у нее нет права представлять какую-либо вещь, которую можно продать, по предпочтению, или рассматривать как единственный эквивалент всех вещей, которые можно отчуждать. Это стало общей ценой не по какой-либо иной причине, кроме как из-за его редкости, его прочности, его способности к обращению, и бесконечному правильному разделению, а также из-за того, что оно несет с собой свою ценность, которая является надлежащим эквивалентом для каждой вещи; и в то же время оно по своей природе мало подвержено изменениям.

Если бы, в самом деле, государственный деятель осуществлял операции обращения и торговли, созывая время от времени всех владельцев наличных денег в одну организацию, а всех владельцев отчуждаемых товаров, рабочих и т. Д. - В другую; и если бы он, после получения информации о соответствующих количествах каждого из них, установил общий тариф цен, согласно правилу нашего автора; эту идею *представительства* можно было бы легко принять, потому что тогда, по-видимому, посылки мануфактурных изделий были бы приспособлены к денежным единицам, как рационы фуража для армейские лошади делаются больше или меньше в зависимости от того, хорошо или плохо в то время снабжались припасами: но имеет ли это какое-либо сходство с коммерческими операциями?

Идея о том, что монета является *представительством* всей промышленности и мануфактур страны, привлекательна; и была изобретена ради выработки общего правила для легкого распределения вещей, чрезвычайно сложных по своей природе. Отсюда возникает ошибка. Мы заменяем сложный термин, иногда в одном смысле, а иногда в другом, и делаем выводы, как если бы он выражал фиксированную и детерминированную идею.

Если бы в алгебре x , y , z и s . Когда-либо обозначали больше, чем одну идею, наука стала бы бесполезной; но поскольку они никогда не представляют собой ничего, кроме одного и того же понятия, они никогда не меняют свою природу при всевозможных перемещениях.

Это не тот же самый термин ни в одной другой науке, как явствует из стоящего перед нами вопроса: монета называется *представлением*, потому что это эквивалент; и поскольку это *представление*, она должна иметь точную пропорцию к изображаемой вещи. И поскольку в некоторых конкретных примерах это представление, *по-видимому*, имеет место, следовательно, правило носит общий характер, хотя обстоятельства могут быть разными. Если, например, купец или частное лицо имеет в наличии зерна на тысячу фунтов, то, без сомнения, тысячная часть товара стоит тысячной части суммы; потому что и то, и другое определяется своим количеством и качеством; но партии этого зерна, хотя и точно пропорциональны цене целого, определяют свою стоимость не из этой пропорции, а из общей стоимости всей массы; которая определяется сложными процессами спроса и конкуренции, как уже было сказано, а не

из денежной единицы страны, которая также не может выдерживать никакой пропорции к количеству или качеству зерна.

В стране со слабой промышленностью может быть огромное количество монет; и, *наоборот*, монета всегда является *эквивалентом*, но никогда не *представляет* в большей степени, чем любой другой эквивалент, который может быть изобретен. Если бы доктрина этого второго утверждения была верна, каждый товар в стране должен был бы продаваться подобно пакету зерна в предыдущем примере по правилу трех; поскольку собственность на весь труд и мануфактуры страны принадлежит той части, которую я намереваюсь отчуждать, точно так же все золото и серебро в стране принадлежат той части, которую я имею право получить. Этот способ регулирования цен может быть очень изобретательным, но он не очень распространен. Теперь я перехожу к третьему и последнему предложению.

Увеличьте количество товаров, они станут дешевле; увеличьте количество денег, они вырастут в своей стоимости.

Это утверждение слишком общее: первая его часть обычно истинна, последняя - чаще ложна.

Что может увеличить количество товаров, как не спрос на них? Если спрос равен увеличению, изменения цены не произойдет.

Пусть чрезвычайное изобилие увеличит средства к существованию, оно, естественно, упадет в цене; но его можно накопить и заставить расти, несмотря на изобилие; его могут потребовать из-за границы; это также приведет к его росту.

Пусть излишки, не подлежащие экспорту, производятся рабочими, отрасль которых перегружена, цены, несомненно, упадут.

Те же наблюдения справедливы и в отношении уменьшения количества товаров. Если это постепенно уменьшится из-за уменьшения спроса, цена на них расти не будет.

Если количество средств к существованию упадет ниже необходимого уровня потребления жителей, цены, несомненно, вырастут.

Если количество излишков уменьшится, цены будут расти только пропорционально желанию покупать, то есть из-за конкуренции, а не из-за дефицита. С другой стороны, что касается монеты или денег,

Увеличьте количество денег, ничего нельзя сделать относительно цен, потому что нет уверенности в том, что люди увеличат свои расходы пропорционально своему богатству; и хотя они должны это сделать, в тот момент, когда их дополнительный спрос приведет к созданию достаточного предложения, цены вернутся к старому стандарту.

Но уменьшайте количество звонкой монеты, *используемой в обращении*, вы и замедляете это, и вредите трудолюбивым; потому что мы предполагаем, что первого количества точно достаточно для сохранения того и другого в справедливой пропорции к желаниям жителей.

Это лишь некоторые из бесчисленных модификаций, необходимых для применения к этому общему правилу; и я надеюсь, что сказанное мной оправдывает замечание, сделанное мною

относительно всей доктрины в целом, а именно, что она гораздо более показная, чем надежная, в каждой из своих трех ветвей.

Позвольте мне задать еще один вопрос по этой теме, а затем я завершу.

Предположим, что количество золота в Европе будет продолжать увеличиваться с каждым годом, пока оно не превысит нынешнее количество в десять раз, будут ли цены расти пропорционально?

Я отвечаю, что такое увеличение может произойти без малейшего изменения цен, или что оно может привести к очень значительному увеличению, в зависимости от обстоятельств. Если бы промышленность увеличивалась в десять раз по сравнению с тем, что она представляет собой в настоящее время, то есть если бы ее продукция увеличивалась в десять раз по своей нынешней стоимости, согласно действительному стандарту цен, стоимость каждой мануфактуры и продукта могла бы остаться без изменений. Это предположение возможно, потому что ни один человек не может сказать, до какой степени спрос может развить промышленность. Если, с другой стороны, можно предположить, что масштаб спроса преобладает, так что все богатство вовлекается в обращение без увеличения предложения (что я считаю невозможным), тогда цены выросли бы в десять раз по сравнению с нынешним стандартом, по крайней мере, на многие товары.

Это решение полностью согласуется как с принципом м-ра Хьюма, так и с моим; потому что в гипотезе нет ничего проще, чем установить пропорции между вещами, которые сами по себе находятся за пределами всех возможностей вычисления.

ГЛАВА I. XXIX.

Обращение с иностранными государствами - это то же самое, что Торговый баланс.

В предыдущей главе мы попытались показать, как обращение денег, выдаваемых в обмен на предметы потребления, вызывает колебание баланса внутреннего богатства; теперь нам предстоит применить те же принципы к внешнеторговому обороту; чтобы выяснить, действительно ли может существовать такая вещь, как баланс, который может обогатить одну страну и разорить другую.

Было сказано, что когда деньги даются за потребляемый товар, лицо, получающее их, приобретает баланс в свою пользу, как только тот, с кем он обменялся, начал потреблять.

Что если обмениваются два потребляемых товара, баланс достигает уровня, когда потребляются оба. Что только то богатство, которое находится в обращении, может изменить его баланс, а остальное должно быть спрятано, превращено в металл или использовано во внешней торговле. И было замечено, что количество денег, находящихся в обращении, всегда пропорционально продаже продуктов промышленности и мануфактур; и что, когда количество металлов недостаточно для продолжения обращения, пропорционально требованиям тех, у кого есть какой-либо реальный эквивалент, чтобы дать, эти символические деньги могут быть выпущены для заполнения пустоты, когда этого потребуют интересы государства.

Мы также установили это как своего рода общее правило, что, хотя роскошь имеет тенденцию поддерживать спрос только в разумной пропорции сил и склонности трудолюбивой части народа обеспечивать ее, что тогда это выгодно для нации; и что как только она начинает преобладать в масштабах внутреннего спроса, формируя конкуренцию среди туземцев за потребление того, что ищут иностранцы, тогда это вредно и имеет очевидную тенденцию искоренять внешнюю торговлю. Все эти принципы аналогичны друг другу, и их следует придерживаться при рассмотрении стоящего перед нами вопроса.

Я должен еще добавить, что колебания баланса богатства постоянно склоняются в пользу трудолюбивых и против праздного потребителя. Это, однако, допускает ограничение, а именно. Трудолюбивый должен считаться бережливым, а праздный - экстравагантным. Ибо, если трудолюбивый человек потребляет продукты своего труда, он потрудился бы только для увеличения своего потребления, а не своего богатства; и если праздный человек благодаря своей бережливости остается в пределах своего годового дохода, он тем самым устранил все неудобства, причиненные его ленью, баланс тогда будет уравновешен между ними; трудолюбие на одной чаше весов и фонд, уже обеспеченный на другой, будут поддерживать обе стороны на прежнем уровне.

Следовательно, для того, чтобы баланс домашнего богатства изменился в пользу бедняка, он должен быть одновременно трудолюбивым и бережливым.

Теперь давайте применим эти принципы к целой нации, рассматриваемой как отдельная личность в великом обществе человечества. Частное лицо, которое ведет свои дела осмотрительно, должно либо становиться богаче благодаря своему трудолюбию, либо расходовать свой доход экономно и осмотрительно: так что я должен предположить, что нация, которой хорошо управляют, либо богатеет за счет внешней торговли, либо, по крайней мере, находится в состоянии не становиться от этого беднее.

Долг каждого государственного деятеля следить за поведением тех, у кого хранится иностранная корреспонденция, так же как долг главы семьи следить за тем, что он отправляет на рынок.

Я нахожу, что ученый мистер Хьюм придерживается мнения, что такого понятия, как торговый баланс, не существует, что деньги во всем мире подобны жидкости, которая всегда должна находиться на определенном уровне, и что как только в какой-либо стране этот уровень будет нарушен в результате какой-либо случайности, в то время как нация сохраняет численность своего населения и свою промышленность, богатство должно вернуться на прежний уровень.

Чтобы доказать это, он предполагает, что четыре пятых всех денег в Великобритании были уничтожены за одну ночь, следствием чего, по его воображению, было бы падение цен на всю рабочую силу и товары и что, таким образом, внешние рынки были бы полностью обеспечены этим трудолюбивым народом, который немедленно начал бы забирать обратно такую долю богатства, которая снова поставила бы их на один уровень с их соседями.

Это рассуждение согласуется с принципами, которые мы исследовали и смиренно отвергли в предыдущей главе; оба стоят на одном фундаменте и приводят к цепи следствий, совершенно отличных от всего плана данного исследования.

В мои намерения входит не столько опровергнуть мнения других, сколько кратко изложить их в обзоре. Общие утверждения, подобные тем, о которых мы говорили, являются истинными или ложными только в зависимости от того, насколько они понимаются как сопровождающиеся определенными ограничениями, применениями и лимитами: Поэтому я ничего не буду говорить о самом предложении, а только проверю, в какой степени из приведенного им примера внезапного уничтожения значительной части национального богатства могут естественным образом последовать последствия, которые он предполагает.

Для этой цели позвольте мне предложить другое следствие (отличное от того, что предлагает автор, и вытекающее из доктрины, которую мы установили), которое, возможно, может произойти после уничтожения четырех пятых всех денег в Великобритании. Я не буду обращать внимания на последствия, которые могла бы вызвать столь внезапная революция; автор не уделял им внимания, и поэтому я буду считать, что о них не может быть и речи. Я полагаю, что это событие произошло, цены были снижены, и все непосредственные неудобства были предотвращены. Мое единственное исследование будет направлено на неизбежные последствия такой революции в отношении внешней торговли, возврата уничтоженных денег и сохранения того же числа жителей и того же уровня промышленности, что и раньше. Если я могу показать, что одно только событие уничтожения денежной единицы и пропорционального снижения цен (которое я признаю следствием этого) приведет к уничтожению как промышленности, так и трудолюбивых, то впоследствии нельзя будет настаивать на том, что революция может привести к изъятию пропорциональной части общего богатства Европы, поскольку сохранение трудолюбивых рассматривается как необходимое условие для этой цели.

Итак, вот последствия, которые, по моему скромному мнению, весьма вероятно имели бы место в столь экстраординарной чрезвычайной ситуации; и я льщу себя надеждой, что мой читатель уже предвидел мое решение.

Жители Великобритании, которые в таком случае оказались бы во владении всеми экспортируемыми предметами первой необходимости и многими другими товарами, востребованными на зарубежных рынках, вместо того чтобы продавать их своим бедным соотечественникам по цене, пропорциональной тарифу нашего автора и уменьшению денежной единицы, которую он принимает за их эквивалент, экспортировали бы их во Францию, в Голландию или в любую другую страну, где за них можно было бы получить лучшую цену, и жители Британии умерли бы с голоду.

Если на это будет дан ответ, то вывоз будет запрещен. Я отвечаю, что такой запрет был бы весьма своевременным; но совершенно противоречил принципу открытия торговли и не мог быть эффективным, как справедливо замечает этот автор, когда говорит: “Можно ли представить, что все товары можно было бы продавать во Франции за десятую часть той цены, которую они давали бы по другую сторону Пиренеев, не находя пути туда и не извлекая из этого огромного сокровища?” Предположим, что эта фраза звучит таким образом. Может ли кто-нибудь представить себе, что провизию можно было бы продавать в Британии за четвертую часть той цены, по которой она была бы продана по ту сторону океана, не находя пути туда и не извлекая из этого огромного сокровища ничего? Это полностью согласуется с нашими принципами и разрушает все прежнее предположение м-ра Хьюма: потому что их вывоз уничтожил бы жителей.

Из этого я делаю вывод, что нация, пусть даже трудолюбивая и многолюдная, может довести себя до нищеты среди богатых соседей, подобно тому как частное лицо, пусть и богатое, может довести себя до нищеты среди развлечений и роскоши Лондона или Парижа. И что и тот, и другой, придерживаясь различного поведения, могут накопить огромные суммы богатства, намного превышающие долю их среди своих соседей.

Это не предмет для долгого обсуждения. Нация становится бедной не из-за импорта иностранных товаров и не из-за экспорта золота и серебра, а из-за потребления этих импортируемых товаров. В тот момент, когда начинается потребление, баланс меняется; следовательно, очевидно, что либо продавать дома, либо уничтожать конфискованные товары противоречит принципам, которые мы сейчас рассматриваем. Единственный способ возместить ущерб, нанесенный такими махинациями, - это экспортировать товары и, продавая их по дешевке в других странах, нанести ущерб торговле страны, которая первой их поставила. Из этого мы также можем заключить, что те нации, которые ведут торговлю с Индией, отправляя золото и серебро взамен в виде излишков самого потребляемого товара, потребление которого они запрещают у себя дома, в действительности тратят не свои собственные деньги, а деньги своих соседей, которые покупают их взамен для своего собственного потребления. Следовательно, нация может стать безмерно богатой за счет постоянного вывоза своей валюты и импорта всех видов потребительских товаров. Но ей не мешало бы остерегаться этого ремесла, когда его обитатели станут роскошествовать, чтобы не стать похожей на пьяницу, который начал торговать вином, чтобы отлично повеселиться со всеми своими друзьями, которые приходили к нему посмотреть; или на модистку, которой взбрело в голову носить тонкие кружева, которые она шила для своих покупателей.

Если богатая нация, где роскошь доведена до высшей степени, где жажда наживы служит стимулом к трудолюбию, где все бедняки заняты работой, чтобы повернуть баланс внутреннего богатства в свою пользу, если обнаружится, что такая нация потребляет не только весь труд жителей, но даже и труд других стран, у нее должен быть торговый баланс против этого, эквивалентный потреблению за границей; и это должно оплачиваться звонкой монетой или годовым процентом в счет уменьшения прежнего капитала. Если эта торговля продлится долго, у них не только закончатся металлы, но, возможно, они даже преуспеют в экспорте своих земель. Последнее кажется парадоксом, и все же в этом нет ничего необычного. Корсиканцы вывезли, то есть продали, лучшую часть своего острова Генуе; и теперь, потратив деньги на ношение дамаста и бархата, они хотят вернуть это обратно, конфисковав имущество генуэзцев, которые как заплатили за остров, так и вернули его цену за счет торгового баланса с этими островитянами. Хотелось бы, чтобы только Корсика являла собой пример такого рода.

Не является ли, следовательно, долгом государственного деятеля препятствовать потреблению иностранной продукции? Если бы гобелен или другую элегантную мебель, подобную той, что можно увидеть в некой великой столице Европы, разрешили ввозить в соседнюю страну, кто сомневается, что этот предмет принес бы этой стране деньги?

Можно ответить, что взамен может быть послано столько же элегантности другого рода. Верно; и было бы очень удачно, если бы это было так; но тогда вы должны предположить равенство элегантности в обеих странах и, более того, вы должны предположить взаимный вкус к соответствующим видам элегантности. Вкус одной страны, действительно, может быть общим для обеих; но может случиться, что вкус одной страны может не совпадать со вкусом другой,

хотя, по мнению третьей стороны, он, возможно, ничем не уступает. И разница может проистекать из того, что молодежь одной страны переезжает в другую, где жители остаются дома: обстоятельство, которое оказалось бы весьма пагубным для страны путешественников, если бы мудрый государственный деятель не предпринял своевременных запретов на определенные предметы иностранного потребления, предотвращающих дурные последствия пристрастия к тому, что его подданные не могут произвести.

Это дает намек на то, что в великой монархии, возможно, было бы неплохим правилом строить в столице дома для каждого министра иностранных дел, где общее распределение квартир каждого могло бы быть, насколько это возможно, аналогично вкусу страны, для министра которой это рассчитано; но что касается мебели, то она должна быть изготовлена из самых элегантных отечественных изделий, которые легко вывозятся, а также хорошо приспособлена к использованию и моде каждой зарубежной страны. Такое регулирование никогда не могло бы не оказаться весьма приемлемым, поскольку оно стало бы большой экономией для министров иностранных дел и незаметно привило бы им вкус к мануфактуре и роскоши страны, в которой они проживают. С другой стороны, я был бы настолько далек от того, чтобы ожидать ответной вежливости, что рекомендовал бы в качестве подарка каждому посланному за границу министру, который должен регулярно распродавать мебель по истечении срока своих полномочий. Такие расходы не стоили бы нации ни пенни и были бы средством пленения неосторожных незнакомцев, которых таким образом можно было бы заставить дорого заплатить за такие знаки вежливости. Я возвращаюсь.

Не будучи специалистом в подсчете экспорта и импорта или очень точным в сопоставлении различных курсов обмена между различными городами Европы, государственный деятель может сформулировать в качестве максимы, что какой бы иностранный товар, какого бы вида он ни был, ни был потреблен в стране, которой он управляет, пока торговый баланс не в ее пользу; и что, поскольку любой товар, произведенный либо на земле, либо трудом жителей, потребляется иностранцами, пока баланс в ее пользу.

Нацию в какой-то мере можно сравнить с деревенским джентльменом, который живет на своей земле. Я полагаю, в этом его все. Из нее он непосредственно черпает свое питание, возможно, в его семье шьют его одежду. Если он настолько бережлив, что никогда не ходит на рынок за какой-либо вещью, за любыми запасными продуктами, которые он может продать, - это чистые деньги в его кошельке. Если он время от времени позволяет себе бутылку вина, которого на его ферме не производят, он должен идти на рынок со своим кошельком в руке; и как только его бутылка заканчивается, я думаю, что он действительно становится намного беднее, чем был раньше. Если он пойдет дальше и увеличит потребление тех вещей, которые он вынужден покупать, у него закончатся деньги, которые были у него в кошельке, и он будет вынужден заниматься простым производством на своей ферме. Если этот сельский джентльмен беднее, то, несомненно, кто-то богаче; и поскольку это не кто-то из его семьи, это должен быть кто-то из его соседей.

Точно так же нация, у которой нет возможности обращаться к иностранным рынкам для обеспечения собственного потребления, безусловно, должна богатеть пропорционально своему экспорту.

Эти богатства снова будут циркулировать внутри страны не пропорционально внутреннему потреблению натуральных продуктов и мануфактур, а пропорционально отчуждению их за

деньги: избыточное богатство будет так или иначе застаиваться в руках собирателей денег, которые являются мелкими потребителями.

Пока найдется достаточное количество денег для осуществления взаимных отчуждений, эти собиратели денег не смогут использовать свое застоявшееся богатство внутри страны; но как только это накопление приведет к уменьшению денежной массы ниже той пропорции, которая будет сочтена необходимой для продолжения обращения, ее начнут выдавать займы и, таким образом, на некоторое время вернуться в обращение, пока под действием тех же причин она не вернется в свои прежние хранилища.

Следует ли здесь возражать, что при увеличении национального богатства деньги не могут застаиваться; поскольку *цены растут пропорционально их увеличению*, все дополнительные богатства должны быть брошены в обращение: несомненно, и разум, и опыт должны указать на слабость такого возражения.

Таким образом, пока сохраняется благоприятный баланс внешней торговли, нация с каждым днем становится богаче; и все же цены остаются регулируемыми, как и прежде, сложными процессами спроса и конкуренции; и когда одна нация становится богаче, другие должны становиться беднее: это пример благоприятного торгового баланса.

Когда этим избытком богатства пользуются только люди, живущие в роскоши, вместо того чтобы использовать его в корыстных целях само государство с целью закрепления приобретенных таким образом преимуществ, тогда баланс принимает противоположный оборот: это имеет место всякий раз, когда импорт из-за рубежа для потребления разрешается либо как удовлетворение роскошных желаний богатых, либо из-за роста цен на товары внутри страны вследствие внутренней конкуренции. Если это допускается исключительно в пользу первого, то это свидетельствует о легкомыслии и недостатке внимания, недостойных государственного деятеля; если же из-за второго, то это свидетельствует либо о незнании реальных последствий столь временного средства, либо о пренебрежении к благосостоянию низших классов народа.

Любое повышение цен внутри страны должно быть необходимым следствием многих внутренних обстоятельств и должно быть устранено путем их исправления, как было, я думаю, ясно сказано. Но пусть предположат, что из-за одного только *увеличения богатства* мануфактуры уже не могут производить работу так дешево, как другие нации; я думаю, что и из гуманности, и из благоразумия люди должны смириться с неудобством платить дороже. В гуманности, потому что, внедряя иностранные мануфактуры, вы морите голодом тех самых людей, которые своим трудом обогатили вас; в благоразумии, потому что, открывая свои порты для такого импорта, вы намеренно отказываетесь от того превосходства в богатстве, которое с таким трудом приобрели.

Я свободно допускаю, что конкретные люди не регулируют ни свои расходы, ни свои схемы получения денег с целью продвижения общественного блага. Тот, кому нужно купить пальто, будет очень рад найти вещь иностранного производства по дешевой цене; другой пожелает провезти контрабандой товар, на который наложена высокая пошлина. Но вопрос в том, должен ли государственный деятель допускать такое иностранное потребление? Я думаю, что это почти такой же вопрос, как если бы его задали, должен ли хозяин семьи при хорошей экономике разрешать своим слугам приглашать своих друзей выпить в его погреб, вместо того чтобы нести их в публичный дом.

Но предположим, что в нем говорится, что “открывая торговлю, вы уверены, что богатство естественным образом придет в равновесие во всех странах, и что все опасения по поводу неправильного торгового баланса являются лишь плодом мрачного воображения”. См. *"Политические рассуждения" м-ра Хьюма, раздел v.*

На это возражение можно дать несколько ответов. Первое, что именно для того, чтобы предотвратить такого рода равновесие, каждая нация беспокоится о себе: ибо под равновесием здесь понимается равенство богатства; и только богатые нации беспокоятся, как бы их не привели к такому равенству. В рассматриваемом нами вопросе речь идет о потере превосходства, под которым понимается перевес, оборачивающийся против нации. Следовательно, если в интересах нации, бедной по отношению к своим соседям, открыть торговлю, то богатство может, подобно жидкости, прийти в равновесие; я уверен, что в интересах богатой нации перекрыть вредные торговые пути такими препятствиями, как ограничения, пошлины и запреты на импорт; чтобы таким образом, как с помощью плотин, ее богатство могло удерживаться *выше* уровня окружающей стихии.

Другой ответ заключается в том, что открытие торговли не имело бы предполагаемого эффекта; потому что это разрушило бы промышленность, по крайней мере, в некоторых странах, если не везде. Производство должно быть действительно очень прочно налажено, чтобы не пострадать от какого-либо ущерба из-за разрешения импортировать аналогичные товары из других стран. Сама природа роскоши такова, что она часто побуждает людей потреблять из прихоти и новизны то, что действительно уступает домашнему производству. Можно ответить, что этот аргумент ведет двумя путями: ибо если нация из прихоти потребляет иностранные товары, почему другие нации также из прихоти не могут изъять те, которые остались под рукой? Это рассуждение может показаться убедительным в теории, которая не учитывает всех политических соображений. Но бедный фабрикант, который не может найти работу, потому что отрасль, в которой он работает, поставляется из-за границы, не может жить до тех пор, пока каприз иностранцев не заставит их потребовать его труда. Если определенное количество жителей занято в необходимой отрасли потребления, на нее должен сохраняться *определенный* спрос; и все, что может сделать это ненадежным, погубит предприятие и занятых в нем.

Третий ответ заключается в том, что любая нация, которая откроет свои порты для всех видов иностранного импорта, не будучи уверенной во взаимном разрешении всех своих соседей, я думаю, очень скоро разорится; и если это правда, то это доказательство того, что торговый баланс является возможным предположением, и что надлежащие ограничения на импорт могут обернуться в пользу государства.

Чтобы продвигать промышленность, государственный деятель должен действовать, а также разрешать и защищать. Могло ли когда-либо быть введено шерстяное производство во Франции, учитывая огромную выгоду, которую извлекла из него Англия, если бы король не взял на себя его поддержку, предоставив множество привилегий предпринимателям и наложив строгие запреты на все иностранные ткани? Есть ли где-нибудь еще какой-нибудь способ открыть новое производство?

Следовательно, полная открытость торговли имела бы такой эффект, что по крайней мере сначала уничтожила бы все предметы роскоши; следовательно, это уменьшило бы потребление; следовательно, уменьшило бы количество обращающейся наличности; следовательно, это способствовало бы накопительству; и, следовательно, привело бы к

бедности во всех *государствах* Европы. Я полагаю, ничто, кроме универсальной монархии, управляемой одними и теми же законами и управляемой в соответствии с одним хорошо согласованным планом, не может быть совместимо с универсально открытой торговлей. Пока существуют разные государства, должны быть разные интересы; и когда ни один государственный деятель не стоит во главе этих интересов, не может быть такого понятия, как общее благо; а когда общего блага нет, каждый интерес должен рассматриваться отдельно. Но поскольку эта схема, позволяющая полностью открыть торговлю, маловероятна, мы можем избавить себя от необходимости более подробно исследовать возможные ее последствия; достаточно заметить, что они должны быть чрезвычайно сложными по своей природе, и если мы упомянули некоторые из них, то лишь для того, чтобы применить принципы и показать, как последствия *могут* следовать друг за другом: предсказать, что *должно* последовать, чрезвычайно трудно, если не невозможно.

В речах, звучащий торгового баланса, я до сих пор считал ее лишь настолько, насколько это звонкой монетой страны, дополняется его. В следующей книге, когда у нас будет возможность еще раз затронуть эту тему, я покажу, как баланс может быть чрезвычайно благоприятным без увеличения массы драгоценных металлов, а именно, за счет обеспечения средств к существованию дополнительного числа жителей; за счет увеличения количества морских перевозок, что является статьей богатства; за счет превращения всех других стран в должников перед ним; за счет импорта многих товаров длительного пользования, которые также могут рассматриваться как предметы богатства; как хорошо обставленный дом, хорошо хранимый погреб, вместительный гардероб и прекрасная конюшня - это предметы, которые необходимы для жизни. повысить ценность наследства землевладельца.

Тогда у нас будет возможность показать, как промышленность повышает постоянную ценность нации, по мере того как сельское хозяйство увеличивает ее годовой продукт.

ГЛАВА XXX.

Различные вопросы и замечания, касающиеся торговли и промышленности.

Теперь пришло время подвести итоги этой книги. Тема торговли и промышленности неисчерпаема, если рассматривать ее во всех ее отраслях и проследить все следствия. Моим намерением было исследовать исходные принципы, которые влияют на общие операции и которые в большей или меньшей степени входят в каждую комбинацию. Я представлял торговлю в ее младенчестве, зрелости и старости и пытался прописать общий режим поддержания здоровья для каждого периода. Достаточно досконально владеть принципами, уметь применять их к конкретным случаям при условии, что будут точно известны все обстоятельства.

Цель этой главы состоит в том, чтобы рассмотреть некоторые части нашего предмета, которые, как я думаю, не получили должного освещения, чтобы их можно было пролить на них, предложить некоторые заметные различия между древней и современной экономикой в отношении обращения и промышленности; и, в целом, свести воедино определенные обстоятельства, которые могут указать на дух современности, из чего мы пытаемся извлечь набор последовательных принципов. Все, что указывает на отношения, полезно, потому что мы ничего не знаем, кроме как через этот канал. Теперь определенные отношения слишком часто

принимаются как должное, и нет ничего более существенного в политических рассуждениях, чем четко указать на них, действовать кратчайшими шагами и все же иметь перед глазами опыт и фактические данные, когда мы делаем вывод из общего положения. Пусть вывод кажется таким уж справедливым, но если при сравнении с опытом обнаружится расхождение, десять к одному, что мы упустили из виду какое-то обстоятельство, которое должно было привести к этой комбинации.

Чтобы проиллюстрировать это, позвольте мне процитировать мою собственную ошибку, которую я намеренно оставил не исправленной, во второй главе первой книги, где я очень уверенно заявляю, что государственный деятель, который в определенных случаях, которые кажутся благоприятными для привлечения больших сумм в пользу народа, увеличивает налоги только пропорционально процентам на взятые займы деньги, должно быть, близорук и не заботится о будущем. Это, я помню, представлялось мне в то время, когда я писал, настолько ясным и очевидным, что я подумал, что не рискую включать это в предварительную главу. Но когда я стал более детально разбираться в этом вопросе, я обнаружил, что жестоко ошибался, как я надеюсь наглядно показать в надлежащем месте. Если бы к каждой такой ошибке относились с таким же снисхождением, я был бы больше занят исправлением моих собственных промахов, чем преследованием моего предмета. Люди, которые с достаточной точностью рассуждают на подобные темы, обычно впадают в ошибки из-за общности своих утверждений. Обычно это может быть достаточно правдиво в рамках авторской комбинации на тот момент, и все же может быть неверно во всех других случаях. Из чего я делаю вывод, что каждый из моих читателей, который может составить более обширные комбинации, чем моя, найдет достаточно материала для критики на каждой странице этого исследования. Что ж, тем лучше: именно благодаря такой критике и дискуссиям отдельные отрасли знания обретают научную достоверность.

Чем проще любой план политической экономики, тем легче управлять им по общим правилам; чем сложнее он становится, тем больше государственному деятелю необходимо вступать в комбинации. Но когда общие правила установлены давно, они приобретают такую власть над умами людей, что любое отклонение от них кажется религиозной ересью: и как редко случается, чтобы народ был благословлен правителем, обладающим проницательностью для открытий, искусством убеждать и властью для выполнения плана, адаптированного к любому сочетанию обстоятельств.

В государстве не может произойти никаких изменений, кроме тех, которые выгодны тому или иному классу, и когда общественное благо требует положить конец таким преимуществам, всегда найдется множество недовольных людей. Следовательно, следует хорошо взвесить обстоятельства, прежде чем разрабатывать новые планы управления; и после их принятия те, кто претендует на критику, должны считать, что они наделены превосходящими талантами и лучшей информацией относительно всех обстоятельств, чем автор нововведения. По этой причине мало опасности в том, чтобы порицать мнение государственного деятеля, когда он его высказывает; но много опасности в том, чтобы придирается к его поведению, когда его мотивы неизвестны.

В предыдущих главах мы рассматривали природу и последствия обращения, эффекты увеличения и уменьшения денежной массы, а также доктрину м-ра Хьюма о торговом балансе.

Проницательность, с которой пишет этот автор, облегчает понимание его идей; и когда люди понимают друг друга, большинству споров вскоре приходит конец.

Поэтому, чтобы пролить немного больше света на природу торгового баланса между странами, позвольте мне рассмотреть следующие вопросы, пока тема предыдущей главы свежа в нашей памяти.

Задание. 1. Можно ли составить какое-либо суждение о состоянии торгового баланса страны, исходя только из количества найденных в нем денег?

Я отвечаю отрицательно. Значительная часть всех золотых монет Европы может быть найдена в стране, торговый баланс которой на протяжении многих лет оставался неизменным. Незначительную долю этого можно найти у другого, которому это так же регулярно удавалось в течение того же времени.

Баланс по каждому товару торговли может быть благоприятным для нации, которая тратит на иностранные войны больше, чем получает от них.

Баланс каждой статьи торговли может быть не в пользу страны, которая получает больше, чем все понесенные убытки, либо от своих рудников, либо от стран-данников, либо от тех, кто добровольно предоставляет субсидии по многим политическим соображениям.

Помимо этих разновидностей, существуют еще другие комбинации, относящиеся к самому виду. О деньгах, найденных в стране, можно сказать, что они принадлежат этой стране *абсолютно*, когда ни само государство, ни отдельные его жители не находятся в долгу перед иностранцами; или только так, *в силу займа*. Итак, независимо от того, заимствованы они или нет, собственность на них принадлежит стране; но разница состоит в том, что при заимствовании приобретение металлов ничего не добавляет к национальному достоянию, то есть таким образом не приобретает богатство; но когда оно приобретает промышленностью, деньги увеличивают реальную стоимость страны, в соответствии с принципами, изложенными в 26-й главе.

Не может ли тогда нация, имеющая очень мало золота и серебра, открыть миллионную подписку под такой-то *процент*? Не станут ли чужеземцы давать ей займы, когда ее собственные подданные не могут этого сделать? Не может ли она ежегодно, выплачивая проценты по взятым займам деньгам, и из-за тяжелого торгового баланса против нее постоянно уменьшать свою денежную массу, и все же посредством новых контрактов поддерживать и даже увеличивать массу обращающейся стоимости до такой степени, чтобы обладать большей долей денежной массы, чем кто-либо из ее соседей? Дальше,

Разве не очевидно, что все нации будут стремиться выбросить свои наличные деньги, не необходимые для их собственного обращения, в ту страну, где процент на деньги высок по сравнению с их собственными и где, следовательно, стоимость собственности на землю низка; поскольку они могут либо получать с нее высокий процент, либо приобретать прочную собственность? Таким образом, запрещение приобретения солидной собственности посторонними лицами является, по сути, запретом на безвозмездный ввоз наличных денег. Я допускаю, что могут быть примеры людей, совершающих такие покупки, с целью получения

ренты с купленных земель за пределами страны; но каковы бы ни были намерения на момент покупки, однако таково влияние сложившегося состояния в стране, что рано или поздно оно привлекает к нему владельца; и когда этого не происходит, обычно имеет место последующее отчуждение.

Следовательно, если бы покупка земель была разрешена повсеместно и было бы установлено, что собственность на землю определенной стоимости должна давать право на натурализацию, то, без сомнения, большие суммы были бы ввезены в те страны, где земли считаются самыми дешевыми; а поскольку взамен не дается никакого экспортируемого товара, денежными знаками таких стран могло бы обозначаться количество проданных земель, а также количество экспортируемых товаров. За неимением достаточного расширения этих и многих других комбинаций, которые было бы легко придумать, г-н Беллони в своей *диссертации о торговле*, глава I. Раздел 5. допускает несколько ошибок, когда судит об экспорте товаров определенной страны по количеству денег, находящемуся в ней.

Essendo adunque da ciòciò venuto (says he) che l'abondanza del danaro, ovunque si ritrovi, significa l'abodanza stessa delle cose, delle quali egli é misuramisura: perciò diviziosi meritamente sono stati detti quegli uomini, e ricco altersi quel regno, dove si ritrova gran copia di danaro. Dal altro canto poi, se si considera lo stato di un regno, ed il danaro, che è dentro di esso, tenendo sempre salda l'essenza della moneta (che altro non sia, che misura di cose, e prezzo, che viene in compenso di mercanzie) ovunque di essa vedrasi affluenza, ognuno ben vede, doversi subito necessariamente arguire, un gran traffico di quel dominio, con esito di merci, in uso degli esteri, e all'incontro ovunque questa venga a mancare, doversene dedurre grande introito di merci, che sieno subentrate nel luogo della moneta, e che l'abbiano fatta uscire.

Эти последствия имеют место лишь постольку, поскольку деньги поступают в страну или покидают ее в виде цены экспортируемого или импортируемого товара. Но сколько денег этот автор сам вывез в Рим из Англии только для вывоза счетов путешественников?

С другой стороны, разве страна, которая на самом деле обладает большим количеством золота и серебра, не может использовать эти металлы и вместо них пускать в обращение символические деньги? Не может ли тогда нация, так же как и частное лицо, использовать эти деньги в прибыльной внешней торговле и ежедневно извлекать из этого выгоду? Не может ли она через некоторое время отозвать свои запасы, взыскав долги? И разве она не может также обратиться в свою газету и остаться с дополнительным приобретением денег в кармане? Следовательно, во время обращения газеты нельзя составить никакого суждения о балансе ее торговли, изучив состояние ее денежной единицы; потому что я могу предположить, что в это время каждый ее шиллинг может оказаться в руках незнакомцев. Следовательно, самая богатая нация в Европе может быть самой бедной по обращающимся деньгам.

“Труды м-ра Джи (говорит м-р Хьюм в своем *Политическом рассуждении о торговом балансе*) повергли всю нацию в панический ужас, показав из длинного перечисления подробностей, что баланс настолько сильно склонился против нас и на такие значительные суммы, что в течение пяти или шести лет в Англии не останется ни шиллинга. Но, к счастью, с тех пор прошло двадцать лет, мы поддержали долгую и дорогостоящую войну за границей, и, тем не менее, принято считать, что денег в настоящее время в королевстве так же много, как и прежде”. Я цитирую по французскому переводу.

Мистер Джи был неправ, заключив, что торговый баланс приведет к уносу валюты; и мистер Хьюм был введен в заблуждение этой ошибкой, заключив, что расчеты мистера Джи были ложными. Я ничего не знаю относительно сути дела; также не знаю, был ли мистер Джи хорошим или плохим знатоком вопроса, который он рассматривал; но из того, что было сказано, я надеюсь, следует, что состояние монеты в Англии в то время, когда писал мистер Хьюм, не было доказательством ни с той, ни с другой стороны.

Судить о торговом балансе - это одно; судить о богатстве нации в денежной форме - совсем другое. Англия может значительно увеличить свою денежную массу за счет своей торговли и значительно уменьшить ее за счет своих войн: возможно, это действительно так. Кроме того, в определенное время торговый баланс может быть против нее; и большие суммы, потраченные на иностранные войны, могут стать средством вернуть его в ее пользу. Если бы эта нация начала выплачивать свои долги чужеземцам звонкой монетой, не могла бы она вскоре уменьшить, возможно, исчерпать ту монету, которой она сейчас владеет; и все же, несомненно, никто никогда не становился беднее, выплачивая свои долги. Нет ничего проще, чем получить наличные деньги, когда у тебя есть солидное имущество, которое можно заложить за него; и нет ничего хуже, чем покупать наличные деньги у незнакомцев за счет уплаты за них процентов, когда они могут создать обращающуюся стоимость в бумажных деньгах, представляющую собой твердую стоимость, которая должна была быть заложена незнакомцам за ссуду их металлов.

Но все же можно спросить, как это получается, что, несмотря на самый неблагоприятный торговый баланс, ни одна нация никогда не оказывается полностью лишенной своей валюты; и поскольку мы доказали, что валюта страны может уменьшиться из-за невыгодной торговли, каковы принципы, которые предотвращают ее полное растрачивание?

Это очень любопытный вопрос, который открывает дверь для множества новых идей, которые дадут массу поводов для размышлений, когда мы перейдем к более непосредственному рассмотрению кредита. Здесь я рассмотрю это в общих чертах, только ради применения изложенных нами принципов.

I. Можно сказать, что как обычная осмотрительность не позволяет частному лицу тратить все до последнего шиллинга, так подобная осмотрительность обычно побуждает людей прекратить торговлю, прежде чем она успеет полностью истощить их. Хотя большинство людей пьют вино, нет причин, по которым каждый организм должен быть пьян.

II. Нет ничего более сложного, чем торговый баланс, рассматриваемый многими странами. Общее богатство переходит от одного к другому, подобно тому, как деньги, которые фермер отдает землевладельцу, возвращаются обратно к фермеру. По количеству рук, через которые проходят деньги, одни принадлежат к классу роскошествующих, другие - к бережливым; первые представляют те нации, которые проигрывают из-за баланса, вторые - те, кто выигрывает. Но самые трудолюбивые нации из всех и те, кто, если рассматривать их отвлеченно от экстраординарных случайностей, оказываются на пути поглощения богатств остальных, в результате таких случайностей подвергаются ужасным репрессиям. Сколько миллионов, например, вернула Англия континенту в результате своих войн и субсидий? Затем она закладывает основу для еще многих лет благоприятного баланса, и, соответственно, мы видим, как он возвращается к ней, как деньги, которые государство тратит внутри страны, возвращаются в казну в конце года.

III. Можно спросить, как случилось, что ни одна нация никогда не тратила все до последнего фартинга, как это сделали многие отдельные люди? Я отвечаю, что я далек от мысли, что этого никогда не случалось; более того, я полагаю, что нет ничего более частого или знакомого, чем именно этот случай, при условии, что под богатствами страны здесь подразумевается не что иное, как вид, *абсолютно* принадлежащий ей самой, а не заимствованный у других наций.

Я сказал выше, что приобретение денег промышленностью увеличивало реальную стоимость страны в той же степени, что и приращение части территории: что же должно мешать народу тратить свои наличные деньги и в то же время сохранять свою землю? Из того, что молодой джентльмен, чей отец оставил ему прекрасное земельное поместье и десять тысяч фунтов наличными, потратил эти десять тысяч фунтов, следует ли из этого, что у него нет ни шиллинга? При таком взгляде на вопрос, я полагаю, будет признано, что идея доктора Свифта о том, что все золотые монеты Ирландии в скором времени будут экспортированы вследствие неблагоприятного торгового баланса, очень далека от химеричности и может быть совершенно верной; хотя в настоящее время их в обращении в шесть раз больше, чем когда-либо; точно так же, как человек, растрачивающий свое состояние, обычно имеет на руках больше денег, чем было у его отца, когда он их приобретал. Пусть Ирландия выплатит свои долги Англии, а затем пересчитает свои монеты. Пусть Англия выплатит свои долги всему миру, а затем взвесит свое золото и серебро. Предположим, что при подведении итогов счетов ни в одной стране не будет найдено ни одного шиллинга, является ли это каким-либо доказательством того, что они были аннулированы? Ни в коем случае: *монета - это одна из статей нашего богатства, но никогда не может быть его мерой.*

Я мало знаю о состоянии Ирландии; но если верно, что количество бумажных денег в этой стране растет с каждым днем, то это, я полагаю, потому, что звонкая монета ежедневно вывозится в Англию в виде доходов от поместий, принадлежащих людям, которые там проживают, и что ирландцы, вместо того чтобы выкупать ее обратно для собственного использования в обращении, увеличивают количество своей бумаги пропорционально прогрессу своей промышленности; и покупают только такое количество звонкой монеты, которое необходимо для оплаты баланса их торговли. Теперь, покупая наличные деньги, я не предполагаю, что они ввозят что-либо в Ирландию, чтобы отправить это обратно в Англию; но что они пересылают товары по стоимости, которую английские купцы выплачивают в звонкой монете или в английских бумагах тем, кто является кредиторами Ирландии, за стоимость их ренты и т.д.

Предположим тогда, для дальнейшей иллюстрации некоторых принципов, что все земли Ирландии принадлежат англичанам, проживающим в их собственной стране и ежегодно получающим из Ирландии доход, принадлежащий им, каковы были бы последствия? До тех пор, пока эта часть продуктов земли, которая идет в аренду (и которая, как мы уже сказали, является фондом, обеспечивающим существование свободных рабочих рук, которые сами покупают предметы первой необходимости), могла покупаться и потребляться самими ирландцами, то есть, другими словами, пока в Ирландии существовал спрос на эту часть плодов, за нее платили бы либо монетой, в уменьшении их денежной массы, либо чем-то, что могло бы быть обращено в деньги; то есть продуктами их промышленности и, таким образом, средствами торговли, поступали бы в Ирландию. руки английских собственников, либо в звонкой монете, либо в любой другой форме, которую они сочтут подходящей.

Что, как только спрос на эту часть фруктов снизится из-за нехватки денег или трудолюбия в Ирландии для их покупки, то, что останется в наличии, будет отправлено в Англию натурой; или путем торговли будет направлено в обращение с другими нациями (говядиной, маслом, салом и т. Д.), Которые дадут за это серебро и золото владельцам ирландских земель. Такое уменьшение спроса в стране на плоды земли означало бы сокращение населения Ирландии, потому что те, кто потреблял их раньше, больше не потребляют их; то есть они либо умерли, либо покинули страну.

В заключение отметим, что значительную часть ценности страны составляют ее продукты и мануфактуры; но из этого не следует, как утверждает м-р Беллони, что они должны с такой же необходимостью привлекать в эту страну пропорциональное количество золота и серебра Европы, как косяк мелких рыб привлекает водоплавающих птиц, или как благотворительность привлекает бедных, или как красота вызывает восхищение.

Задание. 2. Можно ли найти какое-либо правило, позволяющее судить о торговом балансе по состоянию денежной массы или, по крайней мере, воспринимать влияние этого баланса на увеличение или уменьшение массы богатств?

Можно ли предположить, что наличные деньги никогда не циркулировали между странами, но в порядке торговли и в обмен на экспортируемые товары, это было бы правилом.

В странах, где земля не производит ни золота, ни серебра и где эти металлы импортируются только в качестве продукции промышленности, баланс в их пользу с момента введения денежной единицы и по сей день будет измеряться количеством ее, которым они обладают. Здесь мнение мистера Беллони справедливо.

Далее, потребление, произведенное какой-либо нацией за тот же период лет, равно всему натуральному продукту и труду жителей за это время, *минус* количество такого продукта и труда, которое равно или было равноценно действительной национальной денежной единице.

С другой стороны, в странах, где золото и серебро производятся на земле, торговый баланс по отношению к ним с того времени, как эти металлы стали объектом торговли, и по сей день может быть оценен по количеству их, которое было экспортировано.

И далее, потребление, произведенное такими странами за тот же период лет, равно всему натуральному продукту и труду жителей за это время, *плюс* количество такого продукта и труда, которое равно или было равно количеству этих экспортированных металлов.

Эти положения являются слишком общими, чтобы их можно было сформулировать в качестве принципов, поскольку торговля не затрагивает каждое приобретение или отчуждение денежной единицы; но тем временем они могут служить иллюстрацией рассматриваемой нами доктрины, и даже во многих случаях могут быть признаны довольно точными. Например,

Если верно, что в какой-либо нации Европы сейчас имеется столько же серебра и золота, сколько было десять лет назад, и если эта нация в течение этого периода поддерживала, не занимая у иностранцев, дорогостоящую войну, которая могла стоить ей, я полагаю, пяти миллионов, то несомненно, что в течение этого периода внутреннее потребление должно было быть на пять миллионов меньше, чем естественный продукт, труд и прилежание жителей; сумма

в пять миллионов должна была поступить из-за границы в обмен на аналогичную стоимость продукции, труда и т. Д., Остающихся сверх того. выше их собственного потребления.

В этом предположении национальное богатство (металлы) остается таким же, как и прежде, изменяется только его баланс. Как осуществляется это изменение и каковы его последствия, можно выяснить, применив уже изложенные принципы.

Задание. 3. Каковы были последствия богатства до появления торговли и промышленности?

Я никогда не смогу в достаточной мере порекомендовать своим читателям сравнивать обстоятельства в экономике древности с современными; потому что я вижу множество изложенных новых доктрин, которые, я думаю, никогда бы не были затронуты, если бы на такие обстоятельства уделялось должное внимание. Я попытался показать, что цены на товары, но особенно на предметы первой необходимости, мало связаны или вообще не связаны с количеством денежной единицы в стране. Малейший анализ состояния обращения в разные эпохи укрепит наши рассуждения; но общий вкус к расточительству, который с каждым днем набирает силу, заставляет людей теперь начинать воображать, что богатство и обращение - синонимичные термины; тогда как нет ничего более противоречащего как разуму, так и фактам. Небольшой обзор этого вопроса в разные эпохи покажет его в более ясном свете, чем это могут сделать более абстрактные рассуждения.

Меня интересует вопрос, принесли ли рудники Потоси и Бразилии за эти двести лет Испании и Португалии больше богатств, чем сокровища, накопленные в Азии, Греции и Египте после смерти Александра, доставленные римлянам в течение двухсот лет, последовавших за поражением Персея и завоеванием Македонии.

Судя по сокровищам, упомянутым всеми историками, писавшими о завоевании этих царств римлянами, я не думаю, что был далек от истины, сравнивая сокровища бережливых греков с рудниками нового света.

Какое влияние на обращение оказало накопление этих огромных сокровищ? Конечно, ничего такого, что могло бы ускорить это: и ни один человек, хоть сколько-нибудь сведущий в древности, не станет утверждать, что обращающаяся в те времена монета составляла такую же долю в их сокровищах, как то, что в настоящее время циркулирует среди нас, соответствует богатству самого экономичного монарха Европы. Если кто-нибудь сомневается в этом, пусть послушает Аппиана, который говорит, что преемники Александра, обладатели этих огромных богатств, жили с величайшей бережливостью. Эти сокровища были тогда, как я уже сказал, реальным дополнением к стоимости их королевств, но не оказали ни малейшего влияния на цены. В те дни малого обращения цены на все вещи, должно быть, были чрезвычайно низкими не из-за большого их изобилия, а из-за небольшого спроса; и в доказательство этого я привожу пример страны, которая в течение пятидесяти лет в одно время обладала в *звонкой монете* значительно большей стоимостью, чем земля, дома, рабы, товары, природные продукты, движимое имущество и наличные деньги, в другое время. Этот пример привел мистер Хьюм, и я удивлен, что последствия этого не поразили его. Ибо, если деньги, которыми они располагали, были намного выше стоимости всего их имущества, движимого и недвижимого, то, конечно, это никогда не могло рассматриваться как отражение их трудолюбия, которое составляло столь малую часть целого. До Пелопоннесской войны Афины обладали сокровищем в десять тысяч

талантов; а пятьдесят лет спустя стоимость всех Афин, по нескольким указанным выше статьям, не превышала стоимости шести тысяч. *Политические рассуждения Юма о торговом балансе.*

Эти сокровища были израсходованы на войне, и они не были припасены ни для какой другой цели. Следовательно, я был прав, когда отмечал выше, гл. 22. эта война в древние времена имела тот же эффект, что и промышленность сейчас: это было единственное средство заставить богатство циркулировать. Но мир привел к общему застою в обращении, люди вернулись к прежней простоте своих нравов, и цены на средства к существованию остались на прежнем уровне, потому что не было увеличения аппетита или повышения спроса на какой-либо необходимый предмет. Вот и все о состоянии богатства в дни бережливости.

Римляне покорили все эти греческие царства и перевезли их сокровища в Рим. Республика пришла в упадок, и череда самых расточительных принцев, когда-либо известных в истории, сменяла друг друга на протяжении примерно двухсот лет. Затем эти чудовищные сокровища были пущены в оборот, и теперь я должен дать представление о последствиях, произведенных такой революцией.

Я уже отмечал (глава 28), что вследствие великой расточительности тех времен цены на излишки поднялись до чудовищной высоты, в то время как цены на предметы первой необходимости оставались чрезмерно низкими. Факт неоспорим, и любой, кто склонен убедиться в этом дальше, может заглянуть в ту ценную коллекцию примеров древней роскоши, богатства и в то же время простоты, которую можно найти в *диссертации мистера Уоллеса о численности человечества в древности и современности*, стр. 132. et seq.

Но как объяснить, что цены на излишки были такими высокими, в то время как предметы первой необходимости были такими низкими? Причина проста, исходя из принципов, которые мы изложили. Денежное обращение не имело никакого сходства с обращением в наше время: состояния наживались за счет коррупции, мошенничества, сотрясения мозга, грабежа и нищеты, а не за счет торговли и промышленности. Сенека накопил за четыре года 2 400 000 фунтов стерлингов. Авгур стоил 3 миллиона фунтов стерлингов. М. Энтони задолжал на мартовские иды 322 916 фунтов стерлингов и выплатил их до апрельских календ. Мы не знаем о таком обращении. Каждая революция была насильственной: сильные были жадными и расточительными, слабые были бедными и жили в величайшей простоте; следовательно, предметы вождения богатых были безмерно дороги, а предметы первой необходимости для бедных были чрезмерно дешевы. Это является подтверждением принципов, которые мы изложили в главе ii. 28. что цена средств к существованию всегда должна быть пропорциональна способностям многочисленных классов тех, кто покупает; что цена каждой вещи должна быть пропорциональна предъявляемому на нее спросу; и что во всех случаях, когда предложение может естественным образом увеличиваться пропорционально спросу, должна существовать определенная пропорция между ценой таких предметов и ценой средств к существованию. Теперь в примерах, приведенных м-ром Уоллесом, из тех товаров, которые были найдены по чудовищным ценам, мы находим только те, которые не могли быть увеличены в соответствии со спросом: вот их перечисление. Большие ослы, привезенные из Испании, павлины, прекрасные голуби, кефаль, миноги, персики, крупная спаржа, пурпур, шерсть, драгоценности, ковры, *биссиновые одежды*, рабы, искусные в изящных искусствах, картины, статуи, книги и награды тем, кто преподавал науки. Бросив взгляд на каталог, мы можем легко заметить, что чрезвычайная цена, должно быть, была вызвана невозможностью увеличить

предложение пропорционально спросу, а не избытком денег, который никак не повлиял на повышение цен на предметы первой необходимости. Дешевизна этих товаров, опять же, проистекала не из огромного изобилия, а потому, что цена должна была оставаться пропорциональной способностям многочисленных бедных; и потому, что увеличение богатства богатых никогда не могло увеличить их потребление каких-либо необходимых предметов. Если бы Римская империя управлялась в порядке и спокойствии, этот вкус к роскоши, осаждавший деньги в руках многочисленных классов, со временем привел бы к умножению числа трудолюбивых, к очищению земель; следовательно, к увеличению спроса на продаваемые продукты питания; следовательно, к повышению цен на них. И, с другой стороны, адекватная пропорция между услугами и вознаграждениями, предоставляемыми обществом, сдержала бы другую отрасль обращения, создавшую эти чудовищные состояния, а именно грабеж и коррупцию; и промышленность, получавшая регулярное поощрение, снабжалась бы в достаточном изобилии всеми предметами чрезвычайного спроса, такими как деликатесы, птицы, рыбы, фрукты и т. Д., И, следовательно, упала бы в цене. Но когда либо деспотизм, либо рабство были наследственным достоянием каждого человека при появлении на свет, мы не должны ожидать, что здесь будут действовать те же принципы, что и в эпоху, когда монархи и крестьянин рождались одинаково свободными, чтобы пользоваться тем, что было создано для них их предками.

Теперь я подойду ближе к сути и рассмотрю весьма примечательное различие между экономикой, действовавшей на практике несколько сотен лет назад, и экономикой настоящего времени в том, что касается метода сбора людей и денег.

Это изменение является следствием торговли и промышленности, и поскольку я готовил почву для рассмотрения других вопросов, которые в равной степени обязаны им своим существованием, возможно, будет уместно в этой последней главе указать на естественные причины этого изменения в современной политике. Когда люди рассматривают только следствия, не исследуя причин, которые их производят, они обычно опрометчиво обвиняют или впадают в праздное восхищение фортуной. Только прослеживая естественные причины, мы приходим к способу формирования твердого суждения о природе каждого злоупотребления и каждого преимущества.

Всеобщее стремление к развитию промышленности - вот что привело к появлению в обращении такого количества денег, а не открытие Америки. Мы читаем о сокровищах древности, которые, по-видимому, соперничают с богатствами современной Европы. Аппиан, цитируемый мистером Хьюмом, упоминает о сокровищнице египетских царей, составлявшей около двухсот миллионов фунтов стерлингов, и говорит, что все преемники Александра были почти так же богаты и столь же бережливы. Таким образом, бережливость совместима с величайшим богатством. Следовательно, богатство Америки не было причиной европейской утонченности; но расширение гражданской свободы вынудило владельцев сокровищ, к которым во все века стремился человек, открыть свои хранилища, чтобы нанять на службу тех, кто раньше составлял часть собственности самых богатых. Это основа торговли и промышленности.

Почему же тогда торговля и промышленность заложили основу для налогов и постоянных армий, которые кажутся столь противоположными тому и другому?

Я коротко отвечу, что эта революция внесла очень мало изменений в сами вещи; но что касается порядка вещей, разница велика. Торговля и промышленность не могут процветать без метода и регулярности; налоги и постоянные армии - это всего лишь систематическое выполнение старого плана сохранения мощи, безопасности и независимости народов Европы.

Налоги - это не что иное, как ликвидация тех услуг, которые раньше оказывались в натуральной форме. Постоянные армии становятся необходимыми, чтобы призыв богатых к роскоши, которые ненасытны в своем требовании служить бедным, не мог привлечь также и рабочие руки, необходимые для защиты государства. Личные услуги были налогами прежних времен. Пусть никто не воображает, что когда-либо какое-либо государство могло существовать без вклада своих подданных. Но более достоверным доказательством этого мнения является то, что в 1443 году, когда Карл VI был вовлечен в длительную войну с королями Англии, оспаривавшими у него монархию Франции, службы вассалов этого королевства (Сомюрским эдиктом от 14 сентября) были формально преобразованы в бессрочную *тайную* службу; и это можно рассматривать как основу регулярных вооруженных сил французской нации. В те дни никто и представить себе не мог, что такое навязывание будет деспотичным или несправедливым: и если те, кто продолжает подчиняться ему, оказываются под гнетом в настоящее время, то это только потому, что они продолжают оставаться в своем прежнем положении. Личные услуги - самое тяжелое из всех обязательств.

Задание. 4. Почему же, таким образом, против налогов так часто кричат, почему они кажутся таким новым изобретением и почему люди льстят себе мыслью, что существует возможность положить конец столь всеобщему угнетению? Я отвечаю, потому что люди обычно обращают внимание на слова, а не на вещи. В прежние времена большая часть жителей жила на землях и была обязана личной службе. Такого рода принуждение было знакомым, общим и равным; каждый класс людей был обязан оказывать услуги, аналогичные их рангу в государстве. Трудолюбивых, которые жили без какой-либо зависимости от земель и не пользовались привилегиями городов и корпораций, было так мало, что они не были объектом общественного внимания. Далее, большинство известных в то время привилегий были следствием земельной собственности; следовательно, эти независимые люди были в некотором роде беззащитны, они не были ничьими вассалами; следовательно, у них не было никого, кто интересовался бы ими; следовательно, они были добычей каждого, кто обладал властью, и никто не сожалел о том, что богатого человека, у которого было много наличных денег, и который, казалось, ничего не делал для этого, ограбил лорд, оказавшийся на службе своей стране. Во времена Крузад мы видим, насколько отвратительными были все эти собиратели денег; это были те, кого мы сейчас называем торговцами, и главным образом из ненависти к ним заимствование денег под проценты было объявлено антихристианским; потому что евреи в те дни были главным образом торговцами или ростовщиками.

В начале шестнадцатого века, когда принцы почувствовали вкус к великолепию, не найдя практически в пределах своей страны организации, способной обеспечить их, они отправляли во Фландрию и Венецию, великие торговые государства тех дней, товары многих видов. Это источник внешней торговли в Европе. Эти два государства, осознав огромную выгоду, полученную ими от этого нового вкуса к разгулу, оказали большое поощрение трудолюбивым. Если бы они начали облагать их высокими налогами, они бы все разорили. Таким образом, промышленность поначалу поощрялась и мало обременялась какими-либо налогами. Это полностью согласуется с нашей доктриной. Некоторые принцы, видя, как с каждым днем

уменьшается их богатство, предпринимали усилия, чтобы восстановить эту древнюю простоту, запрещая эту пагубную торговлю; другие, такие как Франциск I Французский и Генрих VIII. жители Англии делали все возможное, чтобы наладить промышленность в своих штатах. С этой целью трудолюбивым были предоставлены большие привилегии, которые, таким образом, увеличивались с каждым днем. Но эта революция, естественно, очистила земли, и благодаря этой операции уменьшилось число личных слуг; или, как во Франции, где личная служба подошла к концу, число тех, кто был подчинен *тайле*. Я не буду подробно останавливаться на этом прогрессе, но перейду непосредственно к периоду экстенсивного налогообложения. Когда промышленность была достаточно развита и когда нации начали хорошо снабжаться продуктами своей собственной земли, произведенными в тысяче различных форм их собственными трудолюбивыми подданными, государи вскоре заметили, что их сокровища тают, и ясно увидели, что без способа вытягивать деньги из этого нового класса жителей все богатство государства сосредоточилось бы в их руках; но способы добывания денег были чрезвычайно трудны. Владельцы богатств не имели соразмерной собственности, и их деньги были недоступны. Одни прибегали к насилию, другие - к мошенничеству: и то, и другое приводило к наихудшим последствиям. Насилие уничтожило промышленность и сделало трудолюбивых несчастными: ибо мы заметили, что, когда жителей однажды вытесняют с земель, у них не остается никаких ресурсов, кроме их трудолюбия; тогда как, пусть у крестьянина так часто отнимают его деньги, у него все равно остается земля, чтобы прокормиться. Мошенники развращали великих; министры принцев стали ужасом для каждого человека, у которого были деньги; они обогащались, принимая сочинения, и государство постоянно пребывало в нужде. Наконец, была введена схема пропорциональных налогов, но для этой цели необходимо было получить согласие всего государства, ибо власть ни одного князя не простиралась так далеко, и они еще не достигли того времени, когда могли расширить свои prerogatives. Поэтому такие наложения впервые были введены в республиках и при смешанном правлении. В монархиях они устанавливались с большим трудом, потому что великие были в равной степени затронуты ими, как и малые. Но когда длительные и дорогостоящие войны привели к тому, что запасы денег стали абсолютно необходимыми, тогда было принято решение о введении налогов; и князь, у которого не было достаточной власти, чтобы *установить* их, легко находил средства, чтобы *поддерживать их уровень*, когда они были однажды введены.

Исходя из этого прогресса, мы можем легко понять причину, по которой налоги вызывают протесты. Система кажется новой, потому что мы в какой-то мере помним удвоение налогов и видим, как они с каждым днем набирают силу; но мы никогда не задумываемся об изменении обстоятельств и редко обращаем внимание на последствия того нового вида обращения, которое осуществляется между общественностью и теми, кто в ней работает. Государство теперь оплачивает каждую услугу, потому что люди предоставляют ему деньги для этой цели.

Следовательно, если кровь выпускается в наше время из тысячи отверстий политического тела, то столько же абсорбентов (если мне будет позволено такое выражение) открыто для приема ее обратно. Исходя из этого последнего обстоятельства, я подразумеваю бессрочность налогов, пока господствует такая система политической экономии. Мы пока не видели примера того, чтобы какое-либо государство их отменило, хотя многие действительно рассматривали такую схему. Но, возвращаясь к моему предыдущему сравнению, я могу предположить, что если все отверстия, через которые вытекает кровь, должны быть перевязаны, то все абсорбенты, которые

питаются возвращающейся кровью, должны быть истощены. Но подробнее об этом в надлежащем месте.

Задание. 5. Почему постоянные армии являются следствием торговли и промышленности?

Во-первых, армии во все века, в прошлом, настоящем и грядущем, были, есть и будут рассчитаны на наступательную и оборонительную войну; следовательно, пока между людьми существует война, армии так или иначе будут необходимы.

Преимущество регулярных армий было известно во все века; и все же мы обнаруживаем, что на протяжении многих столетий они появлялись в таком виде, в котором их появление прекратилось; иными словами, мы не читаем ни о легионах, ни о полках, ни о каком-либо наименовании отрядов воинственных людей, которые содержались и упражнялись в мирное время, как это было принято во времена существования Римской империи; и теперь, когда установилась торговля, мы видим, что древнеримская военная экономика снова возродилась. Поэтому давайте применим наши принципы, чтобы объяснить и эту революцию.

Во времена Римской империи в государственную казну поступал очень большой поток денег, который происходил скорее от грабежа, чем от налогов. Следовательно, содержать крупные соединения регулярных войск было несложно.

С их помощью они покорили мир, как я могу это назвать, то есть все известные тогда вежливые народы: карфагенян, греков и азиатов. Если бы они остались довольны, их империя, возможно, существовала бы; потому что люди, которые богаты, роскошны и вежливы, обычно миролюбивы. Но ничто не могло удовлетворить их честолюбивых замыслов: они завоевали Галлию и расширили границы своей империи от Гибралтара до устья Рейна. На той стороне все было мирно, и за два-три столетия и Испания, и Галлия переняли дух, язык и манеры римского народа. Но когда они перешли Рейн, Дунай и Евфрат, они обнаружили, что человечество еще менее развито и очень мало известно. Их враги бежали перед ними и оставили территорию, которой не стоило владеть. Этот барьер самый сильный из всех. Ведя войну против таких людей, соперник был очень неравным; эти нации могли все приобрести и ничего не терять; римлянам было все потерять и нечего выиграть. Эти войны продолжались до тех пор, пока варвары не усвоили римскую дисциплину и не стали воинами. Для них это было самым прибыльным ремеслом, а также единственным средством обеспечения безопасности. То, что таков был план их экономики, ясно видно из формы правления, повсюду установленной ими. Там, где каждый свободный человек был солдатом, не было необходимости в регулярном ополчении.

Людьми управляют скорее предрассудки, чем разум: этому я приписываю внезапную перемену в правительстве Европы. Вместо одного человека, правящего миром, как это было при императорах, новый дух заключался в том, что все солдаты были равны, а король был всего лишь *primus inter pares*. Внезапная революция разрушила все: образование, промышленность, политику - все пошло прахом. *Сто лет варварства должны разрушить плоды тысячи веков вежливости*. Это дата уничтожения постоянных армий. Могущественный принц, такой как Карл Великий, действовавший в высоких сферах и сделавший мир своим, мог бы еще при жизни установить старую экономику. Но повсеместное установление феодальной формы правления, которая, без сомнения, была наилучшей для сохранения великой империи, повсюду наполненной варварством, в сочетании со слабостью преемников этого князя ввели новую форму, менее варварскую, чем первая, но в равной степени совместимую с многочисленным

постоянным ополчением. Каждый барон становился сувереном, а его вассалы приучались к оружию; но поскольку они были вынуждены работать за плугом для пропитания, а также в лагере, войны велись параллельно с сельским хозяйством. Определенные месяцы в году были отведены для войны, другие - для мира. Добиться этого было легко: война постоянно была на пороге; кампания завершалась за неделю, потому что ближайший сосед каждого человека обычно был его злейшим врагом.

Европа оставалась в этом общем состоянии замешательства в течение нескольких столетий. Власть князей в тот период была крайне шаткой, и когда какой-либо стране случалось оказаться под управлением того, кто обладал талантами объединять своих подданных, он становился настолько грозным, что противостоять ему не было никакой возможности. В те дни было трудно сформировать представление о балансе сил, потому что не существовало правила, определяющего силу наций. При Оттоне Германия угрожала Италии цепями; при Эдуарде и Генрихе Англия, казалось, была на пути присоединения всей Франции к своей монархии; Фердинанд католик заложил фундамент испанского величия, а его преемники справедливо претендовали на универсальную монархию в Европе. В наши дни приобретение небольшой провинции, более того, значительного города, не может быть достигнуто путем завоевания без общего соглашения между всеми державами Европы, и те, кто хорошо знаком с иностранными делами, могут за минуту оценить силу государей по войскам, которые они в состоянии содержать; нет ничего проще, чем изобразить на листе бумаги состояние всех вооруженных людей в Европе. Принц вряд ли может пополнить роту солдатом, но об этом знает весь мир. За исключением степени их доверия и талантов их генералов и советников, все, что связано с властью, становится объектом расчетов. Следовательно, баланс сил, ранее неизвестный, теперь стал привычным. На самом деле этого достаточно; давайте теперь рассмотрим, почему *торговля и промышленность* породили столь регулярную систему ведения войн.

Причина в том, что в государстве, где они введены, каждая вещь должна быть исправлена, иначе все пойдет прахом. Содержание больших армий - это остатки того буйного духа, который вдохновлял королевскую власть на протяжении стольких веков. Вся литература наполнена воинственными настроениями, от книги Моисея до газет наших дней. Молодой человек не может научиться читать, не впитав в себя огонь войны. Но поскольку ничто так не очевидно из рассмотрения тотальной революции в духе народов Европы, как то, что война несовместима с процветанием современного государства, я иногда позволяю своему воображению уносить меня так далеко, что я верю, что близок момент, когда война прекратится. Но в политических вопросах нет такой вещи, как предсказание: всеобщий мир - это случайное следствие, которое может предотвратить тысяча случайностей; и одна из них заключается в том, что весь план современной политики может быть разбит вдребезги еще до того, как правители поймут, что в их интересах сохранять спокойствие. Амбиции одного вооружают всех остальных, и когда они становятся во главе своих армий, из-за нехватки денег созывается конгресс, но не для заключения мира, а для того, чтобы у сторон было несколько лет на то, чтобы собрать новые силы.

Следовательно, не торговля и промышленность породили постоянные армии, они лишь сделали войну невозможной без них. Поводом к войне служит честолюбивое стремление князей расширить свои владения, а иногда даже расширить свою торговлю. И мы ежедневно видим, как становится трудно предоставлять войска для этой цели, и ни по какой другой причине, а в большей степени из-за прогресса торговли и промышленности. У тех, у кого есть

деньги, не может быть мужчин, у тех, у кого есть мужчины, не может быть денег. Разве мы не видим, как величайшая монархия в Европе, государь, у которого больше всего миллионов подданных, не может сохранить тот уровень власти, который он себе назначил (*его политический статус, необходимый для войны*), без корпуса численностью более тридцати тысяч иностранцев, во время самого глубокого мира и после величайшего сокращения, которое считается соответствующим безопасности страны? Они стоят значительно дороже, чем национальные войска, и храбрецы всех стран одинаковы; так что единственная причина содержать такой большой отряд иностранцев - это способствовать пополнению, когда этого требует случай; и не щадить подданных, готовых служить, но щадить сельское хозяйство и промышленность, после того как их станет недостаточно, для пополнения того контингента войск, который, как показал опыт, должен быть пропорционален таким излишкам.

Из этого краткого изложения позвольте мне вывести принцип. Что поскольку каждое государство имеет потребность, согласно нынешней системе Европы, в определенном количестве вооруженных людей для своей защиты, то первой заботой государственного деятеля является выяснить, сколько может насчитываться тех из его подданных, которые охотно предпочитают условия, предлагаемые для военной службы, занятиям промышленностью. Если он обнаружит, что они превышают количество, требуемое для набора в армию, это хорошая причина уменьшить жалованье; до тех пор, пока поощрение не достигнет уровня требуемого предложения. Если, напротив, количество добровольцев падает ниже требуемого стандарта, он должен изучить состояние баланса между работой и спросом, прежде чем сможет оказать какое-либо дальнейшее поощрение. Если этот баланс уравнивается, он должен позаботиться о том, чтобы жалованье, выдаваемое солдатам, не было таким высоким, чтобы заставлять людей из низшего класса прибыльной промышленности дезертировать из нее.

К каким мерам, следовательно, можно прибегнуть? Их два. Либо нанимать иностранные войска, как делают многие государства; и я полагаю, на то есть веские причины, только потому, что это делается. Но я бы предпочел другой метод, который заключается в создании нового класса жителей, предназначенных для снабжения армии, на основе изложенного выше принципа, согласно которому тот, кто кормит, может иметь столько ртов, сколько ему заблагорассудится.

Поэтому я установил бы жалованье военным в размере ниже прибыли полезной промышленности и согласился бы на то, что следует предложить. Для расширения этого класса я бы принял всех детей мужского пола, которые должны быть переданы или разоблачены их родителями. Их следует разводить для всех видов работ, для которых у государства есть возможности, и их количество можно было бы довести до двадцати *процентов*. выше того, что можно было бы счесть необходимым во время самой жаркой войны. Только из этого класса могли быть набраны постоянные войска: те, кто оставался, могли быть наняты на любую государственную службу; например, на арсеналы, в доки, на шоссе, в общественные здания и т. Д. Заботясь о детях всего этого класса, их число увеличилось бы до того уровня, который можно было бы счесть необходимым. Поддерживался бы тот же дух; они могли бы служить по очереди, и все стали бы дисциплинированными. Во многих случаях это хорошая схема, улучшающая распределение жителей: исполнение происходит постепенно, поэтому внезапной революции не предполагается. Но это пригодно только для государства, которое может увеличить свою численность, не добывая средств к существованию извне. Это сэкономило бы землю и мануфактуры и стало бы готовым выходом для всех статистов любого класса.

К этой теме мы вернемся в пятой книге, когда перейдем к применению суммы налогов. В настоящее время это нашло свое место только потому, что поддержка национальной силы была включена в число объектов внимания тех государственных деятелей, которые стоят во главе богатых и процветающих стран, потерявших свою внешнюю торговлю.

Задание. 6. По каким принципам следует оценивать относительную силу наций?

Без некоторых ограничений ни один вопрос не может быть более трудным для разрешения, чем этот; поэтому его следует рассматривать только в той мере, в какой он подпадает под влияние определенных принципов. Оценить реальную силу нации так же невозможно, как оценить силу любого значительного количества пороха, и по той же причине. Нация не может задействовать всю свою силу сразу, точно так же, как порох нельзя воспламенить сразу, и последовательные усилия маленькой державы никогда не бывают одинаково эффективны при важном потрясении великой. Следовательно, по мере того, как дух отдельных людей побуждается соглашаться с общественной мерой, народ становится могущественным; и поскольку я не знаю ни одного принципа, который мог бы регулировать подобные настроения ума, мы должны полностью отбросить их и измерять могущество наций количеством людей и денег, находящихся в распоряжении государственного деятеля, в соответствии с установленной им экономикой. Позвольте мне тогда предположить две нации, где количество жителей и вес золота и серебра абсолютно одинаковы, военный гений и дисциплина совершенно равны. Исходя из сказанного, мы должны определить, что сильнейшей является нация, которая, не нарушая экономики своего государства, может привлечь наибольшее количество людей и привлечь наибольшее количество денег в государственную казну.

Когда приводится количество жителей, первое, что нужно знать, - это характер продукции страны, будь то в основном кукуруза, вино или пастбища: чем больше обрабатывается земля и чем больше урожаев она дает ежегодно, тем меньше свободных рук она будет содержать пропорционально общему количеству, тогда этот расчет должен проводиться на основе принципов, изложенных выше, книга I. Глава 8.

Когда вы попадаете в число свободных рук, вы должны оценить состояние роскоши. Справедливо говорят, что роскошь изнеживает нацию, потому что великое множество рук, занятых снабжением богатых орудиями ее производства, значительно уменьшает число тех, кто может быть использован на войне. Если фабрикантов и людей, привыкших к оседлому образу жизни, в определенном возрасте отрывать от ремесел для составления армий, из них получатся плохие солдаты; а сила нации заключается главным образом в доблести и стойкости солдат. Следовательно, роскошь изнеживает нацию в целом; но отсюда не следует, что самая роскошь является самой изнеживающей и наиболее неподходящей для войны; напротив, они считаются самыми храбрыми и наиболее подходящими. Изнеженность и низость ума, если говорить о храбрости, присущи большинству людей, ведущих оседлый образ жизни. Истинность этого можно было бы доказать на многих примерах из древней истории, если бы нынешнее положение Европы оставляло хоть малейшее место для сомнений в этом.

Следовательно, чем больше в стране царит роскоши, тем меньше в ней может быть хороших войск, и *наоборот*. Но недостаточно иметь людей для войны, люди должны иметь возможность существовать, а при современном способе ведения войны их существование и другие расходы требуют больших сумм денег. Затем мы должны исследовать, какая доля общего богатства может быть использована для этой цели.

Если в какой-либо стране богатство находится в руках немногих, государство будет бедным; потому что богатство общественного достояния в значительной степени зависит от правильного и пропорционального распределения богатства среди жителей. Богатство приобретается только тремя способами. Во-первых, безвозмездно, например, путем наследования, дарения или тому подобного; во-вторых, прилежанием; и, наконец, нищетой. Те, кто беден, редко обогащаются безвозмездно, никогда за счет нищеты и всегда за счет трудолюбия; когда бедняк богатеет в каком-либо штате, он изменяет баланс богатства, поскольку то, что добавляется к нему, отнимается у другого. Когда преобладает дух трудолюбия, баланс всегда меняется в пользу трудолюбивых, а поскольку это довольно общее правило, что богатые не самые трудолюбивые, то баланс обычно меняется против них. В таком случае, чем больше будет преобладать промышленность, тем быстрее произойдет эта революция. Благодаря таким революциям богатство становится *равномерно распределенным*; ибо под *равным распределением* я имею в виду не то, что каждый индивид получает *равную* долю, а равные шансы, я могу сказать, уверенность, разбогатеть пропорционально своему трудолюбию. Богатства, приобретенные по наследству или любым другим безвозмездным способом, ни в малейшей степени не способствуют обращению, владелец, как уже было сказано, лишь меняет свое имя. Деньги, созданные в результате бедности или накопления, вместо того, чтобы увеличивать, очевидно, уменьшают обращение. Следовательно, только благодаря трудолюбию богатство приводится в обращение, и только благодаря его обращению деньги полезны. Когда большие суммы хранятся под замком, они ничего не производят; следовательно, они хранятся под замком не для того, чтобы быть полезными, пока они остаются в секрете; но чтобы они могли быть полезны, когда их извлекут наружу для отчуждения. Следовательно, в государстве, где есть несколько очень богатых и много очень бедных, должно быть много запертых денег; ибо без денег никто не может быть богатым, и если бы они не были заперты, то попали бы в руки бедных. Почему? Потому что богатые не будут отдавать это богатым безвозмездно и не будут трудиться, чтобы приобрести это; либо тогда простые люди должны быть ленивы и не желать работать, либо богатые должны быть настолько скупы и пристрастны к накопительству, чтобы не допустить попадания этого в руки бедных. В обоих этих случаях, если в стране есть деньги, они должны быть найдены в казне.

Исходя из этих положений, можно заключить, что богатство, которое ничего не производит для своего владельца, не может, как предполагается, производить что-либо для государства: следовательно, то государство, в котором наблюдается наиболее быстрое денежное обращение, является, *при прочих равных условиях*, тем государством, в котором наибольшая доля общего богатства может быть собрана для общественных нужд. Это все, что необходимо соблюдать в настоящее время: когда мы изучим природу кредита и налогов и принципы, на которых они могут взиматься в разных странах и при разных формах правления, мы обнаружим больше правил для оценки силы различных государств.

Принципы промышленности были настолько переплетены с принципами торговли во всех главах этой второй книги, что теперь уместно, прежде чем мы оставим этот предмет, немного изучить природу первого, рассматриваемого более абстрактно и более отстраненно от его связи с данным для него эквивалентом, который является надлежащей характеристикой торговли и из которого проистекает тесная связь между ними.

Целью нашего исследования до сих пор было открытие метода вовлечения свободных людей в развитие того и другого, как средства обеспечения непринужденной жизни в их обществе путем

взаимного содействия удовлетворению потребностей друг друга. Давайте теперь рассмотрим некоторые дальнейшие следствия. Теперь мы должны бросить взгляд на другой вид этого обширного ландшафта, где наше внимание должно быть приковано не столько к личным преимуществам, непосредственно ощущаемым в этой пологой полосе взаимной зависимости, сколько к эффектам, производимым промышленностью на внешний вид вещей и нравы людей.

Чтобы лучше передать эту идею, которая кажется мне несколько мрачной, позвольте мне сказать, что до сих пор мы рассматривали наш предмет в соответствии с принципами, которыми должен руководствоваться государственный деятель, продвигая торговлю и промышленность, привлекая богатых к раздаче хлеба бедным. Теперь мы должны исследовать последствия, вытекающие из исполнения этого плана; и сравнить разницу между страной, населенной народом, в изобилии обеспеченным без трудолюбия, и страной, занятой другим народом, который существовал этими средствами; и далее, мы должны исследовать трудолюбие как производящее эффекты, более или менее вредные для простоты нравов, и более или менее постоянные и полезные, в зависимости от того, насколько оно было направлено на различные цели.

Я легко могу представить себе нацию, живущую в величайшей простоте, даже ходящую голышом, но обильно питающуюся либо спонтанными плодами земли, либо сельским хозяйством, соразмерным потребностям каждого, и где происходит очень мало отчуждения или обмена. От этой примитивной жизни, как я мог бы это назвать, степень трудолюбия, подобно незаметным оттенкам, может увеличиваться; и увеличение, как я понимаю, должно измеряться не столько степенью занятий, которыми занимаются жители, сколько количеством перестановок среди них; потому что я думаю, что перестановка подразумевает избыток чего-либо^[N].

N. Наши прародители, помещенные в Рай, были вскормлены из рук Божьих и освобождены в силу особенностей своей природы от всякого беспокойного животного желания. После грехопадения весь человеческий род был занят изобретением и применением методов для удовлетворения потребностей, которые являются последствиями таких желаний.

Отсюда я делаю вывод, что, если бы грехопадения никогда не произошло, занятия человека были бы совершенно иными, чем они есть в настоящее время. Да будет мне позволено предположить, что в таком счастливом состоянии он мог бы быть наделен способностью передавать свои самые сложные идеи с той же ясностью, с какой мы сейчас передаем идеи, относящиеся к геометрии, числам, цветам и т. Д. Из этого я делаю вывод, что между людьми не было бы ни разницы в чувствах, ни споров, ни соперничества. Прогресс в приобретении полезных знаний, удовольствие от сообщения об открытиях сами по себе обеспечили бы запас счастья, столь же неисчерпаемый, как и само знание.

Следовательно, человечество установило систему жизни без труда, без прилежания, без потребностей, без зависимости, без подчинения; следовательно, если бы они оставались в этом состоянии, течение времени не произвело бы никаких изменений ни в чем, кроме состояния знаний. Изгнанный из Рая, человек начал пахать землю, следовательно, изменять ее поверхность: он строил дома, наводил мосты, прокладывал дороги и постепенно, в разные века, приходил к тому, чтобы угождать своим склонностям бесчисленными занятиями и

стремлениями, постоянно диктуемыми ему его потребностями, то есть его несовершенствами и желаниями, которые они внушают. Когда они удовлетворены, его физическое счастье переносится настолько далеко, насколько это возможно; но поскольку человечество редко пребывает в состоянии удовлетворенности и что наша природа постоянно побуждает нас добавлять что-то новое к нашим прежним удовольствиям, поэтому естественно случается, что общества, однажды созданные и живущие в мире, переходят от одной степени утонченности к другой, то есть человек с каждым днем становится все более трудолюбивым.

Тогда народ живет в предельной простоте, когда земля настолько общая, что никто не может приобрести ее в собственность, кроме как в силу обладания ею как средством существования; и когда каждый занят обеспечением необходимым себя и тех, кто ему принадлежит. В тот момент, когда у кого-либо появляется возможность для независимого от него служения другому, у него должен быть эквивалент, который он мог бы отдать. Этим эквивалентом должно быть что-то подвижное, какой-нибудь плод земли, чистый или измененный, излишний, необязательный, а не сама земля, потому что это основа его существования; и он никогда не сможет отчуждать то, что существенно для его существа, чтобы приобрести излишек. Из этого мы можем вывести принцип, согласно которому отчуждение потребляемых товаров является следствием только избытка, поскольку это опять же является проклятием простоты. Следовательно, тот, кто хочет довести простоту до предела, должен запретить всякое отчуждение; следовательно, всякую зависимость между людьми; следовательно, всякое подчинение: каждый должен быть полностью зависим от своего собственного труда, и ни от чего другого.

Если бы человек был либо возвращен к своему первобытному состоянию невинности, либо низведен до состояния жестокости; если бы его устремления были либо чисто духовными, либо простирались не дальше удовлетворения его животных желаний и приобретения необходимых ему физических благ, такая экономика могла бы быть совместима с обществом. Но поскольку мы находимся в промежуточном состоянии между этими двумя и имеем определенные желания, которые присущи и тому, и другому, удовлетворение которых составляет то, что мы назвали нашей *политической необходимостью* (которую мы не можем обеспечить себе сами, потому что сама природа этого подразумевает превосходство и подчинение, а также взаимную зависимость между людьми), полное препятствие отчуждению становится совместимым с правительством, следовательно, с человеческим обществом; и в этом случае любая простота нравов лишь относительна. Наши отцы считали нравы своих предков простыми, они же восхищались простотой патриархов; и, возможно, придет время, когда нравы восемнадцатого века можно будет назвать благородной простотой древних.

Поскольку простота нравов, следовательно, относительна, давайте решим, что до тех пор, пока избыток приносит больше пользы в обеспечении бедных, чем вреда в развращении богатых, это следует одобрять до сих пор и не более.

Здесь утверждается, что, поскольку избыток полезен только постольку, поскольку он обеспечивает пропитание бедным, почему бы не обратить занятия промышленностью на объекты, которые не могут развратить разум? Почему, вместо изысканных одежд, изысканных развлечений, великолепной мебели, резьбы, позолоты и вышивки, со всем великолепием, которое можно увидеть во дворцах, садах, операх, балах и маскарадах, процессиях, балаганах, скачках и развлечениях всякого рода, почему, спрашиваю я, не могли бы массы людей, занятых в обеспечении этих преходящих удовольствий человеческой слабости (чтобы не называть их

худшим именем), быть задействованными в строительстве дорог, мостов, каналов, фонтанов, укреплений, гаваней, общественных зданий и тысячи других работ, одновременно полезный для общества и служащий хорошим примером для последующих поколений? Подобные занятия являются вечными памятниками величия, они приносят непреходящую пользу и их нельзя сравнивать с мелочной промышленностью наших дней, как египетскую пирамиду нельзя сравнивать с роскошью Клеопатры или *аппиеву дорогу* с ужинами Гелиогабала. Таков был вкус в добродетельные дни древней простоты: величие народа проявлялось в великолепии полезных дел, а когда добродетель исчезла, на смену ей пришла роскошь, напоминающая современную. Акведуки, общая канализация, храмы, шоссейные дороги и места захоронений были украшениями консульского Рима. Имперское величие этого города сияло в амфитеатрах и банях; и низость нравов (говорят покровители простоты), которая привела к упадку, должна была бы ужаснуть тех, кто оправдывает современную роскошь и распутство.

Чтобы представить этот вопрос в ясном свете и отдать справедливость как древним, так и современным людям, давайте еще раз приступим к исследованию обстоятельств и поищем следствия в причинах, которые их порождают. Они одинаковы во все века; и если манеры различны, разницу следует учитывать, не нарушая принципов разума и здравого смысла.

Задание. 7. Каким же образом, следовательно, государственный деятель может наладить промышленность, чтобы не разрушить простоту и не вызвать внезапной революции в нравах своего народа, высшие классы которого, как предполагается, должны жить в безопасности, в покое и счастье; и в то же время, чтобы обеспечить всем необходимым того, кто может испытывать нужду?

Наблюдения, которые мы собираемся сделать, укажут на ответ на этот вопрос: они еще больше раскроют политическую экономику древности и объяснят, почему нравы оставались такими чистыми от порочной роскоши, несмотря на проводимые великие и пышные работы, которые наводят нас на столь возвышенное представление об их полезном великолепии и благородной простоте. Эти наблюдения также подтвердят справедливость различия, проведенного в первой главе этой книги, между трудом и прилежанием, показывая, что *труд* всегда может быть добыт, даже силой, за счет обеспечения человека его физическими потребностями, из которых не может возникнуть избытка; тогда как прилежание может быть установлено только с помощью адекватного эквивалента, пропорционального не абсолютно необходимому, а разумному желанию трудолюбивых; этот эквивалент впоследствии становится средством распространения склонности к роскоши среди всех классов народа.

Если государственный деятель обнаруживает, что определенные люди нуждаются, он должен либо накормить их, и в этом случае он может использовать их по своему усмотрению; либо он должен предоставить им участок земли, чтобы они могли прокормиться. Если он отдает землю, он не может требовать за нее эквивалента, потому что человек, у которого ничего нет, не может отдать ничего, кроме своего труда; и если он вынужден трудиться ради пропитания, он не может купить трудом саму землю, которая является его целью. Если спросить, что лучше для государственного деятеля - давать пищу или давать землю? Я думаю, будет совершенно очевидно, что первое - лучший путь, потому что тогда он может потребовать эквивалент; и поскольку в любом случае человек сыт, результатом его труда всегда является явная выгода. Но для того, чтобы давать пищу, он должен иметь ее, чтобы давать; в этом случае это должен быть либо избыточный продукт общественных земель, либо вклад народа. В обоих этих случаях

подразумевается труд, выходящий за рамки личных потребностей тех, кто трудится на земле. Если этот фонд будет использован для раздачи хлеба тем, кого он нанимает для улучшения почвы страны в целом, это не приведет к немедленному разрушению простоты их нравов; это только увеличит фонд их существования. Если он использует их для строительства шоссейных дорог, акведуков, общих коллекторов, мостов и тому подобного, это расширит соответствие между различными местами страны и сделает жизнь в городах более легкой и приятной; а эти изменения имеют очевидную тенденцию разрушать простоту. Но здесь позвольте заметить, что простоте отдельных людей не вредит индустрия, ведущаяся за счет общества. Излишки пищи, имеющиеся в распоряжении государственного деятеля, раздаются нуждающимся людям, которые заняты облегчением *потребностей общества, а не частных лиц*. Но если вследствие проложенных дорог какой-либо житель будет склонен переезжать с места на место в колеснице, вместо того чтобы ездить верхом или пешком, он должен нанять кого-нибудь для изготовления машины: это дальнейшее расширение занятий со стороны тех, кто трудится; но последствия занятий совсем иные, если рассматривать их с точки зрения простоты нравов. Причина проста: изобретательность здесь должна быть оплачена; и этот избыток в руках рабочего является средством для того, чтобы он стал роскошным.

Трудолюбие разрушает простоту нравов в том, кто дает эквивалент избыточному предмету; а данный эквивалент часто порождает у рабочего второстепенный вид роскоши. Поэтому, когда трудолюбие находит поддержку со стороны людей, которые дают эквивалент для удовлетворения растущих желаний, это является доказательством того, что они отказываются от простоты своих манер. В данном случае нужды и вожеления человечества доказывают, что матерью промышленности, как предполагалось в первой книге, является промышленность Европы, потому что, фактически, промышленность Европы обязана только этой причине.

Но промышленность древних времен была совсем иной, когда множество рабов, готовых выполнять все, что требовало либо государство, либо их хозяева, только за эквивалент простого содержания, препятствовали тому, чтобы богатство когда-либо попало в руки трудолюбивых свободных людей; и тот, у кого нет обратного эквивалента, который можно было бы дать для удовлетворения желания избытка, должен оставаться в своей прежней простоте. Следовательно, труд тех дней, не производивший обращения, не мог испортить нравы людей, потому что, оставаясь постоянно бедными, они никогда не могли увеличить потребление излишков.

Я должен в этом месте сослаться на авторитет древнего автора, чтобы проиллюстрировать и доказать справедливость этого представления о политической экономике древних.

Сохранилось рассуждение Ксенофонта об увеличении доходов Афинского государства. Относительно подлинности этого труда у меня нет ни малейших сомнений. Это *шедевр* своего рода, и из него можно пролить больше света на тему, которой мы здесь занимаемся, чем из чего-либо, что я когда-либо видел, древнего или современного.

Из этого древнего памятника мы узнаем о чувствах автора относительно надлежащего трудоустройства трех основных классов афинского народа, а именно. горожане, чужеземцы и рабы. Из изложенного им плана мы ясно обнаруживаем, что в государстве Афины (более известном, чем любое другое в древности искусством роскоши и утонченности) ни одному политическому деятелю никогда не приходило в голову внедрять трудолюбие даже среди низших классов *граждан*; и план Ксенофонта состоял в том, чтобы извлечь из этого все выгоды,

которыми мы в настоящее время пользуемся, не производя никаких изменений в духе афинского народа.

Государство в то время использовалось для обложения налогами своих союзных городов, чтобы содержать своих собственных простых людей, и намерение Ксенофонта в этой беседе состояло не в том, чтобы разработать план, позволяющий им обеспечивать себя промышленностью, а в том, чтобы увеличить доходы государства таким образом, чтобы из них выплачивать каждому гражданину пенсию в размере трех оболов в день, или трех пенсов - трех фартингов наших денег.

Я не буду здесь рассматривать каждую ветвь его плана и указывать на ресурсы, которые он использовал для формирования достаточного фонда для этой цели; но он говорит, что в случае какого-либо дефицита внутренних доходов государства люди со всех сторон, князья и известные иностранцы во всех странах, гордились бы тем, что внесли свой вклад в это, за честь быть занесенными в общественные памятники Афин и передать свои имена потомкам как благодетелям государства во исполнение столь грандиозного замысла.

В наши дни такая идея показалась бы нелепой; во времена Ксенофонта она была совершенно рациональной. В то время в сундуках богачей было обнаружено большое количество золота и серебра, запертых под замком: они были в значительной степени бесполезны для обычного образа жизни и легче расставались с ними из чувства тщеславия или показухи.

В наши дни самый большой доход обычно оказывается слишком маленьким для текущих расходов собственника. Вот почему подарки, большие расходы на похороны и свадьбы, подарки крестным отцам и т. Д., столь хорошо знакомые нам в прежние времена, с каждым днем выходят из моды. Это чрезвычайные и непредвиденные расходы, которые любили наши предки, потому что они тешили их тщеславие, не уменьшая фонда их текущих расходов; но поскольку сейчас у нас нет полной казны, куда можно было бы обратиться, мы находим их чрезмерно обременительными и стараемся сократить их как можно скорее, не из бережливости, видит Бог, а вследствие изменения наших нравов.

Помимо предоставления этой ежедневной пенсии в размере трех пенсов и трех фартингов в день каждому гражданину Афин, богатому и бедному, он предложил построить за общественный счет множество торговых судов, великое множество гостиниц и увеселительных заведений для всех приезжих в морских портах, возвести магазины, склады, биржи и т. Д. Арендная плата за которые увеличила бы доходы и придала городу большую красоту и великолепие. Короче говоря, Ксенофонт рекомендует государству выполнять руками своих рабов и чужеземцев то, чем свободные люди в наши дни постоянно заняты в любой промышленной стране. В то время как афинские граждане продолжали получать свои ежедневные пенсии, пропорциональные стоимости их чисто физических потребностей, их занятие ограничивалось службой в армии во время войны, посещением общественных собраний и театров в мирное время, одетыми как кучка капуцинов, их, как свободных людей, учили презирать тяжелый труд и гордиться строгостью и простотой своих манер. Пышность и великолепие персидских императоров были предметом насмешек в Греции и доказательством их варварства и рабства их подданных. Я надеюсь, что из этого простого изложения плана Ксенофонта становится очевидным характерное различие между древней и современной экономией; и тем читателям, которые получают особое удовольствие от сравнения систем простоты и роскоши, я рекомендую внимательно прочитать это ценнейшее рассуждение.

Объединяя, таким образом, все эти обстоятельства и сравнивая их с контрастом, который обнаруживается во всех деталях в наше время, я думаю, что будет только справедливо по отношению к современникам признать, что чрезмерная роскошь, которая ежедневно распространяется среди каждого класса людей, в большей степени обусловлена отменой рабства, равным распределением богатств и обращением адекватного эквивалента за каждую услугу, чем каким-либо большим разложением наших нравов, чем то, которое преобладало среди древних.

Для того чтобы промышленность была направлена на достижение цели общественной полезности, общественность, а не отдельные лица, должна иметь эквивалент для отдачи. Разве работа не должна быть приспособлена ко вкусу того, кто ее покупает? Так вот, в древние времена большинство общественных работ выполнялось либо рабами, либо за счет чисто физической необходимости свободных людей. Мы находим цену пирамиды, сообщенную нам Геродотом, в количестве репы, лука и чеснока, потребляемых ее строителями. Я полагаю, что те, кто строил *виа Алпиа*, были так же бедны, когда она была закончена, как и в день ее начала; и так должно быть всегда, когда работа не требует от рабочих особой ловкости. С другой стороны, если привести примеры, когда рабочие получали высокую заработную плату, то последствия должны были быть такими же, как в наши дни.

Следовательно, до тех пор, пока промышленность не направлена на такие цели, которые требуют особого внимания, которые, согласно принципам, изложенным в двадцать первой главе, повышают прибыль сверх физически необходимой, трудолюбивые никогда не смогут разбогатеть; и если им платят деньгами, эти деньги должны возвращаться в руки тех, кто их кормит; и если нигде не найти излишков, кроме как в руках государства, такая промышленность может потреблять излишки средств к существованию, но никогда не сможет ввести в обращение ни пенни. Я полагаю, что это справедливое применение наших принципов к состоянию промышленности при Римской республике и к тому виду промышленности, который мы называем *трудом*. Поэтому мы не должны приписывать вкус к работе в те дни веяния времени. Человек, обладавший богатством и тративший его, тратил его, без сомнения, тогда, как и в настоящее время, для удовлетворения своих желаний; и если простота того времени не способствовала его изобретательности в их разнообразии, следствием было то, что деньги не тратились, а запирались. Я слышал, как многие люди говорили: "Будь у меня столько денег, я бы не знал, как их потратить". Это, безусловно, правда, потому что людям обычно не приходит в голову выносить это на всеобщее обозрение.

Я полагаю, никто не станет отрицать, что деньги лучше потратить на строительство дома или на производство чего-то полезного и постоянного, чем на приобретение предметов просто временного излишества. Но какой политический принцип может повлиять на вкус владельцев богатства? В таком случае государственный деятель оказывается перед дилеммой: либо позволить промышленности течь по каналу, мало выгодному государству, мало постоянному по своей природе, либо лишить бедных преимуществ, вытекающих из этого. Не могу ли я далее предположить, что государственный деятель, стоящий во главе народа, вкус которого направлен на незначительные виды расходов, поступает очень разумно, уменьшая фонд их расточительности, взимая посредством налогов часть оборотного эквивалента, который они отдавали за это? Когда однажды он обогащается за счет этих пожертвований, он оказывается в той же ситуации, что и древние государственные деятели, с той разницей, что в их распоряжении были их рабы, которых они кормили и обеспечивали; и что у него есть свободные

ради эквивалента, которым они кормят и обеспечивают себя сами. Тогда он сможет приступить к общественным работам и своим примером привить вкус к более рациональному трудолюбию, которое может способствовать общественному благу и приносить долговременную пользу нации.

Я уже говорил выше, что приобретение денег путем продажи промышленных предприятий иностранцам или в обмен на предметы потребления было способом увеличения общей ценности нации. Теперь я говорю, что тот, кто может превратить самые потребляемые товары страны в самые долговечные и самые полезные произведения, добивается значительного улучшения. Следовательно, если мясо и питье, которые из всех вещей являются наиболее потребляемыми, могут быть превращены в гавани, большие дороги, каналы и общественные здания, разве улучшение не является невыразимым? Это под силу каждому государственному деятелю, в распоряжении которого есть средства к существованию; и неподвластно всем тем, у кого их нет. Деньги не нужны для улучшения страны. Все великолепные здания, украшающие Италию, представляют собой гораздо более точное представление о скудных средствах к существованию, чем о золоте и серебре, найденных в этой стране в то время, когда они были выполнены. Позвольте мне теперь завершить несколькими различными замечаниями по поводу того, что было сказано.

Наблюдатель. 1. Когда я восхищаюсь великолепием общественных сооружений в любой стране, таких как колоссальные церкви, амфитеатры, дороги, дамбы, каналы; одним словом, когда я изучаю Голландию, возможно, величайшее произведение, когда-либо созданное человеком, меня никогда не поражают затраты. Я сравниваю их с количеством людей, которые дожили до их исполнения. Когда я вижу другую хорошо населенную страну, где не появляются подобные работы, контраст наводит на размышления.

Что касается первого, я заключаю, что, пока велись эти работы, должно было быть установлено либо рабство, либо налоги; потому что редко случается, чтобы князь из своего собственного достояния пускался в такие расходы исключительно для того, чтобы послужить обществу. Общественные работы проводятся обществом; и для этой цели либо личности, либо кошельки отдельных лиц должны быть в его распоряжении. Первое я называю рабством; это служба; второе - налоги; это общественные взносы деньгами или предметами первой необходимости.

Наблюдатель. 2. Далее я прихожу к выводу, что из этих работ нельзя извлечь ничего такого, что могло бы побудить нас составить высокое мнение о богатстве или других проявлениях великолепия людей, их создавших. Все, что может быть определено положительно относительно их экономики в этом конкретном случае, это то, что в то время, когда они проводились, земледелие должно было осуществляться как ремесло, чтобы производить излишки, достаточные для содержания рабочих; или что средства к существованию должны были поступать из-за границы, либо в качестве вознаграждения за другие виды промышленности, либо безвозмездно, то есть путем грабежа, дани и т.д.

Наблюдатель. 3. Что следствием таких работ является передача мяса, питья и предметов первой необходимости из рук тех, у кого их в избытке, в руки тех, кто занят трудом; или принуждение тех, кто раньше работал только на себя, частично работать и на других. Для выполнения этого должна быть субординация: ибо кто добровольно увеличит свой труд, чтобы прокормить людей, которые работают не на него, а на общество? Этим сочетанием пренебрегали на протяжении всей первой книги, потому что там мы предоставили человечеству свободу следовать своим

наклонностям. Это было необходимо, чтобы дать правильное представление о предмете, который мы тогда намеревались рассмотреть, и указать на различные последствия рабства и свободы; но теперь, когда мы сформировали торговые нации и установили множество взаимных зависимостей, которые связывают членов воедино, существует меньшая опасность введения ограничений; потому что преимущества, которые люди находят в хорошо организованном обществе, заставляют их лучше мириться с неудобствами его поддержания и улучшения. Это универсальный принцип, согласно которому инструкции должны даваться мягко. Молодую лошадь следует гладить, когда на нее впервые надевают седло: любая вещь, которая кажется грубой, пусть даже она полезна или необходима, должна быть приостановлена в самом начале, чтобы привлечь склонность существа, которое мы склонны обучать.

Наблюдатель. 4. Когда государственный деятель знает размеры и качество территории своей страны, чтобы иметь возможность оценить, какое количество людей она может прокормить, он может составить свой план политической экономики и наметить распределение населения, как если бы численность была уже полной. Только от его суждения и от сочетания обстоятельств, внешних и внутренних, будет зависеть распределение и использование классов в каждый период этого исполнения наилучшим образом для развития сельского хозяйства, чтобы привести все земли к тщательной обработке. Руководящий принцип здесь состоит в том, чтобы держать земледельцев на постоянной работе, чтобы их излишки могли быть доведены до как можно большего уровня; потому что этот излишек является главной пружиной всего отчуждения и промышленности. Следующая задача - заставить этот излишек циркулировать; ни один человек не должен есть его даром. Какое поразительное различие обнаруживает человек, когда он рассматривает две страны, одинаково большие, одинаково плодородные, одинаково возделанные, одинаково населенные, одну в рамках представленной здесь экономики; другую, где каждый занят тем, что кормит и обеспечивает только себя.

Поэтому государственный деятель при таких обстоятельствах должен рассуждать так: у меня есть страна, которая, я полагаю, содержит миллион жителей и которая способна содержать еще столько же; я нахожу, что каждый занят тем, что обеспечивает себя сам, и, учитывая простоту их нравов, гораздо меньшего числа будет достаточно для выполнения всей работы: следствием этого является то, что многие почти бездельничают, в то время как другие, у которых много детей, умирают с голоду. Позвольте мне собрать моих людей вместе и показать им неудобство отсутствия дорог. Он предлагает, чтобы каждый, кто решит работать на них, был накормлен и о нем заботилась община, а его земли были розданы тем, кто склонен ими воспользоваться. Преимущество ощущается в том, что люди вынуждены работать немного усерднее, чтобы обогнать по возделыванию участки тех, кто от них отказался. После этой революции количество рабочей силы увеличивается, почва продолжает обрабатываться, как и прежде, и дополнительный труд фермеров появляется на прекрасной большой дороге. Является ли это чем-то большим, чем метод привлечения одной части народа к труду для поддержания другой?

Наблюдатель. 5. Здесь я спрашиваю, не лучше ли накормить человека, чтобы заставить его трудиться и быть полезным, чем кормить его для того, чтобы заставить его жить и переваривать свою пищу? Последнее было случаем множества людей в эпоху древнего рабства, а также следствием плохо направленной современной благотворительности. И то, и другое одинаково хорошо рассчитано на создание простоты нравов, и Гораций воплотил это в жизнь, когда говорит:

Nos numerus sumus, et fruges consumere nati.

Я слышал, что это переведено с юмором, хотя, признаюсь, и отвратительно; Мы увеличиваем количество ти-ди-миллз. Очень точное представление о многих видах людей! к их стыду, пусть это будет сказано, поскольку это в равной степени бросает тень и на религию, и на правительство.

В соответствии с этими принципами мы не находим никакой большой или общественной работы, проводимой в странах с большой свободой. Ничего подобного нельзя увидеть у татар или охотящихся индейцев. Их я называю свободными нациями, но не наши европейские республики, где я нахожу столько же подчинения и ограничений, сколько и в любом другом месте.

Я несколько раз отпускал некоторые выражения относительно благотворительности, которые, как я понимаю, могут быть неверно истолкованы. Поэтому будет уместно принести некоторые извинения, которые никто не сможет заподозрить в неискренности; потому что причина, по которой я привожу их, заключается в том, чтобы еще раз проиллюстрировать мою тему.

Когда я вижу богатый и великолепный монастырь нищенствующих монахов, украшенный обилием скульптур, огромным количеством зданий, величественными башнями, мраморной инкрустацией, прекрасными мостовыми; когда я сравниваю исполнение и стоимость всего этого со способностями человека с самым большим состоянием, я обнаруживаю, что нет никакой пропорции между тем, что сделали нищие на средства частной благотворительности, и тем, что любой Лорд сделал со своим разросшимся поместьем. Более того, существуют монастыри, которые, если бы они были казнены князьями, упоминались бы историками из поколения в поколение как вечные памятники величайшей расточительности. Итак, вот результат благотворительности, который, как я слышал, осуждается многими, и, я думаю, без особых оснований. Какая проституция богатством! они говорят: с какой пользой можно было бы употребить все эти деньги на создание мануфактур, военно-морской флот и на многие другие благие цели? Принимая во внимание, что я настолько всецело поглощен результатами, возникающими в результате выполнения работы, что редко даю себе время поразмыслить над ее замыслом. Строительство этого монастыря накормило трудолюбивых бедняков, способствовало развитию свободных искусств, улучшило вкус обитателей, открыло двери для любопытства незнакомцев; и когда я проверяю свой кошелек, я обнаруживаю, что вместо того, чтобы внести свой вклад в его строительство из благотворительных побуждений, мое любопытство увидеть его вынудило меня внести свою долю расходов. Я трачу свои деньги в этой стране, как и другие иностранцы, не принося с собой ничего взамен. Торговый баланс не является более ясным, чем это. Чудесный язык святого Антония Падуанского принес этому городу больше чистых денег, чем могли бы принести трудолюбивые тысячи ткачей: милостыня раздается не монахам, а беднякам, которых они нанимают. Поэтому, если молодые умники поднимают на смех такую преданность, я спрашиваю, над кем следует смеяться: над теми, кто жертвует, или над теми, кто получает деньги за представление?

В стране, где обычно ведутся такие работы, они в значительной степени перестают быть полезными, как только заканчиваются; и следует немедленно приступить к новым работам, иначе что станет с теми, кто остался без работы? Из этого не следует делать вывод, что полезность общественных работ не является основным соображением. Чем больше пользы приносит работа после того, как она сделана, тем лучше, потому что тогда она может дать хлеб

тем, кто ее не создавал. Но полезно это или нет впоследствии, оно должно быть полезным, пока продолжается; и многие, кто с удовольствием пожертвовал бы тысячу фунтов на украшение церкви, не дали бы и шиллинга на строительство Вестминстерского моста или порта Рошфор; и бедняки одинаково живут за счет строительства и того, и другого. Дорогостоящие общественные работы, таким образом, являются средством раздачи хлеба бедным, развития промышленности без ущерба для простоты нравов, что является ответом на седьмой вопрос.

Наблюдатель. 6. Великие произведения, найденные в одной стране и не найденные в другой, не являются доказательством того, что первые превзошли вторые в трудолюбии: контраст лишь указывает на различное разделение собственности или вкус к расходам. Каждое начинание представляет особый интерес. Дворцы олицетворяют богатых людей; уютные будки по соседству с городами олицетворяют небольшие, но легкие состояния; хатты указывают на бедность; акведуки, шоссе и т. Д. Свидетельствуют об изобилии общего блага: и если их найти в стране, где нет и следа частных расходов, тогда я должен заключить, что они были казнены рабами или в результате угнетения; в противном случае кто-то, по крайней мере, выиграл бы от казни; и его прибыль проявилась бы в том или ином виде расходов.

Наблюдатель. 7. В странах, где состояния были разделены неравномерно, где было мало богатых и много бедных, часто можно встретить долговечные памятники труда; потому что только большие состояния способны создать их. В доказательство этого давайте сравним замки древности (я имею в виду четыреста или пятьсот лет назад) с домами, построенными позднее. В то время положение было гораздо более неравным, чем в настоящее время, и, соответственно, мы находим жилища великих в большинстве стран немногочисленными, но необычайно объемными и прочными. Теперь о здании следует судить не по деньгам, которые оно стоило, а по трудозатратам, которые оно потребовало. По домам в той или иной стране я сужу о богатстве знати и о доле состояний у ее жителей. Вкус, с которым построены эти старинные замки, свидетельствует о могуществе тех, кто их строил, и, поскольку их число невелико, мы можем судить по природе человека, который любит подражание, что единственной причиной этого было то, что мало кто был в состоянии их построить. Почему мы находим в наше время гораздо меньшую диспропорцию между удобством, с которым устроен каждый человек, чем раньше; но только потому, что богатства, получаемые в результате описанных выше производственных операций, распределяются более равномерно?

Обзор. 8. Из этого мы можем сделать вывод, что долговечные памятники не являются адекватным показателем развития промышленности страны. Расходы современного монарха на великолепный двор, многочисленные армии, частые путешествия, великолепные банкеты, оперы, маскарады, турниры и представления могут дать работу и хлеб такому же количеству рук, как вкус того, кто построил пирамиду; и дым пороха на его смотрах, факелы и восковые светильники на его приемах, могут принести такую же пользу потомству, как тень пирамиды, которая является единственным видимым эффектом, производимым ею; но одно остается навсегда, другое не оставляет после себя и следа. Сама оставшаяся часть работы, какой бы бесполезной она ни была сама по себе, становится полезной в той мере, в какой она носит декоративный характер, внушает благородные чувства соперничества последующим принцам, последствия которых все еще будут благоприятными для сохранения занятости людей. Расходы другого льстят чувствам и доставляют удовольствие: здесь не может быть вопроса выбора. Все бесполезные расходы удовлетворяют только тщеславие; одна лишь случайность делает один вид постоянным, другой - преходящим.

Тех, у кого есть деньги, можно *заставить* расстаться с ними в пользу бедных, но никогда не заставляя расставаться с ними в ущерб их потомству. Прививайте, если можете, хороший и полезный вкус к расходованию; нет ничего более правильного; но никогда не препятствуйте растрачиванию наличных денег с целью сохранения личного состояния. Оставьте такие меры предосторожности на усмотрение каждого отдельного человека. Каждый человек, без сомнения, имеет такое же право увековечивать и обеспечивать свое собственное потомство, как государство должно увековечивать благосостояние всего общества; именно сочетание всех частных интересов формирует общее благо. Из этого я делаю вывод, что, без веских оснований для обратного, вечная замена собственности должна быть оставлена столь же свободной для тех, кто владеет землями, как запирание в сундуках должно быть разрешено тем, у кого много денег.

Задание. 8. Каковы принципы, которые влияют на создание торговых компаний; и какое влияние они оказывают на интересы торговли?

Существует тесная связь между принципами, относящимися к компаниям, и принципами, которые мы рассмотрели в двадцать третьей главе, касающейся корпораций. И то, и другое имеет отличные последствия, и оба в равной степени подвержены злоупотреблениям. Правильное изучение принципов - лучший метод продвижения первого и предотвращения второго.

Преимущества компаний в основном заключаются в двух.

1. Что, объединив *акции* нескольких торговцев, предприятие, далеко превосходящее силы кого-либо одного, становится практически осуществимым для общества.
2. Что, объединяя *интересы* нескольких купцов, которые направляют свою *заграничную* торговлю к одной и той же цели, устраняется конкуренция между ними *за границей*; и все, что таким образом получается, является чистой прибылью не только для компании, но и для общества, членами которого они являются.

Именно с учетом последнего обстоятельства компании, занимающиеся внешней торговлей, претендуют на обширные привилегии. Но никакое поощрение таких ассоциаций не должно распространяться дальше, чем того обязательно требует общественное благо. Общество может вознаграждать изобретательность, трудолюбие и изобретения отдельных членов и поддерживать частное предприятие, насколько это разумно; но каждое оказываемое поощрение должно осуществляться за счет всего сообщества, а не за счет отдельных конфессий жителей.

О недостатках, исходящих от компаний, легко догадаться по самой природе преимуществ, которые мы изложили, а соотношение между тем и другим укажет на способы их устранения.

1. Вес денег в руках компаний и оказываемая им общественная поддержка сводят на нет усилия частных авантюристов, в то время как их успех вызывает соперничество и желание у каждого человека заниматься не менее прибыльным ремеслом.

Здесь государственному деятелю следует внимательно изучить преимущества, которые компания получает от объединения своих акций, и те, которые проистекают из общественного поощрения, оказываемого предприятию; чтобы беспристрастной рукой он мог обеспечить

равное распределение общественных благ. И когда он считает невозможным внести свой вклад в продвижение общественного блага, сообщая привилегии компаний частным авантюристам, он должен способствовать вступлению каждого человека, имеющего соответствующую квалификацию, в такие ассоциации.

2. Вторым недостатком компаний является сопутствующим преимуществу, столь ощутимо ощущаемому государством, от объединения их интересов при совершении покупок на зарубежных рынках: тот же самый союз, который во время покупки защищает компанию от всех конкурентов, оказывается в равной степени невыгодным для тех, кто совершает покупки у них дома. Они являются хозяевами своей цены и могут регулировать свою прибыль в зависимости от *высоты* спроса, тогда как они должны постоянно поддерживать ее в соответствии с реальной стоимостью товара.

Преимущества, возникающие в результате объединения многих частных акций, являются общими для всех компаний; но те, которые, как мы упомянули, вытекают из объединения в их интересах, характерны для тех, кто ведет эксклюзивную торговлю в определенных отдаленных частях света. В предыдущей главе мы изложили принципы, которые влияют на поведение государственного деятеля при регулировании цен на товары путем наблюдения за балансом труда и спроса и сохранения принципов конкуренции в их полном проявлении. Но здесь возникает ситуация, когда, с одной стороны, конкуренция не может иметь никакого эффекта, и когда ее введение, уничтожая исключительную привилегию компании на торговлю в определенных странах, запрещено ради общественного блага.

Следовательно, к какому методу можно прибегнуть, чтобы сохранить преимущество, которое нация получает от закупок компании за границей, не подвергаясь конкуренции; и в то же время предотвратить невыгодное положение, которому подвергаются отдельные члены общества у себя дома, когда они пытаются, конкурируя друг с другом, покупать у компании, которые в силу той же исключительной привилегии объединены в своих интересах и становятся хозяевами, чтобы требовать ту цену, которую они считают подходящей.

Можно ответить, что о компаниях нельзя сказать, как о частных дилерах, что они извлекают выгоду из каждого незначительного обстоятельства конкуренции, чтобы повысить свою цену. У них фиксированный стандарт, и весь мир покупает у них по одинаковой цене; так что розничные торговцы, которые обеспечивают потребление, имеют в одном отношении то заметное преимущество, что все покупают по одной цене, никто не может продавать дешевле другого; и конкуренция между ними защищает население от непомерных цен.

Я согласен, что эти преимущества ощущаются и что они реальны; но все же они доказывают не более чем то, что создание компаний не так вредит интересам тех, кто потребляет их товары, как это было бы, если бы они максимально использовали свою исключительную привилегию при розничной продаже. Но из этого не следует, что прибыли от такой торговли не поднимаются (вследствие их привилегированности) выше уровня, необходимого для процветания всей торговли нации. Сама зависть и недовольство, зарождаемые другими торговцами, столь же трудолюбивыми и столь же заслуживающими внимания общественности, из-за огромных преимуществ, которыми пользуются те, кто зарегистрирован под защитой исключительных привилегий, наносят ущерб торговле в целом, противоречат тому принципу беспристрастности, который должен вдохновлять хорошего государственного деятеля, и должны быть предотвращены, если это возможно. Давайте поэтому докапываться до сути этого дела; и,

прослеживая прогресс таких торговых предприятий, которые являются надлежащими объектами для основания компаний и которые дают им право требовать и получать определенные исключительные привилегии, давайте попытаемся найти метод, с помощью которого государственный деятель может учреждать такие общества, чтобы в его власти было подчинить их торговлю внутри страны определенным правилам, способным восполнить недостаток конкуренции; и предотвратить значительный рост прибылей от исключительной торговли, превышающий уровень *той*, которая осуществляется без какой-либо подобной помощи со стороны общественности.

В то время как интересы компаний находятся в руках немногих, союз членов более тесный, и их дела ведутся в большей тайне. Так всегда бывает в зачаточном состоянии подобных предприятий. Но недостаток опыта часто приводит к значительным убыткам; и пока это продолжается, жалоб на такие объединения не поступает. Мало кто претендует на соперничество с их начинанием, и поначалу оно чаще становится объектом насмешек, чем зависти. В течение этого периода государственный деятель должен заложить фундамент своей власти; он должен не жалеть усилий и ободрения для поддержки предприятия; он должен выяснить способности тех, кто стоит во главе этого предприятия; распорядиться, чтобы их проекты были представлены ему; и когда он сочтет их разумными и хорошо спланированными, он должен взять на себя непредвиденные убытки: он работает на благо общества, а не компании; и чем больше забот и затрат он затрачивает на осуществление предприятия, тем больше у него права направлять его осуществление на общее благо. Такого рода оказанная помощь дает ему право на проверку их бухгалтерских книг; и из этого, более чем из чего-либо другого, он получит точное представление о каждом обстоятельстве, связанном с их торговлей. При таком способе действий со стороны авантюристов не будет жалоб, они будут с готовностью участвовать, будучи уверенными в государственной помощи, в каждом разумном предприятии; их акции будут определенным образом застрахованы, частных лиц будут поощрять предоставлять им кредиты, и из кредиторов они, естественно, станут партнерами в предприятии. Как только проект достигнет такого размаха, что вызовет зависть, дно может быть увеличено за счет открытия дверей для новых партнеров, вместо того чтобы разрешать первоначальным владельцам пополнять свои запасы за счет заемных денег; и таким образом фонд компании может увеличиваться пропорционально найденной для нее работе, и все будут удовлетворены.

Когда дела ведутся таким образом, авторитет общественного контроля не является препятствием для торговли; люди, обслуживающие компанию, лишены возможности мошенничества: никакие тайны, из которых возникают злоупотребления, не будут поощряться; торговля станет почетной и безопасной, а не мошеннической и ненадежной; потому что она будет развиваться под присмотром своего покровителя, который защищает ее только для общественного блага.

Почему компании требуют исключительных привилегий и почему они вообще предоставляются, как не в качестве компенсации тем, кто потратил огромные средства на приобретение знаний, которые ничего не стоили государству? И почему они прилагают все усилия, чтобы скрыть секреты своего ремесла и быть единственными участниками прибыли от него, но при этом заставить общественность возместить десятикратные затраты на их предприятие.

Когда компании однажды прочно обосновались, следующая забота государственного деятеля заключается в том, чтобы не допустить роста прибыли от их торговли выше определенного уровня. В настоящее время мы говорим только о тех, кто в силу исключительных привилегий не подвергается конкуренции при их продаже. Один из очень хороших методов сдерживания цен состоит в том, чтобы поставить компании перед необходимостью увеличивать свои запасы, насколько это позволяет их профессия, путем привлечения новых партнеров; ибо, увеличивая запасы компании, вы увеличиваете, я полагаю, количество товаров, которыми они располагают, и, следовательно, уменьшаете конкуренцию со стороны тех, кто предъявляет к ним спрос: но поскольку даже это не приведет к снижению цен до адекватной стоимости товара (что может быть сделано только путем конкуренции), сам государственный деятель может прибегнуть к экстраординарной операции. Он может поддерживать высокую прибыль компании от всех предметов роскоши, потребляемых дома, в пользу снижения цен на те товары, которые предназначены либо для экспорта, либо для производства.

Это может быть сделано только тогда, когда ему приходится иметь дело с компаниями: во всех остальных случаях принципы конкуренции между разными торговцами, торгующими одними и теми же товарами с разными интересами, делают это невозможным. Но там, где интересы продавцов, которыми является компания, объединены, и где нет конкуренции, они являются хозяевами своей цены, согласно принципам, изложенным в седьмой главе. Теперь, при условии, что дивиденды по всем акциям являются достаточной компенсацией как за стоимость фонда, так и за трудолюбие тех, кто нанят для их использования, цель достигнута. Экстраординарные прибыли от любого конкретного вида торговли отбрасывают тень уныния на все остальные.

Мы очень часто видим, что крупные торговые компании становятся средством установления общественного кредита; в таких случаях уместно проводить различие между торговыми акциями компании, которые остаются в их распоряжении, и акциями, облигациями, аннуитетами, контрактами и т. Д., Которые носят их имя и которые не имеют ничего общего, кроме названия. Цена первого постоянно регулируется прибылью от сделки; цена второго - текущей стоимостью денег.

Позвольте мне далее обратить внимание на преимущество, которое может принести стране разумное вмешательство государственного деятеля в регулировании тарифов на такие товары, которые выставляются на продажу без какой-либо конкуренции со стороны продавцов.

Принципы, которые мы изложили, предписывают нам запрещать, насколько это возможно, любое иностранное потребление, особенно потребление труда; и поощрять, насколько это возможно, его экспорт. Теперь, если то, что английская индийская компания, например, продает иностранцам и экспортирует за денежный возврат, равно тем деньгам, которые она сама ранее экспортировала, баланс в торговле с Индией будет уравновешен. Но если конкуренция французов и голландцев будет признана вредной для английской компании в ее внешних продажах, не может ли правительство этой страны приложить руку к увеличению прибылей компании за счет чая, китайских и японских товаров, которые являются излишками, потребляемыми богатыми, с тем чтобы позволить компании поставлять свои шелковые и хлопчатобумажные изделия иностранцам по более разумной цене? Я говорю, что эти операции осуществимы, когда компания продает без конкуренции, но никогда не должны предприниматься, кроме как когда состояние ее дел прекрасно известно; потому что цены на

экспортируемые товары могли бы, возможно, поддерживаться за счет злоупотреблений и бесхозяйственности, а не за счет превосходящих преимуществ, которые другие страны имеют при ведении подобной торговли. Единственное средство против злоупотреблений - это реформация. Но как часто мы видим, как люди делают пожертвования, чтобы поддержать это зло!

Компании, как мы уже говорили, обязаны своим возникновением трудностям, которым подвергается зарождающаяся коммерция: как только эти трудности преодолены и компания основана на прочном фундаменте, ежедневно появляются новые объекты получения прибыли; их так много, что первоначальный институт часто затмевается сопутствующими интересами общества. Следовательно, дело государственного деятеля - заботиться о том, чтобы исключительные привилегии, предоставляемые обществу для определенной цели, не распространялись на другие интересы, ни в малейшей степени не связанные с тем, что поставило общество на ноги и дало ему название. И когда предоставляются исключительные привилегии, государственный деятель никогда не должен упускать из виду особую привилегию контроля за всеми делами компании, чтобы иметь возможность принимать меры, которые эффективно предотвращают плохие последствия для общих интересов нации или для интересов отдельных классов.

Пусть на данный момент этого будет достаточно в отношении привилегий, которыми пользуются компании во внешней торговле. Позвольте мне теперь изучить природу таких обществ в целом, чтобы обнаружить их влияние на коммерческие интересы нации и то, как они стремятся довести каждую отрасль торговли до совершенства, когда они созданы и осуществляются под присмотром мудрой администрации.

Помимо упомянутых выше преимуществ и недостатков, при создании торговых компаний были обнаружены и другие. Первые исходят из *союза*, то есть общего интереса; последние - из *разобщенности*, то есть отдельных интересов.

Общий интерес объединяет, а отдельный интерес разъединяет членов каждого общества; и если бы среди человечества не преобладал первый, общества не было бы вообще. Представители одной и той же нации могут иметь общий интерес по отношению к иностранцам и отдельный интерес по отношению друг к другу; представители одной и той же профессии могут иметь общий интерес по отношению к объекту своей отрасли и отдельный интерес по отношению к ее продолжению: члены одной и той же торговой компании могут иметь одинаковый интерес в дивидендах и отдельный интерес в управлении фондом, который их производит. Дети из одной семьи; более того, даже мужчина и его жена, хотя и связаны узами общего интереса, могут быть разъединены последствиями отдельного интереса. Человечество подобно магниту, оно притягивается одним полюсом и отталкивается другим. И государственный деятель, чтобы цементировать свое общество, должен знать, как привлечь каждого, насколько это возможно, к тому, чтобы направить его притягивающий полюс к конкретному центру общего блага.

Из этого символического представления человеческого общества я делаю вывод, что для общих интересов опасно допускать слишком тесный союз между членами любого низшего общества. Когда их члены связаны друг с другом, так сказать, каждым сочленением, они в какой-то мере становятся независимыми от большого тела; когда союз менее тесен, они допускают другие связи, которые цементируют их в общую массу^[10].

О. Это было написано до того, как во Франции было подавлено общество иезуитов.

Компаниям должно быть разрешено работать в соответствии с этими принципами. Одни только их коммерческие интересы должны быть объединены в той мере, в какой требуется объединение для выполнения их предприятия с разумной прибылью; но помимо этого, всякая второстепенная выгода, которой партнеры могли бы воспользоваться вследствие своего объединения, должна быть пресечена; и общественность должна заботиться о том, чтобы поддерживать интересы любого частного лица против них во всех случаях, когда они используют свое объединение для ущемления прав отдельных лиц. Позвольте мне проиллюстрировать это на примере. Несколько ткачей, рыбаков или представителей любого другого класса трудящихся объединяют свои запасы, чтобы преодолеть те трудности, которым подвергаются отдельные рабочие, из-за увеличения расходов, которые могли бы быть сэкономлены их объединением. Эта компания предъявляет большой спрос на материалы, необходимые для ведения их бизнеса. Этим спросом они привлекают к себе огромное количество трудолюбивых, не зарегистрированных, которые таким образом получают хлеб и работу. Пока они находят преимущество; но по мере расширения предприятия и того, как общество становится способным охватить все или значительную часть такого производства, они уничтожают своих конкурентов; и, формируя единый интерес в покупке необходимых материалов и продаже своего производства, они получают прибыль в первом случае, уменьшая доходы своих младших помощников ниже надлежащего уровня; а во втором, они слишком сильно превышают необходимую собственную прибыль.

Следовательно, способ предотвращения таких злоупотреблений для государственного деятеля заключается в том, чтобы вмешаться; не путем ограничения деятельности компании, а путем противодействия силе принципов, аналогичных тем, на которых они наживаются, таким образом, чтобы сделать их несправедливые сделки неэффективными. Например, если ткачи угнетают прядильщиц, могут быть применены методы, если не путем включения последних, то, по крайней мере, путем объединения их интересов, чтобы предотвратить вредную конкуренцию между ними. Он может препятствовать появлению слишком обширных компаний, создавая и поддерживая другие, что может служить сохранению конкуренции; и он может сурово наказывать за каждое нарушение законов, стремящееся установить произвольную зависимость от компании. Короче говоря, пока такие общества формируются, он должен быть их защитником; а когда они сформируются, он должен взять под свою защиту тех, кого они могут быть склонны угнетать.

При создании производственных компаний разумно привлекать к таким предприятиям только тех, кто был воспитан для различных отраслей своего бизнеса. Когда состоятельные люди, невежественные и проецирующие себя, проявляют интерес к начинающим производствам с целью внезапно разбогатеть, они настолько стремятся к получению огромной прибыли, пропорциональной их капиталу, что их надежды, как правило, обманываются, и предприятие терпит неудачу. Трудолюбивые люди, воспитанные в бережливости, довольствуются меньшими доходами; но под защитой общества они вырастут в большую сумму, и накопление небольших прибылей сформирует новый класс богатых людей, которые перенимают или, скорее, сохраняют чувство бережливости, с которым они родились.

Так, например, при организации рыболовства вместо частных взносов тех, кто вкладывает свои деньги из общественных побуждений и отчасти с целью получения за это процентов; или тех, кого прельщают надежды в конечном итоге получить большую выгоду (последних я называю прожектерами), общественность должна нести большие расходы, необходимые; и бондари, изготовители парусов, канатов, корабельные плотники, сетевики; короче говоря, все, кто полезен для предприятия, должны быть безвозмездно привлечены за небольшую долю прибыли. прибыль; и поскольку они размещаются вместе в здании или городке, подходящем для ее продолжения, каждый рабочий становится для компании заказчиком предметов своего собственного труда. Ни один человек, непосредственно связанный с предприятием, не должен проживать где-либо, кроме этого места: любой из партнеров может взять на себя обязательство поставлять то, что не может быть произведено дома, по фиксированным ценам. Таким образом, все расходы общества на поддержку предприятия могут проходить через руки тех, кто его осуществляет; и каждый становится сдерживающим фактором для другого ради получения дивидендов от общей прибыли. Одно большое преимущество в ведении предприятий таким образом состоит в том, что, хотя заинтересованные лица вообще не получают прибыли от самого предприятия, они находят в нем свой отчет в нескольких отраслях своей собственной промышленности. Торговля сельдью была впервые налажена в Голландии компанией торговцев, которые потерпели неудачу; и их запасы автобусов, магазинов и т. Д., Проданные по заниженной стоимости, были куплены частными лицами, которые были проинструктированы (за счет банкротства компании) по каждой части торговли и которые вели ее с успехом. Если бы компания была изначально создана указанным здесь способом, их торговля никогда бы не подверглась никаким проверкам.

ГЛАВА. XXXI.

Краткое изложение Второй книги.

Подготовив в первой книге почву для конкретного исследования принципов современной политической экономики, во введении к ней я показываю, что руководящим принципом науки во все века было исходить из предположения, что каждый будет действовать в отношении общества, руководствуясь мотивом частного интереса; и что единственное общественное чувство, которого любой государственный деятель имеет право требовать от своих подданных, - это их строгое подчинение законам. Объединение всех частных интересов создает общее благо: способствовать этому - обязанность государственного деятеля; следовательно, это должно быть мотивом всех его действий; потому что доброта действия зависит от соответствия между мотивом и обязанностью действующего лица. Следовательно, мы можем не более подчинять действия государственного деятеля законам частной морали, чем можем судить о промыслах провидения по тому, что *мы* считаем правильным и неправильным^[P].

Р. Из-за отсутствия должного внимания к этому различию некоторые впали в богохульство, приписывая зло Высшему Существо. Во вселенной нет такой вещи, как зло; все хорошо, все абсолютно совершенно. Самые низменные поступки направлены ко всеобщему благу: даже их в одном отношении можно назвать действиями Бога, поскольку все, что совершается, совершается им; но что касается *мотива*, который Бог имел при их совершении, то они чисты в

высшей степени; действие нечестиво и порочно только по отношению к действующему лицу; и его порочность проистекает не из самого действия, а из несоответствия между его долгом и мотивом его действия. Теперь, если наказание за такой проступок (который также рассматривается как действие Высшего Существа) входит в систему общего блага, разве не чудовищная глупость называть его несправедливым? Мы знаем обязанности человека, мы знаем обязанности правителей, но мы не знаем обязанностей Бога, если нам будет позволено употребить столь неподходящее выражение, и только по этой причине мы не можем судить о благости его провидения. Следовательно, мы должны принять это как должное; и это одна из целей того, что богословы называют *верой*, вера в невидимые вещи, когда неверие в них означало бы абсурд.

Глава I. При рассмотрении принципов любой науки сначала необходимо смешать воедино многие вещи, которые сами по себе очень различны. В первой книге я рассматривал размножение и сельское хозяйство как один и тот же предмет; во второй торговля и промышленность представлены как взаимно зависящие друг от друга. Чтобы указать на это соотношение, я даю определение того и другого, из которого следует, что для того, чтобы представлять собой торговлю, должны существовать потребитель, производитель и торговец. Чтобы создать свою индустрию, у трудолюбивых людей должна быть свобода. Его мотив к труду должен заключаться в том, чтобы добыть для себя посредством торговли эквивалент, на который он мог бы приобрести все необходимое и остаться с чем-то сверх того в награду за свое усердие. Следовательно, трудолюбие отличается от труда, который может быть принудительным и который обычно не приносит никакого другого вознаграждения, кроме самого необходимого для существования. Здесь я пользуюсь случаем, чтобы показать пагубное воздействие рабства на прогресс промышленности; из чего я заключаю, что его прогрессу в значительной степени препятствовало подчинение классов феодальному правлению; и что распад этой системы установил его. Является ли торговля причиной трудолюбия или трудолюбие причиной торговли, вопрос неважный, но принцип, от которого зависят оба, - это вкус к избытку у тех, кто может дать эквивалент; этот вкус и порождает *спрос*, и это опять-таки главная пружина всей операции.

Глава II. На протяжении всей этой книги мы заменяли термин "*спрос*", чтобы выразить идею, которую мы изложили в предыдущей, термином "*хочет*"; и поскольку предмет становится более сложным и нам приходится учитывать гораздо больше отношений, я должен резюмировать все различные варианты употребления этого термина "*спрос*".

Спрос, в первую очередь, всегда связан с *товаром*; именно покупатель требует; продавец предлагает продажу. 2. Говорят, что это *взаимно*, когда имеет место двойная операция, то есть когда продавец в первом случае становится покупателем во втором случае; и затем, рассматривая две операции с одной точки зрения, мы называем тех *покупателей*, которые заплатили самую высокую цену. 3. Спрос является *простым* или *сложным*; *простым*, когда нет конкуренции среди покупателей; *сложным*, когда она есть. 4. Оно может быть *большим* или *маленьким*, в зависимости от требуемого *количества*. И 5. *высокий* или *низкий*, в зависимости от *цены*. Природа *постепенного* увеличения спроса заключается в стимулировании промышленности путем увеличения предложения; природа *внезапного* увеличения заключается в повышении цен. Этот принцип не везде одинаково эффективен при производстве этих разновидностей: он проверяется в ходе операций между торговцами,

которые стремятся к своей прибыли; и он усиливается среди частных лиц, которые ищут средства к существованию, предметы первой необходимости или роскошные удовольствия.

Глава III. Далее я прихожу к выводу о происхождении торговли и промышленности, который я открываю из принципов первой книги, где обмен предметами первой необходимости понимался как торговля; и я нахожу, что прогресс в этом направлении обусловлен прогрессом размножения и сельского хозяйства. Когда люди приходят к моральной невозможности увеличения своей численности, прогресс бартера останавливается. Это перерастает в торговлю благодаря появлению новой потребности (денег), которая является универсальным объектом вожделения для всех людей. Хотя желания человека регулируются его физическими потребностями, они ограничены определенными рамками. Как только они формируют для себя других людей политического характера, тогда рушатся все границы. Трудность адаптации желаний к желаниям, естественно, приводит к появлению денег, которые являются адекватным эквивалентом для каждой вещи. Это представляет собой продажу, которая является усовершенствованием бартера. Торговля - это всего лишь шаг вперед; это двойная продажа, торговец покупает не для себя, а для других. Торговец - это машина сложной природы. Хотите ли вы, он снабжает вас; есть ли у вас какие-либо излишки, он освобождает вас от них; хотите ли вы немного денег, эквивалентных всему миру, он дает вам это, создавая у вас кредит пропорционально вашим обстоятельствам. Внедрение столь полезной машины побуждает каждого желать иметь возможность использовать ее; и это причина, по которой человечество расширяет свой труд за пределы простого удовлетворения своих физических потребностей.

Таким образом, торговля сокращает утомительные операции продажи и бартера и выявляет многие вещи, которые очень важны для людей, живущих за счет удовлетворения потребностей других. Он обозначает стандарт *спроса*, который в некотором смысле является голосом государственного деятеля, направляющего деятельность промышленности на удовлетворение потребностей и направляющего кругооборот средств к существованию к жилью нуждающихся.

Глава IV. Следствием этого является определение стоимости товаров и определение разницы между *себестоимостью* и *продажными ценами*. Первый зависит от затраченного времени, затрат рабочего и стоимости материалов. Второй представляет собой сумму этих затрат, добавленную к прибыли при отчуждении. Важно точно различать эти две составные части цены, издержки и прибыль: первая остается неизменной после первого определения, но вторая постоянно увеличивается либо из-за задержек с распродажей, либо из-за множественности отчуждений; и чем точнее исследуются все обстоятельства, относящиеся ко всему анализу мануфактур, тем легче государственному деятелю исправить каждый порок или злоупотребление, которые имеют тенденцию выводить цены за пределы надлежащего стандарта.

Глава V. Ничто так не способствует развитию выгодной внешней торговли, как низкие и установленные цены. Во-первых, это привлекает на рынок посторонних. Мы называем это *пассивной коммерцией*. Во-вторых, это дает торговцам возможность с большей выгодой распространять продукцию своей страны среди других стран, что мы называем *активной внешней торговлей*. В этой главе я прослеживаю влияние последнего вида. Я показываю, как купцы поначалу извлекают выгоду из невежества своих корреспондентов; как они вовлекают их в роскошь; как конкуренция между ними, когда прибыли высоки, заставляет их предавать друг друга; и как самых невежественных дикарей учат извлекать выгоду из открытия; как это

общение имеет тенденцию объединять самые отдаленные народы, а также улучшать их; и как естественно, что их взаимный интерес побуждает их стремиться стать полезными друг другу.

Глава VI. Далее я попытаюсь показать влияние торговли на те страны, которые пассивны в этой деятельности. Здесь я пользуюсь возможностью установить связь между принципами торговли и принципами сельского хозяйства и показываю, в каких случаях пассивная торговля может способствовать возделыванию земель, а когда это невозможно. Исходя из этого, я строю принцип, согласно которому, когда пассивная торговля подразумевает увеличение внутреннего потребления средств к существованию, чтобы продолжать его, тогда сельское хозяйство будет развиваться благодаря ей, а не как-либо иначе; и поскольку обычно имеет место первое, из этого я заключаю, что торговля естественным образом приводит к увеличению численности человечества в каждой стране, где она основана. Далее я прослеживаю последствия растущего вкуса к излишеству среди народов, живущих в простоте; и я показываю, как естественно это способствует развитию трудолюбия среди низших классов, при условии, что они свободны; или делает их более трудолюбивыми, предполагая, что они рабы: из чего я заключаю, что там, где для развития утонченности требуется голова, то есть изобретательность человека, преимущество имеют свободные; а там, где для этого требуются руки, то есть рабочая сила, преимущество на стороне рабов: рабство, например, могло бы создать Голландию; но только свобода могла бы создать Голландию. сделали голландцы.

Глава VII. Дав приблизительное представление о торговле в целом, я перехожу к более точному рассмотрению принципов, которые государственный деятель должен иметь в виду, чтобы довести ее до совершенства, превращая в средство содействия легкости и достатку внутри страны, а также власти и превосходству за рубежом. Подобно тому, как частный человек становится легким в своих обстоятельствах пропорционально своему трудолюбию и таким образом поднимается над уровнем своих собратьев, точно так же трудолюбивая нация становится богатой и приобретает превосходство над всеми своими менее трудолюбивыми соседями.

Мы показали, что принципом, положившим начало торговле, является *спрос*, а то, что поддерживает его и доводит до совершенства, - это *конкуренция*. Эти термины часто смешивают или, по крайней мере, настолько смешивают друг с другом, что порождают неправильные, темные и часто противоречивые идеи: по этой причине я счел необходимым их анализ, сравнение их вместе и указание на их взаимосвязь, различия и совпадения.

Спрос и *конкуренция* связаны с покупкой и продажей; но *спрос* может применяться только к покупке, а *конкуренция* может применяться к *любому*.

Спрос обозначает склонность иметь, *конкуренцию*, соперничество с целью получения предпочтения.

Спрос может существовать без *конкуренции*, но *конкуренция* должна постоянно подразумевать *спрос*.

Спрос называется *простым*, когда со стороны покупателей проявляется только один интерес.

Конкуренция называется *простой*, когда она имеет место только с одной стороны контракта или когда конкуренция, по крайней мере, намного сильнее с одной стороны, чем с другой.

Спрос называется *сложным*, когда среди желающих купить больше одного заинтересованного лица.

Конкуренция называется *сложной*, когда выясняется, что конкуренция преобладает сразу у обеих сторон контракта.

Простая конкуренция повышает цены; *двойная конкуренция* ограничивает их адекватной стоимостью товара.

Пока преобладает *двойная конкуренция*, баланс работы и спроса остается равным при небольшой вибрации; *простая конкуренция* разрушает и переворачивает его.

Объекты *конкуренции* часто определяют ее силу. Торговцы покупают для того, чтобы продавать; следовательно, их *конкуренция* пропорциональна их представлениям о прибыли. Голодные люди покупают еду, и их *конкуренция* пропорциональна их средствам. Роскошные покупки для удовлетворения их желаний, их *конкуренция* пропорциональны им. Сильная *конкуренция* с одной стороны, уменьшает ее с другой; и когда она становится настолько сильной, что эффективно объединяет интересы одной стороны контракта, тогда это становится абсолютно *простым*; это полностью переворачивает баланс и должно в короткий срок уничтожить разделенный интерес.

Глава VIII. Далее я исследую относительные показатели *расходов, прибыли и убытков*.

Отношения, которые они несут, часто не выражаются, что вовлекает тех, кто использует их в двусмысленностях, которых следует избегать. Поэтому я называю расходами *национальные*, когда из-за этого уменьшается национальный запас в пользу других государств; они являются *общественными*, когда деньги, поступающие от национального взноса, расходуются государством внутри страны; а *частными расходами* являются вложения денег, принадлежащих частным лицам или частным интересам: это не имеет никакого другого эффекта, кроме содействия внутреннему обращению. Далее я различаю то, что мы называем *расходованием*, и то, что называется *авансированием денег*; первое указывает на намерение потреблять; второе указывает на перспективу последующего отчуждения.

Прибыль бывает либо *положительной, относительной, либо составной*.

Положительный, когда какой-то орган выигрывает, и ни один орган не проигрывает; *относительный*, когда какой-то орган получает именно то, что потеряно другим; и *сложный*, когда выигрыш одного подразумевает проигрыш другого, но не равен полной стоимости выигрыша. То же различие может быть применено и к убыткам.

Глава IX. Изложив фундаментальные принципы, влияющие на деятельность торговли и промышленности, я рассматриваю их политические последствия и последствия, возникающие для государства, которое начало подчинять свою политическую экономику интересам торговли; и такое государство я называю *торговой нацией*.

Первым следствием этого является увеличение спроса на работу людей, потому что теперь они начинают поставлять работу незнакомым людям. Если это увеличение будет внезапным, оно *повысит* спрос; если оно будет постепенным, оно *увеличит* его. Если цены повышаются в одной обширной отрасли промышленности, они должны повышаться во всех, потому что должна иметь место конкуренция за рабочие руки: фермер ищет слуг и должен оспаривать их у

ткацкого станка; и первый должен возместить свои дополнительные расходы при продаже своих предметов первой необходимости. После этой революции горе тем, кто не может увеличить свой жизненный фонд пропорционально увеличению своих расходов! Ничто так не радует, как постепенный рост прибылей при производстве, и ничто так не печалит, как остановка, которая является необходимым следствием любого увеличения производства. Когда цены растут высоко, рынок пустеет, и другие страны извлекают выгоду из этого обстоятельства, чтобы получить предпочтение. Отсюда я делаю вывод, что *рост* спроса является предвестником упадка в торговле; а *увеличение* этого, истинная основа прочного богатства. Но поскольку увеличение предложения может подразумевать увеличение числа жителей, государственный деятель должен постоянно поддерживать средства к существованию в легкой пропорции к спросу на них: от этого зависит все. Изобилие средств к существованию является безошибочным средством поддержания цен на низком уровне; и внезапные и резкие изменения в их стоимости должны погубить промышленность, несмотря на сочетание всех других благоприятных обстоятельств. Причина проста: одна эта статья составляет две трети всех расходов всех низших классов, и их доходы должны быть пропорциональны их расходам; но поскольку доходы тех, кто работает на экспорт, определяются в торговой стране последствиями иностранной конкуренции, то, если их средства к существованию не поддерживаются на одинаковом уровне, они должны жить ненадежно или в постоянном колебании между изобилием и нуждой. Из этого можно сделать вывод о бесконечной важности различия в каждой торговой стране, где цены на средства к существованию подвержены большим и внезапным колебаниям, тех, кто снабжает иностранцев, и тех, кто снабжает своих соотечественников. Как и немыслимое преимущество, которое могло бы возникнуть в результате такого контроля над зерном, поскольку могло бы удерживать цену на него в определенных пределах.

Глава X. Эта доктрина естественным образом подводит меня к рассмотрению пропорций между *спросом* и *предложением*, и для лучшего изложения своих идей я рассматривал их как две величины, подвешенные на весах политического равновесия, которое я называю *работой и спросом*; предпочитая слово *работа supply*, потому что интересы рабочих в первую очередь находятся в поле нашего зрения.,,

Когда *работа* соразмеряется с *спросом*, равновесие нарушается под влиянием двойной конкуренции; торговля и промышленность процветают; но поскольку действие естественных причин должно нарушить это равновесие, рука государственного деятеля становится постоянно необходимой для его сохранения.

После представления различных способов нарушения баланса (из-за *положительного* или *относительного* перевеса любой шкалы) Я указываю на последствия такого пренебрежения со стороны администрации государственного деятеля. Если масштабы *работы* преобладают, то есть если работы больше, чем спроса, то либо рабочие вступают в пагубную конкуренцию, которая снижает их прибыль ниже надлежащего уровня и заставляет их голодать; либо часть товаров оказывается у них на руках, к разочарованию промышленности. Если масштабы спроса будут преобладать, то либо цены вырастут, а прибыли консолидируются, что подготовит почву для установления иностранного соперничества, либо спрос немедленно прекратится, что станет сдерживающим фактором для роста промышленности.

Следовательно, каждое нарушение этого баланса влечет за собой одно из четырех неудобств: либо трудолюбивые морят друг друга голодом; либо часть их работы оказывается под рукой; либо их прибыли растут и консолидируются; либо они не удовлетворяют часть предъявленных требований. Я называю это непосредственными последствиями нарушения этого баланса. Далее я указываю на дальнейшие последствия, которые они влекут за собой, когда государственный деятель не настороже, чтобы предотвратить их.

Государственный деятель должен быть постоянно внимателен, и как только он замечает слишком частую тенденцию к перевесу на какой-либо из весов, ему следует осторожно взвалить груз на противоположную чашу, но никогда, за исключением случаев величайшей необходимости, не снимать ничего с тяжелой. Таким образом, когда выясняется, что масштабы спроса преобладают, он должен поощрять создание новых предприятий для увеличения предложения и сохранения цен на их прежнем уровне: когда масштабы работ преобладают, тогда должны быть использованы все средства для увеличения экспорта, чтобы предотвратить падение прибыли ниже прожиточного минимума.

Глава XI. Далее я исследую, как это равное равновесие в конце концов нарушается.

1мо. Постоянное увеличение объема работы влечет за собой увеличение численности, а следовательно, и продовольствия; но количество продовольствия зависит от размеров и плодородия почвы: поэтому, как только почва отказывается давать больше пищи, ее приходится искать за границей, а когда расходы на ее добывание превышают определенный стандарт, средства к существованию становятся дорогими; это повышает цены, рынок пустеет, и масштабы работы становятся преобладающими, пока трудолюбивые не вступают в пагубную конкуренцию и не морят друг друга голодом: здесь становится необходимым применение государственных денег.

2до. Когда праздный народ, сытый досыта, берется за промышленность, он может позволить себе на некоторое время производство по самой дешевой цене, потому что он не *живет* своим трудом, а *развлекается* им. Отсюда дешевизна всех видов деревенской работы в прежние времена и работы монахинь в тех странах, где мы живем. Но когда земли очищаются от лишних ртов, и когда те, кого вычищают, оказываются вынуждены жить только своим трудом, тогда цены растут, и рынок пустеет.

3тио. Когда государственный деятель неосмотрительно вводит налоги таким образом, чтобы обязать иностранцев возвращать ту часть, которую платят трудолюбивые люди, поставляющие их; это также повышает цены, и рынок пустеет. Таким образом, действие естественных причин должно остановить всякое усиление, если только не будет задействована рука государственного деятеля, чтобы остановить их непосредственные пагубные последствия. Когда средств к существованию становится мало, а улучшение земель слишком дорого, он должен заставить общественность внести свой вклад в улучшение почвы: когда цена средств к существованию все еще растет из-за дальнейшего увеличения, он должен удерживать ее на низком уровне за счет государственных денег; а когда эта операция становится слишком обширной, он должен довольствоваться снижением цены на ту часть средств к существованию, которая потребляется теми, кто поставяет товары на внешние рынки.

Глава XII. Одних бытовых пороков недостаточно, чтобы погубить торговую нацию; у нее должны быть соперники, способные извлечь из них выгоду.

Пока ее баланс *работы и спроса* нарушается благодаря чередующимся *дополнениям*, она с триумфом идет вперед, и ей нечего бояться: когда это прекратится, она должна научиться стоять на месте с помощью чередующихся *увеличений и уменьшений*, пока злоупотребления в других странах не позволят ей снова вибрировать благодаря *дополнениям*. Но как только перевес в масштабах работы устраняется за счет сокращения числа трудолюбивых и колебания баланса поддерживаются попеременными *уменьшениями* в пользу поддержания высоких прибылей от промышленности, тогда все идет прахом, и иностранные нации, несмотря на все неудобства, сопутствующие новым предприятиям, устанавливают успешное соперничество: они отнимают хлеб у тех, кто раньше служил им; и, пользуясь преимуществами, которыми раньше пользовались торговцы, они заставляют колебаться свой собственный баланс за счет увеличения, которое понижает торговля других постепенно расширяется, пока не исчезнет.

Глава XIII. Соперничество между нациями заставляет меня задаться вопросом, насколько форма их правления может быть благоприятной или неблагоприятной для конкуренции между ними. Здесь я впадаю в отступление относительно происхождения власти и подчинения среди людей, поскольку это рационально и согласуется с естественной справедливостью; и я прихожу к выводу, что всякое *подчинение* между людьми, в каких бы отношениях они ни находились друг к другу, должно быть пропорционально их *their mutual dependence* Степени которых столь же различны, как оттенки цвета. Однако я разделяю их на четыре. 1. Отношение рабов к своим хозяевам. 2. Отношение детей к своим родителям. 3. Отношение рабочих к владельцам земель. 4. Отношение свободных рук, занятых в торговле и мануфактурах, к своим клиентам. И, поднимаясь на мгновение за пределы моей сферы, я скажу, что подчинение подданных своим суверенам во всех свободных правительствах простирается не дальше, чем пунктуальное соблюдение законов. Затем я перехожу к рассмотрению прежних принципов и, исходя из конфронтации политики наших предков с современной системой, прихожу к выводу, что большое политическое препятствие на пути развития торговли и промышленности проистекает скорее из произвольного, нерегулярного и неопределенного подчинения между классами и между отдельными людьми, чем из различий в регулярной и устоявшейся форме их правления, законодательства и исполнения или администрации верховной власти. В то время как законы только регулируют, не так важно, кто их издает или кто приводит их в исполнение.

Глава XIV. В этой главе я пытаюсь развлечь моего читателя применением наших принципов к политической экономике лакедемонянского содружества, где я показываю, что торговля и промышленность не являются необходимыми для безопасности и счастья. Анализируя план Ликурга, я показываю, что его совершенство было полностью обусловлено простотой учреждения.

Глава XV. Далее я перехожу к применению общих принципов к конкретным модификациям торговли.

Баланс работы и спроса в равной степени способствует *внешним и внутренним* интересам нации. *Первый* - продвигая свою власть и превосходство за границу; *последний* - обеспечивая всех работой и существование дома. На эти интересы влияют совершенно иные принципы, и это открывает новую комбинацию, на которую следует обратить особое внимание.

В первой книге мы рассматривали потребителей и поставщиков как членов одного общества, и их интересы сливались воедино; но в тот момент, когда возникает вопрос о внешней торговле, они становятся полностью разделенными. Кажется, что каждая страна находится под

руководством определенного государственного деятеля, и они должны играть друг против друга, как если бы играли в шахматы. Тот, кто управляет потребителями, должен приложить все усилия, чтобы научить своих людей обеспечивать себя самостоятельно. Тот, кто стоит во главе поставщиков, должен делать то, что *он* может, чтобы свести усилия другого к нулю, продавая дешево и ставя в непосредственный интерес подданных своего конкурента нанимать поставщиков, предпочтительно из числа своих соотечественников. Итак, вот два плана, противоположных друг другу, которые необходимо осуществить; и мы пытаемся указать на принципы, которые должны влиять на поведение соответствующих предпринимателей на каждой стадии их процветания или упадка. Мы излагаем методы улучшения каждого благоприятного обстоятельства, чтобы приблизить намеченную цель, и показываем, как приправить каждое неизбежное неудобство лучшими паллиативами, когда совершенное средство становится невыполнимым.

Глава XVI. В этой главе я продолжаю нить своих рассуждений, чтобы привлечь внимание моих читателей к различию между принципами *внешней* и *внутренней* торговли; и, выделяя последние для последующего рассмотрения, я приступаю к исследованию разницы между теми отраслями внешней торговли, которые *неизбежно* заставляют нации зависеть друг от друга, и теми, где зависимость является лишь *случайной*. На первое можно рассчитывать, но последнее носит ненадежный характер, и их сохранение должно быть особой заботой государственного деятеля.

Метод, которого следует придерживаться для этой цели, состоит в том, чтобы поддерживать цену на каждый предмет экспорта на уровне, пропорциональном возможности его поставки; и никогда не позволять ей подниматься выше, позволяя иностранному спросу предоставлять даже самую благоприятную возможность. Опасности, которых следует избегать, - это не высокие прибыли, но *укрепления* на них; это соображение, следовательно, должно направлять государственного деятеля поведения в этой частности. С другой стороны, он должен позаботиться о том, чтобы крупные классы трудолюбивых, которые удовлетворяют иностранный спрос и у которых из политических соображений прибыль сведена к *минимуму*, не были случайным уменьшением этого иностранного спроса ниже этого необходимого стандарта: следовательно, он должен восполнить недостаток иностранного спроса, обеспечив тем или иным способом продажу любой части этой промышленности, которая окажется под рукой; и если в результате этой операции будут понесены убытки, то лучше, чтобы они легли на все общество, которое может быть в состоянии это вынести, чем на одного человека. класс, который должен быть раздавлен бременем.

Глава. XVII. Когда производители оказываются без работы, первое, что нужно сделать, - это детально разобраться в причине этого. Это может быть вызвано повышением цен на средства к существованию, уменьшением спроса из-за границы или появлением новых мануфактур внутри страны; для каждого из этих факторов должно быть применено соответствующее средство. Жалобы производителей не являются безошибочным признаком упадка торговли; больше всего они жалуются, когда лишаются своих непомерных прибылей. Жалобы настоящих страдальцев, тех, кто теряет *необходимое*, слабы и редко простираются дальше сферы их собственных страданий. Истинные симптомы упадка торговли следует искать в особняках богачей, где впервые появляется иностранное потребление. Государственный деятель будет судить об упадке *той* торговли, которая поддерживает и обогащает народ, скорее по *непринужденности* трудолюбивых классов, чем по их бедствиям. Иностранные нации охотно

дают хлеб тем, кто им служит, но очень редко *что-либо большее*; и отсюда я заключаю, что чем больше промышленники чувствуют себя свободно, тем больше государственный деятель должен быть настороже, чтобы это временное преимущество не привело как к национальной бедности, так и к частным бедствиям.

Когда внутреннее потребление начинает поставляться из-за границы, и когда иностранцы покидают рынок или отказываются от наших товаров, когда мы везем их им, тогда мы имеем неопровержимое доказательство упадка торговли; хотя увеличение внутреннего спроса может немедленно освободить каждого трудолюбивого человека, оставшегося без работы, и даже предоставить ему лучшую, чем когда-либо, работу по обеспечению роскошью своих соотечественников.

Государственный деятель должен быть обеспечен средствами от любой болезни. Когда роскошь становится на путь искоренения внешней торговли, пусть он воспользуется уловом, чтобы подобрать каждого рабочего, который бездействует из-за каприза моды, чтобы дать ему полезное занятие: он может подавать свой собственный пример в противовес примеру более роскошных, и по мере того, как он укрепляет свои позиции на них, он должен открывать все каналы для вывоза изделий тех, кого он заставил работать для восстановления внешней торговли. Если, с другой стороны, он сам склонен к роскоши и склонен поощрять это, ему следует позаботиться о том, чтобы подаваемый им пример расточительства не привел к сокращению рабочих рук, занятых как для удовлетворения внутреннего потребления, так и для внешнего спроса. Это достигается путем сохранения изобилия средств к существованию в стране и удержания на низком уровне цен на все виды мануфактур, путем постепенного увеличения числа занятых рабочих рук пропорционально увеличению спроса; таким образом, роскошь человека увеличит его численность, не нанося ущерба его внешней торговле: следовательно, великое искусство состоит в том, чтобы приспособить администрацию к обстоятельствам и регулировать ее в соответствии с неизменными принципами.

Глава. XVIII. Но поскольку государственный деятель не всегда является архитектором экономики, с помощью которой должен управляться его народ, он должен знать, как устранять неудобства, а также предотвращать их; потому что он в значительной степени несет ответственность за последствия ошибок тех, кто был до него. Таким образом, когда его предшественники допустили, что действие естественных причин привело к повышению цен и разрушению внешней торговли, он должен углубиться в самый тщательный анализ каждого обстоятельства, относящегося к промышленности, чтобы с корнем выявить действительную причину такого увеличения. Ошибочные средства, применяемые при неправильно понятых заболеваниях, часто приводят к самым фатальным последствиям.

Если государственный деятель, например, применит средство против *консолидированной прибыли* путем увеличения числа рабочих рук, занятых на производстве, в то время, когда высокие цены обусловлены только дороговизной жизни, из-за этой простой ошибки он погубит всех: те, кто на самом деле получает не больше, чем физически необходимо, вступят в пагубную конкуренцию и заморят друг друга голодом. Но если вместо увеличения числа рабочих рук он увеличит средства к существованию, цены упадут; и тогда, если держать количество рабочих рук в правильном соотношении со спросом, они естественным образом и постепенно снизятся до самого низкого уровня; и экспорт будет продолжаться успешно.

Я рассматриваю *консолидированную прибыль и высокие цены на средства к существованию* как пороки государства, которые государственный деятель обязан устранять. Но есть и третья причина высоких цен (относительно высоких по сравнению с ценами в других странах), которые в равной степени разрушат внешнюю торговлю, несмотря на все меры предосторожности.

Это происходит тогда, когда другие нации научились извлекать выгоду из своих превосходящих природных преимуществ. Я показал, как пороки внутри страны позволяют иностранцам становиться нашими соперниками; но без этой помощи каждая хорошо управляемая нация сможет извлечь выгоду из своего собственного естественного превосходства, несмотря на лучшее управление с другой стороны. Единственное средство в таком случае для нации, торговля которой начинает приходить в упадок вследствие естественного превосходства других наций, состоит в том, чтобы строго придерживаться своей *бережливости*; не оставлять камня на камне, чтобы привить своим соперникам вкус к роскоши; и терпеливо ждать, пока неосторожные новички из-за этого не столкнутся с неудобствами роскошной жизни и солидных прибылей. Помимо этого средства, есть и другие, которые зависят от разумного использования государственных денег: непреодолимый двигатель торговли, способный разрушить торговлю любой другой нации (не поддерживая ее аналогичными операциями) и продолжать экспорт, несмотря на большие естественные неудобства. Но эти принципы приберегаются для пятой книги, когда мы перейдем к рассмотрению применения налогов.

Указав на методы сохранения уже налаженной внешней торговли, я затем исследую, как те нации, которые непреднамеренно способствовали возвышению других, более трудолюбивых, ведя с ними торговлю, вредную для них самих, могут положить конец истощению своих собственных сокровищ; могут научиться снабжать себя всем необходимым; и могут быть научены извлекать выгоду из своих собственных естественных преимуществ, чтобы стать соперниками тех, кто, возможно, довел их до нищеты; и даже восстановить не только свое прежнее положение, но и заложить основу политической экономики, способной о том, чтобы поднять их до уровня наиболее процветающих государств.

Я завершаю свою главу, обращая внимание моего читателя на огромную разницу, существующую между *теорией*, где все пороки, подлежащие исправлению, кажутся ясными и несложными; и *практикой*, где их часто трудно обнаружить, и они настолько переплетаются друг с другом, что вряд ли возможно применить какое-либо средство, которое не доставляло бы очень больших неудобств. Если бы средства правовой защиты от злоупотреблений применялись так же легко, как, по-видимому, предполагает теория, они были бы быстро исправлены повсюду.

Поэтому пусть теоретики остерегаются доверять своей науке, когда в вопросах управления они либо советуют тем, кто расположен слепо следовать им, либо когда они сами берутся вмешиваться в это. Старый практик испытывает трудности, которые он не может ни свести к принципам, ни сделать понятными для всех; а теоретик, который смело берется устранять каждое зло и не предвидит ничего с противоположной стороны, скорее всего, потерпит неудачу, а затем даст очень рациональное объяснение своему неудачному результату. Следовательно, хороший теоретик может быть превосходным рассуждающим, но без долгой и подтвержденной практики из него никогда не получится неуклюжий государственный деятель на практике.

Глава XIX. Рассмотрев фундаментальные принципы *торговли* и *промышленности*; объяснив доктрину *спроса* и *конкуренции*; теорию *цен* с причинами их *повышения* и *падения*; разницу между *себестоимостью* и *прибылью*; их *консолидацию* и последствия такой *консолидации* в любой отрасли производства; я представляю свой предмет в новом свете и представляю его моим читателям в более расширенном виде. Изучив, как я могу сказать, карту каждой провинции, мы теперь должны взглянуть на карту всей страны. Здесь отмечены основные реки и города; но все ручьи, деревни и т.д. скрыты. Это не более чем краткое перечисление того, что уже было пережито. Торговля, рассматриваемая с этой точки зрения, делится на три области, или, так сказать, на три стадии жизни: *младенчество*, *возмужалость* и *старость*.

В период *зарождения* торговли государственный деятель должен заложить основы *промышленности*. Он должен умножать потребности, поощрять их удовлетворение; короче говоря, следовать принципам первой книги с тем дополнением, что он должен исключить любой ввоз иностранной работы. В то время как роскошь имеет тенденцию только изгонять праздность, давать хлеб нуждающимся и развивать ловкость, она дает наилучшие результаты.

Когда народ достаточно усердно работает, когда лень презирается, а ловкость доведена до совершенства, тогда государственный деятель должен попытаться устранить препятствия, которые, должно быть, возникли при выполнении первой части его плана. Строительные леса должны быть убраны после завершения работы с тканью. Этими обременениями являются высокие цены, на которые он был вынужден закрывать глаза, пока он прививал вкус к трудолюбию в развитии сельского хозяйства и мануфактур; но теперь, когда он намеревается поставлять товары на внешние рынки, он должен увеличить количество рабочих рук; создать им конкуренцию; снизить цены как на средства к существованию, так и на работу; и когда роскошь его народа затрудняет это, он должен напасть на нравы богатых и ограничить внутреннее потребление излишков, чтобы иметь больше рабочих рук для снабжения иностранцев.

Последняя стадия торговли, безусловно, самая блестящая; когда после прекращения внешней торговли приобретенные богатства поступают в обращение внутри страны. Разнообразие новых принципов, возникающих в результате этой революции, составляет предмет того, что остается рассмотреть в последующих главах.

Глава XX. Прежде чем я перейду к принципам внутренней торговли, я подготовлю для этого небольшую диссертацию о термине "роскошь". Я стараюсь проанализировать это слово до конца, обнаружить и расставить по порядку все идеи, которые оно может передать. Таким образом, я подтверждаю определение, которое я дал этому (которое является потреблением излишеств), и показываю, что роскошь, как я ее рекомендую, свободна от обвинений в порочности или злоупотреблении.

Поэтому я различаю *роскошь*, *чувственность* и *излишество* - три термина, которые часто путают, но которые выражают совершенно разные идеи. Человек может потреблять большое количество излишеств из принципа показухи или даже с политической целью поощрять трудолюбие; я называю его *роскошным*. *Чувственности* можно потакать как в коттедже, так и во дворце; а излишества зависят исключительно от обстоятельств. *Роскошь*, следовательно, так же как *чувственность* или любая другая страсть, может быть доведена до *избытка* и, таким образом, стать порочной. *Избыток* в потреблении порочен в той мере, в какой он затрагивает наши *моральные, физические, домашние* или *политические* интересы; то есть наш *разум*, наше *тело*, наше *личное состояние* или *государство*. Когда потребление, которое мы

производим, не приносит вреда ни в одном из этих аспектов, его можно назвать умеренным и свободным от пороков.

Нашим *моральным* и *физическим* интересам вредят излишества в *еде, питье, любви и легкости*, или лени; в зависимости от того, влияют ли эти удовольствия соответственно на *разум*, или на *тело*, или на то и другое.

Наши *домашние* интересы часто вынуждают нас называть это *избытком*, который природа едва ли считает *достаточным*; а в других случаях и разум, и тело разрушаются из-за *излишеств* которые способствовали накоплению величайших состояний.

Самым прямым *политическим* *political* неудобством, связанным с чрезмерной роскошью, является потеря внешней торговли. Более косвенные следуют как последствия тех, которые уже описаны; потому что они могут сделать лиц, занятых на государственной службе, небрежными и непригодными, алчными и коррумпированными, но эти пороки, скорее, являются *прямыми* последствиями несовершенства ума, чем последствиями, проистекающими *естественным* из чрезмерного потребления излишков. Следовательно, их следует рассматривать как вторичные эффекты, поскольку они могут проистекать как из скупости, так и из расточительности. Исправление политических пороков напоминает прополку грядки с нежными цветами, все корни которых сливаются воедино, а листья почти одинаковы. Поэтому для такой операции уместно обладать как проницательностью, так и ловкостью хорошего садовника.

Глава XXI. От *роскоши* я перехожу к *физической необходимости*, которую я определяю исходя из подразумеваемого ею потребления: человек получает свою физическую необходимость, когда он *сыт, одет и защищен от вреда*. Но поскольку эти удовольствия, как мы обнаруживаем, никоим образом не удовлетворяют его желаниям, я вынужден установить другую *необходимость* которую я называю *политической*. Это я измеряю также по потреблению, подразумеваемому этим, а именно по тому, что соответствует *рангу* человека.

Ранг опять же определяется *общим мнением людей*, и это *мнение* основывается на обстоятельствах, которые относятся к *рождению, образованию или привычкам* человека. Когда общепринятое мнение относит кого-либо к определенному рангу, он получает право пользоваться определенными предметами *физического излишества*, которые входят в *состав* *его* политической необходимости: так, те, кто поднялся над уровнем самого низшего класса жителей, имеют право на воскресное платье; у фермера пальто лучше, чем у чернорабочего; у приходского священника должна быть мантия; у магистрата маленького городка должны быть оборки, возможно, шелковые чулки; у мэра - бархатный сюртук, а у местного жителя - шелковый халат., а лорд-мэр - государственным тренером; эти и подобные им статьи составляют то, что я называю *политически необходимым*.

Положение человека иногда обязывает его к определенным статьям расходов, которые, возможно, могут повлиять даже на его *физическую необходимость*. Как часто мы видим, как люди прикрывают свои плечи за счет живота. Конкуренция между желаниями нашего *разума* и теми, которые проистекают из нашей *животной экономики*, настолько сильна, что часто трудно определить, происходит ли неспособность удовлетворить наши *физические потребности* от того, что мы слишком далеко продвинулись в удовлетворении других наших желаний, или от реальной бедности.

Низшие классы народа в стране торговли должны быть ограничены в своих физических возможностях; но это ограничение должно быть вызвано не *угнетением*, а только последствиями *конкуренции*. Хотя это поддерживается среди людей одного и того же класса, это приводит к тому, что все они сводятся к *физической необходимости*, и когда это снижает их уровень, это порок, который следует пресекать. Особая изобретательность некоторых рабочих того же класса поднимет их над этим уровнем; и чем больше они смогут подняться над конкуренцией, тем больше будут их выгоды. Становясь мастерами в каком-либо искусстве, они делят прибыль с теми, кого нанимают; и таким образом повышаются в звании и богатстве, при условии, что их бережливость сочетается со всеми другими естественными или приобретенными преимуществами. Следовательно, принцип заключается в том, чтобы повсеместно поощрять конкуренцию, пока она не приведет к низведению работников промышленности до уровня, необходимого физически, и не допускать, чтобы она когда-либо приводила их к низкому положению: из этого вытекает необходимость применения всех мер для облегчения бремени их детей определенными классами, если вы склонны к тому, чтобы они размножались; и предотвращения неравномерного воздействия налогов и других обременений на них.

Глава XXII. Теперь я перехожу непосредственно к рассмотрению внутренней торговли как происходящей после прекращения внешней торговли, когда все попытки восстановить ее оказываются тщетными. В такой ситуации богатая нация не должна считать себя погибшей: способный государственный деятель должен знать, как сделать свой народ счастливым в любой ситуации. Это универсальный принцип поведения, как частного, так и политического, - смотреть вперед и улучшать настоящее на основе опыта прошлого. Одно большое неудобство, возникающее в результате уже *утраченной* внешней торговли, состоит в том, что больше нет вопроса о каком-либо новом приобретении богатства или о замене одного фартинга из того, что в любое время может быть отправлено из страны. Но наибольшие неудобства ощущаются при проигрыше в такой сделке: они бесчисленны, когда под рукой нет способного государственного деятеля, который мог бы их предотвратить.

Чтобы я мог указать на них по порядку, я делаю краткий обзор наших принципов: малейшего намека достаточно, чтобы показать их силу; и когда мой читатель почувствует повторение, которое он сочтет излишним, пусть он подумает, что само это обстоятельство является доказательством их точности. В этой науке мы должны пользоваться нашими принципами, как плотник пользуется своей линейкой; для него нет ничего нового в этом инструменте; но все же он должен держать его в руках, чтобы иметь возможность с точностью знать что-либо о своей работе.

В этой главе я привожу краткое рассуждение о разнице между старинной и современной роскошью. Кратко излагается их природа и последствия. Я указываю на сходство между роскошью нового времени и роскошью немногих крупных торговых городов древности, таких как Тир и Карфаген; и я показываю, в каком отношении она отличалась от той роскоши, которая привела к падению азиатских империй и Рима.

Когда империи когда-то формировались, они разорялись из-за роскоши и сохранялись с помощью войн: потому что они приводили в движение их богатство.

Когда торговые государства перешли к военным действиям и стали стремиться к завоеваниям, вскоре последовало их крушение, потому что война уничтожила промышленность, которая создавала их величие.

Причину различия я нахожу в том, что в *монархии* богатство, из которого возникла роскошь, было результатом грабежа; в *другом* случае - результатом промышленности. Первые не дали эквивалента своего богатства; это сделали другие. Там, где при приобретении не дается эквивалента, вся пропорция теряется при растрате. Роскошь грабителей была чудовищной и жестокой, роскошь торговцев - систематической и пропорциональной. Роскошь монархий привела к пренебрежению общественными делами: в городах именно это пренебрежение разрушило их роскошь. Роскошь монархий не имела ничего общего с этим, кроме удовлетворения страстей; роскошь других не приносила вреда, но именно из-за этого обстоятельства. Исходя из проведенного мною контраста, я устанавливаю разницу между старинной и современной роскошью. Первая была насильственной; последняя систематична и может поддерживаться только промышленностью и свободой. Другим следствием является то, что как грабеж несовместим с промышленностью, так и произвол власти несовместим: следовательно, те абсолютные монархи, которые основывают промышленность в своей стране, чтобы вкусить сладости роскоши и богатства, незаметно вкладывают узду в уста своих преемников, которые должны, исходя только из этого соображения, подчинить свое правительство правильной системе законов и политической экономии.

Это лучшая схема ограничения произвола князей, чем все восстания, которые когда-либо были задуманы. Беспорядок устанавливает произвольную власть, а порядок разрушает ее.

Глава XXIII. Когда нация, которая долгое время вела дела и обогащалась за счет взаимной торговли мануфактурами с другими нациями, обнаруживает, что торговый баланс оборачивается против нее, в ее интересах полностью положить этому конец и оставаться такой, какая она есть, а не продолжать привычно придерживаться практики, которая при изменении обстоятельств должна иметь последствия, прямо противоположные тем преимуществам, которые она давала раньше. Такое прекращение может быть достигнуто с помощью пошлин и запретов, которые государственный деятель может наложить на импорт, как только он поймет, что они начинают преобладать по отношению к *экспорту* из его собственной страны.

Я иллюстрирую этот принцип изучением тех факторов, которые влияют на создание объединенных городов и округов. Я показываю, как это можно рассматривать как множество государств, домашняя роскошь, налоги и высокие цены на жизнь которых лишили возможности поддерживать конкуренцию с незнакомцами (то есть с открытой местностью), которая здесь представляет остальной мир. Я показываю разумность таких исключительных привилегий в пользу тех, кто разделяет бремя, присущее обществу, только в том, что касается обеспечения их собственного потребления; и я указываю, какими методами можно предотвратить любое противодействие промышленности, поскольку эта промышленность часто имеет своей целью удовлетворение потребностей тех, кто не входит в корпорацию.

Из долгой и постоянной практики повышения *налогов* внутри объединенных городов я заключаю, что *налоги* являются вполне естественным следствием роскоши и потери внешней торговли; и поскольку князья поняли намек городов на повсеместное их увеличение, неудивительно, что внешней торговле положен конец вследствие такого неразумного расширения.

Глава XXIV. Далее я перехожу к методам, которые следует использовать в деликатном процессе такой великой революции, как лишение народа его права считаться торговой нацией.

Если государственный деятель внимательно следит за каждым импортируемым товаром и тщательно изучает, какое применение находит каждый импортируемый товар, он легко поймет, когда следует поощрять, когда ограничивать, а когда запрещать.

Однако при таком рассмотрении необходимо учитывать каждую взаимосвязь, поскольку импорт иностранного товара затрагивает множество различных интересов, некоторые внутри страны, некоторые за ее пределами; некоторые непосредственно, другие лишь косвенно. Ничто так не сложно, как интересы торговли. Импорт товара может в первую очередь повысить интересы тех, кто внутри страны поставяет экспортируемые товары, возвратом которых является импорт. Импорт может быть полезен для развития мануфактур, при условии, что он состоит из пригодного для них материала; однако, если вся продукция, произведенная из него, предназначена для внутреннего потребления, национальным интересам в целом будет нанесен ущерб в результате импорта. Импорт вин и коньяков является большой экономией средств к существованию в северных странах, где вместо них производятся ликеры, перегоняемые из зерна. Эти и многие другие отношения должны быть изучены, прежде чем государственный деятель сможет вынести приговор по поводу импортного товара. Проведенное расследование и сбалансированные [balanced](#) с обеих сторон, все вредные статьи импорта должны быть прекращены; и когда это будет сделано, если следствие докажет общую остановку экспорта, тогда внешняя торговля будет благопристойно прекращена без какой-либо насильственной революции; потому что предполагается, что государственный деятель действовал постепенно и все это время трудился над увеличением потребления внутри страны, пропорционально тому, как трудолюбивые были вынуждены бездействовать из-за других операций.,,

Когда внешняя торговля подходит к концу, число жителей должно быть сокращено до пропорции, обеспечиваемой домашним хозяйством, на случай, если их прежнее процветание привело их за пределы этого. Национальное богатство должно быть сохранено в целости и пущено в оборот, чтобы обеспечить средства к существованию и занятость для каждого человека.

Глава XXV. Даже если страна окажется на столь низком уровне внешней торговли, она всегда найдет спрос за границей на излишки своих природных продуктов, которые, при правильном ведении дел, окажутся средством приумножения ее национального богатства.

Если экспорт средств к существованию будет продолжаться, в то время как многие находятся в нужде дома, ограничение, наложенное на вывоз, не устранил неудобств; потому что несчастные все равно останутся таковыми, если им не оказать помощь и не предоставить возможность оспаривать средства к существованию в своей собственной стране у иностранных государств. Основной причиной этого явления является преобладание объема работы на дому. Когда внутренний спрос не заполняет пустоту, о которой мы говорили, возникает жестокая конкуренция между теми, кто работает ради удовлетворения физических потребностей; цена их труда падает ниже общего прожиточного минимума *за границей*; их часть экспортируется, и они вынуждены голодать.

Следовательно, государственный деятель, стоящий во главе народа, живущего в роскоши, должен стараться сохранять равновесие; и если необходим переворот, гораздо лучше, если это

произойдет из-за преобладания масштаба спроса. Вот моя причина предпочесть эту альтернативу.

Все подрывные действия плохи и сопровождаются плохими последствиями. Если масштабы работы превалируют, трудолюбивые будут голодать, их средства к существованию будут экспортироваться; нация выигрывает от этого, но, по-видимому, продает своих жителей. Если масштаб спроса преобладает, роскошь должна увеличиваться, но бедные кормятся за счет богатых, и национальный запас богатства остается таким же, как и был. Следовательно, с прекращением внешней торговли вы должны либо потерять своих людей, либо поощрять роскошь.

Государственный деятель, урегулировавший проблемы своей внешней торговли, должен более внимательно, чем когда-либо, относиться к своим внутренним проблемам. Я свожу основные объекты его внимания к трем. 1. Регулировать развитие роскоши в соответствии с руками, готовыми удовлетворить спрос на нее. 2. Ограничить его границы, то есть умножение своего народа, пропорционально размаху и плодородию почвы. И, наконец, распределить своих людей по классам в соответствии с требованиями обстоятельств (хозяином которых он не является).

Здесь я указываю на причины, по которым развитие роскоши наносит меньший ущерб великому королевству, чем маленькому государству. Почему законы о роскоши хороши в имперском городе Германии и почему они были бы вредны в Лондоне или Париже. Почему создание постоянной армии *в стране, полностью населенной* и богатой, должно сопровождаться попытками уменьшить роскошь, чтобы предотвратить слишком большое преобладание спроса и рост цен, которые лишили бы надежды на восстановление внешней торговли.

Кратко рассмотрев объекты озабоченности государственного деятеля, я перехожу к изучению естественных последствий этой революции для духа, правления и манер народа, который из трудолюбивого и бережливого превратился в роскошествующий и вежливый.

Торговцы изымают свои запасы по мере упадка торговли и ссужают их дома землевладельцам, которые таким образом получают возможность жить в роскоши. Это компенсирует трудолюбивым потерю иностранного спроса. Когда деньги, ранее употреблявшиеся для того, чтобы получать больше, начинают обращаться внутри страны для обеспечения излишков и увеличения внутреннего потребления, страна, по-видимому, с каждым днем становится все более богатой; торговцы и фабриканты, которые раньше были ограничены физическими потребностями, теперь находятся в спокойном положении; они увеличивают свое потребление; это ускоряет обращение; атмосфера изобилия и непринужденности распространяется по всей стране; и сами последствия их упадка истолковываются как неопровержимые доказательства их растущего процветания.

Государственный деятель может рассматривать богатство в трех различных аспектах: как рудник, когда оно закрыто; как объект торговли, когда оно используется для получения большей прибыли; или как предмет роскоши и фонд для налогообложения, когда оно расходуется на удовлетворение наших политических потребностей.

Общий склад ума и расположение жителей каждой страны (в том, что касается денег), я думаю, можно свести к той или иной из этих трех модификаций. Дело государственного деятеля - воздействовать на дух своего народа, чтобы незаметно смоделировать его отношение к

расходам и привести его в соответствие с тем принципом, который в наибольшей степени способствует национальному процветанию. Накопительство у частных лиц вряд ли когда-либо может быть выгодно государству; когда государство накапливает, дело обстоит совсем иначе, как будет показано ниже. Пока деньги используются для получения большей выгоды, они никогда не могут обеспечить собственнику ни могущества, ни авторитета; но когда, в последнем случае, они используются для удовлетворения наших желаний, в руках честолюбцев они приобретают силу; следовательно, могут соперничать с тем влиянием, которым не должен обладать ни один человек, кроме того, кто стоит во главе государства. Это мать фракций и корень, из которого произрастают все вредные партии. Именно такими средствами правительства (будь они хорошими или плохими) приводятся к анархии. Частное богатство развратило и в конце концов уничтожило превосходство римского государства; и только частное богатство утвердило свободу Голландии на развалинах испанской тирании. Следовательно, как только жители страны начинают использовать свои богатства для удовлетворения своих склонностей, в то же самое время государственный деятель должен начать обогащаться, чтобы сохранить то превосходство, которое существенно для *того*, кто стоит во главе каждого принципа действия. И всякий раз, когда это окажется вне его досягаемости, власть, которой он обладал, вскоре исчезнет; и правительство примет новую форму.

Государственный деятель приобретает богатство, облагая свой народ налогами: грабеж - это налог деспота; подушная подать, земельный налог и другие, затрагивающие отдельных лиц, принадлежат монарху; акцизы на потребление вводятся ограниченными правительствами. Первые сводят все на нет, вторые влияют на растущее благосостояние, последние ускоряют расточительство. Я завершаю свою главу несколькими небольшими историческими иллюстрациями, касающимися власти и влияния великих людей в государстве при различных обстоятельствах.

Глава XXVI. Далее я рассмотрю природу того, что я называю *балансом богатства*. Чем больше оборот в стране, тем более важным становится этот объект. В то время как большая часть национальной монеты была заперта; или пока она обращалась путем грабежа и вымогательства, последствия, обнаруженные в наше время, когда она циркулирует промышленным путем и в качестве адекватного эквивалента услуг, вряд ли были восприняты.

Денежная единица, или находящаяся в обращении монета страны, должна рассматриваться как часть национального достояния. В промышленно развитой стране все это постоянно переходит из рук в руки, и тот, кто является владельцем какой-либо его части, до сих пор является владельцем государственных акций.

С помощью этого вида собственности может быть приобретена любая другая. Когда она указана в качестве цены земли, такой обмен не приводит к изменению соответствующего положения сторон. Земельное поместье не лучше и не хуже другого, выраженного в монетах того же достоинства. Если я покупаю аннуитет или расплачиваюсь со своими долгами той монетой, которая есть у меня в кармане, ни я, ни человек, с которым я заключаю сделку, никак не меняем ситуацию с точки зрения богатства.

Но если я трачу свою монету на предметы потребления для собственного использования, то, как только какая-либо часть того, что я покупаю, расходуется, я становлюсь беднее: ибо эта операция, по-моему, в некотором роде уничтожает ту монету, которая у меня была. Это я

называю колебанием баланса богатства; я становлюсь беднее, а тот, кто произвел потребляемый товар для моего использования, становится намного богаче: следовательно, баланс меняется против меня в его пользу.

Следовательно, поскольку многие люди живут за счет производства предметов потребления, одно из применений монеты состоит в том, чтобы сделать, так сказать, непотребимой ту их часть, которая является излишней для нашего собственного потребления. Благодаря этой операции излишки переходят в другие руки, которые их потребляют, а на деньги, которые трудолюбивые люди получают взамен, они могут удовлетворить все свои потребности в той мере, в какой они решат их удовлетворить.

Следовательно, колебание баланса богатства есть не что иное, как изменения, которые ежедневно происходят в относительном соотношении богатств между отдельными лицами государства: и поскольку это колебание может возникнуть только тогда, когда имеющаяся у кого-либо монета начинает исчезать, при этом у него не остается никакого реального эквивалента, который он может отчуждать за ту же стоимость; отсюда следует, что баланс постоянно меняется в пользу тех, кто либо продает свое имущество, свои услуги, либо свой труд; и это равновесие они сохраняют по мере того, как их прибыль превышает их собственное потребление. С другой стороны, баланс постоянно поворачивается против праздных потребителей, потому что предполагается, что они ничего не производят; следовательно, все их потребление приводит к уменьшению их богатства.

До сих пор вопрос заключался только в балансе движимого богатства, то есть монеты; но введение этого, вместе со вкусом к избытку, приводит к переплавке *твердой собственности* в то, что я называю *символическими деньгами*.

Когда однажды происходит такое уточнение использования денег, мы видим дома, земли, юрисдикции, провинции, княжества, короны, скипетры и империи, выпущенные в обращение посредством символических денег, называемых банкнотами, перевода в банковские акции, счета, облигации, закладные, отчуждения владений, уплаты налогов и уступок, заключенных в окончательных договорах.

Как бережливость и трудолюбие в наши дни способны сколотить величайшие состояния в виде твердой собственности, так и расточительство с помощью символических денег является несомненным средством их уничтожения. Из этого я делаю вывод, что расточительство подразумевает бережливость, а бережливость - расточительство. В каждой стране с большим оборотом они уравнивают и уничтожают друг друга; и поскольку нет такой вещи, как равенство состояний, которое можно было бы сохранить, не запрещая отчуждение, то есть обращение, я думаю, что следующий лучший способ сделать людей равными - это обогащать их по очереди.

Я завершаю свою главу исследованием влияния государственных долгов на вибрацию этого баланса; и я прихожу к выводу, исходя из изложенных принципов, что в отношении коллективных интересов государства, то есть между самим государством, кредиторами и народом, нет вибрации богатства, создаваемого займами населению. Но в зависимости от того, тратятся ли заемные деньги в стране или за границей, баланс либо нарушается между отдельными лицами внутри страны, либо оборачивается против государства в пользу иностранных государств.

Глава XXVII. Далее я попытаюсь показать, насколько необходимо государственному деятелю приобрести доскональные знания о природе и последствиях обращения. По этому он может судить, когда монеты, *обращающейся* в стране, достаточно для продолжения отчуждения; а когда это не так, его учат, как увеличить ее количество, либо извлекая ее из хранилищ, как только он обнаруживает, что жители склонны ее запырывать; либо заменяя ее символическими или бумажными деньгами, когда металлы действительно в дефиците.

Здесь я замечаю, что количество *обращающихся* или *текущих* денег любой нации постоянно пропорционально вкусу богатых к расточительству, а бедных - к трудолюбию.

Когда расточительство богатых имеет тенденцию отвлекать трудолюбивых от снабжения отраслей экспорта, тогда государственный деятель, вместо того чтобы способствовать переплавке солидной собственности в пользу внутреннего обращения путем легкого введения символических денег, должен усложнить эту операцию, разрешив обогащать земли за счет выкупов, субституций, трастов, поселений и других изобретений, которые могут нанести ущерб репутации молодых людей, таких как отсрочка наступления совершеннолетия и другие подобного рода.

С другой стороны, пока земли остаются плохо обработанными; пока многочисленные классы остаются праздными и бедными; и пока много денег оказывается запертым, целесообразно совершенно противоположное управление: тогда должны быть использованы все методы для облегчения и установления кредитоспособности тех, кто обладает солидной собственностью; такие как введение ссуд под проценты; расторжение прав собственности на поместья; облегчение их продажи в пользу ликвидации всех правомочных требований трудолюбивых к собственникам, даже объявление интересов кредиторов благоприятной стороной во всех двусмысленных судебных процессах; и, наконец, разрешение ареста имущества. лицо, ответственное за движимые долги, которое поддерживает интересы кредиторов настолько, насколько, я думаю, это возможно в любой свободной стране. Короче говоря, всякое регулирование становится целесообразным, что может благоприятствовать трудолюбивым, ускорять обращение и предоставлять кредит каждому пропорционально его достоинствам.

Чем больше денег становится необходимым для продолжения потребления, тем легче взимать налоги; использование которых заключается в продвижении общественного блага путем извлечения у богатых средств, достаточных для трудоустройства как *достойных*, так и *бедных* на службе государству; или для исправления пагубных последствий внутренней роскоши для внешней торговли путем создания фонда для выплаты вознаграждений при экспорте.

При введении налогов государственный деятель должен обращать внимание на природу тех отраслей обращения, где баланс находится в состоянии колебания, чтобы отличать их от тех, где вибрация не подразумевается. Когда мужчина покупает поместье, было бы абсурдно заставлять его платить налог в *процентах*. *проценты*. хотя вы можете спокойно заставить его заплатить по этому тарифу, когда он купит пинту джина или фунт шоколада.

В налогах на потребление, опять же, следует уделять особое внимание тому, чтобы не путать те налоги, которые платят люди, потребляющие для удовлетворения своих желаний, с теми, которые платят те, кто потребляет для того, чтобы производить; то есть те, которые касаются богатых, с теми, которые затрагивают трудолюбивых.

Далее, государственный деятель должен прозорливо видеть, насколько введение налогов может повлиять на цены экспортируемых товаров; и в той мере, в какой они влияют на цены, они должны быть возвращены с процентами, и даже когда этого недостаточно для поддержки иностранной конкуренции, должны быть введены надбавки за счет новых ограничений внутреннего потребления.

Поскольку все приращения должны, наконец, прекратиться, то же самое должно произойти и с этими мерами по поддержке внешней торговли против влияния злоупотреблений внутри страны; но когда торговля прекращается, налоги могут быть увеличены; потому что соображения в пользу экспорта устраняются. Тогда государственный деятель должен изменить свой план и использовать силу и влияние, которые он приобретает благодаря богатой казне, чтобы искоренить злоупотребления, которые иссушили источник, из которого его страна получала постоянное увеличение богатства.

Я завершаю свою главу размышлением о том, что при мудром управлении каждый порок в государстве несет в себе надлежащее противоядие.

Если роскошь уничтожает внешнюю торговлю, она порождает налогообложение; а деньги в руках хорошего государственного деятеля - непреодолимый двигатель исправления любых злоупотреблений.

Говоря о налогах, я часто не заглядываю дальше своего пера, а когда я поднимаю голову и оглядываюсь по сторонам, я обнаруживаю, что политика моего кабинета сильно отличается от политики века, в котором я живу. Я согласен, разница поразительна; но все же разум есть разум, и нет ничего невозможного в предположении, что это станет практикой.

Глава XXVIII. Цены подразумевают отчуждение за деньги, а только частые и привычные отчуждения могут установить стандарт.

Цены на предметы первой необходимости в значительной степени регулируют цены на все остальное. Частое и знакомое отчуждение таких предметов предполагает трудолюбие и многочисленный класс свободных рук, потому что они являются только покупателями. Потребление предметов первой необходимости теми, чье занятие состоит в том, чтобы производить их для себя, не подразумевает отчуждения. Следовательно, если бы каждый снабжал себя предметами первой необходимости, не было бы их отчуждения; следовательно, не было бы и установленной цены. Отсюда следует, что цена предметов первой необходимости зависит от занятий народа, а не от количества его денег.

Стандартная цена *прожиточного минимума* находится в сложной пропорции к числу тех, кто вынужден покупать, и к спросу, обнаруживаемому на их труд. Средства к существованию никогда не могут подняться выше уровня способностей многочисленных классов народа; потому что, как только цена поднимается выше способностей покупателя, его спрос уменьшается; а когда спрос многочисленного класса уменьшается, средств к существованию оказывается в слишком большом количестве для богатых, чтобы выдержать высокую цену.

Следовательно, чем равнее способности трудолюбивого населения какой-либо страны, тем меньше страданий последует из-за нехватки, и только те, чьи средства не могут достичь этой стандартной цены, рискуют умереть с голоду.

Факультеты, следовательно, *физико-necessarians* (как мы взяли на себя смелость назвать их), в странах отрасли промышленности, определяющие нормативное значение прожиточного минимума; и значение, *в деньгах*, которые они получают за свою работу, определит уровень тех факультетов; следовательно, цена на натуральное должна расти и падать в зависимости от количества рабочих, и спрос на их работу: это, так сказать, стоимость прожиточного минимума должно быть в смеси пропорционально выше.

Здесь я приступаю к изучению мнения господ . Де Монтескье и Юм, которые думают, что цена каждой вещи зависит от *количества денежной единицы* в стране, которое они рассматривают как представление о *каждой вещи, продаваемой*; как если бы эти две величины, *товары*, и *вид*, были разделены на аликвотные части, точно пропорциональные друг другу. Я пытаюсь исследовать значение этих *утверждений* *propositions*, in order to shew in what respect they lead to error, in place of throwing light upon an intricate question: and then I propose another doctrine, which is, that nothing can determine the value of a vendible commodity, any where, *but the complicated operations of demand and competition*, which however frequently *influenced* by wealth, yet never can be *regulated* ими. В

Глава XXIX. В этой главе я следую последовательности идей м-ра Хьюма в его политических рассуждениях; и поскольку он руководствуется своими принципами, полагая, что не существует такой вещи, как неправильный торговый баланс против нации, но, напротив, думает, что природа денег подобна природе жидкости, которая стремится везде к определенному уровню: развивая следствия наших предыдущих рассуждений, я показываю, что нет ничего более простого или более распространенного, чем правильный или неправильный торговый баланс; и я замечаю, что то, что мы подразумеваем под балансом, - это не доведение жидкости до определенного уровня. уровень, но либо накапливая или повышая его в одних странах за счет национальной промышленности и бережливости, что является правильным балансом; либо снижая его в других за счет национальной роскоши и расточительства, что является неправильным балансом. Таким образом, общая доктрина *уровня* может иметь место только при предположении, что все нации одинаково бережливы и трудолюбивы; или, скорее, что они обладают равным сочетанием этих и противоположных им качеств, а также полностью открытой взаимной торговлей. Когда идеи разных людей достаточно раскрыты, каждый вопрос решается без споров: недостатки в рассуждениях имеют место редко, но только тогда, когда термины неправильно поняты.

Глава XXX. Поскольку целью данного исследования является рассмотрение населения, сельского хозяйства, торговли, промышленности и т. Д. Не как частных субъектов, а как объектов, влияющих на политическую экономику современных государств, моя цель будет достигнута, как только я найду общие принципы, относящиеся к каждому из них, достаточно выведенными и распределенными по общим разделам. Таким образом, глава, посвященная различным вопросам и наблюдениям, предназначена для того, чтобы служить упражнением в том, о чем говорилось ранее; ввести, без прямой связи, вопросы, аналогичные теме книги, или дать дальнейшее расширение тем, которые я рассматривал по ходу глав со слишком большой краткостью.

В первом и втором вопросах я пытаюсь показать, что количество монеты в любой стране не является достаточным критерием для оценки состояния ее внешней торговли; потому что деньги могут быть приобретены и израсходованы в результате операций, не являющихся

коммерческими. Нация может занимать у иностранцев больше, чем сумма баланса против нее самой: она может выплачивать в виде субсидий и иностранных войн суммы, значительно превышающие стоимость правильного баланса в ее торговле. Она может использовать свои наличные деньги и торговать ими за границей, в то время как бумага выпускается в обращение вместо нее дома; или она может запереть их в банках, где они никогда не появятся. Короче говоря, богатства торговой нации могут напоминать богатства торгового человека, который может быть безмерно богат, имея в своем распоряжении очень мало денег.

С другой стороны, богатство расточительной нации может напоминать богатство расточительного человека, который может быть полон денег, взятых взаймы у всех подряд под залог большого фонда солидной собственности.

Третий вопрос касается влияния богатства на те страны, где торговля и промышленность малоизвестны. При таких обстоятельствах монеты должны быть заперты, иначе добродетель потерпит крах. Почему? Потому что, если монеты обращаются там, где нет промышленности, они не должны иметь адекватного эквивалента в работе или обслуживании; то есть для удовлетворения страстей или в чудовищной расточительности. Опыт продемонстрировал истинность этого принципа. Пока греческие монархи Азии и Египта сохраняли свои огромные сокровища, добродетель и простота стояли на своем; когда эти богатства были пущены в оборот при первых римских императорах, мы видим ужасные последствия, которые за этим последовали. Что могло породить таких монстров, кроме вкуса к разгулу, без разумных объектов, на которые можно было бы растратить свое богатство? Все деньги вселенной, брошенные в руки экстравагантного современного принца, не повлияли бы на его нравственность; вкус к роскоши вскоре избавил бы его от нее; и следствием этого было бы обогащение тех, кто удовлетворял его желания, и это было бы почти пропорционально их службе. Но в древние времена насилие правительства остановило прогресс промышленности, следствием чего было то, что немногие продукты ее производства продавались по самым непомерным ценам, а богатство, накопленное частными лицами, обычно приводило их к разорению, потому что грабеж был единственным средством, к которому прибегали правители, чтобы вернуть деньги в свою казну.

Сравнивая древность с нашей современной экономикой, я нахожу и то, и другое любопытным и занимательным. Контраст часто заставляет нас задуматься об обстоятельствах, которые в противном случае могли бы ускользнуть от нашего наблюдения.

В четвертом и пятом вопросах я применяю изложенные нами принципы, чтобы выяснить, почему развитие торговли и промышленности естественным образом привело к возникновению установленной системы налогообложения и регулярных постоянных армий.

Это заставляет меня сравнить обстоятельства, относящиеся к экономике Европы несколько веков назад, когда налоги были почти неизвестны, с нынешними временами, когда они с каждым днем становятся все более привычными; и я показываю, что они в значительной степени выплачиваются вместо личных услуг, к которым ранее были привязаны подданные и посредством которых поддерживались государства; и если они увеличиваются сверх этой пропорции, то это является следствием нового обращения, открытого между государством и теми, кто ему служит: так что эффект от налогов, расходуемых в стране с хорошим управлением, заключается в привлечении денег. безвозмездно от тех, у кого их в избытке, чтобы передать их

тем, кто желает и способен продвигаться на службе государству; то есть, другими словами, обязать частных лиц жертвовать свои деньги на службу своей стране.

Исходя из тех же принципов и из очень краткого исторического вывода фактов, относящихся к состоянию ополчения Европы со времен римлян, я пытаюсь показать, что постоянные армии в наши дни становятся необходимыми, в то время как князья охвачены яростью ведения войны; потому что, не имея таких отрядов людей в мирное время, призыв к роскоши обеспечил бы им работу, которую они не захотели бы бросить, когда воля их суверена могла бы потребовать их присутствия.

Эти вопросы приводят меня выспрашивать,выспрашивать в метод расчета относительной силы различных государств в военное время.

Здесь я сводлю власть к двум принципам - людям и деньгам; люди, стоящие во главе государства, - это те, кто живет бедно и ненадежно или, по крайней мере, в худших условиях, чем те, которые государство может предложить за их военную службу; следовательно, чем больше людей используется с пользой, тем меньше они рассчитаны на пополнение армий. Отсюда следует, что роскошь, как говорят, делает нацию женоподобной: верное утверждение, если его правильно понимать, относительно трудолюбивых, а не роскошных слоев населения.

Годовой доход государства пропорционален обращению; потому что только во время обращения национальные взносы могут взиматься с наименьшими неудобствами. Деньги, которые не обращаются, бесполезны для собственников и, следовательно, не могут быть полезны государству.

Размер кредита пропорционален способности выплачивать проценты по взятым займам деньгам.

Я много раз настаивал на преимуществах трудолюбия в обеспечении бедных, теперь я перехожу к рассмотрению его постоянных последствий после достижения первой цели. Если тысяча фунтов потрачена на разведение огня, то несколько человек таким образом получают работу и временное пропитание. Если такая же сумма будет потрачена на строительство канала для орошения полей провинции, такое же количество людей может получить такую же выгоду, и до сих пор счета остаются равными: но работа с огнем закончена, что остается, кроме дыма и вони пороха? Принимая во внимание, что следствием строительства канала является постоянное плодородие ранее бесплодной почвы. Здесь я снова приступаю к исследованию и конфронтации древней и современной экономики. Я показываю, что великолепие древности не имело такой тенденции разрушать простоту, как роскошь нового времени; потому что они были обязаны своим великолепием рабству низших классов людей, которые не получали за свой труд ничего, кроме скудного пропитания. Принимая во внимание, что современное великолепие зависит от трудолюбия, которое влечет за собой такое денежное возмездие, что вскоре позволяет тем, кто поначалу содействовал роскоши других, обращаться за аналогичными услугами к низшему классу, вступающему на путь, от которого отказываются более богатые.

Я завершаю эту главу рассмотрением принципов, которые должны регулировать создание торговых компаний. Эти принципы связаны с *преимуществами* и *недостатками*, которые присущи им по отдельности. Главное преимущество, общее для всех, исходит от объединения частных акций; следовательно, государственный деятель должен защищать компании лишь постольку, поскольку это объединение способствует достижению цели, ради которой они были

учреждены: но всякий раз, когда он обнаруживает, что сила объединенных акций используется для угнетения некорпоративных трудолюбивых, он должен взять их под свою защиту, обеспечив выход для *их* промышленности, с помощью которого он пресечет любую попытку превратить ее в монополию, которая предназначалась только для расширения торговли и промышленности.

Второе преимущество присуще таким компаниям, как торговля зарубежными запчастями с исключительными привилегиями. Благодаря этому государство извлекает выгоду из поддержания низких цен на зарубежных рынках, поскольку компания освобождается от конкуренции со стороны своих соотечественников. Но неудобство, возникающее вследствие этого, заключается в том, что, поскольку компания *покупает*, они также *продают* без конкуренции. Следовательно, метод предотвращения плохих последствий этого состоит в том, чтобы государство постоянно несло большие расходы на каждое такое урегулирование в пользу внешней торговли; и предоставлять исключительную привилегию в пользу торговли в целом, а не обычным способом, в качестве компенсации конкретным людям расходов на осуществление урегулирования или из других политических соображений. Когда на основе таких принципов предоставляется исключительная привилегия, государство может сохранить за собой право контролировать все их дела и может открыть двери компании для новых подписчиков пропорционально спросу на торговлю, вместо того, чтобы позволять компании пополнять свои запасы за счет заемных денег. С помощью таких средств предотвращается мошенничество; закладывается основа для нескольких коммерческих операций, которые способствуют процветанию государства, не нанося ущерба компании; и устраняется зависть, предотвращая перерождение слишком тесной связи между ее членами, когда их немного, в деспотическую и скандальную монополию.

Конец Второй книги.

[Иллюстрация]

АН

ЗАПРОС

В

ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ.

КНИГА III.

О ДЕНЬГАХ И МОНЕТАХ.

ЧАСТЬ I.

ВЫВЕДЕНЫ ПРИНЦИПЫ ОБРАЩЕНИЯ ДЕНЕГ, И

НАНЕСЕН НА МОНЕТУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

[Иллюстрация]

Реклама.

Эта книга, в которой говорится о деньгах, содержит такое разнообразие материалов, что я счел за благо разделить ее на две части. В первом из них принципы выводятся и применяются главным образом к внутренним обстоятельствам Великобритании в 1760 году, когда была написана эта книга. Во втором случае учитываются интересы внешней торговли и состояние валюты в двух великих торговых державах, с которыми мы ведем переписку.

Вместо главы с перепросмотром в конце книги я обнаружил, что полное оглавление даст читателю общее представление о предмете и лучше послужит цели воспоминания.

AN

ЗАПРОС

В

ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ.

КНИГА III. О ДЕНЬГАХ И МОНЕТАХ.

ЧАСТЬ I. ПРИНЦИПЫ ОБРАЩЕНИЯ ДЕНЕГ, ВЫВЕДЕННЫЕ И ПРИМЕНЕННЫЕ К МОНЕТЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

Введение.

В исследовании, подобном этому, где почти на каждом этапе мы обнаруживаем, что оно разветвляется на новые отношения, которые приводят к различным цепочкам следствий, полезно прибегать к любым средствам для соединения целого воедино.

Для этой цели, по-видимому, необходима вводная глава в начале нового предмета.

Читатель, вероятно, заметил, что последние главы предыдущей книги (я имею в виду те, в которых говорится о колебаниях баланса богатства и обращения) были написаны с целью ввести тему денег.

Я подумал, что будет лучше предвосхитить некоторые принципы, связав их непосредственно с принципами торговли, чем представлять эту часть моего предмета в качестве нового трактата.

Помощь, которую наша память получает от такого распределения, должна компенсировать неудобства, связанные с несколькими повторениями.

В последних главах второй книги, о которой идет речь, у меня была возможность упомянуть и слегка указать на некоторые существенные различия между монетой и бумажными деньгами. Я показал большую полезность последнего для поддержания циркуляции.

Хотя, давая определение бумажных денег в двадцать шестой главе второй книги, я упомянул кредит как синонимичный ему термин, однако это было сделано только ради упрощения наших представлений: один из лучших способов пролить свет на запутанный предмет. Теперь необходимо указать на разницу между ними.

Символические, или бумажные, деньги - это всего лишь разновидность кредита: это не более чем мера, с помощью которой рассчитывается кредит. Кредит - основа всех контрактов между мужчинами: немногие могут действовать настолько синхронно, чтобы не оставить какое-то представление, или предварительную подготовку, как это называют гражданские лица, с той или иной стороны, по крайней мере на короткое время, в подвешенном состоянии. Следовательно, тот, кто выполняет свою часть, отдает должное стороне, которая только обещает выполнить, и в соответствии с разнообразием контрактов, характером предварительных условий или действий, оговоренных в них, и обеспечением, предоставляемым для выполнения того, что не выполнено, кредит принимает различные формы и сообщает нам разные идеи. Бумажный кредит или символические деньги, с другой стороны, более просты. Это обязательство выплачивать внутреннюю стоимость определенных номиналов денег, содержащихся в бумаге. Таким образом, здесь кроется разница между платежом, произведенным в натуральной стоимости, и другим платежом, произведенным в бумажной форме. Тот, кто платит по внутренней стоимости, отдает человеку, которому он платит, в реальное владение то, что он задолжал; и после этого для кредита больше нет места. Тот, кто платит бумажками, ставит своего кредитора только во владение обязательством другого лица возратить ему эту ценность: здесь кредит необходим даже после того, как платеж произведен.

Следовательно, необходимо установить ту или иную внутреннюю ценность, которая легла бы в основу бумажных денег, ибо без этого невозможно установить какую-либо определенную стандартную ценность для номиналов, содержащихся в бумаге.

Я не обнаружил, что ни одну область моего предмета так трудно свести к принципам, как доктрину денег: эта трудность, однако, не удержала меня от того, чтобы взяться за нее. Для государственного деятеля очень важно досконально понять это; и для торговли и кредита в последнюю очередь важно, чтобы деньги нации оставались стабильными и неизменными.

Чтобы описать комбинации настолько, насколько позволяет природа этого предмета, я в первой части придерживался дедукции общих принципов, взяв в качестве иллюстрации, по ходу дела, нынешнее состояние британской валюты.

Во второй части я рассмотрю последствия превращения монеты в мануфактуру путем прибавления цены изготовления к ее стоимости; и укажу на последствия этой дополнительной комбинации для обмена и интересов торгующих наций.

ГЛАВА I.

О сопутствующих деньгах.

Что такое деньги.

I. Металлы так долго использовались в качестве денег, что деньги и монета стали почти синонимами, хотя по своим принципам они совершенно различны.

Следовательно, первое, что необходимо сделать при рассмотрении вопроса о деньгах, - это разделить две идеи, которые, будучи смешаны вместе, в значительной степени способствовали тому, что весь предмет был затуманен.

Определения.

Деньги, которые я называю счетными, - это не более чем *произвольная шкала равных частей, изобретенная для измерения соответствующей стоимости продаваемых вещей.*

Расчетные деньги, следовательно, совершенно отличаются от *денежной монеты*, которая является *ценой* и могла бы существовать, хотя в мире не существовало такой вещи, как какая-либо субстанция, которая могла бы стать адекватным и пропорциональным эквивалентом для каждого товара.

Следовательно, предметом первой главы должно быть: 1. Указание принципов, определяющих ценность вещей; 2. использование неизменных весов для измерения их стоимости; 3. Каким образом изобретение расчетных денег точно приспособлено для измерения ценности, с одной стороны, и цены - с другой; и 4. Как она сохраняет себя неизменной при всех колебаниях не только стоимости самих вещей, но и металлов, которые обычно рассматриваются как меры их стоимости.

Деньги - шкала для измерения ценности.

1мо. Расчетные деньги, которые я буду здесь называть *деньгами*, выполняют ту же функцию в отношении ценности вещей, что градусы, минуты, секунды и т. Д. Выполняют в отношении углов, или как масштабы выполняют в отношении географических карт или планов любого рода.

Во всех этих изобретениях за единицу измерения постоянно принимается какое-либо обозначение.

В углах это градус; в географии это миля или лига; в планах - фут, ярд или высота; в деньгах это *фунт, ливр, флорин* т. Д.

Градус не имеет определенной длины, как и та часть шкалы на планах, которая обозначает единицу измерения: полезность всех этих изобретений ограничивается исключительно обозначением пропорции.

Точно так же денежная единица не может иметь неизменной определенной пропорции к какой-либо части стоимости, то есть она не может быть привязана к какому-либо определенному количеству золота, серебра или любого другого товара вообще.

Установив единицу измерения, мы можем, умножая ее, подняться до наибольшего значения; а когда мы опускаемся ниже нижестоящих подразделений этой единицы измерения, нам

помогают меры и веса, которые облегчают операцию. Так, в Англии, где фартинг - самая низкая денежная единица, пшеничные зерна покупаются по мерке, а вишни - по фунту.

Принципы, которые определяют ценность вещей.

II. Ценность вещей зависит от общего сочетания многих обстоятельств, которые, однако, можно свести к четырем основным элементам:

1mo. Изобилие вещей, которые нужно ценить.

2do. Спрос, который предъявляет к ним человечество.

3tio. Конкуренция между потребителями; и

4mo. Степень способностей тех, кто предъявляет требования. Следовательно, функция денег состоит в том, чтобы публиковать и делать известной ценность вещей, поскольку она регулируется сочетанием всех этих обстоятельств.

Цены, не регулируемые количеством денег,

Я думаю, что это утверждение самоочевидно и ему можно привести тысячу доказательств; я упомяну только одно.

Если бы существовала определенная пропорция между определенными количествами золота и серебра и определенными количествами других товаров, доступных для продажи, я не вижу, как цены могли бы меняться, в то время как соотношение количества к количеству металлов и вещей оставалось неизменным.

Но если желания людей обладать каким-либо конкретным товаром и конкуренция между ними за его приобретение способны поднять вещь, ранее имевшую наименьшую ценность, на какую-либо высоту, и если отсутствие этих обстоятельств может обесценить вещь, ранее имевшую большую ценность, до самого низкого уровня, разве не очевидно, что *цена*, то есть золото и серебро, которыми обладают люди (даже допуская, что это может во многих случаях способствовать конкуренции между ними), никогда не может быть мерой их фантазий или капризов, которые и составляют ценность вещей.

Вещества оцениваются либо по их весу, поверхностному измерению, объему, либо поштучно. Их можно рассматривать как четыре класса материальных товаров, пригодных для продажи.

Все виды каждого класса в соответствии с их различными качествами полезности могут быть уменьшены до определенной доли ценности. Фунт золота, свинца, различных зерен, различных сортов масла или чего угодно, оцененный в фунт, может в любое точное время быть приведен к шкале пропорциональных значений, которые желания, требования, конкуренция и способности покупателей и продавцов поддерживают в постоянном колебании.

Следовательно, поскольку увеличение количества металлов и монеты вызовет увеличение спроса и большую конкуренцию, чем раньше, это обстоятельство будет влиять на повышение цен до такой степени, и не более.

Но по относительно соотношению между товарами и потребностями человечества.

Следовательно, стоимость товаров зависит от общего сочетания обстоятельств, относящихся к ним самим, и от фантазий людей, их стоимость следует рассматривать как изменяющуюся только по отношению друг к другу; следовательно, все, что затрудняет установление этих изменений пропорции с помощью общей, определенной и неизменной шкалы, должно наносить ущерб торговле и препятствовать отчуждению. Эти проблемы и замешательство являются непогрешимым следствием любого порока в политике денег.

Необходимость проведения различия между деньгами и ценой.

III. Здесь можно спросить, какая необходимость прибегать к такой метафизической дедукции по столь знакомому предмету. Разве мы не видим повсюду, что вещи оцениваются серебряной и золотой монетой и что в настоящее время нет причин отвергать их, чтобы ввести воображаемую шкалу.

Я отвечаю, что ничто, кроме необходимости, не обязывает меня вводить эти воображаемые веса, и это не с каким-либо намерением отказаться от использования металлов в качестве меры, но как помощь нашему пониманию доктрины денег и для правильного различения идей, которые ежедневно предлагаются нам теми, кто пишет и говорит о ее теории.

Если бы золотая и серебряная монета в точности выполняли функцию денег, было бы абсурдно вводить какую-либо другую меру стоимости; но у металлов есть моральные и физические недостатки, которые мешают им выполнять функцию весов: и общепринятое мнение, что таких недостатков нет, делает необходимым выставить их в самом ясном свете, показав точную разницу между *ценой* (то есть монетой), рассматриваемой как мера, и *ценой*, рассматриваемой как эквивалент стоимости.

Непоследовательность, которая возникает, когда мы слепо полагаемся на непогрешимость металла, выполняющего эту двойную функцию, имеет тенденцию смешивать всю систему наших представлений об этих вопросах.

Впоследствии следует указать на моральные, а также физические недостатки, присущие металлам, которые препятствуют их точному выполнению функции денег. Сейчас я должен немного подробнее объяснить природу этих идеальных денег.

Счет денег, что и как было придумано.

IV. Деньги, строго говоря, с философской точки зрения, это, как уже было сказано, идеальная шкала равных частей. Если потребуются, каким должно быть стандартное значение одной части? Я отвечаю, задав другой вопрос; Какова стандартная продолжительность градуса, минуты, секунды?

У него ничего нет, и нет необходимости в том, чтобы у него было что-то иное, кроме того, что по соглашению человечество сочтет нужным ему дать. Но как только одна часть становится определенной в силу природы шкалы, все остальные должны следовать пропорционально.

Поскольку первый шаг совершенно необязателен, люди могут приспособить одну или несколько из этих частей к точному количеству драгоценных металлов; и как только это сделано, и эти деньги начинают реализовываться, так сказать, в золоте и серебре, тогда они приобретают новое определение; тогда они становятся *ценой, а также мерой стоимости*.

Из приведения металлов в соответствие со шкалой стоимости не следует, что они сами должны стать шкалой, как это должно быть легко замечено любым.

Но в прежние времена, до появления торговли, когда у человечества было меньше возможностей измерять стоимость со скрупулезной точностью, постоянная природа металлов придавала им достаточно правильную форму, чтобы служить как шкалой, так и ценой при каждом отчуждении. С момента возникновения торговли нации осознали важность сведения своих соответствующих процентов и долгов к наиболее точным уравнениям стоимости; и это указало на неудобство допущения того, что металлы, как и прежде, служат одновременно мерой и ценой в таких операциях.

Точно так же географы и астрономы долгое время придерживались мнения, что градус экватора - это определенная длина для измерения каждого градуса широты на земном шаре.

Затем они рассмотрели землю как сферу, и не было обнаружено никаких особых неудобств в результате этого предположения. Но по мере того, как точность росла, эта мера оказалась неверной. В настоящее время установлено, что градусы широты имеют разную длину в различных климатических условиях; и, возможно, со временем будет обнаружено, что никакие два градуса какой-либо большой окружности, описанной на земном шаре, не находятся в геометрическом равенстве.

Следовательно, те деньги, которые постоянно сохраняют равную стоимость, которые находятся, так сказать, в справедливом равновесии между изменяющейся пропорцией стоимости вещей, являются единственной постоянной и равной шкалой, по которой может быть измерена стоимость.

Примеры этого.

Что касается такого рода денег и возможности их создания, у нас есть два примера: первый - среди одной из самых знающих; второй - среди одной из самых невежественных наций мира. Банк Амстердама представляет нам одно, побережье Анголы - другое.

Банковский флорин имеет более определенную ценность, чем фунт чистого золота или серебра; это единица измерения, которую открыли изобретатели, сведущие в искусстве торговли.

Банковские деньги.

Деньги этого банка неизменны, как скала в море. В соответствии с этим идеальным стандартом регулируются цены на все вещи; и очень немногие люди могут точно сказать, от чего это зависит. Драгоценные металлы, с их внутренней ценностью, различаются в зависимости от этого общего показателя, как и любая другая вещь. Фунт золота, фунт серебра, тысяча гиней, тысяча крон, тысяча пиастров или тысяча дукатов иногда стоят больше, иногда меньше этого неизменного стандарта в зависимости от соотношения металлов, из которых они сделаны, различающихся между собой.

Никакие изменения веса, пробы или номинала монет не оказывают никакого влияния на банковские деньги. Эти валюты, на которые банк смотрит как на товар, как и любая другая вещь, стоят либо больше, либо меньше банковских денег, в зависимости от фактической стоимости металлов, из которых они сделаны. По отношению к этому стандарту все является товаром; следовательно, ему нет равных в выполнении своей функции общего мерила.

Деньги Анголы.

Второй пример можно найти среди дикарей на африканском побережье Анголы, где о настоящих деньгах ничего не известно. Тамошние жители ведут счет в *макутах*; и в некоторых местах это обозначение делится на десятичные дроби, называемые кусками. Один *макут* равен десяти частям. Это всего лишь шкала равных частей для оценки производимых ими грузовиков. Если овца, например, стоит 10, то бык может стоять 40, а горсть золотого песка - 1000.

Следовательно, расчетные деньги не могут быть привязаны к какой-либо материальной субстанции, стоимость которой может варьироваться в зависимости от других вещей. Только торговые операции и последствия всеобщего обращения стоимости в коммерческом мире могут привести колеблющуюся стоимость всех видов товаров к этому неизменному стандарту. Это изображение банковских денег Амстердама, которые в любое время могут быть наиболее точно указаны в определенном весе серебра и золота; но которые никогда не могут быть привязаны к этому точному весу в течение двадцати четырех часов, так же как и к бочонку сельди.

ГЛАВА II

Об искусственных или материальных деньгах.

Полезность драгоценных металлов для изготовления денег.

I. С младенчества мира, по крайней мере, с тех пор, как появились наши отчеты о сделках человечества, мы обнаруживаем, что они принимали драгоценные металлы, то есть серебро и золото, в качестве общей меры стоимости и адекватного эквивалента для каждой отчуждаемой вещи.

Металлы превосходно приспособлены для этой цели; они совершенно однородны: в чистом виде их масса или объем точно пропорционален их весу: между двумя фунтами золота или серебра нельзя обнаружить физической разницы, пусть даже они добыты в рудниках Европы, Азии, Африки или Америки: они совершенно податливы, легкоплавки и подвергаются самому точному разделению, которое способно дать им человеческое искусство: их можно смешивать друг с другом, а также с металлами более низкого происхождения, то есть менее однородной природы, такими как медь. Благодаря этой смеси они равномерно распределяются по всей массе составленного куска, так что каждому его атому пропорционально достается доля этой благородной смеси; благодаря этому разделение драгоценных металлов становится очень обширным.

Их физические качества неизменны; они ничего не теряют при хранении; они твердые и долговечные; и хотя их части разделяются при трении, как и любая другая вещь, все же они принадлежат к числу тех, кто страдает от этого меньше всего.

Следовательно, если деньги могут быть сделаны из любой вещи, то есть если пропорциональная стоимость продаваемых вещей может быть измерена каким-либо материалом, то она может быть измерена металлами.

Корректировка стандарта, что ли?

II. Поскольку два металла рассматриваются как наиболее подходящие вещества для создания идеальной денежной шкалы, те, кто берется за корректировку стандарта, должны постоянно иметь в виду природу и качества шкалы, а также принципы, на которых она построена.

Единица измерения весов должна постоянно оставаться одной и той же, хотя и реализованной в металлах, иначе вся операция выйдет из строя в самой важной части. Такая реализация устройства подобна настройке циркуля на геометрическую шкалу, где малейшее отклонение от заданного однажды точного отверстия должно привести к неправильному измерению. Следовательно, металлы для денег - то же самое, что циркуль для геометрических весов.

Эта операция приведения металлов в соответствие с расчетными деньгами подразумевает точное и определенное соотношение обоих металлов к денежной единице, выраженное во всех видах и номиналах монет, приведенных к этому стандарту.

Мельчайшая частица металла, добавленная к любой монете или изъятая из нее, представляющая определенные части весов, переворачивает всю систему материальных денег. И если, несмотря на такое изменение, эти монеты по-прежнему будут иметь те же номиналы, что и раньше, это так же эффективно уничтожит их полезность при измерении ценности вещей, как это привело бы к отмене полезности циркуля, если бы отверстие менялось после того, как его приспособили к шкале, представляющей футы, туазы, мили или лиги, с помощью которых должны измеряться расстояния на плане.

Унижать и повышать стандарты, что ли.

III. Принижение стандарта - хороший термин, потому что он передает четкую идею. Это уменьшение веса чистого металла, содержащегося в том наименовании, которым считается нация и которое мы называли денежной единицей. Повышение стандарта не требует дальнейшего определения, поскольку является прямой противоположностью.

Изменение стандарта, как быть обнаруженным.

IV. Изменение стандарта (то есть повышение или понижение стоимости денежной единицы) подобно изменению национальных мер или весов. Это лучше всего обнаруживается путем сравнения измененной вещи с вещами той же природы, которые не претерпели никаких изменений. Таким образом, если бы стопу меры изменили сразу по всей Англии, добавив к ней или отняв от нее какую-либо пропорциональную часть ее стандартной длины, изменение было бы лучше всего обнаружено путем сравнения новой стопы с таковой в Париже или в любой другой стране, которая не претерпела никаких изменений. Точно так же, если будет обнаружено, что фунт стерлингов, который является английской единицей, изменился каким-либо образом, и если изменение, с которым он столкнулся, будет трудно установить из-за осложнения обстоятельств, лучшим способом обнаружить это будет сравнение прежней и нынешней стоимости с деньгами других наций, которые не претерпели изменений. Это процесс обмена будет выполняться с максимальной точностью.

Из сплава.

V. Художники утверждают, что драгоценные металлы, будучи абсолютно чистыми от какой-либо смеси, не обладают достаточной твердостью, чтобы из них получилась прочная и долговечная монета. Они встречаются также в рудниках в смеси с другими металлами более низкой

природы, и доведение их до состояния совершенной чистоты требует ненужных затрат. Поэтому, чтобы избежать неудобств, связанных с использованием их во всей их чистоте, люди приняли решение смешивать их с *определенными пропорциями* других металлов, что не ухудшает ни их плавкости, ни ковкости, ни красоты, ни блеска. Этот металл называется *сплавом*, и, поскольку он рассматривается только как подложка к основному металлу, сам по себе ценности не имеет. Таким образом, одиннадцать унций золота, смешанные с одной унцией серебра, при таком добавлении не приобретают никакой ценности.

В таком случае, говоря о деньгах, мы будем, насколько это возможно, игнорировать существование сплава, чтобы сделать язык менее подверженным двусмысленности. Я должен исключить такие случаи, когда расчет массы составного металла в зависимости от его веса не может сопровождаться никакими неудобствами.

ГЛАВА. III.

Неспособность металлов выполнять функцию неизменной меры стоимости.

Они различаются по своей относительной ценности друг к другу.

I. Если бы существовал только один вид такого вещества, каким мы представили золото и серебро, если бы существовал только один металл, обладающий такими качествами, как чистота, делимость и долговечность, неудобств при использовании его для получения денег было бы намного меньше, чем оказывается на данный момент.

Тогда такой металл можно было бы путем неограниченного разделения на точно равные части сделать пригодным для использования в качестве приемлемой, устойчивой и универсальной меры. Но соперничество между металлами и совершенное равенство, которое обнаруживается между всеми их физическими качествами в том, что касается чистоты и делимости, делают их настолько одинаково хорошо приспособленными для использования в качестве общей меры стоимости, что они повсеместно признаются в обращении как деньги.

Все меры должны быть неизменными.

Каково следствие этого? Что одно измеряет ценность другого, а также ценность любой другой вещи. Теперь, в тот момент, когда какая-либо мера начинает измеряться другой, чья пропорция к ней физически, постоянно и неизменно отличается, вся полезность такой меры теряется. Это станет ясно на примере.

Мерный фут - это определенная длина. Английский фут можно сравнить с парижским или рейнским; иными словами, его можно измерить ими; и пропорция между их длинами может быть выражена в цифрах; эта пропорция будет неизменной постоянно. Измерение одного другим не вызовет никакой неопределенности; и мы можем говорить о длине в парижских футах, и это будет прекрасно понято другими, которые привыкли измерять английскими футами или подножием Рейна.

Последствия, когда они меняются.

Но предположим, что двенадцатилетнему юноше взбредет в голову время от времени измерять, по мере взросления, длину своей собственной ступни и что он делит эту растущую ступню на

дюймы и десятичные дроби: что можно узнать из его описания мер? По мере того как он взрослеет, его ступня, дюймы и подразделения, будут постепенно удлиняться; и если бы каждый человек следовал его примеру и измерял своей собственной ногой, то стопа установленной ныне меры полностью перестала бы приносить какую-либо пользу.

Именно так обстоит дело с двумя металлами. Не существует определенного неизменного соотношения между их стоимостью; и следствием этого является то, что, когда они оба используются для измерения стоимости других вещей, подлежащие измерению предметы, подобно длине, измеряемой ногой молодого человека, не меняют своего относительного соотношения между собой, изменяются, однако, в отношении номиналов обеих их мер. Это станет ясно на примере.

Предположим, что бык стоит три тысячи фунтов пшеницы весом, и тот, и другой стоят по унции золота, а унция золота стоит ровно пятнадцать унций серебра: если бы случилось так, что соотношение стоимости золота и серебра стало бы равным 14 к 1, разве бык и, следовательно, пшеница не были бы оценены в меньшую сумму серебром и в большую - золотом, чем раньше? Я спрашиваю далее, во власти ли какого-либо государства предотвратить это изменение меры стоимости волов и пшеницы, не вкладывая в свою денежную единицу меньше серебра и больше золота, чем раньше.

Дефекты серебряного образца.

Поэтому, если какое-либо конкретное государство установит стандарт своей денежной единицы для одного вида металлов, в то время как на самом деле и тот, и другой фактически используются для измерения стоимости, не напоминает ли такое государство молодого человека, который все измеряет своей растущей ногой? Ибо, если серебро, например, сохраняется в качестве стандарта, в то время как оно прибавляет к золоту одну пятнадцатую добавочной стоимости; и если золото продолжает все это время определять стоимость вещей так же, как серебро, то ясно, что во всех отношениях эта серебряная мера удлиняется с каждым днем, подобно ноге молодого человека, поскольку один и тот же ее вес должен с каждым днем становиться эквивалентным все большему количеству одного и того же товара; несмотря на то, что мы предполагаем, что между этим товаром и любым другим видом отчуждаемых вещей сохраняется одна и та же пропорция без малейших изменений.

Аргументы в пользу этого.

После того, как я осветил этот вопрос в таком свете, я думаю, вряд ли можно обоснованно настаивать на том, что, несмотря на признание того, что золото и серебро могут изменять свое соотношение стоимости по отношению друг к другу, все же это не мешает серебру оставаться стандартом без каких-либо неудобств; по следующим причинам.

1мо. Потому что, когда золото рассматривается как стандарт, его никогда не следует рассматривать как изменяющее свою стоимость по отношению к золоту; но это золото следует рассматривать как изменяющее свою стоимость по отношению к серебру.

2до. Поскольку, будучи самой мерой, абсурдно рассматривать ее как измеряемую вещь; следовательно, она сохраняет все требования неизменной шкалы; поскольку она измеряет все вещи в соответствии с пропорцией, которую они несут к ней самой, которая физически никогда не может измениться. И,

Зтио. Что человек, взявший займы у другого человека серебро определенного веса, обязан вернуть серебро того же веса, которое он взял займы; хотя в это время серебро должно иметь большую ценность, чем когда он брал его займы.

Ответы на эти аргументы.

Я отвечаю на первый аргумент: что если на самом деле серебро приобретает большую или меньшую ценность по отношению к товарам, золоту и банковским деньгам из-за большего или меньшего спроса на него, чем было раньше; я не вижу, как, называя его стандартом, можно устранить это неудобство, которое неотделимо от природы вещи; ни как мы можем изменить *фактический факт*, изменив наш *языки* сказав, что товары, золото и банковские деньги приобретают большую или меньшую ценность с увеличением количества товаров. уважение к серебру, пропорционально тому, больше или меньше спрос на него. Этот язык мы должны использовать, хотя мы точно знаем, что эти вещи остаются в точном соотношении количества и спроса, как и раньше; И хотя должно быть очевидно, что спрос на серебро повысил его цену по отношению ко всему, что было измерено накануне.

Если бы ярд в лавке мерчанта подвергался таким оборотам из-за дерева, из которого он был сделан; и если бы, отмеряя покупателю кусок материи, который мерчант купил в этой лавке накануне за 50 ярдов, он обнаружил, что размер куска составляет всего 40 ярдов, я полагаю, было бы нелегко убедить его, что его кусок стал короче; но предположим, что у него хватило бы любопытства еще раз измерить все куски в его лавке и что он обнаружил бы уменьшение длины каждого ровно на одну пятую, разве он не поступил бы очень разумно? придя к выводу, что его двор стал длиннее, не побежит ли он немедленно в магазин своего соседа и не сравнит ли это?

Что касается второго аргумента, я согласен, что серебро всегда может очень точно измерять ценность вещей по отношению к нему самому; но это не дает нам представления об универсальной мере.

Я могу измерить пропорцию длины вещей любым стержнем или любой леской, о длине которых я ничего не знаю; но никто не называет это измерением, потому что я не могу сравнить измеренные вещи с какой-либо другой вещью, которую я не измерял тем же стержнем или леской, как я мог бы легко сделать, если бы измерял футом, ярдом или туазом; следовательно, намерение измерять в таком случае почти полностью утрачивается.

На третий аргумент я отвечаю, что я очень охотно соглашаюсь с истинностью этого утверждения; при условии, что под серебром понимается чистый металл, не обращая внимания на его дополнительное качество универсальной стандартной меры стоимости. Но если я беру серебро займы не в виде слитков, а в виде монеты (общепринятой меры стоимости), то я говорю, что переплачиваю, возвращая тот же вес, который я получил. Есть ли что-нибудь более знакомое, чем подобные примеры? Я занимаю 100 *фунтов* у своего соседа, он предлагает отдать столько-то в зерне; я соглашаюсь. Цена на зерно повышается примерно в течение срока платежа; могу ли я быть обязан вернуть равное количество зерна в счет оплаты пропорциональной части того, что я должен? Ни в коем случае; потому что я получил зерно не как какую-либо вещь, а как разновидность денег. Но если я возьму займы несколько четвертей зерна, чтобы вернуть его во время сбора урожая, то я обязан вернуть зерно за зерно, потому что в этом случае я получил зерно не как деньги, а как товар.

Полезность универсального показателя.

Покупка и продажа являются чисто условными, и ни один человек не обязан отдавать свой товар по цене, которая, как можно предположить, соответствует его стоимости. Следовательно, использование универсальной меры заключается не только в том, чтобы отметить относительную ценность вещей, к которым она применяется в качестве меры, но и в том, чтобы мгновенно обнаружить соотношение между стоимостью этих товаров и любого другого товара, оцениваемого по определенной мере во всех странах мира.

Если бы фунты стерлингов, ливры, флорины, пиастры и т. Д. были расчетными деньгами, неизменными в своей ценности, какую легкость они обеспечили бы при любом обращении, какую помощь оказали бы торговле! Но поскольку все они ограничены или привязаны к монетам и, следовательно, меняются от времени к времени, этот пример демонстрирует полезность неизменяемой меры, которую мы описали.

Они имеют две ценности: одну как монета, а другую как металл.

Есть еще одно обстоятельство, которое не позволяет металлам выполнять функцию денег; вещество, из которого сделана монета, является товаром, стоимость которого повышается и понижается по отношению к другим товарам в соответствии с потребностями, конкуренцией и капризами человечества. Следовательно, преимущество, заключающееся в придании внутренней ценности тому веществу, которое выполняет функцию расчетных денег, компенсируется нестабильностью этой внутренней ценности; а преимущество, получаемое за счет стабильности бумажных, или символических денег, компенсируется недостатком, который они обычно имеют, заключающимся в том, что они не всегда могут быть реализованы в твердую собственность, или внутреннюю ценность.

Следовательно, чтобы сделать материальные деньги более совершенными, следует отнять у них это качество металла, то есть товара; а чтобы сделать бумажные деньги более совершенными, их следует ввести в обращение под металлическое или земельное обеспечение.

Целесообразность в отношении металлов найдет свое место в этом исследовании (в главе "Разные вопросы" в конце этой книги, статья 4-я). То, что касается данного документа, чуждо нашей цели и относится к доктрине кредита.

Меньшие неудобства, связанные с материальными деньгами.

II. Есть несколько меньших неудобств, сопутствующих использованию металлов, которые мы здесь кратко перечислим, оставляя обсуждение всех последствий, которые они влекут за собой, до тех пор, пока мы не перейдем к рассмотрению торговых и денежных операций, затрагивающих сложные интересы человечества.

Он изнашивается в процессе обращения.

1mo. Никакие золотые или серебряные деньги не могут долго находиться в обращении, не теряя своего веса, хотя они все время сохраняют один и тот же номинал. Это представляет собой сжатие пары циркулей, которые были правильно подогнаны к шкале. Такой недостаток должен казаться поразительным, когда мы размышляем над принципами (уже изложенными), которые обязательно влияют на установление стандарта.

Это неточно придумано.

2do. Еще одно неудобство связано с фабрикацией денег. Предположим, что вера монархов, чеканящих деньги, нерушима, а честность, а также дееспособность тех, кому они поручают проверку пробы металлов, достаточны, но для рабочих вряд ли возможно придать каждой монете в точности надлежащий вес или сохранить должную пропорцию между монетами разного достоинства; то есть сделать так, чтобы каждые десять шестипенсовиков были в точности одинакового веса с каждой монетой в кроне и с каждым пятью шиллингами, отчеканенными в чеканке. Пропорционально таким неточностям части шкалы становятся неравнозначными.

Чеканка монеты увеличивает ее стоимость, не увеличивая ее веса.

3tio. Другое неудобство, далеко не незначительное, связано с расходами, необходимыми для чеканки денег. Эти затраты увеличивают его ценность как производства, ничего не увеличивая в его весе. В надлежащем месте я обращаю внимание на последствия, сопутствующие этому неудобству, даже для стран, где чеканка монет бесплатна.

Его значение может быть произвольно изменено.

4mo. Последнее неудобство, о котором я упомяну, заключается в том, что из-за привязки расчетных денег полностью к монете, без наличия какой-либо независимой общей меры (для обозначения и контроля этих отклонений от математической точности, которые либо неотделимы от самих металлов, либо от их изготовления) вся мера стоимости и все относительные интересы должников и кредиторов оказываются в распоряжении не только рабочих на монетном дворе, евреев, имеющих дело с деньгами, кусачек и мойщиков монет, но они также полностью зависят от милости правителей, которые имеют право чеканки монет, а часто также и от права собственности на них. о повышении или обесценивании стандарта монеты в зависимости от того, насколько они считают это наиболее отвечающим их нынешним и временным интересам.

Обменивайте прибыль на мельчайшие дефекты монеты.

Некоторые из перечисленных нами здесь неудобств могут показаться незначительными, и поэтому они обнаруживаются в странах, где торговля малоизвестна; но торговые операции превосходят по тонкости представления любого человека, кроме торговца; и в качестве доказательства этого можно с уверенностью утверждать, что один шиллинг едва ли может потерять хотя бы гран в своем весе ни в результате мошенничества, ни в результате обращения, не способствуя этим обстоятельством уменьшению стандартной стоимости денежной единицы, или фунта стерлингов, по всей Англии, как я надеюсь, смогу показать на примере обоих. причины и факты.

Все без исключения из этих неудобств, которым подвергается монета, исчезают в странах, где должным образом налажено использование чистых идеальных расчетных денег.

ГЛАВА IV.

Методы, которые могут быть предложены для уменьшения ряда неудобств, связанных с материальными деньгами.

I. В этой главе я укажу на методы, которые могут быть предложены для уменьшения неудобств, которым подвержена любая монета, чтобы тем самым сделать ее максимально похожей на неизменную шкалу идеальных денег в обращении.

Использование теории в политических вопросах.

Предлагать полностью выбрасывать монеты, поскольку это сопряжено с неудобствами, и приводить все к идеальному стандарту - значит действовать подобно тирану, который подгонял рост каждого человека к размеру его собственной кровати, сокращая длину тех, кто был выше его, и ломая и растягивая конечности тех, кто, по его мнению, был ниже ростом. Использование теории в политических вопросах заключается не только в том, чтобы обнаружить методы устранения всех злоупотреблений, но и в том, чтобы облегчить неудобства, которые нелегко устранить.

Пять средств против последствий разницы в стоимости металлов.

Неудобства, связанные с изменением относительной стоимости металлов друг к другу, могут быть в некоторой степени устранены следующими способами.

1мо. Рассматривая одно только как стандарт и оставляя другое искать свою собственную ценность, как любой другой товар.

2до. Рассматривая один из них только как стандарт и устанавливая время от времени стоимость другого авторитетными органами, в зависимости от того, как будет меняться рыночная цена металлов.

3тио. Устанавливая стандарт единицы в соответствии со средним соотношением металлов, не привязывая его ни к одному из них; регулируя монету соответствующим образом; и при каждом значительном изменении соотношения между ними либо выпускать новую монету, либо повышать номинал одного из видов и понижать его в другом, чтобы сохранить единицу точно в среднем соотношении между золотом и серебром. Идея эта темна, но впоследствии она будет достаточно разъяснена.

4мо. Иметь две единицы измерения и два стандарта, один из золота, а другой из серебра, и позволить каждой организации использовать любой из них.

5мо. Или, наконец, обязать всех должников платить половину золотом, а половину серебряным стандартом.

Здесь я предложил прикреплять стандарт к одному из видов в качестве средства защиты от последствий различий между металлами, потому что, когда это делается, последствия не так вредны, как когда единица прикрепляется к обоим, что я докажу в надлежащем месте.

Регулирование соотношения того металла, который считается товаром, к другому, который считается стандартом, при каждом изменении рыночной цены слитков, а также другой способ чеканки единицы в соответствии со средней пропорцией - это бесконечный труд и влечет за

собой необходимость либо постоянной перечеканки, либо введения долей стоимости в ходовую монету, что не может не затруднять обращение.

Установление двух единиц, одной из золота, а другой из серебра, не делает денежную единицу более неизменной, чем раньше; все, что можно сказать в пользу этого способа, это то, что деньги становятся, таким образом, более определенными и что люди, заключающие постоянные контракты, по крайней мере, осведомлены о последствиях изменения соотношения металлов и могут соответствующим образом регулировать свои интересы.

Последний способ заставить должников платить половину золотом, а половину серебром устранял бы все неудобства, при условии, что все кредиторы должны были переплавлять деньги по получении, чтобы продать их за слитки; но поскольку это не так, было бы уместно, наряду с этим средством, также очень точно соблюдать рыночную пропорцию металлов в монете; потому что нельзя предположить, что каждый небольшой платеж может быть произведен обоими видами, и везде, где это опущено, могут иметь место все прежние неудобства.

Средства защиты от других неудобств.

II. Другие недостатки монет уже были перечислены. Они связаны либо с износом, либо с недостаточной точностью изготовления, либо с ценой чеканки, либо с возможностью, предоставляемой таким образом князьям, подделать и изменить стандарт.

Против износа монеты.

1мо. Что касается первого, то наилучшими способами являются: 1. Отчеканить большую часть монеты крупными цельными кусками, имеющими как можно меньшую поверхность, с соблюдением красоты и простоты изготовления.

2. Распорядиться о распространении крупных сумм (по крайней мере, серебра) в мешках с определенными суммами и определенным весом, все в монетах более крупного достоинства.

3. Переводить все легкие монеты, какие бы они ни были, на вес по требованию лица, которое их должно получить.

От неточности чеканки.

2до. Что касается неточности этой фальсификации, то нет другого средства, кроме пристального внимания правительства к вопросу столь большой важности.

Против затрат на чеканку монет.

3тио. Цена чеканки монет главным образом затрагивает интересы наций в отношении внешней торговли; следовательно, торгующие государства должны стремиться, насколько это возможно, соблюдать одни и те же правила со своими соседями во всем, что касается монеты.

Последствия этого неудобства для членов общества неизбежны, и поэтому никакое средство правовой защиты не может быть предложено.

Против произвольных изменений стоимости монеты.

4to. Установление государственного кредита является наилучшей гарантией от любых искажений стандарта. Ни один фундаментальный закон не может связать руки Государю так эффективно, как его собственные интересы. Пока принц живет в пределах своего дохода, у него не будет возможности подделывать монету; когда он превысит его, он (в торговой стране) прибегнет к кредиту, и если однажды он установит это, он должен прекратить вмешиваться в стандарт своей монеты, или он не найдет никого, кто мог бы ему больше одалживать. Единственный принц, который может извлечь выгоду из фальсификации стандарта, - это тот, кто ищет экстраординарные припасы из уже сформированного сокровища.

Таковы, вкратце, меры, которые должны применяться на практике теми правительствами, которые заботятся о процветании своих подданных. Бесконечное разнообразие обстоятельств, относящихся к каждому государству, может само по себе определять те из них, которые, соответственно, должны быть приняты каждым государством. Наша задача в настоящее время состоит в том, чтобы указать на колебания, которым подвергается стоимость денежной единицы из-за каждого беспорядка в монете; и показать, что в той мере, в какой они, по-видимому, влияют на стоимость денежной единицы, в такой мере материальные деньги в таком случае должны быть дефектными.

ГЛАВА V.

Изменения, которым подвергается стоимость денежной единицы в результате каждого беспорядка в Монете.

I. Предположим, что в настоящее время единственная проблема заключается в недостаточном соотношении золота и серебра в монете.

Как изменяется рыночная цена металлов.

Эта пропорция может быть установлена только рыночной ценой металлов; потому что увеличение спроса на золото или серебро приводит к увеличению стоимости требуемого металла. Предположим, что сегодня за один фунт золота можно купить пятнадцать фунтов серебра; если завтра спрос на серебро будет высоким, между купцами возникнет конкуренция за обмен серебра на золото, они будут спорить, кто получит серебро по цене пятнадцать фунтов за один золотой: это повысит его цену, и пропорционально их представлениям о прибыли некоторые согласятся на сумму меньше пятнадцати фунтов. |Изменение следует относить к поднимающемуся металлу, а не к опускающемуся.| Это явно повышение цены серебра, в более точном смысле, чем падение цены золота; потому что именно конкуренция за серебро вызвала изменение прежнего соотношения между металлами. Если бы в борьбе за золото соотношение было выше 1 к 15, я бы тогда сказал, что золото подорожало.

Поскольку, следовательно, цены на металлы изменяются из-за *активного спроса* на золото или серебро, я думаю, было бы правильнее (говоря только о металлах) никогда не упоминать о *падении* цен на золото или серебро. Что касается любого другого товара, то это выражение очень уместно, потому что снижение цены одного товара не означает столь существенного повышения цены какого-либо другого, как понижение цены одного из металлов должно подразумевать повышение цены другого, поскольку они являются единственными показателями ценности друг друга. Здесь я не хотел бы, чтобы меня поняли как означающего,

что термин "*снижение* цены золота или серебра" является неподходящим; все, что я говорю, это то, что другой термин, будучи в равной степени подходящим и передавая вместе с ним причину изменения (а именно, конкуренцию за приобретение предпочтительного одного металла другому), может быть предпочтительным, и это тем более, что из-за беспорядочного использования этих терминов (золото *упало*, вместо серебра *подорожало*) мы склонны полагать, что падение цены на металл должно происходить из-за некоторого увеличения цены на золото. количество этого; тогда как обычно это происходит не по какой-либо иной причине, а из-за более высокого, чем раньше, спроса на другое.

Давайте теперь предположим, что государство, с большой точностью изучив соотношение металлов на рынке и определив точное количество каждого из них для реализации или представления денежной единицы, должно произвести наиболее точную чеканку золотой и серебряной монеты. До тех пор, пока эта пропорция остается неизменной на рынке, эта четверть не может вызвать никаких неудобств при использовании металлов в качестве расчетных денег.

Как заставить расчетную денежную единицу изменяться по своей стоимости в зависимости от изменения металлов.

Последствия этого.

Но давайте предположим, что пропорция изменится; что серебро, например, повысится в своей стоимости по отношению к золоту; не следует ли из этого момента, что единица, реализованная в серебре, станет более ценной, чем единица, реализованная в золотой монете?

Но поскольку закон предписал передавать их как эквиваленты друг другу, и поскольку должники всегда имеют возможность расплачиваться той законной монетой, которую они считают подходящей, не предпочтут ли все они расплачиваться золотом, и не будет ли тогда серебряная монета переплавлена или вывезена, чтобы быть проданной в слитках, превышающих стоимость, которую она имеет при обращении в монете? Не уменьшит ли эта оплата золотом также ценность денежной единицы, поскольку при таком изменении каждая вещь должна продаваться за большее количество золота, чем раньше, как мы уже наблюдали?

Истинной единицей измерения является среднее значение, пропорциональное стоимости металлов.

Следовательно, товары, относительная стоимость которых не отличалась ни от какой другой вещи, кроме золота и серебра, должны измеряться средним соотношением металлов, и применение к ним любых других мер приводит к изменению стандарта. Если они измеряются золотом, стандарт понижается; если серебром, он повышается, что сейчас будет доказано.

Если для предотвращения неудобств, связанных с переплавкой серебра, государство откажется от привязки стоимости своей денежной единицы к обоим видам сразу и установит ее к одному, предоставив другому определять свою цену, как к любому другому товару, в этом случае, без сомнения, переплавка монеты будет предотвращена; но восстановит ли это когда-нибудь стоимость денежной единицы до ее прежнего уровня? Повысило бы, например, в приведенном выше предположении обесцененную стоимость денежной единицы в золотой монете, если бы этот вид был объявлен стандартом? Это действительно сделало бы серебряную монету чисто товаром и, позволив ей определять свою стоимость, безусловно, предотвратило бы ее

переплавку, как раньше; потому что монеты традиционно повысили бы свой номинал; или, как это называется, *agio* стали бы приниматься в платежах, производимых серебром; но из-за этого стоимость золота не повысилась бы и на него не стали бы покупать больше товаров, чем раньше. Следовательно, если бы стандарт был привязан к золоту, не было бы это произвольной и насильственной революцией в стоимости денежной единицы и обесцениванием стандарта?

Если, с другой стороны, государство установит стандарт на серебро, стоимость которого, как мы предполагаем, возросла, снизит ли это когда-либо авансированную стоимость, которую приобрела серебряная монета, выше стоимости прежней стандартной единицы, и не будет ли это насильственной и произвольной революцией в стоимости денежной единицы и повышением стандарта?

Следовательно, единственным целесообразным решением, как уже было сказано, в таком случае является привязка числовой единицы ни к одному из металлов, а поиск способа заставить ее колебаться в средней пропорции между ними; что, по сути, является введением чистых идеальных расчетных денег. Это будет объяснено далее по ходу дела.

Единица, которая будет привязана к средней пропорции при новой чеканке монет, а не после замены металлов.

В этом месте я должен сделать только одно замечание, а именно, что регулирование установки единицы измерения по средней пропорции должно происходить в тот момент, когда стандартная единица измерения точно прикреплена как к золоту, так и к серебру. Если это будет введено спустя долгое время после того, как рыночная пропорция между металлами отклонилась от пропорции, установленной в монете, и если новое регулирование будет иметь ретроспективный характер в отношении отмены заключенных постоянных контрактов, в то время как стоимость денежной единицы привязана к наименьшей валюте, в соответствии с изложенным выше принципом, тогда восстановление денежной единицы до того стандарта, на котором она должна была оставаться (а именно, до средней пропорции), является ущербом для всех должников, которые заключили контракты с того времени, когда соотношение металлов начало меняться.

Это ясно из предыдущего рассуждения. В тот момент, когда рыночная цена металлов отличается от цены монеты, каждый, кому нужно произвести платежи, платит тем видом, который имеет наивысший рейтинг в монете; следовательно, тот, кто дает займы, дает займы этим видом. Таким образом, если после заключения контракта стоимость единицы будет доведена до средней пропорции, это должно быть убытком для того, кто взял займы.

Лучше прикреплять единицу измерения к одному металлу, чем к обоим.

Из этого мы можем понять, почему в первой статье предыдущей главы было сказано, что изменение пропорции металлов, когда стандарт привязан к одному из них, доставляет меньше неудобств, чем когда он привязан к обоим. В первом случае, по крайней мере, неясно, повысится ли *стандарт* или *товарный вид*; следовательно, неясно, выиграют ли от изменения должники или кредиторы. Если *стандартный* вид вырастет, выиграют кредиторы; если *товарный вид* вырастет, выиграют должники; но когда единица привязана к обоим видам, кредиторы никогда не смогут выиграть, пусть металлы меняются по своему усмотрению: если серебро подорожает, то должники будут платить золотом; если золото подорожает, должники будут платить серебром. Но независимо от того, относится ли единица к одному или к обоим

видам, непогрешимым следствием вариации является то, что половина разницы либо приобретается, либо теряется должниками и кредиторами. Неизменяемой единицей измерения постоянно является среднее значение, пропорциональное между двумя показателями.

Я намеревался отложить рассмотрение того, что касается интересов должников и кредиторов во всех разновидностях монеты, до тех пор, пока не перейду к конкретному рассмотрению этого вопроса; но поскольку это вопрос первостепенной важности, на который следует обращать внимание при каждом предложении по изменению или регулированию обращения национальной монеты, возможно, по этой причине его стоит повторить.

Изменения, которым подвергается денежная единица в зависимости от износа монеты.

II. Чтобы представить наши идеи как можно более отчетливыми, мы должны сохранять их простыми. Давайте теперь предположим, что металлы в монете идеально сбалансированы, но что монета изнашивается от использования.

Если это так, мы должны либо предположить, что все они одинаково изношены, либо изношены неодинаково.

Если все они одинаково изношены, я думаю, не нужно никаких доказательств, чтобы доказать, что денежная единица, прикрепленная к монете, будучи тяжелой (определяя свою ценность за счет содержащихся в ней металлов), должна естественным образом уменьшаться в своей стоимости пропорционально стиранию металлов.

Если монета будет неодинаково изношена, денежная единица будет по-разному реализована или представлена; другими словами, она будет иметь разную ценность в зависимости от веса монет.

Следствие этого такое же, как и при нарушении соотношения металлов: должники предпочтут платить легкими монетами, а тяжелые будут переплавлены. Следовательно, пропорционально этому беспорядку стоимость единицы будет постепенно снижаться. Это был великий беспорядок в Англии в 1695 году; в то время как стандарт фунта стерлингов был привязан только к серебру, золоту было предоставлено самим определять свою стоимость.

Вариации, которым подвергается денежная единица, обусловлены неточностью изготовления денег.

III. С момента изобретения денежного колеса неточность в изготовлении значительно предотвращена. Раньше, когда деньги чеканились с помощью молотка, мастера монетного двора взвешивали монету, доставляемую рабочими, *in sumulo*, весом в фунт-тройский, не обращая особого внимания на точное соотношение монет. В настоящее время точность более необходима, и каждая деталь должна взвешиваться отдельно.

Очень важно, чтобы все монеты были точно пропорциональны их текущей стоимости, которая всегда соотносится с денежной единицей приобретения. Когда там происходит какое-либо неравенство, легко понять, как все куски, превышающие пропорцию их справедливого веса, будут немедленно подобраны и переплавлены, и в обращении останутся только самые легкие.

Это, исходя из уже изложенных принципов, должно пропорционально уменьшить стоимость денежной единицы.

Исходя из того, что было замечено относительно отклонений в монете от пропорции в рыночной цене металлов и от установленного законом веса, мы можем сформулировать этот несомненный принцип, *что ценность денежной единицы, подлежащей выпуску, следует искать не в уставах и инструкциях монетного двора, а в фактической внутренней стоимости той валюты, в которой выполняются все обязательства и хранятся все принадлежности.*

Изменения, которым подвергается денежная единица в результате введения чеканки монет.

IV. Поскольку в настоящее время я главным образом намереваюсь установить определенные принципы в отношении денег, которые впоследствии я намерен применить к состоянию британской монеты; и поскольку эти принципы здесь ограничены влиянием, которое каждое изменение в монете оказывает на стоимость соответствующей денежной единицы, я здесь только отмечу, что касается введения чеканки,

Поскольку эта монета необходима в каждой стране, где денежная единица привязана к металлам, ее должны приобретать те, кто обязан выполнять свои обязательства в материальных деньгах.

Следовательно, если государство обяжет каждого, кто несет металлы на монетный двор, оплачивать чеканку монет, то монета, которую они получают, должна оцениваться не только по цене, которую металлы несут на рынке, когда они продаются в слитках (или просто металле, не имеющем ценности более, чем как физическое вещество), но также и по дополнительной стоимости, которую эти металлы получают при сдаче в аренду, полезной для покупки товаров и погашения обязательств. Этой дополнительной величиной является цена чеканки монет.

При введении чеканки монеты слитки должны быть дешевле монеты.

Следовательно, если в стране, где чеканка монет свободна, как в Англии, эта чеканка будет введена, денежная единица, продолжающая прикрепляться, как и прежде, к тому же количеству металлов, должна повыситься в своей стоимости; то есть должна стать равной большему количеству всякого рода товаров, чем раньше; следовательно, поскольку необработанные металлы, из которых сделана монета, являются товаром, как и все остальное, то на то же количество денежных единиц, реализованных или представленных в монете, должно быть куплено больше металлов, чем прежде: то есть, *что в каждой стране, где введена чеканка монет, слитки должны быть дешевле монет.*

Это положение не подлежало бы исключению, если бы верно было, что ни один долг не может быть взыскан иначе, как в национальной монете, потому что в этом случае кредитор был бы постоянно обязан получать его по полной стоимости.

Исключение из этого правила.

Но когда нации должны друг другу, сторона-должник должна заплатить стороне-кредитору своей монетой: следовательно, должник обязан продать свою собственную монету за то, что он может за нее получить, и на эти деньги он должен купить монету страны своего кредитора, и этим он должен расплатиться с ним.

Давайте, чтобы избежать абстрактных рассуждений, возьмем пример: и мы не можем выбрать лучшего, чем Англия и Франция. В Англии чеканка монет бесплатна, во Франции она стоит $8\frac{2}{10}$ процентов. как должно быть оформлено в надлежащем месте.

Франция должна Англии 1000 *фунтов* стерлингов. При оплате слитков, содержащихся в этой сумме, золотом или серебром на лондонском рынке, долг уплачивается, поскольку чеканка монет из них ничего не стоит. Здесь Франция погашает свой долг дешевле, чем отправляя свою собственную монету в слитках; потому что слитки, которые она отправляет, не стоят столько же, сколько весит ее монета.

Англия должна Франции 20 000 ливров. Выплачивая слитки, содержащиеся в этой сумме, Англия не прекращает дела; она также должна выплатить Франции $8\frac{2}{10}$ *процентов*. для того, чтобы превратить это в монету.

Я оставляю за собой дальнейшее рассмотрение всех сложных следствий этого принципа до тех пор, пока не перейду к его применению во Второй части.

Вариации, которым подвергается денежная единица в результате произвольных операций князей по поднятию и обесцениванию монеты.

V. Операция поднятия и обесценивания монеты выполняется тремя способами.

1mo, Увеличивая или уменьшая вес монеты.

2do, Увеличивая или уменьшая долю сплава в монете.

3tio, Увеличивая или уменьшая соотношение между деньгами (монетой) и сопутствующими деньгами, как если бы каждый шестипенсовик назывался шиллингом, а каждые двадцать шесть пенсов - фунтом стерлингов.

Французы называют это увеличением или уменьшением *числового значения*: и поскольку я думаю, что это лучший термин, чем повышение или понижение номинала, я возьму на себя смелость время от времени использовать его.

Эти три операции могут быть сведены к одной и выражены одним термином: все они подразумевают увеличение или уменьшение веса чистых металлов в соответствующей денежной единице.

Потребовался бы отдельный трактат, чтобы исследовать все уловки, которые были изобретены, чтобы заставить человечество потерять из виду принципы денег, чтобы смягчить и придать разумный вид этой власти суверена изменять стоимость монеты. Но этим уловкам, похоже, пришел конец, и принцы теперь понимают, что единственный способ получить деньги, когда того требует случай, - это сохранить свой кредит и позволить монете, с помощью которой этот кредит рассчитывается, оставаться в стабильном состоянии. Однако все еще есть примеры таких операций, с которыми можно встретиться; по этой причине ближе к концу этой книги я присоединю особое исследование заинтересованности правителей в изменении стоимости их монеты, что является синонимом термина "изменение стоимости денежной единицы".

ГЛАВА VI.

Как колебания внутренней стоимости денежной единицы должны влиять на все внутренние интересы нации.

Как это изменение влияет на интересы должников и кредиторов.

I. Мы вкратце указали на влияние несовершенства металлов на изменение стоимости единицы измерения, теперь мы должны указать на последствия этого изменения.

Если изменение содержания бушеля, в котором измеряется зерно, затронуло бы интересы тех, кто обязан платить или кто имеет право получать определенное количество бушелей зерна в качестве арендной платы за землю, то таким же образом каждое изменение стоимости единицы вознаграждения должно затрагивать всех лиц, которые по постоянным контрактам обязаны производить платежи или которые имеют право получать денежные суммы, указанные в кратных или дробных частях от этой денежной единицы.

Следовательно, любое изменение внутренней стоимости денежной единицы приводит к выгоде класса кредиторов за счет должников или *наоборот*.

Это следствие выводится из очевидного принципа. Деньги более или менее ценны пропорционально тому, насколько на них можно приобрести больше или меньше товаров любого типа. Не вдаваясь в подробности причин роста и падения цен, я полагаю, что все согласны с тем, что независимо от того, приводит ли увеличение общей массы денег в обращении к повышению цен в целом или нет, любое увеличение количества металлов, предназначенных для вложения в денежную единицу, должно, по крайней мере, увеличивать стоимость этой денежной единицы и заставлять покупать больше любого товара, чем раньше; то есть, если на 113 гран чистого золота, что соответствует нынешнему весу фунта стерлингов в золоте, можно купить 113 фунтов муки, то это означает, что ; если бы фунт стерлингов был увеличен до 114 гран того же металла, на него можно было бы купить 114 фунтов муки; следовательно, если бы фунт стерлингов был увеличен на одну гран золота, каждый мельник, который платил арендную плату в размере десяти фунтов в год, был бы вынужден продать 1140 фунтов своей муки, чтобы получить 10 фунтов для уплаты арендной платы, вместо 1130 фунтов муки, которые он продавал ранее, чтобы получить ту же сумму; следовательно, из-за этого нововведения мельник должен ежегодно терять десять фунтов муки, которые, следовательно, должен получать его хозяин. Из этого примера, я думаю, ясно, что каждое увеличение количества металлов, вложенных в фунт стерлингов, будь то серебра или золота, должно означать преимущество для всего класса кредиторов, которым выплачивается в фунтах стерлингов, и, следовательно, должно быть пропорциональным убытком для всех должников, которые должны платить тем же номиналом.

Ошибка мистера Локка.

Я не был бы столь разборчив в доказательстве столь простого положения, если бы оно не ускользнуло от проницательности великого мистера Локка.

В 1695 году правительству Англии было внесено предложение снизить стоимость фунта стерлингов на 20 *процентов*. выпустив новую чеканку из всего серебра и сделав каждый шиллинг $\frac{1}{5}$ легче, чем раньше. Автор этого проекта (мистер Лондес), представив свой план

публике, получил ответ от мистера Локка, что это снижение стоимости денежной единицы фактически приводит к обману всех землевладельцев в размере 20 *процентов*. из их арендной платы. Лондес ответил, что серебро подорожало на 20 *процентов*. в своей стоимости, и, следовательно, фунт стерлингов, хотя и снизился на 20 *процентов*. по весу чистого серебра он оставался таким же ценным, как и раньше. Это предположение мистер Локк опроверг самыми вескими доводами, и действительно, ничто не могло быть более абсурдным, чем утверждение, что серебро выросло в цене по отношению к самому себе. Но хотя мистер Локк *чувствовал*, что все земельные проценты и все те, кто были кредиторами по постоянным контрактам, должны потерять 20 *процентов*. по плану мистера Лондеса, однако он не *понял* (что очень замечательно), что должники по этим контрактам должны получить выгоду. Это побудило его выдвинуть весьма необычное предположение, которое убедительно доказывает, что интересы должников и кредиторов, которые теперь приобретают первостепенное значение для внимательного рассмотрения современными государственными деятелями, тогда мало учитывались и еще меньше понимались.

На 46-й странице *Дальнейших рассуждений м-ра Локка относительно повышения стоимости денег* мы находим, что м-р Лондес подтвердил в поддержку своего плана, что эти новые деньги позволят оплатить столько же долгов и купить столько товаров, сколько тогдашние деньги, которые были на одну пятую тяжелее. Затем мистер Локк добавляет: “То, что он говорит о долгах, верно; но все же я хотел бы, чтобы наши английские джентльмены хорошенько обдумали тот факт, что, хотя кредиторы потеряют $\frac{1}{5}$ свою основную сумму и пользование, а землевладельцы потеряют $\frac{1}{5}$ свой доход, *все же должники и арендаторы не получают его*. Может возникнуть вопрос, кому это достанется? Те, говорю я, и только те, у кого накоплены большие суммы увесистых денег (из которых сейчас не видно ни кусочка в платежах), получают их. Благодаря предлагаемой замене наших денег они увеличат свое богатство на $\frac{1}{5}$, выплачиваемое из карманов остальной нации”.

Если бы авторитет какого-либо человека мог возобладать там, где разум темен, то это был бы авторитет мистера Локка; и если бы кто-либо другой, кроме мистера Локка, выдвинул такую доктрину, я бы не обратил на это внимания.

Здесь этот великий человек по неосторожности сразу же отказывается от аргумента в пользу своего противника после того, как тот опроверг его самым убедительным образом: ибо если человек, который в то время копил большие деньги, должен был выиграть от того, что их разменяли на более легкие монеты, мистер Локк должен согласиться с мистером Лондесом, что легкая монета имеет такую же ценность, как и тяжелая.

Те, у кого в то время в сундуках были заперты крупные суммы денег, несомненно, выиграли бы, *при условии, что они были должниками*; потому что, я полагаю, заняв 4000 *фунтов* стерлингов крупными деньгами и увеличив их до 5000 *фунтов* по плану мистера Лондеса, они могли бы выплатить свой долг в размере 4000 *фунтов* и сохранить тысячу чистой прибыли для себя. Но предположим, что у них нет долгов, что они могли бы получить, имея большие деньги, поскольку на 5000 *фунтов* стерлингов после чеканки монет было бы куплено не больше земли или каких-либо товаров, чем на 4000 *фунтов* стерлингов сделали бы еще до чеканки монет.

Когда стоимость единицы уменьшается, кредиторы проигрывают; когда она увеличивается, проигрывают должники.

Следовательно, мы можем с уверенностью заключить, что каждое *уменьшение* количества металлов, содержащихся в денежной единице, должно означать потерю для всех кредиторов; и что пропорционально этой потере те, кто являются должниками, должны получать выгоду.

Что, напротив, какое бы *увеличение* денежной единицы ни производилось, такое увеличение должно быть пагубным для должников и пропорционально выгодным для кредиторов.

В предыдущих главах я изложил, со всей отчетливостью, на какую был способен, самые общие принципы, которые влияют на доктрину денег, и к ним, я думаю, можно применить все остальные.

Однако сочетание этих принципов друг с другом порождает удивительное разнообразие проблем, связанных с деньгами, монетами и слитками, которые трудно разрешить только из-за сложности применения их к правилу.

Поэтому, чтобы сделать это исследование более полезным, я сейчас применю изложенные мной принципы к состоянию британской монеты и к разрешению каждого вопроса, который возникнет в ходе изучения беспорядка, в который она попала. Отклонение от стандартного веса монеты и соотношения металлов (небольшое по сравнению с тем, что было обычным в прежние века) создало очень большие препятствия в обращении двух видов монет и создает очень большие неудобства, когда возникает вопрос об их устранении новым постановлением монетного двора.

Наиболее четкий метод рассмотрения таких вопросов состоит в том, чтобы рассматривать всю монету как приведенную к весу чистых металлов; и чтобы избежать путаницы с различными номиналами весов, я буду рассматривать все по тройской дроби.

Интересы, которые я намереваюсь объединить в этом вопросе, не ограничиваются интересами только Англии, я ввел в максимально точный расчет монеты тех наций, которые у меня будет возможность упомянуть и сравнить с монетой Англии. Я свел их к общей таблице, которая помещена в конце этого тома. Читатель может обращаться к нему при каждом упоминании обращения денег в крупницы серебра и золота и таким образом составить себе гораздо лучшее представление о многих вещах, чем я мог бы дать ему в противном случае.

ГЛАВА VII.

Беспорядка в британской монете, поскольку это приводит к переплавке или вывозу Звонкой монеты.

Дефекты британской монеты.

Дефектов у британской монеты три.

1mo. Соотношение между золотом и серебром в нем составляет 1 к $15\frac{2}{10}$, тогда как рыночная цена может быть примерно равна 1 к $14\frac{1}{2}$.

2do. Большая часть нынешних денег изношена и легкая.

3^{тмо}. Из второго недостатка вытекает третий, а именно то, что в обращении находится несколько валют, которые имеют одинаковую стоимость, но не одинаковый вес.

4^{то}. Из всех этих недостатков вытекает последнее и самое большое неудобство, а именно необходимость внесения некоторых новшеств, чтобы поставить дело на правильную основу.

Я не буду обращать внимания на неточности фабрикации, потому что они неотделимы от несовершенства человеческого искусства, и пока они не очень значительны, их обнаружение не принесет никакой пользы, а следовательно, не приведет к плохим последствиям.

Стандарта английской монеты и денежной единицы.

У англичан, помимо денежной единицы, которую они называют фунтом стерлингов, есть также единица веса для взвешивания драгоценных металлов.

Это называется фунт-тройя и состоит из 12 унций, каждая унция весит 20 пенни, а каждый пенни весит 24 грана. Таким образом, фунт-тройя состоит из 240 пенни весом и 5760 зерен.

Проба серебра определяется количеством унций и пенни весом чистых металлов в фунт-тройке полученной массы; или, другими словами, фунт-тройка, который содержит 5760 гран стандартного серебра, содержит 5328 гран чистого серебра и 432 грана меди, называемых сплавами.

Таким образом, стандартное серебро составляет 11 унций чистого серебра весом 2 пенни в фунтовой тройке по отношению к меди весом 18 пенни, или 111 частей чистого серебра на 9 частей сплава.

Стандартное золото - это 11 унций чистого серебра или меди, используемых для сплава на одну унцию, которые вместе составляют фунт-тройку; следовательно, фунт-тройка стандартного золота содержит 5280 гран мелкого и 480 гран сплава, который не считается ценным.

В фунте стерлингов по закону содержится 1718,7 тройских грана чистого серебра.

Согласно закону 43-го года правления Елизаветы, этот фунт стандартного серебра должен быть отчеканен в 62 шиллинга, 20 из которых составляют фунт стерлингов; следовательно, в 20 шиллингах содержится 1718,7 грана чистого серебра и 1858,06 грана стандартного серебра.

В гинее 118,644 грана чистого золота.

Тройский фунт стандартного золота, $1\frac{1}{12}$ штрафа, установлен актом короля Карла II. должно быть разделено на $44\frac{1}{2}$ гиней; то есть каждая гиней содержит 129,43 грана стандартного золота и 118,644 грана чистого золота, а фунт стерлингов, который составляет $\frac{20}{21}$ гиней, содержит 112,994, что, как уже было сказано, составляет 113 гран чистого золота.

Чеканка монет в Англии бесплатная.

Чеканка монет в Англии полностью осуществляется за счет государства. Цена металлов на монетном дворе совпадает с ценой монеты. Тот, кто несет на монетный двор унцию стандартного серебра, получает за нее серебряной монетой 5шилл. 2д. или 62д. тот, у кого есть унция стандартного золота, получает золотую монету в 3фунта 17ш. 10д $\frac{1}{2}$. и то, и другое дает ровно по унции одинаковой пробы со слитками. Таким образом, монета не может иметь на

рынке ценности выше слитков; следовательно, те, кто ее переплавляет, не могут понести никаких убытков.

Когда гиней была впервые выпущена, правительство (не склонное привязывать фунт стерлингов к золотой монете страны) установило стоимость гиней в 20 шиллингов (что было тогда ниже ее соотношения к серебру), предоставив ей самой устанавливать цену выше этой в зависимости от хода рынка.

Этим постановлением английскому серебряному стандарту не было причинено никакого вреда; поскольку гиней, или 118,644 грана чистого золота, стоила в то время больше, чем 20 шиллингов, или 1718,7 грана чистого серебра, ни один должник не платил золотом по его стандартной стоимости, и все, что было получено сверх этой цены, было чисто условным.

Стандарт, не прикреплявшийся к золотой монете до 1728 года.

Соответственно, гиней устанавливали свою собственную цену до 1728 года, когда они были установлены по-новому, не ниже своей первоначальной стоимости, а на уровне, который затем был определен как их точная стоимость, в соответствии с соотношением металлов, а именно на уровне 21 шиллинга, и при этом им было приказано осуществлять текущие платежи.

Последствие данного регламента - снижение качества стандарта.

Эта операция привела к тому, что золото стало таким же стандартом, как и серебро. Затем должники платили безразлично как золотом, так и серебром, поскольку предполагалось, что и то, и другое имеет одинаковую внутреннюю, а также текущую стоимость; в этом случае из этого правила не могло последовать никаких неудобств. Но со временем спрос на серебро возрос; изготовление посуды стало преобладать больше, чем раньше, а ежегодно увеличивающийся вывоз серебра в Ост-Индию увеличил спрос на него или, возможно, привел к тому, что его количество стало пропорционально меньше, чем раньше. Это изменило пропорцию металлов, и постепенно она увеличилась с 1 до 15,2 (пропорция, которую они должны были иметь, когда гиней были фиксированы и составляли законную денежную единицу в 21 шиллинг) до 14,5 (нынешняя *предполагаемая* пропорция).

Следствием этого стало то, что та же самая гиней, которая стоила 1804,6 грана чистого серебра, в то время как она была установлена на уровне 21 шиллинга, теперь стоит не более 1719,9 грана чистого серебра в пропорции 14½ к 1.

Что должники будут платить не серебром, а золотом.

Следовательно, должники, у которых всегда есть законный выбор при оплате своих долгов, будут платить фунты стерлингов больше не серебром, а золотом; и поскольку золотые фунты, которыми они платят, по сути, не стоят серебряных фунтов, которыми они платили ранее, согласно статуту Елизаветы, из этого следует, что фунт стерлингов в серебре на самом деле больше не является стандартом, поскольку никто не будет платить по такой ставке, и поскольку никого нельзя заставить это сделать.

Помимо этого несоответствия между металлами, серебро, чеканившееся до правления Георга I. теперь стало легким в обращении; а гиней, чеканившиеся всеми принцами со времен Карла II, проходят мимо слухов, хотя многие из них значительно уменьшились в своем весе.

Давайте теперь рассмотрим, какую выгоду отсутствие пропорции и веса монеты может принести спекулянтам при ее переплавке или экспорте.

Если бы все рассматривали монету только как меру для определения ценности, не обращая внимания на ее ценность как металла, отклонения золотых и серебряных монет от идеальной точности либо в отношении пропорции, либо в отношении веса доставляли бы небольшие неудобства.

Что некоторые люди считают монету вспомогательным средством,

Действительно, многие в каждом современном обществе рассматривают монету исключительно как сопутствующие деньги, и им очень трудно понять, какую разницу можно найти между легким шиллингом и тяжелым; или к каким неудобствам может привести то, что гиней - это несколько крупинок чистого золота, слишком легких, чтобы стоить 21 шиллинг стандартного веса. И если бы все думали так же, то вообще не было бы нужды в монетах из драгоценных металлов; кожа, медь, железо или бумага вели бы счет так же хорошо, как золото и серебро.

другие считают его металлом.

Но хотя есть много людей, которые смотрят не дальше клейма на монете, есть и другие, чье единственное занятие - исследовать ее внутреннюю ценность как товара и извлекать выгоду из каждой неточности в весе и соотношении металлов.

Сам институт чеканки монет подразумевает, что каждая монета из одного и того же металла и одного и того же номинала по отношению к денежной единице будет иметь одинаковую стоимость.

Следовательно, работа этих финансовых спекулянтов, как я буду их называть, заключается в том, чтобы со скрупулезной точностью проверять точный вес каждой монеты, которая попадает к ним в руки.

Операции денежных спекулянтов, когда монета отклоняется от рыночной доли металлов или от разрешенного веса.

Первым объектом их внимания является цена металлов на рынке: в настоящее время трейдер обнаруживает, что за 14,5 фунтов чистого серебра в слитках он может купить один фунт чистого золота в слитках.

Они плавятся, когда металлы в них неправильно распределены.

Поэтому он скупает за золотую монету все новое серебро, как только оно чеканится, которое он может получить по курсу 15,2 фунта за одну золотую монету; эти 15,2 фунта серебряной монеты он переплавляет в слитки и превращает обратно в золотые слитки, выдавая по курсу всего 14,5 фунтов за одну.

Благодаря этой операции у него остается чистая прибыль в размере $\frac{7}{10}$ от веса одного фунта серебряных слитков на те $15\frac{1}{2}$ фунтов, которые он купил; эти $\frac{7}{10}$ фунтов действительно были потеряны человеком, который по неосторожности отчеканил серебро на монетном дворе и

отдал его меняле за свое золото. Таким образом, государство теряет расходы на чеканку монет, а общественность - удобство размена своих гиней.

И когда монета неодинакова по весу.

Но здесь можно спросить, зачем спекулянту переплавлять серебряную монету, разве он не может купить на нее также и золото, не переплавляя его? Я отвечаю, он не может, потому что, когда это в монетах, он не может воспользоваться тем, что они новые и весомые. Монета продается по рассказу, а не по весу; следовательно, если бы он пришел на рынок со своей новой серебряной монетой, я бы предположил, что золотые слитки продавались по цене монетного двора, а именно. при цене 3фунта 17ш. 10½д. стерлингов за унцию он был бы вынужден заплатить цену того, что он купил за большие деньги, что он с таким же успехом может сделать и за легкие.

Поэтому он переплавляет новую серебряную монету и продает ее в слитках по стольким-то пенсам за унцию, цена которых на английском рынке всегда выше цены серебра на монетном дворе по причинам, которые сейчас будут указаны.

Почему серебряные слитки дороже монет.

Когда вы продаете стандартные серебряные слитки на монетном дворе, вам платят солидными деньгами; то есть вы получаете за свои слитки тот же вес в стандартной монете; чеканка монет ничего не стоит; но когда вы продаете слитки на рынке, вам платят изношенным серебром, золотом, банкнотами, короче говоря, всеми видами законно обращающихся денег. Теперь все эти платежи имеют некоторый дефект: серебро, которым вам платят, изношено и легкое; золото, которым вам платят, переоценено и, возможно, тоже легкое; и банкноты должны иметь одинаковую стоимость с той монетой, которой банк их выплачивает, то есть светлым серебром или золотом повышенной стоимости.

Именно по этим причинам серебряные слитки, которые покупаются монетным двором по цене 5 2d. за унцию тяжелых серебряных денег, можно купить на рынке по цене 65 пенсов^[Q] унция легкого серебра, золота с завышенной оценкой или банкнот, что одно и то же.

Вопрос. Цена серебра на лондонском рынке постоянно меняется; поэтому я беру 65 пенсов за унцию в качестве средней цены, чтобы не усложнять расчеты, которые здесь все гипотетические.

Потому что этот вид подорожал на рынке как слитки, а не как монета.

Далее, мы видели, как введение чеканки приводит к повышению стоимости монеты выше стоимости слитков, добавляя ей ценность, которой она не имела как металл.

Точно так же, когда единица однажды прикрепляется к определенным количествам обоих металлов, если один из металлов впоследствии вырастет в цене на рынке, монета, изготовленная из этого металла, должна потерять часть своей ценности как монеты, хотя и сохранить ее как металл. Следовательно, как и в первом случае, он приобрел дополнительную ценность, будучи отчеканенным, так и теперь он должен приобрести дополнительную ценность, будучи переплавленным. Из этого мы можем заключить, что, когда стандарт прикреплен к обоим металлам в монете и когда пропорция этой стоимости не соответствует рыночной цене,

та разновидность, которая повышается на рынке, переплавляется, и слитки продаются по цене, настолько превышающей цену на монетном дворе, насколько повысилась стоимость металла.

Следовательно, если в Англии цена серебряных слитков оказывается равной 65 пенсам за унцию, в то время как на монетном дворе она оценивается в 62; это доказывает, что серебро поднялось на $\frac{3}{65}$ выше пропорции, наблюдаемой в монете, и что, следовательно, вся монета стандартного веса может быть переплавлена с прибылью в $\frac{3}{65}$. Но поскольку необходимо учитывать несколько других обстоятельств, которые регулируют цену слитков и влияют на нее, мы здесь сделаем их обзор, чтобы лучше раскрыть природу этого беспорядка в английской монете и выгоды, которые могут извлечь из этого спекулянты деньгами.

Что регулирует цену слитков.

Цена слитков, как и любого другого товара, регулируется стоимостью денег, которыми они оплачены.

Следовательно, если слитки продаются в Англии по цене 65 пенсов за унцию, оплаченную серебряной монетой, они должны продаваться по цене 65 шиллингов за фунт трои; то есть шиллинги, которыми обычно расплачиваются, не превышают веса $\frac{2}{65}$ фунта трои: ибо если бы 65 шиллингов, которыми оплачивается фунт слитков, весили больше фунта трои, для того, кто хочет слитки, было бы более коротким и лучшим способом переплавить шиллинги и использовать металл, чем ходить с ними на рынок, чтобы получить меньше.

Следовательно, мы можем быть совершенно уверены, что ни один человек не купит серебряные слитки по 65 пенсов за унцию на любой шиллинг, весящий более $\frac{1}{65}$ тройского фунта.

Мы исходили из предположения, что обычная цена слитков на английском рынке составляет 65 пенсов за унцию. Это было сделано по указанию некоторых поздних авторов по этому вопросу^[R]: теперь уместно указать на причины, которые могут привести к отклонению от этого значения.

R. Это было написано в Германии, *anno* 1759 г., когда я не был хорошо информирован о некоторых фактах, и не стоит вносить какие-либо изменения, поскольку это всего лишь предположение.

Внутренняя стоимость валюты.

I. Цена может варьироваться и, безусловно, будет меняться в зависимости от того, лучше или хуже валюта. Когда военные расходы или неправильный торговый баланс уносят очень много тяжелых гиней, естественно, что слитки должны дорожать; потому что тогда за них чаще всего будут платить легким золотом и серебром, то есть фунтами стерлингов, стоимость которых ниже 113 гран чистого золота, то есть стоимости фунта стерлингов в новых гинях.

Спрос на экспорт слитков.

II. Этот неправильный торговый баланс или спрос на слитки за границей, становящийся очень большим, может привести к дефициту металлов на рынке, а также к дефициту монеты; следовательно, за них должна быть назначена повышенная цена пропорционально величине спроса. В этом случае и монета, и слитки должны быть куплены с использованием бумаги. Но я

должен заметить, что повышение цены слитков происходит из-за спроса на металлы и конкуренции между торговцами за их приобретение, а вовсе не потому, что бумага, указанная в качестве цены, имеет меньшую ценность по сравнению с звонкой монетой. Малейшая дискредитация такого рода не привела бы к снижению ценности газеты; она сразу же уничтожила бы ее. Следовательно, поскольку металлы необходимо иметь, а бумага не может восполнить их недостаток при экспорте, цена растет пропорционально трудностям поиска металлов в другом месте, кроме как на английском рынке.

Или для изготовления пластин.

III. Внезапный спрос на слитки, на изготовление пластин. Кузнец вполне может позволить себе отдать 67 пенсов за унцию серебра, то есть он может позволить себе отдать один фунт золота за 14 фунтов серебра, а может быть, и меньше, несмотря на то, что то, что он дает, превышает обычную пропорцию между металлами, потому что он щедро возмещает себя ценой своей работы: точно так же трактирщик заплатит любую цену за прекрасную рыбу, потому что, подобно ювелиру, он покупает для других людей.

Биржа повышается, а цена монетного двора падает на слитки.

IV. Курс монетного двора оказывает такое же сильное влияние на снижение цены слитков, как биржа на ее повышение. В странах, где металлы в монете справедливо распределены, где все валюты имеют законный вес и где введена чеканка монет, торговые операции заставляют цену слитков постоянно колебаться между стоимостью монеты и чеканной ценой металлов. Это будет впоследствии достаточно объяснено во второй части.

Продолжение операций ростовщиков

Теперь давайте предположим, что текущая цена серебряных слитков на рынке составляет 65 пенсов за унцию, выплачиваемую законными деньгами, независимо от какого веса или из какого металла. | Их правило плавления монеты. | После этого спекулянт деньгами принимается за работу. Все шиллинги, которые превышают $\frac{1}{65}$ фунта тройского, он бросает в свой плавильный котел и продает их в виде слитков по 65д. за унцию; все те, которые ниже этого веса, он относит на рынок и покупает на них слитки по 65 пенсов за унцию.

Каковы последствия этого?

Что те, кто продает слитки, находя, что шиллинги, которыми платит меняла, возможно, не превышают $\frac{1}{66}$ фунта тройского, они, со своей стороны, повышают цену своих слитков до 66 пенсов за унцию.

Это создает новую работу для спекулянта деньгами, ибо он всегда должен получать прибыль. Теперь он взвешивает все шиллинги, какие попадают под руку; и как раньше он бросал в свой плавильный котел только те, которые стоили больше, чем $\frac{1}{65}$ фунта трои, так теперь он бросает все, что стоит больше $\frac{1}{66}$. Затем он продает расплавленные шиллинги по 66 пенсов за унцию и покупает слитки вместе с легкими по той же цене.

Это следствие того, что когда-либо разрешалось выпускать монеты любого вида, не контролируя в то же время их вес: и именно таким образом менялы выигрывают от обращения легких денег.

Пенс в гинеях равен пенсу 65 шиллингов в фунте тройском.

Не является аргументом против такого изложения вопроса утверждение, что серебряные слитки редко покупаются за серебряную монету; потому что пенс в новых гинеях стоит не больше, чем пенс 65 шиллингов в фунте тройском: то есть 240 пенсов, содержащихся в $\frac{20}{21}$ новой гвинее, и 240 пенсов, содержащихся в 20 шиллингах 65 в фунте тройском, отличаются по внутренней стоимости не больше, чем 0,88 грана чистого серебра в целом, что является сущей мелочью^[5].

S. Смотрите [таблицу](#), английские монеты, №. 6 и 7.

Когда гинеи можно будет переплавить с прибылью.

Следовательно, всякий раз, когда шиллинги весят меньше, чем $\frac{1}{65}$ фунта тройского, есть преимущество обменять их на новые гинеи; и когда это так, новые гинеи будут переплавлены, и прибыль будет получена от продажи их за слитки в соответствии с принципами, которые мы только что объяснили.

Было бы очень утомительно перечислять все мошеннические операции, вызванные этим нарушением пропорции металлов в монете и неодинаковым весом монет одного и того же достоинства.

Серебро экспортируется предпочтительно в золото.

Мы уже приводили пример внутренних операций спекулянтов деньгами; но они не наносят наибольшего ущерба национальным интересам. Можно предположить, что спекулянтами являются англичане; и в этом случае прибыль, которую они получают, остается дома; но всякий раз, когда возникает потребность в слитках для покрытия торгового баланса, очевидно, что они будут выплачены серебряной монетой, но никогда золотом, если удастся достать тяжелое серебро; и это снова уносит серебряную монету и делает ее дома настолько редкой, что возникают большие неудобства из-за отсутствия меньших номиналов. Потеря, однако, здесь ограничивается неудобством; поскольку торговый баланс является долгом, который должен быть выплачен, я не рассматриваю вывоз серебра для этой цели как какое-либо следствие обесценения монеты. Но помимо этого необходимого вывоза, существуют и другие, которые являются произвольными и которые производятся только с целью получения прибыли неправильной пропорции.

Когда ростовщики сталкиваются с трудностями в осуществлении описанного нами оборота на английском рынке из-за конкуренции между собой, они вывозят серебряную монету из страны и продают ее за границей за золото, руководствуясь теми же принципами, по которым Ост-Индская компания отправляет серебро в Китай для покупки золота.

Это обидно, когда это делают иностранцы.

Может возникнуть вопрос, какой вред эта торговля может нанести Англии, поскольку те, кто экспортирует серебро, возвращают ту же стоимость в золоте? Я отвечаю, что если бы эту торговлю вели туземцы, потерь не было бы, потому что они привезли бы домой золото, равное всей внутренней стоимости серебра. Но если мы предположим, что иностранцы присылают золото для чеканки на английском монетном дворе и меняют это золото на английскую серебряную монету, а затем уносят эту монету, я думаю, ясно, что они должны получить разницу, так же как и спекулянты. Но на это можно ответить, что, обменяв золото на серебро по

курсу монетного двора, они придали ценность тому, что получили. Совершенно верно; но так поступил и сэр Ханс Слоун, когда заплатил пять гиней за жабу-переростка: он получил ценность за свои деньги; но это была ценность только для него самого. Точно так же всякий раз, когда английское правительство будет вынуждено восстановить соотношение металлов (что оно должно сделать), эта операция уничтожит ту воображаемую ценность, которую они до сих пор придавали золоту; воображение - единственное, что делает обмен их серебра на иностранное золото равным.

Но далее возражают, что иностранцы не могут увезти тяжелое серебро, потому что увозить некого. Совершенно верно; но тогда я говорю, что они уже увезли большое количество; или, если английские евреи были слишком проникательны, чтобы позволить такой прибыли достаться иностранцам (что могло быть, а могло и не быть), тогда я говорю, что этот беспорядок является эффективным прекращением чеканки серебряных монет для обращения.

ГЛАВА. VIII.

Беспорядка в британской монете, поскольку это влияет на стоимость фунта стерлингов.

Два законных фунта стерлингов в Англии.

Из сказанного очевидно, что в Англии должны быть найдены два легальных фунта стерлингов разной ценности; один стоит 113 гран чистого золота, другой - 1718,7 грана чистого серебра. Я называю их по-разному, потому что эти две порции драгоценных металлов имеют разную ценность по всей Европе.

И некоторые другие, вследствие износа монеты.

Но помимо этих двух разных фунтов стерлингов, которые возникли из-за изменения соотношения металлов, другие дефекты обращающейся монеты производят аналогичные эффекты. Гинеи, отчеканенные всеми принцами, начиная с К. Карл II. были того же стандартного веса и пробы, $44\frac{1}{2}$ в фунтовой тройке стандартного золота $11\frac{1}{12}$ пробы: их постоянно носили с тех пор, как они были отчеканены; и пропорционально их ношению они имеют меньшую ценность.

Таким образом, если стоимость новых гиней ниже стандартного веса фунта стерлингов серебром, старые должны иметь еще меньшую ценность. Таким образом, перед нами другая валюта, то есть другой фунт стерлингов; или, точнее говоря, различных фунтов стерлингов столько же, сколько гиней разного веса. Это еще не все; менялы, забрав все тяжелое серебро, то, которое изнашивается при использовании, и опустив его даже ниже золотого стандарта, образуют еще одну валюту и полностью разрушают всякую определенную пропорцию между денежной единицей и валютами, которые, как предполагается, ее представляют.

Почему ни одна серебряная монета не осталась в Англии.

Можно спросить, как при таком раскладе вообще какое-либо серебро осталось в Англии? Я отвечу, что несколько увесистых шиллингов, которые все еще остаются в обращении, чудесным образом ускользнули из рук менял, а что касается остального, то трение и изнашивание этих

монет сделало то, что могла бы сделать грифельная доска, то есть уменьшило их количество до должной пропорции по сравнению с самым легким золотом.

Беспорядок, таким образом, в английской монете сделал стандарт фунта стерлингов довольно неопределенным. Сказать, что он составляет 1718,7 грана чистого серебра, было бы совершенно идеально. Кому платят в таких фунтах? Сказать, что это 113 гран чистого золота, тоже может быть неправдой; потому что есть много валют хуже, чем новые гиней.

Текущая стоимость фунта стерлингов.

Каковы же тогда последствия всего этого беспорядка? Какое влияние это оказывает на текущую стоимость фунта стерлингов? И каким образом можно определить это значение?

Определяется торговыми операциями.

Торговые операции приводят к уравниванию ценности, несмотря на самые большие возможные нарушения, и поэтому фактически фунт стерлингов приобрел определенную ценность во всем мире благодаря иностранной валюте. Это своего рода идеальная шкала для измерения британской монеты, хотя она и не обладает всеми свойствами, описанными выше.

К средней стоимости всех валют.

Биржа рассматривает фунт стерлингов как стоимость, определяемую в соответствии с комбинацией стоимости всех различных валют, пропорционально тому, в какой из них производятся платежи; и поскольку должники обычно стараются платить в наихудших видах, которые они могут, следовательно, следует, что стоимость фунта стерлингов должна упасть до стоимости валюты с наименьшей стоимостью.

Если бы имелось достаточное количество изношенного золота и серебра для погашения всех переводных векселей, фунт стерлингов снизился бы до их стоимости; но если для этой цели также необходимо новое золото, его стоимость должна быть пропорционально выше.

Все эти комбинации ликвидируются и компенсируются друг другом посредством операций торговли и обмена, и фунт стерлингов, который сам по себе так различен, становится, таким образом, в глазах коммерции определенной единицей, подверженной, однако, изменениям, от которых он никогда не может быть освобожден.

Итак, вот доказательство того, что было сказано в конце первой главы, что ношение одного шиллинга привело к повсеместному уменьшению стоимости фунта стерлингов; пропорция, которая на первый взгляд кажется парадоксальной, хотя, если разобраться, нет ничего более соответствующего руководящим принципам торговли.

Обменяйте хорошую меру на стоимость фунта стерлингов.

Таким образом, обмен, по моему скромному мнению, является одним из лучших показателей оценки фунта стерлингов, нынешней валюты. Здесь возникает вопрос.

Имеет ли большое количество бумажных денег в Англии тенденцию снижать стоимость фунта стерлингов?

Использование бумажных денег не повредит снижению стандарта.

Я отвечаю (согласно моим слабым представлениям) отрицательно. *Бумажные деньги* так же хороши, как золотые или серебряные, и ничуть не лучше. Изменение стандарта, как мы уже говорили и, я думаю, доказано, должно пропорционально влиять на интересы должников и кредиторов везде. Из этого следует, что всякое увеличение стоимости денежной единицы в звонкой монете должно наносить ущерб должникам в бумажных деньгах; а все уменьшения, с другой стороны, должны наносить ущерб кредиторам в бумажных деньгах, так же как и везде еще. Платежи, следовательно, производимые бумажными деньгами, никогда не могут способствовать регулированию стандарта фунта стерлингов; только денежная единица, полученная при погашении этих бумажных денег, может способствовать обозначению стоимости британской единицы, потому что она не привязана ни к чему другому.

Курс фунта стерлингов регулируется не законом, а средней стоимостью текущих денег.

Исходя из этого, мы можем вывести принцип, *согласно которому в странах, где денежная единица полностью привязана к монете, ее фактическая стоимость определяется не в соответствии с юридическим стандартом этой монеты, а в соответствии со средней долей фактической стоимости тех валют, в которых выплачиваются долги.*

Почему биржа так часто выступает против Англии.

Из этого мы видим причину, по которой обмен между Англией и всеми торговыми городами Европы долгое время казался таким неблагоприятным. Люди рассчитывают реальный номинал, исходя из предположения, что фунт стерлингов стоит 1718,7 грана тройской пробы чистого серебра, когда на самом деле валюта, возможно, не стоит 1638 г., что соответствует стоимости новой гвинеи в серебре, при рыночном соотношении 1 к 14,5; то есть валюта составляет всего 95,3 процента. о серебряном стандарте 43-го года правления Елизаветы. Неудивительно, что обмен будет сочтен невыгодным.

Как рыночные цены на слитки определяют стоимость фунта стерлингов.

Исходя из принципа, который мы только что изложили, мы можем получить подтверждение того, что мы выдвинули относительно причины повышения цены слитков на английском рынке.

Когда люди покупают слитки за текущие деньги по определенной цене, эта операция в сочетании с курсом обмена, естественно, должна с большой точностью определять действительную стоимость фунта стерлингов.

Шиллинги в настоящее время весят не более $\frac{1}{65}$ фунта тройского,

Следовательно, если цена стандартных слитков на английском рынке, когда нет спроса на вывоз металлов, то есть когда при обмене бумага заменяется бумагой, и когда торговцы, сведущие в этих вопросах, считают обмен (то есть денежные переводы) равным номиналу, если тогда, говорю я, серебряные слитки нельзя купить по цене ниже 65 пенсов за унцию, очевидно, что эти слитки можно было бы купить за 65 пенсов шиллингами, из которых 65 можно было бы отчеканить из фунта тройского английского стандартного серебра; поскольку 65 пенсов за тройскую унцию серебра английского стандарта. за унцию получается 65 шиллингов за 12 унций, или фунт трои.

Это ясно показывает, как стандартные серебряные слитки должны продаваться по 65 пенсов за унцию в стране, где унция стандартного серебра в монете стоит не более 62; и если бы

рыночная цена слитков постоянно оставалась на уровне 65 за унцию, это показало бы, что стоимость фунта стерлингов была достаточно фиксированной. Вся тяжелая серебряная монета теперь изъята^т; потому что она по сути стоила больше, чем золото, за которое ее выдавали в валюте. Следовательно, то серебро, которое остается, изнашивается до рыночной доли металлов, как уже было сказано, то есть 20 шиллингов в серебряной валюте стоят 113 гран чистого золота при соотношении золота и серебра 1 к 14,5. Итак,

как 1 равен 14,5, так и 113 равен 1638.

таким образом, нынешние 20 шиллингов весят всего 1638 гран чистого серебра вместо 1718,7, что должно было бы соответствовать стандарту.

Т. Это было написано во время прошлой войны.

Теперь давайте поговорим о стандартном серебре, поскольку мы исследуем, насколько сильно должна изнашиваться английская монета при использовании.

и изнашиваются на 4,29 тройских грамма легче своего стандартного веса.^f

В фунтовой тройе содержится 5760 зерен. Согласно стандарту, она разыгрывается в 62 шиллинга; следовательно, каждый шиллинг должен весить 92,9 зерен. При таких шиллингах невозможно, чтобы когда-либо стандартные слитки продавались по цене выше 62 пенсов за унцию. Следовательно, если такие слитки продаются за 65 пенсов, шиллинги, на которые они куплены, должны весить не более 88,64 грана стандартного серебра; то есть они должны потерять 4,29 грана и уменьшиться до $\frac{1}{65}$ фунта тройского.

Но нет необходимости покупать слитки за шиллинги; никогда не оговаривается *цена* дальше, чем по стольким-то пенсам стерлингов за унцию. Разве это фактически не определяет стоимость такой валюты по отношению ко всем валютам Европы? Если бы испанец, француз или голландец знал точное количество серебряных слитков, которое можно купить на лондонском рынке за фунт стерлингов, получил бы он какие-либо дополнительные сведения о внутренней ценности этой денежной единицы; разве он не понял бы ее ценность гораздо лучше из этого обстоятельства, чем из хода любого обмена, поскольку обмен не определяет внутреннюю ценность денег, а только ценность этих денег, перемещаемых из одного места в другое.

Таким образом, цена слитков, когда на нее не влияет чрезвычайный спрос (например, для пополнения торгового баланса или для создания чрезвычайных запасов металла), но когда она соответствует тому, что, как известно каждому, подразумевается под обычной рыночной ценой, является очень приемлемым показателем ценности *фактического* денежного стандарта в любой стране.

Фунт стерлингов стоит в настоящее время не более 1638 гранов тройской пробы серебра, в зависимости от цены слитков;

Следовательно, если верно, что за фунт стерлингов нельзя купить более 1638 гран чистого серебра в слитках, потребуется немало логики, чтобы доказать, что он действительно стоит или стоил в течение этих многих лет больше; несмотря на то, что стандартный вес его в Англии регулируется законами королевства и составляет 1718,7 грана чистого серебра.

и в соответствии с ходом обмена,

Если к этой оценке фунта стерлингов, полученной на основе цены слитков, мы добавим другую, полученную на основе курса обмена; и если на основании этого мы обнаружим, что при обмене бумаги на бумагу за фунт стерлингов ни в одной стране Европы нельзя купить более 1638 гран чистого серебра, я думаю, на основании этих двух источников, мы можем с полной уверенностью заключить (по крайней мере, в отношении факта), что фунт стерлингов не стоит больше ни в Лондоне, ни в любом другом торговом городе, и если это так, то он стоит всего 20 шиллингов из 65 в год. фунт трои.

шиллинги, отчеканенные по цене 65 тройских фунтов стерлингов, были бы пропорциональны золоту,

Следовательно, если бы монетный двор чеканил шиллинги по этому курсу и платил за серебряные слитки по рыночной цене, то есть по ставке 65 пенсов за унцию в этих новоиспеченных шиллингах, они были бы пропорциональны золоту: серебро доставлялось бы на монетный двор наравне с золотом и столь же мало подлежало вывозу или переплавке.

В этом месте можно спросить, насколько чеканка тройского фунта в 65 шиллингов противоречит законам Англии?

что показывает, что стандарт был принижен,

В тот момент, когда государство объявляет, что определенное количество золота стоит определенного количества серебра, и приказывает принимать эти соответствующие количества каждого металла как эквиваленты друг друга и как законные деньги для платежей, в этот момент золото становится таким же стандартом, как и серебро. Следовательно, если заказать или разрешить использовать слишком малое количество золота в качестве эквивалента единицы, серебряный стандарт с этого момента обесценивается; или, точнее говоря, с этого момента запрещаются все серебряные деньги; ибо кто с того времени когда-либо будет платить серебром, когда он может платить золотом дешевле? Следовательно, золото по такому закону становится стандартом, и все заявления об обратном противоречат действительности.

и что сохранение его там, где оно есть, не является новым унижением.

Следовательно, если бы король чеканил серебряную монету по 65 шиллингов за фунт, это свидетельствовало бы о том, *что таким поступком* он не допустил бы фальсификации стандарта: фальсификация уже совершена. Стандарт опустился до того уровня, где он есть, медленно и исключительно под действием политических причин, и ничто не мешает ему упасть еще ниже, кроме стандарта золотой монеты. Пусть гинеям теперь предоставлено самим определять свою стоимость, как это было раньше, и пусть легкое серебро продолжает оставаться легендой, через 20 лет мы увидим, что гинеи подорожают на 30 шиллингов, как это было в 1695 году.

Доказательство того, что стандарт был нарушен законом,

Столь же абсурдно говорить, что стандарт королевы Елизаветы не был обесценен принятием закона о том, что английская единица будет облагаться 113 гранями чистого золота, как было бы утверждать, что он не будет обесценен по сравнению с тем, что есть в настоящее время, путем

принятия закона о том, что фунт масла должен везде выдаваться в качестве оплаты за фунт стерлингов; хотя фунт стерлингов должен по-прежнему состоять из 3 унций, 17 пенни весом и 10 гран стандартного серебра, согласно статуту 43-й Елизаветы. Я полагаю, что в этом случае большинство должников расплачивались бы маслом, а серебро, как и в настоящее время, приобрело бы общепринятую ценность как металл, но больше не рассматривалось бы как стандарт или как деньги.

Следовательно, если по закону Англии фунт стерлингов должен состоять из 1718,7 грана тройской пробы серебра, то по закону Англии также 113 гран золота должны иметь ту же стоимость, но ни один закон не может установить такую пропорцию; следовательно, каким бы способом ни проводилась реформа, какой-либо закон должен быть отменен; следовательно, целесообразность, а не соблюдение закона, должны быть мотивом для исправления злоупотребления.

и в настоящее время снижен до стоимости золота.

Из того, что было сказано, несколько не удивительно, что фунт стерлингов на самом деле должен быть снижен почти до стоимости золота. Следует ли сохранять его на таком уровне - это другой вопрос; и он должен быть рассмотрен в надлежащем месте. Все, что мы здесь решаем, это то, что чеканка фунта-тройки в 65 шиллингов восстановила бы соотношение металлов и сделала бы оба вида обычными в обращении. Но восстановление веса и пропорции монеты, как я полагаю, не является той трудностью, которая препятствует реформированию английской чеканки.

Я остановился, возможно, дольше, чем было необходимо, на этой оценке текущей стоимости фунта стерлингов и, представив дело в ином свете, был вынужден повторяться. Важность этого момента в настоящем расследовании должна служить мне оправданием.

ГЛАВА IX.

Исторический отчет о разновидностях британской монеты.

Смысл этого трактата не в том, чтобы диктовать, а в том, чтобы вопрошать

Весь смысл этой части моего исследования заключается в том, чтобы изучить принципы, относящиеся к деньгам; расположить их по порядку и сделать их легко применимыми к любому сочетанию обстоятельств, которые могут возникнуть. Если я применил свои рассуждения к состоянию британской монеты, то это было сделано без намерения выставить себя судьей интересов этой нации или с намерением указать им, какой мере наиболее целесообразно следовать. Я незнаком с истинным положением вопроса и рассуждаю только на основе предположений, а не точной информации; исходя из этого, я намерен действовать.

Я рассмотрю каждую схему, которая, по моему мнению, может быть предложена в качестве средства против расстройств, и исследую все последствия, которые могут возникнуть в результате каждой из них, в соответствии с влиянием различных принципов, под которые они подпадают. *Обстоятельства, сокрытые* от меня, тем не менее, окажут свое полное

воздействие и могут сделать наиболее обоснованные принципы совершенно обманчивыми, когда, не обращая внимания на *них*, мы притворяемся, что делаем выводы.

как можно устранить неисправность в монете без каких-либо неудобств,

Мы рассмотрели природу беспорядка на монете Великобритании, и она, безусловно, такова, что требует некоторой корректировки. Нельзя предполагать, что нация, столь справедливо известная своими знаниями, столь основательно разбирающаяся в искусстве торговли и столь опытная во всех вопросах расчетов, не может быть в затруднении из-за метода устранения причины беспорядка. Таким образом, вопрос не в том, как установить стандарт, как восстановить соотношение металлов в монете и как вернуть всем текущим деньгам их справедливый вес. Но вопрос в том, как выполнить это, не испытывая больших неудобств, чем те, которые ощущаются в настоящее время.

Если будет произведено малейшее изменение текущей стоимости фунта стерлингов, операция будет произвольной; и те, кто либо посоветует ее, либо выполнит, будут нести ответственность за все последствия. Если последствия окажутся благотворными для нации, инициатора встретят аплодисментами; но если они будут сопровождаться несправедливостью, он заслужит порицание; если же замешательством, он, вполне возможно, никогда не увидит, что его одобряют.

Нынешний беспорядок произошел из-за пренебрежения со стороны правительства; однако это пренебрежение заслуживает извинения по причинам, которые будут установлены позднее. Когда злоупотребление распространяется постепенно, ни одно конкретное лицо не может быть обвинено в нем: когда оно должно быть исправлено, тот или иной человек должен взяться за работу; и мало кто склонен быть добровольцем на службе обществу в случае, когда интересы нации не ясны и очевидны.

заставляя нацию саму выбирать средство правовой защиты.

Следовательно, лучший способ выполнить такую работу - это передать ее в руки самой нации. Когда люди будут полностью проинструктированы в этом вопросе, когда суть вопроса будет изложена перед ними в ясном свете и без всякого денежного жаргона, они увидят естественные последствия каждого нововведения; и когда они хорошенько их обдумают, они смогут решить, сохранить ли им тот фунт стерлингов, который у них есть, или взять другой.

Если отступить от настоящего стандарта, то все остальные, которые будут применены, будут произвольными.

Вопрос, требующий решения, заключается в том, каков сейчас вес фунта стерлингов и каким он должен быть. Если она будет отличаться от того, что есть в настоящее время, эта операция должна быть проведена справедливо и беспристрастно. Если речь идет о новом стандарте, то, как уже было сказано, выбор совершенно произволен; и если бы какой-либо вес был предпочтен другому, лучшим из любого, без сомнения, был бы фунт-тройский стандартного серебра. Это был фунт стерлингов на протяжении многих веков, и самое большее, что можно сказать о поступке королевы Елизаветы, это то, что это последняя *преднамеренная* фальсификация английской монеты по закону.

Следующий вопрос заключается в том, как провести эту операцию, чтобы воздать должное каждому человеку в стране по уже заключенным контрактам; как воздать должное кредиторам Великобритании; как воздать должное Великобритании по отношению к ее кредиторам; как сделать все это, говоря я, и в то же время внести новшество в нынешнее состояние монеты.

Люди воображают, что нынешний стандарт такой же, как у королевы Елизаветы.

Унижение стандарта отвратительно по мнению каждого смертного; и, по-видимому, многие также придерживаются мнения, что каждое постановление, которое не должно приводить стоимость фунта стерлингов к стоимости серебра, установленной для включения в него статутом королевы Елизаветы, является понижением его по сравнению с тем, что есть в настоящее время.

Чтобы пролить больше света на историческую часть английской чеканки, я приведу здесь несколько кратких замечаний о состоянии этого вопроса со времен реформации до настоящего времени.

Ухудшения стандарта во время реформации.

Генрих VIII. и Эдуард VI. во время жестоких потрясений реформации была настолько усовершенствована проба монеты и настолько уменьшен ее вес, что была утрачена вся пропорция ценности.

Воспитан Эдуардом VI.

Это привело всю нацию в неизбывное замешательство и вынудило министров молодого короля Эдуарда в 1552 году восстановить чистоту металлов и повысить вес монеты в фунте стерлингов с 220 тройских гран чистого серебра, до которого она затем была обесценена, до 1884 года. Мария сократила его до 1880 зерен, на которых он находился во время ее правления. | Унижен Елизаветой. | Исходя из этого, Елизавета подняла его на второй год своего правления до 1888 г.; а в 43-м она приняла знаменитый статут, по которому он был понижен до 1718.7 г., нынешнего законного серебряного стандарта. | Поддерживаемая ее преемниками, | Во время правления Якова I. торговля начала пускать корни в Англии; и это указывало на необходимость сохранения неизменного стандарта их денег. Беспорядки, вызванные прежними фальсификациями, произвели сильное впечатление на умы английской нации в последующие царствования, статут, сохранявшийся без изменений в течение многих лет, приобрел со временем большую силу, и штандарт продолжал постоянно прикрепляться к серебру. Время от времени чеканили золото; но обращалось только по общепринятой стоимости и не было превращено в законные деньги. Интересы торговли, наконец, потребовали более широкого обращения, и король Карл II. когда он впервые ввел в обращение гинеи, определил стоимость их валюты, чтобы достичь этой цели: но, очень хорошо заметив, что, не устанавливая цену золота ниже его истинного соотношения к серебру, не было никакой возможности предотвратить его превращение также в стандарт для фунта стерлингов и, таким образом, внести путаницу, гиней оценивалась не выше 20 шиллингов, и ей разрешалось определять свою собственную стоимость выше этой цены.

Соответственно, стоимость гинеи колебалась; иногда она составляла 22 шиллинга, что соответствует соотношению металлов от 1 до 15,84, иногда - 21с.ш. 6г., что соответствует соотношению от 1 до 15,6, наконец, 21 шиллинг, что соответствует соотношению от 1 до 15,2, и теперь она стоит не более своей первоначальной номинальной стоимости, а именно 20

шиллингов, что соответствует соотношению от 1 до 14,5. Эти преобразования основаны на предположении, что при всех изменениях шиллинги будут равны имеют установленный законом вес и что гинея циркулирует в соответствии с рыночной долей металлов; два обстоятельства, от которых ни в коем случае нельзя зависеть.

пока это не было испорчено вырезкой после революции.

Примерно во время революции серебряные деньги начали чеканить с помощью колеса, или мухобойного пресса (что предотвращало мошенничество, которому раньше подвергались монеты, от обрезки и промывки), а затем обычай взвешивания текущих денег вышел из употребления. Но поскольку в то время еще оставалось большое количество чеканных денег, "клипперс" воспользовались невниманием публики и стали работать с чеканными деньгами. Следствием этого было то, что те, кто был обязан платить, платили обрезанными деньгами; стоимость фунта стерлингов упала до курса тогдашней валюты; вся тяжелая монета была заперта или переплавлена; гинеи выросли до 30 шиллингов, а 100 фунтов стерлингов, которые в серебре должны были весить более 32 тройских фунтов, обычно не превышали половины.

Королевство в это время было вовлечено в войну и было ежегодно вынуждено занимать крупные суммы, выплачиваемые в тех фунтах стерлингов, которые стоили не более $\frac{2}{3}$ гинеи, или 14 шиллингов такой валюты, что составляет 65 долларов за тройский фунт. Это очевидно, поскольку тогда гинея стоила 30 шиллингов, или $1\frac{1}{2}$ фунта стерлингов; и что в настоящее время она стоит 21 шиллинг из 65 к тройскому фунту.

Схема Лондеса, опровергнутая Локком, стандарт, поднятый до уровня Елизаветы, и последствия этой меры.

Лондес решительно выступал за снижение курса фунта стерлингов на 20 процентов. Локк настаивал на старом стандарте королевы Елизаветы: последняя подтверждала его точку зрения. В 1695 году была произведена новая чеканка монет, и правительство выплатило большую часть долгов, которые они получили от революции (которые были выплачены им стоимостью от десяти до четырнадцати шиллингов в нынешней валюте) по курсу 20 шиллингов стандарта королевы Елизаветы. Это факт: было ли это проявлением справедливости по отношению к нации, я предоставляю решать каждому человеку. Однако не следует полагать, что для этого экстраординарного шага не было никаких причин. Благодаря повышению стандарта государство значительно выиграло за счет налогов, а кредиторы - за счет своих капиталов и процентов; и нация, которая в основном проиграла, была довольна, потому что их стандарт не был понижен: таким образом, все три стороны были удовлетворены.

После чеканки этой монеты в 1695 году монета снова приобрела прочную основу: все деньги имели вес, и фунт был справедливо привязан к серебряному стандарту. На этой основе она оставалась до тех пор, пока гинея не была превращена в легальную монету и зафиксирована по ее предполагаемой тогда внутренней стоимости: вот причина нынешней путаницы.

Серебро дорожает с начала этого столетия.

С начала нынешнего столетия серебро росло в цене. В 1709 году французы определили это соотношение как 1 к 15 на крупных монетах майским указом; и уже в 1726 году они обнаружили, что это соотношение почти равно 1 к $14\frac{1}{2}$, и соответственно установили свою чеканку.

Английский стандарт был отменен законом с 1726 года.

Таким образом, мы можем заключить, что с 1726 года, по крайней мере, если не несколькими годами ранее, фунт стерлингов должен был стоить по меньшей мере 118 с половиной гранов тройской пробы чистого золота, в соответствии с пропорцией серебряного стандарта; и все же из-за невнимания правительства ему постоянно присваивали 113. Разве это не было явным снижением стандарта на протяжении почти 40 лет, в чем мы можем убедиться? Если в настоящее время его восстановят в том виде, в каком он был, не повысит ли это его по сравнению с тем, что есть в настоящее время?

В этом пренебрежении следует винить главным образом интересы торговли.

Мы видели, исходя из самых простых принципов, полную невозможность сохранить единицу, которая должна быть неизменной, связанной сразу с двумя металлами, которые постоянно меняются между собой. На это государство не обратило внимания и, вероятно, не было достаточно проинформировано об этом теми, кто был наиболее способен, но наименее заинтересован указать на последствия.

Снижение стандарта в основном влияет на постоянные контракты,

Колебания стандарта затрагивают главным образом тех, кто заключает постоянные контракты, чего нельзя сказать о торговых людях: обязательства, которые они заключают, находятся в постоянном колебании, и с помощью своего пера они избегают неудобств, которым подвержены другие люди, не умеющие просчитывать.

Повышение стоимости серебра всегда было выгодно этому классу; и для них было бы еще выгоднее, если бы правительство разрешило гинеем в это время самим определять свою стоимость; как мы увидим в соответствующем месте. Все, что постепенно и незаметно ведет к снижению ценности денежной единицы и вносит путаницу, выгодно торговцам. Когда это обесценивание происходит медленными темпами, его можно обнаружить только с помощью иностранной валюты; *потому что дома нет неизменного стандарта для денег, как для любого другого вида измерения.* Это должно быть доказано.

Таким образом, единица измерения, прикрепленная исключительно к монете, должна меняться по мере ее изменения.

и предотвращает рост цен, как им и положено.

В настоящее время стоимость монеты незаметно изменилась; и именно по этой причине люди воображают, что такие изменения или ухудшения стандарта не имеют больших последствий. Величайшая ошибка, с которой может столкнуться любой человек! Из-за этого незаметного понижения цены растут не так, как следовало бы; невежды и те, кто не замечает постепенного снижения, придерживаются тех же номинальных цен, что и раньше, а торговцы тем временем получают прибыль. Разве это не приносит в жертву интересы всего народа Англии интересам ее торговой части?

Конкуренция между торговцами время от времени раскрывает тайну толпе; но они приписывают появление ложной причине; они думают, что каждая вещь дорожает, тогда как причина в том, что цена (т. е. монета) становится легче: и поскольку этот беспорядок продолжается всегда, торговцы, будучи первыми осведомленными о прогрессе снижения стоимости монеты, должны

постоянно быть на пути, извлекая выгоду из невежества тех, у кого нет возможности измерить стоимость монеты, которую они получают, какой-либо стандартной мерой.

В таком случае неудивительно, что торговая часть страны не проинформировала правительство о беспорядках, которые постепенно привели к падению курса фунта стерлингов примерно на 95 процентов. о его прежней ценности. Это краткий обзор превратностей английской монеты от реформации до наших дней: и в то же время это извинение за пренебрежение британской администрацией к столь важному делу.

ГЛАВА I. X.

О беспорядке в британской монете, поскольку это влияет на обращение золотой и серебряной монеты; и о последствиях снижения уровня гиней до двадцати шиллингов.

Теперь я должен обратить внимание на неудобства, которые это расстройство причинило обществу, и на последствия, которые могут последовать после принятия предлагаемого средства правовой защиты^[U] для устранения этого, а именно путем установления валюты гиней на уровне 20 шиллингов, без пересчета серебра по стандарту Елизаветы.

U. Мистером Харрисом в его Эссе о деньгах и монетах.

Почему серебряных монет так мало.

Большим неудобством, испытываемым населением, является нехватка серебряных монет, вызванная диспропорцией металлов. При нынешнем положении дел ни один смертный никогда не будет носить с собой серебро для чеканки монеты; того, что изнашивается в процессе обращения, недостаточно даже для обмена золота, не говоря уже обо всех тех мелких платежах, которые в ходе бизнеса абсолютно необходимы. В таком случае все значительные платежи должны производиться в гинейх; и поскольку большое количество этих монет уже становится легким от использования, все более ценные из них забираются и либо вывозятся, либо, возможно, часто переплавляются: так что, в общем, нынешней английской монеты недостаточно для нужд нации.

Последствия установления курса гиней на уровне 20 шиллингов с точки зрения обращения,

Большой дефицит серебряной монеты в Англии, очевидно, вызванный диспропорцией между металлами в монете, был предложен для устранения этого беспорядка сразу, снизив стоимость гиней до 20 шиллингов, без выпуска новой монеты или принятия каких-либо мер для предотвращения ужасных последствий, которые последовали бы за таким шагом, как обстоят дела в настоящее время. Тот, кто склонен прочитать все, что может быть сказано в пользу этой операции, может обратиться к *Эссе о деньгах и монетах мистера Харриса*, Часть II. стр. 84. и далее.

В мои намерения не входит опровергать мнения конкретных людей, но проследить принципы, которые я изложил, и применить их для устранения таких возражений, которые я считаю либо

правдоподобными сами по себе, либо которые могут показаться правдоподобными людям, не до конца разбирающимся в этих вопросах.

Затем я, во-первых, рассмотрю, какие последствия это снижение законной денежной единицы гиней до 20 шиллингов имело бы для общего добровольного обращения, то есть для купли-продажи, абстрагируясь от добровольного обращения, которое имеет место, когда люди собираются платить или освобождаются от обязательств; две вещи, совершенно разные сами по себе, и которые следует тщательно разделять.

заставит монету вообще исчезнуть.

Последствиями снижения уровня гиней до 20 шиллингов без повторной чеканки серебра будут:

1. Установление стандарта фунта стерлингов на уровне средней доли изношенных серебряных денег в нынешней валюте. 2. Сделать так, чтобы легкие гиней, стоимость которых ниже 20 старых шиллингов, продавались за фунты стерлингов; хотя по сути своей они не стоят новых гиней. 3. По случаю переплавки всех новых гиней. И 4. Когда однажды окажется, что монета состоит только из старых неравных частей, самые тяжелые из них, в свою очередь, будут переплавлены, пока, наконец, монета не исчезнет совсем.

Если для обеспечения денежной единицы правительство пошлет серебро или золото для чеканки на монетном дворе по установленному законом стандарту, то в тот момент, когда он появится, старые шиллинги и светлое золото скупят его, и оно будет брошено в плавильный котел. Это остановит даже переплавку более увесистых кусков старой монеты; потому что (при такой торговле) они станут более ценными; поскольку в валюте они будут эквивалентны новой монете полного стандартного веса. Ни одно частное лицо, конечно, не понесет ни один из металлов на монетный двор, потому что там они получили бы всего 62 шиллинга или 44½ гиней за тройский фунт соответствующих металлов, тогда как на рынке они купят большее количество старых шиллингов и гиней, вес за вес, которые будут служить той же цели в обращении.

Как легкие шиллинги покупаются на вес.

Пусть мой читатель не смеется над схемой покупки старых шиллингов на рынке на развес. Это делается каждый день. Продаю ли я свои серебряные слитки по 65 шиллингов за фунт (оплачивается шиллингами, гиней или банкнотами) или покупаю старые шиллинги по весу за вес, это совершенно одно и то же. Причина, по которой люди не продают старые шиллинги по фунтам, заключается только в том, что не все они имеют одинаковый вес, хотя все они имеют одинаковую ценность в обращении; но они продают свои слитки, так сказать, за старые изношенные шиллинги, уменьшенные до средней доли стоимости; такая продажа слитков фактически означает покупку старых шиллингов на рынке по весу. Следовательно, человек, который может за фунт серебряных слитков купить 65 старых шиллингов, конечно, никогда не потратит их на покупку 62 тяжелых монет с монетного двора, которые нигде не стоят больше, кроме как в плавильном котле. То же самое можно сказать и о золоте.

Последствия для обращения с торговцами и банкирами.

Я попытался показать с помощью самых простых аргументов, что ни одна серебряная монета, стоимость которой выше стоимости любой другой валюты в королевстве, не может оставаться в обращении или ускользнуть от спекулянтов и плавильного котла. Я думаю, что с этим пунктом согласны все; потому что это аргумент, используемый против тех, кто предлагает ввести в

обращение шиллинги из неблагородного металла в качестве средства получения размена на золото: схема, настолько противоречащая всем принципам обращения денег, что я не обратил на нее внимания.

Что гинеи по-прежнему будут стоить 21 шиллинг:

Следовательно, если верно, что шиллинги на самом деле стоят не более $\frac{1}{21}$ гинеи, какой эффект окажет закон, снижающий стоимость гинеи до 20 шиллингов, на торговцев? Гинеи, как и прежде, продавались бы каждому лондонскому банкиру по 21 шиллингу и по 21 шиллингу за гинею.

Что штандарт будет прикреплен к светлому серебру, как это было в 1695 году:

Но поскольку мы предполагаем, что чеканка новых монет не начнется и что легкое серебро будет продолжать оставаться в обращении, как в настоящее время, какая гарантия была бы в том, что фунт стерлингов не падает с каждым годом все ниже? Стандарт был бы тогда полностью привязан к старому серебру; и никто не платил бы гинеями по 20 шиллингов, не больше, чем сейчас он платит серебром стандартного веса. Тогда единственным способом получить монету было бы позволить гинеям самим определять свою ценность. После этого они выросли бы до 21 шиллинга, что является их внутренней стоимостью. В этом случае, не стали бы шиллинги, становясь легче, иметь меньшую ценность по отношению к гинее? Не было ли это в 1695 году? Разве это злоупотребление не повысило цену гинеи и пропорционально не понизило ценность фунта стерлингов?

Что торговцы выиграют от этого;

Следовательно, как любая вещь, которая постепенно снижает стандарт, должна быть выгодна тем, кто может ею воспользоваться, так и превращение золота в товар, в то время как у большей части нации нет стандарта, которым его можно было бы измерить, должно быть выгодно тем, у кого есть надежный стандарт, а именно иностранная валюта.

должники были бы разорены.

Помимо очевидной тенденции к снижению стандарта ниже текущей стоимости, такая мера привела бы к самым разорительным последствиям для всего класса должников. Я попрошу разрешения привести пример. Человек, я полагаю, является должником на крупную сумму, 100 000 *фунтов стерлингов*. его кредитор требует оплаты. Он предлагает гинеи по текущей и общепринятой стоимости в 21 шиллинг, кредитор отказывается от предложения; он предлагает банкноты, ему отказывают: это не оправдание тому, что 100 000 *фунтов* серебра нельзя забрать; тот, кто должен, должен найти их. Кредитор сообщает ему, что монетный двор открыт. Здесь должник обязан либо расстаться со своими гинеями стоимостью 20 шиллингов, либо отнести серебро, которое обходится ему в 65 шиллингов за фунт тройи, на монетный двор и выплатить его своему кредитору по курсу 62. Было бы еще некоторое утешение, если бы в силу такой суровой необходимости государство было обеспечено крупной монетой; но это не является следствием. Кредитору платят серебром, как только он бросает свою монету в плавильный котел, а затем отправляет слиток на рынок для продажи по 65 пенсов за унцию в банкнотах.

Последствия для банка.

Затем он идет в банк и требует оплаты своих банкнот, не следует предполагать, что там достаточно старого изношенного серебра, чтобы оплатить все банкноты, находящиеся в обращении. Банк должен находиться в одинаковом положении с каждым должником, он должен отправлять серебро на монетный двор; не для последующего экспорта, как, возможно, в настоящее время, или для выполнения работ для монетного двора, а затем для повторной переплавки, но для погашения банкнот, которые он выпустил вместо легкого серебра, или гиней по 21 шиллингу. Кредитор снова переплавляет свое новое серебро, продает его в виде слитков за банковские билеты, как и раньше, и возвращается за мотком с новым требованием.

Снизить стоимость гиней до 20 шиллингов - все равно что превратить их в товар.

Это то же самое, что и в отношении этого последнего предположения, будут ли гиней оставлены в качестве товара для определения их стоимости или будут установлены на уровне 20 шиллингов; ибо ни один человек на земле не отдаст большую гиней за 20 шиллингов нынешней валюты; и если бы должников обязали платить по этому курсу, трудности были бы точно такими же, как в предыдущем предположении; ибо разница в оплате тяжелым серебром или хорошими гинейми в 20 шиллингов не превышает разницы между 1718.7 и 1719.9 годами; гиней, которая весит 118½ грана штрафа. золото стоит 1719,9 грана чистого серебра в соотношении 1 к 14½, а фунт стерлингов, согласно закону, стоит не более 1718,7 грана того же металла.

Следовательно, мы можем заключить, что схема снижения стоимости гиней до 20 шиллингов должна основываться на предположении новой чеканки всего серебра: без этого та же путаница с монетами осталась бы прежней; произошла бы новая диспропорция металлов; никто не стал бы платить золотом, как в настоящее время никто не будет платить серебром.

ГЛАВА XI.

Метод приведения денежной единицы к стандарту Елизаветы Петровны и последствия этой революции.

Как зафиксировать курс фунта стерлингов по стандарту королевы Елизаветы.

Теперь я перехожу к предложению о восстановлении стандарта, равного стандарту статута Елизаветы, что, другими словами, совпадает с тем, что было предложено при снижении курса гиней до 20 шиллингов; только это подразумевает новую чеканку всех серебряных монет и всего старого золота. Нет ничего проще, чем осуществить эту реформу.

I. Первый шаг - приказать, чтобы все монеты, золотые и серебряные, отчеканенные до определенного года, выдавались только по весу.

II. Сохранить прежнюю монетную цену серебра на уровне 5 2 d. the ounce, and to fix that of gold at 3 l. 14 s. 2¼ фунта.

III. Приказать чеканить серебряный стандарт "фунт трои", как и раньше, в 62 шиллинга, а фунт золота - в 44 с половиной гиней.

IV. И, наконец, распорядиться, чтобы эти гиней выдавались за 20 шиллингов.

Таким образом, статутом Елизаветы стандарт восстановлен до стоимости серебра, металлы приведены в ничтожно малую пропорцию 1 к 14½: вся монета в королевстве приведена к стандартному весу: не будет никакой выгоды от переплавки или экспорта предпочтительно одного вида в другой: обмен будет соответствовать реальному номиналу (при правильном расчете) серебра или золота у таких стран, как Франция, которые соблюдают те же пропорции: и фунт стерлингов останется привязанным как к золоту, так и к серебру, как и прежде.

Последствиями этой реформы будет повышение стандартной ставки на *5 процентов*.

Последствиями этой реформы будет повышение курса фунта стерлингов с 1638 гранов чистого серебра (стоимость нынешней изношенной серебряной валюты) до 1718,7; и со 113 гранов чистого золота (нынешняя золотая валюта) до 118,644; то есть стоимость фунта стерлингов обоих видов повысится на *4,9 процента*. выше стоимости настоящего. От этого выиграют все кредиторы, а все должники проиграют. Со дня вступления постановления в силу обмен валюты во всех точках Европы вырастет на *4,9 процента*. в пользу Англии, и каждый человек, находящийся за границей и собирающий ренту со своего поместья, будет ежегодно получать *4,9 процента*. на основании его чеков или денежных переводов, сделанных ему. Упадут ли цены в Англии пропорционально, я не знаю; одно совершенно очевидно, что каждый товар, покупаемый для экспорта за границу, упадет; по той веской причине, что торговцы не будут обмануты этим нововведением и не будут покупать за большие деньги по тому же курсу, по которому они покупали за легкие. Справедливость восторжествует по отношению ко всем джентльменам, чьи предки сдавали свои земли в аренду в правление королевы Елизаветы или в любое другое время с тех пор, когда золото и серебро были в соотношении 1 к 14½ и когда серебряная монета имела свой стандартный вес. Все налоги, взимаемые в фунтах, шиллингах и пенсах, будут повышены; все налоги, взимаемые на столько-то *процентов*. их стоимость останется прежней, но, по-видимому, уменьшится в номинале; то есть они будут производить столько же, но меньше фунтов, шиллингов и пенсов, чем раньше. Нация потеряет *4,9 процента*. на весь капитал и проценты по государственным долгам; это выиграют кредиторы. Банк выиграет в качестве кредитора перед населением и потеряет (вместе со всеми банкирами Англии) *4,9 процента*. на всех их бумагах, находящихся в обращении. Выиграют все получатели ренты, арендодатели и кредиторы любого наименования, чьи контракты рассчитаны менее чем на 30 лет. Все должники, залогодатели, арендаторы, чьи контракты заключены на более поздний срок, проиграют. Стоимость всех товаров вообще должна упасть на *4,9 процента*. по своей ценности; и каждый фартинг, на который любая вещь падает в цене, теряется для потребителей.

Таковы некоторые из наиболее очевидных последствий, к которым должен привести этот план реформ, и нация лучше всех может судить, насколько они пойдут ей на пользу.

Либо это рассуждение справедливо, либо все принципы, которые я изложил, ложны с самого начала.

Все интересы нации в равной степени имеют право на защиту,

Я полагаю, что мудрая нация руководствуется духом справедливости. Каждый класс, каждая конфессия населения в равной степени имеет право на защиту хорошего правительства. Любой шаг администрации, который может принести пользу одной группе людей в ущерб другой, плохо сочетается: любой шаг, который может воздать должное одной группе людей,

несправедливо понесших убытки, в ущерб другой, которая несправедливо выиграла, хорошо сочетается. Исходя из этих принципов, невозможно одобрить описанную нами операцию. Это политическая мешанина: это, так сказать, бросание всех интересов Великобритании в мешок и вытягивание их, как в лотерею.

Те, кто страдает от принижения стандартов,

Следовательно, мы должны приступить к более тщательному изучению этих противоположных и противоречащих друг другу интересов; мы должны исследовать интересы, которые пострадали и которые продолжают страдать от фактического понижения стандарта, и те, которые должны пострадать после его восстановления в соответствии с предложенным планом. Когда мы узнаем о страдальцах, мы легко поймем, кто должен быть в выигрыше.

Те, кто страдает от принижения стандарта, являются

1мо. Каждое лицо, являющееся кредитором по договору, заключенному до снижения стандарта.

2до. По мере того, как беспорядок в монете продолжается, и по мере того, как валюта становится легче, каждый человек, продающий ее торговцам, оказывается в проигрыше.

В такой торговой стране, как Англия, невозможно, чтобы какая-либо валюта могла долго поддерживать себя за счет марки по более высокой стоимости, чем ее внутренняя стоимость. Следовательно, тот, кто по привычке продавать какой-либо конкретный товар продолжает считать валюту, которая с каждым днем становится все легче, неизменной по стоимости, обманывается в своих сделках каждым человеком, который проинструктирован в этом вопросе.

следовало бы только извлечь выгоду из реституции,

Я думаю, что это единственные люди, которые действительно пострадали от принижения стандарта и которые имеют право на исправление.

Однако я не должен упускать из виду другую группу людей, бесконечно более значительных, чем они оба, которые считают нужным причислить себя к этому классу, не имея ни малейших претензий войти в него.

Это те, кто был бы в выигрыше, если бы правительство Англии восстановило стандарт, исходя из предположения, что этого требовала справедливость, не дав себе труда изучить по существу этот важный вопрос.

и не весь класс кредиторов,

К этому классу относятся все государственные кредиторы, все получающие какое-либо жалование, пенсию или какое бы то ни было вознаграждение за личную службу; все получатели ренты, землевладельцы и т. Д. Короче говоря, каждый человек в королевстве, насколько он является кредитором в каких-либо общественных или частных интересах.

Но для этой категории я должен попросить разрешения задать вопрос: какое право имеет какое-либо лицо получать в уплату на одну гран серебра или золота больше, чем оно оговорило от своего должника во время заключения контракта, поскольку правительство Великобритании считает уместным ввести новые правила в отношении их монеты? Если верно, что каждый

человек имеет право жаловаться на *понижение* стандарта, поскольку его таким образом лишают того веса чистых металлов, который он имел право получить, несомненно, каждый человек имеет право жаловаться на *повышение* стандарта, который, таким образом, становится обязанным возвращать больше веса чистых металлов, чем когда-либо полученная им стоимость.

По справедливости и здравому смыслу, нельзя допускать, чтобы повышение стандарта монеты приносило пользу кому-либо, кроме тех, кто несправедливо пострадал из-за ее обесценивания, и при этом оно никогда не должно наносить ущерба кому-либо, кроме тех, кто в результате обесценивания получил несправедливую выгоду.

требование которого должно подлежать преобразованию,

В любом случае, когда ни одна из сторон не может нанести какой-либо ощутимый ущерб, понесенный в результате прежнего ухудшения стандарта, изменение не должно иметь никакого эффекта. Все долги, какого бы рода они ни были, должны подлежать справедливому обмену, в той же степени, что и те, которые заключены в гульденах, флоринах, ливрах и т. Д., Когда они будут выплачены в фунтах стерлингов. Старый и новый стандарты отличаются друг от друга, потому что имеют одинаковые номиналы, не больше, чем пиастр от фунта, потому что они начинаются на одну и ту же букву.

Весь мир должен согласиться с тем, что стандарт королевы Елизаветы обесценился и что фунт стерлингов больше не стоит 1718,7 грана тройской пробы серебра. Все должны также согласиться с тем, что, если бы стандарт был восстановлен, товары любого рода должны были бы упасть в цене.

в соответствии со справедливостью и беспристрастностью.

Таким образом, если после реституции лицо, у которого есть товар для покупки, будет иметь привилегию пропорционально распределять свою цену в соответствии с разменом денег, то почему другой должник должен находиться в худшем положении? Почему постоянные контракты должны быть обязательными в соответствии с языком, а временные контракты, такие как купля-продажа, должны быть обязательными в соответствии с вещами?

Два человека нанимают каждый по слуге, один оговаривает выплату жалованья в двадцать гиней, другой оговаривает двадцать один фунт стерлингов: стандарт вскоре восстанавливается описанным нами способом; может ли что-либо быть более абсурдным, чем то, что тот, кто оговорил двадцать гиней, будет уволен после возмещения, заплатив двадцать гиней, как и раньше, и что тот, кто оговорил двадцать один фунт стерлингов, будет обязан заплатить двадцать одну гинею?

Поэтому какое право может иметь любой человек, получающий жалованье[оклад](#), аннуитет или облигацию или другое обеспечение на сумму, причитающуюся ему другим лицом, получать то же количество фунтов стерлингов, которое было оговорено вначале, когда внутренняя стоимость фунта увеличится на 5 процентов. выше стоимости, которую он имел на момент заключения обязательства?

ГЛАВА XII.

Возражения, высказанные против принципов, изложенных в настоящем Исследовании, и ответы на них.

Я надеюсь, что будет замечено, что я не претендую на то, чтобы чеканить серебро по стандарту фунт-тройя в 65 шиллингов или выпускать новую монету по старому стандарту в 62 гиней, снижая курс гиней до 20 шиллингов, а затем разрешая переход от старого стандарта к новому за вычетом 5 процентов. при заключении постоянных контрактов, ранее заключенных, это не является явным снижением стоимости фунта стерлингов по сравнению с тем, какой она была, когда он был прикреплен к серебру в соответствии с статутом Елизаветы. Все, на что я претендую, это то, что ни одна из этих операций (что почти одно и то же) не приведет к снижению текущей стоимости фунта стерлингов или того, чего он стоил по крайней мере последние тридцать лет.

Но поскольку это мнение ни в коем случае не является общепринятым, я должен теперь отдать должное его противникам и представить читателю несколько возражений, которые могут быть выдвинуты против него.

Что фунт всегда будет рассматриваться как фунт.

Возражение I. Что сила привычки настолько сильна в соединении идей ценности с достоинствами монет, что фунт стерлингов, независимо от того, повысится он или нет, всегда будет нести с собой одну и ту же меру ценности; что товары не упадут в цене в соответствии с надлежащей пропорцией повышения; что, если пострадают конверсии, путаница будет бесконечной; и что в основном уменьшение, вызванное таким образом *числительным*, обернется реальным уменьшением *внутренней* стоимости.

Что стандарт в настоящее время не обесценился, поскольку он прикреплен к статуту, а не к монете.

Возражение. II. Что нарушение пропорции монеты, а также износ и легковесность валюты не являются реальным ухудшением стандарта. Что денежная единица сохраняет свою внутреннюю ценность в силу статута Елизаветы, который ее устанавливает. Что неверно утверждать, что английский стандарт прикреплен исключительно к монете или что у него нет неизменной меры, с которой можно было бы сравнивать. Что фунт стерлингов действительно привязан к этому статуту, а не к монете; и, следовательно, никакая вариация монеты, а только вариация этого статута, не может изменить стандарт.

Что фунт стерлингов фактически стоит 1718,7 грана чистого серебра.

Возражение. III. Что фунт стерлингов по-прежнему практически и во многих отношениях стоит серебряного статута Елизаветы Петровны, хотя торговцы переводными векселями и торговцы металлами могут представить это иначе. Это, следовательно, новое регулирование либо путем чеканки серебряных монет по 65 шиллингов за фунт-тройю, либо путем допущения отчислений в размере 5 процентов. переход на старый стандарт под предлогом, что фунт стерлингов в настоящее время стоит не больше 1638 гран чистого серебра, означает не сохранение стандарта на том уровне, на котором он был последние тридцать лет, а на самом деле снижение его нынешней стоимости.

Что эти принципы подразумевают постепенное ухудшение стандарта с каждой новой чеканкой.

Возражение. IV. Что, если говорят, что трение и изнашивание монеты снижает стандарт, несмотря на все законы, и если каждая новая чеканка монет должна регулироваться весом предыдущей, ставшей легче, чтобы поддерживать действительную стоимость денежной единицы, то ясно, что со временем эта единица должна быть сведена на нет.

Что тот же аргумент справедлив и для обесценивания стандартных мер веса, вместимости и т. Д.

Возражение. V. Если бы меры общего пользования из-за износа и мошеннических действий стоили меньше, чем стандартные меры, хранящиеся в казначействе, то по этой причине было бы явно абсурдно уменьшать эти стандартные меры. Что по той же причине, пока существует статут Елизаветы, было бы столь же абсурдно снижать серебряный стандарт фунта стерлингов.

Что ношение монеты ложится на тех, кто владеет ею в данный момент, но не снижает ценность стандарта.

Возражение. VI. Что обесценивание стандарта законом означает насильственное вторжение в собственность каждого человека; что когда монета обесценивается в результате обращения, убытки ложатся только на того, кто владеет какой-либо ее частью на момент ее списания.

Что стандарт регулируется внутренними сделками, а не ценой слитков или курсом обмена.

Возражение. VII. Что, хотя торговцы и менялы могут оценивать стоимость фунта стерлингов в соответствии с его весом в серебре или золоте; и хотя при обмене и цене слитков может показаться, что в настоящее время его ценность не превышает 113 гран чистого золота и 1638 гран чистого серебра; тем не менее, при сделках внутри страны он стоит своего стандартного веса, а именно 1718,7 гран серебра; потому что жители Англии никогда не оценивают свои деньги по их весу, а по рассказам. Валюта по рассказу относится к стандарту, как валюта по весу относится к самим монетам.

Количество денег, которые уходят за границу, или даже количество иностранных сделок, настолько незначительно по сравнению с внутренним обращением, что ценность, которую иностранцы придают английским деньгам, может лишь очень незначительно повлиять на их ценность в стране.

Эта государственная валюта поддерживает ценность монеты.

Возражение. VIII. Что монета, хотя и легкая, принимается королем во всех государственных учреждениях за свою ценность, сохраняет эту ценность на уровне стандарта, несмотря на то, что она имеет меньший вес.

Что эта схема такая же, как у Lowndes.

Возражение. IX. Что предложенная схема совпадает с той, что была предложена Ландсом в 1695 году, полностью опровергнутой мистером Локком и отклоненной решением нации по аналогичному поводу.

Ответы на эти возражения.

Чтобы не оставить недосказанным ничего, что могло бы представить этот вопрос в ясном свете, я кратко дам ответ на все эти возражения в самой четкой форме, на которую я способен. Я собрал их со всех сторон, особенно от мистера Харриса. Я попытался изложить их во всей их силе, и я отвечу на них откровенно, в соответствии с изложенными принципами и в соответствии с неоспоримыми фактами.

Что фунт будет рассматриваться по его стоимости всеми должниками и теми, кто покупает.

Ответ на возражение I. Здесь я отвечаю, что никакая привычка, которую могут приобрести какие-либо люди, не является достаточно сильной, чтобы ослепить их в отношении их интересов. Во многих странах нет ничего более привычного, чем произвольно повышать и понижать числовую стоимость монет нескольких достоинств; но как только производится размен, это становится привычным даже детям двенадцати-четырнадцати лет; и любой человек, которому довелось путешествовать, должен был бы быть поражен проницательностью простых людей в их знании ценности монет. Привычка привязывать идеи к старым фунтам стерлингов появится в головах продавцов и кредиторов только после восстановления стандарта; покупатели и должники очень быстро научатся извлекать выгоду из вычета в размере 5 процентов. при условии, что они юридически уполномочены на это. От правительства будет в значительной степени зависеть, сможет ли оно обязать товары соответствовать справедливой пропорции их стоимости, пересчитав налоги, новые правила судебного разбирательства на хлеб, пиво и т. Д. И предоставив в руки людей удобные для этой цели таблицы. Когда суть будет однажды понята, выполнение будет легким.

Если бы стандарт был прикреплен к закону, люди были бы обязаны платить по весу.

Ответ. II. Если бы можно было указать, что стандарт фунта стерлингов прикреплен к статуту елизаветы, а не к монете, это возражение было бы непреодолимым. Но если бы дело обстояло так, то оплата всех обязательств могла бы взиматься по весу серебра, потому что статут ничего другого не регулирует. Человек должен мне тысячу фунтов, он законно предлагает мне серебряную или золотую монету по текущей стоимости, если бы стандарт был прикреплен к этому закону, я имел бы привилегию отказаться от обоих текущих видов, если они легкие или плохо сложены, и потребовать от него взвесить мне 1718700 гран чистого серебра или 1858060 гран весом национальной серебряной монеты.

Поскольку это не так, стандарт не прикреплен к статуту Елизаветы; следовательно, не прикреплен к неизменной мере; следовательно, должен изменяться в соответствии с изменением монеты, к которой только по закону он прикреплен.

Никто не может быть обязан платить 1718,7 грана чистого серебра за фунт стерлингов.

Ответ. III. Что если будет сказано, что фунт стерлингов в любом случае равен 1718,7 грана чистого серебра, я имею право спросить, кто может заставить любого человека в Великобритании платить ему по такому курсу? Но если верно обратное, что в пределах этого королевства нет ни одного фунта стерлингов, подлежащего оплате, который не может быть юридически оплачен 113 гранами чистого золота или 1638 гранями чистого серебра, тогда я уполномочен указать текущую стоимость фунта стерлингов по этому курсу. Если это так, то добавление еще одной крупинки серебра или золота в новую чеканку обязательно подразумевает повышение стандарта.

Что не регулирование монетного двора, а беспорядок на монете должен привести к ухудшению стандарта.

Ответ. IV. Это возражение направлено против трения монеты, а не против регулирования монетного двора. Я часто замечал, что именно трение монеты само по себе обесценивает стандарт, несмотря на действующий закон, но не вопреки тому, каким он мог бы быть.

Нет сомнения, что до тех пор, пока какая-либо нация позволяет своей текущей монете опускаться ниже стандартного веса благодаря штемпелю, она своим пренебрежением открывает дверь для обесценивания стандарта и полностью нарушает ту часть закона, которая регулирует вес; следовательно, акт последующей чеканки новой монеты по обесценившейся на тот момент стоимости сам по себе не является новым обесцениванием.

Новая чеканка монет, в таком случае, представляет собой временное прекращение обращения монет неравномерного износа, что в большей степени, чем что-либо другое, приводит к постепенному ухудшению качества пробы; но само по себе это не новое ухудшение, и это не средство защиты от ухудшения качества в будущем.

Если законом не предусмотрено, что должники должны компенсировать вес монеты, которой они расплачиваются, тем или иным способом, по необходимости государство должно либо продолжать регулярно снижать свой стандарт с каждой новой чеканкой, либо быть обязанным повышать его рывками в ущерб всем должникам, которые пострадали в ходе предыдущего понижения.

Что люди обязаны измерять стандартным весом, но не обязаны платить стандартным фунтом.

Ответ. V. Сравнение стандартных весов в казначействе со стандартом фунта стерлингов не является справедливым. Если торговец предлагает мне зерно, слитки или ткань в мерке, которая не соответствует разрешенному содержанию, весу или длине, я могу отказаться от этого. У меня даже есть иск против него за мошенническую торговлю на случай, если я неосторожно приму товар. Но я не могу вернуть (как было сказано) размер денежной единицы в соответствии с законом.

Теперь позвольте мне предположить, что в течение 40 лет невозможно было получить доступ к стандартным показателям казначейства, что в течение этого времени все показатели страны должны были быть снижены; что, несмотря на это, землевладельцы по всей Англии должны были продолжать определять свою арендную плату зерном в обесцененных бушелях своих соответствующих графств: если после 40 лет такой неразберихи казначейство должно быть открыто и все меры приведены в соответствие со стандартами, разве не было бы ужасной несправедливостью не допускать как землевладельцев, так и фермеров, заключивших договоры аренды в пределах 40 лет, свобода конвертировать их ренту из обесценившейся в *стандартный* бушель.

Чтобы потеря легких денег при обращении к ним не ложилась на их владельцев.

Ответ. VI. Это возражение исходит исключительно из предположения, что именно *изменение статута*, а не *трение монеты* или *изменение пропорции рыночной цены металлов* приводит к снижению стандарта.

Если бы это утверждение было истинным, то выводимое из него следствие было бы также истинным, а именно, что потеря в результате изнашивания монеты остается полностью приостановленной до тех пор, пока вся изношенная монета не будет разом выброшена. Но если я смогу доказать, что ношение монеты не ложится на лицо, в чьих руках она находится, когда ее выкрикивают, за исключением случаев, когда она оказывается ниже среднего веса всей валюты, или если это лицо является должником и несправедливо обязано по произвольному закону выплатить то, что он получил легкой монетой, тяжелой монетой. Если это, как я говорю, верно, я надеюсь, из этого следует, что в этом возражении нет ни малейшей силы. Это следствие очевидно.

Несомненно, что из-за ношения монеты кто-то несет убытки; если будет доказано, что они понесены не человеком, в руках которого обнаружена легкая монета, то из этого должно следовать, что она уже пропорционально упала на тех, кто в то же время рассматривал ее как стандартную стоимость, в то время как на самом деле она была ниже нее.

Далее следует доказательство этого утверждения.

Я предположу, что серебряная монета Великобритании на самом деле изношена настолько, что составляет 5 *процентов*. легче, чем его стандартный вес, на среднюю величину. Если в это время будет отдан приказ о возврате серебра к стандартному весу, я говорю, что стоимость валюты после чеканки составит 5 *процентов*. лучше, чем раньше. Не должны ли тогда все товары упасть на 5 *процентов*. в цене после этой революции.

Два человека (А) и (Б) имеют за день до обращения легкой монеты по тысяче фунтов стерлингов каждый в *tale*; (А) идут на рынок и покупают зерно на свою тысячу фунтов, (Б) оставляют свою монету у себя, а на следующий день обязаны отнести ее на монетный двор, где продают по 5 *процентов*. скидка, то есть за девятьсот пятьдесят фунтов новой тяжелой серебряной монеты. (Б) после этой операции отправляется на рынок; и обнаруживает, что зерно упало в цене на 5 *процентов*. он на свои девятьсот пятьдесят фунтов покупает ровно столько, сколько (А) купил накануне на свою тысячу фунтов. Я спрашиваю, какие потери понес (Б), доставляя свое серебро на монетный двор?

Но если мы предположим, что тысяча фунтов стерлингов в сказочных деньгах, которая была у (В), была изношена более чем на 5 *процентов*. тогда он потерял бы всю разницу, потому что цена вещей упала бы только в соответствии с общей пропорцией повышения стоимости валюты; но, с другой стороны, он выиграл бы от предположения, что его тысяча фунтов стерлингов окажется менее изношенной, чем 5 *процентов*.

Поэтому может ли что-либо быть более абсурдным, чем установить законом, что тот, у кого в это время окажется долг в тысячу фунтов, будет обязан выплатить эту тысячу фунтов крупными суммами, когда он занял ее небольшими.

Мы видели, как (Б), покупая зерно на девятьсот пятьдесят фунтов новой монеты, получил столько же, сколько (А) получил накануне на свою тысячу. Но предположим, что они оба купили зерно за день до того, как упала монета, (А) на его деньги, (Б) по векселю, подлежащему оплате на следующий день, насколько абсурдным должен быть любой закон, который обязывает (Б) за один день кредита платить по ставке 5 *процентов*. повышение цены; и это из-за случайного обращения за деньгами: событие, которое он не мог ни предвидеть, ни предотвратить.

Следовательно, мы можем заключить, что в то время как монета нации снижается по сравнению со стандартной стоимостью единицы (поскольку она должна быть сохранена какой-либо неизменной мерой), только те, через чьи руки она циркулирует, теряют то, что имеют, пропорционально падению стандарта, пока монета остается в их руках.

Что внутренние операции не могут поддерживать стандарт там, где есть спекулянты деньгами или внешняя торговля.

Ответ. VII. Было сказано и, я думаю, доказано, что в торговой стране, какой является Англия, ничто не может долго поддерживать ценность денежной единицы (пока она полностью прикреплена к монете и пока чеканка монет бесплатна) выше внутренней ценности содержащихся в ней металлов. Теперь я должен показать, как операции внешней торговли влияют на регулирование стоимости валюты даже в руках тех, кто рассматривает монету просто как сопутствующие средства; кто дает ее и получает понарошку; и кто никогда не обращает внимания на вес или соотношение между металлами.

Цена товаров в торговой стране определяется не частным соглашением, а рыночными ценами. Иностранные рынки регулируют цену на зерно, которая в значительной степени регулирует цену на все остальное; а цена на зерно регулируется стоимостью, которую другие страны платят за фунт стерлингов, на который покупается зерно. Следовательно, если легкость монеты снижает ценность фунта стерлингов на зарубежных рынках, это должно по той же причине повысить цену зерна, покупаемого на эти фунты стерлингов; потому что стоимость фунта стерлингов не оказывает никакого влияния на стоимость зерна за границей. Внутренняя конкуренция между торговцами при покупке зерна у себя дома сообщает фермерам его ценность за границей; и они, без стечения обстоятельств, оценивают его и продают для внутреннего потребления по стоимости, пропорциональной той, которую оно имеет на зарубежных рынках; то есть пропорциональной действительной стоимости монеты. Таким образом, английские фермеры, хотя при покупке и продаже они не обращают внимания на вес монеты, регулируют свои цены точно так, как если бы они это делали.

Я спрашиваю, что подразумевается под этим выражением, *что легкость монет никоим образом не учитывается ни в одном из наших внутренних отношений друг с другом. Валюта по рассказу относится только к юридическому стандарту, как валюта по весу относится к самим монетам?* (Эссе о деньгах, часть 2, стр. 79.) Купит ли человек, считающий свой легкий шиллинг стандартной монетой, на него больше, чем если бы он оценивал его по весу? Продаст ли кто-нибудь в Англии носильщику, который никогда не считал свой шиллинг дальше, чем для того, чтобы взглянуть на голову короля, дешевле, чем еврею, который прикинул свой шиллинг на весы и знает с точностью до крупинки, сколько он весит? Таким образом, каким образом (в торговой стране) деньги могут стоить больше, чем их вес? Я очень хорошо понимаю, насколько один шиллинг может быть выгоднее другого для ростовщика; но я не могу представить себе, как какой бы то ни было шиллинг, который проходит мимо слухов, будь он легким или увесистым, может когда-либо стоить больше, чем соответствует среднему весу нынешней валюты. Следовательно, люди, которые ничего не знают о ценности денег, могут проиграть, отдавая свою тяжелую монету; но я не вижу, как они могут когда-либо выиграть от своих внутренних операций или как они могут когда-либо обращать свою легкую монету дороже, чем стоимость нынешней валюты.

Следовательно, мы можем сформулировать следующие принципы: 1^{мо}, что в такой торговой стране, как Великобритания, где чеканка монет свободна, ценность фальшивых денег точно пропорциональна среднему весу всей валюты. 2^{до}, Поскольку денежная единица прикреплена только к монете, она в точности пропорциональна ее весу. 3^{тио}, Что, когда внутренняя стоимость всей монеты не находится в точной пропорции к ее номиналуdenomination, торговые операции будут соответствовать среднему, или средне пропорциональному значению. 4^{мо}, Что когда это делается, те, кто платит сказкой монетой, стоимость которой превышает среднюю пропорцию, на самом деле оказываются в проигрыше; а те, кто платит сказкой монетой ниже этой стоимости, на самом деле выигрывают, знают они это или нет.

Эта государственная валюта поддерживает авторитет монеты, а не стоимость фунта стерлингов.

Ответ. VIII. Полномочия, предоставляемые монете, поскольку она повсеместно принимается в королевских канцеляриях, полностью ограничены ее валютой, а не ее стоимостью. Последствие того, что он был получен в казначействе согласно легенде; делает монету, которая не стоит и фунта стерлингов, проходной, как если бы это было так. Это снижает стоимость фунта, но не придает дополнительной ценности монете. Не принижает ли это стандарт со стороны властей, поскольку это может обязать кредитора, предоставившего займы 100 л., принять $\frac{95}{100}$ от стоимости в качестве законного платежа.

Фунты стерлингов, уплаченные в казну, ничуть не лучше и на них не купишь больше ни одного товара, чем на самый плохой фунт стерлингов, который когда-либо выходил из рук биржевого маклера; и, следовательно, они ничего не вносят в поддержание стоимости монеты. Торговцы, знающие цену монеты, - это те, кто регулирует цены; и публичной продажи одной сотой, нет, одной тысячной части товара, продаваемого в розницу по всей стране, достаточно, чтобы регулировать цену на него повсюду. Если это верно, то предположить, что фунт стерлингов, регулируемый законом, может увеличить стоимость любой вещи; или что мое право остается ненарушенным, когда я каждый день в течение этих сорока лет отдавал свой фунт за то, что я должен купить за 19 шиллингов стандарта королевы Елизаветы, - это самое идеальное представление о ценности права, какое я когда-либо слышал.

Если будет сказано, что это право подразумевает право собственности, подлежащее возмещению путем реформирования или реституции стандарта за убытки, которые я понес в результате постепенного его обесценивания, я отвечу, что государство должно изучить характер моего требования и, без всякого сомнения, воздать мне должное; но из этого не следует, что из-за того, что кредитор по старому договору проиграл своему должнику, все кредиторы в стране должны воспользоваться его реституцией за счет должников, от которых они не понесли убытков.

Что схема аналогична схеме Lowndes, хотя и не совпадает с ней.

Ответ. IX. Я признаю, что предложенная схема в значительной степени совпадает с той, что была предложена мистером Лондесом; и я должен здесь дать удовлетворительный ответ, каким образом проект, столь убедительно опровергнутый в 1695 году, может быть приемлемым в 1760 году.

Лоундс рассуждал, основываясь на неправильных принципах;

Итак, во-первых, я говорю, что тогда вопрос не был понят. Мистер Лондес поставил его по неправильному вопросу и подкрепил свой аргумент неправильными принципами. Он настаивал на том, что его схема не подразумевала никакого умаления прежнего стандарта. Он объяснял рост цен на слитки повышением внутренней стоимости серебра, а не легкостью монеты, на которую оно было куплено. Он всегда полагал, что марка, а не вещество, создает валюту. По его словам, и легкий шиллинг, и тяжелый были шиллингами. Он предложил снизить вес серебряной монеты на 20 *процентов*. ниже уровня Элизабет, потому что ему было стыдно предложить больше; но сокращение на 33 *процента*. или, скорее, 50, вряд ли приблизили бы фунт стерлингов к средней стоимости серебряной валюты того времени.

Локк следил за поддержанием стандарта, не задумываясь о последствиях.

Мистер Локк, с другой стороны, полагал, что весь спор сводится к одному пункту, а именно: подразумевает ли схема мистера Лондеса умаление стандарта или нет? Он рассуждал исходя из здравых принципов и со здравым смыслом; но он не обратил своего внимания на единственную цель, которая в настоящее время нас связывает, а именно на интересы тех, кто заключил постоянные контракты.

Основным аргументом мистера Лондеса в пользу снижения стандарта было то, что стоимость серебряных слитков была повышена до 6 *шилл. 5 д. за унцию* (*то есть их можно было купить за 77 пенсов шиллингов, что составляет $\frac{1}{77}$ части фунта тройской монеты*), и поэтому он придерживался мнения, что фунт тройской монеты следует чеканить в 77 шиллингов, что снижает стоимость фунта стерлингов примерно на 20 *процентов*. или $\frac{1}{5}$. Мистер Локк ответил ему очень хорошо, что 77 пенсов были выплачены обрезанными деньгами, и что эти 77 пенсов по весу не превышали стандартную монету в 62 пенса. Этот ответ вполне удовлетворителен. Но я спрашиваю, придерживался ли бы мистер Локк мнения, что любой человек, занявший 1000 *фунтов* стерлингов в этих обрезанных деньгах, должен был быть обязан после изменения стандарта выплатить обратно 1000 *фунтов* стерлингов в стандартном весе? Эти джентльмены, мистер Лондес и мистер Локк, очень поверхностно рассмотрели влияние, которое изменение стандарта может оказать на интересы должников и кредиторов; это единственное соображение, которое затрудняет корректировку реформы в настоящее время. Изменение обстоятельств оказывает столь большое влияние на каждый политический вопрос! Кредит тогда был малоизвестен; следовательно, масса долгов в Англии была невелика; теперь это повсеместно установлено, а масса активных и пассивных долгов очень велика и составляет очень значительный интерес в Великобритании.

В те дни заботились только о земельных интересах и интересах короны. Торговля в то время была почти остановлена и разорена пиратской войной. Зло не подлежало исправлению, совместимому со справедливостью. Кредит был очень низким и ежедневно снижался, что потребовало немедленного изменения курса монеты. Восстановление стандарта было наиболее благоприятным как для землевладельцев, так и для казначейства; и поэтому оно было введено. Нация и каждый должник были ограблены своими кредиторами; но они этого не замечали; и то, чего мы не видим, кажется, не причиняет нам вреда. Вопрос, следовательно, совсем другой: обстоятельства должны постоянно изучаться, и в соответствии с ними должен решаться каждый политический вопрос.

Я уже наблюдал, как введение фрезерованной монеты привело к зазубриванию той части, которая была отчеканена молотком. Гинеи во время революции (если я хорошо информирован)

стоили 21 шиллинг и шесть пенсов. Соотношение золота к серебру тогда по всей Европе было несколько выше соотношения 1 к 15, как явствует из знаменитого постановления 1690 года, называемого Лейпцигской конвенцией, когда была установлена немецкая чеканка монет; и это видно также из соотношения, наблюдаемого во Франции; а в Испании оно было еще выше, равняясь 1 к 16. При таком соотношении мы можем быть уверены, что во время революции английское серебро имело стандартный вес; потому что гиней, предоставленная самой себе искать цену выше 20 шиллингов, установленной законом стоимости, не поднималась выше 21 шиллинга 6 пенсов, что указывает на соотношение, равное 15,6 к 1. Таким образом, гиней не преминула бы подняться выше, если бы серебряная монета была легкой.

С 1692 по 1695 год, то есть за *три года* (Дальнейшее исследование Локка, стр. 74), прогресс обрезки шел с такой быстротой, что гиней выросла с 21 шиллинга 6 пенсов до 30 шиллингов; и согласно лежащему передо мной очень толковому письму, подписанному Г. Д. и напечатанному в 1695 году, озаглавленному *"Письмо английского купца из Амстердама своему другу в Лондон"*, я нахожу, что в то время вообще не было определенной ценности фунта стерлингов: так велика была цена. разница в валютах! В качестве доказательства он говорит, что *100 фунтов стерлингов серебра, которые должны были весить 32 тройских фунта, в то время обычно весили от 14 до 18*. При таком курсе гиней были очень дешевы - 30 шиллингов: они стоили больше 40 шиллингов; и Давенант говорит, что пять миллионов, взятых тогда займы государством, не давали стоимости в два с половиной миллиона.

Политические обстоятельства сильно изменились.

Было бы чуждо настоящей цели вдаваться в частные рассуждения, чтобы показать разницу между политическим состоянием Англии тогда и в настоящее время: пусть будет достаточно заметить в общих чертах,

I. Что тогда не было возможности определить текущую стоимость фунта стерлингов. Она менялась каждый месяц и ежедневно снижалась. В настоящее время он почти соответствует тому же стандарту, что и на протяжении многих лет.

II. Тогда у денежной единицы не было ничего, что могло бы сохранить ее какую-либо определенную стоимость. Серебро, к которому оно было прикреплено, чеканилось три раза в год, в то время как золото приобретало свою ценность как товар. В настоящее время золото не может меняться: гиней фиксирована и должна равняться 21 шиллингу, пусть серебро всегда будет таким же легким; и это придает определенную ценность фунту стерлингов.

III. В 1695 году беспорядки в целом надвигались быстро; в настоящее время они продвигаются незаметными шагами: следовательно,

IV. В то время количество постоянных контрактов, которые простирались за пределы эпохи снижения стандарта, было большим; в настоящее время их немного.

V. В 1695 году о денежных процентах почти ничего не было известно. У богатых деньги были в сундуках; теперь они у них в бумажнике.

VI. Разница между валютой и юридическим стандартом в 1695 году составляла половину: в настоящее время она составляет одну двадцатую.

VII. Долги нации тогда не превышали 12 миллионов: сейчас они превышают 140^[M].

V. В 1766 году.

VIII. В то время многие суммы были взяты займы по распределению определенных видов акцизов, размер которых был неопределенным, и недостатки (которые в таких случаях неизбежны) не были возмещены кредиторам. В настоящее время все оплачивается в определенных суммах фунтов стерлингов.

IX. И, наконец, вопрос не был понят. Локк и Лондес *чувствовали*, но не *видели* отчетливо, в чем заключалась разница в их чувствах: а те, кто только *чувствует*, никогда не описывают с прозорливостью.

Тогда обычно считалось, что *фунт* никогда не может быть больше, чем *фунт*; но в настоящее время люди знают, как считать монеты по крупинкам, и ясно видят, что 1718 год больше, чем 1638.

По этим причинам я полагаю, что схема, подобная той, что была предложена м-ром Ландсом, теперь может быть упомянута без оскорблений; что народ Великобритании именно сейчас так же хорошо разбирается в том, что отвечает его интересам, как и в 1695 году. И если решение бывшего парламента будет поддержано старым стандартом, я отвечу, что такие аргументы хороши только тогда, когда люди склонны с большим уважением относиться к чувствам своих отцов, чем к своим собственным; что, я склонен полагать, в настоящее время не так.

Примирение двух мнений.

Если эти ответы будут признаны удовлетворительными, мы можем заключить, что каким бы образом ни устранялся беспорядок на британской монете, изменение должно быть произведено таким образом, чтобы не принести никому пользы или ущерба, но чтобы оно было таким, которое было потеряно или приобретено в результате обесценивания стандарта. Чтобы, однако, эти ответы не вызывали только недоумения, не вызывая вместе с ними убеждения (что часто бывает в спорных вопросах). Я скажу кое-что еще по этому поводу, чтобы примирить два мнения, которые, возможно, более противоположны внешне, чем в действительности.

Я уже уведомлял читателя, что претендую на то, чтобы рассуждать только на основе принципов, а не точной информации о фактах. Обстоятельства, которые скрыты от меня, тем не менее, окажут свое полное воздействие и могут ввести в заблуждение самые лучшие выведенные принципы, когда, не обращая на них внимания, мы притворяемся, что делаем выводы.

Так вот, такие обстоятельства в данном случае, безусловно, должны быть; в противном случае каждый орган в Англии согласился бы с тем, что стандарт в настоящее время фактически понижен, и что его восстановление фактически повысило бы его по сравнению с тем, каким он был на протяжении этих многих лет. Исходя из этого предположения, все должны признать, что выводы, которые мы сделали, справедливы и естественны.

Я думаю, нет ничего более определенного, чем то, что все люди придерживались бы одинакового мнения по каждому предложению, если бы такие предложения были хорошо поняты и если бы все стороны применяли их к одному и тому же объекту и в одном и том же смысле.

Если это правда, позвольте мне попытаться объяснить, почему в Англии по-разному относятся к методу восстановления стандарта.

Спорный вопрос не понят.

I. Итак, во-первых, вопрос не понят; и главное, что затемняет представления людей относительно него, - это их постоянное внимание к номиналам сопутствующих денег, вместо того чтобы обращать внимание на номиналы монет. Эти две вещи повсеместно смешиваются. Фунт стерлингов, без сомнения, всегда остается фунтом стерлингов; но количество крупинок серебра, составляющих один фунт стерлингов, не совпадает с количеством крупинок, составляющих каждый фунт стерлингов. Теперь, в тот момент, когда деньги реализуются в металлах и к ним прикрепляется стандартная мера стоимости, независимо от того, изношены они или нет, совершенно очевидно, что ничто, кроме крупинок металла в нескольких кусках, не может представлять масштаб, с помощью которого монета становится мерой стоимости. Поэтому всякий раз, когда люди упускают из виду эту несомненную истину и начинают измерять номиналами идеальных денежных средств, не исследуя, точно ли реализована эта ценность или нет, это то же самое, как если бы они измеряли длину по плану, не подгоняя свой циркуль к шкале, и на голом предположении, что отверстие, которое у них случайно получилось, могло соответствовать длине, которую они должны были измерить.

При этом не учитывается истинная характеристика изменения стандарта.

II. Государство почти в каждой стране небрежно разъясняет людям последствия каждого изменения курса монеты; и точно так же небрежно принимает меры по предотвращению неудобств, возникающих в результате всех изменений в этих вопросах. Не следует предполагать, что простые люди могут в точности понять последствия того, что фунт иногда состоит из большего количества серебра, а иногда из меньшего. Однако, когда монеты тяжелые, они взвешивают их в руке и говорят, что *это хорошие деньги*; но когда они обнаруживают, что должны отдать за эти хорошие деньги столько же, чтобы оплатить свои долги, как если бы они были легкими, они *чувствуют* сожаление, но не *видят* несправедливости такого регулирования.

Далее, когда люди обнаруживают, что после перечеканки монеты они по-прежнему вынуждены погашать свои обязательства теми же номиналами, что и раньше, разве не вполне естественно для продавцов настаивать на сохранении прежних цен на все виды товаров? Именно по этой причине универсальный опыт Франции (которая была более привычна к изменениям в своей монете, чем Англия) доказывает, что товарность не растет и не падает немедленно в соответствии с изменениями в монете. Но операции внешней торговли, которые немедленно ощущаются торговой частью нации и извлекают из них выгоду, незаметно влияют на отношения основной массы людей и через определенное время производят те эффекты, которые должны были последовать непосредственно за нововведением.

Принципы не приведут в действие без помощи государства.

Теперь совершенно очевидно, что принципы, которые мы излагали, на практике не будут соответствовать, если только государство не протянет руку помощи, как путем информирования своих подданных о характере предполагаемых изменений, так и путем использования своих полномочий для обеспечения справедливости среди них.

Когда люди понимают друг друга, они вскоре приходят к согласию.

Те, кто выступает против доктрины, которую мы излагаем, исходят из предположения, что закон должен предписывать отменять все обязательства в соответствии с их наименованием после реформирования стандарта. Я исхожу из предположения, что справедливо, что они должны быть оправданы в соответствии с их внутренней ценностью. В чем же тогда разница между нашими чувствами? Мы придерживаемся того же мнения по главному вопросу: если бы это было правдой, что цены не упали бы на 5 *процентов*. после реформации я был бы последним, кто предложил бы разрешить должникам переходить на новый стандарт оплаты; и я полагаю, что те, кто поддерживает противоположное мнение, были бы столь же не склонны возражать против перехода, исходя из предположения, что девяносто пять фунтов после предполагаемой реформации будут эквивалентны, во всех смыслах, ста нынешним.

В этом споре постоянные контракты приравниваются к продаже.

III. Самые ясные и наилучшие рассуждения, с которыми я встречался по этому вопросу, склонны в некоторых случаях смешивать два вида обращения, которые мы старались тщательно различать, а именно, произвольный, который имеет место при расторжении уже *заключенных* договоров, с добровольным, который имеет место при обычных продажах. В качестве примера этого и как средство согласования мнений, а не с каким-либо намерением прибегать к опровержениям, я приведу здесь отрывок из книги мистера Харриса "О монетах", часть II. стр. 96. и выделю курсивом то, что, по моему мнению, объяснит разницу между нашими чувствами.

“Вы утверждаете (говорит он), что если курс гинеи снизить на один шиллинг, то все гинеи в стране потеряют одну двадцатую часть” (*да, так же часто, как должники могут быть вынуждены отдавать их своим кредиторам за фунты стерлингов*) “но что гинеи вообще не пострадают, если им будет приказано сдавать за двадцать один шиллинг, имея в них серебра не больше, чем в настоящее время в двадцати стандартных шиллингах”. (*нет, конечно; потому что должник выплатил бы свой долг тем же количеством гинеи, которое он занял.*)

"Странно, в самом деле, очень странно, что в слове шиллинг и числе двадцать один заключена такая магия, что одна и та же вещь, только называемая разными именами, вызывает такие разные эффекты! Вряд ли есть необходимость обращать какое-либо дальнейшее внимание на такой простой перебор слов; но из нежности к этим молодым логикам, но больше из уважения к тем, кто может быть ими обманут, если таковые могут быть, я попытаюсь показать, что наш план для них более выгоден, чем их собственный.

“Самоочевидно, что нация не потеряла бы ни фартинга на всем экспортируемом золоте из-за снижения монетной цены на золото: это снижение ни в малейшей степени не ухудшило бы внутреннего качества золота, и каждая гинея, отправленная за границу, впоследствии приносила бы там столько же, сколько и в настоящее время”.

То, что я выделил курсивом, проясняет мнение, которое автор пытается опровергнуть. Он, кажется, очень удивлен, обнаружив магию, скрытую под словами *шиллинг* и *двадцать один*, тогда как во всем астрологическом жаргоне нет слов более магических, чем эти, и в каждом термине, относящемся к номиналам сопутствующих денег. Разве это не волшебство, что то же количество серебра, которое в настоящее время находится в двадцати одном легком шиллинге, будучи отчеканенным в двадцать стандартных шиллингов, должно покрывать долг всего в один фунт стерлингов, и что если бы оно было снова отчеканено в двадцать один шиллинг, это

оправдало бы долг в один фунт один шиллинг? Более того, если бы он был разменен на сто шиллингов, это оправдало бы долг в пять фунтов.

Следовательно, доктрина, с которой автор пытается бороться в этом месте, не так нелепа, как ему казалось; но в этом месте он не обратил внимания на разницу между оплатой того, что кто-то должен, и покупкой товаров в ходе внешней торговли. Позвольте мне проиллюстрировать это на примере.

Я прихожу к своему кредитору с гинеей и говорю: я должен вам двадцать один шиллинг; вот они у вас. Нет, говорит мой кредитор, по новым правилам эта монета стоит всего двадцать долларов; мне нужен еще один шиллинг. Здесь нет никаких рассуждений, номинал монеты должен решаться между нами, а не вес, не внутренняя ценность того, что я позаимствовал. Но я захожу в магазин, чтобы купить шляпу, шляпник просит двадцать шиллингов; я предлагаю ему гинеею и требую вернуть шиллинг; шляпник говорит, что гинеея стоит всего двадцать шиллингов: Очень хорошо, говорю я, если моя золотая монета стоит не более 20 шиллингов, ваша шляпа вчера стоила на шиллинг меньше, и, следовательно, сегодня стоит не более 19 шиллингов.

В последнем примере магия не действует, и на подобные случаи мистер Харрис обратил внимание только в процитированном отрывке; но в первом, магическом слове закона, способно уничтожить половину нации; хотя их разорение не подразумевает вывоза ни шиллинга из королевства, ни какой-либо выгоды иностранцам, если только они не являются кредиторами Великобритании.

Интересы кредиторов всегда являются преобладающими и определяют мнение нации.

IV. Чувства, которые народ Англии обычно формирует по этому поводу, направляются чувствами высших классов. Все они принадлежат к классу кредиторов и вполне естественно придерживаются взглядов, аналогичных их собственным интересам. Я далек от того, чтобы намекать на что-либо здесь в ущерб этому классу; все, что я имею в виду, это то, что по неясному вопросу люди естественным образом склоняются на ту сторону, которая выгодна им самим, особенно когда интересы нации и интересы справедливости явно не выступают против этого.

Я называю высшие классы народа кредиторами, потому что они живут на уже нажитое состояние и получают свой доход от постоянных контрактов; и это должники, которые связаны противоположной стороной таких контрактов. Помимо этих двух интересов, есть еще один, который никогда не может быть во власти какого-либо произвольного регулирования в отношении денег: те, а именно, кто живет своим трудом и кто не заключает никаких договоров, кроме договоров купли-продажи: они регулируют свои цены в соответствии с внутренней стоимостью монеты в данный момент; тогда как другие, которые заключают постоянные контракты, должны регулировать свои в соответствии со словами своего контракта и толкованием, которое закон вкладывает в эти слова. Следовательно, каждый человек, чье состояние уже сколотилось на земле, деньгах или зарплате, заинтересован в повышении уровня жизни, и пострадать от этого могут только те, кто связан с ними постоянными контрактами.

Далее, высшие классы в Великобритании всегда писали законы. Стоит ли тогда удивляться, что новые положения стандарта постоянно учитывают интересы кредиторов? Когда князья произвольно снижают стандарт, они снижают его потому, что в такое время они фактически

относятся к классу должников: тогда их расходы превышают доходы. Напротив, когда войны прекращаются и когда их расходы сокращаются в пределах их доходов, они повышают стандарт, потому что тогда они становятся кредиторами.

Этот принцип является ключом ко всей тайне повышения и понижения числовой ценности французской монеты в прежние времена, до того, как среди них был установлен государственный кредит.

Теперь давайте применим это рассуждение к данному случаю.

Поскольку во всех изменениях на монете мы обнаруживаем (в последнее время) постоянное соблюдение интересов кредиторов в Великобритании, разве не естественно для людей исходить из предположения, что в повышении стандарта нет несправедливости; и разве не естественно предположить, что правительство будет действовать по тем же принципам в своих будущих нормативных актах, что и в прошлый раз в 1695 году? Следовательно, каждый, чье состояние нажито, считает своим интересом вернуть стандарт к тому, каким он был раньше; и он не осознает, какой вред нанесло бы такое регулирование его должникам. С другой стороны, торговцы ясно видят, что если этот стандарт будет восстановлен на основе воображаемого принципа справедливости, цены на товары не упадут так, как они должны были бы упасть, и как того требует внешняя торговля; поэтому они против повышения стандарта, потому что это нанесет ущерб торговле, затруднит экспорт и, следовательно, нанесет ущерб им самим.

Это, я думаю, вполне естественно объясняет разницу во мнениях среди народа Англии по вопросу, представляющему весьма общий интерес, и нет ничего проще, чем примирить все эти интересы, проявив справедливость ко всем и несправедливость ни к кому.

Применение принципов к изменениям, недавно внесенным голландцами в отношении своей монеты.

В качестве иллюстрации к этой теме я приведу недавний пример изменения, внесенного в обращение голландских дукатов этой мудрой нацией, которое, по-видимому, прямо противоречит изложенным здесь принципам и в точности соответствует тем, которые мы пытаемся опровергнуть.

Недавно Генеральные штаты отозвали все легкие дукаты и приказали переводить их на вес в слитках, не делая никаких надбавок тем, кто может от этого пострадать.

Это постановление и новая чеканка дукатов имели непосредственный эффект повышения стоимости этого вида текущих денег; следовательно, можно сказать, что должники, подпадающие под действие этого постановления, понесли пропорциональный ущерб в результате действия одного из самых мудрых правительств в Европе, если признать наши принципы справедливыми. Но прежде чем можно будет сделать такой вывод, необходимо изучить обстоятельства.

Дукаты в Голландии - это *цена*, не мера ценности, не имеющая установленного законом наименования. Текущая серебряная монета - это то, на что обращает внимание государство и все коммерческие интересы: и по мере того, как эта текущая серебряная монета или разновидность банка становится все более легкой, ажиотаж вокруг этой валюты растет. Таким образом, ажио в сочетании с любой валютой представляет собой неизменную меру ценности,

так же как банковские деньги Амстердама; и на это обращает внимание каждый, кто заботится о своих интересах.

Таким образом, государство этой произвольной мерой или внезапной революцией в отношении дукатов не причинило вреда ни одному должнику, потому что должники никогда не были обязаны отдавать дукаты в уплату.

Скажет ли кто-нибудь, что голландская серебряная валюта теперь, когда *agio* высока, имеет такую же ценность во внутренних сделках, как и раньше, когда она была низкой; и разве тот же аргумент не должен быть справедливым в отношении валюты Великобритании, хотя там и не известно такого понятия, как *agio*? Или скажут, что поскольку голландцы, у которых есть неизменная мера стоимости, независимая от их монеты, производят произвольную операцию со своей валютой, которая является только ценой, то поэтому англичане, у которых нет неизменной меры стоимости, независимой от их монеты, могут произвести аналогичную операцию со своей?

Все решения в политических вопросах зависят от обстоятельств.

Таким образом, обстоятельства влияют на наши решения по всем политическим вопросам; и хорошо выведенные принципы не перестают быть верными, хотя и кажутся противоречащими опыту, в случаях, когда не все обстоятельства точно известны. По этой причине я буду очень далек от принятия решения о том, какую роль должно сыграть британское правительство; я не пойду дальше указания на простые принципы; дело государственных деятелей применять их в зависимости от обстоятельств.

ГЛАВА. XIII.

В каком смысле можно сказать, что Стандарт был понижен Законом, и в каком смысле можно сказать, что он постепенно понижался в результате действия политических причин.

Эти пропорции кажутся противоречивыми.

В ходе этого расследования стандарт иногда представлялся как пониженный по закону более тридцати лет назад до 113 гран чистого золота, на котором он остается в настоящее время, а иногда как постепенно снижавшийся в течение этих многих лет.

Эти утверждения верны, хотя и кажутся непоследовательными или, по крайней мере, неточными; и теперь они должны быть выставлены в ясном свете.

У меня не было возможности проследить динамику изменений цен на металлы на английском рынке с начала нынешнего столетия; и чтобы восполнить недостаток точных наблюдений, я выдвинул следующие предположения: 1. Что, хотя гинейам было предоставлено самим определять свою стоимость (поскольку закон регулировал их стоимость ниже, чем они стоили, и они не рассматривались как законные деньги), они, естественно, определялись в соответствии с рыночной долей металлов. 2. Что в то время, когда стандарт был прикреплен к гинейам вместе с серебром, и то и другое стало законными деньгами, стоимость гиней точно изучалась и регулировалась по их точной стоимости.

Обесценивается по закону, когда прикрепляется к золоту.

Исходя из этих обстоятельств, я заключаю, что после такого прикрепления стандарта к обоим видам малейшее изменение в соотношении металлов должно было привести к тому, что *стандарт* (как я могу это назвать) был перенесен на тот металл, который был наименее ценным в монете: и поскольку несомненно, что по крайней мере тридцать лет назад золотая монета равного достоинства была менее ценной, чем серебряная, платежи производились, как правило, золотом, с санкции закона, в то время как серебро переплавлялось или экспортировалось; по этим причинам я часто представлял стандарт как "пока". давным-давно обесценен по закону до стоимости 113 гран чистого золота; и я верю, что не выдвинул ничего, кроме правды.

Влияние, которое изменение пропорции металлов оказывает на переплавку монеты и регулирование платежей.

Отсюда мы можем заключить, что ни один закон не может поддерживать стандарт, привязанный одновременно и к золотой, и к серебряной монете, без постоянного сохранения рыночной доли металлов на уровне номинальной стоимости монет. Рост цен на серебро в течение одной недели на лондонском рынке является причиной переплавки серебряной монеты; и в течение этой недели все платежи будут производиться золотом. Если на следующей неделе цена на золото превысит установленную в монете пропорцию, золотая монета будет переплавлена, а платежи будут производиться серебром.

Платежи, осуществляемые банкирами, регулируют все остальные.

В настоящее время я не рассматриваю малое обращение ни среди знати, ни среди простых людей; но я обращаю внимание на большое обращение среди банкиров, у которых раз в год на руках оказывается вся наличность в стране; и я говорю, что производимые ими платежи должны влиять на платежи всех остальных. Каждый джентльмен расплачивается деньгами, которые дает ему его банкир: если бы банк Англии был заинтересован в оплате серебром, разве оно вскоре не стало бы в изобилии иметь хождение и разве платежи не начали бы производиться им, предпочтительно золотом?

Таким образом, стандарт был обесценен законом, поскольку был привязан к золоту, из металла которого фунт стерлингов в течение последних тридцати лет неизменно стоил 113 гранов в новых гинейх.

Но я также сказал, что стандарт постепенно снижался; следовательно, могут возразить, что если тридцать лет назад фунт стерлингов равнялся 113 гранам золота, если с тех пор он оставался на том уровне и если сегодня он составляет 113 гран золота, то нельзя сказать, что он постепенно снижался. Ответ очевиден, когда мы размышляем о наших принципах.

Из-за роста курса серебра стандарт постепенно падал.

Стандарт, прикрепленный к *золоту*, уменьшался, потому что эти 113 крупинок золота уменьшались в своей ценности по отношению к *серебру*. Когда в 1728 году гиней была установлена на уровне 21 шиллинга, фунт стерлингов, таким образом, был установлен на уровне 113 гран чистого золота, как уже было сказано; следовательно, если этот вес золота тогда стоил 1718,7 грамма чистого серебра, то этот закон не приводил к обесцениванию, но вследствие

этого закона обесценивание должно было произойти в тот момент, когда серебро повысилось в своей стоимости.

Я не уполномочен каким-либо фактом утверждать, что в то время, когда курс гинеи был снижен с 21 шиллинга 6 пенсов до 21 шиллинга, металлы в монете использовались не в точном соотношении, которое они имели тогда на английском рынке. Великий сэр Исаак Ньютон был человеком, с которым консультировались по этому вопросу, и критиковать его решение без прямых доказательств было бы опрометчиво. Все, что я скажу, это то, что во Франции соотношение тогда составляло 1 к 14½, хотя согласно английскому законодательству оно регулировалось как 1 к 15,21.

Предполагается, что в 1728 году соотношение металлов составляло 15,21 к 1.

Поэтому давайте предположим, что в 1728 году металлы находились в соотношении 1 к 15,21; и что 113 гран чистого золота на самом деле стоили 1718,7 грана чистого серебра.

С какой прогрессией серебряный стандарт был обесценен.

Но поскольку серебро подорожало, стандарт по этой причине был переведен на золото и постоянно оставался на уровне 113 гранов (то есть в новых гинеях;), а поскольку соотношение металлов менялось от соотношения 1 к 15,21 до соотношения 1 к 14,5, то теми же ступенями стоимость фунта стерлингов в серебре изменилась с 1718,7 до 1638,5; что составляет 1638,5 к 113, как 14,5 к 1. и если бы соотношение между золотом и серебром постепенно приближалось к китайскому соотношению 1 к 10, стоимость фунта стерлингов в серебре изменилась с 1718,5 до 1638,5. фунт стерлингов по-прежнему оставался бы равным 113 гранам чистого золота, как это было с 1728 года; но серебряная монета была бы либо переплавлена, либо так стерта, чтобы ее фунт стерлингов весил не более 1130 граней чистого серебра, что привело бы к соотношению 10 к 1 вместе с металлами.

Не свидетельствует ли это со всей очевидностью о недостатке привязки стандарта либо к одному, либо к обоим видам?

В качестве дополнительной иллюстрации этого вопроса, который, я думаю, из-за его важности нельзя повторять слишком часто, я покажу в нескольких словах, как сильно заблуждаются люди, когда воображают, что, снизив курс гинеи до 20 шиллингов и перечеканив серебро в соответствии с предложенным планом, стандарт фунта стерлингов будет приближен к стандарту Елизаветы.

Стандарт Елизаветы для фунта стерлингов составлял 1718,7 гран серебра и 157,6 гран золота, оба тонких.

Когда Елизавета установила стандарт фунта стерлингов на уровне 1718,7 грана чистого серебра, соотношение металлов, согласно таблице в "Очерке денег и монет", приведенной выше, составляло 10,905 к 1; следовательно, этот фунт, оплаченный золотом, в 1601 году равнялся 157,6 грану чистого золота.

По золотому стандарту ее фунт стерлингов в настоящее время стоит 2285,3 грана чистого серебра.

Если бы, следовательно, случайно, стандарт был привязан к золоту вместо серебра и если бы серебро с тех пор рассматривалось как товар, фунт стерлингов в настоящее время стоил бы 157,6 грана чистого золота и, следовательно, 2285,3 грана чистого серебра в соотношении 14,5 к 1; тогда как, будучи привязанным к серебру, он поддерживался на уровне старого стандарта 1718,7 г. и, следовательно, стоит не более 118,5 грана чистого золота.

Разнообразие металлов привело к появлению трех разных стандартов Элизабет.

Теперь предположим, что в 1601 году было произведено три различных платежа по фунту стерлингов, которые до сего дня хранились в сундуке, давайте спросим, какова была бы стоимость каждого из них в настоящее время, если бы они были переплавлены и проданы в виде слитков на английском рынке. Я предполагаю, что первый платеж был произведен серебром на сумму 1718,7 грана чистого серебра, что составляет 1858,06 грана стандартного серебра; это было продано по курсу 65 пенсов за унцию, что соответствует нынешней предполагаемой стоимости серебра, по курсу | Одна унция стоит 1 011 фунтов стерлингов^{3/8} нынешней валюты. | золота, при полном весе, составляет 1 011^{3/8} фунтов стерлингов. Я предполагаю, что второй платеж был произведен золотом, Еще один на сумму 1 710^{7/8} фунтов стерлингов | стоимостью 157,6 грана чистого золота, что составляет из стандартного золота 171,9 грана, что по монетной цене золота, то есть 3 17 10^{1/2} фунтов стерлингов за унцию, составляет из нынешних фунтов стерлингов 1 710^{7/8} фунтов стерлингов.

И третья стоит 1 4 5^{1/8} фунтов стерлингов.

Я полагаю, что был произведен третий платеж: половина золотом, половина серебром, что составляет 859,36 грана чистого серебра и 78,8 грана чистого золота, что при приведенных выше пересчетах,

делает серебро	£0 10 5 ^{11/16}
и золота	£0 13 11 ^{7/16}
вместе	£1 4 5 ^{1/8}

Последний является истинным стандартом Елизаветы для фунта стерлингов и стоит в настоящее время 2002 грана чистого серебра и 138 гран золота.

Здесь мы имеем три разных фунта стерлингов, полученных исключительно за счет изменения соотношения металлов, хотя в 1601 году они, должно быть, были абсолютно одинаковыми. Который из трех, следовательно, является стандартом Елизаветы? Разве не очевидно, что он не может быть иным, кроме как в соответствии со стоимостью того фунта, который был выплачен, наполовину золотом, а наполовину серебром? И разве также не ясно, что это точное среднее арифметическое, пропорциональное между золотом и серебром? Если сложить серебряные и золотые фунты, то получится 2 8 10 ^{1/4} фунта стерлингов; половина из которых составляет стоимость того фунта, который был выплачен наполовину золотом, а наполовину серебром, а именно 1 4 5^{1/8} нынешней золотой валюты, если считать стандартное серебро по цене 65 пенсов за унцию, и золото по цене монетного двора. Чтобы точно выразить эту стоимость в золоте и серебре, при сохранении пропорции 1 к 14,5, было бы уместно перевести в фунт стерлингов 2001,9 грана тройской пробы серебра и 138,04 грана пробы золота. Эти количества металлов в точности соответствовали бы величине 1 4 10 ^{1/4} фунта стерлингов, средней пропорции, упомянутой выше.

Итак, вот стандарт Елизаветы: если в нем есть хоть какое-то превосходство над всеми остальными, ему можно отдать предпочтение.

Но может меняться в каждый момент.

Однако следует отметить, что он останется стандартом только до тех пор, пока соотношение 1 к 14,5, на основе которого он был установлен, будет оставаться неизменным для разных металлов; и оно будет изменяться от того места, где оно могло бы быть установлено в настоящее время, таким же образом, как оно изменялось во все времена, начиная с 1601 года, а именно, в соответствии с изменениями, которые произойдут в соотношении металлов. Но в любой период времени и при всех различных вариантах соотношения между золотом и серебром ни одна проблема не решается легче, чем проблема средней пропорции между золотом и серебром, как только становится известно соотношение металлов в данный момент времени; как будет продемонстрировано в следующей главе.

Золото росло на протяжении всего 17 века;

В течение всего семнадцатого столетия стоимость золота росла; или, выражаясь словами французских авторов, *соотношение металлов увеличивалось* с 1 до 10,905 до 1 к 15; а в Испании оно достигло 1 к 16. Таким образом, стандарт, установленный Елизаветой на серебре, затем был прикреплен к тому металлу, который пользовался наименьшим спросом; и кто знает, не сочли ли меркантильные интересы того времени и последующих царствований, что в их интересах привязать его к серебру по той же причине, по которой они теперь хотят, чтобы он был привязан к золоту?

а серебро подорожало с начала этого столетия.

С начала нынешнего столетия цены на металлы изменились, и теперь их *доля уменьшается*; иными словами, стоимость *серебра растет*; следствием этого является то, что меркантильный интерес с радостью установил бы стандарт, равный золоту; потому что в этом случае (поскольку доля металлов в руках уменьшается) стандарт фунта будет постепенно снижаться, и торговцы, таким образом, выиграют, согласно изложенным выше принципам.

Исходя из сказанного, читатель может примирить меня с самим собой, когда я иногда говорил о стандарте фунта стерлингов, который был понижен законом тридцать лет назад до 113 золотых крупинок; и когда, в других случаях, я представлял его как постепенно опустившийся до того уровня, на котором он находится в настоящее время. Если бы я использовал в своих рассуждениях все различия, которые я сейчас объяснил, я бы сбился с пути и запутал свой предмет, вместо того чтобы пролить на него свет. Позже я рассмотрю, как эти обстоятельства могут быть учтены в новом регламенте монетного двора.

При условии, что предмет будет хорошо изучен, будут найдены люди, способные выполнить эту великую операцию в соответствии с правосудием, несмотря на самые запутанные комбинации.

Позвольте мне здесь резюмировать несколько позиций, которые у нас, возможно, сейчас появится возможность применить.

Перепросмотрены некоторые позиции.

I. Стандарт обесценивается из-за того, что законом установлен уровень в 113 гран чистого золота, но не из-за акта его фиксации, а из-за повышения курса серебра с того времени, чему закон не мог помешать: а золото, поскольку в настоящее время наименее востребованный металл, стало стандартом фунта стерлингов и регулирует его стоимость таким образом, что ни одна серебряная монета, превышающая долю золота, не может оставаться в обращении.

II. Что по мере того, как доля металлов будет уменьшаться по сравнению с нынешней, проба по-прежнему будет падать по отношению к серебру, но останется неизменной по отношению к золоту на уровне 113 гранов.

III. Что истинная стоимость фунта стерлингов всегда будет определяться средней пропорцией между 113 гранами чистого золота и 1638,5 гранами чистого серебра.

IV. Что, если разрешить выпуск легких гиней, стандарт упадет ниже 113 гранов, а цена золотых слитков на английском рынке поднимется выше 3 17 10½ фунтов стерлингов.

V. Что при последующем возврате легких гиней будет нанесен ущерб всем тем, кто заключил контракт во время их обмена.

ГЛАВА XIV.

Обстоятельства, на которые следует обратить внимание при новом регулировании обращения британской монеты.

Я думаю, что я в достаточной степени раскрыл все принципы, которые могут повлиять на новое регулирование британского стандарта, поскольку изменение может повлиять либо на стоимость денежной единицы, либо на интересы внутри государства.

Что касается первого, то выше было сказано, что если в соответствии с будущим регулированием будут внесены какие-либо изменения в стоимость денежной единицы в том виде, в каком она существует в настоящее время, принятие любых других мер является делом чисто произвольным.

Принятие стандарта Елизаветы имеет вид справедливости.

Для людей, которые не понимают природы подобных операций, может показаться справедливым поддерживать подразделение на уровне, который обычно считается стандартом королевы Елизаветы, а именно на уровне 1718,5 грана чистого серебра.

Преимущества Марии I.

Установление стандарта как серебра, так и золота на уровне $1\frac{1}{12}$ штрафов, а также на уровне фунта стерлингов до четырех унций стандартного серебра, как это было во времена правления королевы Марии I. также имеет свои преимущества, как заметил мистер Харрис. Из-за этого монета в кроне весит всего одну унцию, в шиллинге - четыре пенни, а в пенни - восемь гран; следовательно, если бы был принят новый закон, согласно которому вес монеты должен регулировать ее обращение в определенных случаях, приведение монет в соответствие с

определенными весовыми долями облегчило бы взвешивание и приучило бы простых людей судить о ценности денег по их весу, а не по марке.

В этом случае было бы удобно чеканить золотые монеты того же веса, что и серебряные, потому что соотношение их стоимости тогда постоянно совпадало бы с соотношением металлов. Золотые кроны стоили бы в настоящее время 3фунта 12ш. 6д. полукроны 1фунт 16ш. 3ш. золотые шиллинги 14ш. и 6ш. и половинки 7ш. и 3ш. В древности такова была практика испанских монетных дворов.

В одном месте я упоминал *тройский* фунт как наилучший вес из всех для фунта стерлингов; и так было бы, если бы фунт стерлингов по своей природе мог быть привязан к любому определенному количеству металлов. Но то, что я там предложил, было использовано только для того, чтобы показать, что выбор любой ценности, отличной от настоящей, не имеет значения, когда должным образом учитываются все интересы внутри компании и когда при внесении изменений удастся избежать путаницы и замешательства.

Преобразования необходимы в каждом конкретном случае.

Интересы внутри государства, я думаю, могут быть не только полностью защищены, но и разрешены преобразования стоимости со старого стандарта на новый, каким бы он ни был, и путем регулирования основы таких преобразований актом парламента, в зависимости от обстоятельств. Цель этой главы состоит в том, чтобы указать на некоторые обстоятельства, на которые следовало бы обратить внимание, и предложить схему установления нового стандарта, который, возможно, сделает преобразования и регламенты менее необходимыми.

Здесь предлагаются схемы не для того, чтобы их приняли, а как средство представить этот важный вопрос в ином свете и тем самым, возможно, дать подсказки какому-нибудь выдающемуся гению, который может составить план, сопряженный с меньшим количеством неудобств, чем любой из тех, что я могу придумать.

Все интересы государства должны быть рассмотрены.

С этой целью я рассмотрю те интересы, которые в первую очередь заслуживают внимания правительства, когда они сформируют правила для будущего расторжения уже заключенных постоянных контрактов. Те, которые впоследствии могут быть заключены, естественно, будут соответствовать новому стандарту.

Выявленный интерес изучен.

Земельный интерес, без сомнения, самый значительный в стране. Поэтому давайте, прежде всего, рассмотрим, какие правила, возможно, было бы уместно установить, чтобы воздать должное этому большому классу в отношении земельного налога, с одной стороны, и в отношении их арендаторов - с другой.

Оценка стоимости земель Англии была произведена много лет назад, и разумно было бы исходить из реальной стоимости фунта стерлингов на тот момент, в соответствии с уже изложенными принципами. Таким образом, общая стоимость всего королевства будет расти в соответствии с этой схемой. Это будет рассматриваться как несправедливость; и, без сомнения,

так и было бы, если бы в будущем налог на землю вводился, как прежде, без учета этого обстоятельства; но поскольку это взимание является ежегодным, поскольку оно возлагается самими землевладельцами, которые составляют парламент, следует предположить, что этот многочисленный класс, по крайней мере, позаботится о своих собственных интересах.

Если бы оценка земель производилась в соответствии с оценкой фунта стерлингов в 1718,7 грана серебра, который обычно считается стандартом Елизаветы, большого ущерба нанесено не было бы: это повысило бы оценку всего на 5 *процентов*. и земельный налог пропорционально.

Во всей Англии нет класса жителей, которые были бы так вольготны и так свободны от налогов, как класс фермеров. Живя в деревне и потребляя плоды земли, не испытывая при этом никакого отчуждения, они избегают воздействия многих акцизов, которые те, кто живет в корпорациях, ощущают на *многих статьях* их потребления, а также на тех, которые непосредственно обременены этими акцизами. По этой причине, возможно, не будет казаться необоснованным, если дополнительные 5 *процентов*. налог на землю был возложен на этот класс, а не на землевладельцев.

Что касается договоров аренды, то можно заметить, что мы исходили из предположения, что фунт стерлингов в 1728 году стоил 1718,7 грана чистого серебра и 113 гран чистого золота.

Я думаю, не было бы несправедливости по отношению к арендаторам всех земель в королевстве, если бы их арендная плата была установлена в средней пропорции к этим ценностям. Мы наблюдали, как с того времени стоимость фунта стерлингов постепенно снижалась из-за постепенного удорожания серебра. Следовательно, эта средняя пропорция будет почти соответствовать тому, какой была стоимость фунта стерлингов семнадцать лет назад, то есть в 1743 году, если предположить, что повышение курса серебра было равномерным; а семнадцать лет, как я полагаю, ненамного превышают среднюю пропорцию времени, затраченного на все договоры аренды, заключенные с земельными интересами Англии.

В пользу землевладельцев можно далее утверждать, что постепенное снижение стандартов было более пагубным для их интересов в сдаче своих земель в аренду, чем для фермеров в распоряжении их плодами. Собственники не могут так легко повысить свою арендную плату при заключении новых договоров аренды, как фермеры могут повысить цены на свое зерно в соответствии с падением стоимости валюты. Мы показали, как торговые операции передают свое влияние на сельские рынки; но поскольку причина повышения цен не совсем понятна сельским жителям и поскольку обычно это приписывается скорее случайности, чем чему-либо постоянному, легко понять, насколько такое обстоятельство должно наносить ущерб земельным интересам. Эти комбинации слишком сложны, чтобы поддаваться какому-либо расчету, и ничто, кроме мудрости и проницательности законодательной власти, не способно оценить их по достоинству.

Фунт стерлингов, который, таким образом, регулируется в средней пропорции к его стоимости в нынешнем виде и в 1728 году, может быть реализован в 1678,6 гран чистого серебра и 115,76 гран чистого золота, что составляет 2,4 *процента*. выше стоимости текущей валюты. Следовательно, арендаторам не было бы нанесено никакого ущерба, и земельный интерес не

получил бы никакой необоснованной выгоды при установлении конверсии всей земельной ренты в размере $2\frac{1}{2}$ процента. выше стоимости текущей валюты.

Без тщательного знания [всех обстоятельств, касающихся Великобритании, невозможно разработать какой-либо план](#). Здесь достаточно кратко указать на принципы, на которых это должно регулироваться.

Рассмотрены интересы государственных кредиторов.

Следующий интерес, который следует учитывать, - это интересы национальных кредиторов. Правильное регулирование их интересов окажет значительное влияние на установление государственного кредита на прочной основе, создав видимость для всего мира, что никакие политические операции с деньгами Великобритании ни в каком отношении не могут принести пользу или нанести ущерб интересам тех, кто ссужает свои деньги, полагаясь на веру нации. Регулирование также интересов столь крупного органа послужит правилом для всех кредиторов, находящихся в одинаковых обстоятельствах, и, с другой стороны, принесет нации больше преимуществ в будущем, как мы сейчас покажем.

В 1749 году были приняты новые правила для государственных кредиторов, когда процентная ставка по всему подлежащему погашению государственному долгу была снижена до 3 процентов. Это обстоятельство бесконечно облегчает дело в отношении этого класса, поскольку благодаря этому нововведению во всех прежних договорах весь государственный долг может рассматриваться как заключенный в момент или после 25 декабря 1749 года.

Если бы государство путем какой-либо произвольной операции с деньгами (которой должна быть любая реформация) уменьшило стоимость фунта стерлингов, в котором парламент в то время обязывал нацию вернуть эти капиталы и проценты с них, разве вся Европа не сказала бы, что британский парламент обманул своих кредиторов. Следовательно, если операция, которую предлагается осуществить, должна иметь противоположную тенденцию, а именно увеличить стоимость фунта стерлингов, которым парламент в то время обязал нацию оправдать эти капиталы и интересы, не должна ли вся Европа также согласиться с тем, что британский парламент обманул нацию?

Это соглашение с прежними кредиторами штата, которые вследствие обесценивания стандарта могли бы справедливо потребовать возмещения ущерба своим капиталам, ссуженным в то время, когда фунт стерлингов соответствовал стоимости тяжелого серебра, устраняет все основания для жалоб с этой стороны. В 1749 году было внесено новшество во все их контракты, и теперь они должны рассматриваться в качестве кредиторов только с 25 декабря того же года.

Теперь я вкратце обрисую регулирование, которое может быть введено не только для национальных кредиторов в настоящее время, но и во все последующие времена, которое, создавая прочную основу для денег, может принести пользу как нации, так и кредиторам и кредиту в целом.

Пусть будет изучена стоимость фунта стерлингов в течение одного года, предшествующего сделке в декабре 1749 года, и одного года после нее. Огромные суммы, взятые в долг и возвращенные нацией за этот период, предоставят данные, достаточные для такого расчета. Пусть эта стоимость фунта будет указана в тройских гранях чистого серебра и в тонких золотых

слитках, без упоминания какого-либо номинала денег в соответствии с точным соотношением металлов на тот момент. И пусть этот фунт будет называться *фунтом национального кредита*.

После определения этой первой операции пусть будет введено в действие, что фунт стерлингов, которым государство должно занимать на будущее и которым должны быть выплачены кредиторам, должен соответствовать точной средней пропорции между указанными выше количествами золота и серебра в соответствии с фактическим соотношением металлов на момент осуществления таких платежей; или что суммы должны быть взяты взаймы или возвращены, половина в золоте и половина в серебре, по соответствующим заявкам кредиторов или государства при заимствовании. Все долги, заключенные после 1749 года, могут подлежать конвертации.

Следствием этого регулирования будет незаметное учреждение банковского счета, полезность которого была объяснена. Ничто не может быть более сложно установить, позитивное ~~заведение~~ учреждение, чем такой неизменной мерой, и не будет установлено, так легко, как дать ему утвердиться в собственной выгоды. Эти банковские деньги будут подвержены гораздо меньшим неудобствам, чем деньги Амстердама. Там лица, совершающие сделки, должны находиться на месте, здесь казначейство может каждый квартал в течение года приводить валюту в фунтах стерлингов к этому неизменному стандарту в интересах всех должников и кредиторов, которые склонны извлекать выгоду из стабильности этой меры стоимости.

Эта схема не несет никаких неудобств из-за изменения металлов, пусть даже они будут очень частыми или их трудно будет определить; потому что в каждом случае, когда возникает малейшее сомнение относительно фактической пропорции, возможность выплаты кредиторам половины серебром и половины золотом будет устранена.

Такое регулирование также будет иметь тот положительный эффект, что оно даст нации более справедливые представления о природе денег и, следовательно, о том влиянии, которое они должны оказывать на цены.

Если окажется, что стоимость фунта стерлингов в декабре 1749 года случайно была ниже, чем в настоящее время; или если в настоящее время (из-за войны и вывоза более тяжелой монеты) валюта окажется ниже того, что обычно было с 1749 года, в порядке справедливости по отношению к кредиторам и для предотвращения всех жалоб нация может предоставить им среднюю долю стоимости фунта стерлингов с 1749 по 1760 год; или любую другую, которая может показаться парламенту разумной.

Это регулирование должно выглядеть справедливым в глазах всей Европы, и самым сильным доказательством этого будет то, что оно не произведет ни малейшего эффекта, наносящего ущерб интересам иностранных кредиторов. Ход обмена в отношении них останется точно таким же, как и прежде.

Голландский, французский или немецкий кредитор получит ту же сумму за свою долю участия в английских акциях, что и ранее. Это должно заставить замолчать все шумы дома, поскольку является самым убедительным доказательством того, что новое регулирование обращения монеты не повлияет на реальную стоимость собственности любого человека, будь он должником или кредитором.

Интересы любой другой категории кредиторов, контракты с которыми заключены с новой датой, могут регулироваться на основе тех же принципов. Но там, где долги имеют давний характер, справедливость требует, чтобы внимание уделялось стоимости денег на момент заключения контракта. Ничто, кроме стабильности английской монеты по сравнению с монетами других наций, не может заставить такое предложение казаться экстраординарным. Ничто так не известно во Франции, как это условие, добавленное к обязательствам, *"Серебро в ходу"*, то есть сумма должна быть возвращена монетой той же внутренней стоимости, что и предоставленная займы. Почему такое положение должно считаться разумным для защиты людей от произвольных операций с числовой стоимостью монеты, а не быть найдено буквально в каждом случае, когда обнаруживается, что числовая стоимость монеты изменилась, пусть причина будет какой угодно.

Интересы торговли рассмотрены.

Следующий интерес, который мы рассмотрим, связан с торговлей: когда мужчины достигают двадцати одного года, у них больше нет необходимости в опекунах. Это может быть применено к трейдерам: они могут парировать своей ручкой любые неудобства, которые могут возникнуть у других людей в результате изменений, связанных с деньгами, при условии, что только законы позволяют им проявлять справедливость в отношении своих обязательств. Этот класс требует не более чем права конвертировать все взаимные обязательства в монеты того же достоинства, что и те, по которым они заключили контракт.

Следующий интерес - это интерес покупателей и продавцов, то есть производителей по отношению к потребителям и слуг по отношению к тем, кто нанимает их для личного обслуживания.

Изучены интересы покупателей и продавцов.

Интересы этого класса требуют самого пристального внимания. Их, буквально говоря, нужно отправить в школу и научить первым принципам их ремесла, то есть купли-продажи. Они должны научиться судить о цене по крупницам серебра и золота, которые они получают. Они дети меркантильной матери, каким бы воинственным ни был нрав отца. Если государство заинтересовано в том, чтобы их тела были здоровыми и активными, то не в меньшей степени государство заинтересовано в том, чтобы их умы были обучены первому принципу профессии, которой они занимаются.

Для этой цели должны быть составлены таблицы перехода от старого стандарта к новому, которые должны быть размещены на каждом рынке, в каждом магазине. Все пошлины, все акцизы должны быть преобразованы одинаковым образом. Везде должно быть обеспечено единообразие. Малейшее отклонение от этого станет камнем преткновения для множества.

Не только интересы отдельных представителей класса, который мы в настоящее время рассматриваем, требуют заботы и внимания государства в этом конкретном вопросе; но процветание торговли и благосостояние нации также глубоко заинтересованы в исполнении.

Вся деликатность сложных торговых комбинаций зависит от справедливого и равномерного колебания цен в соответствии с требованиями обстоятельств. Следовательно, чем больше трудолюбивые классы будут ознакомлены с принципами, влияющими на цены, тем легче будет двигаться машина. Тогда рабочий научится без сожаления снижать свою цену и сможет

повышать ее без жадности. Когда принципы не поняты, цены не могут мягко снижаться, их необходимо снижать; и торговцы не осмеливаются допустить их повышения, опасаясь злоупотреблений, даже если совершенство зарождающегося производства должно требовать этого.

Интерес проверенного банка.

Последний интерес, который я рассмотрю, - это интерес банка Англии, который, естественно, должен регулировать интересы всех остальных.

Если бы эта великая компания последовала примеру других банков и ввела банковские деньги неизменного стандарта в качестве меры погашения всех своих долгов и кредитов, они не были бы подвержены каким-либо неудобствам из-за изменения стандарта.

Я недостаточно разбираюсь в английских делах, чтобы быть в состоянии выявить все причины, по которым эта компания могла пренебречь вещью, которую другие компании сочли такой важной.

Внимание к обстоятельствам времени его учреждения и к другим, связанным с принципами английского правительства в отношении денег, может помочь нам догадаться о том, что другие люди, имеющие доступ к информации, могут обнаружить с уверенностью.

Создание банка Англии было запланировано примерно на 1694 год, в то время, когда денежный оборот страны находился в величайшем беспорядке, а правительство - в величайшем затруднении как с деньгами, так и с кредитом. Торговля в то время находилась на очень низком уровне, и единственным или, по крайней мере, самым прибыльным занятием из всех было обращение монеты и перевозка драгоценных металлов взад и вперед из Голландии в Англию. Торговцы также извлекали большую выгоду из того воздействия, которое полный беспорядок в обращении монеты оказывал на цену товара.

На этом этапе было принято решение о выпуске новой монеты, и в связи с этим была найдена компания, которая за эксклюзивное право владения банком в течение 13 лет охотно предоставила правительству более миллиона фунтов стерлингов под 8 *процентов*. (я полагаю, в легких деньгах) с перспективой выплаты как процентов, так и капитала в больших. Это было еще не все: часть одолженных денег должна была быть использована для учреждения банка, и компании разрешалось выплачивать не менее 4000 фунтов стерлингов в год сверх полных процентов на покрытие расходов по управлению.

При таких обстоятельствах введение банковских денег было бы совершенно излишним и было бы крайне неполитичным. Это изобретение рассчитано на повышение стандарта; но здесь банк воспользовался этим повышением своего качества кредитора по ссужаемым деньгам и позаботился о том, чтобы не заводить должника путем обращения своих бумаг, пока в 1695 году не вступило в силу новое регулирование. Это после общей перечековки всего обрезанного серебра.

С того времени и по настоящее время банк Англии был основой кредита страны и по уважительной причине постоянно находился под самой тесной защитой каждого министра.

Стоимость фунта стерлингов, как мы видели, снижалась с 1601 года, стандарт был привязан к серебру в течение всего этого столетия, в то время как стоимость золота постоянно росла. Как

только соотношение приняло другой оборот и серебро начало дорожать, правительство Англии фактически перевело стандарт на золото, регулируя стоимость гиней в точном соответствии с рыночной конъюнктурой, по наущению банка или нет, я не стану претендовать на определение. Однако благодаря этим операциям компания постоянно получала прибыль (в качестве должника) по всем бумагам, находящимся в обращении; и, следовательно, ничего не потеряла, не учредив денежный банк.

Поскольку интересы этой великой компании основаны на принципах, которые мы попытались объяснить, совершенно очевидно, что правительство Англии никогда не предпримет никаких шагов по реформированию монеты, которые по своим последствиям могут нанести ущерб банку. Такой шаг противоречил бы как справедливости, так и здравому смыслу. Принятие регулирования, которое, повышая стандарт, окажется выгодным для государственных кредиторов в ущерб банку (который я могу назвать государственным должником), было бы операцией с государственным кредитом, подобной операции человека, который изо всех сил старается поддерживать свой дом подпорками со всех сторон и в то же время взрывает его фундамент порохом.

Таким образом, мы можем заключить, что в отношении банка Англии, а также любого другого частного банкира, банкноты, которые постоянно подлежат оплате по первому требованию, должны подлежать конвертации по фактической стоимости фунта стерлингов на момент введения нового регулирования.

То, что банк выиграет от этого, совершенно очевидно; но обращение их банкнот настолько быстрое, что было бы абсурдно предоставлять их тогдашним владельцам компенсацию, которая, естественно, должна быть разделена всеми теми, через чьи руки они прошли, пропорционально падению стандарта за время их соответствующего владения.

Теперь, кратко рассмотрев несколько интересов внутри государства, в соответствии с тем сочетанием обстоятельств, которые, располагая скудной информацией, я могу сформировать для себя, я должен еще раз заметить, что другие обстоятельства, с которыми я незнаком, тем не менее будут оказывать свое воздействие. Они должны быть тщательно изучены и строго соблюдены, прежде чем можно будет установить надлежащее регулирование.

Мои рассуждения полностью основывались на предположении, что реформирование стандарта подразумевает изменение внутренней стоимости соответствующей денежной единицы и что к каждому должна быть применена строгая справедливость, чтобы это изменение не принесло пользы или вреда никому, кроме тех, кто несправедливо выиграл или проиграл из-за прежнего беспорядка в монете.

Неудобства, сопутствующие всем нововведениям.

Нет качества в государственном деятеле более любезного и достойного восхищения, чем справедливость и беспристрастность в каждом шаге, которые могут затронуть сложные интересы народа, которым он управляет. Однако природа человеческого общества такова, что неудобства, возникающие в результате любого нововведения, часто более чем перевешивают все преимущества, которые получаются от пристального внимания к материальной справедливости и распределению в таких случаях. По этой причине следует по возможности избегать нововведений, особенно когда по своей природе они должны быть внезапными.

Аргумент в пользу сохранения стандарта по текущему значению.

Если бы фунт стерлингов сохранил свою нынешнюю стоимость, это, без сомнения, было бы простой фальсификацией прежнего стандарта, и все же я не знаю, было бы ли это более непопулярной мерой, чем другая, которая могла бы восстановить его и в то же время воздать должное всем интересам в государстве; потому что я понимаю, что наибольший ущерб, нанесенный большинству людей в отношении их денежных интересов, заключается в изменении. Каждый *чувствует* внезапную перемену, но только те, кто размышляет и комбинирует, *ощущают* последствия постепенной перемены.

Что каждое изменение должно нанести ущерб либо банку, либо государственным кредиторам.

Помимо этих соображений, общих для всех государств, у правительства Великобритании есть еще одно, присущее только ей. Интересы банка и кредиторов диаметрально противоположны: все, что повышает стандарты, вредит банку, все, что может его понизить, вредит кредиторам: и от правильного управления тем и другим зависит надежность государственного кредита. По этим причинам я склонен полагать, что без самой определенной перспективы восстановления стандарта в интересах общества, а также одобрения нации ни один министр никогда не предпримет столь опасную операцию.

Более простой метод внесения изменений в стандарт.

Теперь я предложу средство, которое может устранить по крайней мере некоторые неудобства, возникшие бы в результате такого масштабного мероприятия, как регулирование соответствующих интересов в Великобритании позитивным законом при изменении стоимости их вкладов.

Предположим тогда, что до внесения каких-либо изменений в монету правительству следует заключить сделку с государственными кредиторами и установить постоянную стоимость фунта стерлингов на будущее, определенную в определенной пропорции чистых металлов в обычных слитках, без какого-либо отношения к деньгам, сопровождению или какой-либо другой монете вообще.

После выполнения этого предварительного шага пусть о предполагаемом изменении стандарта будет объявлено за определенное время до его начала. Пусть будет четко объяснен характер изменения, и пусть все те, кто вовлечен в контракты, которые могут быть расторгнуты по желанию сторон на оговоренных предварительных условиях, будут оправданы сторонами или изменены по их усмотрению с удостоверением, что после определенного дня условия, ранее включенные в них, будут обязательными в соответствии с номиналами денег, используемых в новом стандарте.

Что касается постоянных договоров, которые не могут быть одновременно исполнены и расторгнуты, таких как договоры аренды, парламент может либо предписать методы и условия преобразования; либо сторонам может быть предоставлена свобода аннулировать договор в случае отказа должника выполнять свое соглашение в соответствии с новым стандартом. Контракты, с другой стороны, могли бы оставаться стабильными по отношению к кредиторам, которые были бы удовлетворены платежами, произведенными на основе старого стандарта. Если предполагаемый рост не должен быть очень значительным, то за таким регулированием не может последовать большой несправедливости.

Аннуитеты теперь досконально изучены, и их ценность доведена до такого точного расчета, что нет ничего проще, чем регулировать их исходя из стоимости, уплаченной за них, или из предмета, на который они влияют. Если в соответствии с регламентом земельная рента повышается в номинале, то взимаемая с нее рента должна увеличиваться пропорционально; если по внутренней стоимости, то рента должна оставаться такой, какой она была.

ГЛАВА XV.

Правила, на которые Принципы настоящего Исследования указывают как на целесообразность введения нового Закона о регулировании британской монеты.

Давайте теперь рассмотрим, какие правила, возможно, было бы уместно установить с помощью нового закона относительно монеты Великобритании, чтобы всегда сохранять одну и ту же точную стоимость фунта стерлингов, выраженную в золоте и серебре, несмотря на всю присущую металлам неспособность выполнять функции неизменной шкалы или меры стоимости.

1. Положение, касающееся стандарта.

Я не буду претендовать на определение точного стандарта, который правительство может предпочесть в качестве наилучшего для определения стоимости фунта стерлингов во все будущие времена; но пусть будет как будет, первый пункт - определить точное количество гран чистого золота и чистого серебра, которые должны составлять его, в соответствии с тогдашним соотношением металлов на лондонском рынке.

2. Что касается веса.

2. Чтобы определить соотношение этих металлов в фунте тройском и с учетом того, что стандарты золота и серебра различны, пусть монетная цена обоих металлов регулируется в соответствии со штрафом в фунт тройский.

3. Цена на монетный двор.

3. Установить цену на монетном дворе в определенных пределах: то есть предоставить королю и Совету путем провозглашения поднять цену на монетном дворе на слитки до стоимости монеты, как это предусмотрено настоящим регламентом, или снизить ее до *процентов*. ниже этой цены, в зависимости от того, насколько правительство склонится к введению пошлины на чеканку монет.

4. Деноминации.

4. Приказать чеканить серебряную и золотую монету такого достоинства, какое король сочтет нужным назначить; при этом пропорция металлов, определенная выше, должна постоянно соблюдаться при каждом наименовании монеты, пока необходимость не сделает неизбежной новую общую чеканку.

5. Обозначьте вес монеты.

5. Указать количество гранул тонкого металла в каждой монете на изображении или в легенде монеты вместо некоторых начальных букв названий, которые не может расшифровать ни один человек из тысячи; и сделать монету как можно более компактной, уменьшив ее поверхность настолько, насколько это соответствует красоте.

6. Свобода устанавливать оплату золотом или серебром.

6. Что для всех договаривающихся сторон будет законно устанавливать свои платежи либо в золотой, либо в серебряной монете, либо оставлять выбор вида за одной из сторон.

7. Кредиторы могут потребовать выплаты половины золотом и половины серебром.

7. Там, где не предусмотрено никаких особых условий, кредиторы имеют право требовать выплаты половины в одном виде, половины в другом; и когда сумма не может быть разделена поровну на золотые и серебряные монеты, доли должны быть выплачены серебром.

8. Правила продажи.

8. Что при покупке и продаже, когда не был оговорен конкретный вид и когда не было предпринято никаких действий в письменной форме, право выбора вида принадлежит покупателю.

9. То же самое касается платежей в банки и из них и т.д.

9. Все суммы, выплаченные или полученные королевскими распорядителями или банкирами, должны быть доставлены по весу, если потребуется.

10. При выплате все монеты должны иметь полный вес.

10. Что все деньги, которые будут найдены под законным весом, по какой бы причине они ни были получены, могут быть отклонены при любом платеже; или, если они будут предложены в уплату долга, превышающего определенную сумму, могут быть взяты в соответствии с их весом, по действовавшей на тот момент монетной цене, по выбору кредитора.

11. Свобода переплавлять и экспортировать монеты, но смерть обрезать или отмыть.

11. Что те, кто переплавляет или вывозит национальную монету, не должны понести никакого наказания; но что мытье, обрезка или уменьшение веса любой ее части считается уголовным преступлением, как и любая другая кража, если лицо, таким образом обесценившее монету, впоследствии выпустит ее в обращение за законные деньги.

Для предотвращения неудобств, связанных с различиями в соотношении металлов, может быть предусмотрено,

12. Правило изменения монетной цены металлов.

12. Что при каждом изменении пропорции рыночной цены металлов цена обоих металлов должна изменяться в соответствии со следующим правилом.

Пусть цена фунта тройской пробы чистого золота в монете называется G .

Пусть цена то же самое в серебре будет называться S .

Пусть новая пропорция между рыночной ценой металлов будет называться P .

Затем сформулируйте эту формулу:

$G/2P + S/2 = \kappa$ фунту тройскому чистого серебра в фунтах стерлингов.

$S/2 \times P + G/2 = \kappa$ фунту тройскому чистого золота в фунтах стерлингов.

Это будет правилом для монетного двора - постоянно поддерживать цену металлов на уровне рыночной; и чеканка монет может быть введена, как было описано, путем установления их монетной цены по определенному курсу ниже стоимости чистых металлов в монете.

13. Когда следует изменять цену монетного двора.

13. До тех пор, пока изменение рыночной цены металлов не приведет к росту цены металла настолько, чтобы авансированная цена монеты была выше цены слитка, нет необходимости вносить изменения в номинал ни того, ни другого вида.

14. Правило изменения номинала монет.

14. Как только изменение рыночной цены металлов придаст ценность растущему виду, превышающую разницу между монетой и слитками; тогда король должен изменить номинал всей монеты, серебряной и золотой, добавив к монетам из растущего металла именно то, что взято из монет другого. Это станет ясно на примере.

Предположим, что чеканка монет производилась в соотношении 14,5 к 1; что 20 шиллингов, или 4 кроны, должны содержать в чистом серебре в 14,5 раз больше крупинок, чем гиней, или золотой фунт, должны содержать крупинки чистого золота. Пусть предполагается, что новое соотношение металлов равно 14 к 1. В этом случае 20 шиллингов, или 4 кроны, будут стоить на $\frac{1}{29}$ больше, чем гиней. Теперь, поскольку нет вопроса о выпуске новой обычной монеты при каждом изменении, чтобы скорректировать долю металлов в весе монет, эта пропорция должна быть скорректирована путем изменения их соответствующих номиналов в соответствии с этой формулой.

Пусть 20 шиллингов, или 4 кроны, в монете, будут называться S . Пусть гиней будет называться G . Пусть разница между старой пропорцией и новой, которая составляет $\frac{1}{29}$, будет называться P . Затем скажите: в

$S - P/2 =$ фунт стерлингов, а $G + P/2 =$ фунт стерлингов.

Из этого следует, что все серебряные монеты должны быть подняты до их номинала $\frac{1}{58}$, а все золотые монеты должны быть опущены до их номинала $\frac{1}{58}$; и все же $S + G$, как и прежде, будут равны двум фунтам стерлингов, независимо от того, считаются ли они по старому или по новому номиналу.

Но можно заметить, что введение чеканки, делающей стоимость монеты большей, чем стоимость слитков, дает определенную свободу действий при установлении новых номиналов монеты, чтобы избежать мелких дробей. Для обеспечения того, чтобы отклонение от точной пропорции соответствовало предварительной цене монеты, переплавка одного вида предпочтительно в другой не давала никаких преимуществ; поскольку в любом случае потери, понесенные при переплавке монеты, должны быть больше прибыли, полученной при продаже

слитков. Монетная цена металлов, однако, может быть точно установлена, то есть в пределах стоимости фартинга за фунт чистого серебра или золота. Это легко подсчитать на монетном дворе, хотя на каждой монете, находящейся в обычном обращении, было бы неудобно указывать доли в фартингах.

15 Как должны выполняться контракты после изменения номиналов.

15. Что, несмотря на временные изменения, внесенные в номинал золотых и серебряных монет, все контракты, заключенные ранее, и все условия в фунтах, шиллингах и пенсах, могут по-прежнему исполняться в соответствии со старыми номиналами монет с выплатой половины золотом и половины серебром; за исключением случая, когда был оговорен особый вид; в этом случае суммы должны выплачиваться в соответствии с новым регламентом, принятым в отношении номинала этого вида, с тем, чтобы ни одна из сторон не получила ни прибыли, ни убытка. или убытки могут возникнуть для какой-либо из сторон. .

16. Вес нескольких монет никогда не должен меняться, за исключением общей перечековки по крайней мере одного номинала.

16. Что, несмотря на изменения в чеканной цене металлов и в номинале монет, вес отдельных единиц последних не должен изменяться, за исключением случаев общей перечековки по крайней мере одного номинала: иными словами, монетный двор не должен чеканить новые гинеи, кроны и т.д., отличающиеся по весу от тех, которые уже имеются в обращении, хотя таким образом можно избежать дробей. Это вызвало бы путаницу, и средство перестало бы приносить какую-либо пользу при новом изменении соотношения металлов. Но может оказаться удобным для удаления мелких долей в шиллингах и шестипенсовиках пересчитать все эти номиналы вместе и привести их к целым числам, равным двенадцати и шести пенсам, ни в каком отношении не изменяя их соотношения стоимости ко всем другим номиналам монеты: это не составит больших затрат, когда основная часть серебряной монеты будет разлита на монеты по 5 шиллингов.

Как это позволит сохранить неизменной стоимость фунта стерлингов в любое время и как можно избежать дробей в номиналах монет.

При таком способе изменения номинала монеты никогда не может произойти какого-либо изменения стоимости фунта стерлингов; и хотя время от времени могут вводиться дроби стоимости, чтобы предотвратить злоупотребления, которым в противном случае подверглась бы монета, из-за хитрости тех, кто ее переплавляет, все же неудобств, связанных с такими дробями, можно избежать при оплате в соответствии со старыми номиналами обоих видов равными частями. Это также наглядно докажет, что таким образом не произойдет никаких изменений в истинной стоимости национальной денежной единицы.

17. Мелкие монеты должны быть в обращении только в течение двадцати лет, а монеты покрупнее - в течение сорока и более лет.

17. Приказать, чтобы шиллинги и шестипенсовики были в обращении только в течение двадцати лет, а все остальные монеты, как золотые, так и серебряные, - в течение сорока и более лет. Чтобы установить, на какой срок, на оборотной стороне монеты может быть отмечен последний год обращения вместо даты их изготовления. По истечении этого срока или сокрытии даты у них не должно быть больше никакой валюты; и когда они будут предложены в

качестве оплаты, они могут быть получены в слитках по фактической цене монетного двора или отклонены по выбору кредитора.

18. Все иностранные монеты выдавать только за слитки.

18. Ни одна иностранная монета не должна иметь *законной* валюты, за исключением слитков по цене монетного двора.

Этими или подобными правилами может быть предотвращено, *1mo*, переплавка или экспорт монеты в целом. *2do*, переплавка или экспорт одного вида с целью продажи его в виде слитков по завышенной цене. |*3tio*, Прибыль от погашения обязательств предпочтительно в одном виде перед другим. *4to*, ухудшение качества монеты из-за износа монеты или изменения соотношения между металлами. *5mo*, тираж монеты ниже разрешенного веса. *6mo* Прибыль, которую получают другие страны, выплачивая свои долги Великобритании дешевле, чем Великобритания может выплатить им свои.

И большое преимущество этого состоит в том, что это единый план, который может служить постоянным регулированием, совместимым со всеми видами номиналов монет, вариациями в соотношении металлов и с введением пошлины на чеканку монет; или с сохранением ее бесплатной; и далее, что со временем она может быть принята другими нациями, которые найдут преимущество в том, что их денежные знаки будут постоянно храниться по одной и той же стоимости по отношению к номиналам всех иностранных денежных знаков, установленным на тех же принципах.

ТАБЛИЦА МОНЕТ,

С указанием количества мелкого металла, содержащегося в них.

Количество гранул чистого металла в каждой монете указывается в правилах монетного двора страны, где она отчеканена, и выражается в гранулах, используемых на этом монетном дворе: из этого веса оно пересчитывается на гранулы других стран в соответствии со следующими пропорциями:

Предполагается, что 3840 троянских зерен, 4676,35 парижских зерен, 5192,8 голландских тузов или зерен и 4649,06 колония-зерен имеют одинаковый вес; и монеты в таблице пересчитаны в соответствии с этими пропорциями.

Таблица монет, измельченных до крупинок тонкого металла, в соответствии с весами Трои, Парижа, Колонии и Голландии.

	Золотые монеты.			
	Трой.	Париж.	Колония.	Голландия.
Английские монеты.				
1 Гинея по закону	—	144,46	143,65	160,45
2 Крона по закону	—	—	—	—
3 Шиллинг по закону	—	-	-	-

-	4 Серебря ный фунт стерлинг ов по закону 1601 г.			
5 Золотой фунт стерлингов по закону 1728 г.	113.	137,61	136,8	152,8
6 А Серебряный фунт стерлингов в валюте = $\frac{20}{65}$ либ. Трой	—	—	—	—
7 Серебряный фунт, стерл. при соотношении золота к серебру от 1 до $14\frac{1}{2}$	113.	137,61	136,8	152,8
8 Золотой фунт стерлингов при том же соотношении от 1 до $14\frac{1}{2}$	118,4	144,18	143,34	160,11
9 Фунт стерлингов при среднем соотношении золота и серебра	115,769	140,98	140,16	156,55
10 Шиллинговый ток = $\frac{1}{65}$ фунта троя	—	—	—	—
—	11 Гиней серебром , или 21 шиллинг стандарт ного веса	—	—	—
—	12 Гиней в соотнош ении 1 к $14\frac{1}{2}$, стоимост ью в серебре	—	—	-
-	13 Фунт трои, или 12 унций английск ого веса	5760.	7019,2	6973,5
7789,2			Французс кие монеты.	
.	.....			
	.....			
	.....			
	.....			

1 Золотой луидор	113,27	137,94	137,13	153,17
2 Крона в шесть ливров	—	—	—	—
3 То же самое в три короны	—	—	—	4 ливра
—	—	—	—	5 Золотой луидор, или 24 ливра серебром
-	-	-	-	—
6 Марка парижского веса из чистого золота или серебра	3783,87	4608.	4581,1	5116,9
7 Марка эффективного веса золотой монеты, в мелкой	3398,3	4138,5	4114,3	4593,4
8 Марка эффективного веса серебряной монеты, в мелкой	-	-	-	-
-	-	-	-	-
Немецкие монеты.				
1 Официальный вес Каролина	115,45	140,6	139,78	156,12
2 Дукат Империи, то же самое	52,8	64,37	64.	71,48
3 Условный флорин	—	—	—	—
4 Доллара Условности	—	-	-	-
5 Обменный доллар, Каролин = 9 флор. 42 крейцера	17,85	21,74	21,615	24,14
6 Флоринов = $\frac{1}{11}$ каролина	10,54	12,84	12,77	14,26
7 Каролин в серебре в пропорции 1 к 14½	—	—	-	-
-	-	-	-	-
-Голландские монеты.				
1 Нидерландский Дукат	51.76	63.	62.67	70.
2 Флорина серебром	—	—	—	—
	серебрян ых монет.			
	Троя.	Париж.	Колония.	Голланди я.
Английские монеты.				
1 подопытного по закону	—	—	—	—
2 корону по уставу	429.68	523.2	520.2	581.

3 Шиллинг законом	85.935	104.65	104.	116.2
4 Серебряный фунт стерлингов законом 1601	1718.7	2093.	2080.8	2324.1
5 Золотой фунт стерлингов законом 1728	—	—	—	—
6 Серебряный фунт стерлингов в валюта = $\frac{20}{65}$ Либ. троя	1639,38	1996,4	1984,7	2216.
7 Фунт серебра стерл. при соотношении золота к серебру от 1 до 14½	1638,5	1995,3	1983,7	2215,7
8 Золотой фунт стерлингов при том же соотношении от 1 до 14½	1718,7	2093.	2080,8	2324,1
9 Фунт стерлингов при среднем соотношении золота и серебра	1078,6	2041,2	2032,2	2269,9
10 Шиллинг по току = $\frac{1}{65}$ фунта тройского	81,961	99,8	99.	110,82
11 Гинея серебром, или 21 шиллинг стандартного веса	1804,6	2197,6	2184,8	2440,3
12 Гинея в соотношении 1 к 14½, стоимостью в серебре	1720,4	2095,1	2082,8	2326,4
13 Фунт—тройка, или 12 унций английского веса	—	—	-	-
-	-	-	-	-
Французские монеты.				
1 Луи-д-Ор	—	—	—	—
2 венец из шести ливров	409.94	499.22	496.3	554.3
3 короной из трех Дитто	204.97	249.61	248.15	277.1
4 а ливр	68.34	83.23	82.74	92.42
5 Луи-д-Ор, или 24 ливров серебром	1639.7	1996.9	1985.2	2217.4
6 Марка Парижа вес чистого золота или серебра	3783.87	4608.	4581.1	5116.9
7 Марка золотой монеты эффективной массе, в порядке	—	—	—	—
8 Марка серебряная монета эффективная масса, в порядке	3402.3	4143.4	4119.2	4600.9
Немецкие монеты.				
1 Официальный вес Каролина	—	—	—	—
2 Дуката Империи то же самое	—	—	-	-
3 Условный флорин	179,73	218,87	217,6	243.
4 Условный доллар	269,59	328,31	326,4	364,5
5 Обменный доллар, Каролин = 9 флор. 42 крейцера	—	—	—	—

6 флоринов тока = $\frac{1}{11}$ из Каролина	—	—	—	—
7 Каролин в серебре в пропорции 1 к 14½	1674.	2038.6	2026.8	2263.8
Голландские монеты.				
1 нидерландский Дукат	—	—	—	—
2 Флорина серебром	148.	180.3	179.2	200.21

[Желательно, чтобы эта ТАБЛИЦА находилась в переплете в конце тома I.

и не обрезать Край, а загнуть его.]

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

Примечание переписчика

Начиная со стр. # 362, приводится перечисленный план, состоящий вкратце из четырех частей (1), (2), (3) и (4). Указанные разделы впоследствии появляются, непоследовательно, как '1' (возможно, "I"), 'II', '3tio' и "4to". Они были сохранены, приняв букву "I" для обозначения первого раздела.

Большая таблица, помещенная между страницами 638 и 639, согласно примечанию в квадратных скобках, включенному в текст, должна была быть помещена в конце тома I. Это желание было исполнено. Сама таблица была переработана для лучшего отображения в этой среде.

В оглавлении ошибочно подразумевается, что два раздела ('Спорный вопрос не понят' и следующий за ним раздел) приведены на стр. 606. Они появляются страницей позже, на стр. [607](#). Это было исправлено.

Орфография, как правило, не 'исправляется', учитывая возраст текста, за исключением случаев явного преобладания альтернативного, более стандартного написания. 'Знание' встречается трижды как 'knowlege', но более двадцати раз с буквой "d". Глаголы, оканчивающиеся на -er ("вводить", "оказывать"), часто пишутся без "e", когда используются в других временах, таких как "entred", "rendring" и т.д.

Диакритические знаки в неанглийских языках часто отсутствуют и не добавлялись.

На стр. 388 замечание в скобках, начинающееся словами "(бросив часть богатства ...", не закрыто, и не очевидно, где автор намеревался его закрыть. Читателю остается закрыть его.

Ошибки, которые, скорее всего, были допущены принтером, исправлены и отмечены здесь. Ссылки даны на страницу и строку в оригинале. Наряду с резолюциями следует отметить следующие вопросы.

Страница 569 была ошибочно указана как страница 561, что никак не повлияло на эту версию.

ix.12	Специалистов по запчастям и ноу-хау	вставлена.
xvii.4	вставлено совершенное знание множества фактов	.
22.24	заменен весь depend [a / e] nce	.
78,4	в семь раз больше, чем 201[,]887	Вставлено.
137.17	нет разницы в том, что такое [t / r] e	Заменено.
296.20	, чтобы ее можно было подписывать[l]	.
301,5	после путешествия по [eh / the] регионам,	скорее всего.
307.7	о том, что пользователь <i>luxury</i>	удален.
331,6	утечка национального богатства	Вставлена.
368,30	продается как мебель для дома	<i>так в оригинале</i>
506,7	и учетные записи, заблокированные с обеих сторон	Удалены.
518.26	приведет меня к запросу, который я	повторно вставил.
592.11	, обладающий ядом	Удалена.
624.31	Вставлена без тщательного изучения[d]ge	.
635,2	или снизить ее <i>допроцента</i> . ниже этой цены	Нет.